

**К 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.С. ПУШКИНА**

„АРЗАМАС“

СБОРНИК
В ДВУХ КНИГАХ

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1994

„АРЗАМАС“

—
КНИГА
ПЕРВАЯ

МЕМОУАРНЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
НАКАНУНЕ
„АРЗАМАСА“
АРЗАМАССКИЕ
ДОКУМЕНТЫ

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1994

ББК 84 (2Рос=Рус)1
А 80

Книга издана при финансовой поддержке
Международного Фонда «Культурная инициатива»

Под общей редакцией
В. Э. Вацуро и А. Л. Осовата

Вступительная статья
В. Э. Вацуро

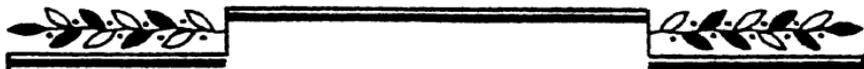
Составление, подготовка текста и комментарии
*В. Э. Вацуро, А. А. Ильина-Томича, Л. Н. Киселевой,
К. А. Кумпан, В. А. Мильчиной, А. Л. Осовата, О. А. Проскурина*

Оформление художника
Д. Б. Шимилиса

А $\frac{4702010106-061}{028(01)-94}$ 1-1993

ISBN 5-280-00487-1 (Кн. 1) © Издательство «Художественная литература», 1994 г.
ISBN 5-280-00488-X

lib.pushkinskijdom.ru

В ПРЕДВЕРИИ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Русская литература XIX века знает немного литературных объединений, которые по своей исторической значительности были бы сопоставимы с «Арзамасским обществом безвестных людей», в обиходе обычно — не совсем точно — обозначаемым как «Арзамас»*.

«Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства, — писал Вяземский в поздних воспоминаниях, — и на этом важном наблюдении во многом эждется современное понимание «Арзамаса». — Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане». Нравственное братство скрепляло «ядро», «сердцевину» общества, того, как любил говорить Жуковский, великого «вместе», которое было пронесено сквозь все превратности исторических и индивидуальных судеб. Общность социальная и литературная (при всех возможных и иногда довольно острых разногласиях), общность, складывавшаяся постепенно, незримо существовала и тогда, когда «братья» были географически удалены друг от друга.

«Мы все разбросаны, — писал Вяземский А. Тургеневу в июле 1826 года, — держимся только одною внутреннею верою, темными преданиями и каким-то чужестранством, чужезычием в толпе, которая нас только что терпит»**. Здесь все сказано и прочувствовано очень точно; если перевести наблюдения Вяземского на язык социальной психологии, окажется, что он говорит о «единстве социального мира» — о «культурной области, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эф-

* Об «Арзамасе» см. основные работы: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929 (статья «Архаисты и Пушкин»); Арзамас и арзамасские протоколы. Вводная статья, редакция протоколов и примечания к ним М. С. Боровковой-Майковой, предисловие Д. Благого. Л., 1933; Гиллельсон М. И. 1) П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969; 2) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; 3) От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

** Остафьевский архив, т. 3. СПб., 1899, с. 144.

фективных коммуникаций» *. Область этих «аффективных коммуникаций» включала в себя близость общественных, эстетических, литературных ориентаций, принадлежность к единой возрастной и культурной генерации, общих учителей и литературных противников; наконец, дружеские или, точнее, профессионально-дружеские связи. История этой культурной общности, собственно говоря, и есть история «арзамасского братства», включавшего Батюшкова, Жуковского, Вяземского, А. Тургенева, Д. Давыдова, молодого Пушкина.

Общество «Арзамас» было эпизодом этой истории, — но эпизодом примечательным и закономерным, — который имеет свою особую историю — ближнюю и дальнюю.

Истоки «Арзамаса» уходят в последние десятилетия XVIII века, эпоху формирования дружеских литературных кружков и время эстетических размежеваний, дальние отзвуки которых еще слышались в полемических столкновениях 1810-х годов. Когда вернувшийся из европейского путешествия Карамзин начал свою бурную писательскую и журналистскую деятельность, отклики на нее — как положительные, так и отрицательные — были во многом реакцией уже сложившихся кружков. Так, московский кружок Н. П. Николева ответил на выход «Моих безделок» эпиграммой Н. М. Шатрова на «немецкого русака», — и в эпиграммах и сатирах «арзамасцев» мы изредка встречаем имена Шатрова и Николева как символические обозначения «староверов». С 1790-х годов глухую и упорную борьбу против Карамзина вел П. И. Голенищев-Кутузов, будущий враг арзамасцев. Литературная борьба начала приобретать явственный общественный оттенок с выходом «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803) А. С. Шишкова; в это время и начинается группировка литературных сил в двух противостоящих лагерях — Шишкова и Карамзина. Здесь нет возможности и необходимости рассказывать подробно об этом этапе полемики, который еще застало старшее поколение будущих арзамасцев. Шишков обвинял Карамзина и его сторонников в разрыве с национальной языковой и шире — духовной — традицией, в ориентации на Европу, которая рисовалась ему как источник развращающих философских идей и жизненных принципов. Несколько позднее, в пылу спора, он выскажется совершенно определенно: его противники — носители духа революционной Франции: религиозного скептицизма, нравственного релятивизма, просветительского рационализма, угрожающего патриархальным основаниям, на которых зиждется национальная традиция. Именно этот принципиальный антагонизм просматривался за яростными нападениями Шишкова на язык Карамзина и его последователей и за его стремлением доказать тождество русского и церковнославянского языков, которым изменили новоявленные космополиты и «петиметры» в литературе. Но «война

* Ш и б у т а н и Т. Социальная психология. М., 1969, с. 111.

идей» еще не развернулась в эти годы в полной мере и идет подспудно: только П. И. Макаров, представитель старшего поколения «карамзинистов», выступил как серьезный противник Шишкова. Даже появление «Нового Стерна» (1805), где молодой А. А. Шаховской создает не лишнюю остроты карикатуру на «сентиментальных путешественников», не становится сигналом к всеобщей полемике. Сам Карамзин, последовательный сторонник позитивной, «научающей» критики, принципиальный враг полемических столкновений, не отвечает ни на какие нападки.

1800-е годы — время собирания сил, формирования партий, установления и пересмотра литературных репутаций.

Вокруг Карамзина и его «Вестника Европы» собираются молодые литературные силы. В большинстве своем — это выпускники Московского университетского благородного пансиона — А. Ф. Воейков, Александр Тургенев, сын старшего друга и наставника Карамзина И. П. Тургенева, В. А. Жуковский, Д. В. Дашков... Воейков, Жуковский, Тургенев были участниками пансионского Дружеского литературного общества. Естественным учителем становится Карамзин для совсем юного Вяземского, прямого его воспитанника, сводного брата его второй жены; давние — еще с середины 1790-х годов — узы связывают его и с ровесником по годам и учеником по литературе Василием Львовичем Пушкиным.

Идет самоопределение новой общественно-литературной генерации. Она отделяла себя не только от «шишковистов»; ее критицизм распространяется и на старшее поколение сторонников Карамзина, которое она отвергала как адептов ложной чувствительности. Под сатирическое перо Вяземского попадает князь П. И. Шаликов. Предметом иронии младших «арзамасцев» станет и прямой их соратник — В. Л. Пушкин.

При всем безусловном уважении к Карамзину они отказываются быть и его эпигонами и далеко не все приемлют в его позиции и взглядах. Не разделяют они и принцип неучастия в полемике. В этом отношении они ближе к И. И. Дмитриеву — полемисту, сатирику. Ближайший друг Карамзина, Дмитриев был вовсе не похож на него в своих литературных отношениях. Полемика была его стихией; человек партии, не чуждый интриге, он побуждает молодежь к отпору литературным противникам; он думает о журнале с участием А. Тургенева и Жуковского, а пока что поражает неприятелей язвительной эпиграммой, пародией, тонко завуалированным памфлетом. Из этой сатирической литературы далеко не все попадает в печать; наряду с письменным активизируется устный пласт пародийного и эпиграмматического творчества, достигающий иной раз подлинного мастерства.

Этот этап борьбы «карамзинистов» и «шишковистов» исследован мало, — между тем в нем определились первоначальные контуры поле-

мической позиции будущего «Арзамаса». Дело прежде всего шло о литературных репутациях. Выход в свет итогового собрания «Сочинений и переводов» (1803—1805) И. И. Дмитриева, уже заканчивавшего свой литературный путь, неожиданно вызвал критическое оживление: раздался голоса, требовавшие критической переоценки, казалось бы, прочно сложившейся шкалы литературных ценностей. Полемика, захватившая московские (а затем и петербургские) журналы: «Вестник Европы», «Друг просвещения», «Московский зритель», «Северный вестник», была преддверием вскоре широко развернувшихся битв.

Репутации на русском Парнасе утверждались и колебались. Недруги Дмитриева, пытавшиеся сбросить его с пьедестала, оказались сброшенными сами. Возникла контрастная памфлетная тема «рифмача и поэта», а вместе с нею — грандиозная сатирическая маска великого графомана, создателя феерических нелепиц. Граф Дмитрий Иванович Хвостов, один из издателей «Друга просвещения», вступивший в состязание с Дмитриевым, давал своим творчеством реальные поводы для памфлета, но фигура его приобрела стилизованные, обобщенные и почти символические формы. Принадлежность Хвостова к «шишковской партии» открывала пути к памфлетной генерализации: Хвостов становился как бы ее эмблемой. Поляризация литературных сил приводит к своеобразному литературному противостоянию двух столиц. Москва была средоточием «карамзинизма»; оплотом «архаиков» был Петербург, официальная столица империи, где находилась и Российская Академия, созданная в 1783 году по образцу Французской Академии. Она состояла почти исключительно из сторонников Шишкова, которым давала видимость литературного авторитета, — говорим «видимость» потому, что состав ее никак не отражал подлинной иерархии литературных ценностей. Карамзин стал членом Академии только в 1820 году; даже Крылов, будущий член «Беседы», был забаллотирован на выборах в 1809 году тринадцатью голосами против двух. Молодой С. П. Жихарев, приехав в Петербург, с неподдельным удивлением смотрел на петербургских «бессмертных», литературные заслуги которых были совершенно ему неизвестны; несколько позже А. Ф. Воейков даст в «Доме сумасшедших» и весьма выразительный портрет «непременного секретаря» Академии П. И. Соколова: «Ничего не сочиняет, // Ничего не издает, // Три оклада получает // И столовые берет».

Российская Академия в начале века практически не участвовала в литературной жизни, которая все более приобретала кружковый характер. «Беседа любителей русского слова» также началась как кружок, собиравшийся на вечерах в доме Державина в 1807—1810 годах с участием Шишкова, Крылова, Голенищцева-Кутузова, Д. И. и А. С. Хвостовых, Ширинского-Шихматова — всех тех, кто станет затем во главе официального общества.

В «Видении на берегах Леты» (1809) К. Н. Батюшкова — одном из первых значительных сатирических произведений, непосредственно подготовивших «Арзамас», — отразился этот этап литературных размежеваний.

Батюшков связан в эти годы с двумя петербургскими обществами: с неофициальным кружком А. Н. Оленина и с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, образовавшимся в 1801 году. Борьба — то скрытая, то выходящая на поверхность — захватывает оба общества, где под одной крышей собираются будущие «арзамасцы» и «беседчики». Из недр оленинского кружка выходят трагедии Озерова — классические трагедии, написанные рукой драматурга, прошедшего школу сентиментально-элегической чувствительности, трагедии, близкие молодым карамзинистам и неприемлемые, например, для Державина и Шишкова. Неслыханный успех «Дмитрия Донского» (1807) погубил Озерова: он не выдержал провала своей новой трагедии «Поликсена» и сошел с ума. Вину за его безумие и раннюю смерть возлагали на Шаховского — будущего «беседчика», некогда приятеля Озерова по дому Олениных. Шаховской не чуждался театральные интриги и не слишком сочувствовал ни славе Озерова, ни его направлению, — но он не был прямой причиной трагедии, разыгравшейся уже в жизни, а не на театральных подмостках. «Поликсену» умертвила смута, возникшая при крушении кружка Оленина 1800-х годов» *.

Судьба Озерова дала, однако, дополнительный повод для рождения злой сатирической маски «завистника», устранившего конкурентов с литературной авансцены.

«Видение на берегах Леты» пишется почти одновременно с этими событиями. Батюшков еще не знаком с Карамзиным и относится к нему настороженно, как, впрочем, и весь дом Оленина, — тем не менее он явно принимает его сторону. Противников Карамзина он топчет в Лете; о нем самом не упоминает, а в ответ на вопрос Гнедича замечает: «Карамзина топить не смею, ибо его почитаю» **.

Сатирическая панорама современной литературы в «Видении» получила необыкновенную популярность. И сюжет, и символика памфлета, и пародийные фрагменты, имитирующие архаический стиль Мерзлякова или Боброва, и сатирические маски, данные иногда одним характерным штрихом, потом многократно варьировались в литературе. Едва ли не самым плодотворным открытием Батюшкова-сатирика была маска «славенофила», воспитанного на «Письмовнике» Курганова, на прологах и Четьих-Минеях, наследника школярского педантизма Тредиаковского. Ей противопоставлен

* Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. М., 1977, с. 34.

** Батюшков К. Н. Собр. соч., т. III. СПб., 1885, с. 61.

Крылов — истинный поэт, беззаботный гений, наделенный даром артистического, спонтанного творчества*.

Крылов был доволен, Державин взбешен.

Батюшков же все более сближается с молодыми последователями Карамзина. В Москве он входит в дружеский кружок Жуковского, Вяземского, В. Л. Пушкина, Воейкова, Д. Давыдова; в посланиях, которыми обменивались члены кружка, постоянны упоминания о дружеских пирушках, совершенно реальных, но обретших символические формы греческого симпозия, «пира мудрецов», интеллектуальной беседы. Батюшкову было суждено положить начало целой серии подобных посланий; «Мои пенаты» (1811—1812), адресованные Жуковскому и Вяземскому, в истории будущего «Арзамаса» сыграли такую же роль, как и «Видение на берегах Леты»: они открыли целую жанровую традицию. Они стали и манифестом дружеской связи, скрепившей кружок литературных единомышленников.

Создавался «Арзамас» до «Арзамаса»; точнее — «Арзамас» накануне «Арзамаса».

В 1810—1811 годах уже почти сформировавшийся «Арзамас» выступил на авансцену в полемике с почти сформировавшейся «Беседой».

Застрельщиком в новой фазе литературной войны был Шишков, опубликовавший свой «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика» (1809) — своего рода дополнение к «Рассуждению о старом и новом слоге...».

Лагарп указывал на преимущество древних языков перед современным французским; переводчик воспользовался его анализом, чтобы подкрепить авторитетом Лагарпа свои суждения о превосходстве русского языка, показав его близость к языкам древним; в примечаниях же (ради которых, собственно, и делался перевод) Шишков еще раз подверг критике тех новых русских писателей, которые ориентировались на французскую языковую традицию, пренебрегая собственными национальными истоками (при этом он делал довольно прозрачный намек на В. Л. Пушкина). Шишков призывал обратиться к церковнославянским книгам и черпать из них лексический материал для создания новых слов и терминов. Вторая статья, переведенная им, — о тропах — была попыткой применить эти идеи на практике и найти русские эквиваленты для обозначения поэтических фигур.

Повторялась ситуация 1803 года, когда вышло в свет «Рассуждение о старом и новом слоге...».

Разница была в том, что шесть лет назад противоборствовали все

* Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975, с. 172 и след.

же индивидуальные критики. Сейчас две группы стояли друг против друга и война должна была, раз начавшись, разгораться все далее*.

С ответом Шишкову выступил двадцатидвухлетний Д. В. Дашков, некогда питомец Московского благородного пансиона, товарищ Жуковского и Блудова. На страницах «Цветника» — органа Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — он подверг лингвистические построения Шишкова корректной по форме, но совершенно уничтожающей критике. Он оспорил прежде всего основание концепции Шишкова — утверждение тождества русского и церковнославянского языков. Нормативизму Шишкова Дашков противопоставил понимание языка как исторически развивающегося явления, со своими внутренними законами, один из которых — непрерывное обновление и обогащение. При этом он ссылался на поэтическую практику Ломоносова и Державина, в которой церковнославянский лексический пласт присутствовал лишь как стилистическое средство. Не меньшее значение, однако, имел проделанный им стилистический разбор собственных переводов Шишкова: целью его было показать искусственность, расплывчатость и неточность, а стало быть, и непригодность созданных им терминов; Дашков не без яда отмечал и галлицизмы в шишковских переводах, и несовершенное знание им французского и — что еще важнее — русского языка, в котором Шишков не улавливал тонких семантических оттенков. Вся теория автора «Рассуждения...» предстала под пером Дашкова как чисто умозрительная, противоречащая практике лучших писателей, внутренне противоречивая и дилетантская в своих основаниях.

Одновременно с Дашковым в «Цветнике» выступил и В. Л. Пушкин. Его послание «К В. А. Жуковскому» (1810) носило также программный характер. Заключительные строки послания: «Слов много затвердить не есть еще уметь, // Нам нужны не слова, нам нужно просвещение» — стали крылатым речением. Просвещение для Пушкина — ориентированность писателя в европейской культуре, что ничуть не противоречит ни патриотизму, ни знанию своего языка. В небольшом послании Пушкин сумел сформулировать и основные положения литературной программы карамзинизма: писатель должен руководствоваться просвещенным вкусом, который ныне испытал «час великих перемен» — с появлением Карамзина и Дмитриева.

Шишков отвечал со страниц «Сочинений и переводов» — периодического издания Российской Академии. Сдержанность изменила ему: он оставил тон академически бесстрастного поиска истины и прямо раскрыл идеологическую подоплеку лингвистического спора. Речь шла о путях национального культурного развития, — и здесь программа Шишкова была ярко консервативной. Он боролся не против

* См. об этом: Мордоченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 77—98.

Дашкова, самое имя которого было ему неизвестно, — и даже не столько против Карамзина, сколько против либеральной европеизации, которой были отмечены первые годы александровского царствования. Непризнание «духовных книг» как образца для современной словесности было для него частным случаем общего развращения нравов, посеянного французской философией, политикой и социологией, попыткой порвать с патриархальными, национальными основами нравственности и веры. Шишков повторял, таким образом, на расширенной основе те обвинения, которые когда-то адресовались Карамзину. В 1811 году они звучали не менее зловеще: отношения с наполеоновской Францией близились к военному конфликту, в обществе нарастали антифранцузские настроения, а вместе с ними — и подозрительность правительства. В это же время, в 1810—1811 годах, П. И. Голенищев-Кутузов, старинный неприятель Карамзина, направляет министру просвещения А. К. Разумовскому несколько доносов, рассчитанных на политическое уничтожение противника. Шишков не имел к ним никакого отношения, — но они были крайним выражением его же позиции. Впрочем, и сам он не удержался от политической дискредитации противников: так, В. Л. Пушкину он посвятил специальный пассаж, описав его как недоучку, заимствовавшего благонаравие и знания из «Кандида» и парижских переулков.

Ответ на обвинения становился жизненно необходимым.

В 1811 году выходят брошюра Дашкова «О легчайшем способе отвечать на критики» и также отдельным изданием — «Два послания» В. Л. Пушкина, где к известному уже нам посланию к Жуковскому было присоединено послание «К Д. В. Дашкову». Книги были связаны между собой общностью цели и даже прямыми перекличками в тексте. И Дашков, и Пушкин отвечали прежде всего на памфлетные выпады, и оба перестали щадить литературный авторитет противника. Дашков прямо заявил, что источник «порчи языка», на которую сетовал Шишков, именно в нежелании его адептов изучать признанные литературные образцы, как свои, так и чужестранные; что благодаря этому они отстали от естественного движения культуры и развития языка. Он вновь вернулся к филологическим штудиям Шишкова, уже не просто оспаривая, но и осмеивая примитивность его этимологий и толкований, и возвращал ему его же собственное суждение о невеждах, мнящих себя квинтилианами. Он спрашивал, каковы права Шишкова на монополию по части патриотизма и чистоты религиозных правил. Эти риторические вопросы получили вновь афористическое выражение в послании Пушкина: «Невежда может ли отечество любить?» и «Безбожник и ханжа равно порочны оба».

К полемически направленному, гротескному портрету «славенофила» прибавились теперь новые черты: воинствующее невежество и религиозное ханжество. Понятие «раскола» (в словесности), употребленное Дашковым и Пушкиным, предстанет как материализованная

метафора: образ «раскольника», ревнителя старых обычаев, врага европейского просвещения, фанатического приверженца догматической «веры» займет важное место в памфлетном творчестве «арзамасцев».

Вся эта полемика разворачивается уже тогда, когда наполовину частные чтения в доме Державина получили организационное оформление. 21 февраля 1811 года состоялось первое заседание вновь образованной «Беседы любителей русского слова» *.

«Беседа» сразу же приобрела ритуализованный и подчеркнuto официальный характер.

Она имела институт попечителей, почетных членов, куда входили церковные иерархи, министры, чиновные и титулованные особы и наиболее заметные литераторы (в частности, И. И. Дмитриев, Карамзин и Озеров). Действительные члены и члены-сотрудники распределялись по четырем «должностным разрядам», во главе с председателями: Державиным, А. С. Хвостовым, Шишковым и И. С. Захаровым, который позднее был заменен И. М. Муравьевым-Апостолом. Заседания происходили публично, в торжественной обстановке; велся протокол — «денник», «дневник», скрепляемый подписями членов и секретаря разряда. Порядок чтений был строго регламентирован. То, что читалось на открытых заседаниях (иногда самим автором, иногда чтецом — Соколовым), печаталось в книжках «Чтений» «Беседы». Весь ритуал заседаний должен был подчеркивать литературную авторитетность общества, — которой оно не обладало.

Участниками «Беседы», помимо Шишкова, были Крылов и Державин, творческие силы которого явно ослабевали. Помимо них, старшее поколение было представлено А. С. Хвостовым и Д. П. Горчаковым, острыми сатириками, однако почти не печатавшимися в те годы, и Д. И. Хвостовым, с его установившейся репутацией графомана. Несколько писателей с несомненным дарованием принадлежали к младшим членам общества: драматург князь А. А. Шаховской, лирики и эпика С. А. Ширинский-Шихматов и А. П. Бунина. Этим списком почти исчерпывались сколько-нибудь значительные литературные силы.

Противники называли своими учителями Карамзина и Дмитриева. И тот и другой стояли вне литературных групп и, как сказано, даже были (формально) почетными членами «Беседы». На них не нападали прямо, что было бы и затруднительно: Державин ценял их

* См. Д е с н и ц к и й В. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958, с. 104.

и в 1804—1806 годах недвусмысленно принял сторону Дмитриева против Хвостова и Голенищева-Кутузова.

Борьба шла между «Беседой» и группой молодых приверженцев Карамзина: Дашковым, Батюшковым, Жуковским, Вяземским, Воейковым, Блудовым,— между литературой отживающей и нарождающейся, которой принадлежало будущее.

Когда-то сущность этого противостояния определялась как конфликт между «классиками» и «романтиками». Неточность такого разделения почувствовал Ю. Н. Тынянов, предложивший иную классификацию: «архаисты» и «новаторы». Но и эта формула требует уточнений и пояснений.

За языковым «архаизмом» «беседчиков», как мы видели, скрывался общественный консерватизм, отвергавший европейский путь социального развития. Новая генерация «карамзинистов», порождение либеральных веяний начала XIX века, утверждала именно этот путь. Она боролась не против национальных начал, но против национальной замкнутости, не против веры, но против клерикализма; она открывала дорогу либерально-просветительским европейским идеям,— в том числе и тем, которые несли на себе отблеск идеологии Французской революции. На заседаниях «Арзамаса» будет фигурировать в качестве символа красный якобинский колпак; он будет обозначать принципы «свободы, равенства, братства»,— не столько политические, сколько духовные.

Но и поиски политической свободы, и решительное неприятие крепостнических отношений, и помощь жертвам социального насилия в сознании Вяземского и Жуковского станут ассоциироваться с «арзамасским духом». Не только М. Ф. Орлов, но и будущий реакционер С. С. Уваров в 1810-е годы будут принадлежать к партии «либералистов».

Что же касается литературной платформы «Арзамаса» и «Беседы», то здесь дело обстояло сложнее.

В эстетике «беседистов» были черты, свойственные общеевропейскому романтическому движению.

Философская насыщенность иррациональных космических образов, усложненная метафоричность языка, масонская символика, аллегории, эсхатологические идеи, питавшиеся «Ночами» Юнга,— все эти ярко преромантические черты были свойственны поэзии С. С. Боброва, высоко ценимого «Беседой»,— и они же, эти черты, оказывались неприемлемыми для рационалистической «арзамасской» критики.

Национализм «беседчиков» был сродни романтическому национализму, сыгравшему столь важную роль в становлении романтической эстетики в целом. С ним был связан поворот к фольклору и национальному средневековью, в котором искали полноты выражения народного духа. И даже реакция на французский классицизм как на вненациональную, неорганическую эстетику, нивелирующую черты

индивидуальности народов, была свойственна английскому и французскому романтизму.

Всему этому молодые карамзинисты противопоставили «вкус», основной критерий просветительской эстетики, о котором говорили классики — Лагарп и Буало.

И самый антиклерикализм, отрицавший патриархальную «веру», основанную на традиции, не поверяемую логикой, был наследован ими от французских философов-вольнодумцев, действовавших, не в последнюю очередь от Вольтера.

Вольтер — любимый поэт Вяземского и молодого Пушкина.

Создается впечатление, что «классиками» были как раз члены «арзамасского братства», а «беседисты» — «романтиками». И это трудно было бы оспорить, если бы «романтизм» «Беседы» не был лишен одного из основных качеств романтического сознания — именно историзма.

Вся теория Шишкова и литературная практика его адептов была проникнута духом нормативности; она была порождением метафизического сознания. Рационалист же Дашков, предпочитавший Вольтера Шекспиру, положил в основу своей критики представление об исторической изменчивости языковых и литературных норм. Через несколько лет он будет переводить Гердера, поднявшего знамя преромантического историзма. Естественным венцом его станут переводы Дашкова из греческой антологии, которую Гердер впервые осмыслил как шедевр национального искусства.

Почти одновременно с Дашковым к греческой антологии обратятся С. С. Уваров и К. Н. Батюшков, — и книга их выйдет под знаком «Арзамаса».

Была некая закономерность в том, что все эти люди объединились вокруг Карамзина, уже писавшего свою «Историю государства Российского».

Романтическими тенденциями прорастает сентиментализм Жуковского, открывший пути развития преромантической и позднее романтической поэзии. Что же касается «Беседы», то уже при самом возникновении она несла в себе начала распада, лишь внешне завуалированные торжественностью заседаний.

Самое общество было внутренне неустойчивым: в нем не было единства. И Державин, и Крылов, — более того, даже Хвостов относились к теории Шишкова скептически. Крылов говорил, что к критике его стоит прислушаться, но следовать советам Шишкова не должно, и уподоблял его человеку, который, предупреждая против нелуженой судобы, советует лудить ее суриком*. Хвостов указывал

* И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 180.

на «истинные достоинства» Карамзина-писателя и требовал приема его в Российскую Академию*.

Самое же молодое поколение членов и сотрудников включало только что не явных противников «Беседы» — как М. В. Милонов — и будущих «рenegатов» типа Жихарева.

В Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств консолидировались оппозиционные силы, в 1810 году получившие пополнение в лице Греча, Милонова, Дашкова. К началу деятельности «Беседы» противоборствующая группа была уже весьма многочисленна; помимо названных, в ней были В. Л. Пушкин, Блудов, Северин, Батюшков, — наконец, сам Измайлов, соиздатель «Цветника», где печатались критики Дашкова. В 1809 году в «Цветнике» помещает свою статью молодой П. А. Вяземский. Когда стала разрастаться полемика вокруг «Перевода двух статей...», из среды «Вольного общества» выходит жесточайший памфлет на Шишкова — басня Измайлова «Шут в парике» (1811), где критические нападки Дашкова переведены на язык карикатуры и гротеска. В конце 1811 года В. Л. Пушкин сообщает Вяземскому, что «Беседа» числит Общество среди своих противников**, — и с этим свидетельством вполне согласуются воспоминания Греча о начавшихся раздорах, поведших к прекращению нового издания Общества — журнала «Санкт-Петербургский вестник», где Д. В. Дашков успел, впрочем, напечатать важную статью о значении журнальной критики («Нечто о журналах», 1812). И тот же Дашков оказывается виновником скандала, едва не приведшего к кризису общества и имевшего серьезное значение в предыстории «Арзамаса». В 1812 году, по случаю избрания Д. И. Хвостова, он произносит приветственную речь, где каждое слово было саркастической двусмысленностью. Речь была сочтена оскорбительной; Дашков вынужден был покинуть Общество. Однако полемический прием был найден, — и он органически вошел затем в критический арсенал «Арзамаса». По типу иронической похвалы будут затем строиться арзамасские речи «халдеям Беседы». Эта речь впитала в себя вместе с тем и опыт полемик недавнего прошлого, — и И. И. Дмитриев, журивший Дашкова за бестактность, едва ли не был его косвенным учителем: подобная же похвала-сатира Хвостову (а еще ранее — Голенищеву-Кутузову) была напечатана в 1806 году Шаликовым в «Московском зрителе», несомненно под влиянием Дмитриева***.

Полемике прерывает вторжение в Россию армий Наполеона.

В 1812 году, казалось, наступил звездный час «Беседы»; сама

* Литературный архив, I. М.—Л., 1938, с. 381.

** Гиллельсон М. И. Н. А. Вяземский, с. 20.

*** Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг просвещения» и «Московский зритель»). Русская литература XVIII века и ее международные связи (XVIII век. Сборник 10). Л., 1975, с. 105.

история словно подтверждала и справедливость ее антифранцузских инвектив, и соответствие ее программ патриотическому одушевлению, охватившему все общество. Шишков, накануне выступивший с программным «Рассуждением о любви к отечеству» (1811), получает пост государственного секретаря; из-под пера его выходят официальные манифесты. Но культура делала свой выбор, определяя магистральные пути движения литературы. Самое значительное патриотическое произведение 1812 года было создано не «беседчиками», а их противниками. Это был «Певец во стане русских воинов» Жуковского — торжественный гимн, проникнутый интимно-личностным началом, совершенно противоположенным традиции жанра. Он получил всеобщее признание; на его фоне громоздкий аллегорический «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» (1812) стареющего Державина выглядел прямым провалом.

«Беседа» проигрывала бой на своей земле.

Тем не менее она продолжала существовать и возобновила заседания еще до окончания войны, в 1813 году, и тогда же вновь стали выходить ее прервавшиеся было «Чтения».

Необходимость объединить силы ощущалась всеми противниками «Беседы». В октябре 1813 года Вяземский пишет А. Тургеневу: «Посмотри на членов Беседы: как лошади, все в одной конюшне (...). По чести, мне завидно, на них глядя (...). Когда заживем и мы побратски: «и душа в душу, и рука в руку?»*.

Достаточно было незначительного повода, чтобы произошло формальное соединение «арзамасских братьев». Таким поводом стала постановка комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815).

А. А. Шаховской был единственным значительным сатириком-полемистом «Беседы», который систематически вел борьбу с карамзинистами, начиная еще с «Нового Стерна». Едва ли не основным его противником был В. Л. Пушкин; литературная тяжба шла годами. В «Опасном соседе» (1811), своей знаменитой бесцензурной поэме, Пушкин сумел весьма чувствительно уязвить Шаховского, представив его «Нового Стерна» любимым чтением обитательниц публичного дома; саркастический комментарий «Прямой талант везде защитников найдет» стал широко известной эпиграмматической характеристикой Шаховского. Со своей стороны Шаховской пародировал пушкинское послание к Дашкову во второй песни иронико-комической поэмы «Расхищенные шубы», которая печаталась в «Чтениях» «Беседы» в 1811—1812 и 1815 годах; в первой редакции этой песни (до нас не дошедшей) были выпады также против Карамзина и Блудова, о чем

* Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, с. 62.

Батюшков с возмущением писал Вяземскому в феврале 1813 года *. К осени 1814 года литературная напряженность достигает некоей критической точки. Объяснить ее мы до конца не можем. Не исключено, что какие-то полемические резкости содержались в допечатных редакциях песен «Расхищенных шуб» или в утраченной ее последней песни, вовсе не попавшей в печать. Как бы то ни было, именно в это время к имени Шаховского и Шишкова в карамзинских кругах прочно прикрепляются эпитеты «зоилов» и «завистников».

Тема «зависти», губящей дарования, возникает в послании В. Л. Пушкина «К князю П. А. Вяземскому» (1814, опубл. в 1815), где упомянуто о судьбе Озерова, в это время уже безумного: «Завистников, невежд он учинился жертвой». Традиционная тема попадает в фокус внимания. Она прикрепляется к имени Шаховского. Пушкин не указывал на него прямо, но за пределами стихотворения уже создавалась «арзамасская легенда» обобщающего смысла, но с конкретным памфлетным адресом.

Вяземский подхватывает тему борьбы невежд и «зоилов» с истинными талантами. «Демон зависти — их мрачный Аполлон» («Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину», 1814, опубл. в 1815). Цикл этой поэтической переписки завершается тремя посланиями Жуковского. В первом из них адресат памфлета почти прояснен: погубитель Озерова — завистник в личине друга. Шаховской становился узнаваемым.

Он нанес ответный удар, прочитав всю эту переписку в журнале «Российский музей» (1815). 23 сентября 1815 года в Петербурге состоялась премьера его «Липецких вод», где был выведен «баллажник Фиалкин», читающий слезливо-сентиментальные стихи, пародирующие «Ахилла» Жуковского и задевающие Уварова.

Полемическая буря, поднявшаяся после этого выпада, оставила далеко позади предшествующие столкновения. Поклонники Шаховского венчали его лавровым венком (разумеется, неофициально). Противники обрушили на него десятки эпиграмм; по рукам ходили сочиненная Дашковым кантата на чествование (переписанная Александром Пушкиным в свой лицейский дневник) и «Поэтический венок Шутовского» П. А. Вяземского.

Дашков и Вяземский выступили и в печати. Статья Дашкова называлась «Письмо к новейшему Аристофану». В ней получила закрепление памфлетная легенда о завистнике — губителе дарований.

Она же легла в основу и третьей прозаической сатиры, не появившейся в печати, — «Видения в какой-то оgrade» Д. Н. Блудова, написанной по образцу сатиры Морелле «Предисловие к комедии о философах, или Видение Шарля Палиссо» (1760).

* О полемической позиции Шаховского см. во вступительной статье и примеч. А. А. Гозенпуда в кн.: Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961, с. 33—41, 767, 773—776.

«Общество друзей литературы, забытых Фортуноку» и живущих в Арзамасе, вдали от столиц, случайно становится свидетелем сомнамбулических откровений незнакомца, наделенного шаржированными внешними чертами Шаховского. В форме библейского иносказания незнакомец повествует о пророческом видении; старец (в котором легко угадывается Шишков) повелевает ему поднять свою упавшую репутацию при помощи пасквиля на превосходящих его соперников, утолив таким образом грызущую его зависть и сознание собственной неполноценности.

Сатира Блудова и критика Дашкова во многом предопределили форму «арзамасской речи», их поэтику и лексику, вплоть до самого названия «Арзамасское общество безвестных людей».

Такое название принял уже известный нам дружеский кружок, собравшийся 14 октября 1815 года в кабинете Уварова. Присутствовали Жуковский, Блудов, Дашков, Александр Тургенев, Жихарев и Уваров. Начинался новый — организационно-полемический — период в истории «арзамасского братства».

«Арзамас» возник в обстановке полемики и был ориентирован на полемику, причем на полемику именно с «Беседой» (я во вторую очередь — с Академией Российской). Он был организован — вплоть до мелочей — как травестированная «Беседа» (и отчасти — Академия). Официальное столичное общество избранных особ пародийно преобразилось в провинциальное (хотя бы по названию) общество «безвестных людей»; публичный характер и строго определенное место заседаний — в сугубо частную встречу, причем специальным постановлением разрешено было «признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо» — «чертог, хижина, колесница, салазки». Все эти простейшие случаи травестирования складывались в сложную систему в «арзамасских речах».

Самый порядок произнесения речи и предписанные ей формы принадлежали к числу лучших изобретений арзамасских пародистов. Французская Академия (члены которой именовались «бессмертными») установила ритуал похвальной речи умершему предшественнику, которую произносил вновь избранный член. В «Арзамасе» пародийно воспроизводится эта традиция, — но она травестируется при помощи целой цепи словесно-семантических каламбуров: так как члены «Арзамаса» бессмертны, они не могут умереть и освободить место; поэтому вновь вступающему предлагается брать «напрокат» из «Беседы» «живого покойника». Так обосновывается принцип иронической похвалы, уже знакомый нам по речи Дашкова.

Каламбуру вообще принадлежит важное место в «арзамасском языке». Некоторые каламбурные оксюморонные сочетания преврати-

лись в стереотипы. «Ты в «Шубах» Шутовской холодный, // В «Водах» ты Шутовской сухой». «Водяным слогом он творит сухие воды» (Вяземский). Вариации этих и подобных формул мы постоянно встречаем и в речах, и в эпиграммах, — в особенности Вяземского. «Арзамасские» письма Вяземского очень часто строятся как цепочка каламбурных обыгрываний слова; нечто подобное есть и в письмах А. С. Пушкина, обращенных к Вяземскому. За всем этим стоит традиция французского острословия, литературы подчеркнуто «общественной», «светской», вольнодумной и свободоязычной. Она ведет нас к культуре салона или тесного кружка единомышленников, обладавших искусством остроумной и интеллектуальной беседы. Таким искусством славился, в частности, Блудов, — оставивший после себя целый сборник тонких и изящных рассуждений и афоризмов, — и вовсе не случайно его сатира, восходящая к сатирам энциклопедистов, оказалась первым непосредственно «арзамасским» произведением.

С этой особенностью языка арзамасских речей тесно связана и другая — их подчеркнутая литературность, цитатность в широком смысле слова. Они рассчитаны на искушенных слушателей, улавливающих и непосредственные цитатные вкрапления из самых разнообразных авторов, русских и французских, и ориентированность всей речи на какой-то текст, который она варьирует или пародирует. Это речи просвещенных людей, противостоящие «безграмотности» членов «Беседы» и Академии.

Окрашенные игровым и пародийным началом, эти особенности определяют собой особый «арзамасский язык», — язык кружка с ограниченным, а потому понятным для посвященных, набором тем, сюжетов и объектов речи; язык иронических перифрастических иносказаний и аллегорий, в комически-сниженном виде воспроизводящих «темноту» и торжественную важность «высокого стиля». Он сродни «ирои-комическим» принципам рассказа. Он широко пользуется аллегорическими атрибутами «славенщизны», заимствуя их из культовых текстов, стилизованного древнерусского быта и масонского ритуала. Прямой пародией масонской обрядности был знаменитый прием в общество Василия Львовича Пушкина. Во всем этом, как и в «якобинской» красной шапке председателя, был несомненный элемент либертинажа, просветительского вольнодумства, — важно, однако, заметить, что предметом осмеяния является не Библия и не древнерусский быт сами по себе, а неуместность и бессмысленность сочетания их с общественным бытом современности.

Несочетаемость, неуместность — понятия, диаметрально противоположные «вкусу» — центральной и всеобъемлющей эстетической категории для «арзамасцев». Вкус А. С. Пушкин очень точно определял как чувство «соразмерности и сообразности» *. Несоразмерность,

* П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XI. М.—Л., 1949, с. 52.

несообразность, дисгармония — это «анти-вкус», обозначаемый в арзамасском обиходе словом «галиматья» *.

Вовсе не случайно, что своего рода классиком пародийной арзамасской «галиматии» был Жуковский, всю жизнь последовательно проводивший принцип точности слова. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на его стихотворные послания-разборы, обращенные к Вяземскому и В. Л. Пушкину, где грамматическая критика доходит иногда до педантизма. И Жуковский же произносит речь в похвалу Хвостову, притчи которого (в особенности в редакции 1802 г.) давали непревзойденные примеры произвольной «галиматии». Блестящие пародии Вяземского на эти притчи были «настойной книгой» «Арзамаса». Хвостова читали единственно для отыскания «галиматии»; стихи типа «в болоте родился великий Ломоносов» вызывали восторг «арзамасцев». По этому типу алогизма, создаваемого непредусмотренным, побочным смыслом метафоры или метонимии, Жуковский писал свои пародии:

Зубы грешнику порвем,
Осрамим хребет строптивый,
Зад во утро избием,
Нам обиды сотворивый...

(«К Воейкову», 1815).

Подобно тому как «вкус», гармония были организующим началом не только в смысловых, но и в чисто формальных (например, в эвфонических) структурах, «анти-вкус», какофонию можно было преследовать на всех уровнях строения текста. Свообразным шедевром какофонической его организации была сочиненная четырьмя арзамасцами надпись к портрету Хвостова:

Се — росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он...

Чудовищная инструментовка на «к» дополняется скоплением односложных слов, создающим впечатление мелких прыжков.

Выспрь быстро, как птиц царь, нес звук
на Гелиџон...

Сочетание взрывных и свистящих, венчаемое произносимыми двумя «ц» подряд: «птиц царь».

Се — лик од, притч творца, муз читателя Хвостова...

* См. новейшую работу на эту тему: Ронинсон О. А. О «грамматике» арзамасской «галиматии». Функционирование русской литературы в разные исторические периоды (Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 822. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведческие). Тарту, 1988, с. 4—17 (с указаниями на предшествующую литературу).

Все звуковое безобразие двух предшествующих строк предстает в каком-то адском синтезе, где уже слышен только свист, скакание и шипение, а «муз читателя» читается как «мучителя».

Предполагается, что Жуковский и Батюшков могли быть в числе сочинителей эпиграммы. Во всяком случае, она — плод очень высокой и типично арзамасской литературной изощренности; для нее нужно было искусство того же качества, которое породило знаменитые своей звфонией стихи Батюшкова: «На зеркальных водах пустынной Троллетаны...»

В арзамасских протоколах, писанных Жуковским, как и в его «арзамасских» письмах, «галиматийный язык» несколько меняет свою функцию: в нем выходит на первый план собственно игровое, а не сатирическое начало. Из всех членов «Арзамаса» Жуковский в наименьшей мере был связан с традицией французского просветительства, и по складу своего дарования, и по своим эстетическим тяготениям предпочитал юмор сатире; «вольтерьянство» еще с юности было ему чуждо. Юмор его протоколов близок к юмору его шуточных долбинских стихов; он извлекается из неожиданных контрастов между сферой изображения и выражения, широкие возможности для которых открывал перифрастический стиль, позволявший описывать пустышки «с важностью забавной» («На хребте его творится беззаконие», «едва вступив в Арзамас, уже корячится назад»).

Жуковский охотно обыгрывает шутивно-нелепые «арзамасские» прозвища и символику «гуся»; он создает комические положения, нередко обращаясь к тем формам традиционной (описанной М. М. Бахтиным) смеховой культуры, которая широко пользовалась символикой физиологизма и материально-телесного низа; он подробно описывает, например, «некое непристойное бурчание» в брюхе «Золовой Арфы» и вдвигание в кресла той части тела, «которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных» (протокол 11 ноября 1815 г.). Вяземского удивляла неистощимость Жуковского в изобретении разных форм «галиматьи».

«Галиматья», буффонада Жуковского в конечном счете строилась по законам «вкуса» — на стилистических и семантических сдвигах. Единый эстетический принцип объединяет ее с дружеским посланием и дружеской перепиской арзамасцев. Вместе с шуточными речами и протоколами, с эпиграммами и пародиями, не рассчитанными на печать, они образуют своеобразную стилевую систему, порожденную дружеским кружком и несущую на себе печать кружковой психологии и кружкового языка. Послания для арзамасцев — это и литературная декларация, и критическая статья, открывающая нам тип и характер арзамасской «стилистической критики» (таковы упомянутые выше послания-разборы Жуковского) и овеществленный знак коммуникативной связи. В них эмпирический быт поднимается на высоты эстетически организованного, — и с другой стороны, за

художественным миром послания, организованным по собственным эстетическим законам, всегда ощущается мир бытовых реальностей и подлинных человеческих отношений. Поэтому послания и могут составить «поэтическую летопись» «Арзамаса»*, — не столько его внешних событий, сколько духовной жизни.

Что же касается письма, то под пером арзамасцев оно обретает черты особого литературного жанра. Арзамасское письмо почти всегда — реально или потенциально — предполагает нескольких адресатов — членов кружка и строится как заведомо литературное произведение. В перспективе оно рассчитано на публикацию, — и уже в 1819 году А. Тургенев и Вяземский обсуждают такие возможности**.

Вяземский и А. С. Пушкин печатают в 1820—1830-е годы заграничные письма А. И. Тургенева, который остался в русской литературе как один из немногих писателей-эпистографов. Письма Тургенева — блестящий образец русской прозы — были подписаны арзамасским прозвищем «Эолова Арфа» или аббревиатурой «Э. А.». И так, спустя почти двадцать лет после «Арзамаса» он ощущал «арзамасский» генезис своего эпистолярного творчества***.

В переписке Жуковского, Батюшкова, Вяземского, А. Пушкина мы без труда обнаружим те стилистические черты, которые отмечали уже в арзамасских протоколах, — разумеется, в индивидуальной интерпретации. Письма Жуковского, даже поздние, иногда полностью выдержаны в ключе «галиматья». В 1852 году Вяземский с энтузиазмом поддерживал идею их издания; он писал Плетневу, что в этих «буффонских», «чисто арзамасских» письмах «вздорноречие Жуковского доходило до истинного красноречия, до высокой гениальности»****. Но, при всей автономности стилистических задач, письма арзамасцев продолжали оставаться документом высокой литературно-эстетической информативности, — быть может, еще в большей мере, чем послания и протоколы.

Уже с третьего заседания (11 ноября 1815 г.) арзамасцы начали ощущать, что им вскоре будет тесно в рамках полемических задач,

* Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство, с. 72.

** См. об этом в специальном монографическом исследовании В. М. Тодда, в значительной части посвященном арзамасскому письму (Todd W. M. The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin. Princeton University Press. 1976, p. 71).

*** Об А. И. Тургеневе-литераторе см.: Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. (1825—1826 гг.) Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., 1964, с. 441—504.

**** Плетнев П. А. Сочинения и переписка, т. III. СПб., 1885, с. 407.

которые они себе поставили. Было определено «заниматься различными приятностями, читать друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями и прочее» (Протокол от 11 ноября). На следующем заседании (18 ноября), как первое «литературное прозрение своей пошвы», Д. В. Дашков читает не дошедшие до нас произведения «серьезного» характера — повесть о собаке Баркуф и переводы «Парамибий» Гердера. За время деятельности «Арзамаса» были прочитаны «Певец в Кремле», «Овсяный кисель», «Вадим» и «Красный карбункул» Жуковского, «Вечер у Кантемира» Батюшкова, «Прощание с халатом» Вяземского. Известно, что в кругу арзамасцев Карамзин читал главы из «Истории» и проект своей речи в Российской Академии.

Все это далеко выходило за пределы литературы кружка.

Менялись и внешние обстоятельства. Со смертью Державина в июле 1816 года распадается «Беседа»; 11 ноября на 15-м заседании «Арзамаса» С. С. Уваров заявляет, что она прекратила свое существование. Полемика теряла актуальность.

«Арзамасу» нужно было искать новые формы деятельности.

Это было не только важно, но и неизбежно, ибо центр интересов русского общества все более перемещался от литературы в область социологии, политики и экономики. Это ощущает не только, например, Вяземский, «раскаляющийся» в социальной атмосфере преддекабристских обществ, но и гораздо менее активный политик Жуковский. В октябре 1816 года он пишет А. И. Тургеневу, что поэт должен вторгаться в общественную жизнь, а в следующем письме просит обнять брата Николая. «Враг хамов должен быть Арзамасцем. Тащи его в Арзамас» *.

«Хамы» — излюбленное иносказательное выражение Тургеневых, обозначающее крепостников и политических ретроградов.

«Враг хамов» вошел в общество 24 февраля 1817 года, — а 22 апреля был принят и второй будущий активный участник декабристского движения — М. Ф. Орлов.

Вступительные речи того и другого призывали «Арзамас» к расширению своей деятельности и выходу на арену политики и публицистики. Николай Тургенев возражал против исключительно литературных программ. Он взялся разработать тему «Сопоставление Англии и Франции». Сохранилась рукопись этого сочинения с историческими доказательствами преимуществ английского конституционализма. «...Англия заставила Европу любить свободу, Франция — ее ненавидеть» **.

* Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 166.

** Бешенковский Е. Б., Билинкис М. Я., Пугачев В. В. Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции». — Освободительное движение в России, 1971. Вып. 2, с. 109.

Арзамасские документы этих месяцев показывают, с каким энтузиазмом были приняты идеи реформирования общества. Просвещение, свобода, единение, уничтожение рабства становятся теперь центральной темой разговоров и споров в «Арзамасе».

Именно теперь, в середине 1817 года, возрождается мысль об издании журнала, — излюбленная мысль Вяземского, которую он высказывал Дашкову еще в 1814 году, о чем писал в специальной статье, не увидевшей света — «Мой сон о русском журнале».

Он принял ближайшее участие в составлении проекта вместе с Жуковским, Орловым и Н. Тургеневым. В «законах» «Арзамаса», написанных только теперь, издание журнала выдвигалось как одна из важнейших задач общества.

Современная политика должна была занять в новом издании едва ли не определяющее место. С нее начиналось обозрение разделов журнала в шуточном июньском протоколе 1817 года. При распределении обязанностей этот раздел был отдан Орлову. Предполагалось начать журнал с 1 января 1818 года.

Этим надеждам не суждено было осуществиться. «Арзамас» доживал свои последние месяцы. 27 августа 1817 года А. Тургенев огласил указ о назначении Вяземского на службу в Варшаву. Блудов — один из предполагаемых издателей — уезжал в Лондон; Орлов получил назначение в Киев, Дашков — в Константинополь.

По пути за границу «арзамасцы» остановились в Москве и здесь в декабре 1817 — январе 1818 года снова составили план журнала, с участием В. Л. Пушкина, Д. Давыдова и других, — но уже было неясно, кто, как и где его будет издавать.

Отъезд арзамасцев из столицы был внешней и случайной, хотя, без сомнения, достаточной причиной распада общества. Но Жуковский, чуткий свидетель и наблюдатель, мельком указал на внутреннюю причину: в последнем гекзаметрическом протоколе «Арзамаса» он обронил замечание: с тех пор, как общество взялось за ум, ум от него отступился. «Мы разучились смеяться». И буквально то же он повторил через много лет в письме к фон-Мюллеру (1846): «Арзамас» строился на буффонаде и умер сам собой, когда захотел быть серьезным.

Жуковский понял то, что не ощущалось сразу. Сложившиеся структурные формы пародийного полемического общества пришли в противоречие с новыми задачами. Политический журнал исключал литературные игры, протоколы в гекзаметрах, галлиматью. Все это должно было умереть вместе с объектом пародии — «Беседой». «Арзамас» выполнил свою историческую роль.

История «Арзамаса» окончилась; арзамасское братство продол-

жало жить. Оно определило свою область «эффективных коммуникаций» и вырастило нового юного члена литературного содружества, имя которого впервые было упомянуто в цитированном протоколе и которому суждено было стать центром соединения прежних арзамасских сил. Этим новым членом был «Сверчок» — Александр Пушкин, лицейский поэт, в котором Жуковский и Вяземский уже в 1815 году угадали проблеск невиданного еще до сих пор литературного дара. «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет» (письмо Жуковского Вяземскому от 19 сентября 1815 г.). Отныне «братья» будут ревниво и заботливо помогать расти своему питомцу — а он вступит в литературу под знаменами «Арзамаса» и унаследует от него многое: и культ точного поэтического слова, и дух литературного озорства и литературной игры, и стихию «легкого и веселого», и даже самых противников. Он напишет послания к Батюшкову и к Жуковскому и эпиграммы на «беседчиков» и доведет до высот совершенства арзамасское оружие полемики — эпиграмму и прозаический памфлет.

Но все это еще в будущем — и литературная судьба зрелого Пушкина, и ощущение непрерывающейся связи между членами братства — Жуковским, Вяземским, Александром Тургеневым, и тоска по объединению под эгидой своего литературного журнала. 14 декабря раскроет пропасть между прежними арзамасцами: «Варвик» — Н. Тургенев будет приговорен к смертной казни и окончит свои дни политическим изгнаником, Блудов будет готовить материалы к осуждению. Александр Тургенев, единственный оставшийся из рассеянной — вымершей, изгнанной — семьи, неприкаянный странник, порвет связи с тем, кого он будет считать косвенным виновником трагедии, — но близость с Вяземским, Жуковским, Пушкиным он сохранит.

Остатки прежнего «Арзамаса» станут собираться в пушкинской «Литературной газете» и пушкинском же «Современнике».

Такова перспектива, в которой буффонское литературное общество раскрывает свой подлинный исторический смысл.

Книга, лежащая перед читателем и содержащая документальную историю «Арзамаса», была задумана и начата выдающимся знатоком и исследователем пушкинского литературного окружения, доктором филологических наук Максимом Исааковичем Гиллельсоном (1915—1987).

М. И. Гиллельсону принадлежат широко известные работы о Лермонтове, Герцене, Пушкине, истории русской печати и цензуры, — но едва ли не основной областью его интересов был «Арзамас» и «арзамасское братство». Именно он ввел это понятие в историко-литературный обиход еще в конце 1950-х годов, когда исследовательская

традиция рассматривала «Арзамас» как более или менее локальный и ограниченный по своим задачам литературный кружок. В статье «Новые материалы по истории арзамасского братства» (1962), в дилогии «Молодой Пушкин и арзамасское братство» (1974) и «От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей» (1977) он осмыслил «Арзамас» как естественное звено в эволюции целой литературной среды, определяемой нами теперь как «пушкинский круг». В течение тридцати с лишним лет он систематически собирал и анализировал материалы по его истории; он открыл и опубликовал целые массивы ценнейших документов. С его именем связано начало нового этапа в изучении Вяземского; фундаментальная монография «П. А. Вяземский. Жизнь и творчество» (1969) поставила его в число авторитетов мирового класса. Все современные исследования о Вяземском, в особенности о Вяземском — критике и публицисте, так или иначе отправляются от этой работы. Он осуществил издание «Хроники русского» А. И. Тургенева и его дневников за 1825—1826 годы; полная публикация обширного дневника по сие время остается недостижимой целью, — но М. И. Гиллельсон, превосходно знавший этот материал, обнаружил записи, касавшиеся Пушкина, Гоголя, эпизодов заграничного путешествия Тургенева, и раскрыл значение его литературного наследия. Он издал свод русской эпиграммы первой половины XIX века; при его ближайшем участии был собран и прокомментирован корпус сочинений М. Ф. Орлова. В последние годы он увлеченно занимался Жуковским и опубликовал первоклассную по своим историческим, психологическим и литературным достоинствам переписку Жуковского с Вяземским за 1842—1852 гг. («Памятники культуры. Новые открытия. 1979». М., 1980); обнаруженная им неизданная часть дневников Жуковского послужила основой нескольких его статей и большого биографического исследования, остающегося в рукописи.

Многие годы М. И. Гиллельсон лелеял мысль об издании свода материалов, относящихся к истории «Арзамаса»; он разработал план и концепцию книги. Издательство «Художественная литература» с сочувствием отнеслось к его предложению, — но осуществить этот замысел, приобретший, наконец, реальные очертания, он уже не успел. Коллектив друзей и сотрудников М. И. Гиллельсона по просьбе издательства взял на себя реализацию его плана, который из-за чрезвычайно сжатых сроков работы уже не мог осуществиться в первоначальном своем виде; тем не менее составители стремились организовать издание в соответствии с концепцией М. И. Гиллельсона, давно получившей научное признание. Эту книгу они посвящают его памяти.

В. Вацуро.

СПИСОК ЧЛЕНОВ «АРЗАМАСА» *

Адельстан, или Статный Лебедь («Адельстан») —
Н. М. Муравьев.

Армянин («Алина и Альсим») — **Д. В. Давыдов.**

Асмодей («Громобой») — **П. А. Вяземский.**

Ахилл («Ахилл») — **К. Н. Батюшков.**

Варвик («Варвик») — **Н. И. Тургенев.**

Вот; Вот я Вас; Вотрушка; Вот я Вас опять («Светлана») — **В. Л. Пушкин.**

Громобой («Громобой») — **С. П. Жихарев.**

Дымная Печурка («Пустынник»), или Две огромные
руки («Адельстан») — **А. Ф. Воейков.**

Ивики Журавль («Ивиковы Журавли») — **Ф. Ф. Вигель.**

Кассандра («Кассандра») — **Д. Н. Блудов.**

Очарованный Челнок («Адельстан») — **П. И. Полетика.**

Пустынник («Пустынник») — **Д. А. Кавелин.**

Резвый Кот («Пустынник») — **Д. П. Северин.**

Рейн («Адельстан») — **М. Ф. Орлов.**

Сверчок («Светлана») — **А. С. Пушкин.**

Светлана («Светлана») — **В. А. Жуковский.**

Старушка («Баллада, в которой описывается, как одна
старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел
впереди») — **С. С. Уваров.**

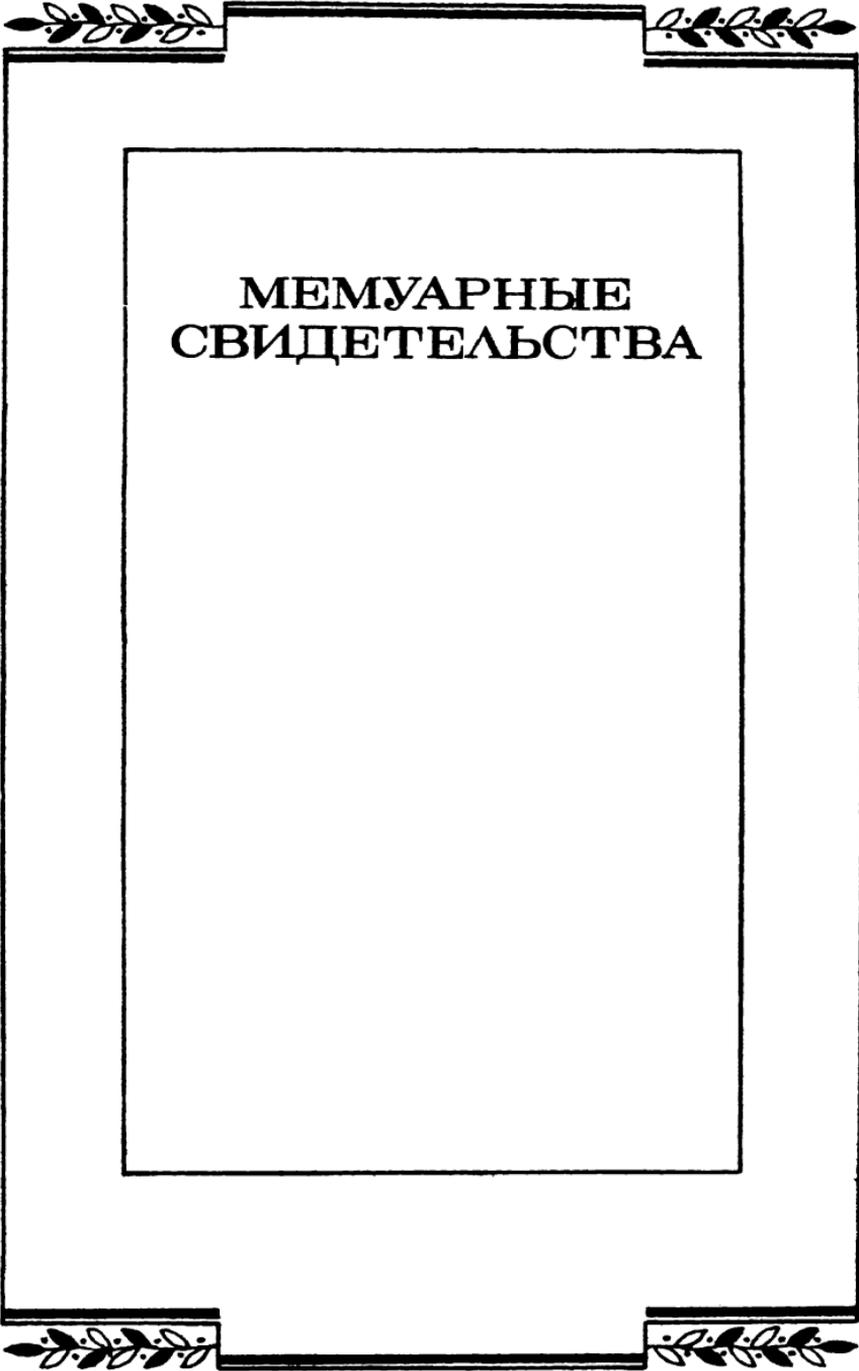
Статный Лебедь — см. Адельстан.

Черный Вран («Светлана») — **А. А. Плещеев.**

Чу !!! (частица, часто повторяемая в балладах) —
Д. В. Дашков.

Эолова Арфа («Эолова Арфа») — **А. И. Тургенев.**

* Список составлен по алфавиту прозвищ; в скобках указана баллада Жуковского, откуда взято прозвище.

**МЕМОУАРНЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА**

С. С. УВАРОВ

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 1851 ГОДА

Января 8 нынешнего года родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилетней службы отечеству графа Дмитрия Николаевича Блудова. Домашний праздник, выражавший воспоминания о прошлом и настоящие чувства людей, близких хозяину дома, должен бы остаться в семейном кругу; однако же мы позволяем себе нарушить скромность и сказать несколько слов о празднике и для общего сведения. Имя графа Блудова принадлежит России, его заслуги тесно соединены с государственною и литературною нашею жизнью,

Он друг и брат певца Людмилы,
Он другом был Карамзина.

Литературные воспоминания должны были занимать не последнее место на празднике, которого цель заключалась в том, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено с *последними страницами бессмертного творения Карамзина*.

Вечер начался домашним спектаклем. Сцена представляла комнату, в которой собрались действующие лица, в костюмах, как бы для репетиции различных пьес, приготовляемых для домашнего спектакля. Между разговорами и приготовлениями повторили несколько сцен одну за другою. Так были разыграны сцены из старой оперы Буаельдьё: «*ma tante Aurore*» *, с известными куплетами: «*non ma nièce vous n'aimez pas*»; ** три первые явления из «Бригадира» Фон-Визина, несколько сцен из комедии «Вертер» и, наконец, та сцена из «Дмитрия Донского», в которой русский воин расска-

* моя тетушка Аврора (фр.).

** нет, племянница, вы не любите (фр.).

зывает Ксении о поражении Мамайя. Полнозвучные стихи Озерова, прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатление, и сами актеры, пользуясь тем, что они как бы только готовятся к настоящему представлению, просили воина произнести и слова Дмитрия Донского, которыми оканчивается трагедия:

Но первый сердца долг Тебе, Царю Царей,
Все царства держатся десницею Твоей,
Прославь и укрепи и возвеличь Россию!
Как прах земной сотри врагов кичливых вью,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
Языки, ведайте, велик Он, Русский Бог!

Прекрасная игра действовавших лиц, из которых многие с замечательным талантом исполнили свои роли, и выбор самых пьес не могли не произвести особенного действия. Все пьесы принадлежали к прошедшему времени, и, напоминая графу Д. Н. Блудову его молодость, они напомнили всем ту эпоху в нашей литературе, когда произведения Фон-Визина еще были живы в памяти, когда уже занялась заря нового литературного дня — выступили на поприще действия Карамзин и Дмитриев — и трагедии Озерова составляли явления современные.

Когда окончилось представление, на сцену вбежал молодой человек и, подавая письмо, сказал: «Я прямо из Арзамаса, то есть с Карповки». Письмо было прочтено:

«С развалин Арзамаса, от *Старушки*, удрученной недугом, поклон и радушное приветствие давнишней подруге *Кассандре Приамовне*, сидящей не на развалинах Трои, а в кругу любимого семейства и преданных друзей. Старушка хотела бы включить в эту грамотку все воспоминания юности, все мечты минувших дней, словом — отголосок тех забавных и увлекательных бесед, о коих забыли безмолвные берега Карповки; но тот, кто сидел *впереди*, умчался за *Светланю*; бедная Старушка с трудом владеет стальным, заморским пером, ибо говорят, что на рынке не найдешь теперь ни одного *перушка Арзамасского*, а в привозе лишь *пух* и *потрох*. Как все изменилось!

Но вот что неизменно: посмотрите с умилением на этот кружок *немногих* уцелевших от времени и бурь, как будто в замену других и смертью и жизнью похищенных. Чем теснее кружок, тем чистосердечнее порыв

его соединяющий, тем живее привязанность к виновнику нашего собрания, тем признательнее мы должны быть к Провидению, дарующему нам на закате дней способность наслаждаться вместе и плодами полувековой опытности, и игрою фантазии младенческой.

Да будет сей день для нас, стариков, приятным воспоминанием молодости, а для окружающих нас молодых слушателей новым побуждением к благородным занятиям ума. Нам, ветеранам, следует говорить младшим товарищам, что и в нашу очередь, сбросивши шутиливую оболочку Арзамасскую и собравшись некогда около *Карамзина*, он, как старший брат, с кроткою улыбкою и ясным взором, примером и советами научал нас трудиться, размышлять, писать. Счастлив, кому дано было привязать свое имя к последним страницам его бессмертного творения!

Извините, любезнейший *Юбилляр*, если послание, начатое в Арзамасе, невольно оканчивается Петербургом, посреди истинно Вас уважающих и любящих, в числе коих я всегда занимал и занимать буду, и под личиною старушки и в собственном виде, не последнее место».

8 января 1851 г.

В Санкт-Петербурге.

Вскоре после трудов и подвигов 12-го года, когда Россия уже наслаждалась плодами славного мира, в Петербурге, под влиянием того направления, которое гений Карамзина произвел на развитие нашей словесности, молодыми писателями того времени было учреждено литературное общество под названием: Арзамас. Карамзин считался его почетным членом. Давая направление литературным занятиям Общества, скромный и благодушный характер Карамзина не позволял ему выказывать того же авторитета в личных отношениях с молодыми писателями: он был первым между равными, *старшим братом* в литературной их семье, в которой занимали место В. А. Жуковский, Батюшков, Д. В. Дашков, кн. П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. Каждый член Общества назывался именем из баллад Жуковского. Граф Блудов именовался Кассандрою, граф Уваров — Старушкою.

После чтения письма кн. П. А. Вяземский произнес куплеты, которые после были пропеты в заключение представленья:

Наш бойкий век парит и парит,
Парами гонит он и жжет;
Он жизнь торопит, время старит
И все кричит: вперед, вперед!

Что день, то новое начало,
Что день — с вчерашним днем разрыв,
И что всех утром волновало,
То к вечеру сдано в архив.

Делам и людям срок дан малый.
Вчерашний гений, поглядишь,
Уж нынче олух запоздалый,
И век любимцу кажет шиш!

Преданий связь давно забыта,
С прошедшим справиться смешно,
И память наглухо забита,
Как в доме лишнее окно.

Одно в уме наш век имеет,
Приняв пословицу в закон:
Что кто о старом вспомнить смеет,
Тому глаз должно вырвать вон.

Ты не таков, и слава Богу!
Глаза не выколешь ты нам,
Когда на старую дорогу
Свернули к старым мы друзьям.

Твой разум чужд предубежденья,
Не враг он доброй новизне!
В благих успехах просвещенья
Идешь ты с веком наравне.

Но старине ты не изменник,
Не прилепляясь к новизнам,
Ты не минуте современник,
Но современник всем векам.

Ты в памяти своей обширной
Хранишь преданья всех веков,
Любуясь выставкой всемирной
Всех дарований и умов.

Фон-Визина ты шутки любишь,
И Озерова звучный стих
Ты ныне лаской приголубишь,
Как сон и радость дней младых.

В сей день, друзьям твоим любезный,
Когда во цвете бодрых сил
Ты жизни чистой и полезной
Полвека с честью совершил,

Друзья сошлись в твой круг семейный,
Чтоб, без торжественных затей,
Украсить пир твой юбилейный
Живой картиной прежних дней.

Сложи трудов высоких бремя
И, освежившись стариной,
Ты обочи скупое время
И сбрось полвека с плеч долой!

Сей вечер — радости и дружбе,
Сей вечер с нами отдохни,
А завтра труженик на службе
Полвека новые начни!

После пения куплетов князь П. А. Вяземский прочел послание к графу Д. Н. Блудову:

Тому полвека начал ты
Служенье обществу и благу.
Им сердца светлые мечты,
Им смелого ума отвагу
От ранних дней ты посвятил,
И лет тебя не тронул холод:
Еще ты ныне сердцем молод
И добрый ум твой не остыл.

Полвека — и сказать так страх!
А пережить куда как трудно:
Жизнь сеет щедро в юных днях,
Но часто осенью жнет скудно.
С началом ссорится конец
И вечер — утра вывод ложный,
Ты был и сеятель надежный
И много выручивший жнец.

Ты честью почести стяжал
Без постороннего участия.
Ты запыхавшись не бежал
За пряткой колесницей счастья,
Чтоб за подножку на авось
Рукою жадной уцепиться:
Ты счастья не искал добиться,
Оно в тебе за ум взялось.

И все прекрасное в тебе
От искушенья уцелело:
Друзьям ли, с недругом в борьбе,
В глаза смотреть ты можешь смело.
Друзьям сберег ты цвет любви,
Не опаленный знойным счастьем:
Пред неприязненным пристрастьем
В поруку совесть призови.

Глушцам — глупцы есть и у нас —
Бывает солон ум твой едкий,

И мастерски не в бровь, а в глаз
Ты попадаешь шуткой меткой.
И счету нет твоим стрелам
В твоём запасливом колчане:
Стрелял ты в дедов и заране
Грозил ты внушительным глупцам.

Тебя не поглотил поток,
Текущих дел поток чернильный,
В себе отвел ты уголок
Для жизни, чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святым огнем духовной силы:
Ты друг и брат певцу Людмилы,
Ты другом был Карамзина.

Ужин и тост за здоровье хозяина дома окончили вечер, который надолго останется в памяти всех в нем участвовавших.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Редактору «Современника»)

Помещенная в «Современнике» статья: «Осьмое января 1851 года» возбудила во многих читателях любопытство, а в некоторых воспоминание о бывшем литературном кружке, известном под именем *Арзамаса*. В этой статье помещено несколько сведений о самом Обществе; эти сведения, по необходимости, довольно скудны, а пополнять их трудно, ибо Арзамас не имел собственно никакой определенной формы. Это было общество молодых людей (из которых некоторые достигли впоследствии высших степеней государственной службы), связанных между собой одним живым чувством любви к родному языку, литературе, истории и собиравшихся вокруг Карамзина, которого они признавали путеводителем и вождем своим. Направление этого Общества или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно *критическое*. Лица, составлявшие его, занимались: строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка, и проч. Чем разнообразнее была цель Общества, тем менее было последовательности в его занятиях. В то время и под влиянием Арзамаса писались стихи Жуковского, Батюшкова, Пушкина; и это влияние отразилось, может быть, и на иных страницах истории Карамзина. Существование этого кружка было так кратковременно, что оно оставило по себе следы только в памяти современников. Говорят, что Арзамасский кружок намеревался издавать журнал, и что помещенная к сочинениям Батюшкова статья: «О Греческой Антологии» была написана именно для этого журнала.

Еще прежде того подобные литературные беседы имели у нас замечательное в свое время влияние на раз-

витие отечественной словесности, — влияние, не довольно уваженное писавшими историю ее.

Так, например, не восходя далее начала столетия и ограничиваясь одним Петербургом, скажем, что Г. Р. Державин собирал около себя многочисленных литературных приверженцев и почитателей его высоких дарований. Из них-то в 1811 году образовались в его доме и под его председательством так называемые *Беседы русского слова*. Маститый старец, Державин и в это время не переставал писать стихи, конечно мало достойные певца *Фелицы*, вообще довольно слабые, но показывавшие его неугасаемую любовь к поприщу своей прежней славы. В этом обществе после Державина занимали почетное место: А. С. Шишков, которого книга: «О старом и новом слоге» наделала в свое время много шума, возбудив важные вопросы касательно языка, — вопросы, впоследствии разрешившиеся обоюдным перемирием, подобно войне *классиков* и *романтиков* во Франции и Германии, — и В. В. Капнист, одаренный остроумием, произведения которого как будто служили указанием позднейшим поэтам. Капнист на закате дней своих писал немного, но еще любил словесность. Сюда же должно включить лицо оригинальное — графа Д. И. Хвостова, этого бездарного метромана, до конца жизни своей страстно преданного литературе и из любви к ней с твердостью переносившего остроты и колкие шутки, которыми осыпали его со всех сторон. К обществу Державина принадлежали еще А. С. Хвостов, И. М. Муравьев-Апостол, князь А. А. Шаховской, который для него написал неудачную поэму: «Расхищенные шубы», кн. С. А. Шихматов, А. А. Писарев и С. Н. Марин — оба офицеры гвардии, — сверх того множество молодых поклонников Державина — парнасских кандидатов, имена которых, однако ж, не сохранились в парнасской летописи, — даже несколько дам, занимавшихся стихотворством. Словом, дом Державина был важным двигателем тогдашней литературной деятельности. Если это движение не принесло больших плодов, оно по крайней мере свидетельствует об общей в то время, на всех ступенях общества, склонности к занятиям литературным, особенно к поэзии лирической и драматической, — склонности, которою отличалась по преимуществу эпоха от Ломоносова до Державина.

В одно почти время искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оле-

нина. Этот достойный сановник, которого труды и усердие не вполне оценены, может быть, настоящим поколением, был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он все свободное время посвящал своим любимым предметам. Может быть, ему недоставало вполне этой быстрой наглядной сметливости, этого утонченного, пронизательного чувства, столь полезного в деле художеств, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов, много содействовала успехам русских художников. Кипренский был им взыскан и поощряем; конечно, Егоров, Шебуев, оба Брюловы не забыли постоянного о них попечения А. Н. Оленина. Сверх того, Оленин был одним из первых основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тмутараканского камня до драгоценностей керченских, от лаврентьевского Нестора до описания московских памятников.

Дому Оленина служила украшением его супруга Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образец женских добродетелей, нежнейшая из матерей, примерная жена, одаренная умом ясным и кротким нравом, — она оживляла и одушевляла общество в своем доме. Крылов особенно находил в ней не только участие друга, но даже и попечительность доброй матери. Он с своею лафонтеновскою беспечною нашел в Елисавете Марковне другую г-жу де Ласаблиер. Вообще, дом Оленина немало содействовал к известности Крылова, который Олениным был представлен ко Двору и определен в Императорскую Публичную Библиотеку. Лучшие произведения Крылова были читаны в первый раз в кругу друзей Оленина, к числу которых принадлежал Н. И. Гнедич, ревностный переводчик Гомера, чей замечательный труд и тщательное изучение греческого подлинника, к сожалению, не всегда встречают ныне достаточную оценку.

В доме Оленина явился в свою очередь В. А. Озеров с рукописным «Эдипом в Афинах», и тут была читана в первый раз эта трагедия, которую не затмили произведения позднейших наших драматургов. «Эдип» был представлен на сцене в первый раз в 1804 году. Роль Антигоны была написана Озеровым для дебюта К. С. Семеновой. Первоначальные репетиции этой трагедии происходили также в доме А. Н. Оленина. Д. Н. Блудов и С. С. Уваров были с ранней молодости в числе коротких

приятелей семейства Олениных; Капнист часто посещал этот дом, постоянно открытый для немногих, всегда встречавших радушный прием со стороны хозяина и хозяйки. Часто к обеду собиралось незваных гостей человек до десяти или более; хлеб-соль была не причудливая, но сытная и вкусная. Вообще, тогда не было, как ныне, пристрастия к французской кухне. В лучших петербургских домах отличный даже стол, как то: у А. Л. Нарышкина и у Д. А. Гурьева, был изготовляем русскими поварами и приновляем к русскому вкусу*.

Возвратимся в гостиную Олениных — в эту гостиную, где почти ежедневно встречалось несколько литераторов и художников русских. Предметы литературы и искусств занимали и оживляли разговор; совершенная свобода в обхождении, непринужденная откровенность, добродушный прием хозяев давали этому кругу что-то патриархальное, семейное, что не может быть понято новым поколением. Сюда обыкновенно привозились все литературные новости: вновь появлявшиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах, — словом, все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещению. Невзирая на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора, — она всегда уступала место литературе. Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и склонность к мирным умственным занятиям именно в то время, когда потрясение всех начал гражданского порядка и дух воинских предприятий колебали все государства, стоявшие на краю гибели.

Оканчивая краткий очерк влияния некоторых частных петербургских обществ на язык и словесность нашу, прибавим, что этот очерк следовало бы дополнить сведениями о литературных кружках, существовавших в Москве; такого дополнения ожидаем мы от редактора и сотрудников «Москвитянина», которым ближе известны подробности литературной жизни нашей древней столицы и которые находятся неподалеку от источников.

В заключение заметим, что частные, так сказать, до-

* А. Н. Оленин жил у Красного моста, в доме, принадлежащем ныне Льву Кирилловичу Нарышкину, а впоследствии в Большой Морской, в своем доме, ныне принадлежащем г. Андро.

<Здесь и далее подстрочные примечания, за исключением переводов, принадлежат авторам.>

машинные общества, состоящие из людей, соединенных между собой свободным призванием и личными талантами, и наблюдающих за ходом литературы, имели и имеют не только у нас, но и повсюду, ощутительное, хотя некоторым образом невидимое влияние на современников. В этом отношении академии и другие официальные учреждения этого рода далеко не имеют подобной силы. Такие официальные учреждения не дают знаменитым писателям, а частью заимствуют от них жизнь и направление. Французская Академия при Людовике XIV, едва вышедшая из рук Шапелена, подчинилась влиянию Буало и его друзей и чрез это, косвенно, видам *Великого Короля*. При Людовике XV Французская Академия не переставала действовать в духе Вольтера и его многочисленной школы. Гораздо более самостоятельности являлось в салонах герцогини Дю-Мень, г-ж Дюдефан, Леспинас, Жофрень и других. В этих салонах происходили все перевороты во вкусе и в литературных произведениях. Фонтенель, Вольтер, Даламбер, Дидерот, Лагарп, Мармонтель и другие почерпали здесь мысли и вдохновение, блистали красноречием и остроумием и искали гораздо более одобрения этого избранного общества, чем похвал и лавров академических. Критика этих остроумных женщин была для них страшнее всякой другой критики. Великие поэты Италии образовались также в пышных чертогах владетельных особ и там находили свой ареопаг. Скромные, незаметные беседы во Франкфурте нескольких молодых друзей, собиравшихся вокруг молодого Гете, произвели повсеместный переворот в языке и словесности Германии.

Можно вообще сказать, что развитие искусств и литературы не подлежит, подобно развитию наук, общему, осязательному закону времени и постепенности. Эпохи их процветания составляют как будто неожиданные, мгновенные явления, и когда эти эпохи проходят, то уже никакое усилие, никакое пожертвование со стороны правительства не в силах их восстановить. Это обстоятельство делает любопытнее, может быть, самую историю литературы. Желательно, чтобы будущий историк русской словесности обратил внимание на все подробности и даже мелочи, означавшие и упадок ее и успехи.

Eheu, Posthum, fugaces, fugaces...*

* Увы, Постум, ускользают, ускользают... (лат.)

А. С. СТУРДЗА

БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА И АРЗАМАС В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Quondam meminisse juvabit*.

Виргилий

Не страшусь участи пресловутых говорунов «Илиады», столь часто и неумолимо надоедавших молодым сподвижникам своим, под стенами Трои — бесконечною речью о былом, о примерах и уроках прошедшего. Не надеюсь и громкой похвалы, которою Омир почтил некогда память словохотного Нестора:

Τοῦ δ' ἀπὸ γλ' ὄσσης, γλυκί' ὠν μῆλιτοςρέέν α' υδῆ!

Знаю, что эти страницы вызовут двусмысленную улыбку на иронические уста юных моих современников. Зато мало ли, слава Богу, осталось в живых свидетелей и споручников моих воспоминаний?

Они-то по справедливости оценят правдивость мою, верность впечатлений моих, прочтут их без скуки, с радужным участием. Было время (сорок лет тому, и более), было время, когда тихие занятия и мирная слава литератора казались мне — отроку и юноше — завиднейшим уделом в мире; везде ловил я *изящное*, оно очаровывало мое воображение, пленяло все помыслы души моей и навело меня на спасительную истину. С тех пор я расстался с житейскою мечтою, взлелеявшей молодость мою; полюбил спутника и пестуна более строгого. Но все-таки дорожу я памятью давно минувших дней и нахожу невыразимое для себя наслаждение в безответной душевной беседе с моими отстрадавшими современниками. Удастся ли мне передать сколько-нибудь мои мыс-

* Будет нам впредь об этом сладостно вспомнить (*лат.*).

ли и впечатления о них теперешним читателям? Едва ли! Пусть, однако ж, будут они снисходительны к скромному *дагерротипу*, на котором остались верные следы солнечных лучей, долго, долго после их мерцания и заката.

Еще в первые годы царствования Александра Благословенного самородный гений Державина догорал на небосклоне русской поэзии, догорал, но не без ярких по временам проблесков его минувшей славы.

Старцу желалось окружить себя лучшими представителями изящного в России, сомкнуть светлые их ряды в стройную дружину и сосредоточением их трудов оказать последнюю услугу русскому слову.

Державин постигал всю истину и силу достопамятных слов Ломоносова:

«Повелитель многих языков, язык российский, не только обширностью мест, где он господствует, но и собственным обилием своим, велик пред всеми в Европе».

Вскоре около знаменитого, вдохновенного старца составилось общество под названием: *Беседы Л. Р. Слова*. В уреченные дни поэты и прозаики, писатели заслуженные и новички, начали съезжаться в дом Гавриила Романовича, затейливый и своеобразный. Беседа имела свои частные и публичные заседания. Сии последние бывали по вечерам и отличались присутствием многих посторонних слушателей, допускаемых туда по билетам. Зала средней величины, обставленная желтыми под мрамор красивыми колоннами, казалась еще изящнее при блеске роскошного освещения. Для слушателей вокруг залы возвышались уступами ряды хорошо придуманных седалищ. Посреди храмины муз поставлен был огромный продолговатый стол, покрытый зеленым тонким сукном. Около стола сидели члены Беседы под председательством Державина, по мановению которого начиналось и перемежалось занимательное чтение вслух, и часто образцовое. Здесь кроме Державина заседали: А. Н. Оленин, А. С. Шишков, Озеров, Крылов, друг его Гнедич, Жуковский, Муравьев-Апостол, Писарев, М. М. Сперанский, Н. И. Соколов и, если не ошибаюсь, иногда Дмитриев и Карамзин.— Всех имен не припомню; однако ж и названных здесь будет достаточно, чтобы современных читателей наших, так далеко опередивших время нашего рассказа и так богатых гордым самосознанием, убедить совершенно в той истине, что и нам, тогдашним гостям почетного сословия, было же чем погордиться и на что полюбоваться! Лирическая поэзия,

драма, элегия, народная басня, языковедение, классическая литература и отечественная история имели в этом отборном круге представителей достойных себя. А кого, сверх чаяния, не убедит перечень имен и личностей знаменитых, тому скажем мы попросту: «чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет». Памятуй, что все мы, не только по телу, но и по уму, имеем прямых *родоначальников*, память их и плодотворные примеры должны быть священны для нас. Инако, пожалуй, легко попасть в то жалкое и позорное *сиротство*, за которым вслед пойдут *бесславие и бездарность*.

Беседа Л. Р. С. составила не по одному только желанию Державина; она была выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному — любви, пробужденной роковыми событиями того времени. Россия, выдержав первое на нее нападение грозного завоевателя на полях Пултуска, Эйлау, Гейлсберга и Фридланда, предчувствовала новые опасности, новую славу и готовилась к отчаянной схватке с Западною Европою. Земское всенародное ополчение 1807 года можно назвать смотром наших ратных сил, — в Беседе, основанной Державиным, ополчались умственные силы образованного круга, затронутого и взволнованного огромности происшествий. Я никогда не забуду всеобщего восторга, произведенного в столице представлением «Дмитрия Донского», сперва в Эрмитаже, потом и на Большом театре.

Зрители ловили с жадностию и заглушали рукоплесканиями и криками каждый звучный вдохновенный стих Озерова, в котором заключался намек на оскорбленное достоинство России, на подвиги храбрых сынов ее. В особенности, когда генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, прилетев с поля Эйлавской битвы, привез известие о страшном побоище, на котором русские грудью отразили превосходного числом неприятеля; когда сановитый вестник победы явился в театральной ложе, во время самого представления трагедии, я был в толпе зрителей; громогласное ура не умолкало почти ни на минуту; стены здания, казалось, тряслись, вторя восклицаниям восторженных слушателей. Как теперь помню, что Павел Васильевич Кутузов был предметом общего внимания и что при каждом стихе, напоминавшем или неудачу под Аустерлицом, или кровавую славу Эйлавского боя, взоры устремлялись на мужественного витязя. Яковлев своею игрою превосходно олицетворял Донского; Семенова в роли Ксении была очаровательна; Шуше-

рин играл мастерски роль Нестора в союзе русских князей, старца Белозерского; а Сахаров удачно передал рассказ о Куликовской битве.

При словах Димитрия:

Иди к пославшему и возвести ему,
Что Богу русский князь покорен одному,
Пусть цепи тот влачит, кто их сорвать не смеет;
В могиле нет оков,— там звук цепей немеет.

Или в другом месте:

Умрем как храбрые — и в память наших дел,
Чтобы надгробный дерн над нами зеленел;
Чтоб робкого стопы к нему не прикасались
И праху мыслию потомки поклонялись.

Далее:

Грядущи времена, сокрытые от нас,
Судьями наших дел я призываю вас;
Вы будете ценить наш подвиг знаменитой, и проч.—

раздавалось перекатами могучее ура!

При описании битвы, на стихе:

Российского меча удары сильны, быстры — и проч.—

слушатели остановили на несколько минут весь ход живописующего представления.

Кстати заметить, что Озеров был верным, мелодическим отголоском своего времени. В «Эдипе» он изобразил первые, мирные годы царствования Александра I; в Димитрии отразилось всенародное предчувствие наступивших бурных лет борьбы всемирной. Но в его Фингале и Поликсене высказалась гораздо резче и печальнее личность злополучного поэта, обреченного страстию на всеожжение гения!..

Таково было влияние событий на тогдашнее направление отечественной словесности. Она по нравственной необходимости более нежели когда-нибудь сливалась с нашими летописями, закалялась в огне испытаний, возмужала и окрепла.

Оттого-то и Беседа Л. Р. Слова в составе своем вмещала столько людей государственных по заслугам или по предопределению. Я был слишком молод тогда, чтобы иметь доступ в заветное святилище изящного. Но мне смерть хотелось обратить на себя внимание отборного сословия писателей. Мои ребяческие стихи не могли никак устоять на суде знатоков; осталось одно средство: представить им образчик моих познаний классических.

Я ухватился за рассказ Ферамена в «Федре» Расина, переведенный Державиным, и написал сравнительный разбор трех рассказов об одном и том же *мифе* — Эврипида, Овидия и франц. поэта, отправил труд свой к секретарю Беседы Писареву — и с тех пор мое бытие стало известнее нашему Парнасу на берегу Фонтанки. Гнедич встретил меня в гостиных и полюбил *pour l'amour du grec* *. А. С. Шишков радушно принял новый труд мой: «Опыт о преподавании Российскому юношеству Греческого языка», представил его на суд собратий и склонил их прочесть отрывки из моего опыта при первом публичном заседании. Меня, разумеется, пригласили на этот вечер, столько для меня памятный. После басен Крылова и других изящных произведений старец Шишков начал читать вслух мои пламенные страницы — Гнедич хвалил — все прочие аристархи почтили восемнадцатилетнего юношу своими ободряющими отзывами.

Как отрадно мечтать о славе на заре жизни; но и того лучше расстаться дружески со всеми земными мечтами перед тихим ее закатом!

С Державиным я не был лично знаком и беседовал с ним не иначе, как в бессмертных его творениях; в них замечал я следы не полного и не дозревшего образования. Для изобилия мысли и чувствований, в самородном гении Державина, русский язык, еще не установившийся в то время, не давал надлежащего простора воображению поэта, который нередко обходился с орудием мысли, как обходится исполин с недорослем, т. е. жестко и невежливо. Зато собравшаяся около великого певца Беседа Л. Р. Слова начала узаконять язык и готовить образцы для позднейших писателей. Это была минута решительного перелома в приемах и преданиях искусства; но этот перелом, как и всякий переворот в нравственном мире, не обошелся без пререкания и борьбы. Член Беседы Александр Семенович Шишков, моряк по мундиру, литератор по призванию и страсти, первый выступил на поле жаркой полемики своею книгою: «О старом и новом слоге». В этом сочинении Шишков является попеременно то суеверным поклонником старины, то умным знатоком и ценителем несметного богатства русской речи. Его парадоксы рушились сами собою; однако ж ему удалось поставить твердый оплот против легкомысленных нововведений испорченного вкуса и против рабского

* из любви к греческому (*φρ.*).

подражания всему иноземному. Как теперь помню, что в сочинении Шишкова весьма многое восхищало меня и побуждало к основательному изучению языка церковнославянского. Шишков сделался бы моим оракулом, если б в прекрасной и полезной книге его не смущали меня кой-какие промахи. Например, когда поборник старого слога, обличая рабские переводы с иностранных языков и желая вразумить читателей своих примерами, говорит между прочим: каково было бы перевести слово *preface* не предисловием, а *предличием*; или слово *tresor* буквальным переводом *презлатом*; тогда увы! невозможно и ученику удержаться от смеха. Наше общественное воспитание было таково, что иной умный писатель не мог простирать изысканий своих выше французского языка, т. е. до слов *prefatio* *, и *θησαυρὸς*, *thesaurus* **. Со всем тем почтенный старец Шишков, в области языка и словесности, оказал важную услугу своим сочинением. С тех пор стали писать разборчивее и осторожнее, чуждаться галлицизмов, одним словом, лучше понимать и любить свое. А добросовестному защитнику русского слова суждено было впоследствии осуществить собственную теорию на поприще государственной деятельности. Как государственный секретарь, он написал чистым языком множество манифестов, в которых отразилось все изумительное величие тогдашних событий. И таким образом водимое любовью к отечеству перо Шишкова врезало неизгладимые черты на скрижалях нашей современной истории.

Но кроме государственных хартий, им написанных, А. С. Шишков оставил по себе том записок, в коих личность верного слуги царского и патриота отпечатлелась простодушными рассказами о событиях в Дрисском укрепленном лагере и других подробностях службы его за границу. В 1814-м году Шишков оставался на берегах Рейна в Брухсале и Бадене при дворе императрицы Елисаветы Алексеевны. На конгрессе Венском его не было. Наконец в 1816-м году он в последний раз писал во всеуслышание и сдал должность Государственного Секретаря. Моя личная благодарность к маститому и приветливому старцу пережила длинный ряд происшествий, увлекших меня за собою во Францию и Германию на многие конгрессы, ознаменовавшие политиче-

* предисловие (*лат.*).

** сокровище (*греч., лат.*).

ское возрождение Западной Европы. В 1823-м г., по званию члена Главного Правления училищ я снова сблизился с Шишковым, но увы! я застал уже в нем нравственную развалину.

Он, видимо, упал духом и телом, теща себя под старость невинными причудами этимологических открытий. Российская Академия, корнеслов и другие ученые затеи приятным образом наполнили многолетние досуги думного старца. Известно, что он дожил до нынешнего славного царствования и пожил еще под его державною сению.

Обозревая Беседу Л. Р. С. в главных ее членах, я умолчу о Карамзине, чтобы не повторить здесь моих прежних воспоминаний о великом писателе и достолюбезном человеке, чья память мила и священна моему сердцу.

Во время составления Беседы слава Жуковского и Крылова еще была впереди; блеск ее уподоблялся расцвету прекрасного летнего дня. Крылов, которому вместе с Пушкиным суждено было стяжать имя и завидный удел *народного* поэта, читал иногда басни свои в заседаниях Беседы. Окутав бич умной сатиры пеленою детских, по-видимому, рассказов, Крылов, *le bon homme* *, как прозвали французы своего Лафонтена, карал беспощадно все слабости, причуды и пороки своего времени. Ему внимали с бессознательным и смешным восторгом все мы, насчет кого издевался так ловко, так умно великий критик нашего общественного быта. Его стихи стали переходить из уст в уста, наравне с пословицами и поговорками сметливой старины. Несмотря на мнимую мелочность басен Крылова, потомки наши без сомнения отнесут и к нему, неуклюжему по наружности рассказчику, дивные стихи Горация и Державина: *Exegi monumentum aere perennius ***, и проч.:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит!
Так, весь я не умру и проч.

С Крыловым сблизила и подружила Гнедича Императорская Публичная Библиотека, в зданиях коей они помещались и служили вместе. Гармония между ними состояла из противоположностей самых резких; между

* добряк (*фр.*).

** Воздвиг я памятник вечнее меди (*лат.*).

ними не было ничего общего, кроме добродушия и таланта. Крылов допрашивал животных для обличения и взумления людей; Гнедич погрузился весь в изучение «Илиады», чтобы усвоить русскому языку этот дивный памятник глубокой древности. Крылов большею частью предавался лени и неге игривого воображения; друг его не жалел ни времени, ни трудов для своей высокой цели. Ему, и впоследствии Жуковскому, Россия обязана чудными снимками с «Илиады» и «Одиссеи». Но для наших знаменитых друзей гостеприимный дом Алексея Николаевича Оленина служил опорой и местом соединения, как он был некогда и для злополучного Озерова. Спустя несколько лет Гнедич переехал в Одессу для поправления своего здоровья, подорванного огромным переводом «Илиады». Отдыхая в нашем кругу, он любил рассказывать о связи и отношениях его к Крылову. Нельзя забыть анекдота, сообщенного нам тогда больным поэтом. Живя с Крыловым под одною кровлею, Гнедич весьма часто упрекал его в лени и в незнании греческого языка, как источника чистейших умственных наслаждений. Крылов на упреки друга обыкновенно отвечал равнодушным молчанием, как будто не принимая к сердцу дружеских увещаний. Прошел целый год, нечаянность подготовлена! Однажды в гостиной Алексея Николаевича собеседники по внушению Крылова навели разговор на эллинскую словесность, Гнедич, по обыкновению попав на любимый предмет, заговорил о греческой поэзии с жаром и одушевлением знатока и по старой привычке громко жалел о том, что друг его Крылов лишен удовольствия читать в подлиннике греческих писателей. Тут Крылов прехладнокровно взял со стола книгу творений греческого классика и, развернув ее неудачу, стал читать плавно, вслух и переводить как нельзя лучше. Легко представить себе изумление Гнедича, веселый смех, шутки и поздравления присутствовавших. Таков был Крылов, и таковы прекрасные плоды сердечной приязни между поклонниками изящного. При этом случае я невольно вспомнил странное изречение знаменитого Бюффона, который, рассуждая о гении вообще, определил сущность его в следующих немногих словах: *Le génie c'est la persévérance* *. Крылов, как видно, обладал и тем и другим даром неба, и сочетание их в себе доказал на деле. Но чтобы ближе подойти к истине, едва ли

* Гений — это постоянство (*фр.*).

не следует несколько изменить изречение Бюффона так: *Le génie sans la persévérance est stérile*, а по-русски: *гений без постоянства бесплоден*. Истина столь же неоспоримая, сколь и понятная здравому смыслу. Ибо кто из нас не бывал *поэтом во сне, гёроем у домашнего огонька и мудрецом* в отсутствии *внешних обаяний*? Так и гений: иначе творческий ум в человеке есть ничто, есть напрасный дар, *без силы воли, без влечения любви*, неуклонно стремящихся к задуманной цели.

Опасаясь измен памяти моей, я не смею утверждать: принадлежал ли Сперанский к числу записных членов Беседы. Несомненно только то, что преобразователь делового и государственного слога в России был могучим союзником Беседы в трудах ее.

Таким точно явился тогда на заре жизни молодой иннок Филарет, ныне Митрополит Московский. Его письмо: о причинах великих событий 1812-го г. обратило на юного мыслителя всеобщее внимание. Большинство светских читателей, удивляясь меткости и зрелости соображений, недоумевало и как бы говорило: *откуда* юному монаху *премудрость сия*. Но Филарет в то время, несмотря на молодость свою, уже стоял на духовной кафедре, уже пленял слушателей своих силою и глубиною слова; а с духовной кафедры, как с вершины горы, озаренный светом истины взор видит вдаль и обнимает множество предметов. Вообще влияние тогдашних событий на умы современников обнаруживалось во всех соданиях поэзии и прозы; Озеров, Крылов, Гнедич, Жуковский и Батюшков находили в душе своей созвучия новые и облекали русский стих самыми изящными формами. Здесь я строго отделяю свои политические воспоминания от литературных. А потому неуместным считаю распространяться о тесной и естественной связи между превратностями Отечественной войны и лучшими произведениями словесности, как проявления затронутой народной жизни. Скажу только, что проза не отставала от поэзии, они обе вместе возмужали среди опасностей славы отечества. Не удивительно, что на них лежит особая печать вдохновения и деятельности. Рядом с лучшими поэтами, выше сего названными, шли тогда Сперанский, Филарет и Карамзин, по следам коих впоследствии пошел Иннокентий; и все они совокупными силами возвысили, образовали и узаконили русскую прозу. Умственный переворот совершился появлением в свет первых восьми томов «Истории Государства Российского».

Древняя Русь как бы воскресла в правдивом сказании Карамзина; она предстала нам судьей и зрительницей великих современных подвигов. Нельзя не приписать действию небесного Промысла этого благотворного олицетворения русской старины в те самые роковые дни, когда новая Россия предначинала великое дело умиротворения Западной Европы.

Но вселенская гроза начала утихать; время мало-помалу уносило главных деятелей словесности Екатерининского века. В 1815-м и 1817-м годах «История» Карамзина, выходя из печати, занимала всех и каждого. Около кроткого и приветливого мудреца стало собираться юное поколение литераторов. Составилось под названием *Арзамаса* новое Общество писателей и любителей изящного, в котором тотчас отразилась резкая противоположность между XVIII и XIX столетиями. Важность Беседы Л. Р. С., несколько жеманная и натянутая, вдруг заменена веселыми собраниями Арзамаса, где господствовали непринужденность и разгул воображения. Каждому члену усвоено шутовское прозвище; дневники или журналы заседаний писывались игривыми эксаметрами. В этих дружеских съездах расточалось много остроумия, сыпались шутки, высказывались нередко меткие суждения о современных произведениях словесности. Я говорю об Арзамасе только понаслышке и сношениям моим с С. С. Уваровым, Д. Н. Блудовым, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, Д. П. Севериным и А. И. Тургеневым. Знаю, однако ж, наверно, что в приятном кругу Арзамаса развязность и вспышки ума никогда не выходили из пределов разборчивого вкуса и приличия. В том ручалось благотворное влияние Карамзина, который в течение своей жизни умел так удачно соединять приятное с полезным и примером своим умерять все порывы личности самолюбивой. В 1818-м году большая часть членов Арзамаса переехала в Москву вслед за царским двором. В обновляемой древней столице каждая свежая развалина говорила уму и занимала каждое русское сердце. Там у Дмитриева очень часто собирались Карамзин, Блудов, кн. Вяземский *, Северин, Тургенев и мно-

* Кн. П. А. Вяземский, писатель по внутреннему призванию, а не по образу занятий. Каждое произведение его, в прозе ли оно или в стихах, похоже на жемчужину без пятна, в богатой оправе с радужными отливами меткого ума, верного вкуса и чувства неподдельного. Очень жаль, что доселе эти жемчужины остаются как будто растерянными в бесчисленных повременных изданиях.

гие другие. Это время особенно памятно мне, потому что Дмитриев и Карамзин благосклонно отозвались о первых моих трудах; а Батюшков полюбил меня за статью мою: «Мысли о любви к отечеству», помещенную в журнале Н. Ч. Общества. Тогда же из Царскосельского Лицея выступили на поприще общественной жизни: князь Горчаков, Дельвиг, Ломоносов и Пушкин. Юное поколение уже теснило нас и готовилось сменить собою прежних тружеников русской словесности и самовидцев всемирной борьбы. Слава Жуковского росла вместе с славою России; *Певец во стане русских воинов* искусною рукою переносил на русскую почву лучшие цветы всех современных литератур. В Жуковском, как и в Карамзине, я с восхищением находил все черты, составляющие идеал истинного поэта и великого писателя. Оба они не только в творениях своих, но и в домашнем быту и в общезжитии остались верными высокому призванию, которое состоит в том, чтобы настроенность светлой души постоянно согласовалась с направлением творческого ума в области изящного. Однажды, зашедши к Тургеневу, я застал у него молодого Пушкина, в ком Карамзин и Жуковский предузнавали и лелеяли развивающийся высокий дар. Принесли к Тургеневу новый портрет Жуковского, и тут же Пушкин, любуясь им, написал следующие к нему стихи, многим уже известные:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль;
И внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Тургенев был вне себя от радости и показывал мне с добродушною гордостью стихи, только что начертанные питомцем Лицея. Но еще рано высказывать мои воспоминания о Пушкине; он вместе с блестящим строем его последователей только что вступал на поприще большого света, и сознания творческого ума его принадлежат другому порядку вещей, почерпнуты из иного источника поэтических впечатлений. Скажу еще несколько слов о Батюшкове, которому суждено было пережить самого себя и доживать век свой в глубоком уединении на севере. Я познакомился с ним чрез посредство Д. П. Северина и, как сказано выше, по случаю статьи моей: «О любви к отечеству». Кроткая, миловидная наружность Батюшкова согласовалась с неподра-

жаемым благозвучием его стихов, с приятностию его плавной и умной прозы. Он был молодеж, часто застенчив, сладкоречив; в мягком голосе и в живой, но кроткой беседе его слышался как бы тихий отголосок внутреннего пения. Однако под приятною оболочкою таилась ретивая, пылкая душа, снедаемая честолюбием. Еще будучи отроком, Батюшков отличился и получил несколько тяжелых ран на поле чести *. Поэзия, для которой он был рожден, успокоила на время порыв души его и тревогу помыслов честолюбивых, но только на время, ибо не в добрый час вздумалось Батюшкову сделаться дипломатом, и тогда-то встретились мы в Петербурге, перед самым назначением и отъездом его в Неаполь, в качестве сверхштатного секретаря при русском посольстве. Там у могилы Вергилия под ясным и прозрачным небом южной Италии, наперекор призванию своему, истинный поэт простился с поэзией навеки. Утомленный обрядовою частью службы и гнетущим механизмом канцелярских занятий, с коими соединялись личные отношения, не весьма приятные, Батюшков начал унывать, дичиться и упадать духом. После многих бесплодных усилий и продолжительной душевной пытки Батюшков, измученный, возненавидел людей, свое дарование, сжег, как уверяют, перевод Данте, им предпринятый, уехал обратно на родину, в которой встретили, однако ж, одну лишь развенчанную тень его. Батюшков живет доселе загадочною жизнью, так много некогда обещавшею, но бессмертная душа поэта, словно одинокая звезда, заслоненная от нашего взора черным облаком, невидима земле, но движется и сияет для неба **.

* Под Прейсш-Эйлау. Его вынесли полумертвого из груди убитых и раненых товарищей.

** Здесь место упомянуть об А. Хр. Востокове. Заслуги его, как грамматика и знатока русских древностей, давно уже оценены просвещенными любителями наук. Но теперь, может быть, мало кому из нас памятна *лирические опыты* его молодости. Мы с ним ровесники; я когда-то страстно любил, изучал и перенимал его стихи задумчиво-прекрасные, в которых дышит истинный лиризм и пленяет читателя классическое разнообразие размеров. Но лира Востокова замолкла еще до наступления великой эпохи 1812-го г., вызвавшей на поле сугубой славы Дениса Давыдова, Глинку и многих других певцов-ратоборцев. Ф. Глинка и кн. Сергей Шихматов (в монашестве Аникит) по следам великого Ломоносова создали у нас поэзию собственно духовную. Первый из них принадлежит еще и ныне отборному строю знаменитых современников; а последнему я давно уже посвятил несколько страниц, в которых высказались вполне благодарная любовь моя к святому подвижнику и чувство благоговения к его священной памяти.

Бытие и деятельность Арзамаса были недолговечны. *Мы зреем не веками, а десятилетиями*, сказал когда-то Карамзин в речи, произнесенной им при вступлении в Российскую Академию. Осмелимся примолвить, дополняя высказанную истину неизбежным ее выводом: *и так же скоро отцветаем*. Впрочем, Арзамас посвящен был не столько труду, сколько приятному досугу и развлечению. Многим из членов этого общества, занятым государственною службою в высоких должностях, некогда было платить дань изящной словесности. В таком именно положении находились тогда С. С. Уваров, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, А. И. Тургенев и Д. П. Северин. Жуковский, удостоившийся звания и должности наставника при Государе Наследнике престола, один не переставал посвящать досуги свои изящным произведениям. Его переводы Шиллера, Гете и простонародных рассказов аллеманского поэта на швабском наречии постоянно удивляли нас печалью невиданного дотоле совершенства. *Дева Орлеанская* ожила в чудных его стихах. К Жуковскому по преимуществу можно отнести слова Боало: «Il ne traduit pas, il joûte avec son auteur» *. Но в творениях Жуковского много и своего собственного. «Певец во стане русских воинов» и послание к Императору Александру I останутся навсегда живыми памятниками славных дней с 1812-го по 1816-й год, т. е. славы побед над Европою и ее умиротворения.

Пушкина в 1825-м г. за шалость его музы выслали из столицы в Бессарабскую область под надзор тамошнего наместника почтенного генерала Инзова. Молодому баловню собственного таланта грозила тогда участь несколько строже удаления из столицы. Но Карамзин стал за него ходатаем и поручителем; и Пушкин, заехав в южную Россию, умерил порывы своего характера под кротким и отечественным влиянием Инзова — старца поистине богомудрого. Ему довелось тогда посетить живописные горы и ущелия Кавказа, быть свидетелем необыкновенного движения и прилива людей в Бессарабии, по случаю происшествий, совершавшихся в Молдавии и Валахии. Посему не удивительно, что красоты природы и близкие явления современности как волшебный жезл прикоснулись к восприимчивому вообра-

* Он не переводчик, а соперник автору (фр.).

жению молодого поэта и вызвали из души его бессмертные поэмы, каковы: «Кавказский пленник» и лучшие песни «Онегина». В 1824-м и 1825 годах мне довелось часто встречаться с Пушкиным в Одессе. Неукротимый дух его, в ту эпоху еще не дозревший, видимо, чуждался меня как человека, гордившегося оковами собственной мысли. Однако, несмотря на такое предубеждение, я с удовольствием припоминаю, что однажды, за обедом у моей сестры, сидя друг подле друга, я успел (впрочем, без всякого намерения) овладеть полным вниманием и сочувствием Пушкина. Мы беседовали о прошлом и современном; говоря о Турции, о восточных христианах, единоверных нам, я излагал перед ним причины сохранения их народного духа и веры под властью мусульман. Пушкин не знал, что на Востоке церковные пастыри исполняют должность судей и начальников гражданских, что вера и дух народный без всякого принуждения утвердили за ними эту вековую и спасительную власть, взамен порабощения иноплеменникам и как бы в залог будущего. Перейдя потом от сего поучительного явления к зиждительной силе и влиянию христианской веры вообще, я сказал между прочим Пушкину: теперь то и дело говорят о мечтательной политической свободе; а знаете ли, что в Евангелии, в котором заключены все высшие истины, мы обретаем определение истинной свободы. Господь сказал: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Заключите же из сего божественного изречения, что где нет *внутренней* свободы, там нет и *внешней*. Собеседник мой при этих словах изъявил простодушное удивление и сердечное участие. Кто знает, не начал ли он с тех пор заглядывать почаще в святое Евангелие. Так невольное движение руки или нечаянное дуновение ветра иногда заносят очень далеко семя, обреченное будущему плодотворению! Впоследствии глубокий ум Пушкина, как всякому известно, остепенился, окреп, возмужал и подарил словесность нашу драгоценными начатками на поприще истории. «Борис Годунов», «Капитанская дочка» и наконец «История Пугачевского бунта» резко обозначили переход этого редкого гения из области мечтаний к постижению существенности, не менее изящному. И чего не обещало России новое, высокое направление способностей Пушкина! Но один мгновенный взрыв страсти неукротимой погубил все сии надежды в лучшем их цвете.

Насильственная смерть Пушкина заставляет меня невольным образом вспомнить о Грибоедове. К обоим можно отнести печальный выразительный стих:

*Abstulit atra dies et funere mersit acerbol..**

Я знал Грибоедова при самом начале деятельности его на поприще словесности и службы. Подобно Батюшкову, он домогался должности дипломатической; и с этою целию искал моего знакомства. Светлый ум, крутой нрав и сметливая физиономия Грибоедова полюбились мне. Пользуясь тогдашним положением моим при министре иностранных дел, я вступился, сколько мог, за благородного искателя и предложил ему на выбор должности канцелярского чиновника в Филадельфии и Тегеране. Грибоедов колебался; я указывал ему беспристрастно на относительную важность этих посольств, измеряемую связью каждого из них с прямыми выгодами России. Мне хотелось, чтоб он предпочел Америку Персии потому только, что более надеялся на правила и образ мыслей нового начальника этой отдаленной миссии, барона Тейля, с которым я подружился на зимних биваках 1812-го г., при Березине. Однако ж я познакомил Грибоедова лично не только с ним, но и с ст. сов. Мазаровичем; оба они находились в столице и собирались в путь, каждый сообразно своему назначению. Грибоедов сам решил участь свою и отправился в Персию. По заключении Турхманчайского мирного договора, Грибоедов приезжал на время в столицу, но забыл и даже не спрашивал обо мне. Ему везло: осыпанный царскими милостями, он уехал обратно в Тегеран — поверенным в делах, по-видимому стремясь к новым заслугам и почестям; а в самом деле ожидала поэта жестокая насильственная смерть! Никогда в жизни не случилось со мною быть столь близким очевидцем при выборе самим страдальцем собственного таинственного жребия.

После всего, что пересказал и обсудил я в настоящих очерках прошедшего, читатели «Москвитянина», надеюсь, не скажут, что я не дал простора моим литературным воспоминаниям и что, не заплатив долж-

* Черный день поглотил и в раннюю ввергнул могилу (*лат.; перевод В. Брюсова*).

ной дани матери Муз — Мнемозине, без оглядки спешу к пределу всех впечатлений земных. Пусть почтенные современники последуют моему примеру — и характеристика словесности времен Александра I будет готова. Мне пора умолкнуть и заключить свой пестрый рассказ, из уважения к совету Горация: *semper ad eventum festina* *. Итак я приступаю теперь к прощальному взгляду на былое и к окончательным из него выводам.

Всматриваясь пристально в главнейшие проявления умственной нашей жизни с 1805-го года до тридцатых годов XIX века, нельзя не заметить могучего непреоборимого влияния вселенских событий на русскую словесность. Отечественная война с ее роковыми предзнаменованиями и последствиями выдвинула умы из колеи устарелых форм и условных понятий, по которой до тех пор лениво тянулась наша словесность.

Беседа Л. Р. С. возвестила и приготовила пробуждение в нас живой мысли, устремленной к созданиям изящным. Арзамас, в свою очередь, содействовал дальнейшему развитию творчества неподдельного — потому что оно одушевлялось и дышало великими происшествиями. Таков общий удел, таково коренное свойство человеческого ума. Ему необходимы обильные впечатления отвне, сильные прикосновения к нему судеб Всевышнего. Без них ум наш уподоблен кремню, заброшенному где-то в глуши, в жилах которого затаился небесный огонь, никем не подозреваемый в течение веков, доколе случайный удар не высечет из него светозарной искры. То же бывает и в нравственном порядке вещей. Как скоро движение умов, произведенное 1812-м годом, начало утихать, — обнаружилась у нас потребность впечатлений новых. И они нашлись для поэтов на высотах и за пределами Кавказа. Поколение, шедшее по следам Арзамаса, — Пушкин, Лермонтов, Марлинский и Тепляков, почерпнули свежее вдохновение из сего богатого, нетронутого источника. Не будь для нас Кавказа, баснословной Колхиды и многострадальной Грузии, с исполинскими памятниками тамошней природы и с священными развалинами христианского мира, — не будь этой чудной смеси Востока и Запада, неги

* всегда торопиться к развязке (*лат.*).

и воинственного духа в строптивых племенах горцев, — где бы нашим поэтам можно было найти новую обильную жатву для воображения и таланта!

Конечно, дарование высокое никогда и нигде не обнищает; всюду сумеет найти для себя пищу. Разительное доказательство сей утешительной истины мы находим в произведениях глубокомысленного созерцателя внутренней и внешней человеческой жизни, Н. В. Гоголя. Он пишет прямо с природы, как она проявляется в русском быту, не заимствуя предметов искусства издалека. Таково особенное призвание современного нам поэта-наблюдателя, чья слава возросла и утвердилась во мнении мыслящих людей именно с тех пор, как подверглась сильному пререканию.

По следам лирических певцов и романтиков в закавказскую страну обратились и зоркие наблюдатели. Почитатели древней святыни, любители изящных искусств, этнографы и испытатели природы наперерыв занялись разработкою богатого рудника, в котором на каждом шагу столько же познания и наслаждений, сколько и опасностей. Между ними еще недавно А. Н. Муравьев обозревал Грузию, Карталинию, часть Армении и Мингрелию с намерением изучить чудный край сей по его христианским памятникам и летописям. Путешествию его мы обязаны превосходным сочинением: «Грузия и Армения», величественною поистине картиною закавказских стран, людей и воспоминаний. Нельзя было, впрочем, ожидать менее от автора столь многих творений, обогативших словесность нашу библиотекою назидательных и приятных книг. И подлинно, с 1830-го г. доньше, А. Н. Муравьев, принадлежащий юному поколению наших писателей, умел осуществить и оправдать высокое свое призвание; оно, по моему мнению, состоит в том, чтобы сблизить и сроднить на Руси изящную словесность с духовною. Благоговейный поклонник св. мест, историк св. града Иерусалима, истолкователь священных обрядов православия, зоркий наблюдатель современного Рима, поборник чистого учения церкви, убежденный и убеждающий, трудился в продолжение 20-ти лет с удивительным единством мысли, с увлекательным разнообразием в подробностях. Его высокое дарование нисколько не измени-

лось, но постепенно возрастало и достигло совершенной зрелости в последнем произведении благотворного пера,— я разумею: «Письма с Востока». Согласитесь, мои благосклонные читатели, что ничем и никем не мог я лучше до настоящих дней длинную нить моих воспоминаний. Они уже уносятся от меня в туманную даль, словно вереница перелетных птиц, привлеченных раннею весной, но которым страшна угрюмая осень*.

*Из села Манзыря.
28-го сентября 1851 г.*

* Говоря о писателях нового поколения, я называю по имени только тех, кому посчастливилось заживо вписать имена свои в летопись русского слова. Прочим, подсудимым потомства, скажу не обвиняясь, как и самому себе: права и притязания наши на бессмертие сомнительны, доколе не упрочила их по крайней мере земская десятилетняя давность.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ

ИЗ «ЗАПИСОК»

Вообще в первое десятилетие Александрово петербургский так называемый ученый мир молодечеством и самохвальством старался взять верх над московским; а в сей последней, как бы смотря с презрением на варваров, хотели отличить себя от них любезностью и нежностью, и как Дон-Кихот, в Дмитриевой басне, говорит грубиянам: «не бей меня, но пой», одни облакались в броню и вооружались мечом, другие венчались розами и в руках держали свирель. Жаль только, что петербургские писатели со смелостью соединяли мало ума и таланта и что вечные похвалы их отечеству, как, например, в *Храме славы Российских ироев*, Новгородского губернского прокурора Павла Юрьевича Львова, никого не воспаляя, на всех наводили сон и зевоту.

Владея бесспорно Парнасом, не позволяя никому иметь литературного мнения, противного их мнениям, и полагая, что мнимые их противники осуждены никогда не покидать Москвы, петербургские главные писатели не могли предвидеть, что против их неограниченной власти может скоро составиться союз и заговор. И действительно, в целом Петербурге всего-навсего был один только не с большим двадцати лет молодой человек, Блудов, полный ума и вкуса, который позволял себе явно осмеивать их недостатки и претензии и писать на них эпиграммы. Для обуздания его хотели они, хотя тщетно, употребить даже высшую власть. Прибывший в 1805 году Александр Тургенев пристал к нему, но был более его осторожен. Я слушал их с удивлением: мне казалось странно и непонятно живое участие, при-

нимаемое ими в сем деле. Мне было не до Шишкова: я бредил тогда Лагарпом, Парни, Фонтаном и Шато-брианом.

Вдруг пришла ужасная весть. В Твери, у Екатерины Павловны, Карамзин читал императору Александру несколько глав своей истории, этой истории, где, по словам их, должны были встречаться все одни милые Святополки и нежные Мстиславы. Не прошло месяца, как Дмитриев назначен министром юстиции и скоро прибыл в Петербург; и он прибыл не один, а привел с собою немногочисленную, но избранную дружину. Его сопровождали три юноши, Милонов, Грамматин и Дашков; первые два были только что поэтами, последний тем, чем бы только захотел он быть. Огромный талант Милонова можно сравнить с прекрасною зарей никогда не поднявшегося дня; много было его и в Грамматине, но он также далеко не пошел. Первый талант свой потопил в вине или, лучше сказать, в водке, последний зарыл его в деревне, куда навсегда переселился хозяйничать. О Дашкове, о незабвенном Дашкове, о котором воспоминание останется всегда прекраснейшим в моей жизни, здесь говорить не буду: в эту минуту я не чувствую себя способным достойным образом изобразить его.

Глава славянофилов, или варягороссов, как их тогда называть начали, со товарищи видели в министерстве Дмитриева опасность для своего всемогущества, тогда как обязанности государственного сановника вовсе не оставляли времени Дмитриеву заниматься литературой. Правда, он часто принимал у себя Блудова и Тургенева, за тихую трапезой с ними и с живущим у него Дашковым часто любил беседовать о любимом предмете, между ними почитал себя как бы главою семейства, был отечески ласков и оказывал нежную снисходительность и покровительство Грамматину и Милонову. Конечно, все это можно было почитать зародышем оппозиции; но ее еще не было, а противники замыслили уже задуть ее при самом рождении.

Этого мало: им хотелось, в случае первой неудачи, поставить твердый оплот против распространения ее дальнейших успехов. Российская Академия была тогда ветхое укрепление, почти на две трети защищаемое ветеранами литературы. И хотя Шишков был уже ее душою и убылые в ней места пополнял одними своими клеветами, но все еще упрямылся жить и президент-

ствовать в ней полумертвый действительный тайный советник Андрей Андреевич Нартов, не совсем ему покорный. Надобно было из-за нее воздвигнуть твердыню, которая, держа ее в повиновении, служила бы ей в одно время и защитой. Следствием глубоко обдуманных мер, плодом искусно начертанного плана было, в октябре месяце 1810 года, рождение *Беседы Любителей Российского Слова*.

Обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали ее учреждению и началам. Мудрено объяснить состояние умов тогда в России и ее столицах. По вкоренившейся привычке не переставали почитать Запад наставником, образцом и кумиром своим; но на нем тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая нам истреблением или порабощением; вера в природного, законного защитника нашего была потеряна, и люди, умеющие размышлять и предвидеть, невольно теснились вокруг знамени, некогда водруженного на Голгофе, и вокруг другого невидимого еще знамени, на котором уже читали они слово: отечество. Пристрастие к Европе приметно начало слабеть и готово было превратиться в нечто враждебное; но в ней была порабощенная Италия, страждущая и борющаяся Гишпания, Германия, которая тайно молила о помощи, и Англия, которая не переставала предлагать ее. Воспрянувшее в разных состояниях чувство патриотизма подействовало, наконец, на высшее общество: знатные барыни на французском языке начали восхвалять русский, изъявлять желание выучиться ему или притворно показывать, будто его знают. Им и придворным людям натолковали, что он искажен, заражен, начинен словами и оборотами, заимствованными у иностранных языков, и что *Беседа* составила единственно с целью возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и они все взялись быть главными ее поборницами.

Маститый Державин, который воспел все минувшие славы России, для заседаний *Беседы* отдал великолепную залу прекрасного дома своего на Фонтанке. В этой зале, ярко освещенной, как во храме бога света, не помню сколько раз, зимой бывали вечерние торжественные собрания *Беседы*. Члены вокруг столов занимали середину, там же расставлены были кресла для почетнейших гостей, а вдоль стен в три уступа хорошо устроены были седалища для прочих посетителей, по билетам впускаемых. Чтобы придать сим собраниям

более блеску, прекрасный пол являлся в бальных нарядах, штатс-дамы в портретах, вельможи и генералы были в лентах и звездах, и все вообще в мундирах. Часть театральная, декорационная была совершенно; заправлял ею, кажется, сам Шаховский. Чтение обыкновенно продолжалось более трех часов и как содержанием, так и слогом статей отнюдь не отвечало наружному убранству великой храмины. Дамы и светские люди, которые ровно ничего не понимали, не показывали, а может быть, и не чувствовали скуки: они исполнены были мысли, что совершают великий патриотический подвиг, и делали сие с примерным самоотвержением. Горе было только тем, которые понимали и принуждены были беспрестанно удерживать зевоту. Модный свет полагал, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству веры и отечества.

Наподобие Государственного Совета, составленного из четырех департаментов, и Беседу разделили на четыре разряда, и так же, как у него, в каждый посадили по председателю, да еще каждому дали по попечителю. Это был сущий вздор, ибо в предметах занятий между разрядами не было никакого различия. Потом было в каждом из них по несколько членов и по несколько членов-сотрудников, которые составляли как бы канцелярию Беседы. Вообще, она имела более вид казенного места, чем ученого сословия, и даже в распределении мест держались более табели о рангах, чем о талантах. Попечителями были председатели в Совете, граф Завадовский и Мордвинов и министр просвещения граф Разумовский; как будто на смех, четвертым посадили министра юстиции, Дмитриева. Почти все вышепоименованные писатели попали в члены, коих список украшался именем Крылова, как вечерние собрания их оживлялись немного чтением его басен. В числе сотрудников находились и наш Жихарев, который тогда еще был не наш, и Греч, о котором я тогда не имел еще никакого понятия. Крылов, хотя и выдал особу свою Беседе, но, говорят, тайком подсмеивался над нею. Доказательством тому поставляют вскоре после ее открытия выданную им басню *Квартет*, где проказница мартышка, осел, козел да косолапый мишка спорят о местах, и автор говорит им: «Друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь».

Что бы ни говорили, а Беседа, может быть, не весьма с похвальными намерениями основанная, по мнению

моему, была во многом полезна. Во-первых, самого Карамзина грубости Шишкова сделали несколько осмот- рительным; он указывал ему на средства дать более важности и достоинства историческому слогу (более он сделать не мог), а тот с своим чудесным умом и талантом не оставил ими воспользоваться. Несколько молодых писателей были поудержаны от жеманства, в которое, по неопытности, могли бы впасть, глядя на московских вздыхателей. Наконец, покровительство и уважение, оказываемые в столице отечественной сло- весности правительством и высшими сословиями, име- ли благотворное действие на провинции и некоторым образом способствовали сближению разных состояний и согласию между ними, столь необходимым в эту памят- ную эпоху.

Как ни велико было авторское полчище, набранное Беседою, все еще оставалось много людей, упражняю- щихся в литературе, которых она воспринять не захо- тела или которые сами в ней быть не пожелали. В это время число их до того увеличилось, что можно было, по примеру Ривароля до революции, составить в одном Петербурге маленький словарь маловеликих людей. Служащий в министерстве просвещения Дмитрий Ива- нович Языков, человек ученый, переводчик Шлецерова *Нестора*, нашел, что из сих остатков можно создать еще новое особое общество, предложил им о том, полу- чил их согласие, для заседаний выпросил одну из зал опустевшего Михайловского замка и сделался первым президентом Общества Любителей Наук, Словесности и Художеств.

Никто из членов его не смел и подумать вступить в соперничество и борьбу с Беседой; хотя Дашков, Ми- лонов и Грамматин были приняты в число их, однако же умели сохранить некоторую от нее независимость. Между ними были примечательны два человека: петер- бургский Измайлов, которого звали Александр Ефимо- вич, да еще Александр Христофорович Востоков, ко- торый из любви к России бросил немецкое прозвание Остенек.

Первый был всем известный баснописец вроде Кры- лова. Между ними была та разница, что Крылов умел облагораживать простонародный язык, а этот сохранял ему всю первобытную его нечистоту. Одним словом, и все в том соглашались, это был Крылов навеселе, за- шедший в казарму, в харчевню или в питейный дом.

Востоков, кажется, был нечто вроде Мерзлякова, более профессор поэзии, чем поэт, искусный учитель пения, у которого не было голоса. Он заикался, и это напоминает мне стихи его, о самом себе написанные:

Язык ему не одан смертных,
Но дан язык богов.

Многие уверяли, что и на этом он заикается.

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько приятельское. Оно состояло тогда из пяти или шести человек, и собиралось только отобедать, потолковать или провести вечер у мецената своего, Алексея Николаевича Оленина, о котором также не здесь, а далее должен буду много говорить. Принадлежа ко всем и ни к которой из партий или обществ, члены Оленинские, даже в доме его, хлебо-сольном, для всех открытом, и принимая участие в общей веселости, составляли какой-то особый мир, имеющий особые мнения, особые правила. Отличнейшими или отличенными между ними были Крылов и Гнедич. Других не назову, кроме одного, Александра Ивановича Ермолаева, скромного, молчаливого и ученого человека по части русских древностей. Он был из числа тех людей, кои, оторвавшись от житейского, всем духом своим погружаются в любимую науку. <...>

<...> В это гремящее время поэзия у нас не умолкала: ее голос иногда громко раздавался, и воины, равно как и граждане, с восторгом внимали ему. Жуковский, Вяземский, Батюшков, Шаховской и многие другие литераторы и стихотворцы вступили в дружины и ополчились на врагов отечества. Но только первый из них, *певец во стане Русских воинов*, как они называли его и как сам он назвал прекрасное стихотворение свое, был счастливо вдохновен ужасным и новым для него зрелищем.

Все журналы гласили только о военных или политических происшествиях. На сцене ничего не показывалось нового, кроме небольших патриотических пьес, приуроченных к настоящим обстоятельствам. Из-под пера славного баснописца нашего, Крылова, выходили басни, также к сему предмету относящиеся. В одной из них ворона попадает к французам в суп, в другой ловчий Кутузов говорит волку Наполеону: «Ты сер, а я, брат, сед, и волчью вашу я натуру знаю».

Когда же, после взятия Парижа, Александр возвратился в Петербург, тогда вся восхищенная им толпа поэтов, в честь и хвалу его, возвысила свои искренние, не купленные голоса. Послание свое к нему Жуковский начинает сими словами:

Когда летящие отсюда шумны клики,
В один сливаясь глас, к тебе зовут, великий...

Когда раздался всеобщий сей бесподобный, трогательный гимн, то в нем различить можно было и умирающие звуки лиры Державина, и нежный, но уже сильный голос еще ребенка Пушкина, который посвятил ему первые плоды чудного своего таланта. Крылов нашел средство в маленькой, премилой басне *Чиж и Еж* также воспеть ему хвалу. Все напоминало первые дни его царствования; сердца русских, казалось, еще сильнее пылали к нему, но он был уже не тот.

Пока продолжался Венский конгресс, внутри России, так же как и в Петербурге, начали забывать и прошедшее горе, и минувшую радость; всякий помаленьку стал приниматься за прежнее дело, и сочинители стали по-прежнему пописывать и слегка перебраниваться.

Беседа открыла вновь свои торжественные заседания, но они становились все реже и совсем потеряли великое значение, которое имели до войны. Раз вздумалось нам с Блудовым (помнится, в ноябре 1814 года) из любопытства отведать их препрославленной скуки и, можно сказать, были ею пресыщены. Ни забавного, веселого и остроумного, ни глубокомысленного или ученого ничего мы не слышали, а все что-то такое, о чем бы не стоило говорить. Не одною скукою были мы жестоко наказаны за сию не совсем благоприязненную попытку. Блудов отослал домой карету и слугу; они еще не воротились, когда кончилось чтение; свет начал гаснуть в зале, и она скоро закрылась. Нам пришлось оставаться в передней между лакеями, ибо в гостиную к Державину, куда переселились чтецы и слушатели, одному незнакомому, а другому известному противнику *Беседы* и Шишкова, явиться было неприлично. Мы предпочли в одних фраках идти пешком вдоль по Фонтанке, при сильном холодном ветре и осыпаемые мелким снегом. Скоро встретилась нам карета, мы сели в нее и, только согревшись, нашли, что случившееся с нами довольно забавно. Впоследствии

Блюдов весьма искусно поместил сие происшествие в одном шуточном произведении своем.

Во время продолжительного отсутствия моего из Петербурга произошла в нем перемена, несмотря на мой патриотизм, для меня весьма неприятная. Французский театр для холостых, для молодых людей, большой свет мало посещающих, был усладительным препровождением времени. В 1812 году, по мере как французские войска приближались к Москве, начал он пустеть и наконец всеми брошен. Государь, который никогда не был охотник до театральных зрелищ, сим воспользовался, чтобы велеть его закрыть и рассчитаться с актерами, которые почти все один за другим через Швецию уехали *. Публика лишилась пленительных Филис и Жорж, сперва, по-видимому, мало о том жалела, а наконец и совсем их забыла. Для меня же без них Петербург потерял более половины своей прелести.

Немецкий театр заменить его не мог. Он, точно так же как до упразднения французского, как и после него, так же как и поныне, существует для особого мира. Несмотря на предпочтение, данное впоследствии духу германской литературы пред другими, даже немцы лучшего тона никогда не посещают его. Он остался вечернею отрадой всего своекорыстного и трудящегося у нас немецкого населения. Пасторы, аптекари, профессоры и медики занимают в нем кресла; семейства их — логи всех ярусов; булочники, портные, сапожники — партер; подмастерья их, вероятно, раек.

Итак, для общей забавы осталась одна только русская труппа, и надобно признаться, она умела воспользоваться присутствием французской, а еще более отсутствием ее. Русский народ переимчив; наши актеры, насмотревшись на французов, первых актеров в мире, всеми силами старались заменить их и начали прилежно изучать все тонкости художества своего, когда предстали пред лучшую публику. Созревший талант Семеновой изумлял и очаровывал даже тех, которые не понимали русского языка; до того черствые стихи Хвостова и других в устах ее делались мягки и приятны. Она заимствовала у Жорж поступь, голос и манеры, но так же как Жуковский, можно сказать, творила

* Как времена меняются! Ныне высший круг, совсем объевропеившийся, такую справедливую меру не мог бы простить правительству.

подражая. В комедии и опере показалось несколько примечательных молодых артистов; но как они долго оставались на сцене, то надеюсь найти случай в другом месте поговорить о них.

Мода на трагедии как будто прошла. Новых комедий тоже что-то не было. Ополчившемуся Шаховскому сперва не до того было; но он уже замышлял вступить в новый бой, ему более свойственный, а покамест новым, маленьким творением потешил публику. Его *Казак Стихотворец* очень милый малый и особенно примечателен тем, что первый выступил на сцену под настоящим именем водевиля. От него потянулась эта нескончаемая цепь сих легких произведений, которых ныне по три и по четыре ежедневно появляется на сцене. В первые годы появление каждого из них было происшествием для любителей театра. Оперы почти все по-прежнему были переводные с французского; опасаясь сравнения, преимущественно играли те, кои гвардия вновь привезла с собою из Парижа, — *Жана Парижского*, *Жаконду*, именно те; в коих зрители не видали Фелис.

В 1815 году, откуда ни возьмись, показался новый комик, который в произведениях своих сделался известен не на одном драматическом поприще. Мне был он давно знаком, равно и тем, кои с некоторым вниманием прочтут меня. Никто не подозревал в родственнике моем, Михаиле Николаевиче Загоскине, тех редких способностей, которые труды и время развили в нем, а я, может быть, менее чем кто другой. Отец его, почтенный чудак, исполнен был религиозного духа и любознательности, жил всегда в деревне и на ярмарках запасался всякого рода книгами, выходящими на русском языке; их давал он читать сыновьям своим. У старшего было чрезвычайно много живости в крови и мыслей в голове; к тому же с ребячества он имел любовь (которую назову я страстною) к истине и справедливости и какой-то свой особенный, но не менее того верный и ясный взгляд на людей и их недостатки. Одним словом, в нем воображение сочеталось с рассудком, а из чего же составляется ум? Проведя отрочество в деревне и первую молодость в среднем тогдашнем кругу, его наблюдательности представились сперва самые низшие слои общества. Он тем воспользовался, и я готов назвать его Крыловым в прозе и романах. Но кипень его характера делала его рассеянным и невни-

мательным к этой глазури света, которую посредственность, а часто и ничтожество так удачно наводить на себя умеют. Как человек совершенно русский, он любил подтрунивать; видя зло, горячился, сердился, но никогда до ненависти, и в сегодняшнем враге так и хотелось ему видеть завтрашнего друга. Я всегда любил его за его доброту и веселонравие, но не имел довольно опытности, чтобы уметь достойным образом оценить качества его души и ума: в глазах моих всякий гостиный эмабельный дурак стоял выше его. До 12 года оставался он мирным канцелярским чиновником; казалось, что он не имеет ничего общего с военным ремеслом, как вдруг любовь к отчизне вызвала его на поле брани; он вступил в Петербургское ополчение и храбро дрался с ним под Полоцком и под Данцигом. По возвращении из похода всегдашняя страсть его к театру сблизила его с Шаховским; им ободряемый, он решился написать небольшую комедию *Проказник*, довольно плохую, но которая дала ему почувствовать, что он в состоянии творить лучше.

Весной того же года решился, наконец, Жуковский приехать в Петербург на житье. Ему предшествовала выросшая его знаменитость, и он особенно милостиво был принят у вдовствующей Императрицы, которая любила в нем певца, обожаемого ею, могущественного, препрославленного сына своего. Несмотря на новый образ жизни, Петербург не мог показаться ему чужбиной: недра дружбы ожидали его в нем. Тщеславный и ленивый Тургенев, который выслуживался чужими трудами и плел себе венок из чужой славы, конфисковал его в свою пользу и дал ему у себя помещение.

Желая им похвастаться и им угостить, в один весенний вечер созвал он на него всех коротких знакомых своих. Я рано прийти не смог: принадлежа к Оленинскому обществу, я счел обязанностью в этот день видеть первое представление Расиновой *Ифигении в Авлиде*, коей переводчик, Михаил Евстафьевич Лобанов, был один из приближенных к Алексею Николаевичу. Публика приняла трагедию хорошо; а как один партер с некоторого времени имел право изъявлять народную волю (что шалунам и крикунам было весьма приятно), то она не упускала случая сим правом воспользоваться, и потому-то, вероятно, шумными возгласами вызвали переводчика. Ничтожество и самолюбие были написаны на лице этого бездарного человека;

перевод его был не совсем дурен, но Хвостов, я уверен, сделал бы его лучше, то есть смешнее.

С Крыловым, с Гнедичем и с самим, венчанным свежими лаврами, поэтом, после представления, прямо из театра явились мы к Тургеневу. Но, о горе! приход последнего едва был замечен. На Жуковском сосредоточились все любопытные и почтительные взоры присутствовавших: он был истинным героем праздника. В помутившихся глазах и на бледных щеках Лобанова выступила досада, которую разве один я только заметил. Быстрый переход от торжества к совершенному невниманию действительно жестоким образом должен был тронуть его самолюбие. Вскоре после того неудовольствие свое выместил он на мне: осмеивая пристрастие мое к французскому театру, в каком-то стихотворении необидную, небезопасную злость свою излил он следующими стихами:

Не столько Телемак крушился об Улиссе,
Как многие у нас крушатся о Филисе.

На этом вечере, в кругу не весьма обширном, мог я ближе разглядеть одного молодого еще человека, которого дотоле встречал в одних только больших собраниях. Щеголяя светскою ловкостью, всякого рода успехами и французскими стихами, Сергей Семенович Уваров старался брать первенство перед находящимися тут ровесниками своими, и его откровенное самодовольствие несколько смирялось только перед остроумием Блудова и исполненным достоинства разговором Дашкова. Мне показался он нестерпим. Человек этот играет важную роль в государстве; он дает направление образованию всего учащегося юношества, и благо или зло, им посеянное, отзовется в потомстве. Вот почему я полагаю, что всякая подробность, относящаяся до происхождения его, характера, жизни, достойна внимания этого потомства и заслуживает быть ему передана.

У одного богатого дворянина древнего рода, Ивана Головина, женатого на одной бедной Голицыной, сестре обер-егермейстера князя Петра Алексеевича, было две дочери. Старшая Наталья, смолода красавица, вышла за упомянутого мною не раз князя Алексея Борисовича Куракина. Меньшая Дарья, следуя ее примеру, искала также блистательного союза. Она старалась уловить в свои сети Степана Степановича Апраксина, а

вместо того сама в них попалась. Внимая преданиям, я уже обвинял сего последнего в прельщениях, в соблазне молодых девиц. Может быть, все это клевета, но есть обстоятельства, которые слышанным мною рассказам дают много вероятности. Когда тот, о коем говорю, готов был вступить в мир, матери его ничего не оставалось, как выйти за первого встречного. Второю ей однако ж посчастливилось. Выбор был весьма недурен.

У князя Потемкина был один любимец, добрый, честный, храбрый, веселый Семен Федорович Уваров. Благодаря его покровительству, сей бедный рядовой дворянин был флигель-адъютантом Екатерины и под именем вице-полковника начальствовал лейб-гренадерским полком, коего сама называлась она полковником. Он мастер был играть на бандуре и с нею в руках плясать впрысядку. Оттого-то без всякого обидного умысла Потемкин, а за ним и другие, прозвали его Сеней-бандуристом. Приятелей было у него много; они сосватали его и уговорили, во внимание к богатому приданому Дарьи Ивановны Головиной, оставить без большого внимания другое приданое, которое приносила ему с собой и в себе. Во время короткого знакомства моего с г. Уваровым мне случилось с любопытством смотреть на портрет или картину, в его кабинете висящую. На ней изображен человек лет тридцати пяти, приятной наружности, в простом русском наряде с бандурою в руках, но с бритою бородою и с короткими на голове волосами. На нескромный вопрос, мною о том сделанный, отвечал он сухо: «это так, одна фантазия». Я нашел, однако же, что на эту фантазию чрезвычайно похож брат его, Федор Семенович. Рано лишился Уваров настоящего или мнимого отца своего. В родстве с Куракиными да с Голицыными, воспитанный на знатный манер каким-то ученым аббатом, он спозаранку исполнился аристократического духа. Признанный вельможею, любимец двух императоров Павла и Александра, дальний родственник его, Федор Петрович Уваров, дал новый блеск малоизвестному дотоле его фамильному имени. Мальчик был от природы умен, отменно понятлив в науках, чрезвычайно пригож собою, говорил и писал по-французски в прозе и в стихах, как настоящий француз; все хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову. Семнадцати лет не более попал он ко двору камер-юнкером пятого класса.

Но вдруг и на него пришла невзгода. Мать его, желая обоим сыновьям своим, особенно старшему, доставить средства для поддержания себя блистательным образом в свите, за большие проценты отдала все имение свое под залог по казенному питейному откупу. Она умерла, откупщик сделался несостоятелен, страшное взыскание пало на имение, и совершенное разорение угрожало Уварову. Чтобы сохранить довольно завидное положение, в котором он находился, готов он был на все. Одна фрейлина, богатая графиня Разумовская, двенадцатью годами его старее, которая, не знаю по какому праву, имея родителей, могла располагать собою, давно была в него влюблена; а он об ней думать не хотел. Узнав о крайности, к которой он приведен, она без обиняков предложила ему руку свою, и он с радостью принял ее. Этот брак в полном смысле составил фортуна его.

Вскоре после совершения его, тесть его, граф Алексей Кириллович, назначен был министром народного просвещения. Он тотчас доставил ему, с чином действительного статского советника, места попечителя Санкт-петербургского учебного округа и президента Академии Наук, остававшиеся праздными после удалившегося, прежде всемогущего, Новосильцова. И ему было тогда только двадцать три года от роду.

Вступив в храм учености, узнал он, что одной французской литературы мало, и устыдился неведения своего. С большими способностями, сильным желанием приведенными в движение, начал успевать он в науках, даже усердно принялся за русский язык. Но по мере как в сей части делал он новые приобретения, со врожденным его тщеславием, спешил ими хвастать. Барич и галломан во всем был виден; оттого-то многим членам Беседы он совсем пришелся не по вкусу; некоторые из них, более самостоятельные, позволяли себе даже подсмеиваться над ним. Это его взорвало; но покамест принужден он был молчать. Приезд Жуковского не нравился большей части Беседников, что и подало Уварову мысль вступить с ним в наступательный и оборонительный союз против них.

Он обманулся в своих расчетах: Жуковский, так же как и Карамзин, чуждался всякой чернильной брани. Не менее того ошиблись в нем и петербургские его естественные враги. В наружности его действительно не было ничего вселяющего особое уважение или удив-

ление; в обхождении, в речах был он скромен и прост: ни чванства, ни педантства, ни витийства нельзя было найти в них. Оттого в одно время успехам его завидовали, а особу его презирали. Оленинская партия не въявь, но тайно также не благоволила к нему. Тогда-то Шаховскому (и кому же иному?) вздумалось одним ударом сокрушить сие безобидное, по мнению его, творение, его, и всю знаменитость, и всех друзей его.

Мы обыкновенно день именин Дашкова и Блудова, 21-го сентября, праздновали у сего последнего; Крылов и Гнедич тут также находились за обедом. Афишка в этот день возвещала первое представление 23-го числа новой комедии Шаховского в пяти действиях и в стихах под названием: *Липецкие воды, или Урок кокеткам*. Для любителей литературы и театра известие важное; кто-то предложил заранее взять несколько нумеров кресел рядом, чтобы разделить удовольствие, обещаемое сим представлением; все изъявили согласие, кроме двух Оленистов.

Нас сидело шестеро в третьем ряду кресел: Дашков, Тургенев, Блудов, Жуковский, Жихарев и я. Теперь, когда я могу судить без тогдашних предубеждений, нахожу я, что новая комедия была произведение примечательное по искусству, с каким автор победил трудность заставить светскую женщину хорошо говорить по-русски, по верности характеров в ней изображенных, по веселости, заманчивости, затейливости своей и, наконец, по многим хорошим стихам, которые в ней встречаются. Но лукавый дернул его, ни к селу ни к городу, вклеить в нее одно действующее лицо, которое все дело перепортило. В поэте Фиалкине, в жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом, хотел он представить благородную скромность Жуковского; и дабы никто не обманулся насчет его намерения, Фиалкин твердит о своих балладах и проносит несколько известных стихов прозванного нами в шутку балладника. Это все равно что намалевать рожу и подписать под нею имя красавца; обман немедленно должен открыться, и я не понимаю, как Шаховской не расчел этого. Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров! Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена; еще кипящие молодостию Блудов и Дашков спешили поднять ее.

Это можно было почитать продолжением литературной войны между Москвою и Петербургом, некоторые подробности которой описаны мною в предшествующей части сих «Записок» или, лучше сказать, возобновлением ее, ибо во дни всеобщей борьбы европейских народов сия пустая возня на время прекратилась. Она должна была возгореться с новою силой, когда не оставалось ни малейшего сомнения насчет прочности европейского мира.

Победа казалась на стороне Шаховского, новая пиеса его имела успех чрезвычайный, публика приняла ее с шумным, громогласным одобрением. В тот же вечер, как нам сказывали, по сему случаю было большое празднество у петербургского гражданского губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надела венки на счастливого автора. Крылов, с которым на другой день я увиделся, сказал мне с коварною улыбкой: «Как быть, les rieurs sont de son côté (насмешники на его стороне)». Торжество Шаховского пуще раздражало нас. Ах, юность, юность! Ну, право, как будто и смешно и совестно за себя и за других, когда вспомнишь, как все эти пустяки почитали мы делом серьезным и важным.

Для получения наследства Блудов когда-то ездил в Оренбургскую губернию. Дорогой случилось ему остановиться в Арзамасе; рядом с комнатой, в которой он ночевал, была другая, куда несколько человек пришли отужинать, и ему послышалось, что они толкуют о литературе. Тотчас молодое воображение его создало из них общество мирных жителей, которые в тихой, безвестной доле своей посвящают вечера суждениям о предмете, который тогда исключительно занимал его. Воспоминание об этом вечере и о другом, проведенном со мною, поддало ему мысль библейским слогом написать нечто под названием: *Видение в какой-то оgrade*. Арзамасские любители словесности в одно из своих вечерних собраний слышат странный шорох в соседней комнате; Шаховской в магнетическом сне бродит по ней; они прислушиваются, а он рассказывает, как в памятную нам бурную ночь вздумалось ему остановиться перед окошком опустевшей залы дома Державина и какие чудеса ему там привиделись. Потом принимается он исповедовать все тайные, но всем известные грехи свои. Писано было отменно забавно, а для Шаховского с товарищами довольно язвительно. Напечатать было

невозможно, а рукописи всегда трудно разойтись по рукам и получить общую известность; главное было то, чтоб она дошла до Шаховского, и в чашу радости его много подлила она горечи.

Дашков поступил еще лучше, то есть смелее. За начинающимся недостатком политических происшествий, следственно и известий, в *Сыне Отечества* Греч начинал уже помещать литературные статьи, но и ими журнал сей не изобиловал. Вероятно, оттого-то согласился он напечатать в нем *Письмо к новейшему Аристофану* Дашкова, притворяясь, будто не знает, на чье лицо оно писано. А угадать было не трудно: самым пристойным, почти учтивым образом автор письма, как палицей, так и бил с плеча Аристофана. Шум и великая тревога сделались от того в неприятельском стане.

Принимая в этом деле живейшее участие, не менее того видел я и забавную его сторону. С родственником моим Загоскиным, верно преданным Шаховскому, я не прерывал своих сношений; мы часто посещали друг друга. Я любил бесить его, позволяя себе нескромные шутки и повторяя все колкости, слышанные мною в кругу моих приятелей насчет его патрона. С своей стороны и он не слишком щадил сих последних и в нетерпении своем высказывал мне злые намерения наших противников. Таким образом, пламя раздора все более раздувалось, и с обеих сторон готовились к новым битвам. Передавая все слышанное мною дружескому обществу нашему, я в шутку сам прозвал себя шпионом или лазутчиком, а там, в сердито веселом расположении духа, находя это название слишком жестоким, перевели его на слово соглядатай. Роль поджигателя была очень веселая, не совсем уважения достойная, но как быть? дело от безделья.

Новое нападение противной стороны, возбужденной мною посредством Загоскина, ограничилось его комедией *Урок волокитам*, в трех действиях и в прозе. Она была недурна, особливо как скороспелка. В ней, хотя не совсем остроумно, досталось всем, а более всех мне. Пожалуй, я мог бы не узнать себя в Фольгине, большом врале, ветреном моднике, каким никогда я не бывал, если бы некоторые из слов и суждений моих не были вложены в уста его. Я знал, чем отомстить человеку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не более древностью рода своего, чем новостью своей известности. Я уверил его, что все приятели мои не хотят

верить его существованию, фамильное имя его почитают вымышленным, одним словом, видят в нем псевдоним, под которым сам Шаховской написал комедию.

Любопытно в это время было видеть Уварова. Он слегка был задет в комедии Шаховского и придрался к тому, чтоб изъяслять величайшее негодование. Мне кажется, он более рад был случаю теснее соединиться с новыми приятелями своими. Мысленно видел он уже себя предводителем дружины, в которой были столь славные бойцы, и на челе его должен был сиять венец, в который как драгоценный алмаз намерен был он вставить Жуковского. Опыт доказал ему, что он никакой подчиненности не может ожидать от соратствующих: все равно, в Петербургском большом свете он гораздо их более известен, и в глазах его может показаться главою партии. Вечно тщеславные расчеты этого человека бывали часто неверны, но иногда и удачны и тогда помогали ему возвыситься то в общем мнении, то на поприще службы. Друзья литературы поступили бы безрассудно, если б отвергли помощь зятя министра просвещения, человека, который имел непосредственное влияние на цензуру.

В одно утро несколько человек получили циркулярное приглашение Уварова пожаловать к нему на вечер 14-го октября. В ярко освещенной комнате, где помещалась его библиотека, нашли они длинный стол, на котором стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; он обставлен был стульями и казался приготовленным для открытия присутствия. Хозяин занял место председателя и в краткой речи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложил заседающим составить из себя небольшое общество *Арзамасских безвестных литераторов*. Изобретательный гений Жуковского по части юмористической вмиг пробудился: одним взглядом увидел он длинный ряд веселых вечеров, нескончаемую нить умных и пристойных проказ. От узаконений, новому обществу им предлагаемых, все помирали со смеху; единогласно избран он секретарем его. Когда же дело дошло до президентства, Уваров познал, как мало готовы к покорности избранные им товарищи. При окончании каждого заседания, жребий должен был решать, кому председательствовать в следующем; для них не было даже назначено постоянного места; у одного из членов попеременно другие должны были собираться. Уварову не могло это

нравиться, но с большинством спорить было трудно; он остался при мысли, что время подчинит ему эту республику.

Все это знаю я только по слуху, ибо в этом первом заседании я не участвовал: Уваров забыл или не хотел пригласить меня на него. Удивленные моим отсутствием, все другие члены изъявили желание видеть меня между собою. Тогда собралось нас всего семь человек, которых в припадках ослепленного дружелюбия и самолюбия сравнивал я с семью мудрецами Греции, а общество наше называл то плеядой, то семистольною цевницей. Всех выводил я на сцену перед читателем, один Жихарев оставался в глубине ее. Теперь его очередь.

Из деревни привезен был он в Московский университетский пансион и оттуда воротился опять в провинцию, где и оставался лет до восемнадцати. Он принял все ее навыки; с большим умом, с большими способностями, в кругу образованных людей, он никогда не мог отстать от них. Наружность имел он азиатскую: оливковый цвет лица, черные как смоль кудрявые волосы, черные блистающие глаза, но которые никогда не загорались ни гневом, ни любовью и выражали одно флегматическое спокойствие. Он казался мрачен, угрюм, и не знаю, бывал ли он когда сердит или чрезвычайно весел. Образ жизни тогдашних петербургских гражданских дельцов имел великое сходство с тем, который вели дворяне внутри России. Тех и других мог совершенно развеселить один только шумный пир, жирный обед и беспрестанно опорожняемые бутылки. Покинутую родину обрел наш Жихарев в Петербурге у откупщиков, у обер-секретарей. Потом свел он дружбу с Шаховским и русскими актерами, что и вовлекло его в литературу и даже в Беседу, куда был принят он сотрудником. Он принялся за труд, перевел трагедию *Атрей*, комедию *Розовый черт*, написал какую-то поэму *Барды*: все это ниже посредственности. Безвкусие было главным недостатком его в словесности, в обществе, в домашней жизни. У него был жив еще отец, человек достаточный, но обремененный долгами; он поступал с ним, как почти все тогдашние отцы, которые к детям не слишком были чивы и требовали, может быть весьма справедливо, чтобы сынки сами умели наживать копейку, а Жихарев любил погулять, поесть, попить и сам попотчевать. Это заставило его войти в

долги и прибегать к разным изворотам (exrédians, как называют их французы), строгою совестливостию не совсем одобряемым. Дурные привычки, по нужде в молодости принятые, к сожалению, иногда отзываются и в старости. Бог весть как приплелся он к моим знакомым, вероятно, через Дашкова, с которым учился; только в 1814 году нашел я его уже водворенным между ними. Я не встречал человека более готового на послуги, на одолжения; это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и с другими.

Арзамасское общество, или просто *Арзамас*, как называли мы его, сперва собирался каждую неделю весьма исправно, по четвергам, у одного из двух женатых членов — Блудова или Уварова. С каждым заседанием становился он веселее; за каждую шуткой следовали новые, на каждое острое слово отвечало другое. С какою целию составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, с тем чтобы проводить время приятным образом и про себя смеяться глупостям человеческим. Не совсем прошел еще век, в который молодые люди, как умные дети, от души умели смеяться; но конец его уже близился.

Благодаря неистощимым затеям Жуковского, *Арзамас* сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических обществ. Так же, как в первых, каждый член при вступлении обязан был произнести похвальное слово покойному своему предместнику; таковых на первый случай не было и положено брать их на прокат из Беседы. Самим основателям общества нечего было вступать в него; все равно каждый из них в свою очередь должен был играть ролю вступающего, и речь президента всякий раз должна была встречать его похвалами. Как в последних странные испытания (впрочем, не соблюденные) и клятвенное обещание в верности обществу и сохранении тайн его предшествовали принятию каждого нового Арзамасца. Все отвечало одно другому.

Вечер начинался обыкновенно прочтением протокола последнего заседания, составленного секретарем Жуковским, что уже сильно располагало всех к гиларитету*, если позволено так сказать. Он оканчивался вкусным ужином, который также находил место в сле-

* веселость (от фр. hilarité).

дующем протоколе. Кому в России не известна слава гусей Арзамасских; эту славу захотел Жуковский присвоить обществу, именем их родины названному. Он требовал, чтобы за каждым ужином подаваем был жареный гусь, и его изображением хотел украсить герб общества.

Все шло у нас не на обыкновенный лад. Дабы более отделиться от света, отреклись мы между собою от имен, которые в нем носили, и заимствовали новые названия у баллад Жуковского. Таким образом, наречен я Ивиковым Журавлем, Уварова окрестили Старушкой, Блудова назвали Кассандрой, Жуковского — Светланой, Дашкову дали название Чу, Тургеневу — Эоловой Арфы, а Жихареву — Громобоя.

Ни государь, ни Елисавета Алексеевна в это время не воротились еще из-за границы, а двор со вдовствующею императрицей оставался в Гатчине. Что удивительного, если в Петербурге деятельно занимались тогда всяким вздором. Глухо разнеслась в нем весть о существовании какого-то во мраке возникшего общества. Беседа первая догадалась, что оно оживлено не совсем приятным к ней духом; в ней предполагали, что тайно готовятся на нее сильные нападения: кто скрывается, тот должен иметь дурной умысел, и словесники готовы были приписывать нам заговор против правительства. А впрочем, кому же придет в голову, что порядочные люди собираются еженедельно единственно затем, чтоб умно подурачиться! Если бы некоторые из членов Беседы, из тех, которые были поумнее, могли подслушать нас, то верно были бы успокоены и обезоружены. Правда, в похвальных им речах дарования их не слишком высоко оценивались, притязания их на авторство были осмеяны, но личности против них никто себе не позволял. Они бы узнали, что, устранив всякое педанство, Арзамасцы между собою не чинились и часто позволяли себе даже трунить один над другим.

Не менее Беседы взволновано было Оленинское общество: Арзамас казался ему загадкою, которой тайну я не спешил открыть ему. Из слов и обхождения Крылова и Гнедича мог я заметить, что они чуждаются падших и не дерзнут восстать на торжествующих. Вся эта истинно комическая история (ибо комедия Шаховского была началом ее) должна была иметь влияние на судьбу мою. В доме у Олениных Жуковский был принят

с усиленною ласкою; со мною как будто ни в чем не бывало. Несмотря на то, я мог ясно видеть, что недавние связи совершенно разорваны, а все из чего? Батюшков мог бы вразумить этих людей, но его тогда в Петербурге не было: он летом уехал в армию и оттуда еще не возвращался. По приезде он верно бы бросился в отверстые ему объятия Арзамаса, который и по заочности избрал его своим членом под именем Ахилла. Случилось то, чего ожидать надлежало: старик Сухтелен, по желанию, уволен с чином и пенсионом, а на его место в библиотеку определен некто Аткинсон, ничтожный и ледащий малый, один из домочадцев Оленинских, сын английской няньки, воспитывавшей у них детей.

Идя от неудачи к неудаче, я как будто привык к ним и, как Панглос, готов был сказать, что все к лучшему. Но приятели мои сильно вознегодовали: им хотелось приклеить меня к какому-нибудь ведомству, дабы оттуда вернее мог я попасть на стезю настоящей службы. Не говоря мне ни слова, поставили на ноги Жихарева, который имел связи во всех правительственных местах, канцеляриях, департаментах. Также не предупредив меня, переговорил он обо мне с Дружининым, директором канцелярии министра финансов, и в один раз привез мне и определение, подписанное министром, о причислении меня вновь к канцелярии его, и о том мою просьбу, которую задним числом заставил подписать меня. Это определение было тем особенно для меня выгодно, что в нем сказано, будто, по окончании занятий моих в Пензенском комитете, возвратился я к прежнему месту служения. Итак, два года с половиною, проведенные мною в праздности, зачтены мне в службу, тогда как в Министерстве Внутренних Дел, по милости Сперанского, почитался я два года в отставке, когда часто являлся на службу. В судьбе людей таким образом иногда встречаются вознаграждения.

Меня причислили к неизбежному для меня третьему отделению, по кредитной части, и я не весьма охотно в него явился. После Рибопьера им управлял граф Ламберт, бывший секретарем посольства, отправленного в Китай, читателю известный. Он удивил меня своим приемом: то же едва заметное наклонение головы, ту же сухость и важность в манерах нашел я; только слова его исполнены были вежливости и доброжелательства. Он сказал мне, что благодарит случай,

который свел его с прежним сослуживцем и надеется, что мы не скоро расстанемся. Вместе с тем он объявил мне, что следующей весной имеет в виду другое назначение, которого пока открыть он мне не может, но что в предполагаемом новом управлении (комиссия погашения долгов, как после я узнал) приготовит он мне место, где выгодным и приятным образом могу продолжать я службу. Между тем он нашел, что посещать мне отделение совсем не нужно, разве только для свидания и беседы с ним.

На минуту возвратимся в Арзамас. Следующею зимой, среди морозов, он все более расцветал и с каждым месяцем обогащался новыми членами, из коих многими имел он причину гордиться. Существование его было непродолжительно; он прожил не с большим два года. Если Бог даст мне написать пятую часть сих воспоминаний, то непременно помещу в ней все занимательные подробности, до него относящиеся. <...>

В самом главном управлении театральном произошла тогда большая перемена. Вместе с князем Голицыным при Павле сослан был в Москву другой камергер, находившийся при наследнике, князь Петр Иванович Тюфякин, и вместе с ним был вызван по воцарении Александра. Как в характерах обоих князей-камергеров, так и в степени доверенности к ним государя была великая разница. Голицын был человек добродушный, отменно веселый, но степенный и смолода склонный к набожности. Тюфякин был скучен, несносен, своенравен и знал одни только чувственные наслаждения. Видя себя обманутым в надежде сделаться любимцем царя, он с досады поселился в Париже и выезжал из него только во время разрыва Наполеона с Россией, впрочем, не возвращаясь в нее. В начале 1812 года для русских и в Европе уже не было места; во внимание к прежней, если не службе, то преданности, государь наградил воротившегося в отечество блудного Тюфякина званием гофмейстера при дворе и вице-директора театральных зрелищ. В конце 1814 года Александр Львович Нарышкин должен был сопровождать императрицу Елисавету Алексеевну во время заграничного ее путешествия и, находя, что без французской труппы ему нечего делать, сохраняя звание главного директора, все управление свое передал в

руки Тюфякина, а тот из них его более уже не выпускал. Каждому свое: в удел Голицына поступила церковь, Тюфякину достался театр.

При начальнике, который вечером никогда не бывал в трезвом виде, власть Шаховского должна была умножиться. Его сожительница Ежова каждый вечер принимала у себя актрис, танцовщиц и воспитанниц театральной школы; преимущественно же последних, дабы дать им более ловкости в обращении. Несколько пожилых и большая часть молодых людей Петербурга добивались чести быть принятыми в ее салоне. Освещение его и угощение, по крайней мере чашкою чая, сопряжено было с издержками. Какими средствами вознаграждала она себя за них, мне не известно. Из ежедневных посетителей сих составлялись дружины хлопунцов, с которыми автор-хозяин всегда мог быть уверен в победе. Если литературная слава его чрез то несколько увеличивалась, зато честь его жестоко страдала от этого. Эти сначала столь послушные посетители, видно приобретая большие права, сделались вдруг смелы и взыскательны. Часто доставалось от них бедной Ежовой, говорят, даже самому Шаховскому, до того, что они принуждены были, наконец, прекратить свое гостеприимство. Вот до чего иногда доводит сила страстей, даже самых дозволенных, по-видимому, самых полезных просвещению. И теперь без душевного сожаления не могу вспомнить об этой эпохе жизни слабого, доброго князя, которого после пришлось мне так много любить.

Пока неуважение света и даже знакомых постигало его, избранный им спокойный и безответный его противник Жуковский все более возвышался в общем мнении. Ему, отставному титулярному советнику, как певцу славы русского воинства, по возвращении своем государь пожаловал богатый бриллиантовый перстень с своим вензелем и четыре тысячи рублей ассигнациями пенсiona. Такую блестящую награду сочла Беседа, не знаю почему, для себя обидною; а Арзамас, признаться должно, имел слабость видеть в этом свое торжество.

Другое сильнейшее горе ожидало Беседу. В начале 1816 года Карамзин, не бывавший в Петербурге более двадцати пяти лет, приехал в сопровождении Вяземского и Василия Львовича Пушкина. Сам государь принял его отлично, можно сказать, дружелюбно. На

издание уже написанных им восьми томов *Истории Государства Российского* велел отпустить ему шестьдесят тысяч рублей ассигнациями, да сверх того, с чином статского советника дал ему прямо Анненскую ленту. Петербург — город придворный, казенный; пример царя сильно действует в нем на людей; тут подражать было нетрудно: под предлогом уважения к личным достоинствам Карамзина, удивления к его талантам, все наперерыв стали оказывать ему почтительные ласки. Творение свое хотел он печатать в Петербурге, и для того, на время возвратясь в Москву, следующею осенью прибыл он со всем семейством своим и остался в нем.

В этой главе хочется мне кстати досказать повесть о Беседе и Арзамасе, хотя для того и должен буду выступить за пределы 1816 года. Одно будет не весьма длинно. Беседа в этом году как будто исчезла, совсем пропала без вести. Единственное заседание ее, на коем я присутствовал, было едва ли не последнее; если потом и были они, то не публичные и, верно, очень редко, ибо о них и слуху не было. Единственный свет, ее озарявший, слабел и тихо угас на берегах Волхова: летом Державин заснул вечным сном в деревне своей Званке, невольно осудив на то и Беседу. Божество отлетело, и двери во храм его навсегда затворились.

Когда старуха-Беседа в изнеможении сил близилась к концу, в то же самое время молодой соперник ее все более крепился и мужал. Век его был также короток, но он оставил по себе долгие воспоминания. Новых членов, коими он обогащался, да позволено мне будет назвать здесь по порядку, неизвестных же читателю стараться познакомить с ним.

Первые им восприятые были прибывшие из-за границы два дипломата. По летам своим Петр Иванович Полетика мог некоторым образом почитаться нам ровесником, но он всегда был старообразен: ему не было еще сорока лет, а казалось гораздо за сорок, и потому он не совсем подходил под стать к людям, из коих составлялась не академия, а общество довольно молодых еще, пристойных весельчаков. Он родом происходил от одного из греческих семейств, поселенных в Нежине; отец его или дед, если не ошибаюсь, был последним архиатером, то есть тем, что мы ныне называем генерал-штаб-доктором. Он воспитан был в Сухопутном Кадетском корпусе при графе Ангальте, кото-

рый так много заботился не столько об умственном, как о светском образовании выпускаемых из него юношей. Они знали иностранные языки, всего понемногу, хорошо были выучены верховой езде, танцованью, и все это было не худо; по крайней мере, преподаны им средства, при некоторых способностях, самим после делать приобретения в области наук, тогда как ныне в казармах, именуемых корпусами, кадеты, от коих требуется знание одной фронтальной службы, сих средств с малолетства навсегда лишены.

Наш Полетика не без пользы употребил небольшой запас познаний, полученных им в корпусе. Не знаю хорошенько, поступал ли он в военную службу, только, наверное, не долго в ней оставался. Семейство его находилось под особым покровительством императрицы Марии Федоровны: старший брат его несколько времени был секретарем ее величества; из сестер, воспитанных в Смольном монастыре, одна попала во фрейлины и жила во дворце. С такую опорой рано мог он выбраться на хорошую дорогу, но на ней успехами своими обязан был уже собственному уму. Служа в Иностранной Коллегии, состоял он в разных миссиях и изъездил почти весь свет. Место советника посольства в Мадриде было последнее, которое занимал он с 1813 года; оттуда, после вторичного падения Наполеона, вызван был в Париж и, по заключении мира, причисленный к делам коллегии, прибыл в Петербург, с тем чтобы получить новое назначение. Он был собою не виден, но умные черты лица и всегда изысканная опрятность делали наружность его довольно приятною. Исполненный чести и прямодушия, он соединял их с тонкостью, свойственною людям его происхождения и роду службы его; откровенность его, совсем не притворная, была однако же не без расчета; он так искусно, шутливо, необходимо умел говорить величайшие истины людям сильным, что их самих заставлял улыбаться. Он не имел глубоких познаний, но в делах службы и в разговорах всегда виден был в нем сведущий человек. Не зная вовсе спеси, со всеми был он обходителен, а никто не решился бы забыть перед ним. Всеми был он любим и уважаем, сам же ни к кому не чувствовал ненависти, и если чуждался запятанных людей, то старался и им не оказывать явного презрения. К сожалению моему, одержим он был сильною англоманией, и этот недостаток в глазах моих, делая его несколько

похожим на методиста или квакера, придавал ему однако же много забавно-почтенной оригинальности. Вообще, я нахожу, что благоразумнее его никто еще не умел распорядиться жизнью; он умел сделать ее полезною и приятною как для себя, так и для знакомых. Из-за морей иногда показывался он в Петербурге и потом вдруг исчезал из него; во время сих быстрых появлений коротко познакомился он с сослуживцами своими, Дашковым и Блудовым; мне также не раз случалось с ним встречаться и разговаривать. Лишь только узнали о его приезде, единогласно, громогласно призвали его в наше общество. Он мало занимался русскою литературой, хотя довольно хорошо ее знал; но, я повторяю, не одни литераторы нам были нужны. Его бы следовало принять почетным членом: тогда их у нас еще не было, все были одни действительные, и, нареченный Очарованным Челном, не знаю как-то, ускользнул он от обязанности произнести вступительную речь. Недолго насладились мы его обществом: следующею весной назначен был он советником посольства в Лондон.

Вместе с ним из Мадрида и Парижа приехал один юноша, впрочем лет двадцати пяти, приятель Дашкова. Отец Дмитрия Петровича Северина, Петр Иванович, служил когда-то капитаном гвардии Семеновского полка в одно время с Иваном Ивановичем Дмитриевым. Во дни добродушной старины нашей достаточно было товарищества по службе, чтобы составить дружественные связи между людьми совершенно разных свойств. Дмитриев был приятелем Северина и еще более жены его, гораздо умнее и просвещеннее мужа своего. Из этого заключали, что он был ее любовником и даже приписывали ему родительские права на рожденного от нее сына, хотя она была горбата и настоящий урод. Это была сушая ложь, а не клевета: ибо Дмитриева никто не думал осуждать за такое молодечество.

Спросят, почему Северин был немец, когда в фамильном имени его нет ничего немецкого? Почему капитан гвардии был сын портного? Последний вопрос никто не делает ныне, когда в России искусная маршировка доводит до высоких чинов. Во время же оно гвардия была военно-придворный штат; для того, чтобы удостоиться чести быть в ней офицером, нужны были известное имя и большое покровительство. Чье же имя может быть известнее, если не людей, просла-

вившихся в ремеслах? Не все же пером да мечом; игла и шило также доставляли тогда славу. По одним преданиям и по стихам Дмитриева знаю только я Кроля. Швальная же знаменитость Занфтлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мне очень памяты: молодые франты моего времени ими только и клялись. Кто помнит их ныне? И сколько преемников их потонуло в забвении! И, кажется, даже сам мусью Буту, перед которым гораздо позднее так благоговела молодежь. Sic transit gloria mundi *. По крайней мере, эти люди умели наживать деньги и наживать трехэтажные каменные дома, предоставляя потомкам добывать чести. О портном Северине могли дойти до меня только темные слухи и то по случаю знакомства моего с его почтенным внуком. Он был счастливее других собратий своих, ибо слава имени его, скромно возникшая на катке, сияет нынче в посольствах; жаль только, что бесплодие Дмитрия Петровича не дозволяет надеяться, чтоб она перешла из рода в роды **.

Когда Дмитриев назначен был министром юстиции, то отцу-Северину, бывшему при Павле Белорусским губернатором, выпросил он сенаторство, а сына определил к себе в канцелярию и дал у себя квартиру. Хотя мальчик вообще был чрезвычайно гибок перед начальством, находили на него иногда бешеные минуты, в которые с высшими делался он так же высокомерен и дерзок, как с низшими. Дмитриев не переставал быть щекотливым, а избалованный Северин стал забываться и после двухлетнего сожития, в одно утро, последний был внезапно изгнан своим покровителем. С его же помощью был он потом определен в Иностранную Коллегию и получил место в Гишпании, откуда воротился с Полетикой. Что сказать мне о сем новом сочлене нашем? В сокращенном виде был он Уваров, с тою, однако, великою разницею, что последний был знатнее родом, гораздо красивее, во сто раз умнее и богаче и даже добродушнее его. Я думаю оттого, что безмерные притязания Уварова давно уже обратились в права, а Северина и поныне еще терзает неудовлетворенное често-

* Так проходит мирская слава (*лат.*).

** Два раза Северин был женат; последний раз лет пятнадцать тому назад на одной немке и от обоих браков не имел детей. Он был несколько времени поверенным в делах в Швейцарии; теперь давно находится посланником в Баварии.

любие. С нами по крайней мере не мог и не умел он позволять себе ничего резкого. Кто же в первой молодости был совершенно зол? Счастье почти всегда ласкает юность, да и самые неудачи так скоро забываются посреди тысячи развлечений, тысячи наслаждений. В это время худенький Северин был точно на молоке испеченный и от огня слегка подрумяненный сухарь. С годами взволнованная желчь, разливаясь по жилам и чертам его в самый неприятный цвет, наконец, окрасила его лицо. Вот его наружность. Что касается до характера, это было удивительное слияние дерзости с подлостью; но надобно признаться — никогда еще не видал я холопство, облеченное в столь щеголеватые и благородные формы. У него были и литературные права: благоволящий к нему Жуковский имел слабость чью-то басенку в восьми стихах напечатать под его именем в «Собрании Русских стихотворений». Он был совоспитанник Вяземского, товарищ по службе Дашкова, приятелем обоих, и потому-то двери Арзамаса открылись пред ним настезь.

Сейчас только что назвал я Вяземского, а он тут и является. Он и Пушкин, как сказал я выше, приехали в Петербург вместе с Карамзиным и месяца через два с ним же воротились в Москву. В сие короткое время один усладил, а другой потешил Арзамас своим присутствием. Весело и совестно вспомнить ныне проказы людей, хотя еще молодых, но уже совсем не мальчиков: кто из тридцатилетних теперь позволит себе так дурачиться? В первой части говорил уже я о первой встрече моей с Васильем Львовичем Пушкиным, о метромании его, о его чрезмерном легковерии; здесь нужно прибавить, в похвалу его сердца, что всегда верил он еще более доброму, чем худому. Знакомые, приятели употребляли во зло его доверчивость. Кому-то из нас вздумалось, по случаю вступления его в наше общество, снова подшутить над ним. Эта мысль сделалась общим желанием, и совокупными силами приступлено к составлению странного, смешного и торжественного церемониала принятия его в Арзамас. Разумеется, что Жуковский был в этом деле главным изобретателем; и сие самое доказывает, что в этой, можно сказать, семейной шутке не было никакого дурного умысла, ничего слишком обидного для всеми любимого Пушкина.

Ему возвестили, что непосвященные в таинства на-

шего общества не иначе в него могут быть приняты, как после довольно трудных испытаний, и он согласился подвергнуть им себя. Вяземский успел уверить его, что они совсем не безделица и что сам он весьма утомился, пройдя через все эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобным для представления затеваемых комических сцен. Как странствующего в мире сем без цели нарядили его в хитон с раковинами, надели ему на голову шляпу с широкими полями и дали в руку посох пелерина *. В этом наряде, с завязанными глазами, из парадных комнат по задней, узкой и крутой лестнице свели его в нижний этаж, где ожидали его с руками, полными хлопущек, которые бросали ему под ноги. Церемония, потом начавшаяся, продолжалась около часа: то обращались к нему с вопросами, которые тревожили его самолюбие и принуждали морщиться; то вооружали его луком и стрелю, которую он должен был пустить в чучелу с огромным париком и с безобразною маскою, имеющую посреди груди написанный на бумаге известный стих Тредьяковского:

Чудище обло, озорно, грезивно и лаяй.

Сие чудище, повергнутое после выстрела его на пол и им будто побежденное, должно было изображать дурной вкус или Шишкова. Потом заставили его, поддержанного двумя аколитами, пронести на блюде огромного замороженного гуся, а после того... всего не припомню. Между всеми этими проделками члены произносили ему речи назидательные, ободрительные или поздравительные. В заключение, из темной комнаты, в которой он находился, в другую длинную, ярко освещенную, отдернулась огненного цвета занавесь, ее скрывавшая, он с торжеством вступил в собрание и сказал речь весьма затейливую и приличную. Когда после я спросил его, не досадовал ли он, не скучал ли он сими продолжительными испытаниями? Совсем нет, отвечал, *c'étaient d'aimables allégories* **. Подите же после того: роятся же люди как будто для того, чтоб трунили над ними.

В протоколе, который прочитал потом секретарь

* паломник (от *фр.* *pèlerin*).

** это были прелестные аллегии (*фр.*).

Жуковский, прописан был весь этот обряд, в предыдущем заседании якобы совершенный над Вяземским. При этом все члены, исключая новопринятого, приступили с требованием на будущее время отменить его, как тягостный для вступающих, так и довольно убыточный для вступивших. Недоставало баллад, чтоб давать их названия новым членам; довольствовались тем, чтобы для того брать из них примечательные имена и слова: вот почему в это же, кажется, заседание Вяземский наречен *Асмодеем*, Пушкин стал называться *Вот*, а Северин удачно прозван *Резвым Котом*. И действительно, этот, ныне старый, тощий кот был тогда ласков, по крайней мере с приятелями, и про них держал в запасе когти, но не выпускал их и в самых манерах имел еще игривость котенка.

В следующее заседание приглашены были некоторые более или менее знаменитые лица: Карамзин, князь Александр Николаевич Салтыков, Михаил Александрович Салтыков — известные моему читателю и, наконец, Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий. Все они, вместе с отсутствующим Дмитриевым, единогласно выбраны почетными членами или почетными гусями: титул сей, разумеется, предложен был Жуковским. В это время только удалось мне видеть Нелединского, невысокого роста, умного, веселого, толстенького старичка, исполненного нежнейшей чувствительности и предававшегося самой грубой чувственности, написавшего немного прелестных стихов и, к сожалению, так много непотребных.

В этот же день потешили и Пушкина. Некогда приятель и почти ровесник Карамзина и Дмитриева, сделался он товарищем людей, по меньшей мере, пятнадцатью годами его моложе. Надобно им было чем-нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его перед собою. И в этом деле помог Жуковский, придумав для него звание «Старосты Арзамаса», с коим сопряжены были некоторые преимущества. Из них некоторые были уморительные и остались у меня в памяти; например: место старосты «Вота», когда он налицо, подле председателя общества, во дни же отсутствия — в сердцах друзей его; он подписывает протокол... с приличною размахкой; голос его в нашем собрании... имеет силу трубы и приятность флейты, и тому подобный вздор.

Я полагаю, что если б это общество могло ограни-

читься небольшим числом членов, то оно жило бы согласнее и могло долее продлить свое веселое существование; но Жуковский беспрестанно вербовал новых. Необходимо их представить здесь.

Первого назову я Дмитрия Александровича Кавелина. Гораздо старше Жуковского, он, однако же, учился с ним вместе в Московском Университетском Пансионе, который оставил он несколько годов прежде него. Он принадлежал к партии Сперанского, находился под покровительством и в тесной дружбе с Магницким. Он никогда не был выскочкою, держал себя тихо, скромно, удалялся от общества, оттого, может быть, не увлечен был их падением и сохранял значительное место директора Медицинского Департамента. Но без них он как бы осиротел и, как кажется, желал составить новые связи, пристать к чему-нибудь, к кому-нибудь. Придравшись к прежнему соученичеству, он очень ласкался к Жуковскому и предложил ему печатать его сочинения в типографии своего Департамента. Он был человек весьма неглупый, с познаниями, что-то написал, казался весьма благоразумным, ко всем был приветлив, а, не знаю, как-то ни у кого к нему сердце не лежало. Действующее лицо без речей, он почти всегда молчал, неохотно улыбался и между нами был совершенно лишний. Жуковский наименовал его «Пустынником». Безнравственность его обнаружилась в скором времени; постыдные поступки лет через семь или восемь до того обесславили его, что все порядочные люди от него удалились, и в России, где общее мнение ко всем так снисходительно, к нему одному осталось оно немилосердно. Как будто сбылось пророчество Жуковского: около него сделалась пустыня, и он всеми забыт.

Одного только члена, предложенного Жуковским, неохотно приняли. Не знаю, какие предубеждения можно было иметь против Александра Федоровича Воейкова. Я где-то сказал уже, что наш поэт воспитывался в Белевском уезде, в семействе Буниных. Катерина Афанасьевна Бунина, по муже Протасова, имела двух дочерей, которые, вырастая с ним, любили его как брата; говорят, они были очаровательны. Меньшая выдана за соседа, молодого помещика Воейкова, который также писал стихи, и оттого-то у двух поэтов составилось более чем приязнь, почти родство. Совершенная разница в наружности, чувствах, обхождении супру-

гов, конечно, бросалась в глаза: он был мужиковат, аляповат, неблагороден; она же настоящая Сильфида, Ундина, существо неземное, как уверяли меня (ибо я только вскользь ее видел). Неужели это ему ставили в вину? Да какое неуклюжество не простил бы я, кажется, за ум; а в нем было его очень много. В душе его не было ничего поэтического, и стихи, столь отчетливо, столь правильно им написанные, не произвели никакого впечатления, не оставили никакой памяти даже в литературном мире. Лучшее произведение его был перевод *Деллиевых Садов*. Как сатирик имел он истинный талант; все еще знают его *Дом Сумасшедших*, в который поместил он друзей и недругов: над первыми смеялся очень забавно, последних казнил без пощады. Он был вольнопрактикующий литератор, не принадлежал ни к какой партии, ни к какому разряду, и потому-то мне не случилось доселе упомянуть о нем. Никто, может быть, так хорошо не знал русскую словесность; доказательством любви его к ней служит принятие звания профессора ее в Дерптском университете. Это всех удивило и многим не понравилось; наши дворяне, и особенно старинные, как он, гнушались тогда всем, что походило на учительство: они не были современниками Гизо и Шевырева. Воейков никак не обиделся данным ему у нас названием *Дымной Печурки*.

Еще одного деревенского соседа, но вместе с тем парижанина в речах и в манерах, поставил Жуковский в Арзамас. В первой молодости, представленный в большой свет, Александр Алексеевич Плещеев пленил его необыкновенным искусством подражать голосу, приемам и походке знакомых людей, особенно же мастерски умел он кривляться и передразнивать уездных помещиков и их жен. С такою способностью нетрудно было ему перенять у французов их поговорки, все их манеры; и сие делал он уже не в шутку, так что с первого взгляда нельзя было принять его за русского.

Дочь фельдмаршала, графа Ивана Григорьевича Чернышова, фрейлина Анна Ивановна, после смерти отца перед целым двором обнаружила стыд свой; чтобы прикрыть его, строгий, а иногда и снисходительный, император Павел велел скорее приискать ей жениха. Плещеев был вхож в дом ее родителя; за него первого взялись, и он тут очень кстати случился. После того

молодые супруги удалились в Орловскую губернию и при жизни ее никогда не возвращались в Петербург.

В сельское убежище свое перенесли они часть столичных забав, к коим приучена была ее знатность: сюрпризам, домашним спектаклям, *fêtes champêtres* *, маскарадам конца не было. Плещеев был от природы славный актер, сам играл на сцене и других учил; находили, что это чрезвычайно способствовало просвещению того края. Только брачные узы забавнику, как говорят, не всегда казались забавны: они были блестящие и столь же тяжкие для него оковы. Графиня не забывала свой титул и была чрезвычайно взыскательна с мужем-дворянином. Деревня их находилась в соседстве с Белевым, а сверх того и госпожа Протасова по мужу приходилась теткой Плещееву, почему и Жуковский всегда участвовал в сих празднествах. Когда, овдовев, Плещеев приехал в Петербург, он возвестил нам его как неисчерпаемый источник веселий; а нам то и надо было. Сначала действительно он всех насмешил, но вскоре за пределами фарсы увидели совершенное ничтожество его. По смуглому цвету лица всеобщий креститель наш назвал его *Черным Враном*; наскучило наконец слушать этого ворона даже тогда, когда он каркал затверженное, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: он попал в чтецы к императрице Марии, сделан камергером и членом театральной дирекции; а после Бог знает что из него вышло.

По заочности были приняты еще два члена: Батюшков, как уже сказал я, под именем *Ахилла*, и партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов, под именем *Армянина*. Первый следующею осенью обрадовал нас своим приездом, последнего никогда мы меж себя не видали. Он находился в Москве: там вместе с Вяземским и Пушкиным составили они отделение Арзамаса, и заседания их посещали Карамзин и Дмитриев. Новых членов они не набирали без согласия горного Арзамаса, не имея на то права.

Я все откладывал говорить о некоторых членах, вступивших в Арзамас, как ныне полагать должно, с дурными замыслами. Тяжко мне изображать людей, возбужденных во мне приязнь и уважение, после прославивших себя преступными заблуждениями, но коих память, несмотря на то, все еще осталась мне любезна.

* сельским празднествам (*фр.*).

Не стану здесь повторять того, что говорил я о двух братьях Тургеневых, Андрее и Александре (об одном, погибшем во цвете лет; о другом, погубившем в себе способности и знания чрезмерною леностью ума и деятельностью тщеславия). У них был еще третий брат Николай, несколькими годами моложе Александра. Искаженная вера, мартинизм, вольнолюбие восседали у колыбели сих братьев, баюкали их младенчество. Честолюбие между тем в каждом из них развивалось с летами в разных видах и разных степенях. Определенный в службу по Иностранной Коллегии, Николай Тургенев получил бессрочный отпуск и отправился в Геттинген, когда все немцы кипели справедливым, но тайным гневом на истребителя не только независимости их, но и самого названия Германии. Под именем Рейнского Союза, составленного из подданных корольков, она не простиралась даже до Одера, а весь Север ее до Любека присоединен был к Франции. Воспрянуть было невозможно: цвет юношества, все жизненные силы государства искусным Наполеоном отрываемы были от родины, и мужество их только что более умножало порабощение их отечества. В университетах сильнее других профессора и студенты томились жаждою свободы и горели желанием мести. Среди тайных заговоров созрел и возмужал наш Тургенев, пристал к известному либералу барону Штейну и в 1812 году приехал с ним в Петербург. С ним опять поехал он в Германию, чтобы жителей возбуждать к восстанию, что было весьма нетрудно, но опять повторю, не знаю, было ли это необходимо нужно. Он следовал за нашею армией, употреблен был для разных поручений и в 1816 году окончательно воротился в Россию.

Он не имел высоких дарований старшего брата своего Андрея, а заменял их постоянным трудолюбием. Имея врожденное чувство любви к человечеству, оно в нем было усилено правилами какой-то превыспренней филантропии, с ранних лет ему преподанными. По возвращении в отечество, нашед, что в нем усердно поклоняются кумиру его, свободе, расчел он, что пришло время освобождения от рабства освободителей Европы,—мысль столь же прекрасная, как и безрассудная! С бесчисленными теориями уже являлось к нам множество иностранцев, совершенно не знавших народного духа России, ни пороков, ни доблестей ее жителей, ни доброй, ни худой их стороны, не подозревающих неодолимых препятствий, которые законодатель должен встретить,

если бы дерзнул приступить к совершенному ее преобразованию. Все смотрят на пример Петра Великого и полагают, что у нас стоит только приказать, дабы все изменилось. Он остриг только верхушки деревьев, а до корней и он не смел коснуться. К числу сих иноземных можно приписать и Тургенева, который образовался за границую. Но он искренно, усердно любил Россию, уважал своих соотечественников и в разговорах со мною сколько раз скорбел о том, что чужеземцы распоряжаются у нас как дома. Хорошо, если б и другие русские, подобно ему, перенимали за границей у европейских народов любовь их к отчизне; но это дается только тем из них, кто по чувствам и по мыслям стоит гораздо выше толпы обыкновенных путешественников наших.

Не знаю, случай или природа, сделав его хромым, осудили его более на сидячую и уединенную жизнь и отдалили от общества, где мнения, встречая сопротивление, несколько умеряются и смягчаются. К тому же он был одарен великою твердостью (обратившеюся после в ужасное упрямство), а это людям почти всегда дает верх над другими. Старший брат его, Александр, обратился и в кадило, вечно перед ним курящееся, и в трубу, гремящую во все концы хвалы его гениальности. А он просто был человек с основательными познаниями, с благими намерениями и несбыточными мечтами. Надобно, чтобы наперед ты сам себя уверил, что ты великий муж, потом смело возвести о том: одни по рассеянности, другие по лени поверят тебе, а когда и очнутя, то дело уже сделано, законность притязаний твоих всеми признана. Так часто водится у нас в России. Однако же надобно и признаться, что Тургенев имел в себе нечто всееляющее к нему почтительный страх и доверенность; он был рожден, чтобы властвовать над слабыми умами. Сколько раз случалось мне самому видеть военных и гражданских юношей, как Додонский лес посещающих его кабинет и с подобострастным вниманием принимающих непонятные для меня слова, которые, как оракулы, падали из уст новой Сивиллы. Все тешило тогда Тургенева, все улыбалось ему. В чине надворного советника назначен он на место действительного статского советника графа Ламберта начальником отделения канцелярии министра финансов * и в то же время помощником статс-

* Это место было некогда мне предложено и обещано, когда я был еще моложе его и в одинаковом с ним чине.

секретаря в Государственном Совете. Все это, по мнению его друзей, были только первые шаги, которые, несомненно, немедленно должны были повести его к званию министра, а ему было только что двадцать шесть лет от роду. Однако же, хотя после и получал он чины и кресты, выше сих должностей никогда других не занимал он; читая же изданное им в Париже сочинение, можно подумывать, что он действительно управлял у нас каким-нибудь министерством.

По тесным связям Александра Тургенева с другими членами, был он принят в Арзамас как родной, и кажется, ему самому в нем полюбилось. Тут он нашел нечто похожее на немецкую буршеншафт, людей уже довольно зрелых, не забывающих студенческие привычки. В нем не было ни спеси, ни педантства; молодость и надежда еще оживляли его, и он был тогда у нас славным товарищем и собеседником. В душевной простоте своей, Жуковский, как будто всем предрекая будущий жребий их, дал Николаю Тургеневу имя убийцы и страдальца *Варвика*. Он не скрывал своих желаний и хотя ясно видел, что ни один из нас серьезно не может разделять их, не думал за то досадовать. Вскоре, движимый одинаковыми с ним чувствами, вступивший к нам новый член был гораздо его предприимчивее.

В первые годы царствования Екатерины престол ее тесно окружали пять братьев-младенцев, из которых особенно трое были и ее любимцами и любимцами народа русского. Четверо из них были женаты, но или не имели детей, или законное их потомство мужского пола в первом поколении прекратилось. Один только холостой Федор, воспетый Державиным орел

Из стаи той высокой,
Котора в воздухе плыла,
Впреди Минервы светлоюкой,
Когда она с Олимпа шла,—

имел четырех сыновей, которые родством и дородством, мужеством и красотою могли равняться с ним и с братьями его. Я видел их, когда, сам почти малолетний, посещал я малолетних товарищей моих Голицыных в пансионе аббата Николая, где они вместе с ними воспитывались. С двумя меньшими, Григорием и Феодором Орловыми, тогда и после я вовсе не был знаком; с двумя старшими, Алексеем и Михаилом, весьма мало, но случалось встречать их в обществах и говорить с ними. Все четверо

взялись за военное ремесло, все четверо, не с большим двадцати лет, украшены были Георгиевским крестом; двое же меньших, именно те, с которыми не был я знаком, остановлены были на пути славы ядрами, оторвавшими у каждого по ноге; один запропастился в России, другой поселился, говорят, в Италии. Итак, остается мне говорить лишь о старших или, лучше сказать, об одном и разве коснуться только другого.

Завидна была их участь в юности; завиднее ее не находил я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы в первых гвардейских полках, в которых служили, отлично приняты в лучших обществах, везде встречая нежные улыбки женщин, — не знаю, чего им не доставало. Судьба, к ним столь щедрая, спасла их даже от скуки, которую рождает пресыщение: они всем вполне наслаждались. Им стоило бы только не искушать Фортуны напрасными затеями, а с благодарностью принимать ее дары. Старший брат, Алексей, это и делал. А второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, ими дышащему, казалось мало собственного благополучия: он беспрестанно мечтал о счастье сограждан и задумал устроить его, не распознав, на чем преимущественно оно может быть основано.

Когда я гляжу на Алексея Федоровича Орлова, ныне графа, мне кажется, я вижу раззолоченную, богатыми тканями изукрашенную ладью. Зефиры надувают парусы ее, и она спокойно и весело плывет по течению величественной реки между цветущих берегов; и она будет столь же беспечно плыть, я уверен в том, до того самого предела, за которым исчезает весь род человеческий. Там погрузится она только

Au sein de ces mers inconnues,
Où tout s'abîme sans retour*.

А бедный брат его, как ладья, тяжелым грузом дум обремененная, отважно пустился в море предприятий и расшибся о первый подводный камень.

С первого взгляда в двух братьях-силачах заметно было нечто общее, фамильное; но при малейшем внимании легко можно было рассмотреть во всем великую разницу между ними. С лицом Амура и станом Аполлона

* В пучину тех морей безвестных, // Где гибнет без возврата все (фр.).

Бельведерского у Алексея приметны были мышцы Геркулесовы; как лучи постоянного счастья и успехов играли румянец на щеках и вечная улыбка на устах его. Красота Михаила Орлова была строгого стиля, более мужественная, более величественная. Один был весь душа, другой весь плоть; где же был ум? Я полагаю, в обоих. Только у Алексея был совершенно русский ум: много догадливости, смышленности, сметливости; он рожден был для одной России, в другой земле не годился бы он. В Михаиле почти все заимствовано было у Запада: в конституционном государстве он равно блистал бы на трибуне, как и в боях; у нас под конец был он только что сладкоречивым, приятным салонным говоруном.

Однако же и в России тогда уже был он хотя самым молодым, но совсем не рядовым генералом. Император имел о нем высокое мнение и часто употреблял в важных делах. В день Монмартрского сражения его послал он в Париж для заключения условий о сдаче сей столицы. После того отправлен был он к Датскому принцу Христиану, объявившему себя Норвежским королем, дабы уразуметь его и заставить примириться со Швецией и Бернадотом. И такой препрославленный человек пожелал быть с нами! С восторгом приняли мы его. Не знаю почему, я думаю, по плавным речам его, как чистые струи *Рейна*, у нас получил он название сей реки.

Я говорил, и даже с похвалою, об отсутствующем сыне Катерины Феодоровны Муравьевой, Никите Михайловиче. После войны этот юноша воротился к матери, полон радости и надежд. В звании офицера генерального штаба года два или три сряду сражался он за независимость Европы; тиран, ее угнетавший, пал, и все обещало в непродолжительном времени ей и отечеству его окончательное освобождение от всякого поносного ига. Бедный Муравьев! Как не быть иногда фаталистом, когда видишь людей, которых судьба как будто насильно, взяв за руку, влечет к бедам и погибели? Добродетельный отец Муравьева был кроткий философ и друг свободы, которого утопии остались наследием его семейства; злая мать его была недовольна государем и вечно роптала на самодержавную власть; наконец, нечестивый Магиер (которого прошу вспомнить) с младенчества старался якобинизировать его *. Случай свел его

* Сие повторение мною сказанного считаю необходимым, дабы привести его на память читателю.

в Париже с Сизсом и, что еще хуже того, с Грегуаром. Французская революция, точно так же как история Рима и республик средних веков, читающему новому поколению знакома была по книгам. Все действующие в ней лица унесены были кровавым ее потоком; из них небольшое число ее переживших молниеподобным светом, разлитым Наполеоном, погружено было во мрак, совершенно забыто. Встреча с Брутом и Катилиной не более бы поразила наших русских молодых людей, чем появление сих исторических лиц, как будто из гробов восставших, дабы вещать им истину. Все это сильно подействовало на просвещенный наукою, но еще незрелый и неопытный ум Муравьева: он сделался отчаянным либералом.

Слово *либерализм* в это время только что начало входить в употребление. Что значило оно? В настоящем смысле щедрость; только оно проистекало от другого слова, *Liberté*, то есть свобода. Наши тогдашние либералы были действительно люди щедрые, не то что нынешние, коим по большей части нечего терять. Почти все те, с коими тогда я был знаком, были молодые люди с богатым состоянием, по службе на прекрасной дороге, которым в настоящем порядке вещей будущее сулило всякого рода успехи, и всем этим готовы были они пожертвовать. Чему? Идее. Одним словом, они готовы были, вопреки пословице, променять ястреба на кукушку, бессмысленно твердящую одно имя — свобода. Ими населена была гостиная госпожи Муравьевой; а как все Арзамасцы были также частыми ее посетителями, то сын ее без всякого затруднения поступил в их общество. Ему одному только не помню я, какое дал прозвание Жуковский.

В начале 1817 года был весьма примечательный первый выпуск воспитанников из Царскосельского Лицея; немногие из них остались после в безызвестности. Вышли государственные люди, как, например, барон Корф, поэты, как барон Дельвиг, военно-ученые, как Вальховский, политические преступники, как Кюхельбекер. На выпуск же молодого Пушкина смотрели члены Арзамаса как на счастливое для них происшествие, как на торжество. Сами родители его не могли принимать в нем более нежного участия; особенно же Жуковский, воспитанник его в Арзамасе, казался счастлив, как будто бы сам Бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно

было смотреть, как все старшие братья наперерыв баловали маленького брата. Почти всегда со мною так было: те, которых предназначено мне было горячо любить, на первых порах знакомства нашего мне казались противны. Спросят: был ли и он тогда либералом? Да как же не быть восемнадцатилетнему мальчику, который только что вырвался на волю, с пылким поэтическим воображением и кипучею африканскою кровью в жилах, и в такую эпоху, когда свободомыслие было в самом разгаре. Я не спросил тогда, за что его называли *Сверчком*; теперь нахожу это весьма кстати: ибо в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах Лицея, прекрасными стихами уже подавал он оттуда свой звонкий голос. Я здесь не буду более говорить об Александре Сергеевиче Пушкине: глава эта и так уже слишком растянута. О, если б я мог дописаться до счастливого времени, в которое удалось мне узнать его короче! Его хвалили, брали, превозносили, ругали. Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смели отказывать ему в таланте; другие искренно дивились его чудным стихам, но немногим открыто было то, что в нем было, если возможно, еще совершеннее, — его всепостигающий ум и высокие чувства прекрасной души его.

Показалось Орлову, что свободная стихия достаточно наполняет Арзамас, чтобы сделаться в нем преобладающею. Он задумал приступить к его преобразованию и дать ему новое направление. В один прекрасный весенний вечер собрались мы на даче у г. Уварова; заседание открыто было в павильоне Штейна, как в месте особенно вдохновительном. В приготовленной им речи, правильно по-русски написанной, Орлов, осыпав всех нас похвалами, с горестию заметил, что превосходные дарования наши остаются без всякого полезного употребления. Дабы дать занятие уму каждого, предложил он завести журнал, коего статьи новостью и смелостью идей пробудили бы внимание читающей России. Расширив таким образом круг действия общества, он находил необходимым и умножить число его членов; сверх того, предлагал каждому отсутствующему члену предоставить право в месте пребывания его учреждать небольшие общества, которые бы находились в зависимости и под руководством главного. Изумив сочленов своих неожиданностию предложений, он надеялся вырвать их согласие.

Не знаю каким образом о намерении его заблаговременно предупрежденный, Блудов отвечал ему также

приготовленной речью. Учтивее, пристойнее и вместе с тем убедительнее нельзя делать опровержений; он доказывал ему невозможность исполнить его желание, не изменив совершенно весь первобытный характер общества. Касаясь до распространения света наук, о коем неоднократно упоминал Орлов, заметил он ему, что сей светоч в руках злонамеренных людей всегда обращается в факел зажигательства; и сие сравнение после того не раз случалось мне слышать от других. Когда вспомнишь это прение, кажется, что будущий жребий сих людей был написан в их речах.

Орлов не показал ни малейшего неудовольствия, вечер кончился весело, и все разъехались в добром согласии. Только с этого времени заметен стал совершенный раскол: неистощимая веселость скоро прискучила тем, у коих голова полна была великих замыслов; тем же, кои шутя хотели заниматься литературой, странно показалось вдруг перейти от нее к чисто политическим вопросам. Два века, один кончающийся, другой нарождающийся, встретились в Арзамасе; как при вавилонском столпотворении, люди перестали понимать друг друга и скоро рассеялись по лицу земли. И действительно, в этом году, с отлучкою многих членов, и самых деятельных, прекратились собрания, и Арзамас тихо, неприметно занулся вечным сном. Но прежде кончины своей породил он чувство, редко, никогда почти ныне не встречаемое, — неизменную, твердую дружбу между людьми, которые, оказывая великие услуги государству, в век обмана и златолюбия, служили примером чести и бескорыстия.

Полагать должно, что в воздухе бывают и нравственные повальные болезни: даже меня самого в это время так и тянуло все к тайным обществам. Арзамасские таинства, совсем не Элевзинские, были секретом комедии: мне было их мало. В доме у Оленина встречал я иногда родственника его, одного московского князька Голицына, который стороной, обиняком, иносказательно, раз заговорил со мною об удовольствиях, коими люди весьма рассудительные наслаждаются вдали от света. Я слушал его со вниманием, и наконец он предложил мне быть проводником моим в масонскую ложу. Я дал ему отвезти себя в большой дом на Фонтанке близ Аничкова моста; там в передней дал завязать себе глаза и водить сверху вниз и снизу вверх по комнатам. Не из опасения казаться нескромным или нарушить клятвенное обещание, мною данное, не буду я описывать здесь обряда, который

совершается над вступающими в масонство, а потому только, что всякий может это найти в печатных книгах. <...>

В сентябре месяце Государь со всем семейством, со всем двором своим на целую зиму поехал в Москву, дабы более поднять после разорения оживающую столицу. Жуковский, невзначай придворный человек, отправился туда же, и с его отъездом навсегда прекратились собрания Арзамаса.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Ф. Ф. ВИГЕЛЮ

1829—1830-е гг.

Это журавль Филипп Филиппович, для благопристойности прозванный *Ивиковым*, а он просто православный, русский журавль. Вот он изволит расхаживать чинно и величаво по болотам мира сего. Длинный его нос, которым он без жалости гвоздит лягушек, жаб и тому подобный болотный персонаж, гордо покоится в горизонтальном направлении превыше болотной травы, принадлежа к его красивой круглой голове, в которой сверкают зоркие очи и от которой тонким архивским столпцем тянется его шея, украшенная черною косою, и упирается в его одутловатое пузо, приосененное смиренными крыльями, на коих он иногда подымается в высоту и улетает в теплый край воспоминаний, дабы потом опять возвратиться в свое любезное болото на истребление прыгунчиков и квакунчиков, оное населяющих. Сзади его трясется пышный хвост, коим он как будто приосеняет болото, и из-под этого хвоста иногда в жидком виде посылает он свое благословение тем из жителей трясиного государства, которых не удостоит он клюнуть своим длинным носом. Он стоит на одной ноге, другая простирается над болотом, и не знаешь, что в эту минуту изволит делать журавль Филипп Филиппович, идет ли он вперед или только благословляет тех, коих уже обрек на жертву своего неизбежного носа. Думать надобно, что благословляет, ибо этот журавль теперь заведывает Департаментом иностранных исповеданий, где ему частенько приходится благословлять и клеветательно постукивать носом.

Вчера, возвратясь поздно домой, нашел я у себя письмо ваше, запечатанное огромною печатью. Какое-то предчувствие остановило меня сорвать эту печать, и я благодарен предчувствию. Если бы я прочитал письмо на ночь, то оно было бы для меня кошмаром. Вы бранитесь в нем по-свойски, мой любезный Филипп Филиппович,

и хотя [эта брань] гром (?) этой брани падает мимо меня, но все бы она оглушила меня на сон грядущий и не дала бы мне заснуть сном праведника. Тому дни три, как я дочитал вашу рукопись и не прислал ее к вам, потому только, что хотел привезти сам. Винюсь в грехе; я не подозревал, что вы сосед мой; что вы demutsvoll * гнездитесь в Демутовом трактире, и отправился бы отыскивать вас прямо (?) в Департамент. — Благодарствуйте, благодарствуйте за часы истинного наслаждения, которое доставило мне чтение ваших записок. Всякий раз, когда я принимался за него, не хотелось оторваться. Я читал только в постеле, ложась спать, и всякий раз чтение прогоняло сон, что для меня вернейший знак прелести читаемого, ибо сон обыкновенно является ко мне, как скоро голова моя притронется к подушке. Можете спросить у Карамзиных, у Вяземского и Вьельгорского о том, что я думаю об этих записках; на русском языке нет ничего подобного; они в своем роде так же хороши, как письма Вяземского в своем; лучшей похвалы сказать им не умею. Все так верно, так невыдуманно, так просто и в обреш сказано, что я не могу не удивляться этому слогу, редким известному, и этому искусству, которого вся тайна состоит в том, что никак об нем не думаешь. Жизнь во всей ее наготе раскрывается перед глазами. Я не знаю, как характеризовать слог этих записок. Я бы назвал его просто *необходимым* слогом. Вся индивидуальность автора выражается в нем, это правда; но она выражается без усилия, но она выражается как физиономия на лице, слитая с его чертами, но неуловимая и от него неотделимая. Самые резкие черты, самые остроты, по большей части злые, так смиренно слиты с простым рассказом, что их признаешь такими только по размышлению; они на месте своем кажутся необходимыми. Нет никакого желания блистать остроумием при описании характеров, но они все так верно описаны, и ни один и самый незаметный из них не похож на другой. Редкая способность наблюдать. Правда, везде ощутителен журкин колючий нос, и весьма часто в ту минуту, когда покажется тебе, что он хочет благословить своею долгою лапкой, а он клюнет своим длинным носом, и глядишь, уж лягушка сквозь длинную шею его путешествует в его желудок, а через минуту из-под хвоста его и падает благословение на болото. Завидую вашей памяти, которая не есть магазин, заваленный рёle-têle ** всякого рода запасом; а вся жизнь прошедшая, сохранившаяся в душе, со всем своим движением, со всеми своими оттенками, не труп прошедшего, а его одушевленный [портрет] представитель с голосом, живою физиономиею, идущий с вами рядом и в минуту разговора с вами принимающий и черты и костюм того времени, о котором речь идет. Прошу продолжать и доставлять мне все, что напишется от времени до времени. Многие из ваших воспо-

* скромно (нем.).

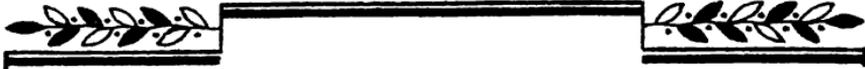
** вперемешку (фр.).

минаний были как будто мои, так верно описаны те времена и места, где и я жил во время оно. Не забудьте, прошу вас, того, что вы сказали в записке, с которою доставили мне вашу рукопись: *один из экземпляров мой*. Но это я считаю. Теперь возвращаю манускрипт, а потом и сам забегу к Вам.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Из примечаний к «Выдержкам из старых бумаг Остафьевского архива»

По скудости нашей в подобных творениях, «Записки» Вигеля любопытное и драгоценное приобретение для нашей народной и общежитийской литературы. Они писаны умно, и местами довольно художественно. Есть живость и увлекательность в рассказе, в картинах и портретах, нередко бойкою кистью схваченных. Вот хорошая, лицевая сторона этих «Записок». Но есть в них и важный недостаток: должно читать их, следует доверять им с большою осторожностью. Вигель сам не принадлежал к числу деятелей эпохи, им описываемой, за некоторыми исключениями не был он с ними ни в связи, ни в сношении. Одним словом, был он вне действующей и влиятельной среды. Многое рассказано им по городским слухам, сплетням, кривым толкам судей, не призванных и малосведущих. Ничего у него не проверено, не исследовано критически. Автор имел замечательный, природный и даже довольно образованный ум. Скажу более, я убежден, что он имел даже и мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нрав его портил в нем дары природы. Во многих отношениях узкость понятий, мелкое чиновничество, доводившее самолюбие его до малодушия, затмевали светлый ум его. Способный любить и уважать достойных людей, он был злопамятен в безделицах и за безделицы. Он не прощал, если не оплатят ему тотчас же визита его, если нарушат в нем права местничества, то есть посадят его за столом не на место, которое он считал подобающим чину его, если при посещении продолжаешь курить сигарку, которой не переносили его слабые и причудливые нервы. Все это вносилось им в книгу расчетов и обязательств, по которым он рано или поздно производил свои взыскания и накладывал пени на провинившихся пред ним. В течение жизни он неоднократно ссорился не только с отдельными лицами, но и с целыми семействами, с городами, областями и народами. Не претерпевший никогда особенного несчастья, он был несчастлив сам по себе и сам от себя. Можно сказать, что, при обстоятельствах довольно благоприятных, он болезненно прошел жизнь свою, беспрестанно уязвляемый иглистыми терниями и булавками, которыми он сам осыпал дорогу свою. Все это отражается в «Записках» его и лишает их того здравого и внушающего доверенность характера, который составляет прямое и главное достоинство исторических и личных «Записок».

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ИЗ «СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»

Начало Арзамасского общества следующее: князь Шаховской написал комедию «Липецкие воды» (еще прежде написал он на Карамзина комедию «Новый Стерн»). В «Липецких водах» выставил он балладника, то есть Жуковского. Разумеется, все наше молодое племя закипело и вооружилось. Дмитрий Николаевич (Блудов) написал «Видение в Арзамасе» (желательно было бы отыскать его). Подобное тому, что аббат Morlet написал под заглавием «La Vision» *, вследствие комедии «Les Philosophes» **, в которой Palissot выставил многих из тогдашних энциклопедистов. Дашков написал и напечатал в «Сыне Отечества» «Письмо к новейшему Аристофану» и куплеты с припевом: «Хвала тебе, о Шутовской». Я разлился потоком эпиграмм и, кажется, первый прозвал Шаховского *Шутовским*, как после и Булгарина окрестил в *Фиглярину* и *Флюгарина*. Это «Видение в Арзамасе» и передало нашему литературному обществу свое название. Деятельными учредителями, а после и ревностнейшими членами были Дмитрий Николаевич, Жуковский и Дашков. Я тогда жил еще в Москве. Наименованный членом при самом основании его, начал я участвовать в нем позднее, то есть в 1816 году, когда приезжал я в Петербург с Карамзиным, который привозил восемь томов своей «Истории» в рукописи, для поднесения императору. В уставе общества было сказано, между прочим, следующее: «По примеру всех

* «Видение» (фр.).

** «Философы» (фр.).

других обществ каждому нововступающему члену Арзамаса подлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику; но все члены нового Арзамаса бессмертны, и так, за неимением собственных готовых покойников, новоарзамасцы положили брать напрокат покойников между халдеями Беседы и Академии». Протоколы заседаний, которые всегда кончались ужином, где непременно блюдом был жареный гусь, составлены были Жуковским, в них давал он полный разгул любви и отличной гениальности своей и способности нести галиматью. Все долго продолжалось одними шутками, позднее было изъявлено желание дать обществу более серьезное, хотя исключительно литературное направление и вместе с тем издавать журнал. Кажется, граф Блудов составил новый проект устава. Но многие члены разъехались, обстоятельства изменились, и все эти благие намерения преобразования остались без последствий. Самое общество умерло естественною смертью или замерло в неподвижности, остались только дружеская связь между членами и употребление наших прозвищ в дружеских наших переписках. Карамзин писал об этом обществе из Петербурга в Москву к жене своей: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы, вот истинная русская академия, составленная из молодых людей умных и с талантом». Для подробностей и хронологических справок обо всем этом можно обратиться к «Запискам» Вигеля. Один экземпляр их хранится в Императорской Библиотеке, а другой, как я слышал, куплен Катковым у наследников. Вероятно, все эти справки и подробности там находятся и могут служить руководством, хотя в сущности эти записки, может быть, и подлежат иногда сомнению для тех, которые знали характер и пристрастия автора...

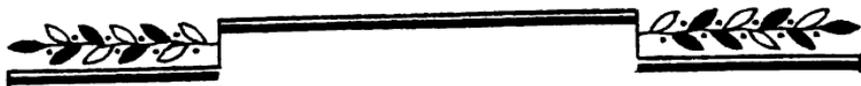
Когда образовалось Арзамасское общество, пригласили и В. Л. Пушкина принять в нем участие. Притом его уверили, что это общество — род литературного масонства и что при вступлении в ложу нужно подвергнуться некоторым испытаниям довольно тяжелым. Пушкин, который уже давно был настоящим масоном, легко и охотно согласился на все предстоящие искушения. Тут воображение Жуковского разыгралось. Он был не только гробовых дел мастер, как мы прозвали его по балладам, но и шуточных и шутовских дел мастер.

Странное физиологическое и психическое совпадение! При натуре идеальной, мечтательной, несколько мистической в нем были и сокровища веселости, смешливости: в нем были зародыши и залого карикатуры и пародии, отличающиеся нередко острою замысловатостью. Прием Пушкина вдохновил его. Он придумал и устроил разные мытарства, чрез которые новобранец должен был пройти. Тут пошли в дело и в символ «Липецкие воды» Шаховского, и «Расхищенные шубы» его, и еще бог весть что. Барыня-Арзамас требует весь туалет: вот вся славянофильская Беседа заочно всполошилась, вспрыгнула с усыпительных кресел и прибежала или притащилась на крестины новорожденного Арзамаса. <...> Много было тут шалости и, пожалуй, частью и вздорного; но немало ума и веселости. В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы. Может быть, и Арзамас, хотя не долго просуществовавший, принес свою долю литературной пользы. Во-первых, это было новое скрепление литературных и дружеских связей, уже существовавших прежде между приятелями. Далее, это была школа взаимного литературного обучения, литераторского товарищества. А главное, заседания Арзамаса были сборным местом, куда люди разных возрастов, даже и разных воззрений и мнений по другим, посторонним, вопросам, сходились потолковать о литературе, сообщить друг другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подурчиться.

ПО ПОВОДУ БУМАГ В. А. ЖУКОВСКОГО

...Мы любили и уважали друг друга (потому что без уважения не может быть настоящей, истинной дружбы), но мы и судили друг друга беспристрастно и строго, не по одной литературной деятельности, но и вообще. В этой нелюбимой, независимой дружбе и была сила и прелесть нашей связи. Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства. Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане. Не излишне будет сказать, что с приращением общества, как бывает это со всеми подобными обществами, общая связь, растягиваясь, могла частью и ослабнуть: под конец могли в общем итоге оказаться и арзамасцы пришлые, и полуарзамасцы. Но ядро, но сердцевина его сохраняли всегда всю свою первоначальную свежесть, свою коренную, сочную плодотворную силу. <...>

Стихи, упоминаемые в примечании на той же 358 странице, взяты из куплетов, сочиненных Д. В. Дашковым. После первого представления «Липецких вод» было устроено в честь Шаховского торжественное празднество, помнится мне, в семействе Бакуниных. Автора увенчали лавровым венком и читали ему похвальные речи. По этому случаю и написаны куплеты Дашкова. Иные из них очень забавны. Когда-нибудь можно бы их напечатать, потому что все относящееся до комедии «Липецкие воды» и до общества Арзамас принадлежит, более или менее, истории русской литературы. Тут отыщутся некоторые черты и выражения физиономии ее в известное время. Напечатанное в «Сыне Отечества» и упоминаемое на страницах 356 и 357 «Письмо к новейшему Аристофану», то есть к князю Шаховскому, есть тоже произведение арзамасца Чу, то есть Д. В. Дашкова...

М. А. ДМИТРИЕВ

МЕЛОЧИ ИЗ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ

〈Отрывки〉

Есть и у графа Хвостова стихи, которые назвали бы французы *des vers à retenir* *. Например:

Потомства не страшись: его ты не увидишь!

или:

Выкрадывать стихи — не важное искусство!
Украдь Корнелев дух, а у Расина чувство!

Это напоминает мне, что когда, бывало, у графа Хвостова случится порядочный стих, то Ал. Фед. Воейков уверяет, что это он *промолвился*.

Сочинения Карамзина были приняты с необыкновенным восторгом. Красота языка и чувствительность — вот что очаровало современников. Молодые люди и женщины всегда восприимчивее и к чувствительному и к прекрасному: по крайней мере так было в то время. Их-то любимцем сделался Карамзин, как автор. Его слог чрезвычайно быстро проник в молодое поколение писателей, но тем более возбудил он против себя закоснелость стариков и старых писателей, которым переучиваться было уже поздно. Между ними восстал на него Шишков в своей книге: *Рассуждение о Старом и Новом слоге* (1802).

* стихи, достойные запоминания (*фр.*).

Ныне пишут о Шишкове, как об учредителе школы, противодействовавшей Карамзину, как будто Шишков имел в нашей литературе какую-нибудь силу и произвел на нее какое-нибудь влияние! Ничего этого не было! — Один Шишков писал против Карамзина, а другие, не многие, молча лепились около него, по зависти к недостижимому таланту, по недоверчивости к нововведениям в слоге и по незнанию языка, а не потому, чтобы отстаивали коренные его свойства. Сам Шишков, имевший пристрастие к славянскому языку, плохо знал его и вообще не имел достаточных сведений в филологии. Если бы нынешние защитники Шихкова прочитали его книгу *Рассуждение о Старом и Новом слоге; Прибавление к рассуждению и О красноречии Св. Писания*, они сами могли бы это увидеть.

Шишков находил у Карамзина *галлицизмы*, которых нет; а сам, употребляя славянские или старинные русские слова и думая писать подобно предкам, очень часто делал галлицизмы и не замечал этого. Причиною этого то, что он все иностранные слова (кроме немецких, ибо он по-немецки, как и по-итальянски, знал хорошо) принимал за французские, а все французские слова за галлицизмы. Он не знал, что галлицизм, германизм и проч. заключается не в слове, а в *обороте речи*; что он относится не к этимологии языка, а к синтаксису.

В доказательство, что Шишков сам делал галлицизмы, вот одна его фраза: «*Не могла она* (т. е. пчела) *как токмо* самомалейшую часть онаго (меда) высосать». Это оборот совершенно французский: *elle ne pouvait en tirer que la plus petite partie*.

По-русски надобно было сказать: «*она могла только*» или «*она не могла более, как только*». А вот пример его худого знания русского языка: «так писали предки наши, *которых* нынешние писатели не читают, или смеются им». По-русски следовало сказать: «или *которым* смеются».

Пример того же, что все иностранные слова он почитал французскими, напечатан был в «Московитянин» А. С. Стурдзою. Слово *Trésor* (вместо латинского *thesau-*

rus) Шишков производил от *très* и *or* и переводил по-русски словом *презлато*. Его книги наполнены подобными примерами.

Он до такой степени был нетверд в понятии о свойствах языка, что для него *слово*, *оборот речи* и самая *метафора*, все это, и *фигуры* и *тропы*, принадлежали самому языку. Находит ли он метафору — это у него свойство и красота славянского языка; находит ли он эллинизм и такую перестановку, такое сочетание частей речи, от которых речь запутана и вовсе непонятна для русского человека: это у него опять свойство и красота славянского языка.

Истинный знаток языка, как, например, *Евгений Иоаннович*, епископ Карловацкий (написавший недавно грамматику церковнославянского языка) различает легко ошибки неискusstных переводчиков от истинных свойств языка. На это же указывал и Дашков в своей маленькой, но драгоценной книжке, написанной против Шишкова. Но Шишков принимал это за раскол в словесности и вместо дельного возражения укорял своих противников, что сроду не бывали ни у заутрени, ни у обедни. (См.: Цветник, изд. Измайлова и Никольского, 1810 г., том 8, стр. 430.)

Вот подлинные слова Шишкова: «Новораспространившееся о словесности толкование умы многих молодых людей, впрочем весьма острых и благомыслящих, удивительным образом заразило. Иной, не читав ничего, кроме переводимых по два тома в неделю романов, и не бывав сроду ни у заутрени, ни у обедни, не хочет верить, что *благодатная*, *неискусобрачная*, *тлетворный*, *злокозненный*, *багрянородный* русские слова, и утверждает это тем, что он ни в Лизе (т. е. в «Бедной Лизе» Карамзина), ни в «Анюте» их не читал» (см. *Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика*).

В «Рассуждении о красноречии Св. Писания» говорит он о разделении славянского и русского языка, между прочим, следующее: «На что ж чуждаться нам первого из оных и стараться приводить его в забвение и презрение? Для того ли, чтоб ум и сердце каждого отвлек от нравоучительных духовных книг, отвратить от слов, от языка, от разума оных и привязать к одним светским писаниям, где столько расставлено сетей к помрачению ума и уловлению невинности, что, совлеченная единожды, она непременно должна попасть в оныя. Какое намерение полагать можно в старании удалить нынешний язык наш от языка древняго, как не то, чтобы язык веры, став невразумительным, не мог никогда обуздывать языка страстей». — Таковые-то мнения включал Шишков в простое рассуждение о языке!

И таковы-то были тогдашние споры филологов! — Когда сравнишь их с нынешними филологическими исследованиями; когда вспомнишь тогдашнее издание Российской Академии под названием *Сочинений и переводов* и сравнишь их с нынешними трудами Академии наук по 2-му отделению, то ясно увидишь, что с того времени мы сделали великие успехи и что только ныне филология сделалась у нас наукою; а тогда была только поприщем, на котором изощрялась охота к словопрению.

Надобно однако отдать справедливость Шишкову в том, что он был как бы предшественник нашей филологии, хотя не имел о ней понятия ученого. Большую честь делает ему и то, что в своих *Разговорах о словесности* (1811) он силился обратить внимание словесников к *простонародным русским песням*, которые тогда были в пренебрежении. Время много значит! Пиши он ныне — он писал бы не так и не так бы понимали его направление! У него не доставало критики и разумного, хладнокровного исследования: в направлении того времени было много увлечения и не было разумного отчетливого созерцания науки.

Добродушный, честный, благонамеренный, он увлеклся слепую страстию к старине и к красотам славянского языка; говорю: слепую, потому что он худо знал и понимал предмет своей страсти. Эта слепая страсть делала его несправедливым; при цели, с его стороны конечно благонамеренной, он почитал дозволенными все средства. В своей книге *О слоге* он беспрестанно употребляет вот какую уловку. Он выписывает фразу Карамзина, всем известную; а вслед за нею фразы *плохие*, или *смешные*, других молодых прозаиков: так, чтобы не знающий или недогадливый читатель подумал, что и последние принадлежат Карамзину же. Этими уловками и тоном нетерпимости, господствующим в его книге, он более всего возбудил против себя почитателей Карамзина; а примерами собственного незнания, соединенного с уверенностью знатока и с упреками, не всегда умеренными, возбудил негодование просвещенных литераторов.

Но со стороны нравственных требований от слова человеческого, которое, особенно в руках писателя, может сделаться и благотворным и вредным орудием, Шишков, несмотря на свои крайности, был прав: в этом отношении нельзя не пожалеть, что люди его времени оставляли в пренебрежении его указания. Он восставал, например, не собственно против французского языка, но против его безрассудного употребления, которое было таково, что нынче мы устыдились бы видеть это между нами. Одним словом: до 1812 года чистый французский язык был у нас — и грамота на благородное происхождение, и аттестат на отличное воспитание. Один Шишков видел, задолго до нашествия врагов, что под этим скрывается пристрастие не к одному языку, а ко всему чужому; что, и посредством языка, Франция, так сказать, налагала на нас безотчетное покорство самому образу мыслей чужого народа. Кроме того, он видел, хотя и не умел выразить этого, что *одна* чужая литература, особенно же французская, красивая, легкая, не глубокая, ведет к расслаблению понятий и к односторонности; что русские писатели, не зная других литератур, не могут извлекать пользы из сравнения и потому, вместо расширения своих понятий, суживают свои понятия; что они осуждены черпать из *одного* источника, и то не из чистой глубины, а по большей части тинистую

мутную воду пологого берега, к которому доступ легче. Шишков предсказывал многие плоды этого пристрастия к чужому, этого отчуждения от самих себя: что и сбылось и что мы только теперь поняли. Шишков был в некотором смысле пророк; за то его и не слушали, как в древности пророков! Несмотря на все, что сказано много выше, несмотря на его исключительность, на те средства обличения, которые он иногда позволял себе в своем негодовании, несмотря, говоря, на все это, честная его память, как человека, заслуживает вечное уважение.

Эта-то его односторонность и раздражительность и восстанавливали против него: хладнокровные указания и строгость мысли были бы действительнее. Это надобно принять в соображение и нынешним славенофилам.

Карамзин не возражал Шишкову. Первый восстал на книгу Шишкова *О старом и новом слоге* Петр Иванович Макаров в своем журнале *Московский Меркурий* (1803 года). Макаров этой дельной рецензией сделал себе почетное имя между тогдашними литераторами. Ранняя смерть не допустила его до дальнейших успехов на поприще словесности; но он был один из самых благоразумных и беспристрастных последователей Карамзина. Его слог был следствием изучения языка, а не подражательности. Он не заботился поддерживать его легкими и пустыми фразами, как другие, не замечая, что не в пустоте фразы состояла легкость карамзинского слога. Сказавши с похвалою о слоге и дельных замечаниях Макарова, я не могу, однако, умолчать о направлении его журнала. *Легкость* была тогда достоинство; но у некоторых она переходила границы, обнаруживаясь не в одном слоге и содержании, но и в самом образе мыслей, относительно до тех понятий, которые ныне останавливают руку пишущего, не дожидаясь напоминания цензуры. Довольно взглянуть в его журнале на поклонение женщинам, совсем не однозначашее с уважением; довольно видеть его апофеозу Ниноны Ланкло! — Мы, кажется, в этом отношении лучше и застенчивее наших предшественников. — Еще одна заметная сторона этого

журнала, относящаяся тоже более к тому времени. Чуть появлялась книга важного содержания, критик (т. е. сам издатель) оказывался, при всем своем уме, *incompré- tent* *, неспособным произнести суждение, и отделивался короткою фразой или отказывался от произнесения своего мнения. — Одним словом, до благодетельного указа 1809 года, заставившего нас учиться, и самые просвещенные литераторы были так небогаты основательными знаниями, что каждый из нас, нынешних стариков, не говорю уже о учившихся после нас молодых людях, показался бы в то время ученейшим человеком! — И в этом видно, как Карамзин был выше своих современников между писателями! — А как подвигалось просвещение, еще до упомянутого указа, и как важно было в этом отношении содействие Университетского благородного пансиона, близкого к Университету, доказывает собою Жуковский.

Но никто не писал против Шишкова так сильно и основательно, как Дмитрий Вас. *Дашков*, первоклассный знаток русского языка, в своем разборе *двух статей из Лагарпа* (Цветн., 1810) и в упомянутой выше книжке «О легчайшем способе возражать на критику» (1811) он выводит на свежую воду всенезнание Шишкова и поражает его строгою логикою и строгим знанием языков славянского и русского.

Против него-то (Шишкова) и других тогдашних славенофилов, и отчасти против Державинской *Беседы*, где они нашли себе прибежище в литературе, учреждено было в Петербурге то шутивное *Арзамасское общество*, о котором напечатал в «Москвитянине» А. С. Стурдза.

Оно названо было *Арзамасским* вот по какому случаю. Воспитанник петербургской Академии Художеств, живописец Ступин, переехал на житье в Арзамас и завел там школу живописи. Я, в один проезд мой через Арзамас с моим дядею, посещал его и с ним познакомился. Молодые литераторы, которым, при всем уважении к предприятию Ступина, казалось смешным, что

* несведущим (*фр.*).

в Арзамасе есть школа живописи, назвали ее *Арзамасскою Академиею* и в подражание этому учредили в Петербурге *Арзамасское ученое общество*.

В этом обществе, посвященном шуткам и пародиям, каждый член имел свое имя. Некоторые имена я помню: Жуковский назывался *Светлана*; А. И. Тургенев — *Золова Арфа*; С. П. Ж. — *Громобой*; Д. Н. Б. — *Кассандра*; Ф. Ф. Вигель — *Ивиков Журавль*; Д. П. С. — *Резвый Кот*; С. С. Уваров — *Старушка*; В. Л. Пушкин — *Вот*. Других не помню. Они читали пародии, и каждое заседание начиналось похвальным словом какому-нибудь из литературных староверов, противников Карамзина, или кому-нибудь из стихотворцев.

В этих пародиях и речах, произносимых членами, много упоминался известный гр. Дм. И. Хвостов. Кстати вспомнить при этом случае об нем.

Гр. Хвостов теперь забыт; но в наше время он составлял наслаждение веселых литераторов и молодых людей, не чуждых литературе, которые хотели позабавиться. Слушатели бегали от его чтения; но словесники находили в его сочинениях неисчерпаемый источник забавы и шуток.

Он был по происхождению не граф и начал свое литературное поприще еще в старинном журнале «Собеседник», потом печатал в «Аонидах» Карамзина, еще без графского титула. Но он был женат на племяннице Суворова, который и выпросил ему графство у короля Сардинского.

Его сочинения замечательны не тем, что они плохи; плохими сочинениями нельзя прославиться, так как не прославился своими Николев. А он, в Петербурге и в Москве, составил себе *имя* тем, что в его сочинениях сама природа является иногда навыворот. Например, известный закон оптики, что отдаленный предмет кажется меньше; а у него в притче «Два прохожие» сперва кажется им издали *туча*; потом она показалась *горою*;

потом подошли ближе, увидели, что это *куча*. У него, в тех же притчах, *осел* лезет на рябину и крепко *лапами* за дерево хватает; *голубь* — разгрыз *зубами* узелки; *сума* надувается от *вздохов*; *уж* — становится на *колени*; *рыбак*, плывя по реке, *застрелил лисицу*, которая не видала его потому, что шла к реке *кривым глазом*; *вор* — ружье наметил *из-за гор*. И множество драгоценностей в этом роде, особенно в первом издании его притчей 1801 года.

Журналы наконец неохотно печатали его сочинения. Были и другие стихотворцы, которым еще меньше было счастья у журналистов; трое из них, гр. Хв., П. И. Г. К. и С., согласились издавать журнал, для помещения своих сочинений, и уговорили П. П. Бекетова печатать этот журнал на его счет в его типографии, рассчитывая на большие выгоды. Таким образом составилась, в 1803 году, «Друг просвещения», памятный только тому, что в нем поместил Евгений начало своего «Словаря светских писателей». Три стихотворца (имена их обозначены при имени этого журнала в росписи книг бывшей библиотеки Плавильщикова) собирались вместе читать свои произведения и решать, достойны ли они помещения в журнале. При этом разборе, как скоро пьеса третьего оказалась плоха, двое наперерыв превозносили ее для того только, чтобы их собственные произведения при ней показались читателям лучше. После этого можно судить, каковы были все стихотворения, помещаемые в этом журнале!

Граф Хвостов был известен охотою читать всякому свои сочинения. Ф. Ф. Кокошкин был его племянник. Однажды в Петербурге гр. Хвостов долго мучил его чтением. Наконец Кокошкин не вытерпел и сказал ему: «Извините, дядюшка! Я дал слово обедать, мне пора! Боюсь, что опоздаю, а я пешком!» — «Что же ты мне давно не сказал, любезный!» — отвечал гр. Хвостов. — «У меня готова карета, я тебя подвезу!» — Но только что они сели в карету, гр. Хвостов выглянул в окно и закричал кучеру: «Ступай шагом!» — а сам поднял стекло кареты, вынул из кармана тетрадь и принялся запертого Кокошкина опять душить чтением.

Летом 1822 года несколько петербургских литераторов, в том числе и Крылов, нанимали, на общий счет, дачу близ Руки. Иногда бывали у них и чтения. В этом маленьком обществе прозвали Крылова *Соловьем*. Вдруг является к ним гр. Хвостов с стихами *Певцу-соловью*. Ему объявили, что если кто хочет быть членом общества, тот должен покоряться их правилам; что они готовы его слушать, но за каждое рукоплескание — у них положена с автора бутылка шампанского! Граф Хвостов начинает читать: за каждым куплетом раздается рукоплескание; за каждым необыкновенным стихом, в его роде, опять рукоплескание! — Их начлось так много, что автор должен был отплатиться таким количеством шампанского, которое стоило ему довольно дорого.

Но он же был добродушен. Алекс. Еф. Измайлова, издателя *Благонамеренного* и баснописца, просил о помощи по бедности бедный и больной симбирский баснописец *Маздорф* (я знал его лично); но с тем вместе он просил не объявлять об этом в *Благонамеренном*. Гр. Хвостов, как скоро сказали ему об этом, по неимению на этот раз наличных денег, немедленно взял вперед 100 руб. из своего жалованья и отдал их Измайлову для отсылки к Маздорфу (1819).

С ним делали много мистификаций, которые были тогда в употреблении. 1 апр. 1822 прислали к нему печатное траурное приглашение на похороны Измайлова, который совсем был здоров. Гр. Хвостов, несмотря на то, что Измайлов написал на него несколько сатирических басен, огорчился; но наконец догадался и выразил в письме своем к Измайлову все неприличие огорчать подобными шутками. Говорили, будто он явился на похороны, но это несправедливо! Как, однако, тогда все были веселы и наклонны к шуткам: это надобно заметить!

Известно четверостишие *Буало* на поэму *Шапеленя*, написанное его жестким слогом. Некоторые тогдашние литераторы (Жуковский, Дашков, Воейков и А. И. Тур-

генов) в подражание этому сочинили надпись к портрету русского стихотворца, которая была напечатана в *Вестнике Европы*. Вот она:

Се росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он,
Выспрь быстро, как птиц царь, нес звук на Геликон!
Се лик од, притч творца, Муз читателя, Свистова,
Кой поле испестрил российскийска красна слова!

В числе авторов, страдавших от *Арзамасского общества*, был и кн. А. А. *Шаховской*, известный драматический писатель. Но это по особой причине. Он не любил Карамзина. В одной из первых своих комедий, *Новый Стерн*, он представил в карикатуре чувствительного автора; он метил в ней на князя Шаликова, но стороною хотел выставить направление, будто бы данное Карамзиным. Потом в комедии *Липецкие воды* метил на Жуковского, хотя и невпопад. Этим его комедия надела в Петербурге много шума; этим раздражил он всех почитателей Карамзина и Жуковского, всех лучших и даровитых литераторов. — В Москве печатали на него эпиграммы. Три замечательнейшие из них были напечатаны в 12-й книжке *Российского Музеума* (1815) под заглавием *Целительные воды*, просто *Эпиграмма* и *К переводчику китайского сироты* (потому что кн. Шаховской переводил трагедию Вольтера этого имени). Там же помещено еще *Письмо с Липецких вод*, аллегория, в которой под видом посетителей этих вод представлены лица из комедии кн. Шаховского.

Вот как принимали в члены Арзамасского общества Василья Львовича Пушкина. Это происходило в доме С. С. Уварова).

Пушкина ввели в одну из передних комнат, положили его на диван и навалили на него шубы всех прочих членов. Это прообразовало шутивную поэму князя Шаховского *Расхищенные шубы* (которая была напечатана в *Чтениях Беседы любителей Российского слова*) и значило, что новопринимаемый должен вытерпеть, как первое испытание, *шубное прение*, т. е. претъ под этими шубами. Второе испытание состояло в том, что, лежа под ними, он должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор. Потом, с завязанны-

ми глазами, водили его с лестницы на лестницу и привели в комнату, которая была перед самым кабинетом. Кабинет, в котором было заседание и где были собраны члены, был ярко освещен, а эта комната оставалась темною и отделялась от него аркою, с ранжевою, огненною занавескою. Здесь развязали ему глаза — и ему представилась, посредине, чучела, огромная, безобразная, устроенная на вешалке для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означает *дурной вкус*, подали ему лук и стрелы и велели поразить чудовище. Пушкин (надобно вспомнить его фигуру: толстый, с подзобком, задыхающийся и подагрик) натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за простыней был скрыт мальчик, который в ту же минуту выстрелил в него из пистолета холостым зарядом и повалил чучелу! Потом ввели Пушкина за занавеску и дали ему в руку эмблему Арзамаса, мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках во все время, пока ему говорили длинную приветственную речь. Речь эту говорил, кажется, Жуковский. Наконец поднесли ему серебряную лохань и рукомойник, умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразует *Липецкие воды*, комедию кн. Шаховского. Все это происходило в 1816 или 1817 году. Разумеется, так принимали только одного добродушного Василья Львовича, который поверил, что все подвергаются таким же испытаниям. Общий титул членов был: *их превосходительства гении Арзамаса*.

Случилось, что Василий Львович, едучи из Москвы, написал эпиграмму на станционного смотрителя и мадригал его жене. И то и другое он прислал в Арзамасское общество; и то и другое найдено плохим, и Пушкин был разжалован из имени *Вот*; ему дано было другое: *Вотрушка*! Вас. Льв. чрезвычайно огорчился и упрекнул общество дружеским посланием, которое напечатано в его сочинениях:

Что делать! видно, мне кибитка не Парнас!
Но строг, несправедлив ученый Арзамас!
Я оскорбил ваш слух; вы оскорбили друга! и проч.

По рассмотрении послания, оно было найдено хорошим, а некоторые стихи сильными и прекрасными — и Пушкину возвращено было прежнее *Вот*, с прибавле-

нием я вас: т. е. *Вот я вас*, *Виргилиево quos ego!* * — Пушкин был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал.

Василий Львович Пушкин был родной дядя Александру Сергеевичу. К нему-то писал молодой Пушкин:

Нет, нет! Вы мне совсем не брат!
Вы дядя мой и на Парнасе!

Он писал басни, послания и мелкие стихотворения. Стих его был правилен, гладок, чист; но все дарование его ограничивалось *вкусом* и не имело силы. Между напечатанными его сочинениями всего более заслуживает внимание сатира *Вечер*, которая была помещена еще в *Аонидах* Карамзина. Но более всего он прославился в свое время рукописною сатирою, в роде Ренье, под названием *Опасный сосед*. Она ходила по рукам, как произведение действительно замечательное верностью и живостию картин и лиц, не совсем нравственных.

В ней главное лицо *Буянов*. Потому-то Ал. Пушкин и написал в своем *Евгении Онегине*: «*мой брат двоюродный Буянов*», то есть потому, что родитель Буянова — его родной дядя, Василий Львович!

Но ни в чем так не отличался Вас. Льв., как в стихах на заданные рифмы. В мастерстве и проворстве писать *bouts-rimés* никто не мог с ним сравниться! Я упомянул уже об одних его *bouts-rimés*, читанных у Хераскова.

Он был чрезвычайно добродушен. Не сердился за шутки, был постоянен в дружбе и дорожил сохранением приятельской связи; был человек светский, хорошего тона, и вообще приятен в обществе. Он знал языки: французский, немецкий, латинский, итальянский и, кажется, английский. Любил читать вслух стихи луч-

* я вас! (лат.)

ших русских и иностранных поэтов; я слышал его, читающего наизусть оды Горация. Он путешествовал по Европе, жил в Париже и Лондоне, видел Бонапарта еще консулом и познакомился в Париже с многими тогдашними авторами. Говорил и писал на французском языке, как на своем природном; русский язык знал отлично. Все его любили особенно за его добродушие.

За несколько дней до его отъезда в чужие края дядя мой, бывший с ним коротко знакомым еще в гвардейской службе, описал шутливыми стихами его путешествие, которое, с согласия Василья Львовича и с дозволения цензуры, было напечатано в типографии Бекетова, под заглавием *Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия*. К этому изданию была приложена виньетка, на которой изображен сам Вас. Льв. чрезвычайно сходно. Он представлен слушающим *Тальму*, который дает ему урок в декламации. Эта книжка у меня есть: она не была в продаже и составляет величайшую библиографическую редкость.

В. Л. Пушкин, как почитатель Карамзина, был тоже в числе противников Шипкова. Известно, не однажды напечатанное, его послание к В. А. Жуковскому, где он между прочим говорит:

Я вижу весь собор раскольников-славян,
Которыми здесь вкус к изящному попран,
Против меня теперь рыкающий ужасно.
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои! зову на помощь вас!
Ударим на него, и первый буду аз!
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится!
И аще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о люди! злодея истребить!

Тогда все это возбуждало внимание, печаталось, читалось и повторялось. Тогда стихотворство было в ходу; оно проникало во все круги светского общества и было правом на отличие; следовательно, ни одна черта не пропадала!

Добрый и любящий общественную жизнь, Василий Львович переходил, так сказать, от поколения к поколению; он был приятель дедов, отцов и внуков. Он был приятель с Карамзиным и Дмитриевым; потом с Жуковским, Батюшковым, Дашковым и их современниками, которые все были его моложе; потом сделался приятелем и с нами, которые были и их моложе.

Макс. Ив. Невзоров издавал журнал *Друг юношества*, который в последнее время называл *Другом юношества и всяких лет*. Кто-то применил очень удачно это название к В. Л. Пушкину и очень верно называл его другом юношества и всяких лет.

Под конец своего литературного поприща, когда молодой Пушкин прославился поэмами, Вас. Льв., в подражание своему племяннику, начал писать тоже поэму: *Капитан Храбров*. Он не успел ее кончить, но всем читал ее; он был страстный охотник читать свои сочинения. Я помню, что старушка, мать капитана Храброва, представлена очень робкою и верящею снам и предчувствиям. Я спросил автора после чтения: «А этой старушке фамилия тоже *Храброва*?» Вас. Льв. почувствовал намек на несообразность ее характера с именем и отвечал нехотя: «Тоже *Храброва*!» — Я, в свою очередь, почувствовал неуместность моего вопроса.

Я знал лично *Батюшкова*. Сколько грустных воспоминаний, когда обратишься к молодости! Сколько имен драгоценных, сколько талантов, сколько различных исходов судьбы, сколько потерь невознагражденных или вознагражденных доселе? Батюшков, когда я в первый раз писал эти *Мелочи*, был еще жив; но можно ли было назвать жизнью то состояние рассудка, в котором находился этот человек, бывший ума необыкновенного! Имя его уже повторялось редко. А в какой был он славе! Довольно сказать, что между литераторами он разделял эту славу с Жуковским, хотя в читающей публике и не имел столь всеобщей известности.

Опишу наружность Батюшкова. Он росту ниже среднего, почти малого. Когда я знал его, волосы были у него светло-русые, почти белокурые. Он был необыкновенно скромен, молчалив и расчетлив в речах; в нем было что-то робкое, хотя известно, что он не был таков в огне сражения. Говоря немного, он всегда говорил умно и точно. По его скромной наружности никак нельзя было подозревать в нем сладострастного поэта: он был олицетворенная скромность. По рассказам о Богдановиче, он напоминал мне его своим осторожным обращением, осторожным разговором и наблюдением приличий. Странно, что и Богданович, в своей *Душеньке*, тоже не отличался тою скромностию, которую показывал в своей наружности. Впрочем все, знавшие Батюшкова короче, нежели я, утверждают, что эти сладострастные и роскошные картины, которые мы видим в его сочинениях, были только в воображении поэта, а не в жизни.

Несмотря на свою скромность и осторожность, Батюшков доказал свое остроумие и насмешливую сторону своего ума шутливым стихотворением «Видение на берегах Леты», которое в наше время было напечатано, хотя с некоторыми пропусками, в «Русской беседе», изданной в пользу Смирдина в Петербурге, 1841 года. Вероятно, издателю попалась неверно переписанная рукопись. Вот дополнение:

По слову «Стой!»
Кивнула бледна тень главой
И вышла с кашлем из повозки.
«Кто ты? — спросил ее Минос,—
И кто сии?» — на сей вопрос:
«Мы все с Невы, поэты росски!»,—
Сказала тень.— «Но кто сии
Несчастны, в клячей превращенны?» —
«Сочлены юные мои!
Любовью к славе вдохновенны,
Они Пожарского поют
И тянут старца Гермогена!
Их мысль на небеси вперенна,
Слова ж из старых книг берут!
Стихи их хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски!»
«Да кто ж ты сам?» — «Я также член!
Кургановым писать учен;
Известен стал не пустяками:

Терпением, потом и трудами;
Аз есмь зело Словенофил!», —
Сказал и книгу растворил.
При слове сем в блаженной сени
Поэтов приподнялись тени...

После стихов:

Тот книжку потопил в струях,
Тот целу книжицу с собою —

недостает в печатном следующего продолжения:

Один, один Словенофил,
И то, повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду:
Поставлен с Тредьяковским к ряду.

Другая пародия Батюшкова была на *Певца* Жуковского, под названием «Певец, или Певцы в Беседе Словенороссов, балладо-эпико-лиро-комическо-эпизодический гимн». Здесь метил он на державинскую Беседу любителей русского слова; а в заглавии на «Гимн лиро-эпический» Державина.

Здесь, между прочим, вместо Платова, представленного так мастерски в *Певце* Жуковского, он изобразил одного из старых поэтов, о котором я упоминал уже неоднократно. Чтобы видеть все смешное этой пародии, надобно напомнить куплет Жуковского. Вот он:

Хвала, наш вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для сопостатов!
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу, ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы!

А вот, для сравнения, пародия Батюшкова:

Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистошмый!
Стихи твои, как барабан,
Для слуха нестерпимы!
Везде с стихами — тут и там!
Везде ты волком рыщешь!
Пускаешь притчу в тыл врагам,
Стихами в уши свищешь!
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают;
Лишь за посланье — все бегут
И уши затыкают!

Это было какое-то особенно веселое и живое время для поэтов и время пародий. Воейков тоже написал забавные и острые стихи под названием «Сумасшедший дом», которые были в свое время очень известны. Здесь не пощадил он и друзей своих Жуковского и Батюшкова; поместил в конце и себя, чтобы избежать упрека.

О Дмитрие Васильевиче *Дашкове* я упоминал уже, как об антагонисте Шишкова; там же сказано и о превосходной его книжке «О легчайшем способе возражать на критику». Я знал его тоже с 1813 года, знал его как литератора и потом как министра. Это был человек большого ума, обширных сведений и великих достоинств.

В самой молодости, между товарищами, Дашков пользовался уже преимущественным уважением и к своему лицу и к своим мнениям. Он и тогда имел над ними какую-то моральную власть, которой они покорялись, признавая его превосходство перед собою. Его приговор литературным их произведениям почитался важным и окончательным; его насмешка была метка и неотразима, хотя никогда не была оскорбительна. Милонов, а особенно Грамматин часто бывали предметом его верных замечаний и приятельских шуток, но плохие авторы испытывали всю силу его иронии.

Свойство ума Дашкова могло служить примером того, что глубокомыслие не противно шутке и веселости. Вопреки мнению людей, судящих по наружности, надобно вообще заметить, что важность, пренебрегающая веселостью и шуткою, бывает всегда признаком односторонности ума и если не тупости, то по крайней мере ума ограниченного недалекими пределами; а нередко важность есть признак и надутой глупости. Не таков был Дашков. Имея важную наружность от природы, он никогда не важничал, был разговорчив и охотно сообщал замечания светлого ума своего о предметах и важных и легких; но был тверд в своих мнениях, ибо мнения его были плодом зрелого убеждения. Он следил за всеми отраслями наук и литературы; он читал беспрестанно и проникал глубоко в историю народов и в политические происшествия своего времени. Русскую литературу знал во всех подробностях и ни одного произведения ее не оставлял без внимания, даже и тогда, когда впоследствии занимал важные должности.

Вот одна черта его веселой иронии. Дашков был членом С.-Петербургского общества любителей словесности, наук и художеств. Предложили в почетные члены известного гр. Д. И. Хвостова. Дашков был против этого, но большинство голосов решило выбор; надобно было покориться. Дашков, уступив большинству, просил общество по крайней мере позволить ему сказать обычную приветственную речь новоизбранному члену, и общество, не подозревая никакой шутки, на это согласилось.

Дашков сказал речь, наполненную похвал, но вместе такой иронии, которая бросалась в глаза всякому и уничтожала все другие мнения в пользу поэзии нового члена. Это было в заседании общества 14 марта 1812 года. В первом издании *Мелочей* я выписал только два небольшие отрывка из этой речи; теперь, в конце книжки, прилагаю ее вполне.

В то время Дашков служил в департаменте министерства юстиции. Ив. Ив. Дмитриев, бывший тогда министром, по преимуществу любил Дашкова и высоко

ценил прямоту его характера и необыкновенные его способности. Но, узнавши об этой выходке, как ни смеялся, однако пожурил оратора, разумеется, не как подчиненного, а как молодого человека, в котором он принимал особенное участие и который сам был ему искренно предан.

Гр. Хвостов поступил, однако, с своей стороны, хорошо; то есть хорошо вышел из затруднения — признаться в вытерпленной насмешке. На другой же день он прислал звать Дашкова обедать. Дашков пришел к Дмитриеву просить его совета, ехать ли ему на этот обед. Дмитриев сказал ему решительно: «Советую ехать, Дмитрий Васильевич. Знаю, что тебе будет неловко, но ты должен заплатить этим за свою неосторожность». За обедом гр. Хвостов благодарил Дашкова и рассыпался в похвалах его достоинствам; но за кофеем, в стороне от других, сказал ему: «Неужели вы думаете, что я не понял вашей иронии? Конечно, ваша речь была очень забавна, но нехорошо, что вы подшутили так над стариком, который вам ничего дурного не сделал. Впрочем, я на вас не сержусь; останетесь знакомы по-прежнему». Ив.<ан> Ив.<анович>, от которого я это слышал, находил, что это было очень хорошо и благородно со стороны оскорбленного стихотворца. Тем эта история и кончилась между ними. Но общество (это справедливо напомнил мне один мой критик) исключило Дашкова из своих членов.

Князь Шихматов отличался, между прочим, богатыми рифмами и тем, что избегал рифм на глаголы. А. Ф. Воейков говорил очень забавно, что он «у кн. Шихматова крадет иногда рифмы, но что у такого богача не грех и украсть»; а Батюшков, в своей пародии *Певца Жуковского*, назвал его *Шихматов безглагольный*, что значит просто: не употребляющий рифм на глаголы. В приведенном мною выше отрывке Батюшкова из *Видения на берегах Леты* стих «Они Пожарского поют» и следующий за ним относятся тоже к поэме кн. Шихматова, которой заглавие я упомянул перед этим, исчисляя его сочинения.

Д. Н. БЛУДОВ

РАССКАЗ ОБ АРЗАМАСКОМ ОБЩЕСТВЕ, ЗАПИСАННЫЙ Я. К. ГРОТОМ

16 апреля 59 слышано от Блудова.

1. Об Арзам<асском> общ<естве>

Блуд<ов> написал в 1815 <году> от лица Шаховского шуточно-важное «Видение в некоторой ограде», т. е. в ограде Беседы, а чтобы потом дать этому рамку, сочинил письмо якобы от одного Арзам<асского> литератора (Арзамас был выбран потому, что близ него было имение Блудова и что он незадолго перед тем ездил туда). В этом письме рассказывалось, что в Арзам<асском> трактире собралось несколько литераторов и что трактирщик объявил им, что в соседней комнате остановился какой-то проезжий. Они подошли к дверям и слышали, как он лежа в постеле декламировал свое «Видение»; он повторял его столько раз, что они заучили это творение наизусть (это б<ыл> кн<язь> Шаховской). Это было первым началом Арзамас<ского> общества. Поводом же к нападению Блудова на Шах<овского> было появление комедии последнего «Липецкие воды», в которой находились выходки против Жуковского и баллад его; друзья его и сговорились отомстить автору.

Арзамасское общество собственно существовало только года 3; одним из последних выбранных в него членов был Пушкин, принятый в 1818 г. Оно собиралось у разных лиц, особенно у Уварова и у Блудова. Каждый член должен б<ыл> сказать надгроб<ное> слово (по примеру франц<узской> ак<адемии>), но

не своему предшественнику, ибо в Арз<амасском> общ<естве> покойников не было — все члены его бессмертны — а покойнику, взятому напрокат из Беседы. Так Бл<удов> говорил надгр<обное> слово Захарову. В 18 году Орлов хотел завлечь Арз<амасское> общ<ество> в свои якобинские идеи; но замысел его проникнули и, чтобы удалить его, решились дать Арз<амасскому> общ<еству> более серьезное направление и издавать в нем журнал. Однако ж план этот не состоялся и общество рушилось.

Впоследствии Уваров вздумал возобновить его и однажды пригласил к себе оставшихся членов прежнего Арзамаса. В каком же виде оно после существовало?

А. Д. БЛУДОВА

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ И ЗАПИСОК»

...Тут и веселый кружок арзамасский. Красавец и баловень аристократических собраний, остроумный, ловкий, веселый, с примесью самолюбия фата, но высокообразованный, истинно просвещенный Уваров; и с сановитую южную красотю своею, с прекрасными чертами смуглого лица, высокого роста и возвышенной души, любимой и ценимой по какому-то инстинкту даже нами, детьми, Дашков, которого в нашем наивном почитании и любви мы прозвали *пальмовым деревом* (пальмою между людьми), как прозвали мы Северина *подсолнечником* за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру и особенно за измену, как мы думали, Каподистрии и обратное движение к восходящему солнцу министерства <иностранных дел> Нессельроду. Вот и черные, как смоль, раскаленные, как угли, глаза Вигеля, которого раздражительность и негодование на меня в моем детстве узнала только по его запискам; помню ж я его как частогo посетителя, хорошегo приятеля всех арзамасцев и друга нашего дома, с табакеркой в руках, которую он вертел, играя ею и особенным манером постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, как *будто клевал по ней пальцами*, как птица клюет клювом, когда готовится сказать что-нибудь колкое или забавное. А там широкое добродушное лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневного гостя, но мало занимавшегo детьми, на которого мы с изумлением глядели за обедом, когда он глотал все, что находилось под рукою, — и хлеб с солью, и пирожки с супом, и бисквиты с вином, и конфеты с говядиной, и фрукты с майонезом, без всякого разбора, без всякой последовательности, как попадет, было бы съестное; а после обеда поставят перед ним сухие фрукты, пастилы и т. п., и он опять все ест, между прочим, кедровые орехи целою горстью за раз, потом заснет на диване и спит и даже храпит под шум разговора и веселого смеха друзей. Помню, как теперь, голубой, набивного бархата диван и овальный стол желтого тополя в гостиной нашей, где сживал он. Эта способность глотать все, что ни попадет, и спать потом так сладко делала его в моих глазах каким-то *boa constrictor* * безвредной поро-

* удавом (фр.).

ды или добрым огром *, который, однако, детей не ест, а не прочь поделиться с ними конфетками. Мы его прозвали по-французски le gouffre **, потому что эту пропасть или омутом мгновенно пожиралось все съестное.

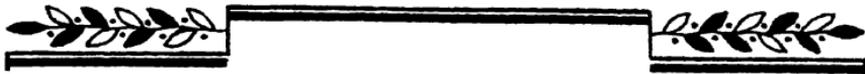
А вот и (А. С.) Пушкин с своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных блистательных слов и добродушных шуток, а потом растерзанный, измученный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души. (...)

Образ Батюшкова неопределенно, туманно рисуется передо мною лишь однажды в той же голубой гостиной: небольшого росту, молодой красивый человек, с нежными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и с странным взглядом разбегающихся глаз; я проходила через гостиную в детскую, и отец остановил меня у дверей, где он стоял с Батюшковым, сказав ему: «Vous ne geonnaissez pas la petite?» *** Вероятно, он был долго в отсутствии или нас не было в Петербурге. В следующее лето на даче, помню, стали говорить у нас с горестью, что он сделался такой странный, и стали бояться — не лишился бы он ума...

* людоедом (от фр. ogre).

** пропастью, бездной (фр.).

*** Вы не узнали малышку? (фр.).

Н. И. ТУРГЕНЕВ

РОССИЯ И РУССКИЕ

...Впрочем, поскольку российское государственное устройство исключает всякую гласность, самые безобидные собрания без труда могли быть изображены людьми предубежденными как тайные общества. <...> Я сам состоял членом одного литературного общества, которое могло считаться и в самом деле считалось иными лицами едва ли не политическим. На заседаниях этого литературного общества я бывал гораздо чаще, чем на заседаниях Союза благоденствия. Споры и беседы, не всегда ограничивавшиеся здесь сферой литературной, вполне могли предоставить человеку столь честному и добросовестному, каков составитель донесения следственной комиссии, основания возвести их в ранг политических дебатов. Уподобившись автору этого донесения, было бы легко изобразить эти заседания в точно таком же свете, в каком представил он собрания Союза благоденствия, и прийти к сходным выводам. А между тем, чтобы составить верное представление о собраниях Союза благоденствия, автору донесения довольно было вспомнить заседания этого литературного общества, ко-его он был самым деятельным, а главное, самым болтливым членом.

Впрочем, два эти общества оставили по себе в моей душе разную память. Меж тем как одно из них было проникнуто духом самоотвержения, жаждой благотворных перемен, другое, литературное общество памятно мне лишь своим легкомыслием. Общество это было основано для нападок на приверженцев нашей старинной литературы и их осмеяния. Всякий новый член при вступлении должен был произнести шутовское похвальное слово в честь одного из членов Российской Акаде-

мии, главного прибежища сторонников старинной школы. Это называлось *похоронить академика*. Чуждый этим литературным спорам и по долговому своему пребыванию вне России, и по своим вкусам, которые влекли меня к серьезным предметам, я оставался равнодушен к тому, что происходило в этом обществе. Все же я не без удовольствия присутствовал на его заседаниях, ибо беседа здесь не всегда ограничивалась предметами легкомысленными. Однако, должен признаться, удовольствие это никогда не бывало чистым и полным, ибо я не мог вполне свыкнуться с критическим и язвительным умом этих господ. Ум этот особенно резко обнаружился в неистощимой болтовне того человека, которому впоследствии поручено было составление торжественного акта и который вместо того, чтобы, внимая велениям долга, слушаться одного лишь голоса справедливости, предпочел, судя по всему, излить на бумагу всю желчь своего сердца.

В конце пребывания моего в Петербурге в это литературное общество вступил мой тогдашний друг, генерал Михаил Орлов. Но, вместо того чтобы, по обычаю, произнести шутовскую эпитафию кому-либо из здравствующих академиков, он выступил с серьезной речью, в которой указал сочленам, как мало пристало разумным людям тратить время на пустяки и литературные дразги, в такое время, когда всякому человеку, преданному общественному благу, открывается поприще широчайшее. Он заклинал новых своих собратьев бросить детские забавы и посвятить себя делам благородным и серьезным. Речь эта произвела впечатление; все почувствовали справедливость упреков и советов вновь вступившего члена. Но если легкомыслие и безрассудство с тех пор и уменьшились, разумных и полезных свершений от этого не прибавилось...

В. А. ЖУКОВСКИЙ
ЗАПИСКА О Н. И. ТУРГЕНЕВЕ

...В 1816 году завелось общество араамасское, которое было не иное что, как литературная шутка; оно состояло сначала из 12 или 15 членов; число их впоследствии увеличилось до 25. Раз в неделю оно собиралось. Кто прочтет протоколы заседаний и речи членов, тот найдет в них совершенную галиматью; и действительно, они были галиматьею. Но в 1817 году в это общество были приняты Орлов,

<Н. И.> Тургенев и, наконец, Никита Муравьев. В последних своих заседаниях общество, составленное из литераторов, начало рассуждать о том, как бы из шутки сделать дело, и положено было выдавать литературный и политический журнал; но члены разошлись, и план журнала не составил. Теперь вопрос: в 1817 году вступил в арзамасское общество Муравьев. Он имел уже тогда все те мысли, кои занимали его как члена Общества Благоденствия. Что, если бы журнал арзамасского общества состоялся и одним из издателей оно было Никита Муравьев? Справедливо ли было бы назвать арзамасцев участниками злоумышления, после открывшегося, потому только, что Муравьев был их сочленом? Справедливо ли было бы думать, что его особенные замыслы были им известны? Скажу более: если бы общество арзамасское продолжалось и если бы журнал его состоялся, то, вероятно, Муравьев, будучи членом его, по правилу, принятому его соумышленниками, стал бы уверять прочих, что арзамасцам известны их замыслы и что они готовы им содействовать; ибо Арзамас был составлен из людей, имевших в России известность: сам Карамзин бывал на их заседаниях и от души смеялся, слушая шутовские их речи и протоколы. Сия ложь была бы неизбежным приговором арзамасцев: они бы признаны были заговорщиками, а общество их ветвью преступного, Северного или Южного. И если бы с таким предубеждением прочтены были протоколы и все бумаги арзамасского общества, то они только бы подтвердили сие мнение. Никто бы не поверил, что оно не имело никакого умысла. Галиматья показала бы маскою чего-нибудь важного, и в шутках увидели бы намерение преступное. Никто бы не поверил, что можно собираться раз в неделю для того только, чтобы читать галиматью. Фразы, не имеющие для посторонних никакого смысла, показались бы тайными, имеющими свой ключ, известный одним членам. Имя *Новый Арзамас*, кое давало себе общество, получило бы смысл республики. А в Беседе русского слова и Академии, над коими забавлялись члены, увидели бы Россию и правительство...

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. ТУРГЕНЕВУ

16/28 ноября 1827. Париж.

...Существование сих <частных> обществ свидетельствует бытие некоторой свободы гражданской, и там где их больше, там больше и свободы. Отсутствие оных означает противное, и верх деспотизма есть гонение на участие частных людей, частных обществ в улучшениях, усовершенствованиях, до всего государства касающихся. Я никогда не забуду важности, с какою говорил гр. Сергей П. Румянцев,

возлеянный французами 18-го века в царствование Екатерины, об Арзамасе невинном. Но и арзамасская шутка была при Александре и принадлежит уже к другой эпохе...

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. ФОН МЮЛЛЕРУ

12 мая 1846 г.

...Буффонада явилась причиной рождения Арзамаса, и с этого момента буффонство определило его характер. Мы объединились, чтобы хохотать во все горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, сделал немалый вклад, чтобы достигнуть этой главной цели, т. е. смеха; я заполнял протоколы галиматьей, к которой внезапно обнаружил колоссальное влечение. До тех пор пока мы оставались только *буффонами*, наше общество оставалось деятельным и полным жизни; как только было принято решение стать *серьезными*, оно умерло внезапной смертью. <...> Арзамас не оставил ни малейшего следа в трудах по той простой причине, что никаких трудов не было...

Н. И. ГРЕЧ

ИЗ «ЗАПИСОК О МОЕЙ ЖИЗНИ»

Свет литературный делился тогда на две, резко обозначенные, партии Шишкова и Карамзина. К первой принадлежали все Кутузовы, Кикин, И. С. Захаров, Хвостов (Александр Семенович), князь Шаховской и вообще большая часть членов Беседы Любителей Русского Слова. К последней — Дмитриев, Блудов, Дашков, Тургенев, Жуковский, Батюшков, В. Л. Пушкин, Вяземский и т. д. Державин, Крылов, Гнедич держались середины, более склоняясь к последней.

Карамзинолатрия достигла у его читателей высшей степени: кто только осмеливался сомневаться в непогрешимости их идола, того предавали проклятию и преследовали не только литературно. Гораздо легче было ладить с самим Карамзиным, человеком кротким и благодушным, нежели с его иступленными сеидами. Дух партии их был так силен, что они предавали острацизму достойнейших людей, державших не обожать Карамзина, но и приближали к себе гнусных уродов, подделывавшихся под их тон, как, например, вора Жихарева, воришку Боголюбова, мужеложника Вигеля, величайшего в мире подлеца Воейкова. Второю собенкою этого круга был Жуковский. Его любили, честили, боготворили. Малейшее сомнение в совершенстве его стихов считалось преступлением. Выгоды Жуковского были выше всего. Павел Александрович Никольский, издавая «Пантеон Русской Поэзии», не думал, что может повредить Жуковскому, помещая в «Пантеоне» его стихотворения. Александр Тургенев увидел в этом денежный ущерб для Жуковского, которого сочинения тогда еще не были напечатаны полным собранием, и, однажды заговорив о них с Гнедичем на обеде у графини Строгановой, назвал Никольского вором. Гнедич вступился за Никольского. Вышла побранка, едва не

кончившаяся дуэлью. Никольский, узнав о том, перестал печатать в «Пантеоне» сочинения Жуковского; об этом предмете, вероятно, придется мне говорить со временем. Эти исступленные фанатики требовали не только признания таланта в Карамзине, уважения к нему, но и самого слепого языческого обожания. Кто только осмеливался судить о Карамзине, видеть в его творениях малейшее пятнышко, тот, в их глазах, становился злодеем, извергом, каким-то безбожником. В. Л. Пушкин сказал о приверженцах Шишкова:

И аще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить.

То же можно было сказать о противной партии, переложив только первый стих:

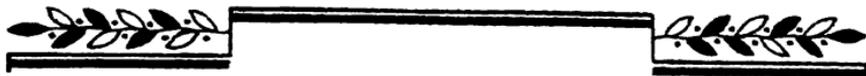
И аще смеет кто Карамзина *судить*.

Приверженцы Карамзина составили особое закрытое литературное общество под названием Арзамаса, в которое принимали людей, поклявшихся в обожании Карамзина и в ненависти к Шишкову. Каждый при вступлении должен был прочесть похвальное слово, сатиру или что-нибудь подобное в восхваление идола и в унижение противника. Я был всегда ревностным читателем Карамзина, не по связям и не по духу партии, а по искреннему убеждению; ненавидел Шишкова и его нелепых хвалителей и подражателей, но не налагал на себя обязанности кадить Карамзину безусловно и беспрестанно, и потому не только не был принят в Арзамас, но и сделался предметом негодования и насмешек его членов. Приверженцы же Шишкова злились на меня и преследовали меня за действительную мою оппозицию. Впоследствии роли переменялись. Например, Блудов, самый исступленный карамзинист, веровавший в «Бедную Лизу», как в Варвару великомученицу, сделался по Министерству просвещения товарищем Шишкова. Один Дашков остался верен своему призванию. Лет чрез пятнадцать после того, бывши товарищем министра внутренних дел, он, при встрече, спросил у меня:

— И вы не обратились к Шишкову?

— Нет, — отвечал я: — остался при прежнем мнении. А вы, Дмитрий Васильевич?

— И я т-т-т-о-же. У меня два в-в-ра-га: Ш-и-ш-шков и т-т-урки, — отвечал он, заикаясь.

Ф. В. БУЛГАРИН

НЕЧТО О ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ
И О ДУХЕ ОНОГО

...После войны с французами (в 1816 и 1817 годах) образовалось общество под названием Арзамасского. Оно было не литературное, не политическое в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существовании клонилось само собою и к той, и к другой цели. Оно сперва имело в намерении пресечь интриги в словесности и в драматургии, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцев-словесников. Члены общества были неизвестны или хотя известны всем, но не объявляли о себе публике; но общество было *явное*. Оно было шуточное, забавное и во всяком случае принесло бы более пользы, нежели вреда, если б было направляемо кем-нибудь к своей настоящей цели. Но как никто о сем не заботился, то Арзамасское общество без умысла принесло вред, особенно Лицею. Сие общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, шли в свете по блестящему пути и почти все были или дети членов Новиковской мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень. Не упоминаю о членах Арзамасского общества, ибо многие из них вовсе переменили образ мыслей и стоят на высоких степенях...

Арзамасское общество не было вовсе политическое, не имело никакого образования, ни устройства, не было тайным, а потому бывшие его члены ни в каком случае не могли упоминать о нем при подписке, данной правительству, о знании или участии в тайных обществах.

О сем Арзамасском обществе упомянуто было в «Записке о Лицее» для того только, что некоторые его члены имели влияние на дух лицейских воспитанников. Арзамасское общество возникло от раздраженного самолюбия. Когда, по проискам актрис и князя Тюфякина, запрещено было писать о театре, а между тем некоторые драматические писатели, а именно князь Шаховской, Загоскин и другие, начали выводить на сцену неприязненных им людей (даже кроткого Жуковского князь Шаховской выставил в комедии «Липецкие воды») *, то Уваров, Тургенев и другие составили союз, или общество, названное (по вотчине одного из них в Арзамасе) Арзамасским. Туда собирались читать критики, а после — сатиры и эпиграммы на театральные пиесы и авторов. Вскоре Арзамасское общество вооружилось противу всех противников Карамзина и его школы и противу всех писателей, не желавших явно содействовать обществу. Оно критиковало также все так называемые старобрядческие, славофильские сочинения, т. е. Шишкова, Шихматова и их приверженцев. Итак, не общество имело влияние на дух Лицея, но некоторые люди, принявшие в свой круг Пушкина, Кюхельбекера и других лицейских студентов. Главная характеристическая черта членов Арзамасского общества, по которой и теперь можно отличить их между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность. Все это называется теперь: *Mépris souverain pour le genre humain* **. Этими словами означали членов Арзамасского общества, исключая некоторых скромных, двух или трех — не более. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего об-

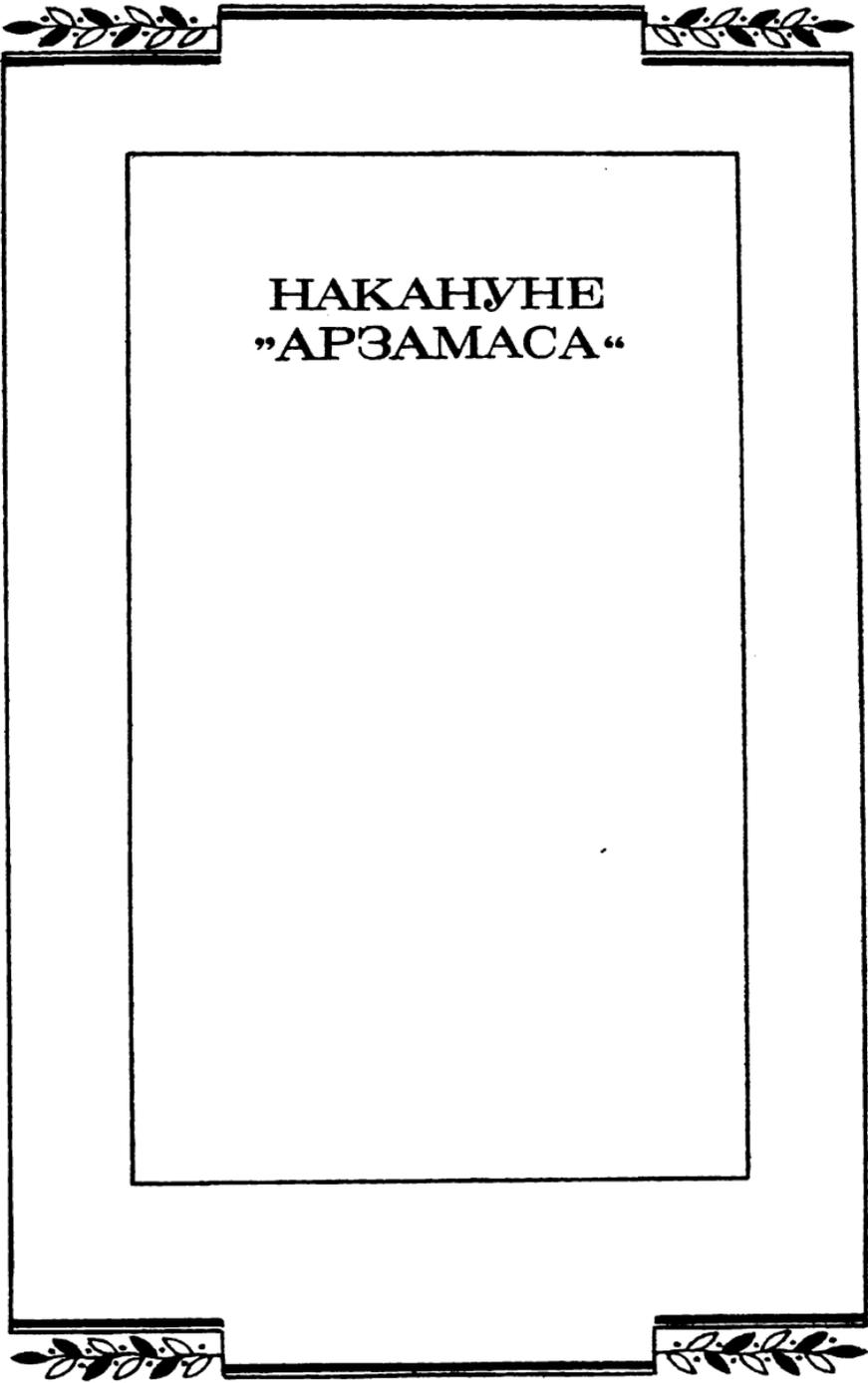
* Карамзин выставлен был очень умно и забавно в комедии «Новый Стерн».

** Глубочайшее презрение к роду человеческому (*фр.*)

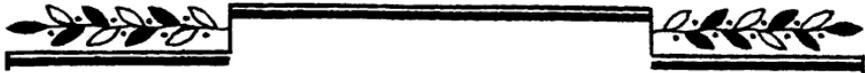
щества. Все, что не ими выдуманно, — *дрянь*; каждый человек, который не пристаёт безусловно к их мнению, — *скотина*; каждая мера правительства, в которой они не принимают участия, — *мерзкая*; каждый человек, осмеливающийся спорить с ними, — *дурак и смешон*. Вот какими выражениями они изъяснялись без обиняков. С равными они относились несносно надменно, с низшими — как с черными невольниками, высших всех ругали без памяти *за глаза* и представляли в эпиграмматическом виде. Между тем когда надлежало *искать*, то и надменные Катоны *изгибались*. Уваров сам примеривал кокошники и сарафаны мамкам Канкриня, а Николай Тургенев нашел, что у Аракчеева *прекрасное русское лицо*, когда он доставил ему 1000 черв<онцев> на дорогу! Этот несносный тон, это фронтдерство всего святого, доброго и злого в смеси, без различия, по одним страстям, заразило юношество, как было о сем упомянуто в «Записке о Лицее». Из двадцати юношей в обществе тотчас можно узнать лицейских воспитанников первого времени. Голова вверх, гордый взгляд, надменный тон, резкость в речах, ответы в роде приговоров, вопросы в виде повелений. Все они почитают себя рожденными не в свое время, выше своего века, гениями! Все они вылиты в форму главных членов Арзамасского общества Уварова и Тургенева (Николая). Такая самонадеянность и гордость в молодых летах порождает неуместное честолюбие, желание новости и увлекает юношей на все пути, где они видят для себя возвышение и где полагают дать обширный круг деятельности своему уму. Если б только правительство хотело, — все можно употребить в свою пользу, и для сего надобно только одной деятельности. Но о сем будет впоследствии изложено подробно. Итак, вот в каком отношении Арзамасское общество было вредно! То есть некоторые члены общества. Общество не имело *ни малейшей политической цели*; но как правительство не заботилось о том, чтобы каждому обществу дать *свое* направление, *свою* цель, то некоторые члены отдельно приготавливали порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени тайного общества. Арзамасское общество умерло своею смертию; когда кончилась *причина*, кончилось и *действие*. Великое и мудрее правило для искоренения всего злого. Покойный государь приехал к графине Софье Владимировне Строгоновой, и она сказала ему, что во время его отсут-

ствия (в 1815 г.) запрещено писать о театре. Государь не хотел верить, после смеялся долго над этою мерою и велел тотчас снять запрещение. *Le combat finit faute des combattants*: * загорелась война в журналах, — и общество Арзамасское рушилось само собою. Когда запрещают печатать, то пишут тайно. Много, много было беды от закулисных интриг, будет еще, если правительство не возьмет эту часть в надзор и в употребление высшей полиции. *Dixi!* **

* Сражение прекратилось за отсутствием сражающихся (*фр.*).
** Я сказал (*лат.*).

НАКАНУНЕ
"АРЗАМАСА"

К. Н. БАТЮШКОВ

ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГАХ ЛЕТЫ

Вчера, Бобровым утомленный,
Я спал и видел странный сон!
Как будто светлый Аполлон,
За что, не знаю, прогневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек — и все упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
Иной из них окончил век,
Сидя на чердаке высоком
В издранном шлафроке широком,
Наг, голоден и утомлен
Упрямой рифмой к *светлу небу*.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную, как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
И пал без чувств в конце эклоги;
Везде, о милосерды боги!
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
Богату ниву аду пашет
И губит Фебовых детей,
Как ветер осенний злак полей!
Меж тем в Элизии священном,
Лавровым лесом осененном,
Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
Херасков, честь и слава россов,
Самолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков,
Замысловатый Сумароков

И, Мельпомены друг, Княжнин.
И ты сидел в толпе избранной,
Стыдливо грацией венчанный,
Певец прелестных мечты,
Между Психеи * легкокрылой
И бога нежной красоты;
И ты там был, наездник хилый
Строптива девственниц седла,
Трудолюбивый, как пчела,
Отец стихов «Телемахиды»,
И ты, что сотворил обиды
Венере девственной, Барков!
И ты, о мой певец незлобный,
Хемницер, в баснях бесподобный! —
Все, словом, коих бог певцов
Венчал бессмертия лучами,
Сидели там олив в тени,
Обнявшись с прежними врагами;
Но спорили еще они
О том, о сем — и не без шума
(И в рае, думаю, у нас
У всякого своя есть дума,
Рассудок свой, и вкус, и глаз).
Садилась все за пир богатый,
Как вдруг Майинин сын крылатый,
Ниссланный вышним божеством,
Сказал сидящим за столом:
«Сюда, на берег тихой Леты,
Бредут покойные поэты;
Они в реке сей погрузят
Себя и вместе юных чад.
Здесь опыт будет правосудный:
Стихи и проза безрассудны
Потонут вмиг: так Феб судил!» —
Сказал Эрмий — и силой крыл
От ада к небу воспарил.
«Ага! — Фонвизин молвил братьям, —
Здесь будет встреча не по платьям,
Но по заслугам и уму». —
«Да много ли, — в ответ ему
Кричал, смеясь, Сумароков, —
Певцов найдется без пороков?

* Психею — душу или мечту — древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном.

Поглотит Леты всех струя,
Поглотит всех, иль я не я!» —
«Посмотрим,— продолжал вполгласа
Поэт, проклятый от Парнаса,—
Егда придут...» Но вот они,
Подобно как в осени дни
Поблеклы листья древесны,
Что буря в долах разнесла *,—
Так теньям сим не весть числа!
Идут толпой в ущелья тесны,
К реке забвения стихов,
Идут под бременем трудов;
Безгласны, бледны, приступают,
Любезных детищей купают...
И более не зрят в волнах!
Но тут Минос, певцам на страх,
Старик угрюмый и курносый,
Чинит расправу и вопросы:
«Кто ты, вещай?» — «Я тот поэт,
По счастью очень плодовитый
(Был тени маленькой ответ),
Я тот, венками роз увитый
Поэт-философ-педагог,
Который задушил Вергилия,
Окоротил Алкею крылья.
Я здесь! *Сего бо хочет бог*
И долг священныя природы... ** —
«Кто ж ты, болтун?» — «Я... Верзляков!» —
«Ступай и окунися в воды!» —
«Иду... во мне вся мерзнет кровь...
Душа... всего... душа природы,
Спаси... спаси меня, любовь!
Авось...» — «Нет, нет, болтун несчастный,
Довольно я с тобою вы!» —
Сказал ему Эрот прекрасный,
Который тут с Психеей был.
«Ступай!» Пошел — и нет педанта.
«Кто ты?» — спросил допросчик тень,
Несущу связку фолианта.
«Увы, я целу ночь и день
Писал, пишу и вечно буду
Писать... всё прозой, без еров.

* Смотри VI песнь «Энеиды».

** Смотри «Тень Кука».

Невинен я. На эту грудь
Смотри, здесь тысячи листов,
Священной пылью покрытых,
Печатью мелкою убитых
И нет *era* ни одного.
Да, я!..» — «Скорей купать его!»
Но тут явились лица новы
Из белокаменной Москвы,
Какие странные обнови!
От самых ног до головы
Обшиты платья их листьями,
Где прозой детской и стихами
Иной кладбище, мавзолей,
Другой журнал души своей,
Другой Меланию, Зюльмису,
Луну, Вespera, голубков,
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Баранов, кошек и котов *
Воспел в стихах своих унылых
На всякий лад для женщин *милых*
(О, век железный!..). А оне
Не только въяве, но во сне
Поэтов не видали бедных.
Из этих лиц уныло-бледных
Один, причесанный в тупей,
Поэт присяжный, князь вралея,
На суд явил творенья новы.
«Кто ты?» — «Увы, я пастушок,
Вздохатель, завсегда готовый;
Вот мой венок и посошок,
Вот мой букет цветов тафтяных,
Вот список всех красот упрямых,
Которыми дышал и жил,
Которым я насильно мил.
Вот мой баран, моя Аглая», —
Сказал и, тягостно зевая,
Спросонья в Лету поскользнул!
«Уф! я устал, подайте стул,
Позвольте мне, я очень славен.
Бессмертен я, пока забавен». —
«Кто ж ты?» — «Я Русский и поэт.
Бегом бегу, лечу за славой,

* Это всё, даже кошки, воспеты в Москве — ссылаюсь на журналы.

Мне враг чужой рассудок здравый.
Для Русских прав мой толк кривой,
И в том клянусь моей сумой». —
«Да кто же ты? — «Жан-Жак я Русский,
Расин и Юнг, и Локк я Русский,
Три драмы Русских сочинил
Для Русских; нет уж боле сил
Писать для Русских драмы слезны;
Труды мои все бесполезны!
Вина тому — разврат умов» —
Сказал — в реку! и был таков!
Тут Сафы русские печальны,
Как бабки наши повивальны,
Несли расплаканных детей,
Одна — прости бог эту даму! —
Несла уродливую драму,
Позор для ада и мужей,
У коих сочиняют жены.
«Вот мой Густав, герой влюбленный...» —
«Ага! — судья певиче сей, —
Названья этого довольно:
Сударыня! мне очень больно,
Что вы, забыв последний стыд,
Убили драмою Густава.
В реку, в реку!» О, жалкий вид!
О, тщетная поэтов слава!
Исчезла Сафо наших дней
С печальной драмою своей;
Потом и две другие дамы,
На дам живые эпиграммы,
Нырнули в глубь туманных вод.
«Кто ты?» — «Я — виноносный гений.
Поэмы три да сотню од,
Где всюду ночь, где всюду тени,
*Где роцца ржуца ружий ржот**
Писал с заказа Глазунова
Всегда на срок... Что вижу я?
Здесь реет между вод ладья,
А там, в разрывах черна крова,
Урания — душа сих сфер
И все титаны ледовиты,
Прозрачной мантией покрыты,

* Этот стих взят из сочинений Боброва, я ничего не хочу присваивать.

Слезят!» — Иссякнул изувер
От взора пламенной Эгиды.
Один отец «Телемахиды»
Слова сии умел понять.
На том берегу реки забвенья
Стояли тени в изумленье
От речи сей: «Изволь купать
Себя и всех своих уродов», —
Сказал, не слушая доводов,
Угрюмый ада судия.
«Да всех поглотит вас струя!..»
Но вдруг на адский берег дикий
Призрак чудесный и великий
В обширном дедовском возке
Тихонько тянется к реке.
Наместо клячей запряженны,
Там люди в хомуты вложенны
И тянут кое-как, гужом!
За ним, как в осень трутни праздны,
Крылатым в воздухе полком
Летят толпою тени разны
И там и сям. По слову «Стой!»
Кивнула бледна тень главой
И вышла с кашлем из повозки.
«Кто ты? — спросил ее Минос, —
И кто сии?» — На сей вопрос:
«Мы все с Невы поэты росски», —
Сказала тень. «Но кто сии
Несчастливы, в клячей превращенны?» —
«Сочлены юные мои,
Любовью к славе вдохновенны,
Они Пожарского поют
И топят старца Гермогена;
Их мысль на небеса вперенна,
Слова ж из Библии берут;
Стихи их хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски». —
«Да кто ты сам?» — «Я также член;
Кургановым писать учен;
Известен стал не пустяками,
Терпеньем, потом и трудами;
Аз есмь зело *славенофил*», —
Сказал и пролог растворил.
При слове сем в блаженной сени
Поэтов приподнялись тени;

Певец любовных езды
Ослабил взор *усмешкой блудной*
И рек: «О муж, умом не скудной!
Обретший редки красоты
И смысл в моей «Деидамии»,
Се ты! се ты!..» — «Слова пустые», —
Угрюмый судия сказал
И в Лету путь им показал.
К реке подвинулись толпою,
Ныряли всячески в водах;
Тот книжку потопил в струях,
Тот целу книжищу с собою.
Один, один славенофил,
И то, повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду.
Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранном,
В пуху, с косматой головой,
С салфеткой, с книгой под рукой.
«Меня врасплох, — она сказала, —
В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов:
Теперь же час, друзья, обедать,
Я — вам знакомый, я — Крылов!» *
«Крылов, Крылов», — в одно вскричало
Собрание шумное духов,
И эхо глухо повторяло
Под сводом адским: «Здесь Крылов!»
«Садись сюда, приятель милый!
Здоров ли ты?» — «И так и сяк». —
«Ну, что ж ты делал?» — «Всё пустяк —
Тянул тихонько век унылый,
Пил, сладко ел, а боле спал.
Ну, вот, Минос, мои творенья,
С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
Да басни, — всё купай, купай!»
О, чудо! — всплыли все, и вскоре

* Крылов познакомился с духами через «Почту».

Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай.
Еще продлилось сновиденье,
Но ваше длится ли терпенье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно —
Другого и обидеть можно.
А боже упаси того!

1809

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

9 февраля 1810 *⟨Москва.⟩*

...С Жуковским я на хорошей ноге, он меня любит и стоит того, чтоб я его любил *⟨...⟩* Дмитриев и Карамзин обо мне хорошо отзываются. Последний был болен: вот почему я у него не был. Впрочем, скажу тебе, что Москва жалка: ни вкуса, ни ума, ниже совести! Пишут да печатают. *⟨...⟩*

Какову мысль мне подал Жуковский! Именно — писать поэму: «Распря нового языка со старым», на образец «Лютрена» Буало, но четырехстопными стихами. Как думаешь? В силах ли я сладить с таким богатым сюжетом? Напиши свое мнение...

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. ТУРГЕНЕВУ

С. П. Бург. *⟨1⟩*810, февраля 16-го.

...Я здесь познакомился с камер-юнкером Уваровым, который весной отправляется в Париж, вместо К. Гагарина, секретарем посольства. Прекрасный малый и прекрасный поэт. Французские стихи его часто не уступают Делилевым, иногда превосходнее; сверх того, он так знает немецкую литературу, что и меня пристыдил, даже в истории. Теперь задумал он об одном сочинении, которого предмет состоит в том, чтобы исследовать влияние, какое Восток или его системы религии имели на Запад, т. е. на Европу; я читал некоторые отрывки о нем. литературе и восхищался ими. Слог несравненно лучше Вилларсова, да и голова не хуже. Если случисься с ним в Париже, ступай к нему прямо от моего имени...

〈Конец марта 1810 г. Москва〉

Льстец моей ленивой музы!
Ах, какие снова узы
На меня ты наложил?
Ты мою сонливу «Лету»
В Иордан преобразил
И, смеясь, мне, поэту,
Так кадиллом накадил,
Что я в сладком упоеньи,
Позабыв стихотвореньи,
Задремал и видел сон:
Будто светлый Аполлон
И меня, шалун мой милый,
На берег реки унылой
Со стихами потащил
И в *забвенье* потопил!

Я не имел времени даже отвечать вам, любезный князь, будучи оторван приезжим. Вот почему лишен удовольствия вас видеть и слышать, истинного удовольствия, ибо я вас начинаю любить как брата. Завтра об эту пору постараюсь к вам быть непременно. Стихи мои еще не переписаны, вот почему я избавляю вас от сладкого усыпления, которого вам завтра никак не миновать.

Пришлите мне «Людмилу».

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

1 апреля 〈1810 г. Москва〉

...Молви Нилову, что ему стыдно не отвечать на мои письма, да опиши мне подробно гнев хилых наездников славенского Пегаса. Кстати скажу тебе, что Ермолаев приехал сюда в отчаянии, в гневе, в сожалении, обуреваемый страстями, как лицо николевской трагедии; приехал и прорек мне невзгоду вашего Пинда, Парнаса и Геликона. Насказал мне три короба зла, и я, и я — ну верить, ну огорчаться, и даже до того дошло, что несколько ночей не спал, размышляя, что-де я наделал. Словом, ты меня знаешь: вообрази же мое положение.

Теперь вижу, что поговорили, да и забыли, а отмстили тем, что напечатали у Шнора «Петриаду», родную сестру Сладковского, лирическую поэму (!!!) в 300 листов, лирическую поэму, о которой никто еще с сотворения мира понятия не имел, ниже Гораций, который был невежда, ниже Боало, который был пьяница, ниже сам Гомер, который врал шестистопными стихами от искреннего сердца, как простяк. Нет, эта лирика меня бесит! И эти-то люди так чувствительны... Что же касается до твоего суждения о «Лете», о которой ты относился с восхищением несколько раз, а теперь называешь только приятным вздором, то я скажу тебе мое мнение: она останется; переживет «Петриаду» Сладковского и *лирики* Шихматова, не так, как какая-нибудь вещь совершенная, но как творение оригинальное и забавное, как творение, в котором человек, несмотря ни на какие личности, отдал справедливость таланту и вздору. Здесь оно из рук в руки ходит, а все из Питера, ибо я никому не дал...

К. Н. БАТЮШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Апрель — май 1810 г.⟩

Я вижу тень Боброва!
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой!
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи...
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов...
Им дышит граф Хвостов,
Шихматов оным дышит,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучу слов...—

т. е. я теперь, сидя с сильной головной болью, от которой ниже сном, ниже перечитыванием Шихматова не избавлюсь. — К Измайлову будет послано...

7 июня. Полночь. <1810 г. Москва>.

Я совершенно собрался ехать в деревню, но прежде отъезда хотел проститься с тобой, любезный князь, с Кат. Андр. и Ник. Мих., так верно бы не уехал. Я буду к вам в понедельник или во вторник и притащу девицу Жуковскую, которую я видел сегодня. <...> Кстати, В. Л. Пушкин прислал послание к Жук<овскому>, которое, как и все его стихи, гладко и хорошо написано — а в мыслях, показалось мне, связи нет никакой — это его обыкновенный манер, да вот что необыкновенно: он тут так бреет Шишкова — без пощады! много забавных стихов. <...> Joukovsky a fait imprimé un long Kyrielle sur la mort de Bobroff cela cadre à merveille avec votre épigramme qui sera tout à côté*.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. ТУРГЕНЕВУ

9-го июня. 1810. С. П. Бург.

...Посылаю тебе также послание Василия Львовича. Оно будет напечатано в «Вестн. Евр.». Изрядно написано. Оно теперь здесь ходит по городу, и славнофилы собираются отвечать на него.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ О ПОЭТЕ БОБРОВЕ

Милостивый государь!

Тому дни три или четыре в приятельской беседе нескольких литераторов, которые проводили вечер в чтении, в пении и в разных забавах, я был свидетелем незапной и ужасной перемены. Всеобщая радость превратилась вдруг в общую печаль пришедшим известием о смерти великого Песнопевца *Рассвета полночи, или Созерцания славы, торжества и мудрости порфириносных, браноносных и мирных гениев России; Песнопевца Игр важной Полигимнии, забавной Каллиопы и нежной*

* Жуковский напечатал длинную литанию на смерть Боброва, она прекрасно дополняет твою эпиграмму, которая появится рядом (фр.).

Эраты или Занимательных часов для души и сердца от-носительно священных и других Дидактических песней с некоторыми Эротическими чертами и домашними жертвами чувствований. Вы себе, Милостивый государь, легко представите сожаление, отчаяния искренних и горячих почитателей великого Мужа, которого алч-ная смерть похитила у Парнаса и, смею сказать, у всей России. «Итак, тебя уж нет,— вскричали в один голос юные Питомцы Муз.— Гений Венценосный! Ты скрылся от нас! И быть может, теперь, в сей судорожный час блуждаешь метеором по сферам Урании или Полярною звездою дрожишь сквозь неку слезну влагу!»

«Почтим его память, увековечим его славу! — вскричал один с восторгом, — воспоем его в лирической поэме, и для большего вдохновения и благородного беспорядка да всякой из нас порозень напишет песню, без плана и без взаимного согласия!»

«Охотно», — отвечали все. — «Но прежде начатия сего труда, — прервал другой, — совершим здесь маленькую тризну в честь усопшего: велим подать вина, чаши и выпьем за его славу, но с тем, чтоб каждый, прежде чем опорожнит чашу свою, скажет нам несколько лучших, по его мнению, стихов, взятых из песнопений полночного Пиндара».

Все приняли второе предложение еще радостнее первого; миг подали вино, чаши — и по сказанному договору — первый, взявший полный сосуд в руки, выступил с мрачным величием на средину комнаты и с гласом, прерывающимся рыданиями, сказал:

О если бы мой стон унылый
Пресуществился в бурны силы;
Слеза — в согласный песней тон,
В уста — слезоточащи очи!
То б небо и земля, в полночи
Язык слез вняв, — узрели стон!
Се спит она между стенами!
О слезный ток, катись стопами!

*(Из вечернего созерцания
гробницы Екатерины II)*

Другой за ним сказал следующие стихи, взятые из описания ночи наизнанку:

Слуга на рундуке, качаяся, храпит;
Кухарка вся в муке и поте в креслах спит;
Карета также спит, телега то ж молчит; —

сказал, осушил чашу, уронил слезу и со вздохом прибавил:

Увы! теперь как ты, телега! он молчит.

Все общество зарыдало!.. «Увы! — сквозь стенания прибавил другой, пораженный более прочих сим трогательным сравнением. — Поскрипеть, поскрипеть да и замолчать, — вот жребий телеги! Вот и преждевременный жребий нашего Барда! Но что я говорю? Телега к утру опять заскрипит, но тщетно, тщетно ждать заутреннего скрипа певца полночи!..» Тут рыдания усилились... В душевном смятении все бросились на чаши... Сцена была ужасная! Но поспешим продолжать рассказ стихов.

Как все утихло, третий, вперяя очи в потолок, томно запел, не помню на какой голос, следующие стихи *К болтливой и открытой Аспазии, но не во всем:*

Аспазия! Как ты открыта
Во всех своих сердечных чувствах!
Твои ли перекаты взоры
С предмета на предмет не мчатся?
В делах любовных быв столь зорки,
Не выбирают ли чего?
Беда, беда, как невзначай
Они увидят гроб, — кладбища! —
Твой слух по вечерам лишь жаждет
Любовных арий, — изъяснений; —
Оборони Бог, кто читает
И проповедует суд мира! —
Твой носик, пряностей желая,
Всегда пары вбирает Флоры,
Пары кофейны, ананасны; —
Твой ротик — вечной страстью дышит;
В нем каждый день шумят согласно
Любовны песни и беседы,
И льется мед ручьем отголе. —
Чего? — каких прекрасных тропов
В минуты две не вылетает? —
О неисследны небеса!
Аспазия чистосердечна,
Жива, со всех сторон открыта,
Приступна, — но однак — ...

Пропевши песню, он не забыл выпить свою чашу до дна и как первые уступил свое место товарищу, который нам прочел стихи *К другу на его новый год:*

Бежит и храмлет год, — год старый;
Пал в бездну, — лег и воздохнул;
С паденьем слышны лишь удары, —

И твой — твой год туда ж скользнул!
 Вдруг в мир год новый низлетает,
 Восстав из бездны вечных дней;
 И твой оттоле ж выникает
 С фиалом желчи иль сластей.
 Молюся Паркам я суровым,
 Чтоб жизни твердо нить твоей
 Из шелка пряди с золотом новым,
 Как зачали в год новый сей.
 О Друг мой! не молю, чтоб в мире
 Ты жил Мафусаилов век;
 Но так, как рок велит, ты в мире
 Прожил как точный человек.
 Желать не много жить — безбожно,
 И долго жить во зле — беда;
 Жить несколько — во вкусе — должно;
 Вот и довольно жить тогда!
 Но долго ль будешь жить? — иль кратко? —
 Сей день употреби на вкус!
 Целуйся с Эпикуром сладко!
 Он мил, — против судьбы не трус.
 Меж тем как зал твой озарится
 В вечерний час по шумном дни,
 И Вакхово лицо зардится,
 Тогда — певца вспомяни!

Пятый, следующий за ним, начинавший многие отрывки, наконец остановился на пиесе *Против Сахара* и сказал следующие выбранные в ней строфы:

Любезно лакомство Венеры,
 Камыш Канарских островов,
 Желчь негров, неги сласть без меры,
 Враг пчел, друг неких птиц и псов!
 Не ты ли водку умягчаешь
 Рассыпчивым своим песком,
 Позыв в желудке умножаешь
 На многи брашна за столом?
 Ты в вафлях клетчатых блистаешь,
 Смеешься в каше, в пирогах,
 И в пудине как снег сияешь! —
 Ей! ты душа в таких вещах!
 Но если нервы в нас слабеют
 И власть свою скорбут берет,
 Иль зубы от тебя чернеют,
 Противный дух из уст идет;
 За сладостью твоей небесной
 Зловонье адско вслед летит! —
 Что я скажу? — О нектар лестной!
 В тебе сокрытый ад лежит!..

.

<1810>

К. Н. БАТЮШКОВ

Как трудно Бибрусу со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пьет, чтоб напиться.

1809

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

БЫЛЬ В ПРЕИСПОДНЕИ

«Кто там стучится в дверь? —
Воскликнул Сатана. — Мне недосуг теперь!» —
«Се я, певец ночей, шахматно-пегий гений,
Бибрис! Меня занес к вам в полночь ветр
осенний,
Погреться дайте мне, слезит дождь
в уши мне!» —
«Что врешь ты за сумбур? Кто ты? Тебя
не знают!» —
«Ага! Здесь, видно, так, как и на той стране, —
Покойник говорит, — меня не понимают!»

1810

К ПОРТРЕТУ БИБРИСА

Нет спора, что Бибрис богов языком пел:
Из смертных бо никто его не разумел.

1810

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1810 г., июля 3-е.

...Обнимаю тебя дружески, а чтобы повеселить твою душу, посылаю тебе № «Друга Юношества», в котором ругают тебя нещадно и меня тут же за эпиграммы на Боброва...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

29 августа 1810. <Петербург.>

...К фернейскому философу буду писать на этих днях. Пушкин приступает ко мне, спрашивая причины, зачем он не напечатал его Послание...

1810-го, сентября 12. *(Муратово).*

...Благодарю за доставление стихов Уварова. Со мнением твоим о его таланте совершенно согласен, также и с тем, что Василий Львович не имеет души, при всей опрятности слога своего. Слог его можно сравнить с прекрасною восковою куклою, в которой находим мы все, составляющее человека, кроме самого человека. А стихов его я не поместил для того, что они слабы, заключают в себе одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе; впрочем, поместить их более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, в чем и я согласен. Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольником в литературе; мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они стары, а старые ошибки предпочитают новым истинам и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками. Таких раскольников надобно побеждать не оружием В^(асилия) Львовича, слишком слабым и нечувствительным...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1810. 19 сент^(ября). *Петербург.*

...Мнение твое о гр. Хвостове очень справедливо, мне кажется, что человек с характером не так бы скоро переменял мнение свое о стихотворстве для того, что один из противников его поэзии сделался его начальником: да что и говорить, или он один? Третьего дня давали в первый раз перевод его «Андромахи». Служащий вместе со мною молодой человек *Дшкв* сказал на это:

Расиновых врагов и смерть не укрощает;
Прадон его бранил; теперь Х^(востов) ругает.

Однако ж перевод его мне казался сокровищем перед игрою актеров...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

6 ноября *(1810 г. Петербург.)*

...Благодарю тебя за эпиграмму на Глинку, и благодарю тебя как патриот, т. е. как любящий русскую сло-

весность. Дни два тому назад я провел литературный вечер у Тургенева, и к〈нязь〉 Борис Владимирович был у него: он бросился *всем корпусом* в здешнюю русскую литературу. Хочет, вопреки своей французской складки, казаться варягороссом; и даже собирается быть членом новозаводящегося здесь Общества критического, т. е. такого, которое будет рассматривать все в свет выходящие книги и состоять под председательством фельдмаршала Шишкова, из членов двух Хвостовых, Шихматовых, Державиных *, Львовых и пр. ...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

13-го декабря 1810 〈Петербург.〉

Блудов приехал, был у меня и уведомил, что вы уже возвратились из Твери. Причина медленности моего ответа была мысль, что ты еще в Твери, и потому я боялся беспокоить тебя, занятого, конечно, дворскими заботами. — Пеняю тебя за то, что до сих пор не получил реляции твоего Путешествия и пребывания у В〈еликой〉 к〈нягини〉. Ожидаю, однако ж, что ты это исполнишь.

Жуковский прекрасно отделал нашего Висковатова, но все еще по-моему мало. Не знаю, что он нашел выразительного в стихе:

Ко праху хладному душа моя пылала.

Я нахожу в нем только очень холодную антитезу. Перед концом года журнал его, однако ж, стал интереснее, а особливо передпоследняя книжка. «Опыты в Прозе» Батюшкова очень изрядно писаны. Пушкиной шутки о его Тартюфе здесь никто не понял. Блудов, однако ж, сказал нам слово этой загадки. Et vous, aimable Tartuffe, vous ne faites rien **. Пора бы украсить Вестник каким-нибудь произведением. —

Вот письмо Батондию. — Прощай. Фемида зовет в свои объятия твоего Северина.

* Je parle de Derjavin vieux 〈я говорю о старом Державине〉 (фр.).

** А вы, любезный Тартюф, вы ничего не делаете (фр.).

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1810 года, декабря 17 дня, в субботу...

6. По предложению г<оспо>д Измайлова, Милонова и Никольского избран единогласно в действительные члены общества коллежский асессор Дмитрий Васильевич Дашков, известный обществу по своим трудам.

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21 декабря 1810 <Петербург.>

...Читал ли ты в «Цветнике» критику на Ив. Ив. <Дмитриева>, писанную Воейковым довольно плоско и хуже критики на Висковатова? Последний, несмотря на Жуковского, сгромоздил «Гамлета» и обещает нам еще новую трагедию. Литераторы или, лучше, словесники наши занимаются все Аттенеом, имя новое Лицея, и побоялись после многих каламбуров назвать сию Академию как должно — Афинеем. ...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Начало января 1811 г. Петербург.>

...Согласен, что наши глупости еще *глупее* ваших московских. Афиной наш еще переменял название свое: отгадай его: *Беседа Любителей Словесности* <...> Я приглашен был к<нязем> Борисом в последнее заседание сей Беседы, но, по несчастию, обедал у графа Хвостова, занемог от громады его стихов и не мог беседовать с к<нязем> Борысом...

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1811 года, января 14 дня...

7. По предложению Г. Дашкова принят единогласно в действительные члены общества титулярный советник Дмитрий Петрович Северин.

1811 года, января 21 дня...

1. Г. Милонов объявил, что г. Дашков за болезнь в собрании быть не может; но, выполняя свою очередь, прислал для чтения переведенную им из Лукановой «Фарсалии» Речь Юлия Цесаря к его воинству пред Фарсальским сражением.

1811 года, января 28 дня...

4. Слушали предложение гг. Измайлова и Дашкова касательно рассмотрения и издания в свет общественных трудов. Для надзирания за сим изданием предполагают они составить по выбору Общества комитет из трех или четырех членов, кои должны рассматривать все пиесы, представляемые в Общество членами...

5. Г. Дашков представил от имени почетного члена общества Его Превосходительства Ивана Ивановича Дмитриева для общественной библиотеки экземпляр вновь изданных его басен. Принято с благодарностию.

1811 года, февраля 25 дня...

1. Г. Дашков в свою очередь читал: «О трагедии у древних», перевод из Волтера и Примечания на план Хрестоматии Г. Греча, из коих первое отдано на рассмотрение г. Измайлову.

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 фев<раля> 1811. <Петербург.>

...Вчера я видел две первые части Жуковского Хрестоматии; здесь все ими довольны, и подлинно он сделал некоторую услугу нашей словесности, хотя, впрочем, надобно сказать, что в выборе Жук<овский> слишком был снисходителен. С нетерпением ожидаю, чтобы он прислал Собрание свое Ив. Ив. <Дмитриеву>, чтобы посмотреть оное, а купить не намерен, да и негде. Я бы не желал видеть слишком часто повторяемых в нем имен Волкова, Давыдова, Шишкова и пр. Сегодня открывается первое публичное заседание *Беседы Люб. Словес.*, или *Афиняя*, в доме отставного Пиндара нашего Державина. Не знаю, попадусь ли туда: время прекрасное; бегу на бульвары и проведу несколько веселых часов. Блудов тебе кланяется, я с ним почти каждый день вижусь. — Кланяйся Жуковск<ому> и люби меня.

Твой Северин.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1811 года, марта 4 дня...

1. Г. Северин, выполняя прошедшую свою очередь, читал перевод свой из Дриббона «О чтении». Определено: отдать на рассмотрение г. Гречу.

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

13 марта <1811 г.> Москва.

...Я вчера обедал у Нелединского (истинный Анакреон, самый острый и умный человек, добродушный в разговорах и любезный в своем быту, вопреки и звезде, и сенаторскому званию, которое он заставляет забывать) и там слышал, что у вас в Питере написана новая сатира, весьма колкая, на Карамзина, Пушкина и — твоего друга, то есть меня.

Пушкин горит от нетерпения ее слушать и нас вчера очень, очень смешил своим добродушием. Пришли мне ее непременно: я хочу над собой сделать моральный опыт, то есть увериться, могу ли я быть хладнокровен к насмешке. Называют двух авторов: Горчакова и Шаховского. Ожидаю ее нетерпеливо...

А. И. ТУРГЕНЕВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

20-го марта 1811. <Петербург>.

...Я был слушателем первой Беседы. Шишков доказывал бедность и плохое состояние нашей словесности и доказал — своею речью; превозносил старую словесность, поставлял ее выше греческой, латинской и всех иностранных — ему неизвестных. Слово его есть одна только беспорядочная выписка из хороших и дурных русских авторов, наполненная восклицаниями и уверениями, что язык слав<ено>росс<ийский> образованнее, обширнее, богаче и проч. древних и новейших языков...

24 марта (1811 г. Петербург.)

Ты хочешь, чтобы я сказал тебе несколько слов о Беседе Любителей Русского Слова: удовлетворяю твое любопытство, любезнейший друг. 14 марта я был на открытии и первом публичном заседании сего достопочтенного ученого сословия. Вообрази себе большую залу, украшенную колоннами и множеством так называемых посетителей; в середине предлинный стол, зеленым сукном покрытый, вокруг всего стола сидящих действительных членов, а за ними на другом ряду кресел почетных, в числе коих Бунина и Волкова, вот Беседа: первое заседание открылось занятиями 1-го разряда. Председатель оного славный, бледный муж Шишков читал без остановки в продолжение битых двух часов речь о достоинстве русского слова, где ритор сей, забывая правила логики и здравого рассудка, бесперестанно смешивает дар слова вообще с наречием русским: это ужасно! Притом же вся речь основана на сравнении человека с животным и на преимуществах первого. Насмешники говорят, что в человеке-Шихове они не находят никакой разницы с совою; но это дурная шутка. После речи читал князь Горчаков, родня графа Хвостова по всему, «Дифирамб к Бессмертию», не перевод Делиллева, а своего собственного построения. Потом три басни Крылова вознаградили нас в полной мере за наше терпение: они прекрасны, как и весь 2-й том «Басен» Крылова, который уже в печати. Вот подробное описание Беседы. 14 апреля назначено быть второму заседанию.

Ожидаю запросы твои Жуковскому насчет его Собрания. Здесь Державин на него негодует и писал об нем преуморительное и преглупое письмо к Тургеневу, от которого требовал отчета, по какому праву общий наш приятель осмелился напечатать его оды. Блюдов для Тургенева написал ответ преколкий, который и пошлется к Державину. Впрочем, подробнее обо всем можешь узнать от самого Жуковск (ого), Тургенев послал к нему копии с приложениями...

〈Первая половина апреля 1811 г. Москва〉.

...Я читал объявление о Беседе в газетах, читал ее регламент и теперь еще болен от этого чтения. Боже, что за люди! Какое время! О Велхи! О варяги-Славяне! О скоты! — Ни писать, ни мыслить не умеют!!! А ты еще хвалишься петербургским рвением к словесности!!! Мода, любезный друг, минутный вкус. И тем хуже, что принимаются так горячо. Тем скорее исчезнет жар, поверь мне: мы еще все такие невежды, такие варвары!!! Я вот чего страшусь: женщины, у которых вкус нежнее и вернее, соскучатся прежде, а после них тотчас и мужчины. Тогда это ремесло будет смешно, предосудительно.

В. Л. Пушкин сочинил сатиру, сюжет весьма благороден: бордель; но стихи истинно прекрасны, много силы, живости, выражения. Впрочем, и у нас добра мало. Все тот же вкус, та же привязанность к галлам, та же самая охота к увеселениям публичным и везде та же скука.

Пушкин в своей сатире удивительно смешно отделал Шихматова Шаховского и Шишкова. Ты удивишься, мой друг, каким образом эти целомудренные герои нашли место в подобном доме. Но вот каким образом: Пушкин, описывая лихих коней, вопрошает или взывает к Шихматову и просит позволения назвать пару *двоицею*, а певец «Петриады» отвечает:

Но к черту ум и вкус! Пишите! в добрый час!

Н. И. ГНЕДИЧ

СИМВОЛ ВЕРЫ В БЕСЕДЕ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ
СОТРУДНИКОВ

Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка Славеноваряжского, творца своих видимых и невидимых сочинений. И во единого господина Шихматова, сына его едиnorodного, иже от Шишкова рожденного прежде всех, от галиматъи галиматъя, от чепухи чепуха, рожденная, несотворенная, единосущная, ею же вся пишется; нас ради грешных писателей и нашего ради погубления, вышедшего из морского корпуса мич-

маном; распятого же зане при мучителе Каченовском и страдавшего, и погребена с писаниями. И восшедшего в Беседу и седшего одесную отца Шишкова и грядущего со славою судити живых и мертвых писателей; иже с отцем Беседою покланяма и славима глаголанного пророком Василием Тредиаковским. Во единую, соборную вельможную Беседу. Исповедую едино отрицание от Карамзина во оставление грехов и галлицизмов. Чаю воскресения моих мертвых стихов и погибели в будущей жизни всем растлителям языка, не поклоняющимся отцу Шишкову и едиnorodному сыну его Шихматову. Аминь.

Вся сия заповедати детищу поне трижды неотрочно на нощенство прочитати чинно, не мяти, ниже смешивати часть с частью: но разделяти совершенными отдохновеньми в Символе член от иного члена. И везде во всем писании точками совершенными разум распределенны разделяти.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

Апрель, 8-го дня 1811 года...

2. Читали в свою очередь: 1. Г. Милонов стихи под названием «Золотой век» и 2. Г. Дашков, «Селим», повесть.

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 апреля <1811 г. Петербург.>

...Я с некоторой поры совсем перестал удивляться глупостям; как хочешь ты, чтоб я удивлялся нелепостям князя *Барыса*? — Если бы ты пожил в П<етер>бурге, я уверен, что и ты наконец был бы в том положении, в каком я, хотя, впрочем, и у вас в Москве пора бы замолчать насмешникам смеяться, от усталости. Кстати ко всему этому, скажу тебе, что я на сих днях был во 2-м заседании Беседы. Там слушал я: речь престарелого Пиндара нашего *о Лирической Поэзии, Гимн кротости и оду к Истине*, его же; не хочу говорить о них. Потом *Перевод* в прозе 1-й Сатиры Горация Апостолом-Муравьевым, с жизнью Горация; обе пиесы понравились

публике, особливо штатс- и простым дамам. Апостол хорошо проповедует, т. е. читает. Потом, чтобы такое: Эпистолу гр. Хвостова о пользе критик, в которой между многими достозамечательными стихами найдешь ты и этот:

С богами говорить не должно бестолково.

Потом две идиллии, «Ручеек» и «Цветок», Федора Львова (сочинителя) «Пеночки»), напечатанные в 80-х годах. В заключении пет Дифирамб: «Сретение Орфеева Солнца», Державина, довольно, впрочем, дурное, кроме 2-й строфы, которая напоминает хорошее старика время.

Устал описывать сие заседание, вероятно, и ты устал, <читая> мое описание, вообрази же, как я устал, слушая. Посылаю тебе две басни Крылова, читанные в 1-е заседание. Басни на Беседу и Критики на Молитву Кикина еще не достал <...>

1-я картина Путешествия Шаликова достойна Рафаелевой кисти. Желаю, и Ив. Ив. <Дмитриев> того же желает, чтобы ты продолжал живописать его чувственный вояж. Поставь вместо *перекрестился*, не очень приличного для нашего необыкновенного путешественника, что-нибудь другое: *прослезился* и пр. ...

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

<Конец апреля 1811 г. Москва.>

...Державин написал письмо к Тургеневу, в котором он разбил Жуковского и осрамил себя. Он сердится за то, что его сочинения перепечатают, и между прочим говорит, что Жуковский его ограбил, ибо его книги не расходятся, а Жуковский насчет денег такая же живая прореха, как ты и как я. Вот люди! Поди узнай их! А как станут говорить о благородстве, о чувствах, о любви к ближнему, так хоть бы кому!

Кстати об издании Жуковского. Скажу тебе, что его здесь бранят без милосердия. Но согласись со мною: если выбирать истинно хорошее, то нельзя собрать и одного тома. Если хочешь дать понятие о состоянии нашей словесности, то как делать иначе? Печатать и Шишкова, и Долгорукова, и других. Впрочем, эти книги суть истинный подарок любителям светским и

нам — писателям, как для справок, так и для чтения. Лучшая сатира на Шишкова, какую кто-либо мог сделать, находится в этом собрании, то есть его стихи, его собственные стихи, которые ниже всего посредственного.

Посылаю тебе стихи князя Вяземского на Шаликова, который хотел ехать в Париж. Они очень остры и забавны. В этом роде у нас ничего нет смешнее *. (...)

Отпиши мне заседание Лицея. Говорят, у вас чудеса за чудесами. Голицын написал книгу о русской словесности и разобрал Карамзина и Шишкова. Вот истинный бес и никого, видно, не боится. Другой Голицын сочинил русскую книгу для постников...

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. и С. И. ТУРГЕНЕВЫМ

2 и 3 мая (1)811. С. Б. Бург.

...На этой почте пишу я к Жуковскому и предлагаю ему, по поручению Уварова, место на первый случай экстраординарного проф. Российской словесности в Пед(агогическом) инст(итуте) с 2000 р. жал. Потом он будет скоро ордин(арным), и это доставит ему чин над(ворного) сов(етника), вместе с сим он будет помещен и у меня в Департаменте, также с хорошим жал(ованием) и, конечно, не менее 1500, а может быть — и больше. Книги его уже вышло три части с дурными портретами Ломоносова, Державина и Дмитриева. По сему случаю имел я преколкую переписку с Держ(авиным), который вздумал на него сердиться за то, что он много пиес его поместил, и без всяких комментариев, разумея, вероятно, под коммент. похвалы. Я ему отвечал пространным письмом и напомнил ему его позволение, мне объявленное, и вместе с сим объяснил ему, почему Жук(овский) не делал никаких комментариев. Если случай будет, я пришлю вам его книгу. Здесь учреждено теперь новое общество словесности, под названием: Беседа любителей Российского слова; оно состоит из четырех разрядов, из коих в 1-м председательствует Шишков, во 2-м Державин, в 3-м Хвостов (Александр Семенович), в 4-м Захаров. Два публичные собрания

* (Приписка П. А. Вяземского): Кроме, однако ж, «Леты» вашей, милостивый государь Константин Николаевич!

оной уже были. Множество съезжается из знатной публики; но мало проку; ибо члены большею частью и в сторожа на Парнасе не годятся или безграмотные законодатели в словесности.

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

6 мая <1811 г.> Москва.

...У вас еще было заседание в Беседе? Бога ради, отпиши мне об этом. Правда ли, что Хвостов написал и проговорил: «С богами говорить не должно bestолково». А с людьми как? — Муравьев-Апостол читал «Жизнь Горация»? — Я бьюсь об заклад, что это было хорошо. Державин... но об этом ни слова!

Браво, Шихматов, молодец! Я читал в «Цветнике» рецензию (которая истинно смешна, особливо конец, где выписан план, ход и слог поэмы *Петра* в нескольких строках) и с *вождедением* прочитал игривые стихи его сиятельства к своему братцу, стихи, которые, конечно, затмят славу безбожника Вольтера в этом роде, стихи, в которых «роскошество, чудовище престранно, на яствах возлежит, питаяся пространно».

Бесподобно! Роскошь, лежащая на пастетах, котлетах и подовых пирогах: мысль жирная, оригинальная и — так сказать — немного смелая! Кто писал рецензию на Шишкова? А она истинно хороша! Признайся, любезный Николай, вздохнув от глубины сердца твоего, что Шишков ни по-французски, ни (увы!) по-русски не знает. Виват, умные головы!..

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

Мая 11-го. <1811 г.> Вознесенье. Москва.

...Читал ли ты в «Вестнике» рецензию Жуковского под именем Воейкова на Грузинцова? Она тебе, верно, понравится...

29-го мая (1811 г.) Фили,
на Москве-реке, от городу в 4-х верстах.
Дача у Катерины Федоровны.

...Не согласен в рассуждении Шишкова. Ты говоришь, что он умен. Бог с ним. Иные смеялись, читая его слово, говоренное в Беседе, а я плакал. Вот образец нашего жалкого просвещения! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармонии в периодах: une stérile abondance de mots *, и все тут, а о ходе и плане не скажу ни слова. Это академическая речь? Где мы?.. Далее: человеку, желающему преподавать с ученою важностию законы вкуса, этому человеку переводить с италиянского «Крепость», сочинение какого-нибудь макаронщика, сочинение, достойное «Острова Любви», и наконец подписать свое имя!.. Нет, это нимало не смешно, а жалко. После этого твой умница напечатал с великими похвалами Станевича казанью, в которой нет ни смысла, ниже языка... И этот человек, и эти люди бранят Карамзина за мелкие ошибки и строки, написанные в его молодости, но в которых дышит дарование! И эти люди хотят сделать революцию в словесности не образцовыми произведениями, нет, а системою новою, глупою! И я чтоб их хвалил!.. Но подожди; и у нас будет беседа: Кутузов, Мерзляков, Каченовский, Антонский со всем причетом московских профессоров, которые, как известно, по скромности —

Il est facile, il est beau pourtant
D'être modeste lorsque l'on est grand **—

скрывают имена свои от прозорливой публики, ничего не пишут и писать не в состоянии, но все бранят и, не имея понятия об истории Карамзина, бранят ее без пощады. Ложные пророки! Все эти господа составят общество à l'instar *** петербургского. План уже готов. Ты говоришь, что в Москве нет людей! А Карамзин, а Нелединский?.. У последнего я недавно обедал и просидел до 9 часов вечера. Он читал свои стихи — время летело!

* бесплодное изобилие слов (фр.).

** Легко и все же прекрасно быть скромным, когда ты велик (фр.).

*** по образцу (фр.).

Счастливей Шоло и Анакреон нашего времени, Нелединский ленив не потому, что лень стихотворна, а потому, что лень — его душа. Нега древних, эта милая небрежность, *дышит* * в его стихах. Он много перевел из Пирона, но как перевел! Превзошел его! Что нужды до рода, я удивляюсь дарованию.

Теперь посылаю тебе Пушкина сатиру, которую прочитай Алексею Николаевичу. Об этом меня просил Пушкин. Стихи прекрасны. Вообще ход пьесы и характеры выдержаны от начала до конца.

Панкратьевна, садись! — Целуй меня, Варюшка!
Дай пуншу! — Пей, дьячок! — и началась пирушка!

Вот стихи! Какая быстрота! Какое движение! И это написала вялая муза В<асилия> Л<ьвовича>! Здесь остряки говорят, что он исполнен своего предмета, *il est plein de son sujet* **, т. е. ... Как бы то ни было, в этой сатире много поэзии. Хочешь ли того, что Мармонтель называет в своей поэтике *délicatesse* ***.

Свет в черепке погас, и близок был сундук...

Это прелестно, но это все не понравится гг. беседчикам, которые говорят:

Но к черту ум и вкус! Пишите в добрый час!

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. и С. И. ТУРГЕНЕВИМ

15 июня <1>811. С. П. Бург.

...Живу я довольно весело; таскаюсь ежедневно по дачам и островам, а иногда, ноги вздернув, за бутылкою холодного меду и за хорошей книгой лежу на своем измятом старом канаве и над рецензией славянской засыпаю. Последний стих — из довольно дурной сатиры Вас. Льв. Пушкина, в роде Грессетовых матерных пьес.

* Галлицизм, не показывай Шишкову!

** полон своим сюжетом (фр.).

*** тонкость (фр.).

〈Июль 1811 г. Хантоново.〉

...Ты прав: сатира Пушкина есть произведение изящное, оригинальное, а сам он еще оригинальнее своей сатиры. Вяземский, общий наш приятель, говорит про него, что он так глуп, что собственных своих стихов не понимает. Он глуп и остер, зол и добродушен, весел и тяжел, одним словом: Пушкин есть живая антитеза. Скажи мне, как примут его стихи Ли-кеане?..

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1811-го года, июля 29-го дня.

1. Читали в свою очередь: 1). Г. Милонов монолог из «Клитемнестры». 2). Г. Дашков «Нечто о журналах».

В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

С. Петербург 7 августа 1811 г.

...Северин навещает меня редко, но я на него не в обиде, он молод, любезен, стало быть, жаждет развлечений. *Славяно-Варяг* Шишков в ярости против *Дашкова* и меня, и вы можете прочесть в последнем томе Академических трудов все, что говорит он на наш счет. Он ненавидит *Каченовского* и отзывается о нем совсем презрением, на какое только способен. Чтобы дать вам представление о характере нашего журналиста, скажу, что, прежде чем опубликовать свою критику на перевод *Шишкова*, он написал ему письмо, умоляя о дозволении рассмотреть его труды, а тот не соизволил ответить и сам рассказывает об этом каждому встречному. — Г-н Муравьев написал критику на «Эклоги» Вергилия в переводе Мерзлякова, где утверждает, что поэт наш ни русский, ни латинянин. Видел я *Грамматина*, кой слышал чтение этого нового произведения и признался, что никогда не слышал ничего более скучного. Г-н *Державин*

в Петербурге, но я покамест видел его лишь издали. <...> С тех пор, как я здесь, не имел времени ни открыть книгу, ни даже помыслить о поэзии. <...> Прощайте! Чуть только кончу Послание к Озерову, немедля отошлю вам, а прежде не издавайте мою сатиру — молю об этом ради моего спокойствия. <...>

P. S. <...> Батюшков еще не приехал. — Шаховской сочиняет поэму ирои-комико-дидактическую. — Г-н Хвостов Александр Семенович уверяет, что это из шедевров шедевр. Посмотрим. Милонов перевел превосходно отрывок из поэмы *Надежда из Сен-Виктора*. Последний отрывок прочел я с удовольствием. Грамматин выпустил мелкие сочинения свои. — Замечательна в них прекрасная молитва к Предвечному. В общем, стихи сии нетонки, но умны...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

18 августа 1811. <Петербург.>

...По желанию твоему я показывал стихи твои на отъезд Пушкина, но, признаюсь, не одному только ему, а многим другим, между прочим, Ивану Ивановичу: они ему очень понравились, особливо *Кроватная лира Бланка*, *К<нязь> Барыс* и *Успенский пост*.

С Пушкиным я вижу довольно часто: он теперь в страшных заботах: пишет новое послание к Дашкову (автору критики на Шишкова) об *Истинном Патриотизме*: горе Славенофилам! Здесь он часто выдерживает сильные споры. Я был свидетелем одного у графа Орлова, в кругу большого света, где Вас. Львович только что не подрался с к<нязем> Горчаковым, одним из злейших последователей ереси Шишкова. Ничего не могло быть смешнее этого спора, тем более, что под конец уже не один Вас. Львов<ич> спорил о русском языке, но даже и Сергей Вас. Салтыков, и Татищев, и Шепинг, и пр. и пр. люди, едва говорящие по-русски!! По обыкновению своему, Пушкин успел уже сыграть в двух или трех пизсах у к<нягини> К. Ф. Долгорукой и сочинить несколько французских экспромтов и буримэ...

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1811 года сентября 9-го дня...

2. Читали в свою очередь:

1). Г. Измайлов. Басни: I. «Раскольник Аввакум». II. «Лебедь, Гусь и Утка». III. «Кукушка». 2). Г. Дашков. Сравнение трех лириков: Ломоносова, Петрова и Державина.

3. Выбран единогласно в действительные члены, по предложению г. Дашкова коллежский асессор Василий Львович Пушкин.

1811 года сентября 23-го дня...

1. Читал, в свою очередь, г. Пушкин перевод одной Горациевой оды.

1811 года, октября 21-го...

1. Читали в свою очередь: ...2) Г. Дашков: «Судилище любви», перевод.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Октябрь 1811 г. Муратово⟩

...Я очень часто выдаюсь с Плещеевыми, с которыми час от часу мне становится приятнее; я у них как дома — вместе с А. А. пишем комедии, играем их, разумеется между собою, поем, слушаем музыку; — я никогда не думал, чтоб можно было мне познакомиться с Плещеев(ы)ми коротко и дружески — теперь этому верю и радуюсь, что моя дикость не помешала мне познакомиться с ними так, как с многими другими. Жена премилая женщина, я люблю ее искренно. ⟨...⟩ Завтра Плещеевы будут у нас. Мы уговорились, чтобы я каждый месяц приезжал к ним на неделю в деревню: эта неделя будет посвящена поэзии и музыке; я буду писать стихи, он ноты; уже некоторые мои стихи обречены на бессмертие его музыкою, а для будущего множество идей превосходных и новых. Мы выдумали новый род соединения музыки с поэзией; но это еще тайна, которая скоро обнаружится. ⟨...⟩ Плещеев имеет особенный талант, чрезвычайно приятный. Я еще никого не слышал читающего с таким искусством, особливо театральные пьесы; ты мо-

жешь сказать от меня В. Пушкину, что он, несмотря на то, что знаменитый Тальма его учитель, не должен и во сне сравнивать себя в этом отношении с Плещеевым. Недавно он читал нам Шиллерова «Дон Карлоса»; у меня голова разболелась от того впечатления, которое сделала надо мною эта пьеса, хотя я ее и знал прежде.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1811, ноября 4-го дня...

1. Читал в свою очередь г. Пушкин: «Послание к П. И. Приклонскому».

2. Выбраны на год в члены Комитета гг. Дашков, Измайлов, Востоков, Греч, Никольский и Фовицкий, из них г. Греч принял на себя по-прежнему должность Секретаря, а г. Востоков Казначей общества, г. же Дашков возведен в звание очередного Президента.

3. Приняты единогласно в Почетные члены: г. министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский и г. Попечитель С. П. б. учебного округа Сергей Семенович Уваров, а в действительные г. надворный советник и кавалер Дмитрий Николаевич Блюдов.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Ноября 6-е 1811. <Муратово.>

...Мы с Плещеевым пишем комедии, каких никто никогда не писывал — половина по-русски, половина по-французски и все в стихах. Но этого вздору я не намерен к тебе посылать. Дивись только тому, что я играю на театре, пою и танцую в балете в костюме *Жука!*..

В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург 22 ноября 1811 г.

...Что мне диатрибы Шишкова, если слышу одобрения Карамзина и Нелединского? Я встал на защиту разума и вкуса и вечно пребуду более красноречивым, нежели эти бесноватые, которые, ничему не учившись, берутся сочинять книги и плести интриги против тех,

кои оказали истинные услуги нашей литературе, очистили язык наш и знают, что пишут. Постарайтесь раздобыть книгу Дашкова, называемую «О легчайшем способе возражать на критики»: она, должно быть, продается уже в Москве, ибо появилась здесь две недели тому...

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

⟨27 ноября — 5 декабря 1811 г. Хантоново.⟩

...Не видал ли ты Пушкина? Он написал послание к Дашкову, Измайлов — басни, сказки, видения и проч., а ты мне этого не присылаешь...

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1811 года декабря 8-го дня...

1. Читали: 1) г. Пушкин басню «Волк и Лисица».

В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

20 декабря ⟨1811 г.⟩ Петербург.

...Общество наше учреждено тому десять лет назад, и члены оногo занимались прежде издаванием журнала под титулом «Свиток Муз». «Цветник» был также плод трудов некоторых членов сего общества. Ныне число сотоварищей моих умножилось, и Государь Император приказал нам отвести залу в Михайловском Замке, где мы еженедельно собираемся. Мы будем издавать журнал, о котором уже Вы и слышали от Матвея Михайловича. Многие члены нашего общества известны своими произведениями: Дашков, Востоков, Политковский, Милонов, Грамматин, Княжевич, Грейч, Сафицкий, Блудов, Соболевский и пр. Беседа вздумала, что мы враги ее, но мы нимало врагами никакой умной Беседы не будем, а над глупостью, нелепостью и невежеством смеяться нам запретить нельзя.

Как Шишков ни вертись!

Уймись!

Или берегись!

⟨...⟩ Северин служит в Коллегии иностранных дел, живет у Ивана Ивановича и веселится; вижу его я редко, а люблю сердечно...

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

29 декабря ⟨1811 г. Петербург.⟩

...Анти-Шишковское общество, о котором ты говоришь, есть не что иное, как Общество любителей наук, словесности и художеств, существующее вот уже десять лет и в течение десяти лет занимающееся сбором материалов для издания литературного журнала, который наконец явится на свет под названием «С. Петербургского Вестника». Поскольку первые три месяца нового года председательствует Дашков, все заключили, что этот журнал — удар по Шишкову. Я, как и Пушкин, имею честь быть членом этого общества. Но не думай, чтоб я в нем что-нибудь значил: своим избранием я обязан Дашкову, и меня мало заботит, достоин я или нет такой чести. На журнал, однако ж, прошу тебя подписаться...

К. Н. БАТЮШКОВ — Н. И. ГНЕДИЧУ

29 ⟨декабря 1811 г. Хантоново.⟩

...Вяземский зовет меня в Москву вот каким образом:

Шихматов пишет непонятно
И рылом возмутил Неву,
Хвостов — писака неопрятной.
Все так! а приезжай в Москву!

Шишков в рассудок, в муз бодает
И, в королевича Бову
Влюбясь, Вольтера проклиняет.
Все так! а приезжай в Москву.

Барашек по полю рассея,
Ест с ними Шаликов траву;
Невзоров толст, в навозе прея.
Все так! а приезжай в Москву!

Это забавно!..

11 января 1812 г. Петербург

...Журнал общества нашего выйдет в течение месяца. Шишков написал ругательную критику на Каченовского и отдал ее в печать, но, испугавшись московского Жоффра, тиснение остановил. Он, сказывают, собирается и меня с Дашковым бомбардировать, но мы сами зубасты — «Санкт-Петербургский Вестник» печатается недаром. Достанется всем сестрам по серьгам. О Глинке говорить уже нечего. Он точно сошел с ума — и «Вестник» его не что иное, как скучный бред, которого и читать не должно. Макаров и Анастасевич проповедуют в пустыне. Творения их лежат здесь в Англинском клубе, и никто не дерзает даже и разрезать их...

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1812 года января 18-го...

1. Читали в свою очередь: 1) Г. Дашков критику на «Историю Суворова», сочиненную г. Фуксом...

1812 года января 25-го дня...

1. Читали в свою очередь: 1. Господин Пушкин басни а) «Сычи» и в) «Роза»...

1812 года февраля 8-го дня...

1. Читали в свою очередь: <...> 4. Г. Никольский «Дружество» (из Биона), сочинение г. Батюшкова.

2. Принят единогласно в действительные члены г. Гвардии поручик Константин Николаевич Батюшков.

8 февраля 1812 г. Петербург

...«Санкт-Петербургский Вестник» вышел, и, кажется, журнал будет хороший и полезный. Карабанов нам

доказал, что он легко пишет глупые стихи. О Захарове говорить нечего. Портрет его должен быть напечатан в «Русском Вестнике», стихи ему похвальные — в журнале Макарова, а похвала женам пусть останется в Беседе. Но здесь таковых сочинителей довольно. Прочтите рецензию Шишкова на Каченовского; она продается под названием «Прибавление к разговорам о словесности». Это такая дичь, каких еще и не бывало. Без всяких шуток, их всех надобно запереть в желтый дом, начиная с Глинки и Шишкова. — Батюшкова я вижу часто. Стихи его к Пенатам прелестны, а он сам редко любезный человек. Вчера у меня был Блудов, и мы говорили о вас и о Жуковском. Долго ли жить ему в Белеве? И тогда, когда гагары кричат, Лебедь скрывается и молчит. — Я надеюсь, что почтеннейший наш историограф здоров и занимается *дееписанием*. Здесь пронесся слух, что он болен, но письмо ваше меня успокоило. Да сохранит его Бог от болезни, неудовольствий, Шишкова и Беседы!..

Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 февр(аля 1812 г. Петербург).

...Я познакомился с Батюшковым и очень полюбил его, полюбил за ум, сердце, дарования, а еще более за то, что он тебя любит: я надеюсь видеться с ним часто, он мой сосед, но обстоятельства не позволили мне до сих пор быть у него и познакомиться покороче.

Читал ли ты первую книжку *нашего* журнала, в которой ничего нет моего; он будет, кажется, занимательнее Малороссийского Вестника Европы, Российского вестника, нежной Крымской Аглаи и пр. и пр.; хотя, впрочем, и он подает надежду иногда сражаться с ними глупостями.

Трудолюбивый Пушкин, после спектакля у Лавая, где он играл роль Дамиса в Доратовой «*La feinte par amour*» *, возлег на одр недуг и уже с неделю нянчит подагрическую свою ногу. Однако ж собирается к вам не на шутку и плачет как ребенок...

* «Притворство из любви» (фр.).

27 февраля 1812. (Петербург.)

Виноват, мой милый князь, перед тобою! Пропустил удобный случай писать с Пушкиным, который отправился отсюда в роковой день, накануне чтения Шаховского «Расхищенных шуб»; я не мог даже и видаться с добрым нашим Пушкиным, не мог с ним проститься, плакать с ним (а он, говорят, заливался слезами, прощаясь с Севериным, Дашковым и Блудовым), не мог, потому что болезнь меня замучила. И теперь пишу тебе насилу.

Пушкин у вас! — Прими его на руки; он здесь замучен подагрой и Славенами; утешь его; скажи ему, что Шаховской читал сам свои «Шубы» (а он читает как дьячок), что его «Шубы» очень холодны; что в его «Шубах» не одному Пушкину досталось, но всем честным людям: Карамзину, Блудову.

Признаюсь тебе, любезный друг, что наши питерские чудачки едва ли не смешнее московских. Ты себе вообразить не можешь того, что делается в Беседе! Какое невежество! Какое бесстыдство! Всякое лицепрятие в сторону. — Как? Коверкать, пародировать стихи Карамзина, единственного писателя, которым может похвалиться и гордиться наше отечество, читать эти глупые насмешки в полном собрании людей почтенных, архиереев, дам и нагло читать самому... О! это верх бесстыдства! Я не думаю, чтоб кто-нибудь захотел это извинять. Я же с моей стороны не прошу и при первом удобном случае выведу на живую воду Славян, которые бредят, Славян, которые из зависти к дарованию позволяют себе все, Славян, которые, оградясь щитом любви к отечеству — за которое я на деле всегда был готов пролить кровь свою, а они чернила, — оградясь невежеством, бесстыдством, упрямством, гонят Озерова, Карамзина, гонят здравый смысл и — что всего непростительнее — заставляют нас зевать в своей Беседе от 8 до 11 часов вечера.

Признаюсь тебе, мой любезный князь Петр, что я здесь провожу время довольно скучно и всякий день вспоминаю о Москве; зачем я здесь? — и сам не знаю. Ищу друга по сердцу и не нахожу: тот занят должностью, тот рассеян, тот холоден, и все не то, что мне надобно. По счастью, я живу у Гнедича. По счастью, Блудов меня полюбил и просиживает у меня целые дни;

без того я пропал бы от скуки: выезжать не могу, лихорадка мучит... и Пушкина уже нет!!!

Я повстречался здесь у Ивана Ивановича Дмит<рие-ва> с Севериным и с Дашковым; последний умен и имеет большие сведения; он молод и много обещает. Северин очень рассеян. Кстати, Галиф Галифович тебе кланяется. Он тебя очень любит, и я об тебе с ним целые часы говорю без умолку. Этот чудак мне по руке. Я его с первого разу полюбил и намерен воспользоваться его... охотою прогуливаться по бульвару. Что делает у вас Тургенев? Поклонись Алексею Мих<айловичу> Пушкину и его супруге. — Правда ли, что Давыдов женится? не посоветовавшись со мною? это непростительно.

Милонов у меня был сию минуту и написал к тебе послание. Я ему прочитал твое письмо: это ему вскрыжило голову!!!

Пиши ко мне почаще и не забудь сказать Жуковскому, что его Батюшков очень любит. Он, я думаю, в Москве.

Вот сию минуту приехал ко мне Блудов, про которого Шаховской написал в своих «Шубах», что он ничего, кроме «Mergure de France», не читает. Д<митрий> Н<иколаевич> так ему отвечал:

Парнасский Славянин! отцовский цензор строгой,
Напрасно твой Гашпар за леность мне пенял:
Я, правда, мало сочинял,
Но ах! к несчастью, читал я слишком много:
Я... и твои стихи читал!

Вот тебе наши новости. Пиши ко мне почаще, мой милый и добрый друг, и будь счастлив со всеми тебе любезными людьми.

Константин Батюшков.

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

КНЯЗЬ Ш. И АКТРИСА Е.

Е ж о в а

Ну! что, князь, какова была у вас Беседа?

К н я з ь

Победа, Катенька, преславная победа!
Вторую песнь своей поэмы я читал,

Злодею Пушкину себя уж доказал.
Пустился в бегство он от моего удара.

Е ж о в а

Что аплодировать ты не послал Макара?

К н я з ь

Беседа, дурочка, не то ведь, что партер.
Смеяться подавал собою я пример.
Когда б ты видела, как Кикин Петр смеялся!
Шихматов-целочка и тот расхохотался.
Многострадальный сам игумен наш Шишков
Забыл, как с братией ругал его Дашков.
Торжествовала вся Беседа Русска слова:
Не сыпался табак на ленту у Хвостова;
Другой Хвостов глаза лукаво искосил,
Как я исподтишка за жопу укусил...

Е ж о в а

Кого?

К н я з ь

Карамзина.

Е ж о в а

Неужто, князь?

К н я з ь

Да, право.

Спроси Потемкина.

Е ж о в а

За жопу? браво! браво!
Как ты прославился! Ай! князь! ай! молодец!
Надел ты на себя бессмертия венец.
Уж нечего сказать, что у тебя за зубы!

К н я з ь

Век будут помнить все расхищенные шубы
И не осмелятся сажать меня в бордель.

Е ж о в а

Прими ж награду, князь, и ляжем на постель.

1812

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1812 года, февраля 29 дня...

§ 2. Г. Блудов читал в свою очередь эпиграмму.— Очереди своей не исполнили гг. Северин, по неизвестным Обществу причинам, Батюшков за болезнь...

§ 4. Слушаны предложения гг. Никольского и Дашкова, из коих первый предложил в действительные члены Общества Михаила Астафьевича Лобанова, а последний Степана Петровича Жихарева, известного обществу по своим упражнениям в словесности. Общество, изъявив большинством голосов согласие свое на избрание их в действительные члены, поручило Секретарю препроводить к ним статьи о обязанностях действительных членов, с требованием отзыва, согласны ли они исполнять таковые обязанности.

К. Н. БАТЮШКОВ — Д. Н. БЛУДОВУ

〈Начало марта 1812 г. Петербург.〉

Нет ли у вас «Mélomanie»*, особенно напечатанной, или по крайней мере в «Письмах» Лагарпа? Пришлите мне ее на несколько дней. Мне сегодня получше, но я начинаю чувствовать другую болезнь, стократ опаснее горячки — пиитическую желчь от славянских бредней.

К. Б.

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1812 года, марта 7 дня...

§ 3. Читано присланное на имя Секретаря Общества от г. Жихарева письмо, коим он изъявляет согласие на исполнение обязанностей, сопряженных со званием действительного члена. Вследствие чего Общество утвердило его в сем звании.

§ 4. Выбраны большинством голосов в почетные члены: по предложению г. Брусилова Его Превосходи-

* «Меломания» (фр.).

тельство г. тайный советник и кавалер Петр Степанович Молчанов; а по предложению гг. Никольского и Фовицкого Его Сиятельство г. тайный советник, Сенатор и кавалер граф Дмитрий Иванович Хвостов, член разных ученых обществ и проч. и проч.

1812 года, марта 14 дня...

8. Слушано предложение г. Дашкова о критическом разборе творений графа Д. И. Хвостова, который по окончании чтения объявил, что он похвалы г. Дашкова принял себе за укоризну. Общество отложило сделать определение по сей статье до следующего собрания.

Д. В. ДАШКОВ

**РЕЧЬ, ЧИТАННАЯ В ВОЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ
СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ 14 МАРТА 1812 Г.**

Любезные Сочлены!

Нынешний день пребудет всегда незабвенным в летописях нашего Общества: ныне в первый раз восседает с нами краса и честь Российского Парнаса, счастливый любимец Аонид и Феба, Гений единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных произведений. Тщетно мрачные облака сокрывали на время сияние солнца: оно расторгнуло их и снова озарило землю; так и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полет почтеннейшего Сочлена нашего Его Сиятельства гр<афа> Д<митрия> И<вановича> Х<востова>. Труды его необъятны: единый взор на них утомляет память и воображение, а знамения побед его изумляют нас, поражают. Он вознесся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина. При чтении драматических его произведений смех и жалость попеременно наполняют душу читателя, а на сцене игра превосходной актрисы никогда не способствовала справедливому их успеху. Пусть весьма немногие из наших писателей, стремясь за бессмертием, получают его в награду за произведения, обработанные с величайшим тщанием и соделавшиеся образцами точности в мыслях, красоты слога, силы выражений — но почтеннейший Сочлен наш и кроме

того увенчан зарею бессмертия, единым блеском природных своих дарований. Пусть другие снискивают себе имя в словесности происками и услаждаются наемными рукоплесканиями: но его путеводителями были всегда скромность и унижение самого себя. Академия Российская, Московский, Харьковский и Виленский университеты, Вольное Экономическое Общество, Беседа Любителей Русского слова, наконец, и наше Общество, гордятся его именем; а хранилища всех российских книгопродавцев, исполненные бесценных его творений, служат прочнейшим основанием его славы.

Таков, любезные Сочлены! муж, избранный нами в Почетные Члены сего Общества! Всея России, что говорю я? всея ученой Европе известны его заслуги: но, к стыду нашему, никто не воздвигнул ему достойного литературного памятника изданием его творений с приличными замечаниями; между тем как французы имеют множество комментариев на Расина, столь униженного переводами почтеннейшего Графа. Сколько бы новых красот, неизвестных Аристотелю и Лонгину, открылись глазам внимательных читателей! Сколько бы усмотрели они новых изобретений, новых картин, коими одолжены мы Гению нашего Поэта! В его творениях самые простые описания оживотворяются волшебною кистью воображения и превышают все возможные описания других стихотворцев. Раскроем ли неподражаемые его притчи: разум наш поражен прелестями басен: «Бот», «Двое плешивых», «Старик и трое молодых», «Два голубя»* и проч.— Какая кисть! какие описания! какая простота!.. Раскроем ли громкие его оды, эклоги, послания: везде видим пламенный восторг, возносящийся над пределами видимого мира и часто исчезающий от глаз наших в неизмеримом пространстве; либо изливания нежных чувствований при гробе друга, ближнего или знаменитого вельможи, изливания, преисполненные глубочайшей, таинственной философии. Вдруг шумная радость заступает место уныния, невольная улыбка прогоняет вздохи, и мы вместе с *греками-храбрецами* вкушаем пенящееся шампанское из ог-

* В сей последней басне русский Лафонтен очевидно превзошел француза, наделив своего голубка острыми зубами для разгрызения сетей, в которых он запутался. Вот истинная Поэзия, творящая новый мир, новую природу!

ромной бутылки! О сила Поэзии! о могущество воображения!

Кто исчислит все мастерские произведения почтеннейшего Поэта, кто покажет нам все их достоинство? Вот, любезные Сочлены, обширное поприще, которое осмеливаюсь я в сей достопамятный день предложить для ваших занятий. Труд сей неизмерим, но зато какую славу оный вам обещает! Вы обогатите словесность нашу превосходным сочинением, принесете вечное, никогда не увядаемое удовольствие читателям и соорудите знаменитому нашему Сочлену достойный его памятник.— Если Обществу будет угодно принять мое предложение, если и рвение мое заслужит одобрение ваше, то я за величайшее счастье поставляю себе быть вашим соучастником в трудах толико похвальных и заранее беру на себя часть драматическую. Я сделаю по возможности эстетический, грамматический и даже критический разбор каждого действия, каждого явления; обращу внимание читателей на все образцовые стихи в роле прекрасно-трогательной *Андромехи* и докажу неоспоримо, сколь много почтеннейший Переводчик отличился перед Расином. Но при всем том я буду беспристрастен, если только возможно удержаться от внезапного энтузиазма при чтении его творений; я покажу и немногие его ошибки, рассеянные между необъятными красотами, и тем надеюсь еще более доказать пламенное усердие мое к его славе. Например, в 3-м явлении IV действия слова Гермियोны Оресту:

...Постой! куда Орест спешит,
Не мыслю далеко нести таких обид;
И я ль, венчая здесь всю наглость вражьей лести,
Решусь в других местах медлительной ждать мести?
Предамся ль дерзостно я жребию побед,
Который, может быть, мне месть не принесет?
Отсрочка малая в отказ мне обратится,
За Гермियोу месть чрез час должна свершиться.
Коль я отправлюся, пусть стонет весь Эпир,
Лети во храм; хочу, чтоб в храме пал...

Орест.

Кто?

Гермиона.

Пирр.

Орест.

Как! Пирр? и проч.

Стихи сии, говорю я, при всей их красоте и силе, немного темны и неправильны! Во 2-м *далеко нести такие обиды* сказано не по-русски; в 3-м и 4-м выражения: *венчая здесь всю наглость вражьей мести, решусь в других местах медлительной ждать вести* — слишком сбивчивы; и притом сии стихи тяжелы для произношения; *предаться жребию побед* не хорошо и т. д. — Но что значат сии маловажные ошибки пред неизмеримостью красот сего перевода, ясно показывающего нам единственный, неподражаемый Гений Поэта? Таким образом, занимаясь каждое заседание разбором нескольких страниц из «Андромахи» и сравнивая перевод с подлинником, мы откроем, может быть, глаза многим из соотечественников наших, которые до сих пор имеют слабость предпочитать Расина русскому переводчику, потому только, что первый писал по-французски!

**ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ,
НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

1812-го года, марта 18 дня...

Председатель, собрав мнения гг. членов и нашед: 1) что осьmero из них, а именно: гг. Кованько, Княжевич, Политковский, Милонов, Никольский, Востоков, Греч и Фовицкий решительно подали свой голос за исключение г. Дашкова и 2) что на сие же самое соглашаются и прочие пять гг. членов: Батюшков, Северин, Брусилов, Лобанов и Жихарев, ежели действительно граф Д. И. Хвостов оскорблен предложением г. Дашкова, — объявил, что в сем последнем случае не находит он никакого сомнения, ибо г. Кованько письменно, а гг. Востоков, Никольский и Фовицкий словесно утвердили, что в прошедшее собрание почетный член граф Д. И. Хвостов отозвался с неудовольствием о предложении г. Дашкова и похвалы его счел за укоризны; и что вследствие того г. Дашков — к сожалению целого общества — но в пример всем членам для удержания впредь всякого от подобных поступков, если не единогласно, — то по большинству голосов, лишается звания члена.

ИЗ «ЗАПИСОК О СЛОВЕСНОСТИ»

...Вот и со мною приключение. Дмитрий Васильевич Дашков, известный антагонист Шишкова, знакомый мне по дому Ивана Ивановича Дмитриева и служащий в том же департаменте экзекутором, где я сенатором, кроме вежливости и ласки от меня ничего не видал, приносит мне от г-на Измайлова, писавшего на меня прежде пасквили, которых я не читывал, официальное, как от президента, письмо, что я избран в почетные члены Общества любителей словесности. Я приезжаю в собрание, после которого, думая меня рассердить или считая, что я похвалу его приму за наличные деньги, Дашков стал заикаться и читать, что я великий человек, что я потоптал Горация и Лафонтена. Я после чтения улыбнулся и сказал, что сии похвалы мне не принадлежат; потом, приглася к себе г-на Дашкова, помыл ему в прозе голову. Вот чем кончилась с моей стороны непростительная шутка г-на Дашкова. Но Общество иначе на сие посмотрело и выключило Дашкова за дерзкий его поступок...

1812

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

18-го марта 1812 г. С.-Петербург.

...И прежде моего приезда в Москву я любил тебя и желал покороче с тобой познакомиться; теперь прошу тебя о продолжении твоей дружбы, а в знак благодарности за те удовольствия, которыми я наслаждался в твоей беседе, посылаю тебе панегирик, читанный Дашковым в Обществе любителей российской словесности, при принятии графа Хвостова в почетные члены. Он все это выслушал с мученическим терпением и — позвал автора к себе обедать; и обещал напечатать на собственный счет все то, что на его счет написано будет...

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1812 года марта 21-го дня...

3. Граф Дмитрий Иванович Хвостов читал послание свое к Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу и возражение на предложение г. Дашкова, читанное в прошедшее заседание 14-го марта. Последнюю сию бумагу Его Сиятельство взял к себе обратно и обещал, переписав оную набело, возвратить обществу. <...>

5. Гг. Блудов, Батюшков, Жихарев, Лобанов, Северин, Никольский и Милонов предложили в действительные члены Общества князя Юрия Ивановича Трубецкого и для опыта его в словесности представили переведенный им отрывок из Шатобрианова путешествия в Иерусалим: «Описание сражения при Зипе»...

1812 года марта 28-го дня...

Очереди своей не исполнили гг. Блудов, Борноволок, Северин и Батюшков. Последний извинился чрез Председателя перед Обществом, что он за болезнь не успел ничего приготовить для своей очереди, обещаясь заменить оную в следующее собрание.

1812 года апреля 4-го дня...

Сверх того читали: ...3) Г. Батюшков, «Замечание на Баснословие северных народов», сокращенный перевод из Монбрана. Определено зачесть сию пиесу в прошедшую г. Батюшкова очередь.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

4-го апреля 1812 г. Москва.

Благодарю тебя, любезнейший Александр Иванович, за твое письмо и за чувства, в нем выраженные. Дружба твоя мне драгоценна, и надеюсь всегда ее заслуживать. Благодарю и за присылку похвальной речи, которую не могу похвалить. В ней заметно сильное желание быть острым и весьма слабый успех. Василий Львович, как разумеется, читая ее, бил себя по жопе, тер руки, хохотал, орошал всех росой уст своих и в душе повторил клятву и присягу боготворить Дашкова и дивиться каждому слову его...

〈Начало апреля 1812 г. Москва.〉

Что слышу я? Et toi aussi, Brutus*. И ты вдался в петербургскую глупость? И ты на коленях перед Дашковым, речь его на Хвостова тебя восхищает. А эта речь дерзость и глупость. Остроты в ней нет, подлости много. *Лежачего не бьют*. Что за мудрость обругать старика, который хотя и дурно пишет, но нимало не заслуживает никакого внимания. Пусть его пишет! Он на вкус не имеет влияния, и публики мнение не нужно исправлять на его счет, он в сем признан за вралю. Но такая пьеса, как Дашкова, вами боготворимого, может подействовать на ваши умы, и не с хорошей стороны. После того вы уж пойдете по улицам показывать голые жопы прохожим. Что за пажеские шутки такие. Батюшков! Батюшков! Что с тобою стало? Василию Пушкину прощаю хвалить такие дурачества и пристращаться к людям, сам не зная для чего, но тебе это стыдно. Я говорю тебе не шутя, а точно с прискорбием. Ты вовсе избалуешься...

К. Н. БАТЮШКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

12 апреля 1812. 〈Петербург.〉

Любезный и милый друг Василий Андреевич! Тому уже более года, как я расстался с тобою, а от тебя ни строчки не имею и, верно, не мог бы знать, жив ли ты или умер, если б Тургенев и Вяземский меня не уверили, что ты и жив, и здоров, и потихонечку поживаешь в своем Белеве, как мышь, удалившаяся от света. Но где бы ты ни был, любезный друг, Батюшков тебя везде найдет, ибо он тебя любит и почитает. Сколько происшествий со времени твоего печального отъезда из Москвы! Вяземский женился, как путный человек, но я не был свидетелем его чудесной женитьбы: я уже был в деревне и долго не мог поверить сему последнему диву. Прожив в совершенном уединении шесть месяцев, я приехал в Петербург, Бог знает зачем, и вот теперь здесь помаленьку поживаю в приятной надежде с тобой увидеться на берегах Невы, которые — признаться тебе — во сто раз скучнее наших московских. И я умер бы от скуки, если б

* И ты (тоже); Брут! (фр.).

не нашел здесь Блудова, Тургенева и Дашкова. С первым я познакомился очень коротко, — и не мудрено: он тебя любит, как брата, как любовницу, а ты, мой любезный чудак, наговорил много доброго обо мне, и Дмитрий Николаевич уж готов был меня полюбить. С ним очень весело. Он умен, как ты, но не столько мил, признаться тебе: милее тебя нет ни одного смертного. Тургенев тебя ожидает нетерпеливо и в ожидании твоего приезда завтракает преисправно. Этого человека я давно знаю и люблю, ибо он очень любезен, и умен, и весел, но все-таки не Жуковский. Дашков имеет большие сведения и притом ленив, как и наш брат, за что ему спасибо, но и он все-таки не Жуковский. Тебя мне надобно! Приезжай сюда, мой милый друг! Мы тебя угостим и бифштексом, и Беседой, которая ни в чем не уступит московской богдельне стихотворцев, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи, которым наши любезные товарищи приносят богатые и обильные жертвы. Я радуюсь их успехам без всякой зависти, в полной надежде, что они вылечат мою бессонницу, которой я подвержен с тех пор, как начал писать стихи без твоего присмотра. Вот тебе образчик: послание к Пенатам, которое подвергаю твоей строгой критике. Прочти его и переправь то, что заметишь; если и вся пиеса не годится, — скажи. Я ее сожгу без всякого замедления; а если понравится, — похвали: я имею нужду в твоей похвале, ибо ее ценить умею. Не поленись, мой милый друг, пересмотреть и переправить ошибки и свои замечания пришли поскорее: я хочу ее печатать. Прости, будь здоров, счастлив и счастливее прошлогоднего. Не забывай меня, не забывай Батюшкова, который умеет дорожить твоей дружбой.

Р. С. И. И. Дмитриев часто о тебе вспоминает. Кстати: что ты делаешь с сочинениями Михаила Никитича? Не стыдно ли так долго держать и ничего не сделать?!!!

Адресуй письмо к Блудову, если мне отвечать будешь, в чем я не сомневаюсь.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1812, мая 2-го дня...

7. Общество, усмотрев... что гг. Борноволоков и Северин не представили в течение прошедшей генварской трети ни одной пиесы и что оба они пропустили сряду

четыре очереди... заключило, что; они, не исполняя обязанностей действительных членов, не желают более оставаться в сем звании, и потому определило исключить их из списка своих членов.

К. Н. БАТЮШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨5 мая 1812. Петербург.⟩

Прости мне, мой милый друг, лень и придурь. Я хотел писать к тебе с Филимоновым и с Н. Тургеневым и ни с одним не успел.

Хвор все, насили дышу,
Изнурен и бледен,
Виршей уже не пишу:
Мыслями я беден.

Насилу написал четыре стишка
Против ударений своего языка.

Точно я был болен — лихорадкой, разумеется. Да и можно ли быть здоровым? Вчера читал московскую Беседу и вчера был в питерской. Мы выслушали сгоряча: первое — рассуждение о Феофане Прокоповиче Шишкова, который нашего проповедника превозносил выше Цицерона: *Croyez cela et buvez de l'eau* *. Потом он же читал выписку из поэмы Шихматова «Песни на гробах». Ты себе представить не можешь, что за стихи! Все набор рифм и слов. Черствое подражание Йонгу, которому бы по совести и подражать не должно. Заседание кончилось комплиментом князю Шихматову, и все зело восхищались. И у вас не лучше! Что пишут ваши Москвичи? Есть ли у них здравый рассудок? Как! Ни одной путной пиесы в целой книжище!!!

Есть надежда, мой друг, что мы перещеголяем и древних и новейших, есть надежда! Упрямство и невежество наших писателей, леность и невежество нашей публики подают надежду, которая нам, конечно, не изменит.

Поклонись от меня Пушкину: я ему буду отвечать на той почте и писать к тебе гораздо более. Будь здоров, мой милый и добрый князь! Северин тебя целует. Будь здоров, и бог с тобой!

Батюшков.

* Поверьте этому, и выпейте воды (*фр.*).

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1812. Мая 9-го дня...

Слушаны полученные на имя Председателя письма следующего содержания:

1-е) от г. Блудова: «обязанности по службе и хлопоты по собственным делам моим лишают меня удовольствия разделить труды Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств, и я вижу себя в необходимости сложить с себя звание действительного члена. Между тем почитаю долгом известить чрез Вас, Милостивый Государь мой, благодарность мою Обществу за честь, которую оно мне сделало избранием меня в члены. Надеюсь, что вы изволите также взять на себя труд уверить всех ваших почтенных товарищей в моем искреннем уважении и примете выражение чувств, с которыми я есмь и проч.».— Общество, согласно с желанием г. Блудова, определило исключить его из списка своих Членов.

К. Н. БАТЮШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 мая (1812. Петербург.)

Я получил твое письмо, мой милый князь, и прочитал его Блудову, который на ту пору случился у меня. Блудов женился, и Ржевский, твой московский знакомец, успел уже написать и напечатать стихи, которые я у сего прилагаю с комментарием Блудова, который весьма недоволен своим Катуллом. (...) Здесь ничего нового нет, кроме «Весны» графа Хвостова, весны, достойной нашего неба. Под именем Крылова вышли стихи к Шишкову; Крылов от них отрекается. Шаховской написал водевиль, Шихматов — поэму о гробах, и знатоки до сих пор не знают, где смеяться и где плакать: на гробах или за водевилем. Попроси Пушкина, чтоб он решил эту задачу. Что сделалось с другим Пушкиным? Откуда в нем родились христианские мысли и стихи? Не молитвами ли Елены Григорьевны, которая скоро будет делать чудеса? Поклонись ей от меня. Съезди к молодому Муравьеву и поцелуй его за меня. Он, говорят, нездоров. Не откажись сделать это для меня. Ко-

гда увидишь Северина, то поблагодари его за приглашение и со всею возможною осторожностью, внушенною дружеством, скажи ему — полно, говорить ли? — скажи ему, что он... выключен из нашего общества: прибавь в утешение, что Блудов и аз грешный подали просьбы в отставку. Общество едва ли не разрушится. Так все преходит, все исчезает! На развалинах словесности останется один столп — Хвостов, а Измайлов из утробы своей родит новых словесников, которые снова будут писать и печатать. Это мне напоминает о системе разрушения и возобновления природы. Мысли печальные и утешительные! Теперь я буду просить Северина и Вяземского, чтоб они уведомили милого Василья Львовича о новой сатире Милонова, сатире едкой и, к несчастью, весьма остроумной и по содержанию, и по стихам. Предмет оной — Пушкин один, а эпитафия: *Soyez plutôt maçon, si c'est votre métier* *. Во всех случаях масон, как масон, и масон, как каменщик — очень зло и едко! Что делать с молодежью? с этими пылкими, необразованными умами? Отвечать — худо, а молчать, право, еще хуже!

Кстати о сатирах и глупости: скажи мне, пожалуй, на кого метил Шаликов в своем новом послании? Иные говорят, что на меня и на тебя. Правда ли это — про меня, что я лишен чувствительности, что в моих сатирах не видно доброй души, а про тебя — что твои нравом весьма не чисты и, наконец, что мы друг на друга похожи. Но Пушкин выхвален до небес. Дай нам ключ от этих загадок. Галиф кланяется милому и любезному Северину, которому пора бы воротиться и в Питер, где у него есть друзья, которые *в сложности* могут заменить Вяземского. Здесь его ждут печальные красавицы, о которых мне часто говорит Трубецкой.

Трубецкой (замечание для Северина) влюблен, как кошка, и начал лгать, как календарь, как Жихарев, одним словом — *Amour, amour, quand tu nous tiens...*** Этим заключу мое послание. Приблизьтесь, друзья мои, дайте мне вас обнять и простите!

* Лучше уж будьте каменщиком, если таково ваше ремесло (фр.).

** Любовь, любовь, когда мы в твоей власти... (фр.).

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

Мая 16-го дня 1812...

§ 3. Слушано присланное на имя Председателя от г. Батюшкова письмо следующего содержания: «обязанности по службе, в которую я вступил недавно, препятствуют мне разделять труды Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств, и я вижу себя в необходимости, к крайнему моему сожалению, сложить с себя звание Действительного Члена. Между тем почитаю долгом принести мою благодарность всему Обществу за честь, которую оно мне сделало избранием меня в члены». — Определено согласно желанию г. Батюшкова исключить его из списка Членов.

В. Л. ПУШКИН — Д. Н. БЛУДОВУ

Москва, 23 мая 1812.

Я должен вам письмо, мой дорогой Дмитрий Николаевич! Что я говорю? Письмо! Я должен вас благодарить за оказанные мне услуги, за дружбу, которой вы меня удостоили. Я должен вас поздравить с окончанием важнейшего дела вашей жизни, с тем, что вы преодолели все препятствия и наконец обладаете тою, которую нежно любите столь давно. Будьте же оба настолько счастливы, как я того желаю и как вы того заслуживаете. Хотя я и написал Вам по приезде в Москву не более двух строк, я часто сожалею о вашем отсутствии и с наслаждением предвкушаю нашу встречу. Но, увы, я до сих пор не знаю, когда, где и как мы будем иметь возможность свидеться. Я весьма опасаюсь, что мое отсутствие в Петербурге затянется; скорее уж, надеюсь, вы явитесь сюда, как столько раз собирались. — Я хотел бы вам описать наших московских литераторов, но писать почти не о чем.

Известная девица Пучкова только что выпустила в свет небольшой сборник повестушек и рассуждений, который я лишь перелистал. Сей автор женского пола — великий почитатель Шишкова, Шахматова, Глинки и компании, к чести ее будет сказано. Ей неполных 20 лет,

она носит очки, — по-видимому, чтобы казаться привлекательнее, так как она очень некрасива. Говорят, что она возвышенного ума, но мне это доподлинно неизвестно, поскольку я с нею никогда не беседовал, а видел ее лишь дважды или трижды в лице Мерзлякова. Я заметил, что ваш Фрерон Коченовский имеет большое желание написать историю, отсюда его ненависть к нашему уважаемому историографу. Господин Кутузов все пишет гнусные стишки с легкостью изумительною. Господин Сандунов по преимуществу острит, и я не удивлюсь, если в скором времени появится целая сандуновиана, сопоставимая с отборным площадным сквернословием. Вельяшев сочиняет басенки по четыре страницы, в которых начисто отсутствует здравый смысл, а господин Шатров пародирует Псалмопевца. Князь Борис Голицын оставил писать двустихия и составляет теперь французский комментарий к сочинениям Карамзина. Воейков приехал в Москву. Он собирается выдать два тома пиитических творений в продолжение тех, что напечатаны Жуковским. Жуковский начал поэму и уже написал триста стихов. Он сочинил балладу в роде «Людмилы», но нам ее пока не прислал. Любезный вам поэт до сих пор в деревне, он переписывается с Плещеевым, и они написали друг другу два послания в стихах, один — по-русски, другой — по-французски. Хотя и очевидно, что Жуковский писал свое послание впопыхах, его талант проглядывает везде. Французское послание Плещеева полно ошибками против языка и хромающими рифмами, но и в нем можно найти несколько хороших стихов и заметить, что оно писано человеком умным. Я слышал, что Милонов написал на мой счет целую сатиру, за что я ему весьма признателен. Стихи нового Кантемира, конечно же, не умрут никогда, и я таким образом, без сомнения, обрету бессмертие. Наш любезный друг Дашков очень бы желал моего ответа на инвективы Милонова (немилосердного Клементия), но я ничего делать не буду. Что мне до укусов парнасских мошек? К тому же я в отношении его виноват лишь тем, что был с ним ласков и любезен; это послужит мне утешением среди всех сатир, как настоящих, так и будущих.

Прощайте, дорогой мой — и очень дорогой! — Дмитрий Николаевич. Любите меня, потому что я к вам действительно сильно привязался, и привязываюсь тем сильнее, чем больше вас знаю. Не забывайте меня, по-

добно почтенному Михаилу Александровичу, и засвидетельствуйте мое почтение вашему милому окружению.

В. Пушкин

NB. Мои наилучшие пожелания Тургеневу, Дашкову, Щербинину, Батюшкову.

К. Н. БАТЮШКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

〈Июнь 1812. Петербург.〉

Благодарю тебя, мой милый и любезный друг, за твое письмо, в котором я имел истинную нужду. Первое — потому что я тебя люблю, а второе — потому что я имею нужду в твоей похвале или брани. Твои отеческие наставления — как писать стихи, я принимаю с истинною благодарностию; признаюсь однако же, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало и пишу довольно медленно; но останавливаться на всяком слове, на всяком стихе, переписывать, марать и скоблить, — нет, мой милый друг, — это не стоит того: стихи не стоят того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, как его употреблять с пользою: у меня есть, благодаря бога, вино, друзья, табак... Я весь переродился — болен, скучен и так хил, так хил, что не переживу и моих стихов. Тогда поминай как звали! Шутки в сторону: я сам на себя не похож, и между тем как ты с друзьями, или музой, или с нимфою, или с чертями, которых я люблю как душу с тех пор, как ты им посвятил свою лиру, между тем как ты наслаждаешься свободою, сельским воздухом, *Tu jouis du printemps, du soleil, d'un beau jour* *, — я сижу один с распухшею щекою, с больным желудком и гневаюсь на погоду и на стихи, только не на свои, разумеется (ей-Богу, их никогда не читаю), а на чужие, мой друг; на стихи наших Москвичей, которые час от часу более и более пресмыкаются, на стихи наших Невских гусей, которые что день, то ода, что неделя, то трагедия, что месяц, то поэма, и все так глупо и плоско... Я забыл, что лекарь мне не велел сердиться! Утешь нас, мой милый друг, пришли нам своего Драйдена, который, конечно, доставит нам несколько приятных дней. Пришли нам свое послание к Плещееву, которое, говорят, прелестно.

* Ты радуешься весне, солнцу, хорошему дню (*фр.*).

Пришли нам свою балладу, которой мы станем восхищаться как «Спящими Девами», как «Людмилой»; пришли нам, Бога ради, все, что имеешь нового, если не на похвалу, так на съедение, и будь уверен, что никто, кроме нас, без твоего разрешения ни строки не увидит. Пришли мне твое послание, которое я ожидаю с нетерпением, как свидетельство в храм славы и бессмертия, и — что всего лестнее для моего сердца — как свидетельство твоей дружбы к бедному, хилому Батюшкову, который тебя любить умеет. Я бы тебе поговорил поболее о Дм. Ник. Блудове, если б он этого письма не прочитал. Дашков тебе приписывает. О Тургеневе скажу тебе, что он очень рассеян, занят делами и — подивись этому! — какою-то Лаурою: он влюблен не на шутку. Поблагодари его за меня, любезный Жуковский. Тургенев мне оказал много услуг, и я очень, очень худо отвечаю на доброе мнение, которое он обо мне имеет. Твоей дружбе я обязан его ко мне добрым расположением. Еще раз: если будешь писать к нему, поблагодари его за меня и докажи ему собственным примером, что поэт, чудак и лентяй — одно и то же, чтоб он не удивлялся моему поведению и характеру, которые совершенно сообразны с ленью и беспечностию, и докажи ему, что без лени я писал бы еще хуже или не писал бы ничего. Буди с тобою сила Аполлонова и благословение дев парнасских!

P. S. Напиши сам письмо к Ивану Матвеевичу о твоём деле. Я берусь за исполнение твоей просьбы, но надобно, чтоб ты сам его попросил. Успокой меня, Катерину Федоровну и свою совесть.

Прости, отшельник мой,
Белева мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Твой бог и покровитель!
Будь счастлив, наш Орфей,
Харит любимец скромный!
Как юный соловей
В глуши дубравы темной
С подругой дни ведет,
С подругой засыпает —
Невидимый поэт,
Невидимо пленяет
Пастушек, пастухов
И жителей пустынных, —
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой
Под сению свободы,

Достойные природы
И юныя весны!
Тебе — одна лишь радость,
Мне — горести даны!
Как сон, проходит младость
И счастье прежних дней!
Все сердцу изменило:
Здоровье легкокрыло
И друг души моей.
Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец;
Дрожат мои колени,
И ноги ходуном;
Глаза потухли, впали,
Спина дугой к земле,
И скорби начертали
Морщины на челе.
Вся, вся исчезла сила
И доблесть юных лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает!
Кивая головою,
Мне молвила она,
(Как древле Громобою
Учтивый Сатана):
«Усопший, мир с тобою!..
Усопший, мир с тобою!»
Ах, это ли одно
Мне роком суждено
За стары прегрешенья?
Нет, новые мученья,
Достойные бесов:
Свои стихотворенья
Читает мне Хвостов,
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез:
Поют и напевают
С ночи до бела дня,
Читают мне, читают,
И до смерти меня
Убийцы зачитают!

Прости, будь счастлив и здоров; приготовь мне эпитафию и не забудь в ней сказать, что я любил тебя, как друга. Твой

Батюшков.

⟨Приписка А. И. Тургенева⟩:

Здравствуй, милый Жуковский! Не сердись на меня за молчание и докажи это, написав ко мне хоть несколько строк. Не забудь приехать обедать к нам в Петербург

на 1812 году: бифштекс, английская горчица будут готовы! Присылай свои новые сочинения и люби твоего Тургенева. Я буду много писать к тебе: теперь душа не на месте. Любовь унесла надежду, надежду, мой сладкий удел. Я должен был отправить это письмо к Дашкову и к Блудову для приписания, но боюсь, чтоб он не задержал его. Брат тебе кланяется. Он готовится в министры финансов. Право, дельный малый. Будет прок!

〈Приписка Д. В. Дашкова〉:

И я любезному Василью Андреевичу свидетельствую мое искреннее почтение.

Дашков.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

1812-го года июня 20-го дня...

§ 6. На основании постановления, состоявшегося в 15-й день февраля сего года 〈...〉 исключен из членов Общества г. Жихарев, пропустивший сряду три очереди чтения...

Д. В. ДАШКОВ — К. Н. БАТЮШКОВУ

12 июля 1812. Спасск.

...По приезде моем в Москву первое мое дело было доставить письмо Ваше в дом Катерины Федоровны, которая живет на даче. На другой день отвозил я письмо Ив. Ив. 〈Дмитриев〉 к Карамзину в Остафьево и был принят чрезвычайно хорошо. Он просил меня считать его отныне в числе лучших своих приятелей и, чтобы положить прочное основание нашему знакомству, прочитал мне несколько отрывков из своей Истории — между прочим, письмо Архиепископа Ростовского Вассиана к Иоанну Васильевичу, которое удивительно как идет к нынешним обстоятельствам. Потом ужинал еще я с ним в Москве у Вяземского: с этим я также познакомился, и он очень обласкал меня, даже более, нежели я заслуживаю, ибо у меня все еще лежит на сердце письмо о Пушкине и, сверх того, читанный мною в его Альбоме *Отрывок из письма к Милонову*, в котором он весьма неучтиво советует Горацию уступить Милонову

свой венюк. Как может умный человек писать такую чушь, когда все кричали *hago* * на Шихматова за то, что он сравнил только Горация с Шишковым, который, конечно, в словесности несравненно заслуженнее Милонова. Пришлось говорить с Каченовским: *horribile dictu!*** Кстати о Каченовском, скажу Вам (*entre nous****), что на ужине у Воейкова я с ним разговаривал сперва очень дружелюбно, а потом поссорился с ним и наговорил ему множество колкостей за его дерзкие придирки на счет Ив. Ив. ...

К. Н. БАТЮШКОВ — Д. В. ДАШКОВУ

9 августа (1812 г., Петербург.)

Я долго ожидал писем от вас, любезнейший Дмитрий Васильевич, и наконец получил одно, которое меня совершенно успокоило. Вы жалуетесь на беспокойное путешествие, на телеги и кибитки, которые нам, конечно, достались от татар, а не хотите пожалеть обо мне. Я и сам на днях отправляюсь в Москву и буду *mutar ogn'oga di vettura*****, то есть поеду на перекладных *по почте*. Там-то вы найдете вашего покорного слугу в доме К. Ф. Муравьевой. Еще раз пожалейте обо мне: я увижу и Каченовского, и Мерзлякова, и весь Парнас, весь сумасшедших дом, кроме нашего милого, доброго и любезного Василья Львовича, который пишет мне, что какой-то Венеф, город вовсе не известный на лице земном, будет обладать его особою. Теперь поговорить ли о петербургских знакомых, например, о Батые, о Тамерлане, о Чингисхане — поэте, который *уничтожил* Расина, Буало, Лафонтена и проч.? Сказать ли вам, что он написал оду на мир с турками; ода, истинно ода, такого дня и года! Поговорить ли с вами о нашем обществе, которого члены все подобны Горациеву мудрецу или праведнику, все спокойны и пишут при разрушении миров.

Гремит повсюду страшный гром,
Горами к небу вздуто море,
Стихии яростные в споре,
И тухнет дальний солнцев дом,
И звезды падают рядами:

* агу его (*фр.*).

** страшно сказать (*лат.*).

*** между нами (*фр.*).

**** все пересаживаться (*ит.*).

Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо?
Бумага есть? И — все добро!
Не видят и не слышат
И все пером гусиным пишут!

Пишут, и написали, и напечатали два нумера с вашего отъезда, и бедному доброму или бодрому Лапушнику досталось по ушам. Вот и все наши новости. Все идет по-старому. Мы часто бываем, мы, то есть Северин, Трубецкой и Батюшков, мы бываем у Д. Н. Блудова, который дает нам ужины, гулянья на шлюпке, верхом и пр., и мы ужинаем и катаемся, louant Dieu de toute chose *, как мудрец Гаро в Лафонтеновой басне; недостает вас, любезнейший Дмитрий Васильевич, и мы это чувствуем ежедневно; недостает, по крайней мере у меня, спокойствия душевного, и вот почему наши удовольствия не совершенно чисты. Но где они чисты? Разве в доме сумасшедших, или

За синим океаном
Вдали, в мерцании багряном,

или Бог знает где! Я очень скучаю и надеюсь только на войну: она рассеет мою скуку, ибо шпага победит тогу, и я надену мундир, и я поскачу маршировать, если... если... будет это возможно. Но мы увидимся сперва в Москве, где я надеюсь быть в скором времени: там-то я готов возобновить с доктором Каченовским ваш ученый спор, если не испугаюсь его железного самолюбия и коварно-презрительной улыбки переводчика «Илиады», «Одиссеи», «Энеиды» и г-жи Дезульер, если не испугаюсь словообилию Иванова и калмыцких глаз Воейкова, и Жан-Жако-Мерсьеровских порывов Глинки, который недавно получил Владимирский крест, с чем его от всей души поздравляю. Простите, любезнейший Дмитрий Васильевич, любите меня столько, сколько я вас люблю и уважаю, и вы меня очень любить будете; пишите чаще и адресуйте письма к Северину, который перешлет в Москву, если оно меня здесь не застанет.

Батюшков.

Кланяется вам М. А. Салтыков и его жена.

* благодаря Бога за все (*фр.*).

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

29 октября 1812 г. Петербург.

...Северин уехал в Испанию, Блудов в Стокгольм. Я остался верен Петербургу и дружбе твоей...

К. Н. БАТЮШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

(Январь 1813 г. Нижний Новгород.)

По приезде моем в Нижний я был у Карамзиных, которые о тебе очень расспрашивали у меня. Я у них еще вчера обедал. Надеюсь, что они к тебе писали. Твое письмо меня обрадовало; но твои письма меня всегда радуют; пиши, мой друг, ко мне почаще; пиши из Москвы, я надеюсь, что ты оставил Вологду или скоро ее оставишь, и это письмо пускаю на всякий страх. Я жалею от всей души о том, что не мог разделить с тобой горестных, неизъяснимых чувств на пепле несчастной и священной Москвы; всё двоим было бы полегче. Благодарю за стихи Жуковского. Они прекрасны. Второе послание к Арб(еневой) лучше первого, в нем виден Жук(овский), как в зеркале; послание к Бат(юшкову) прелестно. Жуковский писал его влюбленный. Редкая душа! редкое дарование! душа и дарование, которому цену, кроме тебя, меня и Блудова, вряд ли кто знает. Мы должны гордиться Жуковским. Он наш, мы его понимаем. И Василий Львович плакал, читая его стихи. Мы перечитывали и твои несколько раз с живым удовольствием. Теперь ни слова не скажу тебе о здешних балах, шарадах, маскарадах и проч., ибо я на них бываю телом, но не духом. Моя судьба еще не решена. Я расстроен всем: и телом и душой и карманом. Желая ехать в армию поскорее. Отпиши ко мне, на что ты решишься. Прощай, мой милый друг, сегодня душа моя тебя *не допросилась*. Будь здоров и помни скучающего Батюшкова.

Усерднейшее почтение княгине.

К. Н. БАТЮШКОВ

ПЕВЕЦ, ИЛИ ПЕВЦЫ В БЕСЕДЕ
СЛАВЕНО-РОССОВ

*Балладо-эпико-комико-
эпизодический гимн*

П е в е ц

Друзья! все гости по домам!
От чтенья охмелели.
Конец и прозе и стихам
До будущей недели.
Мы здесь одни. Что делать? пить
Вино из полной чаши!
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши!

С о т р у д н и к и

Мы здесь одни. Что делать? пить
Вино из полной чаши!
Мы станем взапуски хвалить
Славянски оды ваши!

П е в е ц

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья! почто покойных нет
Певцов среди Беседы?
Их вирши сгнили в кладовых,
Изглоданы мышами;
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями!
Но дух отцов воскрес в сынах!
Мы все для славы дышим;
Давно здесь в прозе и стихах
Как Тредьяковский пишем!

Ч л е н ы и С о т р у д н и к и
Мы все для славы дышим!

П е в е ц

Чья тень парит под потолком
Над нашими главами?

За ним, пред ним (о страх!) кругом
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
Насаленном, с кудрями,
С «Телемахидою» в руке,
С Роленем за плечами.
Почто на нас, о муж седой,
Вперил ты страшны очи?..
Мы все клялись! клялись тобой
С утра до полуночи
Писать, как ты, тебе служить!
Мы все с рассудком в споре.
Для славы будем пить и жить!
Нам по колено море!

Ч л е н ы

Напьемся пьяны Музам в дань,
Как пили наши деды!
Рассудку гибель, вкусу брань,
Хвала сынам Беседы!
Пусть Ломоносов был умен
И нас еще умнее,
За пьянство стал бессмертен он!
А мы... еще пьянее!

Ч л е н ы и С о т р у д н и к и
Для славы будем жить и пить!
Врагам беда и горе!
На что рассудок нам щадить?
Нам по колено море!

П е в е ц

Друзья! большой бокал отцов
За лавку Глазунова!
Там царство вечное стихов
Шихматова лихова!
Родного крова милый свет!
Знакомые подвалы!
Златые игры первых лет,
Невинны мадригалы,
Что вашу прелесть заменит?
О лавка дорогая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!..

Ч л е н ы

Там все знакомо для певцов!
Там наши детки милы!
Кладбище мирное стихов,
Бумажные могилы!
Там царство тленья и мышей!
Там — Николев почтенный,
И древний прах календарей,
И прах газет священный!

П е в е ц

Да здравствует Беседы царь
Сумбур, твоя держава!
Бумажный трон твой наш алтарь,
Пред ним обет наш, слава!
Не изменим! мы от отцов
Прияли глупость с кровью!
Сумбур, здесь сонм твоих сынов!
К тебе горим любовью!
Наш каждый ратник Славянин,
Галиматьею дышит!
Бежит предатель сих дружин
И галлицизмы пишет!

Ч л е н ы и С о т р у д н и к и

Наш каждый ратник Славянин,
Галиматьею дышит!
Бежит предатель сих дружин
И галлицизмы пишет!

П е в е ц

Тот наш, кто день и ночь кадит
И нам молебны служит;
Пусть публика его бранит,
Но он о том не тужит!
За нас стоит гора горой!
В Беседе не зевает,
Прямой сотрудник, брат прямой,
И в брани помогает!

Ч л е н ы

Хвала тебе, Славенофил,
О муж неукротимый,
Ты здесь рассудок победил

Рукой неутомимой!
О сколь с наморщенным челом
В Беседе ты прекрасен!
Сколь холоден перед столом
И критикам ужасен!
Упрямство с ним старинных лет.
Хвала седому деду!
Друзья! он, он родил на свет
Славенскую Беседу!

Члены и Сотрудники
Друзья! он, он родил на свет
Славенскую Беседу!

Сотрудники
Он нас, сироток, воскормил.

Потемкин
Меня читать он учит.

Жихарев
Моих он *Бардов* похвалил.

Шихматов
Меня в Пиндары крючит!

Певец
Хвала тебе, о дед седой!
Хвала и многи лета!
Ошую пусть сидит с тобой
Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клевет
Шихматов безглагольный,
Как ты, Славян краса и цвет,
Как ты, собой довольный! —
Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб родитель,
Отец талантов, муж прямой,
Ежовой покровитель! —
Телец упитанный у нас,
О ты, болван болванов,
Хвала тебе, хвала сто раз,
Раздутый Карабанов! —
Хвала, читателей тиран,

Хвостов неистошимый!
Стихи твои как барабан
Для слуха нестерпимы,
Везде с стихами — тут и там!
Везде ты волком рыщешь!
Пускаешь притчу в тыл врагам,
Стихами в уши свищешь!
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают,
Лишь за посланье — все бегут
И уши затыкают! —
Друзья! вишневки поскорей
И выпьем в честь Весталки!
У ней давно семья детей
И детки очень жалки!
Сегодня оду в свет родит,
А завтра — снова бремя!
Ей перья сам Шишков чинит
От дел в досужно время.
За ней есть много дев других;
Все взапуски плодятся:
Но диво в том, что чада их
Полмертвые родятся.
Хвала, псаломщик наш, старик
Захаров преложитель!
Ревет он, аки вол или бык,
Лугов пустынных житель.
Хвала тебе, протяжный Львов,
Ковач речений смелый!
И Палицын, гроза чтецов,
В Поповке поседельный!
Хвала, наш пасмурный Гарвей,
Обруганный Станевич,
И с Польской Музою своей
Холуй Анастасевич!

Ч л е н ы

Друзья! широкий ковш пивной
За здравье Соколова!
Он, право, чтец у нас лихой
И создан для Хвостова!
В его устах стихи ревут,
Как волны пеной плещут:
От грома их невольно тут
Все барыни трепещут!

Хвала тебе, о наш Дьячок,
Бездушный Политковской!
Жуешь, гносишь — и вдруг стихок
Родишь Варягоросской!

.
.

Их груди каменной хвала,
Хвала скулам железным!

Ч л е н ы и С о т р у д н и к и

Их груди каменной хвала,
Хвала скулам железным!

Но месть тому, кто нас бранит
И пишет эпиграммы,
Кто пишет так, как говорит,
Кого читают дамы!

П е в е ц - С е и д

Сей кубок мщенью! други, в строй!

И мигом перья в длани!

Сразить или пасть, наш роковой

Обет в чернильной брани!

Вотще свои, о Карамзин,

Ты издал сочиненья;

Я, я на Пинде властелин

И жажду лишь отмщенья!

Ч л е н ы и С о т р у д н и к и

Нет логики у нас в домах,

Грамматик не бывало.

Мы Пролог в руки — гибни враг

С твоей дружиной вялой!

Отведай, дерзкий, что сильней —

Рассудок или мщенье!

Пришлец! мы в родине своей.

За глупых — Провиденье!

П е в е ц

Друзья! прощанью сей стакан!

Уж свечки погасили:

Пробили зорю в барабан

И к завтрене звонили.

Пора домой! Пора ко сну!..

От хмеля я шатаюсь!..

Х в о с т о в

Дай басню я прочту одну
И после распрощаюсь!

В с е

Ах нет, домой, друзья, домой!
Чу!.. петухи пропели!
Прощай, Шишков, наш дед седой,
Прощай — мы охмелели;
Но ты нас в путь благослови!
А вы, друзья, — лобзанья!
В завет и верная любви
И нового свиданья!

1813

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

Первая половина апреля 1813 г. Москва.

...Нет ли у тебя пародии «Певца», сделанной Батюшковым? Мне очень хочется ее прочесть. Не можешь ли мне ее прислать?..

К. Н. БАТЮШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 июня 1813 (Петербург.).

...Жуковского «Певца» Государыня приказала напечатать на свой счет. Готовят виньеты. Дашкову поручил Дмитриев сделать замечания. Я рад сердечно успехам нашего балладника: это его оживит. Но жалею, что он много печатает в «Вестнике». Переводом Драйдена я не очень доволен; «Певец» — романс — лучше всего. Пора ему взяться за что-нибудь поважнее и не тратить ума своего на безделки; они с некоторого времени для меня потеряли цену, может быть, — оттого, что я стал менее чувствителен к прелести поэзии и более ленив духом. Притом же наш приятель имеет *имя* в словесности: он заслужил уважение просвещенных людей, истинно просвещенных, но славу надобно поддерживать трудами. Жаль, что он ничего путного не напишет прозою. Это его дело. Подстрекай его самолюбие как можно более, не давай ему заснуть в Белеве на балладах: вот подвиг, достой(ный) дружбы, достойный тебя! Я это говорю весьма серьезно. Пришли мне свою балладу на зубок — благодарю за басню: она очень хороша, кроме последних

двух стихов. Пришли все, что напишешь: я с нетерпением буду ожидать — послания к княгине, которой прошу сказать мое душевное почтение. Напомни обо мне Катерине Андреевне, и Карамзину, и всем знакомым. Видишь ли ты Пушкину? — Что она делает на развалинах Москвы? — Поклонись ей от меня. К моему генералу я писал недавно; получил ли он мое письмо, не знаю. Посылаю тебе, из благодарности за поправки, две басни Крылова, которые, может быть, тебе еще неизвестны. Жуковский не все счастливо поправил; иное испортил, а иное лучше сделал и подал мне новые мысли. Прости, будь здоров и не забывай твоего Батюшкова.

К. Н. БАТЮШКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

30 июня 1813. *⟨Петербург.⟩*

Тургенев провел сегодня вечер у графа Строганова вместе со мною и так занемог, что писать к тебе, мой добрый Василий Андреевич, не в силах, а писать есть о чем: слух носится, что тебе назначена Анна 2-го класса, и Тургенев тебя велел с ней поздравить; он слышал от служащих при военном министре о сей государевой милости. Дай обнять тебя, старый мой друг! Дай разделить с тобою твою радость, — радость, ибо приятно получить то, что заслужил; а ты, наш балладник, чудес наделал, если не шпагою, то лирой. Ты на поле Бородинском рго patria * подставил одну из лучших голов на Севере и доброе, прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетели: сам Феб тебя спас. Будь же благодарен: пиши и пиши более, но что-нибудь поважнее, и менее печатай в «Вестнике»: он не стоит твоих стихов, и тебе пора заняться предметом, достойным твоего таланта. Вот совет человека, который и тебя, и дружбу твою уважает, и тобой, как русский и как приятель, гордится.

Еще два слова: сегодня Оленин, которому И. И. Дмитриев поручал нарисовать для «Певца» виньеты, показывал мне сделанные им рисунки. Они прекрасны, и ты ими будешь доволен. Жаль, что издание не прежде месяца готово будет. На одном из виньетов изображен вдали стан при лунном сиянии и в облаках тени Петра, Суворова и Святослава, гениев России. Твои куплеты подали идею его рисунка. Прости, еще раз прости и не забывай твоего Батюшкова.

* за отечество (лат.).

15/27 октября 1813 г. С.-Петербург.

...Вы отгадали, что Батюшков просил у вас назад своей тетради в намерении печатать Полное собрание стихотворений; но вступление его в военную службу и отъезд в армию расстроили все наши планы. Не знаю, переслал ли к вам Тургенев прекрасное его послание ко мне (которое найдете вы в 10-м номере «СПб. Вестника»); в нем Батюшков со всем стихотворным жаром клянется *поставить три раза грудь свою перед врагом сомкнутым строем* — и я думаю, что отъезд его много ускорен был упрямством и желанием сдержать сию пиитическую клятву. Он, по обыкновению, ни к кому не пишет, но мы здесь узнали, что прибытие его в армию было под самыми худыми предзнаменованиями. Он имел от своего генерала Бахметьева многие рекомендательные письма и между прочими к графу Платову; желая раздать их, он начал с него и — *horribile dictu!* * — нашел его за пуншем *tête à tête* ** с Шишковым, который приводил его в восхищение, читая какие-то проповеди. Вы легко поверите, что первое старание милого нашего поэта было... убежать сломя голову. Зато перед неприятелем он не бежит и чуть было не попался в плен в первом деле. Пожалейте об нем, любезнейший Дмитрий Николаевич; я, право, дорого бы заплатил за то, чтобы видеть его опять в маленьком кругу нашем. Скоро ли соберемся мы все опять в недрах *освобожденного отечества*, как вы справедливо говорите; скоро ли судьба устанет разгонять нас по лицу земли и позволит мне опять быть счастливым и спокойным среди друзей моих, как в конце 1811 и в начале 1812!.. Вы не поверите, сколь тягостно мне теперешнее одиночество: новых знакомых я не люблю, а с отсутствующими остается одно утешение — переписка; но и то какое слабое утешение!

Тургенев точно такого же мнения: он до переписки не охотник, и я, употребив все возможные средства, чтобы, по словам вашим, *раздразнить его*, мог насилу вымучить у него обещание писать к вам; но я уверен, что он письмо свое пришлет ко мне для отправления ровно через две или три недели. Гнедич также хотел писать к вам и доставить экземпляр своего перевода VI песни «Или-

* страшно молвить! (фр.)

** наедине (фр.).

ады» экзаметрами, который найдете вы в последней книжке Беседы. За сей перевод все старообрядцы на него вооружились и предают его торжественно проклятию как еретика; они так привыкли плести рифмы, что им кажется непонятно, каким образом обойтись можно без сих погремушек. Пушкин, добрый Пушкин, живет в величайшей скуке: домашние обстоятельства и недостаток в деньгах не позволяют ему выехать из деревни. Его поддерживает только надежда когда-нибудь вырваться из Нижнего и пожить в Петербурге; а между тем все пишет стихи и недавно прислал мне целое послание, в котором говорит обо всем — от кедра до иссопа, от Кутузова до Милонова. Я не прилагаю сего послания, потому что оно весьма посредственно, и в ответ на оное я написал к автору почти то же, что говорил покойный Жилблаз архиепископу Гранадскому: *Monseigneur, plus d'homélie, plus d'éritres* *. Вот вам подробное известие о всех общих знакомых и приятелях наших. О членах бывшего нашего Общества и говорить нечего. Журнал их до сих пор покоится на 10-й книжке. Вы хотели иметь его, и я исполнил желание ваше, нимало не отвечая за содержание посылаемых к вам книг, точно так же, как в старину покойные Голландские Штаты давали привилегию на Библию. Все куплено по вашей записке, и я от себя только прибавил новую героическую поэму *Петриаду*, сочиненную неудачным переводчиком «Електры». Однако ж он не совсем без дарований: вы увидите многие тому доказательства в его поэме. Вздору много, но есть места прекрасные, например описание пира, данного казакам Мазепю, подвиг Искры и Кочубея и проч. Сверх того, я от себя посылаю вам новое издание Жуковского «Певца во стане воинов», напечатанное изданием вдовствующей императрицы (от которой Жуковский получил еще перстень чрез Ивана Ивановича), требуемые вами два экземпляра моего маранья и, наконец, перевод из Оссиана: «Сражение при Лоре», незрелый труд незрелого члена-сотрудника Олина, одного из молодых наших трагиков, о котором старый враль Дмитревский говорит: *в нем есть много Корнелевского!* Я ничего не говорю вам о сей поэме; прочитайте ее со вниманием, только наперед хорошенько выспавшись,— и найдете много золота. Прошу сообщить мне замечания ваши на все сии книги: только пощадите не-

* Монсенъор, довольно проповедей, довольно посланий (фр.).

большие примечания на «Певца», в конце книжки напечатанные. Иван Иванович хотел непременно иметь их и поручил писать на заказ вашему покорному слуге — судите, могло ли выйти что-нибудь хорошее! Сочинений и переводов Российской Академии посылаю только пять частей: более и новый президент не успел еще высидеть; *mais ce qui est différé n'est pas perdu* *.

Что сказать вам о словесниках наших, достойных членах Академий, Бесед, Обществ, Комитетов и так далее? По-настоящему бы *de mortuis aut bene aut nihil* **, — но для вас я осмелюсь нарушить священное спокойствие гробов и потревожу прах усопших. Сладкогласный хор Беседы умолк на время за отсутствием орла, отлетевшего опочить на башнях киевских, о котором писал к вам Иван Иванович. Как! и вы в сем описании не узнали певца Фелицы и Озирида, автора «Оды на смерть кн. Мещерского» и кантаты «Персей и Андромеда»? не узнали вы, с такою пронизательностью отгадавшие глубокую аллегория, скрытую под названием *Сокола*? Кстати, о Соколе; он грянул недавно в Наполеона ужасною одою и, конечно, отомстил бы ему за всю Европу, если бы только тот — прочитал ее. Я пробежал уже первую и последнюю строфы сего превосходного творения и надеюсь со временем быть в состоянии сделать вам подробный разбор всех красот оною. Теперь Сокол употреблен по делам государственным: ездил с особыми поручениями в отпуск, но за то ничего не получил, и, по выражению Ивана Ивановича, *первый блин был комом*; отправлен в другой раз на следствие во Псков, откуда еще не возвращался. Помогай ему Бог украшаться орденами и почестями, лишь бы он только дал отдохнуть бедным ушам прохожих, встречающихся с ним на улицах. На меня он ныне крепко сердится (заметьте, после отъезда Ивана Ивановича) за самую невинную насмешку — неблагоприятный! на меня, усерднейшего его почитателя и панегириста!.. Приятель ваш Шаховской избрал себе благую часть, веселится в Риге, где он дежурным генералом у маркиза Паулуччи, и если пишет стихи, то по крайней мере под спудом: *a peccato celato è muzzo perdonato*. Мир ему и его Гашпару, наводившему столь великий страх на бедного Пушкина! Жихарев, также единый от сих избранных, променял стихотворство на подъяческие

* но то, что отсрочено, не потеряно (*фр.*).

** о мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

крючки и работает как вол у Молчанова. Он очень вас помнит и поручил мне свидетельствовать вам его почтение; на нас же с Батюшковым сердится, хотя и старается не показать того, за стих, вложенный автором пародии *Певца* в уста его, говоря о Шишкове: *Моих он Бардов похвалил!* Он еще не знает, кому из нас, двух насмешников, приписать этот стих. Как я жалею, что не могу доставить вам сей пародии! Она не вся Батюшкова, однако разумеется, что все лучшие места его. Есть кое-что Измайлова, например:

Хвала, читателей тиран,
Хвостов неутомимый!
Твои стихи, как барабан,
Для слуха нестерпимы.
Везде с стихами — здесь и там,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчи в тыл врагам,
Стихами в уши свищешь.
Лишь за посланья — прочь идут,
За оды — засыпают,
Лишь за поэму — все бегут
И уши затыкают!

Батюшков дал было мне экземпляр, его рукою списанный; но после, испугавшись надделанного шума, отнял почти насильно и изорвал. Остался только один список у Ивана Ивановича, но и то неполный. Что делать с упрямым поэтом? Он написал также Послание к Жуковскому, в котором, говоря о походе его под Бородино, сравнивает его с Вернетом, стоящим на корабельной палубе во время бури и обрызганным плесками волн, дабы живее представить борьбу стихий. Все Послание было хорошо, но это место было прекрасно. Что ж? На третий день *мимоидох, и се не бе*. Батюшкову что-то там не понравилось, и он все изорвал. Но пора, пора мне кончить свое маранье. Сколь ни приятно мне разговаривать с вами, но всему должен быть конец; а притом:

Болтать, друзья, неосторожно,
Другова и обидеть можно,
А Боже упаси того!

Прилагаю при сем новые стихи Батюшкова: «Разлука» и «В альбом гр. Салтыковой», а сверх того, копию с письма Жуковского к Ивану Ивановичу, только под строжайшим секретом. Иван Иванович никому не хотел давать его списывать, хотя Тургенев усиленно просил его...

ПИСЬМО К М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ, РЕДАКТОРУ
«ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Милостивый государь, Михайло Трофимович!

Я давно был терзаем жаждою играть какую-нибудь роль в области словесности и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руке, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руке, с желанием писать и в ожидании мыслей. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли: я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, *отрясая сон с своих ресниц*, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком. В унынии я уже прощался с надеждою сказать здесь некогда хотя пару слов типографиям, прощался с надеждою получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: «Журналы! Вестники! мне навсегда закрыты к вам пути. Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных карточках, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородною страстию напоминать о себе вселенной!» Наконец последняя книжка «Вестника Европы» под № 22-м оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарею надежды и удовольствия. Мне открылась возможность приносить иногда жертвы на алтаре журналов, ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которым, признаюсь вам чистосердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял неодолимому желанию чернить белую бумагу. Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему несколькими тысячами душ. Кто-то сказал, что когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения; дайте мне место в своем «Вестнике», и я тогда, с восторгом

благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: я нашел человека.

С истинным почтением имею честь быть.

ПРИКАЗ СЕМЕНУ ГАВРИЛОВУ

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится и приятнее и что ты начинаешь знать, где становится яснее *ѣ* и *е*. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду послал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее пред миром, и который при удивительном своем даровании погрешает всегда против сих букв. Но зато недоволен я твоими расходами: они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилов! Это стоит *ѣ*; пекись о нем, но пекись и о доходе; помни мое наставление: соедини полезное с приятным. Притом же буква *ѣ* гораздо на глаза милее в доходѣ, чем в расходѣ. Еще одно слово: твой слог все еще шероховат, а сколько раз сказывал я тебе не брать себе в пример Шихматова. Вели мелом написать на дверях приказной избы:

Смотри, чтоб гласная, спеша, не спотыкнулась
И с гласною другой в дороге не столкнулась!
Ты мягкие слова искусно выбирай,
А от слиянья злых, как можно, убегай.

И всякий раз, что возьмешь перо в пальцы, прочитай три раза сии прекрасные стихи, находящиеся в «Науке о стихотворстве», сочиненной французом Буало Де-прео, и которую по дружбе своей к нему граф Дмитрий Хвостов сделал одолжение перевести на русский язык. Впрочем, я здоров, но только немного простудился на днях в Беседе. Надеюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатанного, и тогда обещаю вам снять с вас оброк на два месяца, а если напечатается много, то и на три. Молитесь Богу о том: вы, верно, неусердные воссылаете молитвы, потому что вот уже шестой год, как я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинил. Но я не теряю надежды и жду помощи от Бога: сенатор Захаров до старости не писал стихов, а теперь вдруг написал оду, из которой можно сделать по крайней мере шесть. Высылай скорее денег: я должен книгопро-

давцу 200 рублей, и он мне отдыха не дает. Ты знаешь, как я люблю и уважаю книгопродавцев: страшишь моей к ним любви.

С. Петербург <1813>

NN

Д. В. ДАШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

19 декабря, 1813 г. СПб.

Много и премного благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за последнее письмо Ваше и за лестные, но незаслуженные похвалы, которыми вы меня осыпаете. Право, если бы я меньше полагался на Ваше благорасположение, то непременно должен был бы принять их за иронию (или *противоположную насмешку*, по переводу Шишкова). Вам угодно говорить о каких-то знаменах вкуса, просвещения и свободы: по чистой совести я могу принять на свой счет одно последнее. В наше просвещенное время и сие довольно редко; но я с ребячества был чрезвычайно своеволен и не отвык еще говорить напрямки все, что думаю, хотя много раз и больно обжигался. Впрочем, мои письма не то, что Ваши, и могут быть одобрены только за хорошее намерение; а еще разве за то искусство, с каким я свою мишуру меняю на ваше золото. Этот торг для меня очень выгоден, и я убедительнейше прошу вас о продолжении онного.

Нарядный картуз, вышитый трудолюбивыми руками вашими Картузову, и приказ Семену Гаврилову доставили мне ощутительное облегчение от мучившей меня лихорадки, и острые ваши шутки произвели чудо, которого не смел я ожидать от множества проглоченной хины. Эпиграмма отправилась тотчас путешествовать по Петербургу под фирмою: *из Катуллы* — чему в Беоции нашей многие добродушно поверят — и я постараюсь доставить ее самому Картузову через какого-нибудь мазона в полном собрании ложи. Ручаюсь Вам, что скоро все здешние попугаи будут кричать из окошек: Картузов куратор!!! Приказ старосте показался мне так умен, так хорош, что совещусь скрывать его от публики: не согласитесь ли вы напечатать его в «Сыне Отечества», выкинув только имена Каченовского и Захарова? Графа Пушкина можно выставить *to tidem litteris* * или означить

* столькими же буквами (лат.).

буквами Г. П., как Вам угодно; простудиться в Беседе очень позволительно, ибо там и спать не запрещается; а графу Хвостову дурацкая шапка так пристала, что цензура, вероятно, оставит его целиком в навозной куче, куда Вы его так чинно посадили. Имя любезного Сочинителя будет государственною тайною между мною и Издателем; а вы между тем придумаете какую-нибудь забавную причину, почему Письмо и Приказ, назначенные для «Вестника Европы», очутились в «С(ыне) О(течества)». На все сие нетерпеливо ожидаю вашего разрешения. Вот каким оружием надобно бить наших варваров! Тяжелая артиллерия Ваша несравненно лучше моей, но они не стоят больших зарядов: «можно ли колесовать бабочку?» говорит Попе. Только, правду сказать, вы поступаете противно правилам всех великих полководцев, высылая неискusstных рекрут на первую сшибку: Вы всегда гораздо более моего принесете пользы нашей стороне, а я доволен был бы приятною должностию рукоплескать успехам вашим. По крайней мере вступайте в цирк, не дожидаясь меня; между тем я докую себе меч — к несчастью, слишком тупой — для рукопашного боя с дикими зверями. Но мы не должны начинать с Муравьева. Если бы я подлинно хотел укусить нос этому *Историографу носовых хрящей*, то вы первые сказали бы мне с Реньяром:

Pardieu! Laissez le aller;
Que feriez-vous, Monsieur, du nez d'un marguillier? *

Начнем сначала; и проезд ваш в Петербург да будет печальным предзнаменованием для ... многих. В. Л. Пушкина заставим торжественно отрешиться от ереси, потом трижды дунуть и плюнуть — и авось избавим Мартоса от работы по заказу нижегородцев над памятником Муравьеву. Все пойдет хорошо! Разве не подойдет ли на помощь Беседе главная армия? О, тогда... я вижу...

Мяется сонм — но вдруг, трикратно
Прокашлявши, встает Шишков;
Шишков, от чьих речей зевают,
Кого читатели не знают,
Но знает бедный Глазунов;
Плохой он критик, *Краснослов*.
Писал о здравом вкусе, слогe,

* Черт возьми! Оставьте его в покое; на что вам сдлся, сударь, нос церковного старосты? (*фр.*)

Но вкуса никогда не знал;
И правил языка в Прологе,
В Минеи-Четиих искал.
Встает — в молчании глубоко
Благоговеют все пред ним;
Вращая всюду мрачным оком,
В церковном слоге и высоком,
Гласит к Сочленам он своим:
«Воспряньте, други, от покоя!
Настал бо лютой распри час!
На то ль сию Беседу строя,
В едину купу собрал вас;
На то ль я труд подъял кровавый,
Искав от чтений наших славы,
Да юноши ничтожат нас!» и проч.

Шутки в сторону: теперь не с кем почти и сражаться. Раздор в стане Аграмантовом; лазутчики доносят, что Шишков, сделавшись Президентом Академии, хочет соединить с нею Беседу; а Державину это очень неприятно. Кстати, о нашем Горации. Вам понравился анекдот мой, но я не все досказал вам. Он вздумал формально рассердиться на меня и даже жаловаться за то, что я кой-кому показывал его замечания на возвращенной мне книжке. *Quantum mutatus ab illo!* *

Напрасно Вы, любезнейший князь Петр Андреевич, возлагаете на меня двойной грех: будет и того, что я Вам скучаю своими письмами, — за что же надоедать ими и вашей княгине? Покорнейше прошу засвидетельствовать ей усерднейшее мое почтение и поздравить с наступающим Новым годом, с которым и Вас также поздравляю. Сделайте милость, напомните обо мне Екатерине Андреевне и Николаю Михайловичу; я сам еще не довольно нагл, чтобы писать к нему, но крайне желаю его видеть. Он начал было со мною в деревне важный для невежества моего разговор о Славенском языке; но скорой отъезд мой из Москвы, а потом проклятые французы помешали концу.

Прощайте, любезнейший вождь и сподвижник; позвольте мне отложить в сторону все церемонии и братски обнять Вас.

P. S. Посылаю вам стихи Пушкина и еще, чтобы чем-нибудь наградить Вас за *Приказ старосте*, прекрасные стихи милого нашего Батюшкова в альбом гр. Салтыковой. Грамматин не удостоил меня присылкою своего одопения, но я постараюсь доставить его и пришлю к вам. *Vale.*

* Как он изменился по сравнению с прежним (*лат.*).

18 января 1814. *⟨Муратово⟩.*

Очень рад случаю писать к вам и сказать, что я люблю вас по-прежнему и читаю стихи ваши с самым большим удовольствием. Пишите, пишите, любезный к<нязь> Петр Андреевич! и не сомневайтесь в успехе: похвала Жуковского (который, как недотрога, морщится от малейшей шероховатости, темноты и прозаизма) в этом вам порукою.

Я боюсь, чтоб вы, узнав о моем приезде к Жук<овском>, не приревновали меня к нему: это может нагнать на вас тоску, грусть, скорбь, печаль и горесть. Знаете ли, что мы придумали средство поправить все это? И средство распрекрасное и распрейственное. Получа наше письмо, возьмите подорожную, сядьте в сани — и велите везти себя в Орел: вы упадете прямо в открытые объятия своих приятелей. Не бойтесь холода; душа Жук<овского> горяча как печка; я сам подле него отогрелся. Приезжайте, приезжайте, вы увидите, что, несмотря на бесслесменный постой любви, для вас оставлено самое почетное место в сердце Жуковского — и

Воейкова.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

20 февраля 1814 г. *Муратово.*

...Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок: Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев, Тургенев должны быть под одним знаменем: простоты и здравого вкуса. Забыл важного и весьма важного человека: Дашкова. Обними его за меня по-братски. Министрами просвещения в нашей республике пусть будут Карамзин и Дмитриев, а папою нашим Филарет. Мы с тобою будем трудиться там, в Суринамском уголке, и верно, верно отдадим со временем святой долг отечеству; остальные на открытой сцене света будут нашими ободрителями, сотрудниками и судиями. Их мнение будет и наградю нашею, и нашим законом.

О прочих здесь останемся беспечны!

Брат, брат! вообрази нашу Суринамскую жизнь, вообрази наш тесный союз, наше спокойствие, основанное на душевной тишине и озаренное душевными радостями, вообрази труд постоянный и полезный, не рассеянный

светским шумом, но длимый и награждаемый в тесном круге самыми лучшими людьми; вообрази, что у нас, сверх того, будут и верные друзья, ободрители и сообщники, Тургенев, Уваров, Кавелин, хотя и вдали, но все наши; вообрази, что мы будем иметь все наслаждения чести, без малейших ее невыгод, вообрази, что мы трудимся вместе, вместе располагаем, утверждаем свое счастье, служим друг другу подпорою и в горе. Сообрази все это и благодари Провидение, которое внушило тебе мысль посетить Жуковского.

Д. В. ДАШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

СПб. 24-го апреля 1814.

Вы сердитесь на меня, любезнейший князь Петр Андреевич, и, признаюсь чистосердечно, имеете полное право бранить меня как непростительного и несносного ленивца. Я не отвечал Вам на последнее дружеское письмо Ваше, и Вы с Пушкиным, верно уж, больше месяца почитаете меня мертвым и схороненным при рукоплесканиях всех Беседчиков. Если Вы думали так, то ошиблись немногим: с конца Страстной недели я опять занемог простудною лихорадкою и теперь едва оправляюсь. Спешу воспользоваться своим выздоровлением, чтобы писать к Вам и покорно просить прощения: смилуйтесь хотя ради побед наших, ради того, что русские в Париже. Это путешествие будет в глазах потомства славнее нежели Астольфово в луну; хорошо бы только, если бы наши привезли оттуда подобно сему рыцарю здравый рассудок многих из соотечественников своих, заключенный не в маленьких скляночках, но в *огромных бутылях*, как Шампанское вино графа Хвостова.

По крайней мере я не забыл еще прежде болезни своей поблагодарить милого *приятеля* Вашего за прекрасные его куплеты. Он настоящий бич на невежд и дураков всякого звания. Мы все восхищаемся его остроумием и, читая наизусть стихи его даже Героям его песней — за исключением только для каждого куплетов к нему относящихся, — благословляем любезного сподвижника за услугу, оказанную им правой стороне и рассудку. Нет ли еще чего нового у приятелей Ваших, любезнейший князь? *L'appétit vient en mangeant* *. Не за-

* Appetit приходит во время еды (*фр.*).

будьте нас, если они вздумают опять писать приказы к старостам или встречать новорожденных. Право, мы хотя и живем в столице варварства и безвкусыя, однако ж не совсем недостойны подарков Ваших. Утешайте нас ими: если Вы уже непременно решились обмануть нас в приятнейшем ожидании обнять Вас в Петербурге. Или Вы побоялись от нас заразиться? Напротив, Вы и нас очистили бы от всякой скверны, и может быть, примирили бы словесников наших с здравым смыслом, с которым они, кажется, давно в ссоре. Но Вы не хотели оказать нам сего благодеяния; Бог с Вами, только, ради Феба, не присылайте к нам вместо себя Измайлова: его «Вестник», право, хуже Каченовского, хуже и «Сына Отечества» — а это не безделица. Хорошо Вам, что его не читаете, как и объявили самому Издателю в отеческом Вашем к нему увещании, но каково же нам, которые по крайней мере принимаемся на каждый номер! Несчастный журнал! он точно попал из Харибды в Сциллу. Карамзин роди П. Сумарокова, Сумароков же роди Жуковского. Жуковский роди Каченовского, сей же роди Измайлова — и, кроме родоначальника и его внука, кто из сего поколения не старался перецеголять других журналистов в искусстве усыплять своих читателей?

Наконец я удостоился получить от нашего Милорда вдруг четыре письма, два от марта от фельдъегерей, и два старинные от ноября и декабря, пролежавшие все это время на почте. Переписка наша с ним довольно верна, только зато очень, очень беспорядочна. Кажется что он еще не получил Вашего пакета, но услышав от меня об нем, поспешил заранее благодарить Вас — и вот Вам собственноручная грамота сего цвета, сметаны и образца Дипломатов, или, как говорил Ваш покойник Батонди, *de se furet diplomatique* *. Он после своего путешествия в Шотландию что-то возгордился и не удостоил меня даже описанием дорожных своих приключений...

Зная, что и наш Герой, и товарищ его Полетика не могли иметь слишком туго набитых кошельков, я уверен, что они путешествие свое совершили *coach or wagon* **, может быть еще сидя на империале, — и какое богатое поле для сочинения романа! Смешные приключения в каждом трактире, полдюжины встречей в

* дипломатический пролаза (*фр.*).

** в карете или повозке (*англ.*).

highway open *, две или три совсем посторонние повести, вклеенные в середину романа: вот сколько материалов на два толстые тома. Шаликова путешествия гораздо простее, однако же сколько времени занимал он ими двух или трех своих читателей! — О другом нашем странствующем голубке мы ничего не знаем с декабря. Генерал его очень отличился под Монмартром, Батюшков, верно, был с ним, и если только небо сохранило его, то он без всякого сомнения получил Георгия. Все хорошо, только бы он скорее к нам возвратился.

Прощайте, любезнейший Князь, будьте здоровы и веселее меня, смейтесь над дураками и тузите их по-прежнему — смех всего здоровее — но не забывайте утешать меня Вашими письмами и произведениями. Княгине Вашей и Николаю Михайловичу покорно прошу засвидетельствовать искреннее мое почтение.

Преданнейший
Вам навсегда *Дашков*.

К. Н. БАТЮШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

17 мая 1814. Париж.

Милый, добрый, любезный друг, ты имеешь право сердиться на меня за мое молчание; я имею маленькое право, но простим великодушно друг другу лень и беззаботливость нашу. Дай себя обнять... и все забыто. По крайней мере я с моей стороны с удовольствием живейшим беру перо, чтоб напомнить о себе. И виноват ли я в самом деле? С тех пор, как оставил Петербург, и еще более с тех пор, как мы переступили за Рейн, ни одного дня истинно покойного не имел. Беспрестанные марши, биваки, сражения, ретирады, усталость душевная и телесная, одним словом, вечное беспокойство: вот моя история. Заметь однако же, что при всяком отдыхе я думал о тебе и о России. Нет, милый мой Вяземский, тесно связана жизнь наша, слишком тесно, чтоб когда-либо мы могли забыть друг друга. Вот мое извинение: твое я выслушаю в Москве или на берегах Невы, где Богу угодно будет назначить нам свидание, — столь желанное мною!

Ни слова теперь не скажу о Париже. Два месяца я живу здесь в бесперывном шуме и движении. Насилу

* в пространствах больших дорог (*англ.*).

и теперь отдохнул во время моей болезни, которая меня перед отъездом неделю продержала в постели. Северин меня часто посещал. Он сегодня отправился в Лондон, куда и я намерен ехать, если что важное не воспрепятствует. Северин добрый, любезный молодой человек, я его еще более здесь полюбил. С ним-то мы часто беседовали о тебе и часто вспоминали старину, Москву, Жуковского и все, что любило и любит сердце.

Теперь, разбирая бумаги, я нахожу записки мои; когда-нибудь мы их переберем вместе, они тебе приписаны. Вот доказательство, что я тебя помнил и посреди шума военного. Сожалею от всей души, что ничего не успел написать о Париже. Здесь что день, то эпоха. Но возможно ли было сообразить политические происшествия, которые теснились одно за другим? Можно ли было замечать мимоходом то, что принадлежит истории, переходить от Брюнета к Наполеону, ибо и тот и другой меня интересовали... одинаково, к стыду моему? Прибавь к этому беспокойнейшую жизнь офицера в хаосе парижском, и ты, конечно, извинишь мою лень. Но еще раз, и в последний, я с удовольствием воображаю себе минуту нашего соединения: мы выпишем Жуковского, Северина, возобновим старинный круг знакомых и на пепле Москвы, в объятиях дружбы, найдем еще сладостную минуту, будем рассказывать друг другу наши подвиги, наши горести и, притаясь где-нибудь в углу, *мы будем чашу ликовую* передавать из рук в руки... Вот мои желания, мои надежды! Я забыл, что океан разделяет нас — и что, может быть, не ранее августа я могу возвратиться в Петербург. Эта мысль меня печалит, отдых мне нужен, а более всего твое утешительное дружество.

Прости меня, милый друг, что я не буду говорить с тобой ни о Пантеоне, ни о музее: ты знаешь все редкости Парижа наперечет; ты знаешь подвиги наши по газетам и по одам г<рафа> Хлыстова. С тебя этого довольно. Я в Париж въехал с восхищением и оставляю его с радостью. Еще раз обнимаю тебя от всей души. Напомни обо мне княгине; напомни обо мне почтенному семейству Карамзиных; поздравь Николая Михайловича с нашими победами и с новыми материалами для Истории. Я желаю, чтоб Бог продлил ему жизни для описания нынешних происшествий; двойная выгода: у нас будет прекрасная полная История, и Николай Михайлович будет жить более века. Столько материалов!

Прости, будь счастлив и помни Батюшкова.

Это письмо отдай Пушкиной; обними за меня Василья Львовича, скажи мой душевный поклон его сестрице и Солнцеву и скажи Алексею Михайловичу, что он худой пророк; он это теперь и сам чувствует. Nul n'est prophète dans son pays *.

Д. В. ДАШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

25 июня 1814 г. СПб.

Я столько у Вас в долгу, любезнейший князь Петр Андреевич, что, право, не знаю, как и выplatиться. Вы показываете прекраснейший пример, как должно обходиться и с неисправными своими друзьями. Вы осыпаете меня самыми приятными письмами и подарками, а я между тем, подобно великому Тургеневу, отвечаю вам — *благородным молчанием*. Не думайте, однако ж, чтоб это было следствием лени. Жестокая и продолжительная болезнь так меня изнурила, так высушила мозг мой, что я почти не в состоянии сообразить двух мыслей и столько же стал беден ими, как бы Глинка или Шаликов. Вы будете иметь маленькое понятие о плачевном моем состоянии, когда скажу вам, что и глупости милых *сословесников* наших едва могут рассмешить меня.

Примите искреннейшую благодарность мою на все ваши известия о Московском празднике, а особливо за сообщение прекрасных стихов Николая Михайловича и ваших. Надпись к бюсту и польской доставили мне величайшее удовольствие; и я, читая их, чувствовал, что вкус не совсем еще оставил меня в дремучем лесу здешней литературы — и я был некогда в Аркадии! Более всего, верно, польстит Вашему самолюбию, что сии две подлинно прекрасные пиесы возжгли дух ревности и зависти в сердцах Беседчиков, а особливо Шаховского. Критические замечания его достойны его таланта. Например, он находит, что в надписи 1-й стих есть вставочный и прибран единственно для рифмы к 3-му: какова его пронизательность! Стихи Ник. Мих. не имели также счастья понравиться сему грозному Аристарху; он даже нападает на прекрасную и трогательную строфу: *Отец, пусть бури мир волнуют!* и пр. Как после этого дивиться, что я так часто страдаю желчною лихорадкой! Зато Шаховскому с братией чрезвычайно нравятся псалмопения здешних рифмачей и прозаиков — так и должно.

* Нет пророка в своем отечестве (*фр.*).

Qui Bavium non odit, amet tuos carmina, Mevi *.

Не знаю, прислал ли Вам друг наш Воейков новое свое послание к Вашему покорному слуге. Правда, он начинает с меня и меня первого дурачит; но я прощаю ему от всего сердца за добрые батожья, которыми наказал он многих — к несчастью, не всех — клеветов Шаховского. Явление Славенофила бесподобно. Стихи очень хороши; а притом очень живо и верно изображают отличительные черты каждого лица. Если у Вас нет сего послания, то я пришлю его к вам при первом удобном случае. Смех всего полезнее на свете и удивительно как помогает сварению желудка: счастлив, кто не лишен способности смеяться!

О странствующих рыцарях наших давно не имею никакого известия. Последнее письмо от Северина было из Парижа, куда он с Послом своим выехали навстречу Государю; теперь они, верно, опять в Лондоне. От Батюшкова не было сюда ни одной грамотки со времени перехода за Рейн — вот уже ровно полгода. Один из его приятелей писал к Гнедичу вскоре по занятии Парижа, что Батюшков там, здоров и весел, и что через три дня отправляется оттуда в Петербург. Но вот и ополчение наше возвратилось, все волонтеры и многие из армейских также, мы видели их вшествие.

Пылью панцири покрыты,
Шлемы лаврами обвиты...
Где ж, Людмила, твой герой?

А Людмила ждет, пождет... и милый наш Попинька пропал без вести, как жених ее. Может быть, не залетел ли он опять по дороге в Ригу, к своей немке, на старое пепелище? Как Вы думаете?

Письмо о Московском празднике тотчас было мною послано к издателю «Сына Отечества» и, по уведомлению его, уже напечатано. Каково напечатано, ради Бога у меня не спрашивайте: со времени проклятого письма Муравьева о словесности, от которого точно у меня желчь разлилась в первый раз, я не беру в руки его *Пасынка*. Знаю только, что Издатель унес у меня почти насильно присланные вами стихи Ваши и Пушкина и хотел поместить их в своем журнале. Вы будете меня

* Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни... (лат.; перевод С. Шервинского.)

бранить за это, и поделом! Но право, я в то время был болен, слаб и никак не мог от него отбожиться, тем более что стихи сии уже напечатаны.

Прощайте, любезнейший князь, будьте здоровее меня и не забудьте обещания Вашего захватить на часок в Петербург.

Весь ваш навсегда

Дашков.

Княгине вашей, Катерине Андреевне и Николаю Михайловичу покорно прошу засвидетельствовать усерднейшее мое почтение.

Сейчас Гнедич сказывал мне, что Батюшков в Лондоне: он получил через одного английского купца его руки расписку, по которой должен заплатить за него деньги. Но впрочем, ни к кому ни полслова. — Это только на Батюшкова и похоже! — Не зная, где теперь Пушкин, покорно прошу Вас о доставлении ему моего письма.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

Сентябрь 1814 г., Долбино.

...Батюшков, что приехал в Петербург, то уж и дал о себе знать. Письмо о Муравьеве прекрасное; но зачем же он меня бранит? Не я ли к нему писал, чтобы у Ивана Матвеевича выпросить мне подробности жизни Муравьева? Не я ли послал ему переписанный экземпляр стихов Муравьева и не я ли на все это не получил никакого ответа? Обними его за меня. Благодарение Музам, которые сохранили своего прелестного друга! Его Скандинавский замок прелестен. Он поднимает меня на поэму. Эта мысль уже давно в голове моей; теперь будет зреть и созреет. *Вы часто будете обо мне слышать. Между нами:* я хочу писать Послание к Государю. Принято ли это будет, и не поздно ли? Оно давно было бы и написано; но... Музе надобен покой! А у меня его не было.

Правда ли, что Блудов возвратился? Если правда, напомни ему обо мне. Скажи ему, что я тот же — лентяй писать, но друг ему по смерти или лучше на жизнь и смерть. Обнимаю тебя.

Нет ли у тебя каких-нибудь пособий для «Владимира»? Древностей, которые бы дали понятия о том веке, старинных русских повестей? Посоветуйся об этом с Дашковым и С(ергеем) Семеновичем. Кавелина обнимаю.

10 ноября (1814 г. Долбино.)

...Скажу просто: друг, нам надобно писать много и так врезать свое имя в тот монумент, который поставят Александрову веку потомки. *Нам*: что значит нам? Ты, я да Батюшков — должны составить союз на жизнь и смерть. Поэзия — цель и средство; славе — почтение; похвалу болтунов — к черту; дружбе — все! Я написал много; напишу еще более; все пришлю, когда кончу; ты пиши, присылай, люби...

К. Н. БАТЮШКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

29 декабря 1814. Петербург.

Тургенев, истинный твой друг и ревнитель твоей славы, прочитал мне твое послание и поручил сделать несколько замечаний. Время не позволило разобрать подробно. Я заметил слабые места, которыми и ты, конечно, будешь недоволен. Я исполнил мой долг; теперь заклинаю тебя твоей собственной славой не лениться исправить их и не иначе приступать к печати. Блудов и Гнедич заметили еще несколько строк, требуй от Тургенева замечаний, исправь и печатай.

Если б я мог завидовать тебе, то вот прелестный случай! Так, мой милый, добрый мечтатель! Счастливы мы, что имеем такое дарование в наше время, а мы, твои приятели, еще счастливее: это дарование *наше*, а ты наш — ты любишь нас! Твое новое произведение прелестно. В нем все благородно, и мысли и чувства. Оно исполнено жизни и поэзии, одним словом, ты наравне с предметом, и с каким предметом! И откуда ты почерпнул столько прекрасных, новых и живописных выражений? Счастливец! Чародей! Прими же чувства моей благодарности за несколько сладостных минут в жизни моей: читать твои стихи — значит наслаждаться — а в последнем ты превзошел себя. Теперь победи себя, лень, гнусную лень и раз в жизни сделай доброе дело: отвечай на прежнее мое письмо и скажи, что ты учинил с сочинениями Муравьева?

Батюшков.

«ЛИПЕЦКИЙ ПОТОП»

А. А. ШАХОВСКОЙ

УРОК КОКЕТКАМ, ИЛИ ЛИПЕЦКИЕ ВОДЫ

〈Отрывки〉

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 6

Графиня, Саша и Фиалкин (вдыхая издали).

Графиня

Ушли; ах, как я рада!

Саша

Поэт не отвздыхал.

Графиня

Отправь его скорей!

Саша

(Фиалкину)

Придите к нам уже с гитарою своей
Попозже.

Фиалкин

Внушена мне Гением баллада,
И посвятить хочу графине сердца плод.

(Графине)

Примите...

Графиня

Что, сударь?

Фиалкин

Творенье небольшое;
Но есть в нем кое-что — я выбрал модный род
Баллад.

Графиня

Я их люблю.

Саша

А прозвище какое?

Фиалкин

Омир или Омер. — Еще не решено,
Как должно звать его, и для того я *или*
Поставил, чтоб меня журналы не бранили.

Саша

Да дело в чем? а *ме* иль *ми* — нам все равно.

Фиалкин

Поэт бессмертный, кем была воспета Троя,
Лишенный глаз, любви талант свой посвятил.

Графиня

Гомер влюбился!

Фиалкин

Ах! кто пел и не любил?
Ахилла славил он, чтоб улыбнулась Хлоя.

Графиня

Вот это новое!

Фиалкин

Не думаете ль вы,
Чтобы поэтом быть, довольно дарованья,
Воображения, в словесности познания,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочего? — Ах нет! нет, этого все мало.

Графиня

И даже прочего? Что ж нужно для него?

Ф и а л к и н

В нем сердце быть должно, которо б изливало
Слезу горячую в грудь друга своего;
Чтобы он чувствовал, чтоб чувствовал, как бьется
Любовью вещею, чтобы в природе всей
Он видел милую, чтоб жил одною ей.
Чтоб тонкий вкус имел...

С а ш а
(в сторону)

Где тонко, там и рвется.

Ф и а л к и н

Чтоб в скромной хижине вмещал он целый мир,
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселил его одной природы пир,
Чтоб он любил... как я...

Г р а ф и н я

Нам времени осталось
Немного, так прошу...

Ф и а л к и н

Увы! когда б я мог
Баллады пением тот выразить восторг,
Которым вспламенен Омер, певец всесветный.

Г р а ф и н я
(в сторону)

В пеньё сноснее вздор.

(Ему)

Пропойте.

Ф и а л к и н

(настраивая гитару)
Я готов.

БАЛЛАДА

Пел бессмертный славну Трою,
Пел родных Приама чад;
Пел Ахилла, жадна к бою,
Пел Элены милый взгляд.
Но чувствительность слезами

Излила глаза певца.
Ах! мы любим не глазами,
Для любви у нас сердца;
И бессмертный под сетями
У бессмертного слепца.

Я мысли освежить хотел игрою слов:
Поймал под сеть свою Амур, слепец бессмертный,
Бессмертного слепца Омера.

Графиня
(в сторону)

Что за вздор!

Саша

Слепец слепца ведет, прекрасно!

Фиалкин

Ах! ваш взор

Решит судьбу слепца.

Графиня

Он очень мил.

Саша

А сколько

Куплетов всех?

Фиалкин

Всего их сорок восемь.

Саша

Только!

Фиалкин

Не больше.

Графиня

(Саше)

Ах, спаси!

Саша

(Фиалкину)

Безделица, да нас
Ждет туалет, а вам не время ль на Парнас?

Фиалкин

Баллада в чтении так милой быть не может.

Саша

И одеваться нам баллада не поможет!

Графиня

(Саше)

Как неучтива ты.

Фиалкин

(графине)

Эстетики в ней нет.

Графиня

Чтоб наказать ее — не пойте ж.

Фиалкин

Весь эффект

Пропал без музыки.

Графиня

Могу ль я быть в надежде,
Что нынче к вечеру услышу...

Фиалкин

А не прежде?

Графиня

Не прежде; но прошу, скажите мне пока
Сюжет.

Фиалкин

Омер сидит в лесу у ручейка
И к Хлое страсть поет...

Саша

Покуда перестанет?

Фиалкин

Нет, ошибаетесь, покуда гром не грянет,
Покуда, бурями чреватых, небеса
Не хлынут океан на землю...

С а ш а

Ах, ужасно!
Как в голову придут такие чудеса?

Ф и а л к и н

Я почерпнул из глаз прелестных...

Г р а ф и н я

Вот прекрасно!
Все эти бури вы в моих глазах нашли?

Ф и а л к и н

Что дивно в небеси! что мило на земли!
Величие богов, наивность, ум чудесный
Усредоточили вы всё в душе небесной!

С а ш а

Постойте-ка, сударь, да этот комплимент
Для молодой княжны был, кажется, пропет?

Г р а ф и н я

Ага, сударь! так вы...

Ф и а л к и н

Я не стыжусь нимало
Признаться. Оленька здесь прелестью своей
Пленяла, как луна, но солнце воссияло —
И свет луны погас.

Г р а ф и н я

Не может быть лестней!
Да вы всем женщинам поете точно то же.

Ф и а л к и н

Ах, вы единственны! что в мире с вами схоже?

С а ш а

А барышня моя?

Ф и а л к и н

Конечно, хороша:
Все хвалят в ней глаза.

Графиня
(в сторону)

Да где же в них душа?
Как фонари без свеч.

Саша

Лицо ее прекрасно,
Твердили вы в стихах.

Графиня

Лицо бело и красно,
И точно херувим на вербе восковой.

Саша

Что ж, отпретесь ли?

Фиалкин

Вовек не отпруся
От тех моих стихов, что были всей Москвой
С восторгом читаны. На вас самих пошлюся,
Графиня, что они...

Графиня
(с досадою)

Я не читала их.

Фиалкин

Угодно ль, я прочту.

Графиня
(с досадою)

Вы, кажется, забыли,
Что здесь обедают.

(В сторону)

Какой несносный враль!
Стихи преплоские.

(Ему)

Мне, право, очень жаль,
Что не могу теперь...

Фиалкин

Дослушайте...

Графиня

Прощайте.

Фиалкин

В минуту кончу все.

Графиня
(Саше)

С тобой поговорить
Хотела я, но мне поэта с рук не сжить.
(Идет к дому.)

Фиалкин
(бежа за нею)

Баллада вам...

Графиня
Ее вы Оленьке читайте.
(Уходит.)

Фиалкин
Бежит... и, ах! за что прогневаться могла,
Не понимаю я.

Саша
А, кажется, понятно,
Что прелестям чужим воспетая хвала
Для женщин никогда не может быть приятна.

Фиалкин
Что слышу? я погиб! Да как же не прочесть
Прекрасные стихи, что делают мне честь.
И кто бы вытерпел?..

Саша
Не плачьте бесполезно,
Я горю вашему надеюсь помочь;
Попозже, как совсем глухая будет ночь,
Придите вы сюда с гитарою.

Фиалкин
Прелестно!

Саша
И, к счастью, завтра день рождения.

Фиалкин

Чьего?

С а ш а

Графини.

Ф и а л к и н

Райска весть! В минуту для него
Поспеет новая баллада.

С а ш а

Ну же с богом,
Проворней на Парнас.

Ф и а л к и н

Лечу!

С а ш а

Лети скорей!
Да ночью прилетай и пой как соловей.

Ф и а л к и н

Я трону гордую души моей восторгом.

ДЕЙСТВИЕ V

ЯВЛЕНИЕ 2

Семен и Фиалкин (в темном плаще, с гитарою,
робко крадется).

Семен
(идет к Фиалкину)

Кто крадется сюда?

Фиалкин
(встретясь с Семеном, вскрикивает)

О страх!

Семен
(испугавшись, отскакивает)
Что случилось? Чего вы испугались?

Ф и а л к и н

Насилу я дышу: ах, вы мне показались
Тем мертвецом, что в гроб невесту...

Семен

Вся беда

От старых мамушек.

Фиалкин

Я мамушек не знаю.

Семен

Так мертвецами где ж напуганы?

Фиалкин

В стихах,
В балладах, ими я свой нежный вкус питаю;
И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу!.. всё страшно в них; но милым всё приятно,
Всё восхитительно! хотя невероятно.

Семен

И в сказках та же гиль: Бывало, целый день
Я слушать был готов о шестиглавом змее,
О ведьмах киевских, Полкане и Кашее;
Зато всю ночь дрожу!..

Фиалкин

Я вздрагиваю сам
Впросонках иногда. — Но то известно ль вам,
Что серенаду дать мне Саша приказала?

Семен

Да, страхом вышибли мы всё из головы.
От Саши вам приказ, чтоб спрятались вы
И ждали от нее иль от меня сигнала.

Фиалкин

Да где ж мне спрятаться?

Семен

В лесу у ручейка;
А чтобы вам меня смелее дожидаться,
Так пойте. Мертвецы насмерть стихов боятся.

Фиалкин

Прекрасно вздумано: среди темного леса
Я буду верить мои страданья ночи.
Прощайте!

Семен
Добрый путь.

Фиалкин
(возвращаясь)

Найдете ль вы?

Семен

Найду.

Фиалкин
(возвращаясь)

Могу ль надеяться?

Семен

Надейтесь.

Фиалкин

Я иду.

Семен

Идите.

Фиалкин
(возвращаясь)

Скоро ли?

Семен

Прескоро, — только мочи

Нет с вами толковать.

Фиалкин

Я несколько смущен

Мечтанием; иду...

1815

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. БУЛГАКОВУ

24 сентября 1815 г. Петербург.

...Вчера играли «Липецкие воды» к. Шаховского. Довольно остроуты; но и довольно скучно и сухо. Колкости насчет Балладника Жуковского и Омира — Уварова. Я с ними слушал пьесу, и по выходе из театра один из них сказал:

О чудо из чудес природы:
Он сотворил сухие воды!

(для к. Вяземского).

Д. В. ДАШКОВ

ВЕНЧАНИЕ ШУТОВСКОГО

ГИМН

На голос: De Bechamel.

Вчера, в торжественном венчанье
Творца Затей,
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза Баллад!
В Беседе бодрый усыпитель,
Хлыстову брат.
И враг талантов записной.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

Всей братьи дал свои он шубы —
И все дрожат!
Его величие — не трубы,
Свистки гласят.
Он мил и телом, и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

И вот: под сенью обветшалою
Старик седой!
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной;
За ним поэтов бледный строй.

Хвала, хвала тебе, Старик седой!
О дед седой,
О дед седой!

И вдруг раздался за дверями
И скрип и вой!
Идут Сотрудники с гудками
И сам Герой!
Поет он Гимн венчальный свой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

«Я князь, поэт, директор, воин;
Везде велик!
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

Писал я на друзей пасквили
И на отца:
Поэмы, тощи водевили:
Им нет конца!
И воды я пишу водой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

Еврей мой сочинил *Деббору*,
А я списал.
В моих твореньях много сору:
Кто ж их читал!
Доволен, право, я собой...»
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

Потом к Макару и к Ежовой
Герой бежит:
«Вот орден мой — веночек лавровый:
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!..»

Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

1815

ПИСЬМО К НОВЕЙШЕМУ АРИСТОФАНУ

Позвольте, М. Г., безвестному, но усерднейшему почитателю великих ваших дарований принести вам жертву сердечного удивления и хвалы, жертву, недостойную вас, но искреннюю. Позвольте мне быть предвестником потомства, коему посвящены бессмертные труды ваши: ибо суетный глас современных справедливо презираем вами. Может ли истинный Гений дорожить им! Трудясь для поучения, для удовольствия нашего, вы совершаете блистательный путь свой, несмотря на тщетные усилия противников. Терпение ваше и бдительность побеждают все препятствия, уничтожают все ковы и даже предвидят их там, где они не существуют. Пусть недовольные, слишком разборчивые зрители, при первых представлениях драматических творений ваших, наперерыв язвявляют свое негодование: через три дни та же комедия, та же опера являются опять на сцене; и беспримерное постоянство ваше, утомляя врагов, удерживает наконец поле сражения. Пусть молодые насмешники осыпают вас острыми шутками: вы мстите им великодушным, осторожным молчанием; но зато, впоследствии, как чувствительно умеете наказать их дерзость в лице друзей их! Оставьте, М. Г., оставьте безумцев кричать, что сии роковые жертвы мщения вашего никогда не оскорбляли вас; что скромность их, к чести нашего времени, равняется отличным их дарованиям; наконец — стыжусь повторять сие — что зависть, грызущая сердце ваше, была главнейшею причиною вражды столь внезапной. Зависть! может ли сие слово вам приличествовать! Подобно Вольтеру, который вам одним, вашему участию в переводе его трагедий обязан истинною своею славою, подобно ему вы чуждаетесь низких страстей человечества.

De qui dans l'univers peut-il être jaloux! *

* К кому возревновать он может во вселенной! (*фр.*)

Так! непоколебимая справедливость и усердие к Русской Словесности, вами обогащенной и украшенной, управляют всеми поступками вашими. Не из мщениа казните вы дерзнувших оскорбить вас, даже до четвертого колена друзей их; но из самых похвальных, самых чистых побуждений. Им жертвуете вы всем на свете: и собственными чувствами, и всеобщим уважением, и даже иногда гласом истины. — «Честный человек есть благороднейшее творение Создателя», — сказал Попе; но вы вознеслись превыше обыкновенных правил. Слабый, бесхарактерный Автор не решился бы пользоваться всеми дозволенными и непозволенными выгодами, нападать на безоружного там, где почтение к Верховной Власти и благопристойность не позволяют защищаться; не решился бы обратиться училище нравственности в школу злословия и рассыпать в своем творении если не Аттическую соль Аристофана, то, по крайней мере, его личности и злобу. Так говорят враги ваши: они не знают, что все позволено счастливым, изобретательным умам, коих цель, подобно вашей, равно полезна и возвышенна. Законы взаимного уважения и учтивости, дружба, сила родства — все должно пред вами исчезнуть, когда вы к ней стремитесь; любовь сыновняя бессильна удержать вас. — Век наш есть век железный: строгие ценители нравов и обычаев, просвещенные судии словесности нам необходимы. Вы, с благородною ревностью, приняли на себя все сии обязанности, вы решились один заменить нам Катонов и Ювеналов, коими Древний Рим гордился. Подвиг для всех других дерзкий и безрассудный! но вы достойны его... и прозорливое беспристрастие, донне показанное вами, уверяет нас в блистательном успехе. Сколько великих дел вы уже совершили! от скольких заблуждений вы нас избавили! Являлись молодые люди, в которых мнимые знатоки примечали дарования и склонность к драматической Поэзии: но, когда сии неопытные не слепо предавались руководству и видам вашим, то вы — предвидя без сомнения, что их успехи послужат ко вреду нашего театра — могущественною рукою останавливали их среди поприща. Явился Писатель, коего образованию природа и искусство равно содействовали, который заслужил бессмертное имя в летописях русского театра и разительными красотоми своих трагедий заставил забыть свои недостатки. Так мы судили: вы одни, М. Г., открыли грубую ошибку нашу и всеми силами стремились сокрушить несправедливую

славу творца «Поликсены» и «Димитрия». Приговор ваш будет, конечно, одобрен потомством, восхищенным вами; но упрямые современники не умеют ценить вас. Они вменяют вам в преступление все неудовольствия, все обиды, удалившие от нас любимца Мельпомены. Ах! вы ли виною, что небольшие огорчения (может быть, с самым лучшим намерением причиненные) раздражили глубокую чувствительность, неразлучную с гением, и погубили его. О несправедливость! о суета славы!

Оставим сии печальные воспоминания: они должны изгладиться из нашей памяти при первом слове о творениях ваших. В сих чудесных монументах, воздвигнутых вами, все прекрасно, все достойно подражания: и слог, и мысли, и характеры, в разнообразии которых превзошли вы самого отца Поэзии, бессмертного слепца Омира. Омира или Омера — что нужды! Можно ли заниматься пустыми суждениями об его имени, об его поэмах, когда говорим об вас! Если вы когда-нибудь удостоивали бросить один взгляд на его «Илиаду», то видели в ней молниеносного Зевса, грозящего спустить с высоты Олимпа золотую цепь, объемлющую небеса, землю и море, которую ни смертные, ни Боги перетянуть не в силах. Так и вы, М. Г., торжествуя над читателями, испустили огромную, бесконечную цепь, составленную из творений ваших, и, кажется, говорите нам: «Кто превозможет непреодолимую тяжесть ее? кто сотворит ей подобную?..» Последнее звено сей цепи, последнее произведение вашего гения изумляет рассудок. Оно объемлет всю Природу, но Природу *изящную*, примененную к частным видам, к соображениям вашим. Там все имеет свой ход особый, чрезвычайный; там все влечется к предназначенной вами цели, действуя противно естеству своему: сама любовь, пылкая, красноречивая любовь безмолвствует в неподвижных любовниках ваших! — То же волшебное искусство является во всех ваших изображениях. Нет нужды, если они иногда не сходны с теми лицами, которых в виду имели вы. Аристофан был вашим путеводителем. Можно ли, читая *Облака* его, узнать божественного Сократа в безумном Софисте, висящем в корзинке? можно ли и в ваших стихотворцах, столь остроумно представленных посмешищем черни, узнать благородного, возвышенного духом Поэта? Но Аристофан заменил несходство своего изображения, назвав по имени Сократа; а вы, М. Г., для той же цели удовольствовались выпискою немногих стихов из сочинений, не-

навидимых вами. И сколько раз прибегнули вы к сему средству, украшая себя подобными выписками, как трофеями, у врагов похищенными! сколь удачно заставили свою несравненную Селимену повторять слишком известные стихи известного недоброжелателя вашего; и, в первый раз, подражая грубой Природе, извлекли чистый, жизненный воздух из смертоносных для вас растений!

Пусть другие возвышают вашу славу подробным разбором бессмертного творения вашего; пусть удивляются они совершенству плана, скорости и правильности хода, блистательной развязке, а всего более неподражаемым шуткам! Я во всем согласен с ними: но вы для меня еще драгоценнее стихов ваших, и теперь все мысли мои устремлены на грозящие вам опасности. Враги слишком многочисленны... Знаю, знаю, что вы привыкли сражаться с бурями и пренебрегать суждением света; мысль о вашей опытности меня успокаивает. Знаю, что многие остроумцы, нанеши желаемый удар в первом представлении едких комедий своих, потом тщательно и малопомалу выбрасывают из оных все, что могло бы навлечь им неудовольствия. Вы не отвергнете благоразумного их примера; вы помните, что осторожность есть мать безопасности. Когда же подозрительные, своенравные люди будут судить о вашем творении, будут угадывать и оуждать цель и частные виды ваши: поспешите положить предел вредным суждениям их. Признайтесь, что яркие, чудесные краски ваши — особливо в изображениях стихотворцев — собраны с окружающих вас; скажите, что привязанность к милым друзьям водила вашею кистью и невольно изобразила чувства, выражения и самые ужимки их в выдуманных вами лицах. Столь явная истина тотчас восторжествует; свет охотно согласится с вами, успокоится и оставит вас довершать славное ваше поприще. Тогда продолжайте с миром поучать и веселить нас; тогда, не смущаясь никаким страхом, примите достойную награду заслуг ваших — лавровый венец из рук Красоты и Мудрости.

Macte animo, generose puer, sic, itur ad... *astra!* *

1815

* Хвала тебе, благородный отрок, так идут к звездам! (лат.)

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Что на Ж<уковско>го наш Шутовской взбесился?
Ж<уковск>ий трогал ли когда-нибудь его?
А как же? Асмодей в балладах у него,
Так Комик за себя за самого вступился.

17 октября 1815

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК ШУТОВСКОГО,
ПОДНЕСЕННЫЙ ЕМУ РАЗ НАВСЕГДА ЗА МНОГИЕ ПОДВИГИ

1

В комедиях, сатирах Шутовского
Находим мы веселость словаря,
Затейливость месяцеслова
И соль и едкость букваря.

2

Напрасно, Шутовской, ты отдыха не знаешь,
За неудачами от неудач спешишь;
Комедией друзей ты плакать заставляешь,
Трагедией ты зрителя смешишь.

3

Когда затейливым пером
Забавник Шутовской, шутя, соседов ссорил,
Сам не на шутку он, бог весть за что, повздорил
С партером, вкусом и умом.

4

«Коварный», «Новый Стерн» — пигмеи!
Они незрелый плод творца,
Но «Полубарские затей» —
Затей полного глупца.

Напрасно говорят, что грешника черты
 Доносят нам, как он раскаяньем замучен;
 Смотрите, как румян и тучен
 Убийца сироты! *

К переводчику «Китайской сироты»

Вольтер нас трогает «Китайской сиротой»
 И тем весельчаков заслуживает пени;
 Но слезы превратил в забаву Шутовской:
 Он из трагедии удачною рукой
 Китайские поделал тени.

С какую легкостью свободной
 Играешь ты в стихах природой и собой,
 Ты в «Шубах» Шутовской холодный,
 В «Водах» ты Шутовской сухой.

Когда при свисте кресл, партера и райка
 Торжественно сошел со сцены твой «Коварный»,
 Вини себя и впредь готовься не слегка.
 Ты выбрал для себя предмет неблагодарный:
 Тебе ли рисовать коварного портрет!
 Чистосердечен ты, в тебе коварства нет.
 И каждый, кто прочтет твоих трудов собранье
 Или послушает тебя минуты две,
 Увидит, как насквозь: в душе вредить желанье
 И неспособность в голове.

Целительные воды

«Каков ты?» — «Что-то все не спится,
 Хоть пью лекарства по ночам». —
 «Чтоб от бессонницы лечиться,
 Отправься к Липецким водам».

* Объяснимся: Китайской.

«Каков ты?» — «Пламя потаенно
Жжет кровь мою назло врачам».
«Чтоб исцелиться совершенно,
Отправься к Липецким водам».

Сентябрь — ноябрь 1815

ПИСЬМО С ЛИПЕЦКИХ ВОД *

(Сообщенная статья)

Ты спрашиваешь у меня, любезный друг, как показались мне Липецкие воды. Что сказать тебе о них? Воды как воды! И если главным достоинством воды, как и всеми признано, есть совершенное отсутствие вкуса, то Липецкие воды могут спорить о преимуществе со всеми водами в свете. В сентябре месяце произошла в них неожиданная перемена, поразившая всех здешних натуралистов. Воды получили такую усыпительную силу, что стоило только подойти к их источнику, чтобы зевать, дремать и скоро заснуть богатырским сном. Общество нынешним летом было здесь самое скучное, хотя и довольно многочисленное. Ты, может быть, полюбозытствуешь узнать, из кого оно составлялось; спешу предупредить твое требование. Здесь была какая-то Графиня Л ***, которая хотела выдавать себя за особу лучшего общества; сперва добродушные жители и поверили было ей, но узнавши ее короче, увидели в ней скучную болтунью, неудачную подражательницу Селимены Молиера, самозванку-кокетку, записавшуюся в кокетки, вопреки природе, не одарившей ее ни прелестями, ни умом, нужными для успехов в мастерстве, ею избранном; а всякое дело мастера боится, говорит пословица благоразумная, которую не худо напоминать некоторым людям. Был Князь Х ***, творение бездушное, не имеющий собственной мысли, без сомнения не сделавший никогда решительного ответа, и которого легко можно было бы озадачить нечаянно сделанным вопросом: здоровы ли вы? Ему в пару и достойный друг его шатался здесь и какой-то Полковник П ***, которому натолковали, что он волочится за Графинею и влюблен в Княжну О ***,

* Здесь говорится не о наших Липецких, а о немецких Лейпцигских водах. На всякой случай напоминаем, что Лейпциг в старину назывался Липецким и построен, по преданию, Славянами.

приехавшую в Липецк со старою теткою. Простосердечный Полковник на слово поверил доброхотам своим и мыкался от Графини к Княжне, а от Княжны к Графине во все время пребывания своего на водах, не догадался спросить у себя, вподлинно влюблен ли он, и в кого, в Графиню или Княжну? За ним в числе так названных в Липецке *вдыхателей* Графини, которые, кажется, надоели ей не менее, как и нам всем, тащился подагрик Барон В ***, получивший в наследство от предков всю полновесную скуку всех немецких баронов; вертелся шумный повеса У ***, отставной гусар, сокровище, которое надобно было искать у Липецких вод, нестерпимый невежда:

Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком!

без сомнения не переступивший никогда в столицах порога гостиниой, и Ф ***, водяной поэт. Сперва казалось нам, что он дурачился из ума; но нельзя ему было обманывать нас долгое время: вскоре упала личина, и мы угадали в нем глупца откровенного, лицо, схожее с новым Стерном и достойное быть его единоутробным братом. Но все эти угодники скуки ничего перед Графом О ***, напавшим на нас, как снег на голову, терзающим русской язык смешением французских слов, наудачу накиданных, здравый смысл нездравым обо всем суждением и благопристойность забвением приличности и должного уважения к женщинам, позволивши себе осыпать ругательствами Графиню, которая на первый раз отомстила ему припадком обморока, а наконец ночным свиданием. Чтобы довершить сию картину, представь себе горнишную девушку, перенесенную из девичьей в круг благородных людей, но не оставившей в ней ни холопских привычек, ни подлого языка отчизны своей; и как из-за речей ее, украшенных иногда заимствованным искусством, выкрадывался голос ее первобытной природы, так и кисея не могла утаить ее от прозорливых глаз, и из-под платья, ей несродного, выглядывала, ей назло, набойка гораздо более ей приличная. Таким образом иногда на некоторых головах Мидасовы уши пробивают венки лавровые, сплетенные невежеством и принятые бесстыдством. Этой горнишной девушке дано было, однако же, судьбою право вертеть всем обществом; ты можешь после этого судить о его действиях. Сначала смешно, но вскоре тягостно было видеть нам, как эти бездушные куклы, бродящие перед глазами, как тени в чистилище,

ожидая чего-то и ничего не дождавшись, сходились, не зная зачем, и расходились, не зная для чего. Долго обременяли они нас своим присутствием: наяву мучили бесконечными разговорами и нескладными рассказами о ничтожных сплетнях своих; во сне тяготили, как смутные сновидения. Наконец догадавшись, что терпение публики, уже слишком ими испытанное, готово положить оружие перед неутомимою их бодростью, взялись они за ум и, занявши праздных зрителей ночными увеселениями, при благотворном свете плошек исчезли, как домовые при первых лучах восходящего солнца. Не знаю, куда убралась она; но не завидую тем, которых одолжат они своим посещением. К их обществу причислить должно и одно лицо, приехавшее к Липецким водам лечиться от болезни, с которою греков познакомил Зоил и которая, переходя из века в век, из страны в страну, очутилась на берегах Невы и, заразивши многих, впишлась со всею яростью своею в несчастную жертву, иссушила его мозг и волосы, о которых можно было сказать с Эдипом:

Их иссушила грусть и ветер их разнес.

Но опаливши мозг, всего распучила, вливши в него весь свой яд, который вскоре, однако же, превратился в нем в воду. Медики называли его болезнь желчною водяною горячкою. Как одержимый желчною горячкою, видел он все предметы и людей не в настоящей их краске, но в той, которая ему была свойственна, и желтый цвет его лица отсвечивался, так сказать, в глазах его на лицах ему представляющихся; с другой стороны, водяная разлилась не только по его телу, но *размыла* и нравственные его способности, и произведения его ума были более смесью не воды, подлитой желчью, но желчи, разведенной водою. Смешно было видеть, как в роли остроумного наблюдателя, принятой им на водах, следовал он за лицами, описанными тебе, щеголял их умом и так сочел его с своим, что мы часто не знали, над кем смеемся более, над ним или над ними. В пребывании своем в Липецке затеял он маскарад в пользу разоренных книгопродавцев, против которых за себя и за братию свою считал он себя виноватым. В маскараде вышел он в первый раз навьюченный шубами, или, если истине пожертвовать должно благородством выражения, овчинными тулупами, которые он хотел, однако ж, выдать за шубы нарядные и, держа в руках толстую тетрадь,

подошел к изготовленному налою и стал читать вслух стихи, от которых и на нем, несмотря на тулупы, под которыми он сгибался, проступил холодный пот; оставляю тебе догадываться, что сделалось тогда с слушателями. Друзья усердные чтеца сначала шепотом, но видя, что он недействителен, громогласными клятвами стали уверять, что их друг, читая за налоем забавные стихи, живо напоминает песнопевца *налоя*. Беспристрастные слушатели отвечали им признанием, что их друг гораздо более похож на читающего дьячка. Во второй раз наш чудак вышел переодетый Молиером и чванился наемным приветствием своих друзей, не жалеющих ни совести, ни ладошей своих; но затейника скоро узнали по его полубарским затеям, и разительный и единодушный свист, победивший ослабевшие рукоплескания, проводил несчастного из залы: пристрастие невежд может торжествовать некоторое время; но голос постоянного вкуса рано или поздно должен заглушить нескладные восклицания празднующего невежества и неистовые крики зависти, упоенной мгновенными успехами. Проживши несколько времени на Липецких водах, оставляю их, и, надеюсь, навсегда. Скукою, испытанною на них, дорожил бы я, если бы мог почерпнуть в целебных их струях забвение всех дурных стихов, читанных и слышанных мною; всех скучных и вялых Комедий, овладевших сценою нашею, назло Княжнину и Фон-Визину, украсивших у нас младенчество драматического искусства произведениями, обещающими поставить нас наряду с народами, возмужавшими уже в искусстве; всех кудрявых речей, в которых науки увещают нас языком полурусским учиться по-русски; забвение всех од торжественных, всех рассуждений, писанных тайком от рассудка, под надзором обветшалою невежества и поседевшего пристрастия, и вместе с забвением почерпнуть в них и благоразумную твердость, непоколебимую от ударов беснующей зависти, и мудрое хладнокровие, отвечающее молчанием презрения на пустословие, ветром разносимое, шутовских Лилипутов, храбрых у подошвы Парнаса и не внимающих приговору Феба, гласящего им с высоты его через уста любимейшего из своих наперсников:

Гагары! в прозе и в стихах!
Возитесь, как хотите;
Но, право, истинный талант не помрачите;
Удел его — сиять в веках!

А ваш удел, мои бедные гагары, — сказал бы я, если б смел дополнить своими словами речи Бога, переданные нам Его священным жрецом; но погодите немного: может быть, и сами узнаете вы скоро, чего вы по справедливости достойны были. Иным людям дано право еще заживо праздновать свое бессмертие, другим заживо оплакивать свою смерть. Настоящее время было свидетелем разительных побед: политический порядок утвердился на развалинах самовластного неурейства; почему не надеяться нам, что и торжествующий вкус совершит вскоре ваше погребение и, сооружая свой престол на бумажных могилах ваших, не возгласит в услышание и радость вселенны: мир усопшим гагарам! мир усопшим гагарам!

В ожидании сего празднества обнимаю тебя и в заключение долгого моего письма дам тебе короткий и дружеский совет: беги Липецких вод!

1815

М. Н. ЗАГОСКИН

КОМЕДИЯ ПРОТИВ КОМЕДИИ, ИЛИ УРОК ВОЛОКИТАМ

Комедия в трех действиях

⟨Отрывок⟩

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет садовую беседку

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Граф, князь и графиня (играют в бостон); Эрастов, Изборский, княгиня и Софья (сидят полукружием).

Графиня. Вам делать сюр, князь.

Княгиня. Кстати, Изборский, я еще вас и не спрашивала, были ли вы вчерась в театре?

Изборский. Был, сударыня.

Княгиня. Что вы думаете о новой комедии?

Изборский. «Урок кокеткам, или Липецкие воды»?

Граф (*играя в карты*). Спросите лучше, княгиня, стоит ли она того, чтоб об ней что-нибудь думать.

Изборский. Как, граф! ты говоришь...

Граф. Да, я говорю, что она пружалкая пьеса. <...>

Княгиня. Растолкуйте мне, граф, что вы хотели сказать своей жалкой пьесой?

Граф. Мне кажется, это очень понятно, сударыня.

Княгиня. Итак, по вашему мнению, вчерашняя комедия...

Граф. Плоска, суха, несносна, скучна до бесконечности.

Изборский. Ты шутишь, граф.

Граф. Надобно иметь ангельское терпение, чтоб вынести ее до конца.

Изборский. Какие же имеешь ты причины находить ее дурною?

Граф. Тысячу. Во-первых, она от самого начала до последнего явления никуда не годится.

Изборский. Но чем докажешь ты это?

Граф. Чем, чем! Забавный вопрос. Как будто я обязан доказывать! Довольно — я говорю, что она никуда не годится, чего же тебе больше?

Изборский. Это еще не убедительное доказательство.

Граф. Я спал в продолжение всей пьесы.

Изборский. Может быть, перед этим ты играл целую ночь в крепс.

Граф. Я спал не один — все спали.

Изборский. Все! это что-то новое!

Граф. И если хочешь, покажу тебе эпиграмму, в которой то же самое напечатано.

Княгиня. Слышите ли, Изборский, надобно, чтоб вы были слишком упрямы, если не согласитесь теперь, что и вы спали вместе с другими.

Изборский. Я не буду сам отвечать. Графиня! позвольте вас спросить, уснули ли вы вчера в театре?

Графиня. И! батюшка, как можно было уснуть? Все как будто взбеленились: такое было хлопанье, что до сих пор в ушах звенит.

Граф. Это партер, вечная опора господ авторов. Как будто рукоплескание партера что-нибудь значит!

Князь. Это бы ничего, мой милый; но вообрази, до какой степени вкус публики испорчен — я сам видел, что аплодировали не только в креслах, но даже и в ложах!

Изборский. Видишь ли, граф, твоя эпиграмма солгала.

Граф. По крайней мере я не аплодировал ни разу и проснулся только в пятом акте от фейерверка, которым, как кажется, сочинитель хотел поразогреть свою пьесу.

Княгиня. Поразогреть свою пьесу — как вы злы, граф! Поразогреть! Как это остро! Мне досадно, что автор вас не слышит; я уверена, что это *поразогреть* было бы ему совсем не по сердцу.

Граф. Я намерен против кой-что написать. Стихов я не сочиняю, но какую-нибудь сатиру в прозе. О! сударыня, если б вы знали, что у меня есть в голове...

Князь (*играя*). Гранд-мизер парту.

Изборский. Пиши что хочешь: и прозой и стихами, а со всем тем комедия прекрасна; она делает честь нашей словесности. Я нахожу даже, что в ней есть места, достойные Мольера.

Граф. Достойные Мольера — ха, ха, ха! Мольера, который восхищает и французов! <...>

Княгиня. Мне кажется, граф, что Изборский лучше сделает, если замолчит.

Граф. О, гораздо лучше! По чести, мне жаль тебя, mon cher, ты всех заставишь смеяться над собою. Защищать такую комедию!

Эрастов. Г-н Изборский защищался довольно хорошо, но посмотрим, чем оправдает он личности, которыми наполнена пьеса.

Изборский. Личности! вот всегдашний и самый несправедливый упрек, который делают комическим авторам. Комедия должна быть зеркалом, в котором каждый может видеть свое изображение, но не должен узнавать себя. Автор, сочиняя комедию, осмеивает пороки, и как ни удивительно, что, давая своим персонажам характеры, сообразные с планом пьесы и нравами его современников, может самым невинным образом сделать себе кучу неприятелей.

Эрастов. В этом я согласен; но баллады, про которые он так часто говорит...

Граф. Да, да, баллады! Я было и позабыл об этом. Ну, г-н защитник, что скажешь ты теперь? Разве это не личности?

Изборский. Где ж тут личность? Разве баллада лицо? Автору «Липецких вод» не нравится сей род сочинений — это нимало не удивительно. Одни красоты

поэзии могли до сих пор извинить в нем странный выбор предметов, и если сей род найдет подражателей, которые, не имея превосходных дарований своего образца, начнут также писать об одних мертвецах и привидениях, то признайтесь сами, что тогда словесность наша немного выигрывает.

Граф. Ты мастер делать фразы; но это не поможет тебе нимало. Все мои знакомые одного со мною мнения; комедию засыпают эпиграммами. Апропо! мне сегодня еще про одну сказывали: постойте, я вспомню. Ничего не может быть прекраснее — совершенно французский оборот. В первом стихе есть что-то о природе, а во втором о сухих водах.

Княгиня. О сухих водах! Это в самом деле прекрасно! Жаль только, что я не понимаю.

Граф. Это аллюзия насчет названия пьесы. Сухие воды! Чувствуете ли, княгиня, как это остро! Какая едкая двусмысленность! Сухие воды! как зло! По чести, в этих двух словах гораздо более ума, чем во всей этой жалкой комедии.

Княгиня. Я согласна с вами: эти сухие воды удивительно замысловаты. Признайтесь, граф, вы первые подали мысль написать эту эпиграмму.

Граф. О нет, сударыня.

Княгиня. Вы скромничаете.

Граф. Уверю вас.

Княгиня. В этой эпиграмме виден ваш ум, ваша острота.

Граф. Вы очень милостивы, но клянусь, что тут я совсем не виноват пред бедным сочинителем.

Княгиня. Ну, Изборский, попробуйте теперь защищать еще вашу комедию. Видите ли, что достается автору. Князь говорил еще про какую-то сатиру в прозе — смотрите, чтоб и вас туда не поместили.

Изборский. Это меня совсем не пугает. Знаете ли что, княгиня! я им прочту прекрасную басню «Слон и Моська», одного знаменитого нашего писателя.

Граф. Нашего писателя... Прочти, прочти.

Изборский.

«По улицам Слона водили,

Как видно, напоказ:

Известно, что Слоны в диковинку у нас;

Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмишь, навстречу Моська им.

Увидевши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться;
Ну так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться,—
Ей Шавка говорит,— тебе ль с Слоном
возиться?»

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх! эх! — ей Моська отвечает,—
Вот то-то мне и силы придает,
Что я совсем без драки
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

К ня г и ня. Вы этим не удивите: они найдут тотчас свое оправдание в конце басни.

Гра ф. Вся эта басня украдена из Лафонтена точно так же, как и комедия из Мольера.

И з б о р с к и й. Вы правы, граф, оба наши автора стараются украсть талант французских писателей.

1815

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ (?)

МНЕНИЕ ПОСТОРОННЕГО

(Статья присланная)

Наш век как будто определен для чрезвычайностей во всех родах, от исполинских происшествий политического мира до явлений едва приметных нашей словесности. Нельзя исчислить всех, но как не подивиться, по крайней мере, одному, совсем неожиданному? И в самом деле, кто мог предвидеть, что один автор, изъявивший желание осмеять другого, более известного, вдруг через несколько дней на том же месте, где он советовал не мучить стихами живых и мертвых, вздумает сам чрез своего представителя мучить его своими похвалами и уверять его в невинности своих намерений? К какому роду принадлежит сие окончание войны литературной? Трактат ли это или капитуляция? Но, что бы ни было, кажется, теперь все должны быть довольны. Правда, говорят, что сие торжественное отречение было сопро-вождаемо несколькими выстрелами и против защитни-

ков прежнего неприятеля *. Будут ли они чувствительны к этим выстрелам? Я думаю напротив: они имели целию доказать, что стихотворец, которого принуждены были узнавать по известной всем вывеске (по нескольким стихам, из его сочинений выписанным), не похож ни в таланте, ни в характере на изображение, сделанное их противником; теперь сей противник подтверждает их доказательства всенародным признанием. Чего ж более? По всему видно, что в них нет и никогда не бывало охоты вступаться за самих себя, разумеется, только в том, что касается до их произведений или мнений в словесности; сговорчивость же их противника избавляет их от обязанности продолжать забавную и неприятную с ним переписку. И так они просто могут сказать, с творцом Димитрия:

«Презренье мой ответ на дерзкие слова!»

Прибавим: и на тупое остроумие. Равнодушие, конечно, не мешает иногда пошутить и посмеяться над тем, что достойно посмеяния, но захочет ли кто употребить время и силы, чтобы правильно отражать нападения лилипутов словесности?

1815

М.

А. С. ПУШКИН

МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМ

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Неглупый человек, который, замечая все смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, все записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал «Нового Стерна»: холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль «Ломоносов»: представил отца

* Надобно причислить к сим выстрелам и счастливый дар обезображивать чужие шутки. Некоторые авторы, представляя людей им неприятных, постоянно следуют одному правилу, и чтобы эти люди казались глупцами, только вложат в них ум свой. Как назвать это?

русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

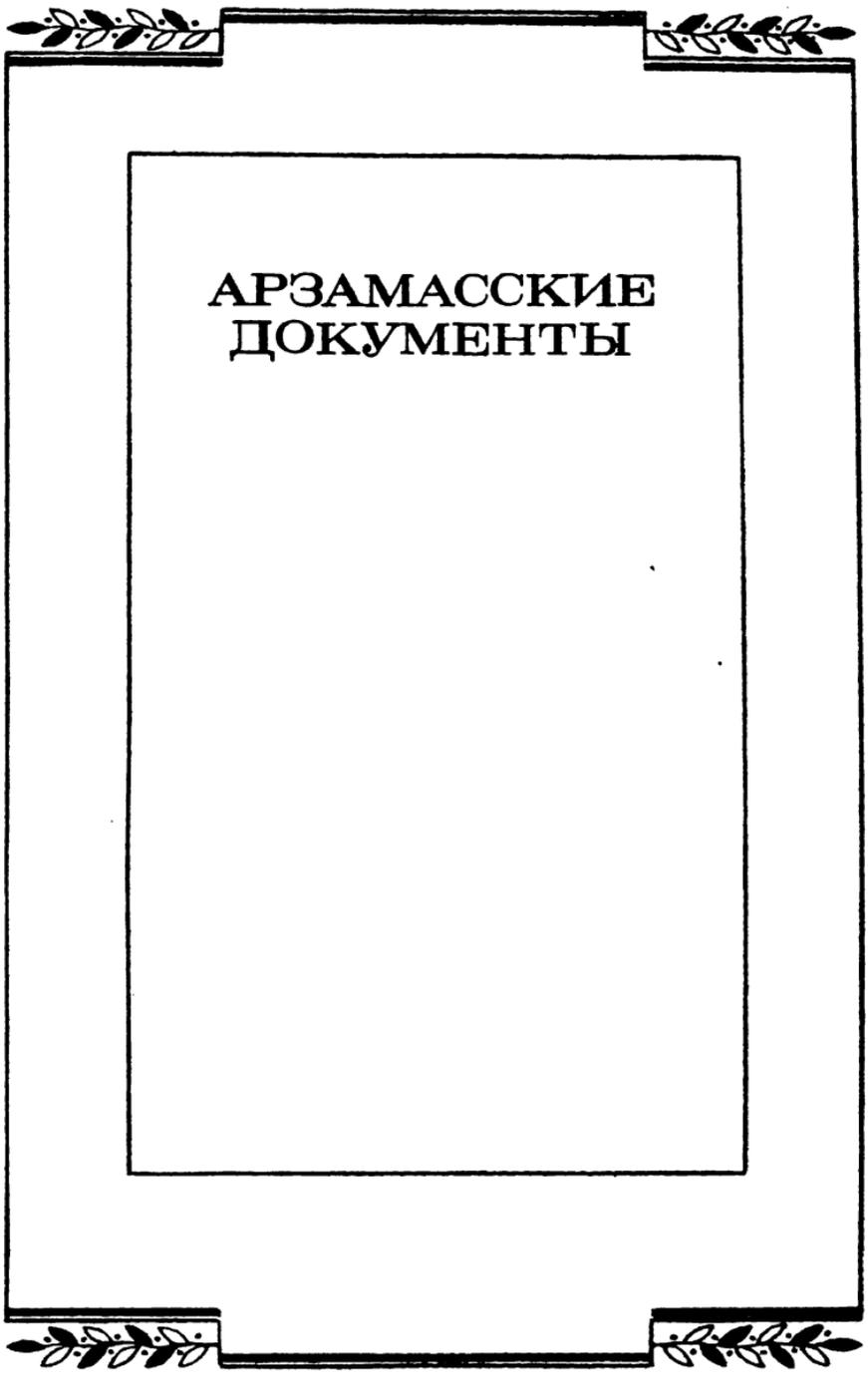
Он написал «Казак-стихотворец»; в нем есть счастливые *слова*, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки. *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны.

Не говорю о «Встрече незваных» — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.

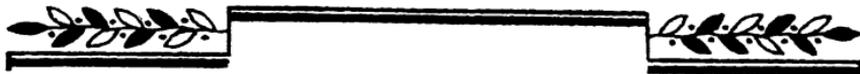
Он написал поэму «Шубы» — *и все дрожат*. Наконец он написал «Кокетку». И наконец, написал он комедию, хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но все комедию.

Первые ее явления скучны. Князь Холмский, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

1815

**АРЗАМАССКИЕ
ДОКУМЕНТЫ**

Д. Н. БЛУДОВ

ВИДЕНИЕ В КАКОЙ-ТО ОГРАДЕ

Изданное обществом ученых людей

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable *.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Общество друзей литературы, забытых Фортуною и живущих вдали от столицы, собиралось по назначенным дням в одном Арзамасском трактире. Там члены Общества за столом, покрытым ветхою скатертью и не обремененным блюдами, проводили вечера в разговорах о предмете, ими любимом; никогда не ссорились, но часто спорили, и споры их иногда продолжались до утра. Случилось, что в один из таких вечеров, возле их скромной академии, за тонкою перегородкою, ночевал какой-то приезжий, никому не знакомый в Арзамасе. Но вдруг, в середине ночи, спокойствие литературного разговора было нарушено странным шипеньем и бормотаньем как будто сквозь сон. Эти чудные звуки выходили из комнаты приезжего, а любопытство — порок не одних женщин. Оно возбудилось в Арзамасском ученом обществе. Один молодой член подошел к перегородке, за ним другие. Широкая щель открыла перед ними догорающий ночник, постелю и тучное тело их соседа. Он был погружен в крепкий сон, но сон не мешал ужасному волнению. Долго чудесный проезжий вертелся под одеялом, наконец спустился с постели и начал бродить по комнате. Бока его раздувались от одышки, пот лился с него градом, ежеминутно у него вырывались невнятные слова; но вдруг он остановился, размахнул руками и, не

* И правда иногда на правду непохожа (фр.).

просыпаясь, даже не переставая храпеть, громким голосом прокричал реляцию о каком-то видении. Потом, без отдыха и продолжая спать, он повторил ее в другой, в третий, в четвертый раз и наконец столько раз, что члены Общества успели записать все слова его от первого до последнего. Общество почитает обязанностью сообщить сие видение публике. Само по себе оно не весьма любопытно, но не может ли послужить дополнением к истории магнетического сна? Что касается до сочинений и авторов, о которых грезил проезжий, то, вероятно, они не существуют. По крайней мере, ни имена сих авторов, ни ссоры их не дошли до сведения мирных литераторов Арзамаса.

ВИДЕНИЕ В КАКОЙ-ТО ОГРАДЕ

И было в лето второе от Лейпцигской битвы, в месяц третий, в день пятый на десять, и был в Словеснице и видел в Словеснице мерзость и запустение, и от чтения стихов моих пронзил меня хлад полунощи.

И вотще обращал я взоры мои одесную, и ошую, и по стенам обнаженным чертога, и по седалищам, и по лавкам, и не было ни друзей, ни соглядатаев.

И чтение стихов моих достигало середины, и все словесные братия уснули вмале, и смутился я духом моим, и помыслил: «Восстану, иду восвояси».

И был я в ограде Словесницы, и встретила меня буря зельна, и была вьюга от страны северной, и от поморья, и от Москвы, и от Волги, и снег осыпал меня, белый, как волна агнцев юнчих, и дрожал я, как листья древа проклятого.

И начал я глаголать в сердце моем и сказал: «Нет надежды на счастье, и лишился я всех подпор моих; и рассердил я слепца Эдипа, и раздражил я безумца Леара, и надоел я прочим друзьям моим; и нет уже друзей у меня, и нет денег, и есть займодавцы».

И клял я судьбу мою, творящую наперекор мне во всех делах моих, ибо слезлив я в сатирах своих и забавен в своих трагедиях; и хочу я, чтоб смеялись над врагами моими, и смеются одни враги мои; и люблю я красавицу, и урод мне любовница; и пишу я стихи, и стихи мои — проза.

И вздохнул я от глубины утробы моей, и воскликнул я гласом великим и тонким: «О, кто стихам моим даст

игривость и легкость Мешкова, и силу тельца Барабанова, и чистоту двух Хлыстовых!»

«И дерзну я и возгремлю сатирами, и напишу я сатиру на моих благодетелей; и преложу я сатиру в комедию, и комедию начиню я балетами, и за казенный убыток возьму из казны я пятьсот рублей, и не заплачу я долгов моих.

И что помышляю о радостях? Уже не блистать мне в листках и на сцене; уже прежние чада главы моей скончались тихою смертию, и новые чада родятся полу-мертвые».

И умолк я, и восплакал я, как после успеха чужой трагедии, и положил я руки мои на чрево мое, и очи мои сокрылись в ланитах моих.

И се слышал я в десном ухе моем некий глас охрипый и резкий, как глас ветра в ущелиях горных, как глас чтеца на Словеснице.

И помыслил я: «Се не Мешков ли глаголет», и озрелся я, и узрел сквозь оконце Мешкова, пред столом спящего;

И глас охрипый шептал мне на ухо шее; и озрелся я и узрел единую колесницу ветхую и внимал единому храпу конскому;

И страх зельный напал на меня, и воздымались останки власов моих, и помышлял я о бегстве, и чрево мое давило ноги мои, и был я недвижим, как ход комедий моих;

И сказал мне глас охрипый: «Не бойся!» И испугался я больше прежнего;

И снова сказал мне глас охрипый: «Не бойся, озри-ся вспять, и зри, и узришь!»

И подъял меня как дух бурный, и подвинул меня, и стал я чревом к дому Словесницы, и не узрел я дома Словесницы.

И на месте дома Словесницы узрел я некий мир извращенный, и там, в сумраке странном, предметы меняются в видах своих, и маки там кажутся розами, и за фимиам курится там ельник, и гуща квасная там кажется нектаром, и толокно там — амброзия, и гудки почитаются лирами.

И носился в тумане свиток великий, как ветхий столбец Приказа посольского, и развивался столбец, и помалу ишел из столбца чудный призрак во образе старца;

И явился мне старец в лучах из замерзлых сосулк,

и лицо его было как древняя хартия, и власы его, как снег вешний, с багряным песком перемешанный;

И старец воссел на два меха из кожи воловьей, и исполнены мехи корнями словес, и пред мехами сидящий, обнимая колена мрачного старца, внимал ему и лелеял его, как чадо избранное, и вещал мне призрак: «Чадо второе, приди и внимай мне!

И почто смущаешься духом, и почто ужасаешься скудости мыслей, и что плачешь над бесплодием главы твоей? И дух твой не зависит от мыслей, и дар твой не требует знаний, и дар твой питается чувством единым, живущим вечно в тебе и во мне;

И оное чувство и сушит нас, и пучит, и грызет нас, и движет, и не престанет возбуждать нас, и мы не престанем писать, доколе будет чуждое счастье, доколе будут терзать нас успехи ума;

И когда погибнут таланты, и когда глупость воссядет на судилище вкуса, и тогда мы умолкнем, и увь! не придет сие время!

И оным чувством бессмертным умертвил ты гений, создавший в России трагедию, и почто есть другие? О, чадо! Ополчись и успевай, и завидуй, и уязвляй!

И напиши нечто, и назови сие нечто комедией, и раздели сие нечто на пять тетрадей, и тетрадь назовется действием.

И хвали ироев русских, и усыпи их своими хвалами, и тверди о славе России, и будь для русской сцены бесславием, и русский язык прославляй стихами нерусскими.

И подражай Молиеру, и никто не узнает Молиера, и превращай тонкое в грубое, и забавное в сонное, и Селимену в знакомку Буянова;

И то не главное в твоей нареченной комедии; но оочи перо твое в желчь твою и возненавидь кроткого юношу, дерзнувшего оскорбить тебя талантами и успехами;

И разъярись на него бесплодною яростью, и лягни в него десною рукою твоею и твоей грязью природной обрызгай его и друзей его;

И представь не то, что в нем есть, но чего ты желал бы ему; и, чтоб он казался глупцом, ты вложи в него ум свой, и стихи его да завянут в руках твоих, как цветы от курения смрадного, и заснет он спокойно под шумом ругательств твоих;

И в день оный придет к тебе храбрость чудесная, и

пот хладный покроет тебя и стихи твои и достигнет до зрителей;

И ты будешь осторожен и мудр, и соберешь ты полчище крепкое, и будут в том полчище тридесять кресел и сто мест за креслами и пять на десять воинственных жен и сто воинов пеших;

И поставится полчище от верху чертога до низу и от десныя страны и до шуия, и от скрипиц и до преддверия, и единый воин, как бесом движимый, приблизится к спокойным врагам твоим и вопьется в спящего юношу;

И, внимая мнимым стихам твоим, все зрители будут переходить постепенно от жалости к гневу, и от гнева к презрению, и от презрения ко сну;

И во всеобщем успении вознесется гром дружины твоей, и гром не разбудит зрителей, зане еще будут тянуться стихи твои;

И когда отыдут стихи твои, и се враги твоя воскликнут: «И сперва да явится он, усыпитель наш, да примет дань благодарности за благодеяние неумышленное»;

И будет дружина твоя плескать тебе по найму и презирать тебя даром, и будет Словесница, зевая, хвалить тебя;

И ты будешь один восхищаться собою и с умилением скажешь «Се ныне день торжества, и свершилось мщенье, и без барыша я отыду в дом свой, но с миром, и всем глупцам мир».

И престал вещать старец, и вложил он мне в сердце главу змии малой, и наполнился я духа старчаго, и престало виденное, и сбудется.

ПРОТОКОЛ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

14 ОКТЯБРЯ 1815 г.

В лето первое от Липецкого потопа, в месяц первый от Видения, по обыкновенному летосчислению 1815 года, месяца Паздерника в 14 день, было первое совещание арзамасцев, и возобновление Арзамаса совершено следующим образом:

Один из членов читал собравшимся братьям речь, в которой доказывал им необходимость соединиться, дабы в том горестном странствии между халдеями Беседы и Академии, на которое осудило их небо, сохранить во всей чистоте любовь к незабвенному Арзамасу. Члены внимали красноречивому другу своему с растро-

ганым сердцем; слезы воспоминания блистали в глазах их, и каждый в душе своей говорил вместе с Давидом: «О Арзамас! если забуду тебя, да будет забвенна десница моя! и пр.» Но все зарыдали, когда увидели драгоценную красную шапку, некогда украшавшую главы их под светлым арзамасским небом, уединенно лежащую на столе и ожидающую в смирении, какая счастливая голова в нее водрузится. Между тем оратор читал неумоимо, а сыны Арзамаса внимали умиленно. Он умолк, и молчание долго царствовало между собеседниками — молчание красноречивое! Все были воображением в Арзамасе, перед тем ветхим столом, на котором так часто появлялся вкусный потрох, в виду той перегородки, которой незабвенная дыра познакомила их с миром духовным. Наконец все единогласно воскликнули: «Да воскреснет Арзамас и да расточатся враги его!»

Засим начиналось совершение таинства обновления: шесть присутствовавших братий торжественно отреклись от имен своих, дабы означить тем преобразование свое из ветхих арзамасцев, оскверненных сообществом с халдеями Беседы и Академии, в новых, очистившихся чрез потоп Липецкий. И все приняли на себя имена мученических баллад, означая тем свою готовность: 1-е, потерпеть всякое страдание за честь Арзамаса, и 2-е, быть пугалами для всех противников его по образу и по подобию тех бесов и мертвецов, которые так ужасны в балладах.

Да останутся имена ветхих арзамасцев в забвении, имена же арзамасцев преображенных суть следующие:

Их Превосходительства

1. Чу!
2. Старушка.
3. Кассандра.
4. Громобой.
5. Эолова Арфа.
6. Светлана.

Засим последовало избрание председателя и секретаря, и по жеребью досталось быть:

Президентом: Его Превосходительству члену *Старушке*

Секретарем: Его Превосходительству *Светлане*.

Потом единогласно избраны в ново-арзамасцы четвере отсутствующих ветхих арзамасца, коих имена внесутся в общий список только тогда, когда они пройдут через которую-нибудь из мученических баллад и от нее заим-

ствуют те таинственные каракульки или буквы, из коих каждое имя должно быть составлено.

Сделаны некоторые предварительные постановления:

1. Общество принимает на себя имя *Нового Арзамаса*.

2. Находя невозможным перенести отечественный Арзамас с тех благословенных берегов, на которых утвердила его рука судьбы с помощью нескольких плотников, каменщиков и печников, положено признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо, и сие место, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки, — должно именоваться во все продолжение заседания *Новым Арзамасом*.

3. Принимается в члены только тот, кто оказал какую-нибудь услугу Новому Арзамасу, и он не иначе избирается, как всеми членами единогласно.

4. Девизом Общества по предложению его превосходительства Старушки избран стих одного покойного арзамасца: *Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs* *.

5. Все халдеи Беседы и Академии навсегда исключены из Ново-Арзамаса. Если же по какой-нибудь особенной причине и захотят члены усыновить халдея, то он непременно должен себя очистить по особенно учрежденной форме.

6. День возобновления Арзамаса положено праздновать ежегодно.

7. Общество должно иметь каждую неделю *одно* заседание.

8. В конце каждого заседания избирается президент, который и назначает день заседания следующего и место, где оно быть имеет.

9. По примеру всех других обществ каждому нововступающему члену *Нового Арзамаса* надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику. Но все члены *Нового Арзамаса* бессмертны. Итак, за неимением собственных готовых покойников, *ново-арзамасцы* (в доказательство благородного своего беспристрастия и еще более в доказательство, что ненависть их не простирается за пределы гроба) положили брать напрокат покойников между

* Глупцы живут на земле для наших маленьких радостей (*фр.*).

халдеями Беседы и Академии, дабы им воздавать поделом их, не дожидаясь потомства. Вследствие сего постановление каждый нововходящий читает панегирик одному из халдеев; а очередной председатель отвечает ему, хваля того же покойника и примешивая искусно к сим похвалам лестные приветствия новому своему другу.

10. Каждый член при вступлении своем произносит и подписывает присягу *в верности*. Формулу сей присяги поручено сочинить и представить на рассмотрение Общества его превосходительству *Старушке*.

11. Проект законов Общества поручено сочинить секретарю *Светлане* и также представить Обществу на рассмотрение.

Оратором избран его превосходительство *Чу!...*, а очередным председателем его превосходительство *Кассандра*. По окончании заседания члены приступили к трапезе и, кушая раковый суп, нежно вздыхали о потрохе арзамасском.

Президент *Старушка*.
Кассандра.
Эолова Арфа.

Упившийся вина духовного *Громобой*.
Недугующий *Чу!!!*
Секретарь *Светлана*.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ
АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ
ОТ ЧЛЕНА ОНОГО ОБЩЕСТВА ЧУ!!!

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Имею честь представить на благорассмотрение почтенных сочленов моих следующую формулу торжественного обещания для всех вступающих в Общество. По мнению моему, ужасные клятвы, в оной заключающиеся, достаточны будут к обузданию языка нечестивцев и клятвопреступников. Впрочем, долгом поставляю предварить достопочтенного президента и почтенных членов, что мой участок авторского самолюбия присоединился покуда к великой массе, к общему — как говорят физики, — резервуару всего возможного самолюбия в Беседе Любителей Русского Слова; и что посему вся-

кую поправку в моей формуле, и даже всеожожение оной, приму я с почтительною признательностию.

Чу!!!

*Лета 1-го, месяца 1-го
в день 2-й от зачатия
Общества А. Б. Л.*

ФОРМУЛА ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ

Я, нижеподписавшийся, обязуюсь и торжественно обещаю быть всегда усерднейшим и ревностнейшим членом Арзамасского Общества Безвестных Людей, столь же благосклонно меня усыновившего, как и *Сын Отечества* усыновляет дневники Американских Путешественников. Обязуюсь и торжественно обещаю повиноваться слепо всем постановлениям Общества, содержать в ненарушимой тайне все происходящее в оном, быть непримиримым врагом врагов его и непрестанно устремлять все мысли мои к его чести и пользе. Если же нарушу сие добровольное торжественное обещание, да буду проклят от всех благомыслящих арзамасцев; да буду извергнут из среды их, как *Дед Седой* от рождения извергнут из числа хороших писателей. Да буду всеобщим поношением и посмешищем, подобно комику Шутовскому; да буду членом Российской Академии и членом-сотрудником Беседы Любителей Русского Слова. Дом мой да опустеет, подобно дому СПб. Любителей Словесности, Наук и Художеств или, подобно дому Беседы, во дни торжественных чтений. Звезда моя и слог мой да сокроются в непроницаемом тумане богини Славены. Злато и серебро мое да истощится на издание творений моих: а сии да пребудут неистоцимы и неприкосновенны в родимой лавке Глазунова. Одр мой да будет вिताлицем всех бесов и привидений балладных; да бегут от очей моих сон и успокоение, как бегут слушатели от чтения стихов Хлыстова и Барабанова. Гнев Господень да поразит меня вечною проказою и юродством славенофилов; да постигнет меня горькая смерть предателей. Память моя да исчезнет с лица земли без шуму; да будет забвенна навеки и с моими писаниями: и да не будет им воскресения. Аминь!

Чу!!!

ДОСТОПОЧТЕННОМУ
АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ
ОТ ЧЛЕНА ОНОГО ОБЩЕСТВА СТАРУШКИ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Секретарь Общества Светлана сообщил мне предложение члена Чу!! вместе с формулою торжественного обещания. Хотя Общество поручило мне представить ему на рассмотрение проект формулы, я долгом поставлю предложить Обществу принять формулу члена Чу!!. В будущем заседании Общества можно будет решить сие дело с согласия всех членов.

Старушка.

*В лето первое от Видения,
в месяц 1-й, в день седмый.*

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

19 окт<ября 1815 г. Петербург.>

...Ты, верно, уже знаешь о моем потоплении в Липецких водах. — Эта фарса взбунтовала Блудова и Дашкова. Блудов грянул ужасным *видением Шаховского в ограде беседы*; а Дашков *письмом к Аристофану*. Но самое веселое то, что у нас завелось общество, которого и ты член. Это общество называется *Арзамасским обществом безвестных людей*. Статуты его сочиняются, и ты получишь об них донесение. Главная обязанность членов есть непримиримая ненависть к Беседе. И так как оно родилось от нападения на Баллады, то каждый член принимает на себя какое-нибудь имя из Баллад. Уваров — Старушка; Дашков — Чу!; Блудов — Кассандра; я — Светлана; Жихарев — Громобой; Тургенев — Эолова Арфа. Не хочешь ли быть Асмодеем? Каждый вступающий член говорит (по примеру Французских Академиков) похвальную речь своему покойному предшественнику; но так как у нас недостаток в покойниках, то мы и положили брать напрокат покойников из Беседы и Академии. Приезжай, чтобы заслужить свое место в нашем клубе...

Н. М. КАРАМЗИН — А. И. ТУРГЕНЕВУ

20 октября 1815 г. Село Остафьево.

...Эпиграммы сыплются на князя Шаховского; даже и московские приятели наших приятелей острят на него перья; Василий Пушкин только что не в конвульсиях. В здешнем свете все воюет: и Наполеоны,

и Шаховские. У нас, как и везде, любят брань. Пусть Жуковский отвечает только новыми прекрасными стихами: Шаховской за ним не угонится. <...> Князь Петр ждет от вас «Ограды», которую вы обещали доставить ему...

**ДОСТОПОЧТЕННОМУ
НОВО-АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ
ОТ СЕКРЕТАРЯ ОНОГО ОБЩЕСТВА СВЕТЛАНЫ**

ДОНЕСЕНИЕ

Со времени возобновления Арзамаса по сие число был я одержим неким неизъяснимым недугом, который недуг и воспрепятствовал мне приступить к начертанию проекта законов, по данному мне препоручению от членов Нового Арзамаса, почему и прошу почтеннейших собратий моих не посетовать на меня за неисполнение священной обязанности, ими на меня возложенной. Будут вам законы, и прекрасные законы, да не теперь.

*Лето 1-е от Липецкого потопа,
от Видения месяц 1-й,
по возобновлении Арзамаса день 9-й.*

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 22 ОКТЯБРЯ 1815 г.

Месяца Паздерника в 22 день по обыкновенному летосчислению 1815-го года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Кассандры, был первый ординарный **Новый Арзамас**.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Старушка.

Элова Арфа.

Кассандра.

Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною, то есть секретарем Светланою, читан был протокол того знаменитого заседания, в котором совершено было священное обновление Арзамаса. Их превосходительства присутствовавшие члены подписали сей протокол с некоторым трогательным жеманством; каждый смотрел на предлежащую

ему бумагу глазами любовника; казалось, что он подписывал контракт с судьбою, которая в Новом Арзамасе предлагала ему все лучшие блага житейские: дружбу верных товарищей на всю жизнь, жареного гуся один раз в неделю, твердость духа в изгнании, красный колпак, сладкую вражду Беседы и прочее; но присутствовавшие члены, подписывая священный протокол, вздыхали об отсутствующих двух братьях, из коих

один его превосходительство Чу! вместо того, чтобы по доставшемся ему жеребью читать очередную речь в память покойнику, заимообразно взятому из Беседы, кряхтел уединенно в конурке своей от некоего простудного недуга, не был никем внимаем, не внимал никому и лишен был гуся,

а другой его превосходительство Громобой был постыдно пьян, лежа у себя дома ногами горé, а головою низу, спал нещадно и не помышлял о Новом Арзамасе.

2-е. По прочтении и подписании протокола его превосходительство член Старушка предложил Обществу проект печати, который и был одобрен.

3-е. Положено, чтобы для следующего заседания (несмотря на то, что его превосход. членом Чу! не отпет еще избранный им покойник) назначен был очередной оратор, — почему их превосход. присутствующие члены и приступили к избранию. Один из них его превосход. член Кассандра, покопав указательным перстом в красном колпаке, в коем таились священные ерлыки с именами, извлек очередного оратора отсутствующего пьяного его превосходительство Громобоя, очередного ж президента его превосходительство трезвого секретаря Светлану. Вследствие сего положено, чтобы в следующем заседании:

Прочтена была сперва очередная похвальная отходная его превосходит. членом Чу!

Потом ответ на сию похвальную отходную его превосход. членом Кассандрою в качестве президента. Засим члену Кассандре принять на время должность секретаря, а члену Светлане вступить в должность президента.

Его превосход. члену Громобою читать собственную похвальную отходную.

Наконец члену Светлане в качестве президента ответствовать члену Громобою различными сладкими ласками.

NB. При сем случае присутствовавшие члены заметили, что для избежания всякой смутности, дабы секретарю не доставалось быть в то же время президентом, положено или иметь секретаря бессменного, или очередного секретаря не баллотировать в президенты. Рассуждение о сем предмете отложено до следующего заседания.

4-е. Прочтено письмо от его превосходительства Старушки, в коем он представляет членам, что читанная им формула присяги, сочинения его превосходительства члена Чу!, кажется ему совершенно удовлетворительною и что он предлагает ее Обществу на утверждение; вследствие сего:

5-е. Прочтена означенная формула присяги и всеми единогласно одобрена.

6-е. Прочтено представление от его превосходительства меня, то есть секретаря Светланы, который извещает почтенных друзей своих, что по причине какого-то недуга он не успел сочинить проекта законов и обещает написать на досуге хорошенькие законцы.

7-е. Его превосходительство я, то есть секретарь Светлана, от имени одержимого недугом отсутствующего его превосходительства Чу! предложил Обществу принять в число Ново-Арзамасских Безвестных Людей нового члена, которого имя напишется тогда, когда он получит имя. Причины, заставившие его превосходительство предложить сего члена, суть следующие:

а) Предлагаемый есть истинный уроженец Арзамаса: он содрогается при имени Беседы и ездит зажмурившись мимо Академии. б) Он оказал великие услуги Арзамасу без всяких своекорыстных видов:

1-е. Партизанил и партизанит добровольно между свирепыми и прокаженными халдеями, нападая на все их магазины, отбивая у них все их припасы и затрудняя для них всякий подвоз ума и вкуса.

2-е. Презирая опасность, наблюдает он за ними зорким оком шпиона: ни один взор, ни одна ужимка халдея не скрываются от его деятельной пронизательности. Является ли халдей с грузным толстопузием деревенского старосты, убирается ли халдей тремя хохлами — он узнает его и прилипает к нему, как мокрый лист, оторвавшийся от влажного веника в жаркой торговой бане. Под

темным сводом императорской Библиотеки, на шумном толкучем рынке Английского клуба, в тесном закреслии театра, на гладких гранитных плитах набережной — везде преследует он слухом и зрением врагов Арзамаса. Он все: старик везде и нигде, странствующий жид, богиня Немезида — он достоин вступить в Общество под именем *Ивиково Журавля* или по крайней мере *Двух огромных рук*.

Их превосходительства присутствующие члены единогласно приняли сего почтенного человека в свое общество (говорю единогласно, потому что мнения оскотилившегося его превосходительства Громобоя — положено не спрашивать). Определено: чтобы в проекте законов как можно точнее изложена была должность нововступившего. Предварительно же назначен он бессменным внешним проказником с титулом *Conservateur impartial* *.

8-е. Непозволительная отлучка его превосходительства члена Громобоя, пьянственная его непристойность и невнимательность его к Новому Арзамасу, не извещенному им предварительно о причине его неприбытия к должности, побудили присутствовавших господ членов следующее постановление, которое и внесено будет в кодекс законов Нового Арзамаса:

а) За *одно* неявление к должности его превосходительству члену ослушнику делается жестокий выговор и на хребте его творится беззаконие.

б) За *два* неявления его превосходительство член ослушник изгоняется из Нового Арзамаса и не иначе может в него быть опять принят, как с следующим обрядом:

1-е. Он узнает стороною о назначенном дне, часе и месте заседания.

2-е. Является туда незванный без ведома членов и ожидает их прибытия в какой-нибудь отдаленной комнате так, чтобы они не могли подозревать его присутствия.

3-е. Сбравшемуся Арзамасу, входит он в палату заседания с смирением раскаяния, на четвереньках, показывая тем, что он своим нерадением к должности совершенно оскотинился.

* Беспристрастный консерватор (*фр.*).

4-е. Тихо, без всякого шума, подымается он на задние ноги и таким образом мало-помалу доходит до человеческого образа; садится поодаль от других, на самый край стула, и не позволяет себе глядеть ни на которого из присутствующих.

5-е. По свистку президента начинает говорить самому себе надгробную речь (признав себя предвременно покойником из Беседы и на всякий случай заняв у одного из них для сохранения нужной благопристойности имя); он говорит негромко, дрожащим голосом робости и раскаяния; потом сам себе отвечает, хвалит самого себя с заметною недоверчивостию к похвалам своим; сам себе клянется и сам за себя краснеет.

6-е. Члены между тем все сидят к нему задом, показывают величественную гордость оскорбленных сердец, холодное невнимание, часто кашляют и сморкаются, дабы заглушить голос оратора.

7-е. Во все время заседания виновный сидит в белом колпаке, молча, с потупленным взором; кашляет тихо в кулак, сморкается, спрятав голову под стол.

8-е. За ужином лишается он своего участка гуся.

9-е. По окончании ужина президент благословляет его лапкою гуся, нарочно очищенною для сего, и дарит его сею лапкою.

10-е. Тут член возрожденный начинает свободно глядеть, говорить, кашлять и сморкаться.

11-е. Поднявши голову, с гордостью гуся проходит он три раза взад и вперед по горнице, а члены между тем восклицают торжественно: экой гусь!

9-е. Заседание закончено ужином, и гусь отечественный утешил жадную утробу *Нового Арзамаса*.

Президент *Кассандра*.

Член *Старушка*.

Член *Эолова Арфа*.

Секретарь *Светлана*.

Член *Чу...* отсутствовал, но согласен.

Член *Громобой*, пьянствую, но согласен.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ
НОВО-АРЗАМАСКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ
ОТ СЕКРЕТАРЯ ОНОГО ОБЩЕСТВА СВЕТЛАНЫ

ДОНЕСЕНИЕ

Избрание в президенты, возлагающее на меня обязанность быть восприемником очередного оратора и присоединить к его красноречивым излияниям собственные мои посильные лепетания, воспрепятствовало мне удосужиться для написания постановлений нашего Нового Арзамаса. Представляя сии причины на благорассмотрение моих почтенных сочленов, прошу их не приписывать своего беззакония моей лени или чему-либо иному. При первом удобном случае представлю им важные законы.

Светлана

Лето 1-е от Липецкого потопа, от Видения месяц 1-й, по возобновлении Арзамаса день 17, месяца Паздерника день 29.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 29 ОКТЯБРЯ 1815 г.

Месяца Паздерника в 29 день, по обыкновенному летоисчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Старушки был второй ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Светлана.
Громобой.
Чу!

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочтен его превосходительством мною весьма замысловатый протокол и подписан всеми членами.

2-е. Введен во святилище Арзамаса новый член его превосходительство Ивиков Журавль. Члены были довольны его привлекательною наружностью. Вид его скромн; поступь тихая и благопристойная; сей Журавль, конечно, будет с политической исправностью

таскать из болота халдейского всех тех лягушек, которых кваканье будет надоедать Арзамасу. Он с величавою скромностию сел на указанное ему место; и члены во все продолжение заседания — взглядами и словами старались изобразить то нежное чувство, которым сердца их были исполнены к новому своему другу.

3-е. Его превосходительство член Чу произнес присягу под осенением красного колпака; потом похоронную похвалу некоему милому певцу Беседы; на что почтенный член Кассандра, занимавший место президента, отвечивал ему с свойственным ему остроумием.

4-е. Отрезвившийся его превосходительство член Громобой присягал в свою очередь и очистил себя от скверны беседной мастерским надгробным самохвальством, и его превосходительство я, в качестве президента, расхвалил его не на живот, а на смерть.

5-е. Читано было донесение почтенного Ивикова Журавля, и члены, внимая ему, ликовали и топорщились от умиления.

6-е. По жеребью досталось на следующее заседание быть президентом члену Чу, а очередным панегиристом беседной стервы его превосходительству Эоловой Арфе. Но его превосходительство начал было ужасно кобеться — по причине известной его толщины, ему трудненько было согласиться на принятие звания, на него возлагаемого — члены позволили ему отложить на несколько заседаний произнесение речи, а быть оратором следующего собрания взялся его превосходительство я.

7-е. Читано было несколько эпиграмматических излияний отсутствующего члена Асмодея, и члены, восхищенные имъ, восклицали: экой черт!

8-е. Засим последовал ужин. Но увь! за ужином не было гуся, и желудки их превосходительств были наполнены тоскою по отчизне.

Ивиков Журавль.

Эолова Арфа.

Кассандра.

Чу!!!

Старушка.

Громобой.

Секретарь Светлана.

И успе Авиа со отцы своими, и погребоша его и отцы его во граде Давидове.

Кн. III Царств, гл. 15, ст. 8.

Так Св. писание в двух словах возвещает нам о смерти одного из царей Иудиных, потомка Давида и Соломона. Величие, слава, могущество — все нисходит во гроб с владыками мира сего; и два слова, вырезанные на тленном мраморе, тщетно напоминают об них неблагоприятному потомству. К бессмертию стремятся все наши усилия, ему жертвуем всеми наслаждениями краткой жизни нашей: к бессмертию равно взывают и царь с пышного трона, и скромный певец с возвышенного своего жилища, — но вместо бессмертия ничтожество приемлет их, со всеми нами, в мирное лоно, и вечное забвение поглощает усилия, жизнь и восклицания наши...

Так учили нас мудрецы всех веков помнить о смерти и презирать суету жизни человеческой. Но кто из них собственным примером утвердил спасительное свое учение? Кто из них никогда не ослеплялся блеском величия и славы? Они показали нам истинный путь к высокой цели *ничтожества*, нам предназначенной; а сами не умели по оному следовать, и все стремились к мечтательному бессмертию. Пагубный призрак сей владычествовал над вселенною. Нашему веку, нашему любезному Отечеству свыше назначено было явить знаменитый пример современникам, пример великодушного, добровольного отречения от всякой славы, от всякой известности. В то время, когда ослепленные наши сограждане безрассудно проливали кровь свою, надеясь вечно жить в потомстве, — в то самое время великие подвижники, о коих говорить дерзаю, начали и совершили неподражаемое дело свое. Другие жертвовали своею жизнью: они принесли в жертву имена и труды свои; соорудили на основаниях незыблемых храм, единственный в летописях мира, — *священному забвению* — и поспешили затвориться в оном. Там, незнаемы человеками, готовят они целительный бальзам, приносящий нам отраду и успокоение. О великодушие! о редкая добродетель! Сии бескорыстные труженики оставляют восклицать Цицерона: «Римляне! Я люблю славу!» — они торжественно попрали кумир сей, попрали

все будущие лавры свои; и если иногда удостоивают принять венок от руки любезного клеветы, то взоры их всегда смиренно потушены в землю, а лицо подающего покрыто прелестным румянцем стыдливости. Взаимная похвала, чувство мудрого самодовольствия — вот вся награда, их ожидающая...

Кто в сем верном изображении не узнает достойных апостолов ничтожества и забвения, почтеннейших Любителей русского слова? Какое сословие, кроме единой Беседы их, могло бы принести столь великие жертвы и положить жизнь свою, трудясь для успокоения нашего?.. При имени Беседы слабые чувства мои тяготекют, вежды смыкаются, глава склоняется к персям, и дивные мечты осеняют меня легкими крылами. Я вижу оный огромный храм, коего святыня редко присутствием иноплемменных оскверняема; читаю на вратах его таинственную надпись: Сон, смерть и небытие! — надпись, обличающую безумие тех, кои *бессмертие* избрали своим девизом *. Вокруг печальные кипарисы простирают мрачную сень свою на мшистые кресты и камни, свидетельствующие о суете мира сего. Здесь навсегда погребены усопшие чада Беседы и сыны чад ее с усопшими их творениями; здесь, в первую стражу ночи, уныло бродят их призраки, и бледная дочь Хаоса, Славена, восседит на истлевших памятниках, насупя взоры свои, или оплакивает разврат невнимающего ей света и близкое свое падение. Я приближаюсь, объятый священным ужасом; взоры мои пробегают кладбище. Вдруг вижу недавно взрытую землю, усеянную свежими маками, новый крест, еще не водруженный, и на камне надгробном мед и пшено воспоминания. Скорбь и сострадание исполняют сердце мое. Кто ты, восклицаю со вздохом, кто ты, недавний гость могилы? В нежной ли юности неумолимая смерть сразила тебя, или уже достигнул ты маститой старости, и *цветущими сединами* подобился Седому деду вашему?.. И вот свежая могила колеблется под ногами моими, и голос гробовый и охриплый, голос, как бы исходящий из утробы Певца шуб холодных, мне отвечает: «О пришлец из страны живущих! Небо привело тебя в сию обитель забвения, да возвестишь о моей кончине миру, который не знал о бытии моем. Вкуси от меда и пшена сего, и помяни

* На полях выноска: Девиз Французской Академии: à l'immortalité!

единого из усопших усыпителей ваших. Я, милый певец Беседы! В незрелой юности был я мало известен свету: одни ближние и друзья знали меня и не чуждались мною. Но заветы Вышнего неизменимы. От самого рождения носил я на челе своем печать Беседы: наступило роковое мгновение, и она сопричла меня к таинственному лику своих сотрудников. Ближние и друзья меня оставили; токмо один, один из них взывал ко мне, взывал к милому Певцу своему... Но, ах! и сей верный друг уже покоится здесь со мною в едином Разряде Беседы! Я посвятил себя ничтожеству; я отрекся от мира, от радостей и сует его, от славы, коей не имел еще, и восклицал с Иовом: «Сам наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду тамо» (кн. Иова, гл. 1, ст. 21). Пример отцов и братьев наших облегчил мне благородное сие отречение. Что еще возвестить тебе? Нарушить ли законы скромности, сказать ли, сколь усердно содействовал я высокой цели нашей, как, вопия гласом велиим, собирал коснеющих слушателей к чтениям нашим; как и сам рукоплескал подвизающимся товарищам, преодолая крепкий сон, смыкавший вежды мои! Ревностно исполнял я все святые обязанности сотрудника и был неизвестнейшим из неизвестных — тебя призываю в свидетели, о седый дед наш... Но храмина чтений от луны до луны становилась пустее; редко тот или другой из клеветов наших мог завлечь к нам богобоязненного посетителя. Враги наши торжествовали: но скоро прекратилось торжество их. Мы собрали над главами их соковища гнева нашего; мы обратили позорище козлопеня в громоносную для них тучу. Подобно древнему Моисею, источившему воды ударом жезла своего из твердого камня, мститель наш ударил десницею в огромное чело свое — и хлынули потоки водные, потопившие и коней, и всадников. Все пали; и гнев наш не различил злочестивых от праведных. Пришлец! я, я способствовал сему отмщению!..»

Еще продолжает из глубины гроба усопший сотрудник хвалы свои, но глас его невразумителен моим чувствам; тяжкая дремота объемлет их, как бы при чтении стихов Хлыстова. Вдруг подземные завывания пронзают слух мой; я озираюсь вокруг с трепетом. Се час таинственных явлений! Зловещие враны и филины, сидевшие на окрестных кипарисах, с криком летят к отверзающимся гробницам. Медленно встают из них бледные, унылые тени, покивают иссохшими глазами и,

сплетаясь рука с рукою, идут на меня. Хочу поднять окаменелые стопы свои и предаться бегству, но путь прегражден мне, как бы во храмине Беседы, в часы торжественного чтения. Вас ли я вижу, грозные призраки, вас ли вижу! ты... оратор Беседы, житель лугов пустынных! И ты, осьмое чудо света безглагольный...! и ты, тучный..., и ты, еще тучнейший друг его, родитель шуб холодных, Шутовской, враг записной талантов! и ты, бессловесный... Сеид Беседы! И вы все ревностные члены и сотрудники! И ты, наконец, седой славенофил, Еродий, предводительствующий ими!.. Земля трясется, гром за громом катится по мрачному небу. О Ужас! Они обступают меня, влекут с собою!

Где я? Все исчезло, исчезло страшное видение; я вижу пред собою один гробовый список беседный и от грозивших мне призраков не обретаю *ничто ино, токмо лоб, и ноги, и длани рук, яко Иезавели, юже плоть снедоша пси в части Израеля...* (IV Книга Царств, гл. 9, ст. 35—37). Вы со мною, безвестные сочлены мои! Со мною вместе отдаете вы последний долг, последнее лобзание усопшему!

«И успе Авиа со отцы своими, и погребоша его со отцы его во граде Давидове». Мир праху твоему, великий Авиа, неизвестнейший из царей Иудиных! мир и твоему праху, о милый певец неизвестнейший из сотрудников Беседы! Да отпустятся тебе все твои прегрешения! Да будет тебе легка земля, покрывающая прах твой, хотя отцы и братии твои жестоко бременили землю тяжкими своими творениями! Почий мирно с ними на кладбище отечественном в награду за успокоение, которое нам приносили вы!

Спите, сыны тления, еще не время!
Чу!!!

ОТВЕТ КАССАНДРЫ НА РЕЧЬ ЧЛЕНА ЧУ

Почтенный Витязь слова Чу!

Встречая вас в сем знаменитом сословии безвестных литераторов, я узнаю с восторгом черты ваши, черты давнишнего товарища на поле брани; с восторгом и волнением внимал я священным истинам, вами произнесенным; но как же буду отвечать вам, как осмелюсь быть истолкователем чувств нашего Общества и с чего начну исполнение сего долга приятного и трудного? Предо

мною пример одного из светил нашей юности. Вы помните, почтенный Витязь, как он во всяком торжестве являлся с торжественною речью, как он всякую речь начинал благодарным молебном. Я буду подражать ему и с жертвой благодарности обращусь к тебе, багряный колпак гармонического члена! О таинственная мудрость судьбы, все творящей во благо! Украшению якобинцев обязан я счастьем принимать не только друга, не только человека с талантом... ах! Что таланты, М. Г., мы познали тщету их: и может ли верить талантам и славе тот, кто видел запустение Беседы, кто слышал свистки в пьесах Шутовского, пред кем холодными руками терзались в *одно* мгновение *три* Петриады? Нет! Нет! забудем на время о ваших дарованиях! я в вас хочу видеть, хочу прославлять одни литературные добродетели. Какое обширное поле! Чувствую дерзость моего предприятия: но что я не в силах выразить, пусть то дополнит сердце друзей наших и совесть членов Беседы.

Вольтер сказал, что в свете одна добродетель: *благодарение*; и сия добродетель до вас была неизвестна в словесности; вы себя явили ее героем. Конечно, воображение ваше, всегда любившее странствовать в древних странах Востока, слышало сквозь мглу веков слова царственного философа: Сердце мудрых в доме плача, сказали вы с Соломоном и сделались вторым провидением для поэтов, гонимых роком. Я видел, как предстоял вам первый из них, и может быть, несчастнейший: бедный старец, он провел все дни свои в служении Музам и публике неблагодарной. Для нее истощил он и силы, и казну свою, и свое терпение, и терпение друзей своих; а жестокость читателей не истощилась, а имя его, обреченное славе, превратилось в ругательство бесславных сочинителей; ученики и подражатели бранят его на сельских сценах, и, подобный Молиеру, насилу гроб его впущен в обширное кладбище Беседы. О стыд моего Отечества! О век, недостойный мужей великих! Он погибал, сей тайный любимец всех Муз, и едва забытым стихом напоминал права свои:

Суворов мне родня, и я стихи плету!

Кого не тронет такая судьба и такая гармония? Но мы проливали бесплодные слезы, а вы одни решались спасти его. Так! Знаменитый товарищ! Вы смелою рукою сорвали завесу с потомства и, предрекая свой новый титул, сказали современникам: «*Ч у ! т а м г р е м и т с л а*

ва Хлыстова!» Я помню, как пророческая речь ваша раздавалась под темным сводом среди изумленных словесников. И вдруг адский шум последовал за громом слов ваших, огонь мятежа воспылал в собрании, земля заколебалась, упал чертог любви и словесности и любители убежали в страхе. Но на вершине сих развалин, подобный обломку древней колонны, еще возвышается лик Сардинского графа, и прохожий повторяет с Делилем:

Là! Ces deux grands débris se consolent entre eux! *

Так совершен ваш первый подвиг, о почтенный сочлен! исчислять ли мне прочие? Вспоминать ли о новом, живущем в памяти арзамасцев и беседников? Что говорю я! Не только в памяти: он в глазах наших, он, сей славный комик, обруганный своим ругательством, неутомимый в беспрестанных и тщетных сражениях с публикой. Он влечет за собою целые полчища комедий и водевилей, но полчища сохнут и исчезают: на парике его венок из можжевельника, а на челе печать всеобщего проклятия. Кто осмелится хвалить его? Здесь должно победить не равнодушие, а презрение. Но вы, храбрый Витязь, вы коснулись давно оставленной лире, и хвала Шутовскому полетела со струн ее, и в отважном письме вы сказали скромному автору, что он славен и достоин своей славы. Наслаждайтесь плодами трудов добродетельных; Шутовской вам платит дань слезами, конечно, слезами восторга и умиления. Мы не дерзнем своих рукоплесканий смешать с сим трогательным излиянием благодарности, и вот уже новейший подвиг зовет нас к новому удивлению. Скажите, М. Г., скажите, должны ль мы верить тому, что слышали? Скажите, где взяли вы мертвеца, который для нас не родился? Какой поэтический микроскоп открыл пред вами сей неслыханный феномен словесности? Слепцы несчастные! мы не знали своих сокровищ! Увы!

Как часто редкой перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой!

Так и милый певец сокровенно блистал между сотрудников, и сколько перлов ему подобных таятся в бездонной пустоте Беседы. Ах! на вас, на вас их надежды и наши! Сжальтесь над ними для собственной славы;

* Там эти два обломка утешают друг друга! (фр.)

ныряйте чаще во глубину этой бездны, давайте весть о неведомом, и ваше имя да сияет в веках с именами Колумбов и Веспучиев.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Конец октября — начало ноября 1815 г. Петербург〉

...Обними за меня Пушкина. Скажи, что он напрасно упрекает арзамасцев в забвении своих друзей. Я виноват, что забыл в своем письме поставить его имя; но оно единогласно было выбрано при первом собрании Арзамаса; и ему приготовлено было имя Пустынника; но если ему хочется *вот*, то мы и на то согласны. Письмо его будет мною, яко секретарем, предложено и прочитано Арзамасу в следующем заседании. Высылай его к нам. Мы примем его с распростертыми объятиями.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ИМЕНИТОМУ СОТРУДНИКУ

БЕСЕДЫ Р. С. С. П. Ж-ВУ

*Ныне, отложивше ветхого человека,
в нового облекусь.*

Наконец именитый сотрудник Беседы Р. С., по многотрудном странствовании в безвестной юдоли Литературных Обществ — успе! Наконец, скинув бранный покров свой: ослиные уши и дурацкую шапку, известные принадлежности (*attribut*) беседчика, облекается в нетленный, красный колпак арзамасский. Ныне, отложивше ветхого человека, в нового облекусь.

Успе ревностный товарищ Политковских и Галинковских! Делатель прилежный беседного винограда дурных стихов и тяжелой прозы, почил есть! Что возглаголем о том, о нем же никто не глаголал, что сотворим убо тому, иже сотворил много и во множестве толикое ничтожество? Как прославим того, его же прославили непонятные Барды?

Исчислять ли подвиги ныне пред нами лежащего бездыханного сотрудника — и подвиги его бесчисленны! Тщетно буду описывать их, они неописанны! Да и могут пленить вас чуждою славою, когда собственная слава не прельщала великой души его? так, М. Г., он трудился более для пользы, нежели для славы: Атрей, Агамемнон и прочие владыки долго томились под пером его. Два-

дцать шесть раз он являлся на поприще театра и столько же раз одерживал победы над *Лукницкими*, *Шеллерами* и *Кобяковыми*. Он имел благородную смелость стяжаться с *Краснопольским*, даже с губителем *Шаховским*, даже в последней своей комедии *Розовый Черт* (из фр(анцузской) оперы переделанной) и с непобедимым *Лифановым!*

Милое чадо Беседы! Ты об руку шел с любезными братьями, проворным *Потемкиным* и маленьким *Капнистом*, с безмолвным *Соколовым* и неумолчным *Филатовым!* Ими наставляем — ты славился без желанья, ими охраняем — ты не страшился ни эпитграмм, ни сатир, ни пасквилей! Наконец, достигая уже вершины чести — действительного членства Беседы, ты оставил спутников своих сетующих, и *гроб твой безмолвный непроницаемый предо мною!* О непостоянство земного счастья!

Но к чему наше сетование? Се обновится яко орля юность его: сотрудник восстанет как Феникс из своего праха, под другим только названием. Почтенное Арзам. Общество Безвестных Людей уже вызывает его из могилы. *Прийди*, гласит оно, *зablуждшая овца, очистиcя от смысла греховного и будешь ми сосуд избранный!* Так, М. Г., покойник, услыша призывный ваш голос, восстанет и предстанет перед вами крепким, добльственным воином; *аще ополчится на него полк безумцев не убоится: он отразит хулу и клевету Шаховского, победит тупоумную зависть Шишкова, уничтожит самохвальство Хвостова, посмеется козлогласованию Висковатова и Корсакова с братиею и будет в ваших руках яко злато в горниле искушенно, сосуд в честь, а не в бесчестие, и отложивше ветхого человека в нового облечется!*

Аминь.

ОТВЕТ СВЕТАНЫ НА РЕЧЬ ГРОМОБОЯ

Приятно для странника, скитающегося посреди песчаной Ливийской степи, журчание источника, возвещающего благодать прохладной сени; приятен голос человеческий для пешеходца, заблудившегося ночью посреди болот и не знающего, близко ли, далеко ли жилище гостеприимное; весело извозчику, застигнутому зимнею вьюгою, услышать лаяние собаки или крик пе-

туха, прилетающие в слух его из ближнего селения; отрадно в дождливую осеннюю ночь егерю, до костей промокшему, увидеть приветственное сияние огней обительных — но стократ приятнее, утешительнее, веселее, отраднее услышать звуки возлюбленного Арзамаса из той гортани, из которой доньше исходило одно хрипение Беседы; стократ утешительнее видеть красный колпак возрождения, сияющий на той главе, которая доньше была посрамлена маковым венком Беседной пакости; стократ отраднее видеть блистание арзамасской утехи в тех взорах, которые доньше были отуманены сонливостию сотрудничества! Брат усопший, брат воскресший, приветствую тебя! Приветствую именем моих товарищей, которые, смею сказать, менее тебя рукоплесканий достойны! Уклонясь от превратностей Беседы, они безопасно совершают течение свое в чистой непорочности Арзамаса; ты же, увязший в беседной куче, ты, барахтавшись долго посреди ее помарания, ты кажешься мне Курцием, бросившимся для того в сию зловонную бездну, чтобы спасти самого себя от заразы, — и ты спасен! Смертию получил бессмертие, пакостями — невинность, грязью и смрадом — чистоту и благовоние.

Друзья, последуем за ним по дороге испытания беседного — посмотрите на сию новую чистую душу; на сего непорочного отрока, стоящего на распутии, — две пред ним дороги; одна ведет к беседному растлению, другая к арзамасскому величию. Грозная невидимая судьба стоит позади сего юноши, беспечного в своей невинности и смиренно предающего себя власти вождя невидимого! С грозным словом *Благотворю гонением* ужасное божество толкает его на стезю Беседы. И начинается страшное испытание.

О какая перемена! Он был прекрасен, как белый гусь, воспитанный на лугах арзамасских; тело его было нежно; взор светел; власы развевались прекрасными черными кудрями по челу высокому; уста улыбались — вдруг тело его покрывается проказою Разрядов и волдыри коловратности славянской хребет его посыпают. Желтизна сотрудничества разливается по ланитам его. Но кто изочтет сии наросты, возникшие как сморчки дубравные на незаконном хребту его?.. Поименуем некоторые: сей тяжкий, дрожащий ноздреватый нарост именуется *Атреем*; сей скромный волдырь, приседящий оному царственному наросту, есть *розовый Черт*; сия семья прыщей называется *толпою уединенных Бар-*

дов — но язык наш мог бы утомиться, когда бы захотели пересчитать все посрамительные волдыри, некогда пестрившие брэнную скинию покойника. Лучше обратить свое внимание на самого его. О, как он ни поган по наружности, но душа его чиста и неприкосновенна. Друзья! Пакость Беседы принадлежит ей самой, и тот, кто ей причастен, виновен только тогда, когда, отвращаясь внутренно от сей пакости, все предает ей для неких посторонних видов и намерений. Брат наш усопший был не таков. Рука судьбы посадила его в Беседу, а заблуждение украсило пред ним ее уродство! Сие волшебное заблуждение сделало для него привлекательною и ту поносную проказу и те отвратительные волдыри, коими опестрилась его красота, прежде столь обольстительная и чистая. Гадкий для взоров необольщенных, он казался самому себе столь же образцовым, как и «Образцовые сочинения», издаваемые любителями словесности по подписке, которая принимается у титулярного советника Василия Тимофеевича Кашкина. Скажу боле: он сам с некоторым непорочным жеманством образовал сии наросты, волдыри и волдырьки, коими после украшал тело сие! Кто мог смотреть без горестной меланхолии на сего прекрасного юношу, который, округлив безобразный вышеописанный ноздреватый нарост, наименованный Атреем, сам своею рукою наклеил его на привлекательное чело свое и, вообразив, что это какая-нибудь драгоценная перла, пошел с ним в люди и чистосердечно принимал смех их за приветственное изъявление похвалы и удовольствия! О! Не будем обвинять непорочного! Повторяю: вся вина его в заблуждении! Святая искренность сопутствовала ему всюду! Он был в Беседе! Он верил окружавшим его! Увы! Окрест его были обманщики или безумцы! Одни выдавали пакости за совершенства! А для других все уродливое преобращалось в прекрасное! Один предосидел по горло в снежном сугробе и восклицал: *я в шубе!* Другой, опрокинув лукошко и загнав в него несколько тощих мышей, говорил: *Это храм славы! Это русские и р о и!* Третий... Но для чего напоминать о прошедшем!

Настала минута оправдания! В некоем таинственном с не представилось покойнику все то окаянство, в котором он был погребен заживо! И некая германская Луиза подала ему пук очарованных гексаметров — сим опахалом смахнул он с себя комарей Беседы! Могушественное действие непорочности! В сию минуту на-

летел на него дух Арзамаса! — Наросты и волдыри с шумом с него посыпались, как листья, убитые мразом, с гордого дуба, и вмиг помост беседного капища покрылся его щелухой, а сам он отлетел. Напрасно дед седой махал ему костяною десницею; напрасно Липецкий потопитель подымал полушубу и предлагал ему на выбор: забиться ли под нее или смиренно воссесть под гостеприимным навесом его пуза — тщетные усилия! Очи его просветлели. Отлетел он при таком зывании. Беседе осталась одна щелуха преобразования, которую заботливая рука седого деда, вооружившаяся помелом наследственным, подмела, дабы кто-нибудь из сотрудников грядущего времени мог получить ее в дар богатый.

И не стало его для Беседы! Уснул в пакости! Пробудился в велелепии.

Друзья! Помните ли предание древнего времени о Фениксе бессмертном? В нашем брате возобновилось чудо перерождения сей баснословной птицы! В едином токмо не сходствует он с нею — Феникс умирал Фениксом и воскресал Фениксом! Брат наш умер сердитою совою Беседы и воскрес горделивым гусем Арзамаса!

И се он, сия усопшая сова, сей гусь преобразования! Брат наш! Приветствуем тебя на праге нового Арзамаса! Теки в путь свой как солнце от востока! Ты нам дороже по тем опасностям, кои тебя осаждали! Ты выдержал карантин Беседы, и грозная зараза тебя не постигла. Воссядь с нами, возлюбленный брат наш.

НА ВСТУПЛЕНИЕ С. П. ЖИХАРЕВА В АРЗАМАС

Жалок тот, кому Мешкова
Ветхий куль с корнями слов,
Мутны воды Шутовскова
И Шихматных пук стихов
В наслажденье — как и прежде!
Кто Картузову клевет,
Кто досель в пустой надежде
От Беседы смысла ждет!

Пусть виляет на Парнасе,
Как запачканный Хлыстов;
Пусть с ним рыщет на Пегасе
И морит своих чтецов;
Сыплет тучами Посланья,

Од и притчей миллион
И в Беседе храм зеванья,
Сам зевая, строит он.

Счастлив тот, кто Шутовскова
Шуб, Кокеток и *Сирот*,
Прозы дедовской Мешкова
И Шихматных громких Од
Не читает в наслажденье;
Кто Картузову не брат,
И Славянам в угожденье
Не бранит везде Баллад.

(Обращаясь к новому члену):
О, приди наш гость желанный!
Ты один и был цветок
Средь Халдеев предизбранный:
Нам тебя дал ныне бог.
Полно тлеть в их пыльном гробе:
В Арзамасе расцветешь;
И на зло Беседной злобе
Плод нам сладкий принесешь.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

4 ноября 1815 г. Москва

Благодарю милую Эолову Арфу за присылку «Видения», которое я прочел несколько раз, и всегда с новым удовольствием и новым смехом. «Видение» писано мастерски. Дай Бог новому Арзамасу процветать более и более и родить чаще таких дитяток, и тогда — горе новому Вавилону! Он будет скрыт до основания, и мы воскликнем:

Упал сей град —
Гроза и трепет для *рассудка!*

Сейчас везу «Видение» к Василью Пушкину, который пламенеет желанием сразиться с нечестивцами. Иван Иванович советует ему поспешить съездить в Петербург, чтобы сделать эту кампанию против Шутовского.

Ради Бога, присылайте все, что будет выходить в Арзамасе. У тебя много писцов в команде, и одолжения этого требую от дружбы твоей. Мы здесь, в древнем Иерусалиме, только и живем вами.

Подписка на сочинения Жуковского идет помаленьку. Вот третий день, как я стал выезжать. Прости, мой милый Тургенев и соарзамасец! Прочим соарзамасцам — дружеский и братский поклон. Я их всех люблю, как душу. С общего вашего позволения я буду или

Асмодеем, или Варвиком. Кто Ивиков Журавль? <...> Обнимаю тебя от всего сердца, Жуковского, Светлану тож, обнимаю тож. <...> Зачем не печатаете вы «Видения»? Если нельзя в Питере, то не хотите ли мне поручить? Я думаю, у Всеволожского можно напечатать.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 11 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в первый надесять день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого попога в лето первое, от Видения в месяц второй, в доме его превосходительства члена Старушки был третий ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Чу.

Старушка.

Эолова Арфа.

Кассандра.

Громобой.

Ивиков Журавль.

Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, краткий, но отличающийся тем необыкновенным остроумием, которым одарила меня благосклонная судьба, и члены, глядя на меня с умилением, радовались, что я им товарищ; а я не гордился нимало; напротив, с свойственною мне скромностию принимал их похвалы за одни выражения дружбы и удостоивал друзей моих снисходительной и весьма лестной для них улыбки.

2-е. Его превосходительство я же, како новоприняемый член, предшествующей красной шапке, был введен с церемониею в храмину заседания. Уже громозвучный Чу сидел на президентском месте: Беседа покоилась в карманном гробе, взятом заимообразно изпод домашней чернильницы; прочие члены сидели в немом ожидании. Меня ввели, и все лица просияли! Как важный гусь подступил я к месту президентскому; красная шапка надо мною растопорщилась; и голосом приятным, которого звуки сладостно ковыряли сердца друзей моих, произнес я роковую клятву — произнес, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия

стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных. Потом отверзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника, одного графа, одного скотолоуба, Димитрия, но не Донского, а Кубрского, сего лирического затейника, сего вольного каменщика бессмыслицы, привилегированного фабриканта галиматъи и заслуженного парикмахера фурий. Члены отдали справедливость моему красноречию смехом и шумными плесками. А почтенный президент Чу весьма удачно похвалил мои различные достоинства в краткой речи, в которой не позабыл упомянуть и о моем друге месяце, за что я ему вечно останусь благодарен.

3-е. Читано было краткое донесение соглядая его превосходительства Ивикова Журавля. Его превосходительство начинает порядочно промышлять своим длинным носом в болотах халдейских. Он почти склевал одного воинствующего лягушонка, который своим кваканьем вздумал было оскорбить арзамасские уши: сей лягушонок уже копышется в клещах его неизбежного носа; и скоро, вверженный в кастрюлю примирения, будет стоять на столе арзамасского пиршества; скоро перестанет он быть жеманным волокитой, а сделается самым скромным уездным проказником.

4-е. Рассуждаемо было о том, как поступать арзамасцам с халдеями.

Положено предварительно:

1-е. Заключить перемирие, а смотря по обстоятельствам и мир, с водяными скоморохами Липецкого закоулка.

2-е. Оставить себе свободу делать набег на халдейскую синагогу; вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало.

3-е. Определить *занятия* Арзамаса, дабы, по отпении известного числа покойников, не сидеть самим во время собрания покойниками, а заниматься различными приятностями, читать друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями и прочее.

5-е. Все это было заключено ужином. Гуся опять не было, и каждый член, погруженный в меланхолию, шептал про себя:

Где гусь? — Он там! — Где там? — Не знаю!

6-е. Очередным оратором избран его превосходительство Ивиков Журавль, а президентом его превосход. Старушка.

Ивиков Журавль.

Старушка.

Громобой.

Кассандра.

Председатель Чу!!!!

Эолова Арфа.

Светлана.

РЕЧЬ СВЕТЛАНЫ

Если бы в сию торжественную минуту, слушатели, в которую под благословенную хоругвию дружества, ополченные духом и телом, красным колпаком и гусиным пером против сопостатов беседных, веселились мы о преславном возрождении Арзамаса, возможно было нам радостью восхищенным вознестись до высоты небесной, чтобы, перешед мысленно через Обухов мост и миновав желтый дом сумасшествия, заглянуть в знаменитую Беседу безумства и ниспуститься под темные своды сей пирамиды, сооруженной не веками, не тысячами израильтян невольных, но четырьмя Разрядами свободных полоумников халдейских,— какое чудное, поразительное, скажу просто,— бесовское зрелище бы нам открылось. Уже вы слышали, арзамасцы, в прошедший раз от почтенного Чу о дивном самоотвержении беседных героев ничтожества. Что же скажу вам после сего знаменитого оратора! Красноречие мое бессильно, и на что красноречие? Последуйте за мною воображением в сию храмину, сооруженную мертвыми, обитаемую мертвецами. При входе в нее не поражает ли вас ужасом то молчание, которое в ней царствует, молчание страшное, ни разу еще не нарушенное веселым звуком здравого смысла! Сырость, покрывающая сии стены, не напоминает <ли> о той нравственной сырости, которая покрывает плеснею запустевшие головы Беседы! Вы чувствуете запах тления, и воображению вашему не представляется ли невольно истлевшее поколение чтений в Беседе и жалкий скелет «Рассуждения о старом и новом слоге», и горестный пепел двух статей, переведенных из господина Лагарпа. Но вот они,

сии покойники! О сколь различные образы дала им смерть произвольная. Один лежит в виде огромного великана, одеянного чудесною кирейкою, сшитою из снежного меха; тело его плотно составлено из тука освистанных комедий; вместо головы мешок, туго набитый свистами, в коих под видом червяков таятся планы водевилей и опер! Другой предстоит величественным мухомором, осеняющим наподобие некоего храма славы miriады сморчков и опенков; третий во образе славной жены Яги Бабы, одеянный в фижмы, возлежит на груди чепцов, сарафанов, кокошников, древних салопов с капишонами; четвертый как бы старинная фляга без пробки, некогда заключавшая в себе уксус, настоянный острогоном, как то свидетельствует ярлык, до половины ободранный губительным Кроном; пятый, огромный волот, разверзая страшную пасть, высовывает из нее комарий язык; в закостенелой шуйце лира, десница, некогда по ней ударявшая, без пальцев, глава его лежит на огромной подушке, набитой презренными им глаголами, и между ими ошибкою закопался и здравый смысл; он мертв, но живот его страшно надут еще теми речениями, которые давно уже он из себя извергнул, но которых хвосты еще тянутся из утробы его.

Но кто сей, сохранивший природный свой образ, сей не имеющий нужды ни в каком заимствованном уродстве? Это он трудолюбивый батрак смерти, неутомимый поденщик ничтожества! Каждый день, сограждане, изобретает он себе новый род кончины. Сочетаются ли два нежных любовника законным браком в храме Божиим, и он спешит сочетаться с смертью в готической эпиталаме; разрушается ли трон Наполеонов на берегах Сены, и он разрушается в торжественной оде на скромном стуле своем перед запачканным налоем. Река Кубра катится ли по песку, и он ложится там, где ее песок. Он один! а все книжные лавки наполнены разнообразными гробами его! И недавно, арзамасцы, я сам купил один такой гроб за восемь рублей шесть гривен и получил сорок копеек сдачи медью. Ежеминутно таскают его на сие кладбище беседных покойников, но только успеют по нем совершить тризну, как он опять подымается, опять бежит на ловлю смерти, и смотришь, опять волокут его в могилу, опять отпевают, и тщетны сии отпевания... не скоро угомонится кашей бессмертный.

Но вот он, скончавшийся недавно в торжественном

гимне, переведенном каким-то камчадалом на язык немецкий. Друзья и сродники сошлись на поминки, и важный оратор готовится говорить перед ним похвальное слово. Друзья мои, что лепетание мое перед сим красноречивым говоруном Беседы. Послушаем и умилимся.

Водрузив перед самым гробом развесистую рябину, важный осел, *зацепивший за ветку ее длинными ушами, висит, и сидит, и крепко лапами за дерево хватает* и перед ним безмолвное собрание всех скотов, в первый раз исторгшихся на волю из нераскупленного издания избранных притчей. Все безмолвны, оратор начинает:

«Что делаем, скоты? Кого погребаем?»

О друзья мои, более сего оратор сказать не мог. Сильное слово его как молния поразило всех предстоящих. Все всколебалось — он сам от жестокой скорби прынул с рябины, *ослицею нашел раз и не разгрыз ореха!* Каждый из окружавших гроб сделался сам оратором. Как сумасшедшая, летучая мышь захлопала крылами и закричала: душа его была красива!

Увы, его епанча не была накинута на оба плеча! для меня же при жизни его *езде были окошки;*
и воздух и земля все было мне погост.

А я разве менее несчастна, стенала горестная, недавно овдовевшая свинья! Пока он жил, я сиживала на гнезде.

Друг мой свинья, воскликнула *сука — добрый человек*, я разделяю твою горесть... но посмотри на этого *зайца — комолую птицу*, как он страдает; с горя повесил он к себе на грудь звонок и *лупит им в набат*, а меланхолическая *Туфля* внимает ему с умилением, забыв своего Эмпедокла. — Увы, вздыхало уединенное лукошко, когда он видел свет, и я видело в себе орехи. Ах! что я говорю, уже почтенный друг мой начинал меня учить логике и морали... но он скончался, оставив мне одно золотое правило

Кому противно что,
Тому конечно то
Не надо ни на что,—

и с тех пор мне стали не надобны орехи!

Между тем все теснились к гробу — Лягушка, влюбленная в широкие бычачьи бока, с унылым ква-

каньем приползла к нему, дулась, лезла вон из кожи и, наконец *треснув, породила смех*; Разборчивая Невеста, взглянув на него с отчаянием, воскликнула: *у него не тут, где должно, нос*; в отдалении стояли *Туча, Горы и Куча* и перешептывались с *Кривою Лисицею*, Борей заливаясь слезами, обнимался с табашником! Лещ, *истинной родитель*, лежал в обмороке, и его оттирала *Хвастливая Лягушка*; *Две отчаянные сумы* надувались от вздохов, безутешная *Подагра* мучилась спазмами, и *Паук* обмахивал ее паутиною; *Болван*, помешавшись от горя, молился *Богомольцам*, которые, ухвативши за хвост *Собаку без ушей*, говорили кобенясь:

ты в случаях таких

Останешься как конь век права без улик.

Между тем Голубь-путешественник сидел в угрюмом молчании, *стиснув зубы*, на плечи у одного из двух лызгачей, который, смотря на гребенку, восклицал в сумасшествии: какой интересный цыпленок! Но всех несчастнее и горестнее были мыши. Они лишились своего благодетителя! Столпившись стояли они неподвижно и без внимания, в окаменелой печали смотрели на солнце и молнию, которые неподалеку от них лежали в конвульсиях...

О друзья мои, хотя я и не принадлежу к героям избранных притчей, но в эту минуту я почти сам сделался притчею и вместе с другими приступил к священному гробу покойного! Сердце мое сжалось, когда я увидел его неподвижного в сем гробе, и уста мои сами собою заговорили, и я умолк*.

* Далее в рукописи зачеркнуто: «Ты ли это, граф Дмитрий Иванович?» — спросили мой уста... «Так, точно ты», — отвечали мои уста. О, для чего покинул нас! Кто принуждал тебя вступать в сию Беседу, где смерть царствует, где мыши, упитанные трудами Александра Семеновича и твоими и прочих, кажутся не мышами, а большими шавками! Зачем вступил ты в сию Беседу! Но что напрасно сетовать: его нет! Приступите, скоты, приступите, звери вельможные! Бросьте окрест себя взоры... вот все, что великолепие и слава сделали для воздаяния надлежащей почести вашему герою! Притчи, послания, лирические стихотворения, горестные знаки небытия! Трагедия «Андромаха», в которой надобно плакать от горести и в которой плачешь от смеха! Колонны, составленные из нераскупленных изданий, печатные вздоры, которые как будто к небесам возносят великолепное свидетельство ничтожности, и посреди сих почестей невидим один только тот, кому они воздаются.

11 ноября (1815 г.) Каменец-Подольский.

Благодарю тебя, милый друг, за чай и за насмешливо-смешное послание. Если б я думал, что ты не в состоянии написать что-нибудь важнее *блестящих безделок*, то не давал бы тебе совету. Ограничить себя эпиграммами и Шутовским, тебе, с твоей душой и умом, все равно что Ахиллесу палицей бить воробьев — и только! Но ты меня давно понял, а спорить для спору. Писать что-нибудь поважнее посланий и мадригалов не есть писать «Плач Юнгов»: от тебя зависит выбрать предмет, тебя достойный. Поговорим об этом на досуге, а теперь о Шутовском. Я ничего не знал до твоего письма. Ни Дашков, ни Гнедич, ни Жуковский, никто ко мне не пишет из Петербурга; и я думаю, это заговор молчания. Но бог с ними. Из журнала я увидел, что Шах (овской) написал комедию и в ней напал на Жук (овского). Это меня не удивило. Жуковский не дюжинный, и его без лаю не пропустят к славе. Озерова загрызли. Карамзина осыпали насмешками; он оградился терпением и Историей. Пушкин будет воевать до последней капли чернил, он обстрелян и выдержит. Я маленький Исоп среди маститых кедров: прильну к земле, и буря мимо. И тебе, милый друг, не советую нападать на них эпиграммами. Они все прекрасны и на сей раз, сказать можно, что делают честь твоему сердцу, но, верь мне (я знаю поприще успехов Шутовского), верь мне, что лучшая на него эпиграмма и сатира есть — время. Он от него не отделается. Время сгложет его желчь, а имена Озерова и Жуковского и Карамзина останутся. Пусть его венчают чем хотят и как хотят. Надобно знать людей, которые его хвалят, чтобы не уважать ни их, ни Шутовского. Невежество, глупость, зависть — его хвалители. Верь мне, Шутовской не дурак. Он бы позволил себя высечь, чтобы его похвалил Озеров, Карамзин и Жуковский: я знаю его вдоль и поперек. Они не хвалят? Как же с ними жить? бранить. Они его не бранят; они презирают. Вот ему мучение. За столько и столько вялых стихов, комедий, трагедий, поэм и проч. С моей стороны ответом будет молчание и надежда что-нибудь написать хорошее. Если удастся, то я это все посвящу Шутовскому и товарищам. Они пробудили во мне спящее самолюбие. Не на эпиграммы, нет: на что-нибудь путное. Если богу угодно будет дать мне досуг и здоровье, которых я лишен, то я буду трудиться для славы: по крайней мере стану ее иметь в виду. Крапивные венки оставим им. Радуюсь, что удален случайно от поприща успехов и страстей, и страшусь за Жуков (ского). Это все его тронет: он не каменный. Даже излишнее усердие друзей может быть вредно. Опасаюсь этого. Заклинай его именем его гения переносить равнодушно насмешки и хлопанье и быть совершенно выше своих современников (...) Он печатает свои стихи. Ра-

дуюсь этому и не радуюсь. Лучше бы подождать, исправить, кое-что выкинуть: у него много лишнего. Радуюсь: прекрасные стихи лучший ответ Митрофану Шутовскому.

Я подал прошение в отставку и надеюсь быть в Москве по первому пути; ожидаю денег и сижу без гроша. Здесь очень скучно, и я теперь совершенно празден. Заняться не могу. Сердце мое не здесь, а где сердце, там и умишка. Желая его успокоить при тебе: дружество и сие сердечное излияние есть нужда, потребность, *вожде-леннейшее желание*. Если не умру от скуки, то увижусь с тобою. Обнимаю Левушку, которому советую выучить наизусть похвальное слово любви к отечеству Старика, Буниной «Фазтонта», стихи Олина-Анакреонта, Львова «Храм Славы», наконец «Шубы» Шаховского и несколько стихов из «Деборы»: более не вынесет, хотя крешка его натура. Я видел опыты, что подобное воспитание образовало молодых людей и открывало им путь в подмастерья в Беседу и далее. Вот мой совет: но я вопию в пустыне. Простите, обнимаю вас от всей души, ото всего сердца; этого сказать Шутовской не может друзьям своим *et pour cause* *. Еще раз до свидания.

К. Батюшков

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 18 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в осьмьйнадесять день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потока в лето первое, от Видения в месяц второй, в доме его превосходительства Кассандры был четвертый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Чу.

Старушка.

Эолова Арфа.

Ивиков Журавль.

Громобой.

Светлана

и еще один волонтерный любитель арзамасских веселостей, его превосходительство гвардии прапорщик господин Писемский, родной племянник его превосходительства Кассандры, следовательно, родной племянник и всего Арзамаса.

В сем заседании происходило следующее:

* недаром (*фр.*).

1-е. Его превосходительством мною прочтен был протокол прошедшего заседания, очень умный, по обыкновению, и члены восхищались по обыкновению.

2-е. Его превосходительство Громобой явился уже по прочтении протокола. Все члены, вообразившие, что он опять оскотинился, весьма обрадовались, увидя его вступающего в храмину заседания, во всей чистоте арзамасского гуся; обрадовались тем более, что это позднее появление почтенного Громобоя доставило им удовольствие слышать во второй раз чтение моего прекрасного протокола. И я читал его с особенным удовольствием: ибо моему воображению представлялся уже его превосходительство, грядущий на четвереньках, смиренно читающий самому себе отходную и гордо внимаемый одними безмолствующими задницами их превосходительств прочих собратий моих, обратившихся к нему гордо хребтами. Сия ужасная мечта как вран Промифеев клевала утробу моего воображения: но при виде вступающего в Общество наше члена Громобоя жестокий вран сей обратился в дружественного гуся, и воображение отдохнуло.

3-е. Его превосходительство Ивиков Журавль введен был торжественно в храмину; прочитал клятвенное обещание; сел; потом, окунув затейливый нос свой в беседную лужу, вытащил оттуда очень порядочного покойника и принялся долбить его себе в честь, а нам в утешение, а его превосходительство Кассандра отвечал нововступившему другу своему разными сладкостями и очень удачно сравнил его с тем интересным Журкою, которого так превосходно описывает его сиятельство граф Бюффон.

4-е. По жеребью выбран оратором следующего заседания его превосходительство *Старушка*, а его превосходительству *Чу* досталось быть очередным президентом. При сем выборе случилось нечто весьма неприятное: его превосходительство *Эолова Арфа* издал некоторые непристойные звуки отрицания и начал весьма поносным образом корячиться против законного избрания в ораторы. Члены с сердечным прискорбием заметили сию неблагодарность его превосходительства, уже уволенного один раз от чтения, но уволенного с условием исполнить без всяких отговорок священную свою обязанность. И положение, в случае решительного его возмущения, поступить с ним следующим образом:

1-е. Признать его покойником.

2-е. Переименовать его из *Эоловой Арфы Убий-
цею*, или *Лешим*, или *Плешивым месяцем*.

3-е. Вместо очередной речи велеть ему вытвер-
дить наизусть *Похвалу женам*, которую прочи-
тать вслух за ужином, без ошибки, несмотря
на то, что члены не будут его слушать.

4-е. За ужином не есть ничего, а довольствоваться
одною ободранною гускою гуся, которая
будет лежать пред ним на первой странице
«Рассуждения о старом и новом слоге» как эм-
блема того утраченного величия, которое он
уничтожил своим упрямством; и наконец 5-е.
Он лишится титула *Превосходительства*, и по-
лучает прозвание *Ободранной Гуски*, которое
и сохраняет до тех пор, пока не отпоет надле-
жащим образом узаконенного покойника и тем
самым не воскресит себя.

5-е. Было рассуждаемо о том, какое бы иметь по-
стоянное занятие Новому Арзамасу. Его превосходи-
тельство Кассандра предложил было заниматься кри-
тическим разбором лучших вновь выходящих книг рус-
ских и иностранных — но кажется, что сие предло-
жение не разлакомило членов и не произвело в умах
их никакой нравственной похоти. Положено предвари-
тельно, чтобы члены предлагали на рассмотрение
Арзамаса всякое литературное прозябение своей
пошвы: Арзамасу же обрабатывать сию пошву, взры-
вая ее критическим плугом, составляя питательные
снопы из того, что произрастет на ней доброго,
недоброе же бросать свиньям и хрюкам беседным,
да попрут его стопую или да всковыряют его рылом.

6-е. Первый опыт сего литературного удобрения
сделан был над двумя приятными произрастениями,
заимствованными из теплицы его превосходитель-
ства *Чу*.

Из оных *первое*: Повесть о том, как некото-
рая собака, по имени Баркуф, царствовала
в некотором государстве с великою мудростию
и как все подданные были ею довольны. Сочини-
тель сам изволил читать сию повесть, и чле-
ны, слушая его, говорили друг другу на ухо: *он
съел собаку*.

Второе: Перевод некоторых затейливых *Пара-
мифий*, сочиненных одним германским арза-

масцем. Члены выслушали два или три отрывка сего богоугодного перевода; почти все в нем принято было с одобрением, кроме одной почтенной Немезиды, которая с сим прозванием казалась их превосходительствам не богинею мщеница, а почтенною ректоршею Дерптского университета или почтенною купчихою в богатом кокошнике. Чтение прочих Парамифий отложено до следующего заседания.

7-е. Ужин, заключивший сие заседание, был освящен присутствием гуся. Члены приняли с восхищением своего жареного соотечественника; но, увь, сие восхищение смешано было с горестным предчувствием: священный гусь стоял на столе, обращенный тучною своею гускою к тучному его превосходительству Золовой Арфе, и члены невольно мыслили про себя: *не миновать ему ободранной гуски.*

Президент *Кассандра.*

Громобой.

Ивиков Журавль.

Чу!!!

Будущая ободранная гуска,

что ныне Золова Арфа.

Старушка.

Светлана.

РЕЧЬ КАССАНДРЫ

г. Ивиков Журавль!

Мне известна ваша живая почтенная ненависть ко всем похитителям: и к дерзким воинам, сидевшим на престолах царей своих, и к невинным драматургам, взявшим на откуп рукоплескания партера. Знаю, что вы и на меня взираете с ужасом, ибо я занимаю здесь не свое место. Но кто осмелится роптать на судьбу всегда непостоянную? Она была вам благоприятна не долее минуты; назначила вашим хвалителем одного из славнейших граждан Арзамаса и вдруг отменила свое решение, как Гражданская Палата отменяет решение уездных судов. Черный конь почтенной Старушки сделался брыклив и непокорен: уподобясь богу Протею, он начал являться к г<оспо>же своей то в виде посла Феталишахов, то в лице сира Гора Узеле, то под личиною И. А. В. и в других многообразных образах: наконец, в одном из сих видов, не знаю точ-

но, в каком, неверный конь умчал Старушку вдаль от Арзамаса, вдаль от мирных занятий наших. Она возвратилась, но поздно, и смущение души ее, еще пораженной зрелищем страны неведомой, страны ведьм, разбойников и злых духов, не позволяет ей совершить обряда вашего. На меня возлагают сию обязанность; я должен сопричесть вас к лику безвестных арзамасцев, я должен вам поведать наши тайнства, увы, также безвестные, может быть, и для нас самих. Так, М. Г., и я — недельный архонт Арзамаса, и я был погружен в сие постыдное невежество; но прошедшая ночь озарила меня новым светом. Не знаю, как назвать, что было со мною — пророческой сон или откровение въяве, но я имел откровение. Внимайте, почтенный Журавль, внимайте, все почтенные члены, что было со мною. На сем месте, на сих обширных креслах я сидел, объятый глубокими, тяжкими думами; наступала торжественная минута глухой полуночи, и хлад неизъяснимый проникал до костей моих, я чувствовал, что во мне сердце томилось и мысли переставали бродить от предмета к предмету, но еще живо представлялось в уме моем тщета всего мирского; увы, я находил ее и в славе Российской Академии, и в красоте кулисных прелестниц, и в усладительном чтении Беседы. О Беседа! воскликнул я, где ты?.. и едва произнес волшебное восклицание, как глаза мои затуманились, свечи без треску погасли и воцарилась повсюду тьма ужасная, подобная тьме хаоса и творениям Лабзина. Я был в волнении ожидания; вокруг меня все подобило обширной монастырской спальне; в одном углу тихое дыхание спящих, в другом кто-то грозно храпел, а в третьем как будто бредили. И вдруг в саду моем запел петух Людмилы, и некий глас промчался с сим пением, и глас как будто над звездами вещал: да будет Арзамас, и вместо мрака ночи появилось мерцание слабое, но приятное, подобно заре, предвещающей солнце. Я открыл глаза, обрадованные светом; мне показалось, что все шкапы раскрыты, что на полках оживились и Гомер, и Расин, и Фенелон, и Вергилий, они встречали какое-то существо, которое называлось учеником их. Я взглянул и увидел влетевшего Гения; на лице его изображалась откровенность юности, во взорах сияла любовь к изящному; венец его был составлен из красивых невысоких башен; в одной руке он нес светиль-

ник тихий, но блестящий, в другой был щит с древним гербом Арзамаса. Я покровитель вашего города, сказал Гений, и пришел открыть тебе тайнство, никому из вас не известное. Вы можете быть пророками без вдохновения, ибо вся тайна пророчества, весь характер и часто судьба человека заключается в его имени. Так Хвостовы своим названием обречены неоприятности, так слог Шишкова всегда будет несносен для читателей, как шишковая дорога несносна для фельдъегерей; и ты, Кассандра, часто пророчествуешь и всюду находишь неверующих; так и новый завтрашний брат ваш найдет историю жизни своей в естественной истории Бюффона, в 18-м томе Ирапелетова издания на странице 139-й и следующих. Послушай, вот она: «Журавли, говорит Бюффон, принадлежат к роду странствующих птиц, и странствия их самые продолжительные, самые смелые. Так и Журавль вашего Общества беспрестанно путешествует, и никакой арзамасский гусь, подобно ему, не бывал ни в Иркутске, ни в Красноярске, ни в Маймачине. Журавли предчувствуют и предвещают лето и зиму, ясную погоду и ненастье, и ваш собрат нередко предсказывал ненастье на Парнасе; в древности Журавли сражались с пигмеями и истребляли их, и новый Журавль Арзамаса ведет войну с пигмеями»... Но Гений умолк, и я должен один окончить сравнение. Так! любезнейший пернатый, во всем вы сходны с своим патроном! и нынешний подвиг ваш тому доказательство. «Журавлей, продолжает Бюффон, ловят *силками и сетками*»; нам известно, в каких силках, в каких сетях держала вас и милая крестьянка Красноярская, и Теофила, сияющая в Пензе, и другия и другие... Журавли питаются хлебом, и вы питаетесь хорошими книгами, но для лакомства они ловят червей, лягушек и гадин, а есть ли в Беседе гадины превосходнее Хвостовых; одного проглотила Светлана, зато вы другого не упустили. И вот он лежит изглоданный вами, и по нем еще ползают сии черви, столь любезные для вашего журавлиного клюва. Как не назвать червями этих мелких порождений его таланта: эту полдюжину стишков и две дюжины слов, которые нашим бабушкам казались острыми, так как иные червяки блестят, да только ночью. Хвала вам, член и соглядатай! Вы не изменили ни званию, ни имени, ни характеру Журавля; вы не испугались пигмея и прежде всех по Асмо-

дее дерзнули того укусить, кого все боялись, как кусали. Хвала вам! Вы достойны Арзамаса, достойны своей восприемницы баллады, которой, кажется, вы и не читывали. Однако ж — я вам советую прочесть ее.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

18 ноября 1815 г. Москва.

...Хороши вы, Арзамасцы! Вся Москва наводнена «Липецкими Водами»; одни мы, усердные Арзамасцы, забыты вами. Как не прислать одного экземпляра! На днях Кокошкин позвал меня на вечер к себе для слушания «Вод»; я повез с собою Василия Пушкина, и

Мы зрели полное собрание
Беседы всей:

Иванов, Мерзляков и все московские актеры. Сначала приметно было, что *некоторые умы* расположены были благосклонно к Шутовскому: хвалили разговор, свободу, чистоту, плавность слога. Один Пушкин несколько раз испускал яростные крики, не будучи в силах обуздать порывы ретивого сердца. Я молчал и думал про себя, что версификация не свободная, а растянутая и водяная, а потому молчал, давши себе слово не говорить, если нечего будет хвалить. Действие первое прочтено: хвалят тот же свободный разговор; кто-то спрашивает о ходе первого действия. «Да,— говорят,— кажется, он медлен, но подождем конца». Читают второе действие. Кокошкин божится, что разговор самый комический. Я молчу, будто верю; другие и заподлинно верят и вторят ему, но, однако же, лица темнеют, тень скуки крадется по челам. Василий Пушкин бодрится; крики его вырываются чаще из груди, волнуемой яростью; я молчу и гляжу на свет бледный и унылый. Читают третье действие. Читают, читают, несетя легкий ропот, и Кокошкин не божится, а зевающий его рот молча клянется за него, что и он скучает; Мерзляков уже выставляет Аристотеля; Иванов начинает выпускать плоские шутки; Василий Пушкин бьется по ляжкам и вскрикивает: «Я торжествую». Я молчу и гляжу на свет бледный и унылый. Читают четвертое действие, читают пятое, кончают, и единый глас, вылетающий из разных грудей, воскликнул: «Пьеса дурна; нет в ней ни одного характера, нет хода, нет плана, нет завязки».

И в самом деле: можно ли было ожидать от Шутовского подобной плоскости, хотя и возвышен он на чреде плоских. Что за кокетка — курва? Что за Пронский — дурак? Чего хочет Саша? Почему думает он, что Оленька влюблена в него, а что он — в сетях графини? Что за Холмский? Что за Ольгин? Что за Угаров-Буянов? О Фиалкине и говорить нечего. Подлая зависть ничего внушить хорошего не мо-

жет. Одно лицо сносное: старой княжны. Что за иллюминация? Мне хочется написать на эту пьесу письмо обстоятельное к лицецкому жителю, но надобно собраться с силами: я теперь болен и что-то невесел. Надеюсь, однако же, в скорости исполнить свое желание. Между тем, ради Бога, печатайте мои эпиграммы; выставьте хотя имя мое полное, и чин, и лета, и приметы...

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

23 ноября 1815 г. Петербург

...О себе скажу, что я здоров и занимаюсь совершенными пустяками. Важное ничто не лезет в голову, и на то есть причины. Зато протоколы Арзамаса, которые перо пишет не спрашиваясь с головою, весьма богаты всякого рода галиматьею. Я недаром обожатель твоего гения. Арзамасское общество умножено двумя новоприбывшими. Северин с нами; вчера я с ним провел целый вечер у Блудова, и чтобы прелесть этой минуты свидания была совершенна, нужно бы было твое присутствие, да еще нашего Пипиньки — зато мы об вас и вспоминали с горем пополам. — Другой арзамасец Полетика, которого я еще не знаю и не видал. Северин немного вырос, но все по-старому малютка. Не изменился нимало; глядя на него, видишь старое время, видишь Москву, домик Дмитриева, твою горницу с камином, и много кое-чего с горем пополам лезет в душу. А ргорос о душе — черт знает, что делается с моею душою; она расщепилась как ветошка; все как будто из нее выдохлось. Весною с Севериным, с Дашковым буду в Москву и освежусь в Остафьеве. Петербургский климат, несмотря на радости Арзамасские, не здоров для меня: огонь Весты бледнеет...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 25 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в двадесять пятый день, по обыкновенному летосчислению 1815 г., от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц второй, в доме его превосходительства Старушки был пятый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Чу.

Старушка.

Золова Арфа.

Кассандра.

Ивиков Журавль.

Громобой.

Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был протокол прошедшего заседания, и члены заметили весьма справедливо, что я час от часу становлюсь совершеннее, с чем я и согласился.

2-е. Его превосходительством мною и другим арзамасцем, которого признательно написать я забыл, введен был очередной отпеватель его превосходительство Старушка и представлен президенту члену Чу. С надлежащею благопристойностию его превосходительство прочитал присягу; во время сего чтения члены с сокрушением заметили, что его превосходительство я несколько проказничал, почему и поручено мне сделать на этот счет некоторые укоризненные замечания, дабы вперед я не мог позволять себе таких непотребных вольностей, вводящих в искушение прочих членов, особенно Эолову Арфу, которая и без того уже часто бывает бунтующею балалайкою и звуками своими производит в заседаниях треск и разрушение.

3-е. Его превосходительство Старушка прочитал весьма колкую панихиду некоторой заморской покойнице, а его превосходительство Чу, бывший президентом сего заседания, отвечал ему очень замысловато, что и не удивительно, ибо известно, какой он умник и затейник. .

4-е. Члены хотели продолжать критический разбор известных Парамифий, начатый в прошедшем заседании, но член Кассандра, временный хранитель сих приятных произведений ума человеческого, благоволил бесстыдно забыть их дома, — и их превосходительства с прискорбием принуждены были повесить носы. По сему случаю определено было сделать хорошенький выговор его превосходительству Кассандре, что, однако, оказалось ненужным, ибо совесть отмстила жестоко его превосходительству за оскорбление Арзамаса: замечено, что он был во все заседание мрачен, ездил на стуле и с ужасом посматривал в темный угол, где мечталась ему почтенная Немезида в огромном чепчике с большими лопастями и над нею невидимая рука чертила пламенные слова: *помни ободранную гуску!*

5-е. Сделан был весьма назидательный выговор его превосходительству Ивикову Журавлю, который давно уже не исполняет своих важных обязанностей соглядатая и содержит свой журавлиный нос в некоем поносном бездействии. Члены напомнили е. п., что он не дол-

жен употреблять свой нос всеу, а на пользу и славу Арзамаса. И надобно признаться, что его превосходительство принял этот упрек не с тою покорностию, какая свойственна арзамасцу; он горделиво надул свой зоб и более похож был на оскорбленную индюшку Беседы, нежели на миловидного журавля-мстителя за арзамасских Ивиков. Тут увидели, как он отличен был от его пр(евосходительства) Кассандры: он был так же хладен, как один из столпов, составляющих ограду Беседы, а за ужином ел более *Эоловой Арфы*. Члены надеются, что он исправится; что он отучит себя от непристойной привычки надувать зоб — в противном случае вместо *Ивикова Журавля* он будет наречен: *Индюшка-сотрудница*.

6-е. Члены избрали в арзамасцы двух знаменитых друзей своих:

1-й. Его превосходительство: *Очарованный Челнок*. С флагом Арзамаса проплыл он по земле и воде все климаты Европы и Америки; на скалах *Ниагары*, по милости его, эхо научилось повторять имя Арзамаса; он познакомил с таинствами арзамасскими испанскую инквизицию; провозгласил Арзамас под аркадами *Пале-Рояля*; и в древнем *Албионе*, видя сражения смелых петухов, с согласия рукоплескающих зрителей, поднес петуху-победителю благородное титло *арзамасского гуся*.

2-й. Его превосходительство: *Резвый Кот*. Долго скитался он в краях отдаленных и принужден был сообщаться с друзьями своими одним письменным мурлыканьем, которое часто пропадало на почте. Наконец мурлычет он непосредственно в слух милых своих собеседников; с растроганным сердцем говорят они ему: *кись, кись*; смело садится он на уготовленное ему место; и может быть твердо уверен, что верные друзья никогда ему *брысь* не скажут, ибо они знают, что он хоть и кот, но совсем *не блудлив как кот и не труслив как заяц*.

7-е. Очередным оратором избран его превосходительство член *Кассандра*, а президентом его превосходительство *Громобой*.

8-е. Сели ужинать, но гуся не было в сонме съестных утешений арзамасской трапезы, и горестное бурчание пробежало по оскорбленным кишкам собеседников.

По случаю болезни его превосходительства очередного оратора Громобоя ординарный Арзамас был отложен, а был, месяца Студеня в девятый день, экстраординарный Арзамас, в коем между прочими приятностями был избран в арзамасцы его превосходительство *Дымная Печурка*; а на место болезненного президента Громобоя избран здоровый его превосходительство *Чу*.

Президент *Чу!!!*

Кассандра.

Очарованный Челнок.

Светлана.

Резвый Кот.

Эолова Арфа.

Ивиков Журавль.

Недугующий Громобой.

Старушка.

РЕЧЬ ЧЛЕНА СТАРУШКИ

Non la conobbe il mondo
mentre l'ebbe.

*Petrarca **

Вид столь почтенного Ареопага достаточен к извинению оратора; если же вы, М. Г., к тому прибавите, что слезы и вздохи перерывают мою речь, то вы увидите, что возложенная на меня ныне обязанность несоразмерна с моими силами. Трагическое приключение, лишившее нас красоты нашего Парнаса, содержит в себе все роды ужаса; самое простое изложение тронет без сомнения ваши сердца и заставит вас посвятить несколько слез памяти незабвенной.

У подошвы русского Пинда, посреди Беседы, цвела некогда нежная и скромная Певица. С самой колыбели она почувствовала влияние гениев и *вздрагивала* при имени *седого деда*. В *зимний холод* согревалась она у пламенника его поэзии. Собравшись к *огонечку*, вся семья внимала с восхищением истинно ребяческим повестям *седого деда*; а *когда матки придут святки*, то юная Сафо предавалась всем дви-

* При жизни мир не знал ее нимало. *Петрарка* (ит.; перевод А. Эфроса).

жениям пылкого воображения; но и тогда мысль о возлюбленном была с нею неразлучна; играя в *снежки* или в *салазки*, младая Певница твердила его неподражаемые стихи и, слава Богу, вкушала *радость многу*.

Я не стану описывать пред вами развитие душевных и телесных сил нашей Певницы; не дерзну я поднять ту завесу, под которой крылось ее младенчество. Возможно ли изобразить ту очаровательную минуту, в которую переступив в первый раз за предел девственной скромности, она вдруг почувствовала непреодолимую страсть *плодиться*? или то божественное мгновение, когда, узрев в первый раз *седого деда*, она бросилась в его объятия и страстным голосом сказала: *Он мой! я его!* — восторг сих согласных душ может только уподобиться восторгу прародителей наших, изображенному в пламенной картине Мильтона. Священная любовь! я не коснусь до твоих таин!

Таким образом летели дни и годы. Сафо и Фаон жили одною душою, увлекались одним чувством, писали одним пером. Уверяют даже, что красноречивый старец рукою, призывавшею на брань народов и царей, нежно прижимал к сердцу страстную Певницу, и — чинил ей иногда перья. Любезная простота нравов! Тебя не знает, кто не чит Беседу!

Сколько наша словесность обязана этому славному союзу! Старец на лоне Певницы начертывал те чудные творения, которыми он преобразил русский язык. Между тем как он углублялся в изыскания корней словес, юная Певница летала по верхам Пинда. В священном энтузиазме, не щадила она ни чернил, ни бумаги. Что день, то новый плод — едва успевала она разрешиться от бремени, как вдруг опять чувствовала тяжесть — предвестницу новых родов. Никогда искусная рука *седого деда* не престаивала быть в движении. Он один принимал сих чад, родительскою красотою и силою одаренных. Он их нарекал, он их орошал слезами радости и часто сам носил их в *воспитательный дом Глазунова*.

Но и *Славенофилы* подвержены страстям и слабостям нашим. Под седыми власами Фаона крылась другая не менее сильная, не менее чудная любовь. Не смущайтесь, почтенные слушатели, если я вымолвлю, что Старец втайне предавался *греческой любви*! Так он умел из сей постыдной страсти сделать страсть проститель-

ную, благородную — отрок упитанный в объятиях седого Фаона был предметом сей нежной любви. Батилл Ш <ишков> а бряцал на лире старца и разделял с Певницею все движения его сердца. Какая картина! *Седой дед*, обнимая одною рукою пламенеющую деву, другою играл власами поющего отрока. Счастливый Фаон вкушал все наслаждения утонченной роскоши. Дева и отрок наперерыв старались угождать всем прихотям его литературного сладострастия. Они между собою не знали ревности; и в сем дивном союзе она не переставала быть девою — он оставался всегда отроком.

Какое безжалостное божество разорвало сии страстные узы? Какие враги отторгнули *седого деда* из объятий нежной Девы и чувствительного отрока? — Сарматская Прелестница и замысловатый родитель *холодных шуб*. Я не стану описывать пред вами все их ковы, всю их хитрость и, увы! — весь их успех. Сладострастный старец не устоял против их искусства. Он предпочел Сарматскую Прелестницу сиротной Певнице; и тучный Шутовской восторжествовал над иссохшим Батиллом.

О если б я имел очаровательную силу отца *Лабзина* или блистательное красноречие двух *Хлыстовых*, озаряющих, подобно Диоскурам, бурный ход нашей словесности, — с каким бы я жаром изобразил мучение невинной, пламенной Певницы! Какими бы яркими, чудесными красками, заимствованными у *Виргилия* и у многих других, я представил бы сокрушение сей *Беседной Дидоны!* Я вам бы показал, М. Г., как иногда в молчании ночи она омывала слезами следы порхающего Старца! как по седалищам *Беседы* она искала неверного героя и, увидев его бодрого, прекрасного, пленительного, кляла свою судьбу и тайно прощала неверному. Но я спешу к развязке.

В одну прекрасную ночь прошедшего июля месяца наша Певница с душою, убитою тоской, села в челнок и предалась тихому течению величественной Невы. Челнок, гонимый легким ветерком, рассекал прозрачные волны. Сафо в глубокой задумчивости бросала томные взгляды на Адмиралтейский шпиг, на Васильевский остров, на все предметы, напоминающие ей о неверном старце. Большой связок бумаг, несколько книг лежали в челноке у ног Певницы. Все мечты протекшего блаженства.

И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
смущали душу нежной девы. Она долго колебалась, но когда челнок приблизился к взморью, тогда изобразилось на лице Певицы все волнение ее мыслей; наконец мысль о прекращении несносного мучения восторжествовала — и вдруг лицо Певицы успокоилось и озарилось небесною радостью. Она подошла к краю челнока; прочитала вслух две страницы из *Разговоров о Словесности* и, обняв в последний раз своих многочисленных чад, вместе с ними бросилась в море — — —

Друзья *Седого деда* распустили слух о мнимом отплытии нашей Певицы в Англию, будто бы для излечения некой тайной болезни. Сии ложные слухи не успокоили совести неверного Фаона. *Почтенная Немезида* его преследует; уж он ею достигнут... С самых тех пор начали замечать в его речах и даже в его мнениях ту вялость и тот недостаток логики и здравого рассудка, которые дотоле были только замечаемы в его творениях.

Вы не будете, конечно, М. Г., требовать от растроганного оратора подробного разбора творений, вместе с Певицею утопших. Потомство лишилось их навсегда. Все невинные затей *Неопытной Музы*, и *Падение Фаетона*, и *Пекинское Ристалище* погрузились с нею в волны. Один лишь *Сын Отечества* гордится и доныне некоторыми торжественными одами и посланиями, смиренно покоящимися в его патриотическом кладбище между записок *американца Свирина* и *Писем из Москвы в Нижний Новгород*.

ОТВЕТ ЧЛЕНА ЧУ СТАРУШКЕ

Если в многолюдном собрании появится вдруг лицо, никому из присутствующих не знакомое, с каким любопытством взоры всех на него обращаются! С каким вниманием все стараются узнать ум его и мнения по поклонам, по форме шляпы и покрою платья, а связи в обществе — по резкому или скромному голосу! Если, вместо сего многолюдного собрания, незнакомец попадетя в другое, не столь многочисленное, наприм. в *Беседу Русского Слова*, то члены и сотрудники наперерыв угадывают его мысли из глаз его. Со всею свойственною им пронизательностию они усиливаются узнать, будет ли он храпеть во время чтения или только дремать

благопристойно; к Коломне ли принадлежит он духом или к Арзамасу.— Если незнакомец наш ступит ногою в карточное царство Англ. клуба, то глубокомысленные литераторы и политики, населяющие оный, выглядывая из табачного своего тумана, стараются не проронить первых слов его и вдруг решат, достоин ли он вмешаться в их вечные споры, и может ли грудь его сравниться с их каменной грудью.— Напротив того, в мирном Экономическом обществе голос пришельца оставляется без внимания. Взоры наблюдателей устремлены на кафтан его; и когда оный сшит по моде 1765-го года, когда в спинку вставлено из экономии сукно самое старое и когда входящий искусно прячет сие, идучи задом к стене, то он всеми признается за достойного члена, и Комитет Общества спешит поднести ему золотую медаль, наследство покойного Нартова. В Академии...

Но я вижу, любезные арзамасцы, что мускулы на лице вашем приходят в судорожное движение, голова тяготеет, грудь стесняется, нижняя челюсть опустилась, рот расширился и представляет видом своим ту букву, которую седой Мешков столь остроумно назвал отличительным знаком вещей круглых — вы зеваете, как бы от стихов почтенного друга моего Хлыстова или от прозы Львова, на слог и на руку нечистого. Вижу это, вижу и ваше нетерпение, любезная Старушка. «Ужели я ошибкою забрела вместо Арзамаса в Беседу? — говорите вы, — только там усыпляют такими скучными предисловиями. К чему оно? Разве я вступаю сюда никем не знаема? Разве друзья мои не довольно во мне уверены и поручили болтливому Чу морить меня наблюдениями над моим платьем и поклонами?» ...Нет, нет, почтенная Старушка! Каждая черта лица вашего нам давно знакома: нам знаком каждый звук вашего голоса, который с таким умилением слышали мы в благословенный день обновления Арзамаса. Мы узнаем вас и по черному коню, который верно не примчал бы вас ни в Беседу, ни в Академию, ни даже в Англ. клуб, на шумное верховное судилище вкуса и политики. Но мы с недоумением смотрим на вашу спутницу и стараемся по виду ее узнать, к какому царству природы она принадлежала. Красноречивая Светлана давно известила нас, что черные Старушки любят смущать покой усопших в гробах их; и мы не удивляемся, видя здесь сие тело, — исторгнутое вами *напрокат* из обширного кладбища Славено-

филов. Но смотрите: на челе сего трупa видна печать Беседы; и между тем он не совершенно лишен жизни. Он одет, по языческому их обычаю, мрачным саваном невежества, но в полуоткрытых глазах его блистает еще какой-то огонь, какая-то живость, которых мы, гробокопатели, не привыкли видеть в мертвецах Беседы. Труп сей покрыт весь беседною проказою; но духовная кожа его гораздо белее и чище телесной. Вы назвали сию почившую певицу Сафою, а седого ее любителя Фаоном: признаюсь вам, что я бы лучше столкнул с Левкадского мыса сего ветхого деньми Фаона и сберег бы сию Сафу, не для него сотворенную. Он был виною преждевременной ее смерти. Он погубил Неопытную Музу ее и, подобно лукавому диаволу, насадил плевелы, кои подавали возрастающую пшеницу! О почтенная Старушка, столь искусная в колдовстве и заклинаниях! Вы, смутившие в первый раз не смущаемого ничем оратора вольных каменщиков и возвратившие ему самому первобытный его образ камня! Вы, пред кем смирился ретивый «Сын Отечества» и, превратясь в драгунского коня, позволил всем арзамасцам свободно гулять на хребте своем! Почто не можете вы разрушить вечный, очарованный сон лежащей пред нами сестры нашей и потом, сняв с очей ее бельмо заблуждения, возвратить ее рассудку и вкусу? С каким бы удовольствием дали мы ей почетное место в мирном Арзамасе. Она отреклась бы от всех прелестей диавольских, от наваждений седого Мешкова и его клеветов; отреклась бы от них и загладила имя свое и своего Фаетона, начертанные неуклюжими буквами в сочинениях Беседы. Так! имя сие не осталось бы на огромной пирамиде, воздвигнутой в лавке Глазунова, на сей пирамиде, которая подобна египетским тем единственно, что покрыта непонятными таинственными гиероглифами, означающими не счет луковицам, а список членов Беседы и счет неисчетным их творениям. Но что говорю я! Нет, не одни бестолковые гиероглифы составляют сие подобие. В Египте пирамиды сооружены были для погребения царей; у нас для погребения здравого смысла. В Египте люди самые мужественные едва осмеливались вступать в сии жилища смерти и исследовать мрачные их таинства; у нас такие смельчаки еще реже; и один сиделец Глазунова без священного ужаса смотрит на беседную грудy, разорившую его хозяина. Время не смеет к ней прикоснуться: и я слышал даже, что мыши в последнем совете

своём, боясь опьянеть или быть отравленными, единогласно положили не грызть ее, хотя, впрочем, они еще голоднее догадливых крыс, кои недавно залезли в портфель одного из почтеннейших наших членов. Наконец пирамиды египетские возвещают нам славу древних фараонов; так и пирамида «Чтений» возвестит потомству славу Беседчиков, сих людей превыше своего времени, о коих злые насмешники смеют ныне говорить, пародируя слова Калонна: «Если вы желаете услышать возможную глупость, она уже была сказана в Беседе; если вы хотите услышать глупость невозможную, она, верно, будет там сказана». О! Какая обильная жатва для потомков наших!

Но вы молчите, почтенная Старушка, и взор ваш с сожалением устремлен на труп неподвижный. Мрачный Тартар и мрачнейшая дочь Хаоса, Славена, не возвращают жертв своих; заветы вышних сил неизменимы. Воздадим последний долг усопшей Певице и, совершив печальный обряд сей, предадимся радости, с какою должны мы встречать новую сестру свою. Вы с нами, любезная Старушка, столь известная всем истинным арзамасцам по балладе вашего имени, сочинения В. А. Ж., автора многих других баллад и посланий, служившего прежде в соляной конторе титулярным советником, а ныне господина штабс-капитана и ордена св. Анны 2-й степени кавалера, имеющего и медаль за 1812 год на голубой ленте. Вы с нами, с друзьями вашими, которые радуются торжественному вашему вступлению в Арзамасскую храмину. Будьте соучастницею трудов и удовольствий наших, плюйте на врагов Арзамаса и рассудка и не страшитесь грозящей нам ненависти Славенофилов.

Д. В. ДАШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

26-го ноября 1815 г. СПб.

Ради величественного Арзамасского гуся не сердитесь на меня, любезнейший Петр Андреевич, за неисправность мою в переписке с Вами. Во всяком другом случае и во всех других обстоятельствах она была бы совершенно непростительна: но теперь вы должны только жалеть обо мне, бедном мученике Фемиды и Комитета. По чести, ежели собачья жизнь моя еще продолжится, то небольшой участок здравого смысла, доставшийся мне от Природы — (от сей Природы, которая так щедра к вам, любезнейший князь, и к любез-

ным Арзамазцам, и так скупа к Беседчикам) — скоро выдохнется, улетит на луну, и мне тогда уже не миновать Сотрудничества. Шутки в сторону, приезд Государя и очистка дел так много доставили мне работы, не всегда приятной, что я едва успеваю бывать в Арзамасе, в этой милой отчизне, где мы всегда об вас вспоминаем. Какое бы для вас обильное поле! Секретарь наш Светлана, который как будто бы нарочно сотворен для сего звания, верно, уведомил уже вас, что в самое первое Собрание вы избраны *par acclamation* * Сочленом нашим: следовательно, я не нарушу ужасной присяги нашей, говоря с вами откровенно. Из великодушия и чистейшей любви к ближним (хотя ближние сии часто бывают чересчур глупы) мы положили, чтобы каждый новопринимаемый член выбирал для первой речи своей одного из живых покойников Беседы или Академии *заимообразно и напрокат* и говорил бы ему похвальную надгробную речь. До сих пор таких мертвецов отпето у нас пять, и Светлана превзошла сама себя, отпевая петого и перепетого Хлыстова. То-то была речь! То-то протоколы! Зачем вас нет с нами! Очередной председатель — у нас всякую неделю новый и по Именному Указу, как в Академии — отвечает Оратору пристойным приветствием, *в котором искусно мешает похвалы ему с похвалами усопшему* (выражения церемониала). Опять новое торжество для Светланы! Ей пришлось принимать Громобоя-Жихарева, который, бывши прежде Сотрудником Беседы, должен был по общему нашему постановлению отпевать сам себя. Поле было, конечно, богатое, но исполнение превзошло ожидания наши. Атрей представлен был в виде *некоего царственного волдыря* на лице бывшего поганого Беседчика, а остальные 27 трагедий, комедий, трагикомедий, драм, опер и водевилей, сочиненные и переведенные им, представлены волдырьками и сыпью, окружающими большой нарост. Словом, было чего послушать. Неоцененный Секретарь наш недаром жил так долго с Плещеевым и удивительно как навострился в галиматье. Любимое его выражение: «Арзамасская критика должна ехать верхом на галиматье». Судите о прочем. Приезжайте скорее к нам, хотя недели на две. Выберите себе по сердцу покойника и похороните его с миром в стеклянном гробе нашем.

Теперь только вспомнил я, что еще не благодарил вас за два приятнейшие письма ваши и за прекрасные эпиграммы, которые совершенно похожи на золотое копьё Аргаилово: они вышибают из седла всех противников наших с первого раза. Помилуйте, какие это *ножички*. Тупая сабля моя перед ними хуже деревянной сабли итальянского Арлѳкина; но так и быть! я бью врагов Арзамаса чем ни попало. Не сердитесь на нас, любезнейший князь Петр Андреевич, за то, что прекрасные эпиграммы ваши до сих пор не напечатаны:

* без голосования, единодушно (*фр.*).

с львиною силою надобно нам иметь и мудрость змеи, и мы выжидаем удобного времени. Nous avons eu affaire à une bien forte partie * — но теперь слава Арзамасу! Враги наши растоптаны и грызут только нашу пяту. Много, много и вы нам способствовали: все вытвердили наизусть «Поэтический венок» ваш, и сам Каргузов должен был хвалить его. Но вы что-то забыли седого деда: представьте, что после первого представления *Комедии против комедии* Хлыстов ухватил за руку Сочинителя — которого неизвестное вам имя Загоскина мы переменили в *Гвоздушкина* — и потащил его в директорскую ложу, где во всей славе сидел Мешков, и представил молодца, как ниспосланного с небес мстителя. Мешков, puisque Мешков il ya **, вскочил, принял мстителя с распростертыми объятиями и обещал ему — первую вакансию Сотрудника в Беседе; но тот корячится и хочет пролезть прямо в Члены. Благородное честолюбие! Нельзя ли Вам, любезнейший сочлен, достойно воспеть все это? Жуковский то и дело твердит: ей, быть Беседиаде!

Простите, любезнейший князь, будьте здоровы и счастливы, веселитесь в Москве, но ради Арзамаса приезжайте к нам поскорее, хоть на несколько дней; привезите нам еще несколько *дней* Вашего сотворения. Нам в хороших стихах, каковы ваши, большая нужда. Жуковский изленился и без вас ничего писать не хочет... Северин на сих днях к нам приехал, но все еще кружится с утра до вечера. Он будет к вам писать непременно, как скоро удосужится, а между тем поручил мне крепко, крепко обнять Вас. Позвольте мне и за себя это исполнить и уверить Вас снова в искреннейшей сердечной моей к Вам преданности.

Ваш навсегда, *Дашков*.

Покорнейше прошу Вас засвидетельствовать Княгине Вашей мое почтение, а Катерине Андреевне и Николаю Михайловичу сердечное участие, с которым узнал я об их потере. Вот истинные несчастья! Как сладко быть отцом семейства, но как тяжело потерять то, что нам всего милее! Я очень это чувствую. Письмо Ник. Мих. к Тургеневу до слез меня тронуло: как видна в нем прекрасная душа его! Но он и в горести своей имеет верную отраду. Религия и философия будут его утешителями.

К любезнейшему Василию Львовичу буду писать на следующей неделе. Теперь, право, невозможно. Мысленно его обнимаю.

Я потерял Ваш адрес, и посылаю сие письмо через Пушкина. Пожалуйста, пришлите мне новый адрес.

* Мы имели дело с сильным противником (*фр.*).

** поскольку... он Мешков (*фр.*).

⟨Декабрь 1815 г. Петербург.⟩

...Присылай письмо липецкого жителя и критики. Твои пуценные эпиграммы не напечатаны для того, что *наша война* кончена трактатом, который объявлен в «Сыне Отечества» в статье под именем *мнений постороннего*. Критики же и письмо напечатать можно будет: это уже война литературная. Чтобы только в них не было ничего обо мне.

Наш Арзамас усилен тремя новыми членами: Северин = Резвый кот; Полетика = Очарованный челнок; Воейков = Печурка...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 16 ДЕКАБРЯ 1815 г.

Месяца Студеня в шестойнадесятый день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц третий, в доме его превосходительства Кассандры был шестой ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Чу.

Старушка (присутствовала на бале).

Эолова Арфа.

Кассандра.

Ивиков Журавль.

Резвый Кот.

Очарованный Челнок.

Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен превосходный протокол.

2-е. Введен торжественно по обычному уставу его превосходительство Кассандра в храмину заседания и представлен пред знаменитого президента Чу. Прочитав священное клятвенное обещание и не подписав его, ибо оно еще мною не переписано, его превосходительство приступил к очередному отпеванию некоего мертвого проказника Беседы, причем досталось и многим живым. Президент Чу вторил ему с обыкновенным своим красноречием. Потом оба, к сожалению друзей своих, замолчали, но не усыпились и нас не усыпили.

3-е. Читан был некий Гимн, как будто бы воспетый господу богу, разрушившему козни злочреватого Галла,

который с двадцатью народами, разъяренный, богомерзкий, косящийся на золото, серебро и утварь церковную, отступник веры и злочестивый изbleватель хулений и непристойностей, притек, приспел, нахлынул на Москву и окутал ее пожарами! В сем гимне изображаются торжественные деяния русских, их славные подвиги на поле брани и ниспадение Галльской звезды с фирмамента и живо представляется, как добрые россияне после всех своих торжеств восскакали в радости и песнопении. Их превосходительства члены делали во время чтения различные придирки. А Эолова Арфа несколько раз принималась шептаться с Резвым Котом, который, волею, а вдвое того неволею, ответствовал на ее секретные запросы таинственным мурлыканием на ухо.

4-е. Во второй раз читаны были Парамифии, переведенные из господина Гердера. Почтенная пасторша Немезида утверждена в своем звании.

5-е. Избран в очередные ораторы его превосходительство Резвый Кот, а на его погребальное мяуканье поручено его превосходительству Ивикову Журавлю выдолбить своим носом хорошенький ответ.

6-е. Обыкновенное заключение Арзамаса — ужин и гусь с прежирною гускою, в коей, казалось, заключены были все надежды Эоловой Арфы, так была она пухла и раздута!

Президент Чу!!!

Эолова Арфа.

Ивиков Журавль.

Очарованный Челнок.

Кассандра.

Резвый Кот.

Старушка отсутствующая.

Светлана.

РЕЧЬ ЧЛЕНА КАССАНДРЫ

Почтенные друзья-товарищи!

Не дрожащим ли голосом я должен говорить с вами? Не должен ли я с трепетом приближаться к славным мужам, которых чудесная скромность именует безвестными? Куда ни обращаю взор свой, везде я вижу или ряды трофеев, или главы, отягченные лаврами, или раны, достойные благоговения. С чем же предстану я, рядовой арзамасский воин? Увы! Я не имею даже сего блеска

беспечной рьяной смелости, в которой юноша являет залог и предвестие побед грядущих. Ах! нет: моя молодость протекла и исчезла среди Беседы и Академии; давно грызет мое сердце змея безвременной заботливости, и часто на пепле враждебной Трои я помышлял об опасностях Греции. Но сия заботливость не будет ли полезна Арзамасу: ею возбуждаемый, я принесу мое спокойство на жертву любезному городу и буду за врагами его наблюдать повсюду, неутомимо... даже не дремля, если возможно. О друзья-товарищи! давно я исполняю сию священную обязанность: и Арзамаса еще не было, а я служил Арзамасу; дышал усердно ненавистью к его неприятелям и часто проникал в их грозный стан, презирая опасность усыпления; но еще чаще я наблюдал за ними издали или, одетый мраком ночи, рыскал вокруг жилищ их, как серый волк певца Баяна и как грязный Хвостов Певца Батюшкова. В одну такую ночь меня поразило ужасное зрелище: оно будет предметом сего повествования:

Di, quibus imperium est animarum, umbraeque silentes
Et Chaos, et Phlegethon loca nocte tacentia late
Sit mihi fas audita loqui, sit numine vestro
Pandere res alta terra et caligine mersas! *

В предшествовавший вечер оратор Захаров скончался публично на середине «Похвального слова женам»; и дьячок Политковский, читавший отходную, внял последним невнятным словам его. Покойник ему заповедал перенести его кости из разряда четвертого в разряд второй, к драгоценным костям чувствительного Львова, и сей таинственный обряд должна была совершить Беседа в уединении, сокрывшись от взоров чуждых. Но меня о всем известил один предатель Беседы, подкупленный не серебром и не золотом, а похвалою стихам его. Он был моим путеводителем, и мы вместе пришли на берег реки, которой имя вам известно. Приближался час, искони обреченный волхвам и убийцам; вокруг нас все постепенно умолкало; лодки едва колыхались у гранитных сходов, гребцы засыпали, и свечи в окрестных

* Боги, властители душ, и вы, молчаливые тени,
Хаос, и ты, Флегетон, и равнины безмолвья и мрака,
Дайте мне право сказать обо всем, что я слышал; дозвольте
Все мне открыть, что во мгле глубоко под землею таится!
(лат.; перевод С. Ошеров.)

домах, мелькая из окошка в окошко, наконец исчезали. Одна грозная комета сияла на западном небе, и в Беседном капище теплился дымный огонек. Почтенный предатель подвел меня к обширному стеклу: я увидел собрание всех колдунов Беседы. Они готовились лететь на полнощное сходбище и с неслыханными заклинаниями снимали с себя одежды, увы! столь же ветхие, как вкус их Деда Седого. О, вид незабвенный, ужасный! Какая толпа угрюмых старцев, обнажающих морщины свои, и юношей без свежести, и девиц, в которых наготову страдает не стыдливость, а самолюбие. Но вот принесена волшебная мазь в древнем жбане, она как пояс Армиды хитро составлена из мыслей сеида Кукина и глубоких знаний Фулатова, приправлена рифмами певца безглазого и гигантскими словами пигмея Львова, наконец разведена на стихах Барабанова и заморожена под «Расхищенными шубами». Новые чародеи натирают себя таинственной мазью и покрывают наготу свою обертками с книжек Беседы: и вдруг подобно черному стаду ворон и галок, вызывающих бурю, они с криком и визгом поднимаются от земли и летят на полнощное сходбище; летят в разнообразных видах: иной сидит верхом на всей громаде творений своих, иной на худшем сочинении, иной на лучшем. Вот Мешков и Львов: первый, раскоряченный над книжицами, а возле младший Хлыстов и бессловесный Кукин; у них колени стиснуты пустотою; вот Капнист на безрассудных рассуждениях; вот Лобанов на превращенном Расине; вот Крылов на собственной *Свинье*, а вот виляет вдаль и друг наш Гнедич на гексаметре без просодии. И последний (ибо первые здесь последние), последний Державин, отбросив вдохновенные песни своей юности, сажился на Званскую жизнь, но подлетел к нему Лебедь, рожденный им в поздние лета, и, почти против воли, умчал его на Восток, в лучезарный храм Екатерины и бессмертия.

Между тем все колдуны стремились к западу, и я вслед за ними на стихах моего спутника. Там, где река *Сестра* соединяет воды свои с водами Финского залива, есть тесная дебрь, не известная обыкновенным смертным. Во глубине сей дебри, под грязью топкого болота, покоятся духи славных членов Беседы, одни тела их странствуют в Петрополе. В сей дебри совершаются их тайные чары. Дед Седый восседает на месте адского козла, пред ним сожигаются творения, драгоценные вкусу; а все беседные волшебники, держа горящие факелы из

сочинений Карамзина и Дмитриева, пред ним творят свои коленопреклонения. После обычных обрядов Дед Седый велел умершего для света оратора предать грязи при вратах второго Разряда. Начался пышный ход погребения: второй Разряд встречал тело с курящимися черепками; четвертый тащил на себе дроги, и раздутый Барабанов был впряжен в корень, а Павел Львов ревился на пристяжке. Покойник лежал окутанный печатными и письменными твореньями: *Похвала женам* служила ему возглавием; на сердце была *Высылка французов*, пониже *Приданое*, у ног недорожденная Трагедия, а на ней сидел оживленный гением усопшего «повар князя Глеба, к убийствам животных привыкший, с орудием ремесла своего». По сторонам шли «жены благородные, родительницы всего человеческого рода»; за гробом следовал преемник его превосходительства. Колесница двигалась медленно при жалобном вое жен, не уступающих мужьям своим *ни в обратливости, ни в чувствилище*. Но из середины их вырывается *старец женского пола*, которого имя, увы! неизвестно и свету и мне. Ветхий шугай покрывает огромное тело его; или ее; кокошник валится на затылок, из-под него выглядывают седые волосы. Она приблизилась к дрогам, везущим гроб бумажный, схватила за узду ретивых членов и сотрудников и воскликнула мужеским голосом: «О *досточудный хвалитель наш!* Тебя ли мы погребаем без похвал и почестей? О нет! Все *жены благородные* будут тебя хвалить, чрез меня, но твоими словами. «Прими подобающую тебе дань, не по достоинству красновещания, но по нелестному усердию засвидетельствовать нашу к тебе благодарность. Сие произведет не пресмыкательство мое, ниже обыкновенная лесть, ибо всякая хитрость не составляет открытого права. Одно право льстит умам, а движет меня долговременное доброт твоих рассмотрение и ощущение красот, изящества, величия душ твоих. Преклоняющиеся лета к старости, соделав страсти мои погасшими, не позволяют уже мне усыпать строки блестящею пылью с крыла бабочки. Но я с простотою воздаю хвалу тебе, лежащему во гробе, усохшему, но аки бы еще плодоносящему дереву»; и ты будешь для краткой речи моей обширным винословием». А вы, «жены, всегда влекущиеся к началу своему», внимайте началу моей речи; вспомните, что наш умерший хвалитель говорил «об нашем целомудром взоре, о нашей мягкой длани, повсюду услаждающей нравы, о нашем снисхождении к недостат-

ку угождательности, о теле, проникнутом теплотою круговращающейся крови, мягком в составе, благообразном в устройении, давшем бытие телу нашему». И ты, любитель *многоречивой Истории*, наследник незабвенного председателя, внемли...» Но недостойный наследник приклонил свою голову к возглавию усопшего предместника и, объятый сном, подобился заживо неподвижному покойнику. Воззвание пробудило его... Он осмотрелся с ужасом, вспомнил Горация и бежал в Нижний Новгород. Старуха-оратор каменеет и умолкает, — Мешков кивает седую главою, и печальное шествие снова начинается... Увы! Беседа познала, что Захаров не воскрес в своем преемнике.

ОТВЕТ ЧЛЕНА ЧУ КАССАНДРЕ

Пусть многоученый Панглос уверяет, что все на свете имеет свою predeterminedную цель и всегда к лучшему; пусть доказывает он, что нос сотворен для ношения очков, и потому мы носим очки; что пальцы созданы нарочно для держания пера, и потому многие из приятелей наших беседчиков беспрестанно водят пером и чертят белую бумагу. Сердце мое готово согласиться с сими сладостными убеждениями, — ибо я сам иногда ношу очки и сам мараю бумагу, — но разум, сей небесный дар, столь мало мне известный и столь много неизвестный вышеупомянутым почтенным приятелям нашим, скоро представляет мне множество возражений, не похожих на *возражения Каченовского* и на *возражения против возражений седого Мешкова*. Не спорю, что все имеет свою predeterminedную цель: Шутовской создан для того, чтобы терпеть палочные удары и быть от всех презираемым, а Дед Седой, — чтобы возиться с корнями словесными; Беседа сотворена на то, чтобы твердить и писать глупости; Арзамас на то, чтобы над нею смеяться. Но можно ли сказать утвердительно: все на свете к лучшему? Зачем же Хлыстов наводнил все книжные лавки своими творениями, а Нелединский сочинил только немного песен? Зачем Державин еще пишет, а Дмитриев перестал писать? Зачем... Но что нам далеко искать примеры! Зачем слепой жребий назначил меня, недостойнейшего из арзамасцев, для введения вас в дружеское наше общество? Вас, любезнейший собрат, гроза славенофилов и варягороссов, соратник

и вождь мой во бранях словесных! Мне известны все подвиги ваши, и кому они не известны! — Но, ах! Силы мои слишком слабы, чтобы достойно прославить их. Какая разница между моим и вашим приемом! Приветствуя меня, вы из *ничего* сделали *много* и безвестность мою заменили вашей дружбою и красноречием. Все арзамасцы, по свидетельству правдивых наших протоколов, умилились от речи вашей, а я, восхищенный незаслуженными похвалами, не завидовал округлоплоской золотой медали Львовых и Мешковых и лавровому венку Шутовского. Напротив того, — мне предстоит поле самое обширное. Оно усеяно пораженными врагами рас-судка и вкуса, обломками тяжелой артиллерии Беседы и Академии, и посреди трофеев величественный Арзамас, предсказанный и вознесенный вами! И скупая природа лишила меня возможности изобразить сии подвиги. Я чувствую свое бессилие и прошу все почтенное общество не требовать от меня невозможного. Требуется ли публика от издателей Амфиона здравого смысла, а от Михайловских Любителей Словесности, Наук и Художеств — неизданных ими двух номеров безвестного их Вестника?

Итак, с сокрушенным сердцем должен я уступить другим, меня достойнейшим, приятную обязанность, назначенную мне жребием. Другие опишут победы и триумфы ваши и добродетели, вас сопровождающие; мудрость в предприятиях, силу и неустрашимость в битве, и после оной кроткое сострадание, с коим воздаете вы последний долг врагам, почившим сном смертным. Вы помните, любезные сочлены, повесть о бедном греческом рыбаке, который вытащил из воды в сетях своих тело утопшего и не хотел оставить его без погребения. Он стал рыть могилу — боги, дабы наградить его благочестие, послали ему сокровище, и золото, давно в земле таившееся, заблестало под его заступом. И новый собрат наш, исполнив священный долг сей, награжден богами. Вместо золотого фисавра нашел он толпу друзей, приветствующих его лобзанием любви и радостными восклицаниями. Печален был жребий древней Кассандры: все спасительные советы, кои подавала она Приаму и народу его, все справедливые ее предсказания оставались тщетными. Но наша Кассандра была и будет всегда внимаема нами. Она предвещала нам возобновление Арзамаса, и мы рукоплескали ей; она нанесла первый удар сопернику слонов персидских Шутовскому,

и он лежит повержен к ногам Светланы. Пусть почтенная Кассандра покажет еще нам путь к новым подвигам, и мы устремимся вслед за нею. Но нет! пусть лучше она предвестит нам продолжительный сладкий мир после чернильной брани и гибель врагам любезного Арзамаса.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ДЕКАБРЯ 1815 г.

Месяца Студеня в двадесять четвертый день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц третий, в доме его превосходительства Старушки был шестой, то есть седьмой, ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Светлана.

Чу.

Ивиков Журавль.

Очарованный Челнок.

Эолова Арфа.

Старушка.

Кассандра.

Резвый Кот.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочитан был его превосходительством мною, как водится, протокол прошлого заседания, и члены, как водится, рукоплескали и похваливали.

2-е. Его превосходительство Резвый Кот, как нововступающий член, был представлен господину президенту и произнес перед ним с надлежащею благопристойностию клятвенное обещание; потом промурлыкал он погребальную приветственную панихиду, по несчастию весьма краткую, и члены поблагодарили за нее его превосходительство Кассандру, ибо если бы сей его превосходительство не побывал в ресторации, именуемой город Лондон, и не отрыл в ней под № 8 члена Резвого Кота и не предрек ему вовремя той ужасной участи, которая постигла бы его, когда бы он не смурлыкал в собрании узаконенной речи, то мы бы не имели сей речи (весьма остроумной при всей своей краткости) и вместо благородного Резвого Кота видели бы в друге своем некоего кающегося в пакостях своих котенка, подобного тому злохитрому Ваське-коту, который описан в прекрасной басне господина титулярного советника

Ивана Андреевича Крылова; мы видели бы его вступающего на четвереньках в ту хранину, по которой мы ходим так величественно на двух ногах; почтенная Немезида надела бы на него свой капор, и за столом издевалась бы над ним неумолимая ободранная гуска.

3-е. Его превосходительство Ивиков Журавль отвечивал разными приятностями на речь любезного Резвого Кота.

4-е. Заседание было заключено ужином, за которым множество анекдотических рассказней подсластили материальную приятность сочных произведений кухни.

Эолова Арфа.

Кассандра.

Резвый Кот.

Светлана.

Ивиков Журавль.

Громобой.

Чу.

Старушка.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

22 января 1816 г. Москва.

...Здесь каждый день бал, но сердце нерадостно. Как волка ни корми, а он все в лес глядит. Надобно действовать, но где и как? Наша российская жизнь есть смерть. Какая-то усыпительная мгла царствует в воздухе, и мы дышим ничтожеством. Я приеду освежиться в Арзамасе и отдохнуть от смерти. Ждите меня с пуком планов. Пора протереть глаза...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

(Вторая половина января 1816 г. Москва.)

Господин Молчанов-Немцов-безгласный, Тургенев-безъязычный, Попов-бессловесный-словесник, некорреспондентствующий корреспондент Библейского общества, безмолвный оратор женского отделения! Извольте меня выслушать; не тревожьтесь: я скажу только два слова, а там успеете пойти христосоваться с жидами. Ради Библии и Моисея, и Попова удержите Жуковского в Петербурге до моего приезда, а сей мой приезд приключится в весьма скором времени. Я имел честь исполнить ваше приказание и отдал письмо Пушкину, который тоскливо поджидает деньги. С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею пребыть, милостивый государь, вашего превосходительномолчаливства покорнейший слуга такой-то.

Я так на тебя зол, Тургенев: что если бы от меня зависело, то целые два часа не дал бы тебе куска в рот и по крайней мере двадцать минут держал под бессонницею.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ФЕВРАЛЯ 1816 г.

Месяца Лютого в 24 день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц четвертый, в доме его превосходительства Кассандры был осьмой ординарный Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Светлана.
Чу.
Ивиков Журавль.
Эолова Арфа.
Старушка.
Кассандра.
Резвый Кот.
Асмодей.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Член Асмодей, столь долго отлученный от Арзамаса, предстал не с хвостом, когтями и рогами соименного ему подземного беседчика, но с кипкою эпиграмматических козней, коими он искушал и искушает терпение халдеев.

Его подвергнули испытаниям, установленным законами Арзамаса.

1-е. Под грудой шуб расхищенных должен был он отречься от всякого поползновения на соитие с Бесею.

2-е. Полузамерзлый, исторгся он из-под сего сугроба, вооружился стрелою Арзамаса и поразил ею огнедышащего лицедея Беседы.

3-е. Облобызал сову — сотрудницу славы и лиру — певицу мщения.

4-е. Попрыскал преображенный лик свой освященною водою потопа, и наконец,

5-е. Воссевши на седалище очищения, произнес присягу и, нарекшись торжественно Асмодеем, грозными рогами витийства забодал некоего ядовитого москвича, злокозненного историографа клеветы и клеветника на историографов! Сего исколонного красноречивыми рогами Асмодеевыми лукавца принял в лоно свое его превосходительство Старушка и, помявши его порядком,

предал тому, кто сидел впереди, а сей жует его и поныне и будет жевать до скончания веков.

⟨2-е.⟩ Прочтен был его превосходительством мною очень дурной протокол.

⟨3-е.⟩ Положено было посвятить следующее заседание на принятие его превосходительства *Вот*, знаменитого Буяна посреди халдеев, героического баснописца и знаменитого стихотворного посланника.

⟨4-е.⟩ Члены кушали, помнится, гуся.

Президент *Старушка*.

Ивиков Журавль.

Эолова Арфа.

Кассандра.

Асмодей.

Резвый Кот.

Светлана.

Громобой.

Чу.

РЕЧЬ ЧЛЕНА АСМОДЕЯ

Объятый священным трепетом, вхожу я в ограду вашу, почтеннейшие сограждане, и, окидывая торопливым взором именитое собрание героев, проливших потоки благородных чернил на стогнах Петрограда, готов я воскликнуть, искажая немного, по примеру переводчиков наших, известный стих:

Parmi tant de héros je n'ose me montrer.*

Спрашиваю у себя: какие заслуги дали мне право гражданства среди вас; спрашиваю — и нет ответа. Я не успел еще сорвать с себя кору неизвестности, и подвиги мои так еще ничтожны, что почти мог бы надеяться при благоприятном случае занять место на скамьях сотрудничества. Ни Седой Дед не поразил главы моей витийственным анафемом, ни Шутовской не прикрывал наготы моей лоскутием шубы. Едва две или три эпиграммы пробивают твердую кору, облекшую меня: я слышу их благотворный голос: здесь одна, провернувши дырочку, выставляет голову из отверстия коры и пищит:

Каргузов куратор,

Каргузов сенатор,

Каргузов поэт.

Везде себе равен,

* Я не смею показаться среди стольких героев (*фр.*).

Везде ровно славен:
Оттенок в нем нет;
Дурной он куратор,
Дурной он сенатор,
Дурной он поэт.

Ободренный сим благотворным гласом, приподнимаю немного чело, приникшее долу, и восклицаю в свою очередь:

О радость! О восторг! И я, и я пиит!

Но честь, которую удостоиваете вы меня сегодня, любезнейшие сограждане и братья, имеет свои невыгоды. Вы не позволяете мне быть праздным жителем Арзамаса и в сей колыбели нового бытия повелеваете мне изрыть яму на общем кладбище Беседы. Дело трудное и превышающее мои способности. К тому же будьте искренни: лакомые куски падали Беседы уже по выбору насытили арзамасского гуся, а я позднейший ваш посетитель, я au banquet de la mort infortuné convive * едва могу поживиться костями, отверженными вами, но воля ваша свята; любопытный и жаждущий мой взгляд рыщет за добычею по скамьям Беседы: здесь является мне *непременный секретарь*, непременный во всем. *Semper idem* ** его девиз: всегда безмолвный, всегда бездейственный, всегда ничтожный. Но как уморить его, когда в нем жизни нет. Даже взгляд мой разбивается о тушу, плавающую в стоячей воде. Вы узнаете, а может быть, и нет, в сем кратком изображении автора стоячих, но ничего не стоящих комедий. Но пускай совершается вдали от нас всенародное и ежедневное его погребение: да не укорит нас театр в непростительной хищности и не потребует назад возрождающегося по временам мертвеца, принадлежащего ему по всем правам и доставляющего ему всегда возобновляющуюся смертью хлеб насущный. Многие, многие кандидаты смерти попадают к взгляду моему на пути гибели: но незнакомые лица их не останавливают моего любопытства. Иду далее. Кто сей председатель рыжий муж, увенчанный лопухом кураторства, полынью сенаторства и репейником поэзии? Гезиод у него под правую ногу, Пиндар под левою, Греяогревает он рукою смелою, состаревшеюся в смертельных обидах, пена, бьющая слюною, подбывающаяся взбитому мылу, клубится у него во рту, и отбрыз-

* на жизненном пиру я обойденный гость (фр.).

** Всегда одно и то же (лат.).

ги ее летят на Тибулла и на именитых современников, на которых образуется пузырями, то есть одами, и исчезает в океане воздуха, то есть в океане забвения. На голове рыцаря возвышается картуз, приосененный каплуном: продолговатый козырек скрывает от взоров его лучи солнца, которое ему не по глазам. Се он! Се он! Се защитник мой от забвения. Се — Картузов, которому обязан я лучшею моею, по мнению вашему, эпиграммою, которому обязан я за право сидеть здесь между бессмертными мужами Совета смерти. Позвольте мне остановиться на нем: и холодное справедливое беспристрастие могло бы мне повелеть утвердить на нем выбор мой и теплое чувство благодарности и привязанности соотчичей. Он по всему достоин лежать на кладбище Беседы, перенесенное богоугодным усердием вашим в ограду Арзамаса. Или вечно покоиться костям его на безвестном сельском кладбище? Нет! Нет! Он твой, почтеннейший Арзамас! Он твой по всем правам смерти и бессмертия. Он мой по всем правам сердца и признательности. Я дышу с ним одним воздухом, вскармлен Музами, которых он попечитель: я зрел его в недре Московской Беседы, младшей, единокровной, достойной сестры своей Петроградской Беседы: я слышал, как он говорил во услышание трепещущих пред ним клеветов своих, что в Федре нет такой любви, которая была бы главной душою трагедии, а есть только эпизодическая, — основывая свое мнение на примере Арисии, забывая о главном лице; и я зрел, как безмолвное почтение невежества увенчало нелепые слова безумия; я знаю, как он подкупал обещанием знаков отличия издателей московских журналов, чтобы они в листах своих ругали все, что носит на себе печать дарования, знаю, как он у всех подчиненных своих занимает деньги, но ни у кого еще не мог занять ни ума, ни вкуса, знаю, как он лет пятнадцать перед сим был на Московской заставе остановлен в арлекинском платье часовым, не признающим в нем достоинства куратора, и дивлюсь зоркому и просвещенному взгляду сего сына Беллоны, вдохновенного тогда Аполлоном, я видел его, я слышал его, я знаю его и с полным правом и с сокрушенным сердцем готовлюсь отдать последний долг его памяти.

Но как начать, почтеннейшие сограждане? Начнем первым стихом первой его оды:

Всех элементов вода превосходней! —

сказал Пиндар, и добродушный доверчивый Картузов, не смея сомневаться в истине слов великого Пиндара, принял сей стих девизом своим и перевел всего Пиндара водяными стихами. Вот как предки действуют над потомством: и вот как иногда потомки платят за глупости своих предков. Без Пиндара Картузов может бы не был добычею нашею, и вот как мы благодарим Пиндара за подарок нам Картузова. Игра судьбы непонятна: с нею никогда не узнаешь, *никогда*, когда выигрываешь или проигрываешь. Но воображение мое, никогда не занимавшееся так долго Картузовым, побеждается сном; мое перо валится из рук, и я засыпаю, прибаюкивая себе следующею песенкою:

Сограждане! песнь эта — былъ.

Прошу снисхождения вашего и не имею ли некоторым образом право требовать его. *Il faut le sol d'Afrique pour faire mûrir la datte **, — сказала известная Сочинительница: о Картузове должно говорить в Москве, там все исполнено его славою: о нем вещает и прах Университета, и пыль, покрывающая томы его стихотворений, валяющихся на полках книжных лавок. Позвольте мне взять с собою труп Картузова, набить из него чучелу и прислать его в кабинет натуральной истории Арзамаса, а теперь довольствоваться повторением истории.

ОТВЕТ СТАРУШКИ АСМОДЕЮ

Мне ли, простому ратнику в рядах Арзамаса, встречать юного витязя, ознаменованного толикими победами над врагом нашим? Слепой случай мог один назначить меня на сию лестную должность. Он один мог выбрать мое имя из роковой шляпы тогда, когда справедливость требовала другого, достойнейшего председателя. Он один мог предпочесть меня нашей красноречивой *Кассандре*, которая своим пророческим взглядом давно узнала в вас Рыцаря Арзамаса; или сильному вождю *Чу!!*, провозгласившему первый брань и гибель Беседе; или *Бесопицу Светлане*, исправляющему с отличным успехом должность секретаря Ар. Об. Безвестных Людей; или нашей безмолвной *Арфе*, которую сам Эол перестал потрясать; или... Но что я говорю? — Слепой

* Чтобы финик созрел, надобна африканская почва (*фр.*).

случай определил другого! и над героями Арзамаса вос- торжествовала *Старушка*.

Итак: Мой сын! чей растерзанный труп лежит у тво- их ног? — На бледном челе видны еще страх и смуще- ние; я слышала последний стон издыхающего — я его узнаю. Нередко призывал он меня на помощь, но тщет- но; он был зол, но слаб. Часто он принимался за котел и с редким искусством избирал все ядовитые, смерто- носные составы; но когда котел над огнем начинал ки- петь и брызгать, тогда сей малодушный колдун скры- вал с трепетом свой жалкий лик. Иногда брал он в руки *жезло*; но, при первом появлении *Черного Царя*, он при- падал к его стопам бездыханный.

Он, видя бессильного своего раба, попирал его когтя- ми, ударял рогатиною и улетал с негодованием. Я стояла вблизи и видела все усилия усопшего. Я видела, как он во всю свою жизнь вооружался на все высокое и пре- красное; я знаю, как он ползал по передням и изгибался перед лакеями; как он под личиною святости обманывал ближнего и угнетал слабого, как он ругался над благо- деятелями, как он мстил безжалостно, как он хитро уяз- влял; мне известна наконец его ненависть к великому писателю, обогащающему не Россию, а целый мир своим бессмертным творением. Но его уже нет — он издох под твоими ударами, о мой сын! Первый твой шаг к нашему союзу — погибель жестокого врага вкуса, рассудка, Ар- замаса. Твой неистощимый колчан звенит еще за твоими плечами, а ты стремишься уже к новым победам. Мой сын! В лице сего усопшего ты поразил всю Петербург- скую, всю Московскую Беседу! Ибо он соединил в себе талант двух Хлыстовых, логику и цветущий слог Мерз- лякова, бескорыстие *Творца затей*, глубокомысленность Седого Деда и, наконец, свое собственное праводушие и вдохновение!

Мой сын! Прими мою руку на братство и любовь! Будь твердым оплотом, будь украшением Арзамаса! Поражай всегда и везде его врагов и помни, что вот наш обет:

Обетам вечность — чести честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы все, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти.
Утеха — скорби, просьбе — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Бессильному — презренье.

Н. М. КАРАМЗИН — Е. А. КАРАМЗИНОЙ

22 февраля 1816. Петербург.

...Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всех *сердечнее*, ласковее: добрая хозяйка, Малиновские, *Арзамасское* общество наших молодых литераторов...

Н. М. КАРАМЗИН — Е. А. КАРАМЗИНОЙ

28 февраля 1816. Петербург.

...Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы: вот истинная Русская академия, составленная из молодых людей умных и с талантом. Жаль только, что они не в Москве и не в Арзамасе.

Н. М. КАРАМЗИН — Е. А. КАРАМЗИНОЙ

2 марта 1816. Петербург.

... A propos d'Histoire: * читал ее арзамасцам два раза у Екатерины Федоровны (тут был и Оленин) <...> Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ МАРТА 1816 г.

Месяца (по свидетельству его превосходительства Кассандры) Вресеня, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц шестый был в доме его превосходительства Старушки девятый ординарный Новый Арзамас, в коем происходило следующее в присутствии

Их Превосходительств:

Светланы.

Кассандры.

Чу.

Эловой Арфы.

Асмодея.

Ивикова Журавля.

Громобоя.

Резвого Кота.

* Кстати об «Истории» (фр.).

1-е. Собравшемуся Арзамасу в нижней храмине, пришел радостный вестник и повестил друзей о прибытии в верхнюю храмину их нового друга его превосходительства И Воты, бывшего Василия Львовича, по старинным преданиям Пушкина, а по новейшим Плевякина, понеже он довольно слюняв, чтобы одним плевком затопить всех халдеев.

2-е. Друзья его превосходительства обрадовались и обнялись в восторге и воскликнули: «Он там! Он скоро будет и тут!»

3-е. Друзья его превосходительства пошли снизу наверх, дабы узнать, что творит его превосходительство, и нашли, что он изволил творить беззаконие, что комический клещун господин Гавиньи впился в него своим театральным исчадием и что его превосходительство потел от слушания, но сносил терпеливо испытания и даже улыбался. — Это показалось их превосходительствам *зарю надежды*, и сия заря не обманула их, и они не имели причины сказать с чижом Ивана Ивановича Дмитриева:

«Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит», — ибо точно Василий Львович, как увидим после, дотерпел все испытания, как бы некий риноцетос, отражающий стрелы слабого охотника.

4-е. Наставшему часу сурьезных испытаний его превосходительство облекли в страннический хитон, дали ему костылек постоянства в правую руку, препоясали вервием союза, коего узел сходилса на самом пупе в знак сосредоточения любви в едином фокусе, надели на главу его шляпу верности в знак того, что он повергает себя покрову нелицеприятного добротства и заносит ногу в вертеп догматических усыплений, дабы раздавить там всех натопорщенных каракатиц Беседы, — и его превосходительство с гордостью гуся потек в путь испытания. И славно совершилось испытание, но скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, и я молчу, ибо писать более некогда. Не могу только не сказать одного: речь, произнесенная почтенным новым другом, его превосходительством Вот, есть, конечно, прекрасное извержение умственных способностей! Поистине можно его назвать похоронным профессором и заслуженным гробокопателем беседных буянов. Напрасно некий лирический князь мечтал сиять в веках своих стихотворными отпрысками, — наш грозный Вот обрезал своим ужасным косарем сии отпрыски и гарк-

нул на сего покойника богатырским голосом остроумной насмешки! И князь навек закопался в поношении. Такая панихида привлекла все сердца их превосходительств к почтенному Воту, и они готовы наименовать его Богдыханом Арзамаса и первостатейным Гусаком дружбы.

Старушка.

Светлана.

Громобой.

Вот.

Элова Арфа.

Ивиков Журавль.

Кассандра.

Резвый Кот.

РЕЧЬ СВЕТЛАНЫ ЧЛЕНУ ВОТ, ЛЕЖАЩЕМУ ПОД ШУБАМИ

Какое зрелище пред очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалец? Не узнаю его! Сердце мое говорит мне, что это почтенный друг мой Василий Львович Пушкин, тот Василий Львович, который снизшел с своею Музою, чистою девою Парнаса, в обитель нечистых барышень поношения и вывел ее из сего вертепа не посрамленную, хотя и близок был сундук, хотя и совершил он на сем сундуке беззаконие; тот Василий Львович, который видел в Париже не одни переулки, но господина Фонтана и господина Делиля; тот Василий Львович, который могуществом гения обратил дородного Крылова в легкокрылую малиновку... Все это говорит мне мое сердце! Но что же говорят мне мои очи? Увы! я вижу перед собою одну грудку шуб! Под сею грудкою существо друга моего, орошенное холодным потом! И другу моему не жарко! И не будет жарко, хотя бы грудка сия возвысилась до Олимпа и давила его как Этна Энцелада! Так точно! Сей Василий Львович есть Энцелад; он славно вооружился против Зевеса Шутовского и пустил в него утесистый стих, раздавивший ему чрево! Но что же! Сей издыхающий Зевес наслал на него, смиренно пешешествующего к Арзамасу, метель расхищенных шуб. И не спасла его священная Муза, девственная мать Буянова! Се лежит он под страшным сугробом шуб прохладительных! Очи его постигла курячья сле-

пота Беседы! Тело его покрыто проказою сотрудничества, и в членах его пакость «Академических Известий», издаваемых господином Шишковым! О, друг наш! Скажу тебе просто, твоим же непорочным стихом: *терпение, любезный!* Сие испытание, конечно, есть мзда справедливая за неки тайные грехи твои! Когда бы ты имел совершенную чистоту арзамасского гуся, тогда бы прямо и беспрепятственно вступил в святилище Арзамаса! Но ты еще скверен, еще короста Беседы, покрывающая тебя, не совсем облупилась. Под сими шубами испытания она отделится от твоего состава! Потерпи, потерпи, Василий Львович!.. Прикасаюсь рукою дружбы к мученической главе твоей! Повязка проказница, спадит с просвещенных очей его! Да погибнет ветхий Василий Львович! Да воскреснет друг наш возрожденный *Вот!* Рассыпьте, шубы! Восстань, друг наш! Гряди к Арзамасу! Путь твой труден! Ожидает тебя испытание! Чудище обло, озорно, тризевно и лайя ожидает тебя за сими дверями! Но ты низложи сего Пифона; облобызай Сову правды; прикоснись к лире мщеница; умойся водою потопа — и будешь достоин вкусить за трапезою от арзамасского гуся, и он войдет во святилище желудка твоего без перхоты и изыдет из оногo без натуги.

**РЕЧЬ РЕЗВОГО КОТА ЧЛЕНУ ВОТ,
СТРЕЛЯВШЕМУ В ЧУДИЩЕ**

Не страшись, любезный странник, и смелыми шагами путь свой продолжай. Твоему ли чистому сердцу опасаться испытаний? Тебе ли трепетать при виде пораженного неприятеля? — Мужайся! Уже ты освобожден от прохладительного удушья чудотворных шуб, и переход твой из одного круга подлунных храмин очищения в другой уже ознаменован великим событием. Ты пришел, увидел, победил, — и совесть твоя, несмотря на искаженный лик растерзанного врага Арзамаса, спокойна. Так, любезный странствователь и будущий согражданин, я нахожу на лице твоем все признаки тишины, всегда украшающей величавую осанку живого арзамасского знака! Какое сходство в судьбах любимых сынов Аполлона. Ты напоминаешь нам о путешествии предка твоего Данта: ведомый божественным Виргилием в подземных подвалах царства Плутона и

Прозерпины, он презирал возрождавшиеся препятствия на пути его, грозным взором убивал порок и глупость, с умилением смотрел на несчастных жертв страстей необузданных, и наконец, по трудном испытании, достиг земли обетованной, где ждал его венец и Беата.

Гряди подобно Данту: повинуйся спутнику твоему: рази без милосердия тени Мешковых и Шутовских и помни, что

Прямый талант везде защитников найдет.

Уже звезда восточная на высоте играет: стремись к лучезарному светилу; там, при его сиянии, ты вместо Беаты услышишь пение Соловья и Малиновки, и чувства твои наполнятся приятнейшими воспоминаниями.

**РЕЧЬ ЧЛЕНА ЧУ ПРИ ЦЕЛОВАНИИ СОВЫ
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС ЧЛЕНА И ВОТ**

17
II 1816

Принимая с сердечным умилением тебя, любезный товарищ, в недра отечественного Арзамаса, можем ли мы сокрыть от тебя таинственное значение обрядов и символов наших, можем ли оставить на глазах твоих мрачную завесу невежества беседного? Нам ли следовать примеру Бесед, сих рыкающих Сцилл и Харибд, между коими ты доныне плавал: и подобно клеветам их тщательно прятал от слушателей и сочленов, даже от самих себя, здравый, обыкновенный смысл и самые обыкновенные познания? Что нам до Бесед? Арзамас далек от них, как Восток от мрачного Запада, как водяной Шутовский далек от Мольера, а Дед Седой от Лагарпа. Нет! Сердца и таинства наши равно открыты новому нашему собрату, защитнику вкуса, врагу славянского варварства.

Вступая в сие святилище, ты на каждом шагу видишь цель и бытописания нашего Общества: ты переносишься в трудные времена, предшествовавшие обновлению благословенного Арзамаса, когда мы скитались в стране чуждой и дикой, между гиенами и онаграми, между халдеями Беседы и Академии. На каждом шагу

видишь следы претерпенных нами бурь и преодоленных опасностей, прежде нежели соорудили мы ковчег Арзамаса, дабы спастись в нем от потопа Липецкого. С непроницаемою повязкою на глазах блуждал ты по опустевшим чертогам: так и бедные читатели блуждают в мрачном лабиринте славенских периодов, от страницы до страницы вялые свои члены простирающих. Ты ниспускался в глубокие пропасти: так и досточудные внуки седой Славены добровольно ниспускаются в бездны безвкусия и бессмыслицы. Ты мучился под символическими шубами: и обильный пот разливался по телу твоему, как бы при виде огромной, мелко исписанной тетради в руках чтеца беседного. Может быть, роптал ты на излишнюю теплоту сего покрова — но где же было взять шуб холодных? Оне остались все в поэме Шутовского!.. Потом, у священных врат, представился взорам твоим бледный, иссохший лик Славенофила; глубокие морщины, собранные тщательно с лиц всех усопших прабабушек, украшали чело его: глаза не зря смотрели на нового витязя Арзамаса, а из недвижных уст, казалось, исходил грозящий голос: «Чадю, возвратися вспять в Беседу вторую, из нее же ишел еси». Но тебе ли утешиться суетного гласа! Ты извлек свой лук, — который, подобно луку Ионафана, от крове язвенных и от тука сильных не возвратился тощю вспять, — наложил вместо стрелы губительный стих: «Нам нужны не слова, нам нужно просвещение»... и призрак упал, извергая из уст безвредный свой пламень. Не так ли упал пред тобою и сам Славенофил, тщетно твердя о Парижских переулках! Наконец совершены все испытания. Уста твои прикоснулись к таинственным символам: к лире — конечно не Хлыстова и не Барабанова — и к Сове, сей верной подруге Арзамасского Гуся, в которой истинные арзамасцы чтят изображение сокровенной мудрости. Не Беседе принадлежит сия посланница Афины, хотя седой Славенофил и желал себе присвоить ее в следующей песне, достойной беседных Анакреонов:

Сидит сова на печи
Крылышками треплючи;
Оченьками лоп, лоп,
Ноженьками топ, топ.

Нет, не благородная Сова, но безобразный нетопырь служит ему изображением, ему и всем его клеветам.

Настала минута откровений. Приблизься, почтенный *И Вот*, новый любезный собрат наш. Прими из рук моих истинный символ Арзамаса, сего благолепного гуся, и с ним стремися к совершенному очищению. В потоке Липецком омой остатки беседных скверны, сей грубой коры, которую не могут никогда проникнуть лучи здравого рассудка; и потом с гусем в руках и в сердце займи ты место, давно тебя ожидающее. Таинственный гусь сей да будет отныне всегдашним твоим путеводителем. Не ищи его происхождения в новейших баснях; в них гуси едва ли лучше и опрятнее свиной собственных! Гусь наш достоин предков своих: те спасли Капитолий от внезапного нападения галлов; а сей бодрственно охраняет Арзамас от нападений беседных халдеев и щиплет их победоносным клювом. И ты, любезный собрат, будешь подобно ему нашим стражем, *бойцом* Арзамаса; смело сразишься *unguibus et rostro* * с гидрою Беседы, с сим нелепым чудовищем, столь красноречиво предсказанным в известном стихе патриарха Славенофилов:

Чудище обло, озорно, огромно, с гризевой и лаей.

Пусть лает сие чудище; пусть присоединятся к нему и все другие церберы, по образу и подобию его сотворенные; но пусть лают они издали, не смея вредить дарованиям, возбуждающим зависть и злобу их!

Чу!!!

РЕЧЬ КАССАНДРЫ ПРИ ЛИПЕЦКИХ ВОДАХ

Свет в черепке погас, и близок был сундук.

Так, добрый *Вот*! Ты рассказывал о древних грехах твоих, и, слыша в памяти вой, топ и крик полицейских, ты проливал слезы раскаянья... О несчастный! Сии слезы были бесплодные; ты готов на грех новый, ужасный, сказать ли? На злободейство души! И вот роковая минута: меркнет в глазах твоих свет Московской Беседы и близок сундук Арзамаса. Ты погибаешь, поэт легковверный! Для тебя запираются врата Беседы старшей и навсегда исчезают жетоны Академии. Но судьба еще жалеет тебя; она вещает: «Ты добрый человек, мне

* когтями и клювом (*лат.*).

твой приятен вид!» Есть средство спасения. Так, мой друг! есть средство: оно в этой лохани. Взгляни: тут *Липецкие Воды*, в них очистились многие. Творец сей влаги лишь вздумал опрыскать публику, и все переменялось: Баллады сделались грехом и посмешищем; достоинство стихов стали определять по сходству их с прозой, а достоинство комедий по лишним ролям. Что говорю я? Один ли вкус переменялся? Ах, нет, все глупцы сделались умными, и в честных людях мы узнали извергов. То же будет с тобою: окунись в эти воды и осмотришь: увидишь себя на крае пропасти. О пилигрим блуждающий, о пилигрим блудливый! Знаешь ли, где ты? Но, расслепленный сухою водою, узнаешь, узнаешь, что Арзамас есть пристань убийц, разбойников, чудовищ. Вот здесь они вокруг стола сидят

И об убийствах говорят, готовясь на злодейства новы.

И там на первом месте привидение, исчадие Тартара *с щетинистой бородой, с хвостом, с когтьми*, лишь только не с рогами, но вместо рогов торчит некое перо, смотри: на нем, как на ружье охотника, нанизана дичина: и где ж она настроеляна,— и в лесу Университетском, и в Беседных степях, и в театральном болоте, увы, и в Московском Обществе. С ним рядом Старушка, нарушитель сна мертвых; она взрывает могилы, сосет кровь из неопытной Музы, и под нею — черный конь «Сын Отечества». За нею сидит с полуобритой бородой красная девушка, она проводит дни во сне, а ночи без сна, перед волшебным зеркалом, а в зеркале мелькают скоты и Хвостов. И вот новое чудное зрелище; ты видишь и не знаешь, что видишь, гора ли это, или куча, или эхо, или бездна. Чу! там кто-то стонает и мычит по-славянски. Но одни ли славяне гибнут в сей бездне, в ней погрязли и Макаров московский, и Анастасевич польский, и сей Хвостов, не славянский и не русский. Над пропастью треножник, на нем тень Кассандры; ей хочется трепетать и предсказывать и воздымать свои волосы: но пророчества не сбываются, если в волосах недостаток. Вдали плывет челнок еще пустой; увы, он скоро нагрузится телами: из него выпрыгнул кот и для забавы гложет не русского сына русской отчизны. А там Журавль с другим Хвостовым на носу, а там единственная ветренная Арфа, без злодейств и без струн, и, наконец, там Громобой-самоубийца; он пером проколол сердце, в коем был образ

Беседы. Какое скопище безумных злодеев! Бедный *Вот!* Ты увидишь и ужаснешься, но берегись, берегись полотенца. Если оно сотрет воду прозрения, ты ослеп навсегда; злодеи будут твоими друзьями, безумцы — твоими братьями. Избирай: Тьма или Свет? Вертеп или Беседа?

РЕЧЬ АСМОДЕЯ ПО ЗАКЛЮЧЕНИИ ВСЕХ ИСПЫТАНИЙ

Непостижимы приговоры Провидения! Я, юный ратник на поле жизни, младший на полях Арзамаса, приемлю кого? Героя, поседевшего в бурях житейских, прославившегося давно под знаменами вкуса, ума и Арзамаса. Того, который первый водрузил хоругвь независимости на башнях халдейских, первый прервал безмолвие робости, первый вырвал перо из крыла неизвестного еще тогда арзамасского гуся и пламенными чертами написал Манифест о войне с противниками под именем Послания к Светлане и продолжал после вызывать врагов на частые битвы, битвы трудные, но всегда увенчавшие стены арзамасской крепости новою славою, новыми трофеями, новыми залогом победы. Не смею толковать приговоров судьбы: благоговею перед нею и с признательностью исполняю обязанность, возложенную на меня. Приди, о мой отче, о мой сын! Ты, победивший все испытания, ты, переплывший бурные пучины Липецких Вод на плоту, построенном из деревянных стихов угрюмого певца, с торжественным флагом, развевающим по воздуху бессмертные слова:

Прямый талант везде защитников найдет.

Ты, верною рукою поразивший уroda халдейского прямо в чело! Приди, ты, безбедно, но не без славы приставший к Арзамасскому берегу. Посвяти мокрую одежду свою коварному богу вод и займи место свое между нами: оно давно призывало тебя. Давно трапеза арзамасская тосковала по собеседнике знаменитом; давно кладбище халдейское требовало священных остатков певца, чахнувшего долго в долгих творениях своих, остатков сего певца угрюмого, сего филина-великана, прокричавшего на гробах целую ночь, возмущившего сон усопших и погрузившего в сон живущих. Настал час удовлетворения. Почтеннейшие собратия! Он здесь, сей муж опыта: он заседает с нами; на открытом челе

его читаю зрелые надежды и вечную славу Арзамаса, еще рука его дымится чернилами, еще взор его, упоенный благородным тщеславием, указывает нам на труп распростертый, хладный, как Пожарский, Минин и Гермоген, бездушный, как Петр Великий, или, по словам одного арзамасца, *Петр Долгий*, безобразный, как оды, читанные в Беседе.

Излишно и дерзновенно было бы хотеть мне руководствовать тебя моими советами: семена арзамасских правил давно тайлись в душе твоей, и уже некоторые из противников Арзамаса подавились ранними плодами, возвращенными от них усердием твоим, угадавшим, что некогда перенесутся они на пошву благословенную, на землю обетованную тебе, и с вышепосланными надеждами и мудрою прозорливостию Судьба, отворившая тебе двери святилища после всех и, так сказать, замыкающая тобою торжественный ряд арзамасских гусей, хотела оправдать знаменитое предсказание, что некогда первые будут последними, а последние первыми. Сердце мое и рассудок удостоверяют меня в справедливости моей догадки: так, ты будешь староста Арзамаса. Благодарность и осторожность вручат тебе патриархальный посох: арзамасский гусь приосенит чело твое покровительствующим крылом и охранит его от коварного крыла времени, сего алчного ястреба, скалящего зубы,

Позволь, о чародей, запачканный писец!
Славенофилов кум, взять *чудо* в образец! —

сего алчного ястреба, скалящего зубы на все, что носит на себе печать дарования, вкуса и красоты. Но если пророчество мое одна мечта, то по крайней мере современники и потомство скажут об нем вздохнувши: жаль, что не исполнился сон доброго человека!..

СОБСТВЕННАЯ РЕЧЬ ЧЛЕНА ВОТ

Правила почтеннейшего нашего сословия повелевают мне, любезнейшие арзамасцы, совершить себе самому надгробное отпевание, но я не почитаю себя умершим. Напротив того, я воскрес, ибо нахожусь посреди вас, я воскрес, ибо оставляю навсегда мертвых духом, мертвых умом и чувствами. Не мертв ли духом и умом тот, который почитает Омера и Виргилия скотами, кото-

рый не позволяет переводить Тасса и в публичном, так называемом ученом, собрании ругает Горация? Не мертвы ли чувствами и тот, который прекрасные баллады почитает творением уродливым, а сам пишет уродливые оды и не понимает того, что ему предстоит не рукоплескания, но свистки и Мидасовы уши?

Ныне, говоря об ушах Мидасовых, долгом почитаю обратиться к пресловутой Петербургской Беседе. О сколько тут длинных ушей находится! Сколько встречаем мы в ней старых, юных, сухих, чреватых, бледных и румяных Мидасов! Беседа Петербургская ни в чем, конечно, Московской не уступает, но, по моему мнению, во всем ее превосходит. К сожалению моему, я исполню сердца любезных арзамасцев чувствительною горестью. Я возведу вам кончину юноши, вечно в детстве ума и девстве телеси пребывшего; юноши, достойнейшего питомца великого патриарха халдеев, утверждающего, что *тротуары* должны называться *пешниками*, а жареный гусь *печениною*; юноши, которому кортик не препятствовал держать в руке пера, на бесславие литературы, но во славу досточестной Беседы.

Тщетно я силюсь, чувством гнетомый.

Позвольте мне употребить собственные слова умершего, тщетно я силюсь изобразить все происходящее в Беседе. Она лишается наилучших ушастых сочленов своих.

Тучей над ними гибель висит,
Туча, обрушась, варваров губит,
Губит их глушость, губит бесстыдство,
Губят их уши, губит язык,
Тысяща поприщ телами полны,
Множеству теней тесен стал ад.

Так точно. Они валятся как мухи от мухоморов, и мы здесь, в почтеннейшем нашем собрании, отпеваем их, превозносим и удивляемся их дарованиям. Например, как не дивиться творцу лирического песнопения? Сотворить поэму, в которой находится неисчетное множество строф и нет поэмы, отказаться навсегда от Аполлона и Муз и несмотря на то заниматься поэзией. Не ему ли одному сие предстояло? Не он ли воспел, как от грозного взора патриарха Халдейского галльское слово умирает на устах каждого? Не ему ли надлежало на такой предмет сочинить огромную оду? Изысканный талант превозмогал все трудности, и вместе с талантом

возрастали и уши лирико-песнопевца. Нет более невинного умом и телом. Он лежит бездыханен.

Обратимся, слушатели, к плачевному сему зрелищу. Следуйте за мною в мрачную храмину, обитую Академическими сочинениями. Горящие свечи, обернутые в «Письмы Скимнина», освещают воздвигнутый усопшему катафалк; «Рассуждение о старом и новом слоге» служит ему изголовьем: «Рассуждение об одах» в деснице его; «Бдения Тассовы», похвальные слова и переводы «Андромахи», «Ифигении», «Гамлета» и «Китайской сироты» лежат у подножия гроба. Патриарх халдеев изрыгает корни слов в ужасной горести своей. Он, уныло преклонив седо-желтую главу, машет над лежащим во гробе «Известиями Академическими» и кадит в него «Прибавлением к прибавлениям». Он не чувствует, что тем лишь умножается печаль, скука и угрюмость друзей, хладный труп окружающих. Плодовитый творец бесчисленных и бессмысленных од, палач Дебрео и Расина, стоит смиренно пред гробом и, осыпая умершего грязью и табаком, бормочет стихи в похвалу его. Увы! Он еще сплел их до кончины несчастного, успел напечатать, ибо любит писать стихи и отдавать в печать, раздает их сотоварищам своим, и сотоварищи его не читают их. Секретарь Беседы, ничего никогда не сочинивший и едва знающий грамоте, беснуясь, топает ногами и стучит крючковатою тростью. Толсточреватый сочинитель Липецких Вод кропит ими в умершего и тщится согреть его овчинными шубами своими. Но все тщетно! Он лежит бездыханен. Давно ли и я, дерзновенный, воспевал невинного юношу, именуя его варягороссом и кумом Славянофила? И се успе. Длинные уши его повисли, уста охладели, ноги протянулись. Стихотворения песнопевца, в которых столь мало глаголов и столь много пустоглаголанья, останутся навсегда в подвалах Глазунова и Заикина, останутся на снадение стихожадным крысам и даже сам патриарх Халдейский забудет о них. «O vanitas vanitatum, omnia vanitas!» *

Почтеннейшие сограждане Арзамаса, я не буду исчислять подвигов ваших: они всем известны. Я скажу только, что каждый из вас приводит сочлена Беседы в содрогание точно так, как каждый из них производит в собрании нашем смех и забаву. Да вечно сие про-

* О суета сует и всяческая суета! (лат.)

должится! Что с нами будет, если не будет «Известий Академических»? Что нам останется делать, если патриарх Халдейский престанет безумствовать в разборе происхождения слов и принимать черное за белое и белое за черное? Куда сокроемся мы, если толсточреватый комик догадается, что комедии его не что иное суть, как печать глупости, злобы и невежества? Какая нам будет польза в том, если неутомимый рифмоткач узнает наконец, что у козла нет свиной туши, а у голу-бей зубов, точно так, как нет здравого рассудка в стихах его. Не совершенная ли беда для нас будет, если Мидасы, оглянувшись друг на друга, приметят, что уши их еще длиннее похвальных слов, читаемых в пресловутой их Беседе? Да сохранят нас от того златовласый Феб и Музы! Пусть сычи вечно останутся сычами! Мы вечно будем удивляться многоплодным их произведениям, вечно отпевать их, вечно забавляться их трагедиями, плакать и зевать от их комедий, любоваться нежностью их сатир и колкостью их мадригалов. Вот чего я желаю и чего вы, любезнейшие товарищи, должны желать непрестанно для утешения и чести Арзамаса.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 15 МАРТА 1816 г.

Месяца Березозола в пятыйнадесять день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц шестый, был в доме его превосходительства Кассандры десятый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Светлана.

Кассандра.

Ивиков Журавль.

Старушка.

Пожаловали при конце присутствия

Их Превосходительства:

Вот.

Потом немного погода

Плешивый Месяц, что прежде именовался

Эолова Арфа,

наконец Громобой.

По окончании присутствия и ужина прибыл

Его Превосходительство Асмодей.

Совсем не присутствовал

Резвый Кот.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был превосходный протокол, доказывающий, что я неистощим в остроумных излияниях всякой всячины и замысловатых выдумках. В самом деле непостижимы чудеса Создателя! Какой гений присутствовал при моем рождении! Вот уже одиннадцатый протокол, а я все более и более совершенствуюсь. Что ж буду я, когда еще более понабью руку свою! Какой протокол жизни своей сочиню для самого себя, отходя в вечность! И какие протоколы буду читать бессмертным арзамасцам, то есть вообще всем праведникам, носясь вкупе с ними между звездами, прекрасными чадами творения! Дивлюсь самому себе! Не могу не похвалить себя, но скромность заставляет меня смиренно потупить очи и краснеть, внимая похвалы заслуженные.

2-е. Четыре наличных члена оглянулись вокруг себя и увидели в священной храме заседания пустоту и нечто похожее на пакость беседного одиночества. Вотще возглашали они, где ты, Вот, и где ты, Резвый Кот? Ни Вот, ни Кот не откликались. Где Громобой? Где Эолова Арфа? Где Асмодей? Увы! Не было ни единого из их превосходительств! *Ни вздоха, ни привета!* как говорит Алексей Федорович Мерзляков в заключение одного перевода своего из известной Виргилевой поэмы, называемой «Энеидою». Негодование наполнило сердца наличных их превосходительств. Особенно вознегодовали они на ветреного Вота, который, не успев прикоснуться орудием сидения к седалищу Арзамаса, уже приподнял его с бесчинием и помышляет об отходе; и негодование внушило наличным их превосходительствам следующую поучительную проповедь, которою и определили они угостить его превосходительство отсутствующего бесчинника, при первом удобном случае:

«Усмотря из непристойных поступков новопринятого члена его превосходительства Вот, что он, едва вступив в Арзамас, уже корячится назад и, не давши нам видеть порядочно своей головы, уже выказывает нам с некою неблагопристойною небрежностью свою задницу, так что мы не знаем еще наверное, что у него голова и что задница, заметив, что он, не согрев еще своего места в Арзамасе, уже не является к своему месту, рассудили мы, что он будет не член Арзамаса,

а нечто похожее на беседное самодвигалище, ленивый угодник бездействия, зевающий шершень, мохнатый и одержимый подагрою шмель в благословенном улье деятельных пчел.— *Приказали*: Признать сего возрожденного арзамасского гуся мертвою совою Беседы, отнять у него титул *Вот* и сделать его Плевалкиным под титулом, запретить ему ездить по улице в колеснице, или на коне, или в санях, а смиренно верхом на палке или в салазках, везомых тою моською, которая лаяла на слона, и держать сего слона на коленях, и баюкать его с материнскою нежностью, в стихах своих должен он призывать не музу, а Варюшку; спать на сундуке; водиться с одним сизым котом; есть с ним из двух медных тазов; безденежно, всякий день, отходя ко сну, ставить клистир или мыльце своей малиновке; пить пунш из Липецких Вод, подливать в него вместо французской водки свои французские романы; вместо лимона выжимать из головы своей мысли и подсыпать толченых характеров вместо сахару...»

На сем месте угасло грозное негодование наличных членов, ибо его превосходительство Вот сам сделался наличным и вслед за ним, издавая некоторые искусственные звуки, притекла Эолова Арфа, нареченный оратор заседания. Члены-мстители устыдились своей поспешности, они простерли в знак примирения руки к добросовестному Воту, который, выслушав их несправедливые на него хуления, с свойственным ему снисхождением простил им их несправедливость, которая едва-едва не сделалась справедливостию. Но дабы воздержать будущих арзамасцев от подобной постыдной поспешности, положено внести в протокол сей гнусный проект хулы и брани, а его превосходительство Вот произвести в старосты Арзамаса, с приобщением к его титулу двух односложных слов я и вас, так что он вперед будет именоваться *Староста Вот я Вас!* И горе Беседе! Привилегии старосты Арзамаса суть следующие:

I-е. Голос его в различных прениях Арзамаса имеет силу трубы и приятность флейты: он убеждает, решит, трогает, наказует, осмеивает, пленяет и прочее, и прочее.

II-е. Он первый подписывает протокол и всегда с приличною размашкою.

III-е. Вытребовать у него список известной его проказы с веселою музою, именуемой *Опасный Сосед*,

переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою.

IV-е. За ужинами арзамасскими жарить для него особенного гуся, оставляя ему на произвол или скушать его всего, или, скушав несколько ломтей, остаток взять с собою на дом. NB. От всех сих гусей отрезаются гуски и остаются при бумагах собрания. Наконец

V-е. Место его в заседаниях должно быть подле президента, а вне заседания в сердцах у друзей его.

По сему случаю приказано, чтобы секретарь Арзамаса его превосходительство я приготовил приличный диплом.

З-е. По установленному обряду новопринимаемый член его превосходительство Эолова Арфа вступил в храмину заседания: надлежало ему прочитать присягу, но почтенная Немезида, предвидя, что его превосходительство не преминет напроказничать, отняла на сей случай у его превосходительства секретаря память, и он позабыл принести присяжный лист, так что Эолова Арфа не произнесла своего клятвенного обещания. Надлежало ей читать очередную речь свою, и проказа ее ознаменовалась во всей своей непристойности. Речи не было. А грозный Кассандра, предузнав, что речи и не будет, соблаговолил отделать его превосходительство своею карающею речью на обе корки. Эолова Арфа внимала бесстыдно; в дерзком его животе заметно было какое-то оскорбительное сотрясение, обыкновенный предвестник смеха; и самые ланиты его казались двумя раздутыми животами или огромными перинами, персланными тучною ленью для грузного бесстыдства. Кассандра умолк, и строгие взоры наличных членов устремились на виновную Арфу. И вследствие 4-й статьи протокола под № 5 произнесен приговор преступнику.

4-е. Опоздавшему его превосходительству Громобю положено для поощрения напомнить о той беде, которая едва не обрушилась на главу его при случае первого его бесчинства; а на членов Резвого Кота и Асмодея положено беду сию без всяких околичностей обрушить. О сем гласит 8-я статья протокола под № 2.

5-е. Сие заседание заключено было вкусным ужином, за которым вместо гуся была его почтенная родственница остроносая стерлядь, заимствованная из обыкновенного садка и чародейством поваренного ис-

куства получившая право гражданства в желудках их превосходительств. Глава ее и хвост и еще несколько других отрывков закопались в обширном пузе Эоловой Арфы.

РЕЧЬ КАССАНДРЫ В ОТВЕТ НА НЕЧИТАННУЮ РЕЧЬ ЭОЛОВОЙ АРФЫ

Друзья-Товарищи,

Каким днем назовем мы день нынешний в месяцеслове Арзамаса? Будет ли он белый, то есть счастливый, или черный, то есть скучный? Или причислим его к тем дням, которые, подобно многим людям, не имеют ни цвета, ни характера? Нет! Товарищи, он достопамятен: Увы! Мы ныне видим мерзость запустения во святилище; в первый раз нарушается незабвенный устав наш, и кем же? Членом, братом, самым невинным! О судьба! Вы ужасаетесь...: успокойтесь. Гений Арзамаса над нами:

Он ведет нас к лучшему концу
Стезей неизъяснимой.

Однако ж, друзья, как вам известно, неизъяснимое часто бывает изъяснимо: чье же это дело кроме Кассандры? Так, сограждане, благодаря услужливому духу, я могу возвестить вам, для чего Эолова Арфа бряцает, или бренчит, повсюду, а только в Арзамасе безмолвствует. Вчера, измученный любопытством, я спрашивал, какой покойник будет удушен струнами ветреного инструмента; я спрашивал об нем и у людей, и у предметов нечувствительных; у стен Беседного заточения, и у подвалов Глазунова; наконец мне вздумалось спросить у самой Арфы; но сия Арфа умеет сохранять тайны, которых не знает. На помощь ко мне приспели и Светлана прелестница, и Асмодей прелестник ада, а прелестник петербургский не прельщался. Мы окружали его искушениями; за ним раздавался голос певца из Пармы, перед ним лежал Пармский сыр, и не было ответа. И вдруг запахло жареным, он почувствовал умиление,

Но гусь появился, и Арфа молчит!

Тогда Светлана воспылала истым гневом арзамасским. О недостойный брат, воскликнула секретарь-девица; о недостойная Арфа, ты — не арфа! *Ободранная*

гуска!.. Тут Арфа улыбнулась и погляделась в гуся как в зеркало. *О убийца! О Наташа! О леший! О месяце плешивый!*.. И растроганная упреками Арфа забряцала:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me! *

Все изумились, но одной Кассандре открылся тайный смысл бряцания без мысли. Ей в мистическом видении представился древний, неуклюжий замок Беседы; пред рвом сего замка стонет в могиле Громобой-Тредиаковский; на могиле повержен крестом Ролень с «Телемахидою», и вокруг них обвился, как плющ, «Русский Вестник»

И черный Львов на них сидит,
Могилы сторож дикий.

В замке царство мрака и сна; там томятся и дремлют не двенадцать дочерей многогрешного, а четыре сына Разряда.

Один, один шатко бродит по стенам опустелым, скликающая спасителей слушателей; и, увы, «нейдет, нейдет спаситель».

Когда ж исполнится луна,
Чреда приходит смены.

Один Разряд умолкает и усыпляется, другой встает и усыпляет. Но кто усыпит голос совести или гром праведного мщения. Вотще бродящий призрак Разряда силится прозой и стихами наполнить все пространство туманного воздуха, сквозь зыби тумана под самым треском славянских речей, ему слышатся, как проклятие, некие звуки, приносимые ветром, и докучливый голос, твердящий непрестанно:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!

И дни его счастья, то есть дни чтения, помрачатся тучами страха, и боязливый Разряд вопиет к почиющим братьям. О, нам горе! В арсенале Арзамаса есть еще гром, который не грянул; он ужаснее прежних, ибо грозит на всех. Так, М. М. Г. Г., Эолова Арфа для Беседы ужаснее всех арзамасцев, прочие совершили все свои подвиги, и каждому достался не с большим один

* В дни счастья вспомните обо мне! (ит.)

покойник; но этот хитрый воин никого не умерщвляет железом речей, но всех морит медленным ядом боязни. Будем же мы благодарны и ему, и бдительному гению нашего города; без них из Беседы погибла одна десятая доля; что ж бы нам делать с остальными? Давать ли им волю усыплять нас или ополчать «Арзамас» на новые похороны? Теперь мы избавлены от повторения трудов своих; упрямое молчание приседающего члена сообщилось и членам Беседы; уstraшенная грозящим напоминанием (*Ricordati di me*), она почти не отверзает своих челюстей; ее рыкание почти не слышно, и отдыхают бедные уши гостей снисходительных. Чахнет беседа халдеев и скоро будет суха, как слог сынов ее. Тогда свершится испытание; тогда над ветхим замком пролетит дух мститель Арзамаса, рассыплется стены, Громобой ТрEDIAKОВский умолкнет, и Разряды перестанут и бродить и бредить, все волшебство исчезнет, тогда

и гусь встрепенется, и гуска промолвит.

**РЕЧЬ, ЧИТАННАЯ ПРИ ВРУЧЕНИИ ДИПЛОМА
ГОСПОДИНУ ИСТОРИОГРАФУ В КОНЦЕ МАРТА 1816 г.**

Неизъяснимо счастлив я в сию достопамятную минуту! Что делает рука моя? Держит диплом. Какой диплом? Прекрасно написанный, потому что писал его я. Что содержит в себе этот диплом? Он содержит в себе как бы вексель на дружбу. К кому дружба? К лучшему из людей. А что это за лучший из людей? Его Высокородие Николай Михайлович Карамзин, славный отец наших предков, ибо он вместе с юною красавицею, Музою истории, произвел их на свет таковыми точно, каковыми они есть, и сдунул с лица земли тех самозванцев и самохвалов, которые в арлекинских платьях таскались по миру под их священным названием. Кто дает этот диплом? — Арзамасцы, верные его обожатели, арзамасцы, которые, положив руку на сердце, признают его лучшим из людей, признают и здесь, все вместе в священном присутствии Арзамаса, под благодатным веянием крыл отечественного гуся, и каждый порознь в уединении, при сладостном об нем воспоминании, признают и признавать всегда будут, ибо такое признание есть для них счастье. Примите ж, счастливый любовник славы, сей бумажный и бранный символ того, что вечно и нетленно, что писано не на бу-

маге, а в сердце, не орешковыми чернилами скоротечности, а неизгладимым, нравственным ультрамарином вечного, сладостного, драгоценного чувства. Примите его, и да послужит он для вас доказательством, что галиматья не всегда рождается от безумия и не всегда глаголет бессмыслицу.

НА СЛУЧАЙ НЫНЕШНЕГО АРЗАМАСА

Для арзамасцев день сей вечно	незабвенный
Привел достойнейших сюда Парнасский	бог
Беседы дряхлые трясутся ныне	стены,
Бесстыдству, глупости сломали гуси	рог;
Комедия была сословию	предтечей
И комику теперь бесчестье и	конец.
Здесь дружба, искренность, усердие были	встречей
Живите вы для нас и добрых всех	сердец.

Х о р

Арзамас Беседы	краше!
Дружбы нежной мы	сыны!
Вечно будет счастье	ваше
Счастье наша	страны.

СТИХИ В. Л. ПУШКИНА НА РИФМЫ, ЗАДАННЫЕ В. А. ЖУКОВСКИМ

Хомут
руд
плотица
лица
квас
пегас
паршивой
сливой
резец
Мец

Как нужен мерину хомут,
Так нужны заступы, где много медных руд.
И как живут водой и щука и плотица,
Так воровством живут известные здесь лица.
Шампанское — не квас,
И вороной мой конь конечно не пегас.
Я бу-риме пишу; поэт я не паршивой

ОТ АРЗАМАССКОГО ОБЩЕСТВА БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ
ПОЧЕТНОМУ И ИЗВЕСТНОМУ ИСТОРИОГРАФУ ВСЕЯ РОССИИ
ГОСПОДИНУ КАВАЛЕРУ АННЫ И СЛАВЫ КАРАМЗИНУ
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ПОКЛОН И ДРУЖЕСКОЕ
РУКОПОЖАТИЕ

Известно нам, что Ваше Высокородие занимаетесь описанием славных походов русского народа и даете, по милости своей, жизнь русской славе, которая до сих пор беспробудно покоилась сном Беседы в гробах, сооруженных ей различными халдеями, как-то: господином Леклерком, господином Левеком и некоторыми ожесточенными сынами или пасынками России.

Известно нам, что Ваше Высокородие с величием арзамасского гуся прохаживаетесь по шелковым лугам русского слова и не удостоиваете взгляда ни беседных трясин галиматый, ни академических закоулков бессмыслицы.

Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище не беседное, свою чистотою подобится белому, едва оперившемуся гусенку, начинающему расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны, и что Ваш характер так же светел, как небо, сияющее над сим гусенком в красоте весенней.

Известно нам, что мы все нижеподписавшиеся любим Ваше Высокородие любовью нелицемерною, каждый особенно и все совокупно, любим за свое отечество, которому Вы честь и слава.

Почему и приносим Вашему Высокородию сей крест, сию ленту и сию носильную звезду, которая да сияет у Вас на груди во знамение любви нашей, а Вы, Ваше Высокородие, пребывайте для нас всегда незаходимую звездою славы, дружбы и всего, что есть арзамасского, то есть лучшего на свете!

Светлана.

Эолова Арфа.

<Асмодей>

<Печать с изображением гуся>.

Н. М. КАРАМЗИН — А. И. ТУРГЕНЕВУ

30 марта 1816 г. Москва

Здравствуйте, мой любезный друг Арзамасец! Обнимаю вас с чувством нежности и признательности за все доброе, чем вы исполнили мою душу в течение моей петербургской пятидесятницы.

Кажется, что люблю вас еще более, нежели прежде. (...) Всем нашим друзьям дружеский поклон и арзамасское рукопожатие: С. С. Уварову, Д. Н. Блудову. Пусть они любят меня столько, сколько их люблю; более не потребую...

В. Л. ПУШКИН

ИЗ ДОРОЖНЫХ СТИХОВ

Разговор в Ижоре

- Скажи, хозяин, мне, ты любишь ли буль-булки?
- Люблю, сударь, а вы? — Люблю, как егерь пулки.
За девками у вас приставлен караул?
- И ведомо! Шутить не любит наш Федул.
- Что у тебя в руках? — Картофель и морковка!
- Готовы ль лошади? — Но не готоваковка!
Чинит повозку вам мой сват Фома-груздок (?),
А там, перекрестясь, отправьтесь хоть в Моздок.

* * *

Почтенные друзья, вас молит _____ староста,
Не оставляйте здесь меня, _____ пожалоста.
Я вас прошу, ваше _____ сиятельство,
Не сделайте _____ предательства.
Любя меня, имейте _____ сожаление.
Ах! одиночество есть жизни _____ отравление.
Хотя б влюбилась здесь в меня _____ посадница.
Не в Тосне, но в Москве быть хочет _____ задница.

<Далее рукою П. А. Вяземского:>

Тосна, в 8 часов и 20 минут за деревянным столом и при двух сальных свечках и при шуме клокочущего самовара. *Примечание:* Кибитка Старосты *Вот я Васа* изволила отстать бесчинно, и Староста был одержим мучительною неизвестностию о жребии своем, подобно Шаховскому перед падением новой собственной комедии.

* * *

На нем хоть будь клобук, хоть кивер, хоть кокошник,
Он будет все поэт, не враль и не ветошник.
Душою Ангел он и нравом не бурлак,
И станом гибок он, как горец карбулак.
Он любит песенки, и голосок — басистый,
А слог в стихах его приятный, плавный, чистый.
Не спору, нравится ему речистый <бес>,
И ведьма страшная, и темный, дикий лес,
Но истинно сказать, «Владимир», «Россиада»
Скучнее, чем его последняя баллада.
Напрасно возится водяной Шутовской,
Напрасно чванится румяный Болховской:
Не могут на талант надеть они капкана!
Их в прах преобразит товарищ наш Светлана.

<Далее рукою П. А. Вяземского:> Староста написал
оные вышепрописанные стихи на станции Подберезье
в течении 15-ти минут, в присутствии пьяного
капитана, который был с Суворовым в Англии и
за сей поход получает пенсион по смерти, как он
сам сказывал.

* * *

В дороге тягостны ухабы,
В Беседе тягостен Шишков,
Сварливые досадны бабы,
Досаден глупостью Хвостов.
Летают на конях разбойники арабы,
Летает на стихах разбойник Соколов,
А женщины везде любезны, когда слабы,
А басом воспевал их даже и Бобров.

* * *

Невинное дитя	Шихматов,
Ты врешь в стихах точно	Чупатов.
Врет также	Висковатов.
Врала не редко —	Севинье,
Врет славно	Гавинье.

Прекрасно врет — Макаров,
Прекрасно врет — Угаров,
Прекрасно врал — Захаров.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

Среда. <29 марта 1816 г. Москва>

Здравствуй, моя златострунная Арфа, слабая струна моего сердца! Мы благополучно доехали в Москву в понедельник, в девятом часу утра, и, слава Богу, я нашел всех своих здоровыми. <...>

Вы что делаете, голубчики-гусенки? Наш Староста забавлял нас во всю дорогу; немедленно пришлем журнал нашего путешествия в Арзамас. Мы вас любим душою; Н(иколай) М(ихайлович) вас точно полюбил. Приезжай скорее к нам.

В день вторника счастливый
Ты вспомни обо мне

и напомни обо мне милой чете. Прости, всем Арзамасцам дружеское рукопожатие. Скажи Жихареву, чтоб он скорее высылал портреты. Пиши чаще, ради Бога, чаще и говори мне о вторниках и о пятницах...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 апреля 1816 г. Петербург.

...Портреты Арзамасцев для тебя уже готовы; мой, *compte de raison* *, хуже всех. При всем старании живописца он написал меня с утреннею заботливою миною, которая мне совсем не нравится. Я бы очень не желал, чтобы этот портрет был моим предтечею в Москве. Жуковского характер изображен прекрасно: он задумчив и мечтателен и, кажется, говорит:

И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет.

Как вы доехали и в целости ли довели нашего почтенного Старосту? В день вашего отъезда Иван Иванович писал ко мне: «Отдайте нам хотя Василья Львовича»; я повторяю вам слова его.

<...> Все эти дни я и с Арзамасцами редко видался. В пятницу едва не попал к халдеям в Беседу, но судьба спасла меня и от скуки бессмертия, и от смертной скуки. Как маленький Гримм, сообщаю вам новейший *impromptu* ** маленькой нашей словесности:

* разумеется (*фр.*).

** экспромт (*фр.*).

Великий сей министр в истории б гремел
И с Колбертом его потомство бы сравнило,
Из внутренних когда бы дел
Наружу ничего у нас не выходило.

К. С. ...

Н. М. КАРАМЗИН — А. И. ТУРГЕНЕВУ

13 апреля 1816 г. Москва.

...Дружеское письмо ваше от 3 апреля тронуло меня до глубины сердца. Давно *знаю*, что вы меня любите, но когда это *чувствую*, тогда в сердце моем делается какое-то особенное движение. Мы, два сибиряка, платим и даем займы друг другу; рассчитаемся, верно, в день последней земной разлуки. Однако ж могу посмеяться над вами: над вашею в меня *верою*. Она не обманет вас только в одном смысле: верьте моей искренности и дружбе, остальное не важно. Я не мистик и не адепт, хочу быть самым простым человеком; хочу любить как можно более, не мечтаю даже и о *возрождении* нравственного в теле. Будем в среду немного получше того, как мы были во вторник, и довольно для нас, ленивых. Жуковский есть истинный наш брат. С такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствует Арзамас!..

В. Л. ПУШКИН — А. С. ПУШКИНУ

Москва. 1816. Апрель 17.

Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мне вспомнил. Письмо твое меня утешило и точно сделало с праздником. Желания твои сходны с моими: я истинно желаю, чтоб *непокойные* стихотворцы оставили нас в покое. Это случиться может только после *дождика*, в *четверг*. Я хотел было отвечать на твое письмо стихами, но с некоторых пор Муза моя стала очень ленива, и ее тормозить надобно, чтоб вышло что-нибудь путное. Вяземский тебя любит и писать к тебе будет. Николай Михайлович в начале мая отправляется в Сарское Село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру и, может быть, к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем.— Скажи Ломоносову, что непохвально забывать своих приятелей: он написал к Вяземскому предлинное письмо, а мне и поклона нет. Скажи, однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно. Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону. Этого довольно. Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен, люби и не забывай меня.

Василий Пушкин.

П. П. Вот эпиграмма, которую я сделал в *Яжелбицах* (*).

Сходство с Шихматовым
и хромым почтальионом.

Шихматов, почтальон! Как не скорбеть о вас?
Признаться надобно, что участь ваша злая;
У одного, нога хромая,
А у другого, хром Пегас.

Д. Н. БЛУДОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Санктпетербург. 17 апреля 1816.

Вы от Кассандры требуете одной строчки; Кассандра решилась написать две или три, и, право, потому что не может более. Перо её не притупилось, но тупо, а ум еще тупее; и верно — её короткая записка Вам покажется длинным посланием, достойным Апостолов Беседы. Но так и быть, длинно ли, коротко ли, как говорят в Сказках, слогом Беседы или Арзамаса, а я должен благодарить Вас за приятную, любезную цидулку; должен благодарить даже за неприятные приложения. Кстати о приложениях, не забудьте старосте *Вот я Вас* за стихи его от меня сказать: *Вот я тебя!* И это говорю еще я один: что же скажет весь собор Арзамаса, которому в будущий четверг я представлю на усмотрение дорожные пакости Старосты. Признаться ли Вам, Любезнейший Асмодей, я почти рассердился на Пушкина; и теперь еще спрашиваю у себя и у всех, как может человек не безумный писать такие стихи, путешествуя с Карамзинным. Видно, что глупость есть болезнь неизлечимая; а я в этом иногда сомневаюсь, слыша, как некоторые известные мне люди вдруг сделались славными Полководцами, Министрами, Авторами и т. д. Но Бог с ними и с Пушкиным; оставим всех покойников в покое, даже и Московских Литераторов; право, не желание возмущать мир костей их может заманить меня в Москву, а одно желание свидеться с моими живыми друзьями: с Вами, любезный Асмодей, и с Батюшковым, еще не нареченным в Арзамасе. Когда-то придет эта благословенная минута! Мы будем стараться всеми силами придвинуть ее к настоящей: говорю мы, потому что целый отряд Арзамаса желает соединиться с Вашим. И резвый Кот, и тихострунная Арфа-Александрина обещались вместе со мною совершить набожное путешествие ко праху Москвы. А между тем Вы, Московский Арзамас, не забывайте Кассандру, пишите к ней почаще и побольше и напоминайте про нее тем, которых она любит и любит и уважает. Вы отга-

* В Яжелбицах мы нашли почтальиона хромого, и Вяземский мне эту задал эпиграмму.

даете имена их: Карамзиных двое, Дмитриев один; да сверх того наличные арзамасцы, и будущий Ахиллес — Батюшков, и настоящий член Чу: если еще обитает в Москве. Из милости шепните приятельское приветствие и беснующемуся Старосте. А другу Ахиллу, обняв его, скажите, что я не сержусь за то, что он на меня сердится, что я об нем думаю часто, беспрестанно, как думают только об самых милых, драгоценных друзьях, но не пишу оттого, что мне написать и ответить очень трудно, а первое письмо почти невозможно. В другой раз скажу: признаться ли Вам, и теперь меня одолевают лень и сон: правда, уж било 3 часа. Я покидаю перо, но с сожалением, потому что покидаю Вас.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 20 АПРЕЛЯ 1816 г.

От Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц седьмой, по обыкновенному счислению месяца Травеня в 20-й день, было в доме его превосходительства Старушки чрезвычайное собрание тех членов Арзамасского Общества, которые донныне обитают в Петербургских чертогах и хижинах, или под открытым небом на мостовых, на набережных и на топталищах; а именно присутствовали:

Их Превосходительства:

Резвый Кот.

Старушка.

Очарованный челнок.

Эолова Арфа.

Громобой.

Ивиков Журавль.

Кассандра.

Оные члены приглашены в собрание чрез повестку от временного секретаря Кассандры, и на оной повестке чернелась огромная печать с надписью: *Опасность Отечества*. Все уstraшенные члены поспешили предстать на совещание; но прежде облеклись они в одежды печали; иной осыпал главу пеплом погоревших книжек Беседы и Академии, иной гнилыми останками сочинений Экономического Общества, а иной чувствами графа Хвостова, превращенными в прах. Арзамас представлял позорище скорби и сетований, храмина томно освещалась тусклым светом лампы; звонок президента был обвит черным крепом; а стеклянная чернильница, полуразбитая, сверженная со стола, лежала в объятиях распостертого комического клещуна Гавиньи. В бледном

мерцании лампы все знаменитые арзамасцы, казалось, дрожали как привидения. Там стоял на одной ноге его превосходительство Ивиков Журавль; от горести длинный нос его был вдвое длиннее обычного; там его превосходительство Кот, увы, в сию минуту не резвый, блистал рубиновыми яростными глазами; а из белых грозных усов его излетали электрические искры; проказница Эолова Арфа срывала с себя струну последнюю; Очарованный Челнок не мог колыхнуться, отсюда окованный льдинами; Громобой, обвитый саваном, едва поднимался из гроба; а Старушка трепетала, как будто пред ним и выступал холодный пот на ее мертвом страшном лице. Посреди храмины временный секретарь Кассандра, сбросив жреческий покров, колебалась на стуле и повторяла:

Ах! Почто мой взор предвидит
То, чего не отвратить!
Неизбежное придет...

И пришло неизбежное! Унылый звонок призвал всех на места, но молчание долго еще царствовало. Наконец президент Ивиков Журавль встал с черных своих кресел и прерывающимся голосом воскликнул: «Что се есть, арзамасцы? До чего мы дожили?..» Тут стесняющая горечь и рыдания присутствовавших остановили оратора. По всей храмине раздавались стенания; во всех взорах сверкали слезы; один его превосходительство Челнок, отличный своею сметливостью, спросил у собрания: нельзя ли узнать, до чего мы дожили и об чем так горько плачем? Сей невинный вопрос напомнил секретарю Кассандре его обязанность: он встал в свою очередь и, сделав три поклона, объявил, что «Арзамас дожил до поносных стихов своего Старосты и плачет о том, что из оных стихов может легко произойти для Арзамаса бесславие великое, а для Беседы и Академии торжество неожиданное». Едва сказал он, и по собранию пробежал шумный ропот изумления и негодования; все члены бросились к Кассандре, все грозно требовали доказательств: увы, доказательства явились; они переходили из рук в руки; всякий старался извинить и спасти своего Старосту, все искали таланта и вкуса в новых стихах его... искали тщетно, в них даже не было смысла; не было правильной прозоидии; о горе, не было и хороших рифм, кроме заданных. Добродушные члены Арзамаса желали усумниться в подлинности предъявленных документов, и его превосходительство Кот полагал мнением, что

вышеупомянутые стихи сочинены некоторым *Игнашкою*, верным рабом неверного Старосты. Но свидетельство члена Асмодея и рукоприкладство самого Старосты лишало возможности сомневаться. Глядя на почерк, столь им знакомый и прежде столь любезный, арзамасцы говорили: «О несчастный! Он не только сочинил эти стихи дорогой, но еще имел бесстыдство переписать их в Москве. О Вот я Вас! Где твоя слава! Какой нечистый дух в тебя вселился! Что это за стих?

Почтенные друзья. Вас молит Староста!

Неужли Староста на старости своей еще не знает, что с дактилическими рифмами надобно писать и стихи также дактилями или по крайней мере правильно смешивать их с хорейми.

Не оставляйте здесь меня пожалоста.

Не сделайте предательство.

Хотя б влюбилась здесь в меня Посадница!

Стихи ли это? Простительно ли Старосте Арзамаса писать как едва ли говорят экспромтом артельщики в полковых комедиях и целовальники в кабаках? Простительно ли товарищу Светланы сказать, что ее последняя баллада скучна, но только меньше «Россияды»?»

Так рассуждали арзамасцы о стихах на заданные рифмы и спрашивали, где же будет достоинство и трудность сего рода сочинений, если позволять по заданным рифмам бредить хуже беседных безумцев. Но когда во услышание всех членов прочли яжелбицкие эпиграммы, когда они увидели, что им за остроумные эпиграмматические стихи выдают следующие строчки:

За то блюдет бесподобно!

или

Вечно быть хромым и жить с Аксиной вечно.

или

Одна б... в 20 лет, другая в 46.

или

передком слабеньки, и есть кое-что для постели и с Устиньей будет спать, — то уже крик заступил место рассуждений и президентский звонок едва мог напоминать о порядке. Наконец стали читать «Послание к Устинье»: при двух первых стихах все вскочили со стульев и все устремились на несчастный памятник Вот

я Васова путешествия. Тщетно гремел звонок председателя, тщетно Кассандра отмахивалась жреческим покровом, дерзкие окружали ее бурною толпою, силясь вырвать и истребить навсегда отвратительных братьев «Опасного Соседа»; «Ах! Успех сего «Соседа», и в самом деле опасного, ослепил бедного Старосту; — так вопияли арзамасцы: — «но разве Староста думает, что кто обедал с удовольствием в красивой парижской ресторации, того можно вести и в вонючую харчевню города Киржача. Да погибнут эти стихи поношения Вот я Васа и всего нашего Общества!» Между тем президент потерял терпение: он прибегнул к отчаянному средству и грозно приказал клещуну Гавиньи сходить за своей комедией. Угроза подействовала, все стихло, члены уселись по местам и решились дослушать спокойно; но часто они скрежетали зубами и хватались за уши, особливо когда слышали неслыханную, новую прозодию; как, например: *хóтя, радóбстью, кармаулить, на бóльшой дороге,* и прочее, и прочее, и прочее. По окончании прочего умолкла Кассандра, и президент возгласил: «Друзья арзамасцы! Я остановил порыв вашего гнева, хотя разделял его: мы можем истребить не-арзамасские стихи нашего Старосты; но истребится ли с ними срам Арзамаса? Кто помешает Вот я Васу читать их повсюду, а может быть, еще положить на ноты и петь своим фальшивым голосом, как он некогда пел некую французскую песню своей работы? Нет! Нет! Друзья, не на стихах, а на отце стихов да совершится мщение Арзамаса оскорбленного!» «Да будет!» — единогласно воскликнуло собрание и приступило к изобретению наказаний. Все члены подавали проекты; наконец из всех составлен один, и присутствующие арзамасцы приказали следующее:

1-е. Староста Вот я Вас, как истинный, или паче истый сочинитель яжелбицких эпиграмм и прочих приложенных к оным пакостей, *лишается звания Старосты.*

2-е. Вместе с титулом Старосты отпадают от него все соединенные с оным преимущества, а вместе с ними и прибавленные к его прозвищу слова *Я* и *Вас* и даже последняя буква прозвища, то есть «ъ»; на место же сих слов и сей буквы постановляются два бессмысленных слога: *ру* и *шка*, почему бывший Староста во все грядущие времена будет называться член *Вот-рушка.*

3-е. Хотя член *Вотрушка* по бесстыдным и свиноподобным стихам своим заслужил, чтоб его навсегда извергли из недр Арзамаса, но Арзамас еще любит в нем прежнего *Вота*, творца «Опасного Соседа», грозу *Славенофилов* и пр. и пр.; итак, принимая во уважение и древние подвиги его, и надежду на будущее исправление, да сверх того подозревая, что яжелбицкая *Устинья* напоила бедного *Вотрушку* неким бесовским зельем и чрез то породила стихи его недостойные, повелел отсрочить конечное извержение члена *Вотрушки*, а только почитать его в сильном подозрении и содержать в карантине.

4-е. По истечении карантинного срока и по собрании всего ныне рассеянного Арзамаса, член *Вотрушка* повинен в оный явиться для принесения оправдания или покаяния. В передней храмине Арзамаса он должен прочесть свою исповедь и выражение раскаяния, и сия исповедь, и сия покаянная должны быть писаны стихами *хорошими*, а не дорожными; после того он должен пройти чрез новые испытания и очищения; после того предстать смиренно в главную храмину пред Судилище, выбрать себе одного арзамасца в адвокаты и слушать его прения с адвокатом-обвинителем, потупив глаза, приложив руку к сердцу, а если найдется нужным, и надев на шею, вместо петли, ожерелье из комедий Шутовского. По окончании прений председатель произнесет решительный приговор, и тогда оправданный член *Вотрушка* снова воссядет на прежнее место свое и прочтет новую речь в честь себе или покойнику из *Беседы*, стихами, или прозой, как ему будет угодно.

5-е. Но до того благодатного часа, чтоб место *Вотрушки* не оставалось в запустении, Арзамас повелел отправить нарочного гонца в город Париж, сыскать и купить в так называемом Пале-Рояле гравированный портрет бывшего В. Л. П., бывшего *Вота*, бывшего *Вот я Васа*, нынешнего *Вотрушки*; украсив оный портрет золоченою рамою и подписав на ней *Fuit*, ставить во все заседания на креслы члена *Вотрушки*.

6-е. Когда оправдывается или омоется раскаянием член *Вотрушка*, тогда портрет его вынуть из рамы, переплести в бархат пред заглавным листом «Опасного Соседа» и хранить в тайнике Арзамаса.

7-е. Во время карантинного содержания подвергнуть г-на члена *Вотрушку* всем наказаниям, которые для него изобрел секретарь-Светлана, не забывая, что он должен ездить верхом на палочке или на моське и ставить

клизтиры своей малиновке, да сверх того, как уличенному охотнику до слова «блядовать», приказать ему творить сие слово и дело с крепостной свиньей г-на Крылова.

8-е. Записать сей приговор в протоколе, а для объявления об оном преступнику и для частного их сведения препроводить копии с протокола к отсутствующим членам: Светлане, Чу!, Асмодею и Ахиллу.

Старушка.

Громобой.

Ивиков Журавль.

Эолова Арфа.

Временный секретарь *Кассандра.*

Членам Чу, Асмодею и Ахиллу от развалин Арзамаса братское рукожатие и следующее отношение:

Да будет вам и всему Арзамасу известно, что в заседании, бывшем месяца *Травеня* в 20 день, затравлен нами бывший член *Вот я Вас*, обращен в *Ватрушку* и отдан на съедение Эоловой Арфе: в удостоверение чего прилагается при сем протокол означенного заседания, которое имеете вы, Московский Арзамас, привести в исполнение, объявив о нем преступнику.

Президент *Ивиков Журавль.*

Громобой.

Кассандра.

Старушка.

Эолова Арфа: Вот я тебя, ватрушка!!

С. П. ЖИХАРЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

24-го апреля (1816. Петербург.).

Посылаю к тебе, любезнейший Асмодей, протокол последнего Арзамаса. Заседание было чрезвычайное. Ежелблицкие эпиграммы и буриме Пушкина не пройдут ему даром, в том полагается на тебя весь Арзамас и поручает тебе привести в исполнение все наказания, которые ты в протоколе увидишь. Очарованный Челнок и Резвый Кот не присутствовали, но мы оставили им места для подписи: вели подписать кому-нибудь, дабы Пушкин видел, что все единогласно на него вооружились за его пакости. Впрочем, не убейте его внезапным объявлением: я боюсь, чтоб ему не сделался удар. (...)

Если Дашков в Москве, то, пожалуйста, поклонись ему от меня. Я писал к нему в Рязань, а третьего дни слышал, что он пробудет

до 10-го числа в Москве. Обними Батюшкова, а Пушкину поклонись издалека, и то не прежде как прочтешь ему протокол. Мы будем обнимать его тогда, когда напишет хорошие стихи.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

26 апреля <1816 г.> Дерпт.

...Я здесь живу как будто от всех вас отчужденный. Если и доходят до меня слухи, то единственно горестные: недавно уведомили меня, что наш почтенный староста *вот я вас* осрамил себя и Арзамас дурными стихами и что он за это в экстраординарном заседании отставлен от должности старосты и переименован *Вотрушкою* и отдан на съедение Эоловой Арфе. Кстати об Арзамасе: переписаны ли речи и протоколы? Прошу прислать мне оригиналы.— Что ты пишешь? Что пишет Батюшков? Я еще только хочу писать...

ПИСЬМО В. Л. ПУШКИНА В АРЗАМАС

23 апреля <1816 г. Москва.>

С ума вы сошли, любезные арзамасцы. Предаете проклятию арзамасского старосту и сами не знаете, за что. Яжелбицкие стихи не что иное, как шутка и порождение ухабов и зажор. Они совсем недостойны критики вашей, а к вам посланы единственно оттого, что ничто от арзамасцев сокрыто быть не должно. Впрочем, я отдаю их совершенно в вашу волю. Вы можете даже отдать их Павлу Ивановичу Кутузову и сотоварищам его. Я к вам не писал по многим причинам; меня грусть одолела. Простите! Всех вас обнимаю и всем желаю счастья, здоровья и терпения.

Староста *Вот я Вас!*

Вы, милые мои, ни мало не учтивы,
Вы проклинаете несчастные стихи,
Смотрите! Несмотря на тяжкие грехи,
Шихматов, Шаховской, Шихков, Хвостов — все живы.

В нашу Арзамасскую отчину

От Старосты *Вот я Вас!*

Поучительная грамота

За неумением грамоте член Арзамаса Ахилл
5 пальцев приложил.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧЛЕНА ЧУ МОСКОВСКОМУ АРЗАМАСУ

6-го мая <1816 г.>

«Я люблю Платона, но еще более люблю правду», говорил какой-то древний мудрец, которого имени ни я, ни почтенные члены Бесед не знаем. И я люблю друзей своих, люблю всех арзамасцев, но больше люблю правду, а благо отечественного Арзамаса еще более правды. Могу ли я теперь оставаться в постыдном молчании, когда нарушены законы правды и Арзамаса? Могу ли спокойно смотреть на приближающееся падение любезного отечества нашего, ибо нарушение законов и несоблюдение установленных обрядов скоро влекут за собою падение Общества?..

Нет! Я смело призову на суд нарушителей: и они сами, признав вину свою, может быть неумышленную, облобызают меня как ревностного сына Арзамаса.

Входя в сей Новый Арзамас, в сей дом для нашего собрания уготованный, где сладкое благоухание «Истории Российского Государства» должно бы, казалось, заглушить весь смрад беседный, с Тверской улицы на всю древнюю столицу навевающий, чувства мои поражены были запахом какой-то гнилости и тления. В изумлении продолжаю путь свой, и вдруг — о страх! о преступление! — вижу не труп какого-либо беседного покойника, взятого, по обычаю арзамасскому, напрокат из разрядов для честного погребения: но двух живых покойников Московской Беседы, достойной дочери Картузова, сидящих за столом арзамасским и не думающих нимало об очищении себя должным самоотпеванием. Вижу два крыла совы беседной, приставленные к чистому телу нашего гуся.

О друзья мои! О великий Асмодей, гроза невежд беседных! О неустрашимый Ахилл, нанесший им первый удар и первую рану! Зачем огорчили вы сердце друга вашего, зачем возмутили утробу отечественного Арзамаса! Пусть бы омытые потопом Липецким волею или неволею окунулись вы по уши в тину Московской Беседы: Арзамас, как нежная мать, охотно простил бы вам сие преступление и, помня великие подвиги ваши, еще крепче прежнего прижал бы вас к груди своей. Но для чего не поспешили вы исполнить священных обрядов его и очистить себя добровольным самоотпеванием по примеру брата Громобоя и брата Старосты. Вот я Вас! Для чего, не омыв греха своего, сели наряду с чистыми

сынами Арзамаса! О поспешите загладить вину свою, поспешите содрать с себя смрадную шелуху беседную и снова украсить себя блистательными, белыми перьями таинственного гуся.

Но кто более всех виновен в сем нарушении правил и законов наших! Увы! Сердце мое сжимается, оно обливается кровию: но правда и *почтенная* Немезида в силу протоколов красноречивой Светланы, сидящая всегда в большом чепчике с длинными лопастями в углу Арзамасской храмины, велят мне ясно означить виновная. «Я люблю Платона, но еще больше люблю правду», — повторяю я и со вздохом назову тебя, о *Староста Вот я Вас!* Ты подпал уже обвинению отсутствующих братьев наших, и я с большим правом прибавлю к оным и свое обвинение. Ужели думал ты, что почтенное, неслыханное доселе в Арзамасе титло *Старосты* дано тебе для суетной славы, как Президенту Рос. Академии или Председателям Разрядов Беседных? Ужели не знал ты священных обязанностей, которые оно на тебя налагало? Не тебе ли в отсутствие президента должно было напомнить юным сочленам о долге их, тебе, коему собственный опыт руководствовал?..

Довольно: признавая с сердечным прискорбием *Старосту Вот я Вас* виновным, я осмелюсь, почтенные арзамасцы, присутствующие здесь, и вы, отсутствующие друзья наши, невидимо здесь царящие, напомнить вам правило душ благородных: *Res est sacra miser* *. Будем строги к самим себе, будем строги и к членам беседным, но снисходительны к погрешающим друзьям нашим. Будем даже ходатаями за осужденного у строгих судей его: испросим ему помилование и, уважая прежние дела его, потребуем от него вместо покаяния новых подвигов.

Движимый справедливостию и состраданием и соединяя обе вины члена и *Старосты Вот я Вас*, предлагаю:

1-е. Послать к подписавшим строгое осуждение означенного члена и *Старосты* арзамасцам письменное ходатайство о его помиловании.

2-е. В ожидании ответа их лишить члена *Вот* на время звания *Старосты* и прибаутки *я Вас* и возвратить ему их не прежде, как по произнесении им в торжественном собрании хорошего *Послания* в стихах к членам Арзамаса и двух хороших басен на обе Беседы. В то же собра-

* Несчастный священен (*лат.*).

ние и члены Асмодей и Ахилл должны совершить добровольный обряд своего отпевания.

3-е. По исполнении сего и по получении милостивого разрешения от петербургских арзамасцев очищенный член *Вот* получает снова титул *Старосты* и два односложных *я* и *Вас*, с прибавлением еще одного слова «опять» — так что полный титул его в Арзамасе будет: *Староста Вот я Вас опять!*

Вот мое мнение, и *да будет разрушен Карфаген!*
Член *Чу!!!*

В. Л. ПУШКИН

ПОСЛАНИЕ К АРЗАМАСЦАМ

Cujus autem aures veritati clausae,
ut ab amico verum audire nequeant,
hujus salus desperanda est*.

Cicero

Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив ученый Арзамас,
И бедные стихи, плод шутки и дороги,
По мненью моему, не стоили тревоги.
Просодии в них нет, нет вкуса — виноват!
Но вы передо мной виновнее стократ.
Разбор, поверьте мне, столь едкий — не услуга:
Я слух ваш оскорбил — вы оскорбили друга.
Вы вспомните о том, что первый, может быть,
Осмелился глупцам я правду говорить;
Осмелился сказать хорошими стихами,
Что Автор без идей, трудясь над словами,
Останется всегда невеждой и глупцом.
Я злого Гашпара убил одним стихом,
И, гнева не боясь варягов беспокойных,
В восторге я хвалил писателей достойных!
Неблагодарные! О том забыли вы,
И ныне, не щадя седой моей главы,
Вы издеваетесь бесчинно надо мною;
Довольно и без вас я был гоним судьбою!
В дурных стихах большой не вижу я вины,

* Чьи уши закрыты для истины до такой степени, что они не в состоянии услышать слова правды, произносимые другом, для того нет надежды на благополучие. *Цицерон* (лат.).

Приятели беречь приятеля должны.
Я не обидел вас. В душе моей незлобной,
Лишь к пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль над другом мне шутить!
С прискорбием скажу: что прибыли любить?
Здесь острое словцо приязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но Боже сохрани, чтоб точно думал я,
Что в наши времена не водятся друзья!
Нет, бурных дней моих на пасмурном закате
Я истинно счастлив, имея друга в брате!
Сердцами сходимся; он — точно я другой:
Я горе с ним делю; он — радости со мной.
Благодарю судьбу! Чего желать мне боле?
Проказничать, шутить, смеяться в вашей воле;
Вы все любезны мне, хоть я на вас сердит;
Нам быть в согласии сам Аполлон велит,
Прямая наша цель есть польза, просвещение,
Богатство языка и вкуса очищение.
Но должно ли шутя о пользе рассуждать?
Глупцы не престают возиться и писать,
Дурачить Талию, ругаться Мельпомене;
Смеемся мы тайком — они кричат на сцене.
Нет, явною войной искореним врагов!
Я верный ваш собрат и действовать готов.
Их оды жалкие, забавные их драмы,
Похвальные слова, поэмы, эпиграммы,
Конечно, не уйдут от критики моей:
Невежд казнить люблю и уважать друзей.

С. П. ЖИХАРЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

22 июля 1816. Петербург.

...Пушкина послание получено — и право хорошо. Кассандрия протокол послужил к доброму. Жаль, что нельзя его напечатать: таких стихов Пушкин давно не писал...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 10 АВГУСТА 1816 г.

От Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц одиннадцатый, по обыкновенному летосчислению месяца Серпента в десятый день, было 14-е ординарное и приятное, хотя беспорядочное, заседание Арза-

масского Общества. Причины важные побуждали временного секретаря Кассандру созвать наличных членов на совещание, но те же самые причины вооружали против сего совещания весь политический ад Арзамаса, то есть и Беседу, и Академию, а может быть, и частицу некоторой Библиотеки. Так, как Исмен в последних песнях Тассовой поэмы становится злее и опаснее, так и чародей-варяги против четырнадцатого Арзамаса истощили весь остаток своих волхвований и злобы. С первой минуты собрания до последних торжественных восклицаний они не переставали творить нам козни, и все сии козни могуществом их превосходительств гениев Арзамаса побеждены и уничтожены. Но не будем спешить; расскажем все по порядку; и как предки наши начинали свои сказки от сивки, от бурки и от вечной каурки, так и мы начнем свою сказку от седого Мешкова, от вороного Лбова и от вечного графа Дмитрия Ивановича, по прозвищу Хлыстова.

Солнце возносилось над блестящими облаками востока; адская сволочь выникала из болот своих. Дед Седый, встревоженный сновидением, снаряжался к походу: он садился в огромную раковину, запряженную драконом, как будто испещренным плевками и чернилами: перед ним летел филин-Студевич и гнал всех с дороги своим воем, однотонным и бесконечным. Если верить преданию, его дорожная раковина была превращенная девица Пучкова, а вихорь-атаман Беседы был пестрым драконом; говорят, что он извивался как речения Лбова, что из ноздрей его вылетали душистые ветры и что он бразды омывал табачною пеною. В сие торжественное мгновение его превосходительство я, или Кассандра, движимая духом отсутствующих членов Чу, Асмодея, Ахилла и умиленная пением члена уже не Вотрушки, бросила жребии в роковую порфиновую урну. Она долго мешала их пророческим жезлом своим, но позабыла сделать заклинания. Увы! Наказание вскоре постигло неосторожность: едва Резвый Кот, по приглашению собрания, опустил в урну свою величавую лапку, и вдруг подземный гром потряс треножник, имена арзамасцев под лапой Кота запрыгали как дerviши, голос вражий прохрипел: «Да будет хаос в заседании!» И бысть президентом Эолова Арфа. Как быть! Члены смирились пред велением рока, а председатель, не менее рока таинственный, поколебавшись, как за ним всегда водится, назначил местом заседания одно из жи-

лиц своих, то есть большую дорогу. Сказал, и весь Арзамас, покорный закону, поместился в колесницу его превосходительства Старушки. Быстро летела сия колесница по звонкой мостовой и по пыльной дороге, но мысли арзамасцев при чтении секретаря Кассандры летели еще быстрее; они много раз достигали древних Кремлевских башен, там любовались сединами своего прежнего Старосты и потом возвращались в колесничное заседание, чтобы снова внимать стихам его. Ни глотаемая ими пыль, ни стук колес, ни бурчанье, происшедшее в брюхе г-жи Арфы, ничто не развлекало арзамасцев; жадный очарованный слух свой они склоняли единственно к посланию любезного преступника. Часто дивились, что могли быть строги к такому Старосте, но в то же время и радовались своей строгости, ибо она произвела новые стихи его. О будь благословенна излишняя наша строгость, и ты, о Муза Старосты, ты говоришь о седирах главы его и осыпаешь их блестящими цветами юности: ты доставила ему торжество завидное, тобою вдохновенный, он победил и предубеждения слабых товарищей, и наущения закоснелых беседчиков; он побранил арзамасцев и самую бранью обезоружил их критику. Но можно ли назвать бранью такие нежные укоризны:

Я грешен! Видно, мне кибитка не Парнас:
Но строг, несправедлив ученый Арзамас.

При этом стихе самолюбие заиграло в сердцах всех членов: сам президент, волнуемый аппетитом и запахом жареной телятины, имел, однако ж, силу легкой улыбкой изъяснить свое удовольствие.

Я слух ваш оскорбил, вы оскорбили друга!

Нет, добрый, милый Староста! Нет, ты нами не оскорблен, ибо мы не имели намерения оскорбить тебя; мы отказались бы охотно от всех проказ и шуток, даже от новых стихов твоих, если бы могли думать, что огорчим твое сердце, слишком чувствительное.

Что прибыли любить!
Здесь острое словцо приязни всей дорожке,
И дружество почти на ненависть похоже.

Прекрасные стихи, и, к несчастью, справедливые, но только *не в Арзамасе, а в свете.*

Нет бурных дней моих на пасмурном закате.

Вот еще стих, достойный арзамасца: он говорит и воображению и сердцу. Но можно ли заметить все хорошие стихи нашего Старосты или записать все одобрительные восклицания членов Арзамасского Общества. Двадцать две версты неслась колесница, нагруженная ими, двадцать два раза повторялось послание *Вот я Вас*. Тщетно против примирения арзамасцев ополчалась вся сила нечистая; стихи Старосты как могучий талисман уничтожали чары чернокнижников и чернописцев Беседы, тщетно появлялись они во всех видах; то свистали и шипели нам в уши как сверчки, обитатели щелей; то мечтались президенту в виде блюда с котлетами или свежей чухонки с кувшином; и наконец, когда Кассандра сравнивала чистоту и гармонию стихов *Вот я Вас* с гармонией светлых струй ближнего источника, они в образе Липецкой лягушки сказали: *Ouil! c'est de l'eau claire*: все понапрасну. Никто не замечал и не слушал беседчиков; все слушали читающую Кассандру, и наконец все воскликнули: «Очищен наш брат любимый; очищен и достоин снова сиять в Арзамасе: он не Вотрушка; он член: Вот, он Староста: Вот я Вас, пусть он будет и бурмистр: Вот я Вас опять! Слово Бурмистр, к несчастью, похоже на Буримиста; и может для Вот я Вас быть неприятным воспоминанием вроде угрызений; но от него зависит принять новый титул или, возвратясь к званию Старосты, только прибавить к имени слово: опять».

Так судили арзамасцы под ясными небесами царско-сельскими и, решив сие важное дело, заключили заседание громким кликом: «Да здравствует Вот я Вас опять! Беседа, трепещи: опять! опять!»

Громобой.

Резвый Кот.

Старушка.

Эолова Арфа.

Ивиков Журавль.

Кассандра.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

31 октября 1816 г.

...Я рад несказанно тому неудовольствию, которое наш арзамасский патриарх имел с типографиею: оно разлучило его с нею и переда-

ло его историю в верные руки. Кавелин добрый для него работник. <...> Обними за меня Николая. Враг хамов должен быть арзамасцем. Тащи его в Арзамас...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 11 НОЯБРЯ 1816 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе и в месяц второй, по обыкновенному летосчислению месяца Грудень в 11-й день, в доме его превосходительства Старушки был пятнадцатый ординарный Арзамас. Присутствовали *арзамасцы рожденные*: 1-й — Николай Михайлович Карамзин, не только историограф, но и историк России, 2-й — Михаил Александрович Салтыков, не только умный друг ума и вкуса, но еще и опасный и терпеливый враг глупцов Беседных и глупцов академических, и даже канцелярских, и сверх того, прочих; с ними и *арзамасцы избранные*, то есть

Их Превосходительства:

Громобой.

Ивиков Журавль.

Старушка.

Резвый Кот.

Элова Арфа.

Пустынник.

Варвик.

Кассандра.

Председателем по приказанию жеребья был его превосходительство член Старушка, секретарь за неимением оригинального был его превосходительство член я, или Кассандра. Она при начале собрания прочла два протокола не превосходные по слогу, но занимательные по содержанию. В них изображались и война Арзамаса против своего Старосты, и раскаяние высоких воюющих сторон, и наконец их взаимное примирение. Члены Арзамаса отслушали протоколы с терпением, потом они приступили к принятию нового члена Пустынника. Громобой с Журавлем внесли его на плечах в верхнюю хранину, президент устремился к нему навстречу, положил руку на Дунциаду и начал требовать клятвы. Ах! Что в сию важную минуту оковало уста новорожденного Пустынника. О Муза Истории! Поведай причину сего молчания; обрати лицо Кассандры от будущего к прошедшему и представь ее взорам, как формула клятвы всех избранных гусей Арзамаса погублена быть может навеки

рукой Светланы клятвопреступницы. О Муза Истории! В твоём волшебном зеркале увидим ли мы зеркало Светланы, и в нём Асмодея и как он над плечами Светланы, чудилось, блестит светлыми огнями и как прельщенный секретарь-девица сказал: Черт возьми бумаги Арзамаса! Но что же, Муза Истории, ты безмолствуешь в моем протоколе, как часто безмолствуешь в древних летописях, и как безмолвовал Пустынник пред Дунциадою. Зато остаток Арзамаса не умолкая вещал хулы на секретаря-подлинника; наконец президент посредством звонка укротил сердца, пылающие гневом. Пустынник воссел на уготованное место с смирением своего звания и прочел одному смиренному, но не смиренному покойнику-халдею краткую панихиду, от которой арзамасцы не могли просидеть смиренно на стульях. Все поздравляли друг друга с таким новым другом; все изъявляли удовольствие, и каждый по-своему: Громобой презирал угрозы Черного Врана и своим хохотом передражнивал его карканье; Ивиков Журавль то хлопал крыльями, то чистил нос об табакерку; Эолова Арфа бряцала какую-то неслыханную песню; Варвик цедил вино для Пустынника, а Резвый Кот, вспомнив их общую Балладу, перед ним мурлыкал и кружился; Старушка была рада, как ребенок, и наконец Кассандра в первый раз предсказала добро и в первый раз ей поверили. Но и сия Кассандра и в сей благословенный час не могла ни предсказать, ни предчувствовать той великолепной речи, в которой отвечавший Пустыннику президент член Старушка похоронил всю Беседу под ее собственными развалинами и в которой обломками сей разрушенной крепости он стрелял в остальную заречную фортецию, последнее убежище халдеев. Увы! Всему бывает конец, и кончилась речь почтенной Старушки, и за нею вскоре последовал конец заседания. Но прежде прочтено некоторое произведение отсутствующего члена Светланы, содержание сего, так сказать, победоносного стихотворения, достоинство его и действие подробно изложены в протоколе седьмого Арзамаса, с коим любопытные могут справиться. После сего чтения пред самым отходом из храмины производились тайные переговоры между мелкими ерлыками и лапкою его превосходительства Резвого Кота. Вследствие оных переговоров в будущий Арзамас член Кассандра назначен председателем для принятия нового еще безымянного члена.

*Резвый Кот.
Эолова Арфа.
Старушка.
Кассандра.
Пустынник.
Ивиков Журавль.
Варвик.
Светлана.*

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

НЕСРАВНЕННОМУ ПИСАТЕЛЮ НАШЕМУ Ч. Б. Л. Р. С.—
Д. С. С.— С. С. Ф., ЧИТАННОЕ В АРЗАМАСКОМ ОБЩЕСТВЕ
11 НОЯБРЯ 1816 ПУСТЫННИКОМ

Восхваляя сего неподражаемого писателя нашего Ч. Б. Л. Р. С.— Д. С. С.— С. С. Ф., коего высокопочтенное Арзамасское Общество торжествует ныне погребение и почитает патриотизм древней Словесности Словено-Русской,— буду я хвалить самый патриотизм, погружающий в крепкий сон слушателей: членов Беседы, сотрудников и посетителей; погружающий в столь крепкий сон, что едва ли повелительный голос начальника, обращенный к подчиненному, приосененному мягким крылом его, пробудить удобен его.— Да не введу почтенное Арзамасское Общество в опасное заблуждение, да не представится ему, что заснувшим слушателям хочу я изобразить здесь любезную Эолову Арфу нашу! Нет, почтенные арзамасцы, Арфа засыпает над одами Державина, над балладами Жуковского, над историей Карамзина, над трагедиями Озерова, в театре, на бале, даже танцует с любимицею души своей,— она засыпает: но сие не послужило бы доказательством усыпляющей силы дарований и искусства усопшего ныне С. С. Ф.— Вы знаете внимательность гражданина Арзамаса Чу; знаете мужество и твердость, с которыми читает и слушает он и хорошее, и посредственное, и дурное; — знаете, как страстен он ходить с ружьем за дичью; если не найдет сокола, то стреляет и по вороне; — не жалеет удалой наш Чу ни пороху, ни дробы; и он, он, говорю вам, крепко заснул при чтении «Известия о воинственности в России» (если не ошибаюсь в титуле), сочиненного настоящим мертвецом и читанного в Б. Л. Р. С., в тот

единственный раз, когда неволею привезен я был в ее собрание. — И кто же в сей незабвенный вечер публичного успокоения, кто возмог противустоять всеусыпляющему чтению сему? — Разве только сочинитель и звонкоголосый чтец его! Успокоитель утомленной природы целебный сон! Зачем лишил ты меня способа вслушаться хотя в несколько периодов изящного сего исследования прапрадедовских времен нашего отечества? Зачем лишил меня способа в сию минуту предложить возлюбленным арзамасцам красоты мыслей и слога *не мерцающие*? Зачем или твоя скромность, о вечном сном на лоне Тредьяковского опочивый живой мертвец наш! или банкротство седого Ареопага Слова Русского не предало тиснению сего неудобо-разумо-духоедательного сочинения? Просыпавшиеся, от времени до времени, свидетельствуют, что в нем с математическою точностию доказано было следующее: «В самой отдаленной древности и едва ли не прежде великого князя Владимира, может быть, прежде Рюрика, может быть даже прежде Адама, Российское воинство было образовано столько же хорошо, если еще не лучше настоящего; что под какими-то славенскими, варяжскими, татарскими и из других наречий заимствованными названиями, имела Россия фельдмаршалов, фельдцехмейстеров, генерал-адъютантов и проч. и проч.; что сотник был капитан, тысяцкий баталионный командир или полковник, и проч. и проч.». Но дозволю ли я себе, почтеннейшие арзамасцы, при гробе знаменитого покойника нашего основывать похвалы ему на суетных рассказах спавших слушателей? Да удалится от меня ужасная мысль сия!

Но что я вижу! — О радость, о восторг неизъяснимый! Вежды ваши смежаются, некоторые из вас погрузились в глубокий сон! Итак достиг я в полной мере своей цели; восхваляя усыпывшего усопшего, усыпил бдительных арзамасцев и воздвиг усыпительному сочинителю усыпительный памятник. Пробудитесь, возлюбленные, воспряньте на минуту, и я еще крепче усыплю вас — прочтем напечатанное в архивах Б(еседа) сочинение нашего усопшего: «О несправедливом суждении иноплеменных писателей касательно состояния России до XVIII века» и вздремлем в последний раз над прахом его.

РЕЧЬ С. С. УВАРОВА
ПРИ ПРИЕМЕ В АРЗАМАС Д. А. КАВЕЛИНА

Итак, Арзамас приобретает ныне верного, достойнейшего сына. Мне поручено встретить вас, любезный Пустынник, при входе в Арзамас, на самом том месте, где он возродился на погибель врагов таланта и ума, в тот незабвенный вечер, когда, приосенив голову скромным знаком *литературной* Свободы, я смелым голосом созывал вас, братья и друзья, и вещал вам: «Воскресни, Арзамас и вкус!»

Но о чем я напоминаю! Какие перемены воспоследовали с тех пор на поприще Литературы? Против кого брали мы тогда оружие? — Против Беседы — а Беседы уж нет. Она осиротела, рассеялась и даже отдана в наймы за 10 т. р. (я говорю о здании: за членов, увы! ничего не дают). Нельзя самому Арзамасу не пожалеть о такой превратности судеб! — Где, где дьячки-ораторы? Где поэты-усыпители? Куда девалась шайка неугомонных сотрудников? — Я вижу, как они, с поникшими головами, медленно выступают из обители прежней славы; иные окутаны в «Шубах» Шутовского; другие отирают слезы речами Политковского. Седой Дед, драпированный ветхим красным сукном, покрывавшим некогда огромный стол Беседы, едва тащит ноги. Один Хвостов несет конец мантии Седого Деда; другой, указывая на свой графский патент, призывает на помощь короля Сардинского и требует от него *искупление* Беседы от здешних алжирцев. Один член идет задумавшись в шишаке Александра Невского; тучный его сотрудник улыбается сквозь слезы, смотря на единственного своего юса. Все наполнены гневом; все рыдают, все твердят: «Горе нам! Горе Беседе! Мир всем!»

Мир праху твоему, злополучная Беседа! Но где твой прах? — О том ведает лишь один Глазунов. Странник придет и спросит: «Где Беседа?» — «Здесь она некогда процветала, — скажут ему в ответ: но блеск ее был минутный. Не долго пользовалась она драгоценным чудесным даром усыплять своих врагов, сама от своих усыплена навеки. — Настал час испытаний и бедствия: сперва хотели ее продавать с аукциона за кабашные грехи жида Перца; потом отдали ее внаймы за 10 т. р. без мебели и без членов. Верные сыны Беседы скитаются по лесам и пустыням и не могут забыть пустыню Беседную!»

Вот что скажут в ответ Страннику; он, конечно,

вздохнет и вымолвит: «Бог с ней!» — Скажем и мы, бросив последний взгляд на ее развалины: «Бог с ней!»

Но этот бог не есть бог вкуса; сей последний явно осеняет Арзамас; он умножает число верных сынов и сподвижников; он нам дарует силу побеждать наших врагов; он усыпляет Беседу своим собственным сном. Вступите в наш дружеский круг, любезный Пустыжник; будьте наш брат и товарищ! Сражайтесь с дурным вкусом, с ложными понятиями, с плоскими стихами, с надутую прозою, сражайтесь с Российской Академиею.

Этого литературного зародыша, которого вы вносите в *кунсткамеру* Арзамаса, я не имел чести знать; не буду я его тревожить; пусть он покоится в своей банке вместе с ген.-адъютантами Бирона, истинный залог его бессмертия.

Но я спешу прекратить мою длинную речь. Знаки нетерпения, на ваших лицах изображенные, пугают меня. Я боюсь невольно обратить Арзамас в покойницу Беседу по примеру Седого Д., так часто и так искусно смешавшего Беседу с Г. Советом, что до сих пор члены Беседы и члены Совета обижаются теми же шутками. Но я слышу голос охрипый С. Деда: бумажный его гроб растворяется, он встает, вперяет в меня свои красные очи; он протягивает грозящую руку и будто твердит мне:

Ah, doit on hériter de ceux qu'on assassine! *

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

12 н(оября). 1816 г. Вчера был я при заседании Арзамаса. Ни слова о добрых намерениях сего общества. После заседания говорил я с Карамз(иным), Блудовым и другими о положении России и о всем том, о чем я говорю всего охотнее. Они говорят, что любят то же, что и я люблю. Но я этой любви не верю. Что любишь, того и *желать* надобно. Они же желают цели, но не желают средств. Все отлагают — на время; но время, как я уже давно заметил, принося с собою доброе, приносит вместе и злое. Вопрос в том: должно ли то быть, что желательно? — Должно. Есть ли теперь удобный случай для произведения чего-нибудь в действие? — Есть; ибо такого правительства или, лучше сказать, правителя долго России не дожидаться. — Итак, из сего следует, что надобно делать — «держайте убо, держайте, людие Божии»...

* О, ужели нам суждено нашим жертвам наследовать! (Фр.)

15 ноября 1816 г. С.-Петербург.

Милое дитяtko, письмо твое, от 6 ноября, сердобольная твоя мамушка получила и 200 рублей денег тоже. Другая мамушка твоя, Эолова Арфа, говорила мне о «Певце»; однако же не прислала его. В мещане Арзамаса меня записали под фирмою *Пустынника* и заставили старую каргу провить над могилою усопшего; Старушка присоединила свое завывание к завыванию *Пустынника*... Понеже на оную Старушонку паде жребий, да воспрезидует в оном собрании при прочтении осуждения и очищения *старосты Ватрушки*. Мы все животики подорвали под остромами и галиматьею *Кассандры*, потом погрызли новое произведение филина Гнедича. Заключили чтением «Певца» твоего. Карамзин был также в Арзамасе. Историю его начали печатать и у нас в типографии, и он доволен этим чрезвычайно. Обнимаю тебя, милое дитяtko; все мои делают то же — и то же сделай за меня Воейкову; мне утешно слышать, что он опять становится нашим, т. е. простодушным, ему же лучше.

Твой *Кавелин*.

От Дашкова получил премилую грамотку, он скоро прикатит к вам.

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

30 ноября 1816 г. С. Петербург.

...Карамзина история началась печататься. Многие, в особенности брат Ал(ександр) Ив(анович), очень ее хвалят. Что касается до меня, то я ничего еще не читал, но, посмотрев на Карамзина, думаю, что мы будем лучше знать *facta* русской истории, но не надеюсь, чтобы сие важное для России творение распространило у нас либеральные идеи; боюсь, даже противно. Карамзин, сколько я заметил, думает и доказывает, что Россия стояла и возвеличилась деспотизмом, что здесь называют самодержавием, и, доказывая сие, заключает или, по крайней мере, *pour être conséquent* *, должен заключать, что самодержавие одно только и может сохранить величие России. Я осмелился однажды заметить на слова его: «мне хочется только, чтобы Россия подолее постояла». «Да что прибыли в таком стоянии?» (...)

О состоянии нашей литературы тебе ничего не могу сказать, ибо я ею не занимаюсь. Но мне кажется, что она в худшем состоянии, и, к великому сожалению, моск(овский) унив(ерситет) находится *in einem zurückschreitenden Zustande* **. Здешние тористы, как-то: Блудов, Дашков и другие, к коим присоединился в почетные и безгласные

* чтобы быть последовательным (*фр.*).

** в плачевном состоянии (*нем.*).

члены и Ал(ександр) Ив(анович), соединившись в общество, под названием *Арзамаса*, утешают себя, и только что себя, критикою и посмеянием дурных писателей и похвалами Карамзину. Но критика их, равно как и похвалы, относятся все к тем же вещам, как и прежде — вечный Шишков, над коим один только ум Блудова может смеяться новым образом; вечный Шаховской, над которым бы и смеяться не стоит труда, и наконец с противной стороны вечный Карамзин. Посему видно, что литература наша нейдет вперед ни в дурном, ни в хорошем смысле...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ДЕКАБРЯ 1816 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе и в месяц второй или, может быть, и в третий, по обыкновенному летосчислению месяца Студеного в 24 день, в доме его превосходительства Кассандры был шестойнадесять ординарный Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Старушка.

Пустынный.

Эолова Арфа.

Резвый Кот.

Кассандра.

Светлана.

Прибавил бы я и Варвик, но этот Варвик не исполнил обета и еще не утопил ни одного *беседного Эдвина* и не вступил еще как повелитель в святилище Арзамаса. В сем заседании находились и два почтенных рожденных арзамасца, известный историограф господин Николай Карамзин и еще некоторый весьма любезный Салтыков, об которых нельзя не сказать с умилением: то-то гуси!

В сем заседании происходило:

1-е. Прочитан временным секретарем Кассандрою очень изрядный протокол, и бессменный секретарь Светлана был им отменно доволен, а их превосходительства члены подписали сей протокол с приличною размахкою, послужившею несомнительным доказательством, что искусство писать им не совсем не известно.

2-е. Временный секретарь сдал бумаги собрания бессменному, который с благородною скромностию прямого достоинства отблагодарил его за удачное исполнение той

трудной должности, которую он, Светлана, прежде него исполнял с таким блистательным успехом; сие лестное одобрение Светланы так растрогало Кассандру, что он едва усидел на стуле, а прочие члены, восхищенные скромностью и беспристрастием несравненного друга своего, стали делать разные дурачества.

3-е. Секретарь Светлана представил членам донесение о своих поступках; и члены уверились, что он приобрел новые великие совершенства, документами сих новоприобретенных совершенств служат:

1-е. Очаровательный овсяный кисель, который члены единодушно провозгласили райским кремом.

2-е. Гекзаметрическая сказочка о том, как черт, играя в карты, выигрывает душу; их пр., выслушав эту сказочку, сказали в один голос: мы никогда не будем играть в карты! Это непохвально!

Наконец, 3-е. Повесть о том, как некоторый Вадим влюбился во сне и женился наяву с помощью серебряного звонка, легкого челнока и седого старика. Всем неженатым членам, по выслушании этой повести, смертно захотелось жениться.

4-е. Члены, осыпав различными заслуженными похвалами своего друга Светлану, простерлись к ужину, а расставаясь, они говорили друг другу: В следующее заседание услышим мы чтение превосходного протокола, о наш друг Светлана с нами, но, увы, не сбылось их ожидание. Светлана стала чухна чухною, и протокол ее никуда не годится, и она покорнейше просит своих друзей извинить ее по причине того искреннего высокопочитания, с которым она честь имеет быть их покорною ко услугам и прочее.

Светлана.

Ивиков Журавль.

Пустынник.

Кассандра.

Старушка.

Эолова Арфа.

Резвый Кот.

Варвик.

РЕЧЬ В. А. ЖУКОВСКОГО
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К ОБЯЗАННОСТЯМ СЕКРЕТАРЯ АРЗАМАСА

С горем пополам принимаю обратно от вашего превосходительства священное звание секретаря Арзамаса. Вы были его украшением, и я чувствую в смирении духа всю негодность мою в сравнении с вами, превосходительный друг Кассандра. Если почтенные арзамасцы удостоивали благосклонного одобрения ту посильную бестолковщину, которою угощал я их от полноты моего сердца, то я отношу это не столько к моим достоинствам и природным совершенствам, сколько к их добродетели. Они видели, что я лез вон из кожи, и были тронуты неутомимостию, дерзну сказать, геройством моей натуры. Благодарю небо! Оно опять привело меня в Арзамас. Я жил на берегах Эмбаха, в стенах города Юрьева, но душа моя была с вами. Гусынями перелетали мои мысли к незабвенным друзьям моим! И когда я скакал сюда по почте, то в честь Арзамаса всегда приказывал на станциях закладывать лошадей в кибитку мою гусем! Чухонцы дивились моей причуде, комиссары величали меня скотиною, прохожие указывали на меня пальцами, но я был спокоен: я говорил себе с гордостью: «еду гусем, еду гусем ко друзьям моим», и несправедливость человеческих суждений меня не оскорбляла! Я здесь! Душа моя спокойна; но, признаться, в отдалении и в той совершенной неизвестности о Арзамасе, в какой в. п. по милости своей оставляли меня, приходило мне часто плохо! Доходили до меня разные слухи, одни ужасные, другие утешительные, и боги снабжали меня разными видениями в моей пустыне. К слухам печальным принадлежит известие о неописанном канальстве члена Вот я Васа, о той стихотворной дряни, которою угостил он Арзамас, о его превращении в ватрушку, известное русское печенье с творогом и яйцами, о его стихотворной вылазке на Арзамас и, наконец, о удачном переводе ватрушки на *Вот я Вас опять*. Я порадовался сей многозначащей прибавке слова «опять» к титулу Вот я Васа! Почтенный друг наш Василий Львович Вот я Вас опять весьма заносчив! Дай его превосходительству волю — он так соблаговолит напакастить, что Арзамас в десять заседаний не поправит одной его проказы. Почему и думаю, что слово «опять», возвратив ему прежнее достоинство, будет в то же время для него и важным,

красноречивым *memento mori* *; утешаясь настоящим своим величием, он будет говорить самому себе, не забывайся, Василий Львович Вот я Вас опять! Если ты опять Староста, то можешь быть легко *опять* и ватрушкой, и еще чем-нибудь хуже: блином, котелкою, кавардаком или калужским тестом! Сохрани его сила небесная от такой передраги! Он же есть один <из> самых ревностнейших арзамасцев и вечно в драке с халдеями, которым не один горб на выю от него достался.

Другое известие, долетевшее до меня, и горестное и радостное: кто-то невидимый сказал мне, что земля лишилась своего небесного гостя! Что гений Державина улетел в ту сторону, из которой был он к нам прислан с восхитительными вестями о прекрасном, о великом, о небесном! Носясь над землею, он говорил нам: «Прекрасное — не мечта. Оно существует и вечно!» — говорил языком убедительным, и сердца наши ему верили! И сей величественный прорицатель исчез, а нам остался один неумолкающий его голос! Наследство священное! Связь неразрывная между теми, для кого добро всего святее в жизни, и тем, которого нет уже в их круге.

Но где же Беседа?.. И что Беседе попричилось? Недолго Беседа куролесила! Я зрел Беседу, возносящую в гордости рога свои! Я зрел Беседу, натопорщившуюся наподобие левиафану; я зрел Беседу высокую, как известная Сухарева башня; не успел я зевнуть, и Беседы не стало, опустела храмина ее, как пустые головы действительных ее членов. Стулья, к которым они прикасались благороднейшею частию своего состава, лежат на полу ногами горе и спрашивают у мышей, мимо их пробегающих, куда девались проказники, столь легковесно нагружавшие их во дни смешения языков! Нет ответа! И красное сукно, облачавшее стол беседный, служит одеялом одинокому сторожу, и сон его никогда не бывал столь сладок, и члены рассеялись! Седой Дед хочет укрыться под личиною двенадцатилетнего отрока в библиографии господина Сопикова; некоторые, для пользы наук, нанялись бы уродами в императорской кунсткамере; один Гашпар неугомоним: он врет из Флоренции, како врал в Петрограде.

Наконец третье известие, до меня дошедшее, было радостное: число арзамасцев увеличилось! Вы запаслись порядочным Пустынничком! И я говорю: Слава богу!

Теперь остается мне снова представить вашим пре-

* помни о смерти (лат.).

восходительствам отчет в собственных своих поступках! Я странствовал по земле чухонской и сделал в путешествии своем важное открытие. Чухны одной породы с членами Беседы. Они также нечисты, как слог их; язык чухонский был для меня столь же непонятен, как и язык наших болтливых покойников. Не должно ли заключить из сего, что (может быть, еще до времен Рюрика) существовала в той стране Беседа! Почему знать? — Чудское озеро не находилось ли на том самом месте, на коем некогда была воздвигнута ее храмина, потом провалившаяся и образовавшая воды пространного Пейпуса. Здешняя Беседа провалилась — остались одни Воды Липецкие. Кого не поразит такое чудесное однообразие в изменениях вещей сего мира.

Далее имею честь донести вашим превосходительствам, что я не исполнил вашего священного препоручения написать законы арзамасские! И причина тому самая простая: почитаю беззаконие более для нас выгодным. Легко случиться может, что, написав законы, мы будем поступать в противность тому, что напишем! Это почти неизбежно! Не лучше ли подчинить себя беззаконию и поступать в противность сему беззаконию. Это вернее! Впрочем, ваша воля! Написать недолго. Стоит вам только приказать, и я удружу вашим превосходительствам таким законцами, что вы не опомнитесь!

Наконец скажу вам слова два о некоторых моих набегах на Парнас с помощью гусяного пера, моего неизменного союзника. Во-первых, я почти разбудил известную вашим превосходительствам дюжину красавиц, проданных родителем их коварному искусителю человечества и Беседы. Но со мною, может быть, случилось то же, что с следующим журавлем! Жил-был журавль! Зашел журавль в болото и увязил он хвост! Неприятно было журавлю сидеть хвостом в болоте! Он понатужился, вытащил хвост, но клюнул неосторожно в болото носом и увязил нос! Неприятно было журавлю иметь нос в болоте! Он понатужился; вырвал нос да увязил хвост! Журавль и по сию пору в болоте, работает над хвостом и носом — оставим его! Я хотел только доложить в. п., что я, вытащив хвост, может быть, сподобился увязить нос, то есть, разбудив двенадцать дев, может быть, усыпил почтенных любителей чтения и Глазунова. Во-вторых, несравненные друзья моего сердца, несмотря на потоп Липецкий, я имел счастье разрешиться еще раз от бремени чертом, и одно мое в этом случае утеше-

ние есть то, что мой новорожденный черт немец! Наконец, решусь ли сгрузить с языка моего роковое слово; Муза моя состряпала из гекзаметров овсяный кисель. О друзья мои, отважусь дать ли вам киселя! Осмелюсь ли сказать вам вместе с доброю бабушкою, которая потчует им своих внучков:

Кушайте, светы мои, на здоровье! Господь вас помилуй!

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

2 января 1817 г. С. Петербург.

Подарок в новый год от Тургенева князю Вяземскому.

〈Копия с указа о назначении пенсiona Жуковскому〉 〈...〉 Если арзамасское твое сердце не выпрыгнет от радости из арзамасской груди твоей или не выльется из нее в прекрасных арзамасских стихах и не скажет спасибо Эоловой Арфе, которая поспешила добрячать до тебя эти арзамасские звуки, то ты — не Асмодей! Мы делаем у меня Арзамас, и я председателем в первый и, вероятно, единственный раз...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 6 ЯНВАРЯ 1817 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе, в месяц четвертый, по обыкновенному летосчислению месяца Просинца в день шестый, был в доме его превосходительства Кассандры семнадцатый ординарный Арзамас. Присутствовали рожденные или природные арзамасцы Н. М. Карамзин и М. А. Салтыков, вместе с избранными следующими Превосходительствами:

Кассандрою,
Эоловою Арфою,
Светланою,
Старушкою,
Пустынником,
Резвым Котом,
Ивиковым Журавлем

и с полу-превосходительным Варвиком, которого бесменный секретарь очень удачно применил к восьмимесячному младенцу: но скоро, скоро Варвик исторгнется из утробы своей родительницы слободы Арзамаса, и первый крик его будет для халдеев вестником страха и мщенья. Между тем так случилось, что в 17-м Арзамасе брат Варвика его прево. Эолова Арфа был президентом; и что же? К приятному удивлению всех братьев,

он прежде ужина разинул свои всежрущие, дотоле немотствующие челюсти. Из них как источник густого млека и душистого меда излилась благодатная речь во образе *Рескрипта*. Все помнят чудесное действие сей речи блистательной и трогательной; и шумный восторг арзамасцев, и смущение издыхающих халдеев, ибо гром слов президента проникнул сквозь шкапы, сквозь стены Арзамаса: он на крылах Ивикова Журавля понесся вдоль Фонтанки и вдоль Невы, раздавался в берлогах и в гнездах, на рынках и в клубах и в императорской Библиотеке; и там и здесь и усыпители, и усыпленные, и простые сонные, все очнулись, все узнали победу Светланы и света над Беседой и тьмою. Сбылось пророчество Кассандры: Золова Арфа совершила свой подвиг и явилась ужаснейшим членом Арзамаса; мы только кусали халдеев, г-жа Арфа их съела; да какое же брюхо и может сравниться с ее утробой? В ней только и могли поместиться все уроды, составляющие Кунсткамеру Арзамаса, так же как в сердце его помещаются все красавицы обеих столиц.

После речи председателя его прево. Светланю прочтен протокол, в котором его вышереченное прево величает себя чухною. Члены Арзамаса были готовы почтить секретаря своего только скромным; но увы! чрез несколько часов они уверились в истине сего злосчастливого превращения: через несколько часов узнали, что изменница Светлана скачет верхом на профессоре к опасным берегам Эмбаха, и что никакой Меркурий не спасет нашего Улисса от чародейств новой Цирцеи, или Киркеи, то есть древней Беседы, сокрытой в водах Пейпуса и под песками Ливонскими. С тех пор каждая почта привозит нам дурные вести: Светлана вместо стихов пишет календари, Светлана сердится на всех друзей своих, Светлана стоит на коленях с кадилом перед всяким германским париком; о бедная Светлана! Ты и в самом деле *очухо-нилась*. Приезжай скорее омыться в струях реки Тёши.

Однако ж во время 17-го Арзамаса Светлана была еще не совсем чухна; она вместе с прочими гражданами любовалась искусным фиглярством отсутствующего члена Ахилла; фиглярством, говорю я, ибо Ахилл, как тосканской фигляр, показал нам в своем волшебном фонаре тени покойных арзамасцев, французского Монтескье и греко-русского Кантемира. Они между собою говорили как живые достойные члены Арзамаса (большей похвалы нет в лексиконе ученых обществ): иногда

можно было узнать фигляра по голосу, но тени покойников и за это конечно не рассердятся.

За ужином не было гуся, и даже это не доставило острого слова нашей чухонке Светлане!

Старушка.

Эолова Арфа.

Ивиков Журавль.

Пустынник.

Варвик.

Кассандра.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

11 (января 1817 г.). Теперь обедал у Лун(ина?). Там видел Греча и поспорил с ним за Арзамас. Этот спор заставил меня вспомнить, что я должен Арзамасу речь. Надо что-нибудь писать. Итак, начну...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ФЕВРАЛЯ 1817 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе, в месяц пятый, по обыкновенному летосчислению месяца Сеченя в день двадцать четвертый, был 18-й ординарный Арзамас, навсегда для арзамасцев незабвенный. Сей день, или, если угодно, сей вечер, ознаменован двойным торжеством: к нам вступил по чиноположению Арзамаса новый член *Варвик, младый, но духом зрелый* (о чем уже и проведали некоторые покойники), а вместе с ним явился и блистательный Чу, наконец возвращенный старым друзьям своим, коих дружба к нему никогда не состарается. Кроме сих именованных членов, присутствовали Их Превосходительства:

Кассандра.

Старушка.

Эолова Арфа.

Пустынник.

Ивиков Журавль.

Недоставало в Арзамасе природных, почетных гусей Карамзина, счастливого любовника Истории, и Салтыкова, беглеца и нелюбителя Казани. Недоставало еще одного любезного, двуличного арзамасца, который воюет

с варварами как гусь Капитолия, а царапает беседников как остроумный Кот Лафонтенов. О нем гласит предание, что он в тот славный 18-й Арзамасский вечер просидел у мышеловки, называемой Институтом. Там ловят юных мышонков женского пола, кормят их сахаром познаний и чудотворно превращают в людей, разумя сие слово в его истинном смысле. Там, ко всеобщему удивлению, оказалось, что одна проворная, миловидная мышка, с блестящими глазками, рождена от почтенных родителей его превосходительства Резвого Кота; и его превосходительство, предавшись сладостному влечению природы, позабыл об Арзамасе. Но Арзамас на него не рассердится, ибо он любит его сестрицу мышку, ибо он любит все природное, кроме природной глупости Беседы. Между тем и без почетных гусей и без Резвого Кота должно было открыться заседанию. Оно открылось в некоей храмине или, паче, в некоем шкапе, принадлежащем секретарю Кассандре. В оном шкапе воссели превосходительные члены: вокруг них блистали на возвышениях истуканы первобытного арзамасца Аполлона и других арзамасцев древнего мира, а под ногами их лежали поверженные болваны Беседы и Академии и прочих скопищ халдейских. Сия противоположность истуканов с болванами подала повод к рассуждению о синонимах нового рода. Член Чу! напомнил об *Азарте* и *Запальчивости*, об *Омене* и *Проходи* академических словесников, член Старушка об *Очах*, *Глазах* и *Буркалах* Михайловского Общества; но всех любезнее был Ивиков Журавль: он изобрел множество новых своих синонимов, которых никто не подозревал, и уверял, между прочим, что надобно говорить: *Живот Старушки*, *Брюхо Пустынника* и *Пуза Эоловой Арфы*. Все арзамасцы дивились тонкости сего отличия; они удивление выражали, по обычаю, смехом. Но загремел звонок Пустынника, на тот раз президента: члены снова засели в кресла, секретарь, по словам Крылова, трепнул на стул свой и пробормотал протокол. Увы! В сем протоколе, который подобен всем прежним, бедный Кассандра безмерно силится не вылезть из кожи, как говорит пословица, а напротив, залезть в кожу своего предтечи Светланы, и (признается ли его самолюбие) он всем напоминал Светлану лишь тем, что не был похож на нее и что своими тщетными покушениями он только искупал терпение друзей своих. Так, мы видим иногда, что неофит нашего века силится отыскать Наполеона

в Иудейских пророках; он ломает буквы, выдумывает цифры и наконец с важностию Пифии кричит: «Господа и, если вам возможно, мои читатели, скоро-скоро представление света; и вот вам доказательство. Кто до времен Наполеона видал такого разрушителя и такое разрушение». Что же правдивый читатель шепнет ему в ответ: «Друг неофит! Видали это многие, увидел бы и ты, когда бы прочел историю».

Всем известно, что в Арзамасе часто все делается вопреки русским пословицам; и в этом случае было так же. Мы долго сказываем сказку о протоколе, а на деле он очень скоро прочтен и забыт. Внимание было устремлено на Варвика; он шел к присяге между секретарем и Журавлем, потом он воссел подле президента: лицо его пылало огнем геройства, и голова, казалось нам, дымилась как Везувий. Извержение черепа последовало, пролилась река лавы; но переменим тон и скажем слогом древних песен, «потекла эта реченька да на правую на сторонushку, да за батюшку за Аничков мост, да и к какой-то Библиотеке». Там пламенная река истошила свою ярость; там несчастные жертвы *Помпеи* — *Г...* и *Геркуланума* — *К...* будут храниться под ее лавой и пеплом, будут в грядущие веки ужасать библиотекарей и журналистов. Но какой любопытный, какой Сицилийской король пойдет отрывать их; кто посмеет спуститься в их обширную могилу, когда и президент Пустынник в своей замысловатой речи едва дерзнул коснуться их трупам, однако ж не смердящим; в них нет ни запаха, ни вкуса.

После принятия Варвика прочтены соборные грамоты отсутствующего члена и бессменного секретаря Светланы. Члены вздыхали и, вспомнив протокол перед тем прочтенный, говорили: Кассандра, ты в самом деле пророчица: от Светланы так и воняет Эмбахом.

Президентом на следующий Арзамас удалось быть его превосходительству Ивикову Журавлю.

Кассандра.

Эолова Арфа.

Чу!!!

Ивиков Журавль.

Старушка.

Варвик.

РЕЧЬ Н. И. ТУРГЕНЕВА
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС

Почтенные Арзамасцы.

На берегах Майна, в известном городе Франкфурте, в первый раз услышал я о существовании сего славного Арзамаса, в котором теперь присутствуем. Я как будто предчувствовал, что буду членом сего Общества; ибо первая о нем весть родила во мне какое-то неизъяснимое удовольствие, и с тех пор я возымел к Арзамасу великое почтение.

Вы спросите, что думают во Франкфурте об Арзамасе? *— Мнения были различны. Иные спрашивали: что значит это новое общество? Другие — что значит название «Арзамас»? Одни говорили, что такое соединение литераторов произведет в литературе раскол. Другие говорили: «Кто знает! Может быть, арзамасские гуси освободят русскую словесность от варварства Беседы. Гуси же однажды спасли и «Капитолий».

Мудрые законы Арзамаса предписывают каждому нововступающему члену прочесть похвальное слово какому-либо из членов Беседы. Обязанность сия для меня неудобна в исполнении, потому что, найдясь долгое время в отсутствии, я мало знаю о сем *Сословии Славянофилов* и в неведении моем утешаюсь тою мыслию, что Беседа и вообще малоизвестна. Итак, позвольте мне, почт. арз., пожелав Бесede вечного упокоения в бездне ничтожества и забвения, упомянуть только о том «отпрыске» Беседы, который, появившись как некий нечистый дух в известной по малому числу читателей Имперской Публичной Библиотеке, предавал нас «Вто-

* Далее в Дневнике Н. И. Тургенева следовало: «Я же буду отвечать вам, что везде, где есть политические хамы, есть и литературные халдеи. А так как политике угодно было соединить в Фр(анк)ф(урте) нарочитое число сих хамов, то и весть об Арзамасе произвела там много толков. Иные спрашивали: что значит это новое общество; другие: что значит название Арзамас? Одни в выгодах халдейства говорили, что такое соединение литераторов произведет в литературе раскол; другие, не любя халдейства, но любя шутки, говорили: кто знает! может быть, Арзамасские гуси освободят русскую словесность от варварства Беседы, которая так, как всякое зло, и по проститории своем имеет дурные действия, кто знает! гуси же однажды спасли и древний Рим! Я, почт(енные) Арзамасцы, восставал на фр(анк)ф(уртских) халдеев так же, как и на фр(анк)ф(уртских) хамов и защищал Арзамас всеми способностями ума, которые еще оставили у меня финансы.

Я боюсь, однако же, сделать вступление длиннее самой речи.

рое января» попеременно то сну, то досаде. О незабвенное второе января! Кажалось, что Имп. Публ. Библ. напрягла весь свой ум и употребила все свои таланты и в прозе, и в стихах, дабы сказать нам, что в течение 1816 года было прочтено или потребовано для прочтения 400 книг, означенных поимянно, и что в Эрмитаже стоит бюст Ахиллеса! Вы не удивитесь, почт. Арз., что имп. Публ. Библиотека может напрягать ум и употреблять таланты, если вспомните, что она может «просить», и «просить покорнейше». Счастливый дар, отличающий сей «храм щедрот монарших» от всех других бесталантных книгохранилищ! По выслушании первой пиэсы, которую можно назвать всем чем хотите, только не отчетом о порядочной Библиотеке, *слушатели Библиотеки* (мы продолжаем употреблять сие слово в смысле известной вам огромной пригласительной повестки), слушатели были поражены какими-то дикими и беспрестанно возносящимися звуками. Кто бы подумал, слушая чтение помощника библиотекаря, что дело идет о Гомере. Жалобным голосом своим, казалось, он просил пощады своему произведению. Два порядочные стиха едва ли вознаградили вас, почт. сочлены, за два скучные часа. Я, занимая мысли мои, всегда даже и в Библиотеке, финансами, вздумал, что приличнее было бы помощнику библиотекаря и переводчику Гомера, вместо «Илиады», перевести в стихах, и даже экзаметрами, например: *Süssmilchs Göttliche Ordnung* или *Justi Abhandlung von den Steuern und Abgaben* *, или воспеть рождение сих светильников политики. Тогда бы перевод скорее достиг цели своей — забвения, и достиг бы тем удачнее, чем ближе был бы к подлиннику; а поэма рождения смиренно сошла бы на вечное упокоение в лавку Глазунова, сию терпеливую могилу стыда русской словесности. Так думал я, почт. сочлены, когда Библиотека, звонким голосом великодушного штабс-капитана, начала читать так называемое обозрение так называемой литературы российской 1816 года. Сколько новых открытий сообщены слушателям в сем великолепном обозрении! Вы, верно, не знали, что англичане, французы, немцы, италийанцы не имеют ни хороших поэтов, ни историков, ни литераторов, ни ученых, вы, верно, также не знали, отчего они их не имеют. Итак, слушайте

* «Божественный порядок» Зюссмильха или «Трактат о взыскании налогов и платежей» Юста (нем.).

верного «Сына Отечества». Он скажет вам, что причина такой бедности не иная, как та, что в Лондоне, Париже, Риме нет ни татарских мечетей, ни жидовских синагог. Тот же «Сын Отечества» говорит вам, что у нас сей бедности или нет, или быть не может, — что, как известно, почти все равно. Что касается до меня, то я не вижу, чтобы терпимость Магометова или Моисеева закона могла принести большую пользу нашей словесности; но уверен, что терпимость вранья, даже и в Библиотеке, не у места и только что производит скуку. От терпимости вероисповеданий «Сын Отечества» перешел к терпимости книгопечатания, и первое слово, невольно вылившееся из пера его, было — цензура. Тут вздумал я: не в том ли смысле господин «С. От.» говорит о нашей свободе книгопечатания как Фигаро о гиспанской? — Но нет! Патриотические рассуждения «С. От-ва» скоро заставили меня отклониться от сего сравнения, конечно для одного из сравниваемых лиц обидного.

Таким образом, говоря о свободе книгопечатания и вместе с сим превознося цензуру, «С. От-ва» выводит следствием существование благородной свободы. Я невольно вспомнил о том, как не только у нас, но и во всей Европе приятными наименованиями стараются покрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не верят словам, сопровождаемым эпитетом благородия, и под благородным человеком разумеют эгоиста, под благородным поведением — тонкое, часто подлое, поведение, под благородием цензуры — благородие полиции. Заметив, что г-н «С. От-ва» знает то, чего другие не знают, и видит то, чего не видят другие, я пожелал, чтобы он впредь ограничивал свои обозрения сочинениями Орлова, Хвостова, Лобанова, Горюшкина, — они скажут ему спасибо за открытие их талантов и их существования; и чтобы оставлял в покое тех из наших лириков, трагиков, историков, которых все знают, все видят: они возвышаются как колоссы среди пустынь и свидетельствуют силу народного ума, народных способностей. — Так продолжалась панихида Библиотеки, и сия жертва невежества и дурного вкуса испустила последние вздохи жизни при отходных чтецов ее, как вдруг Крылов баснями своими исторг ее из объятий смерти, а слушателей из объятий Морфея. Но я вижу, что мне пора молчанием произвести то же действие.

Любезнейшие Арзамасцы.

Неизбежный рок определил, чтобы были беседчики, а для гонения их повелел родиться Арзамасу. По его же назначению принимается ныне в наше высокопочтенное сословие высокопочтенный член его превосходительство Варвик: и по его же лукавству смиренный Пустынник облачается в звание президента Арзамаса, т. е. звание титулярного гуся. Итак, милости просим! Где же покойник наш? Звенят кости его, три раза в мать-сыру землю опускавшиеся: во-первых, вступлением в Беседу; во-вторых, во время общего с нею погребения божественною нашею Кассандрою; в-третьих, добровольною вкладью себя в покойное Михайловское Общество. Разве потому только причислим его ко вновь усопшим, что в нынешнем 1817 году тень его бродила в безвестных странах нашей литературы и, обозревая ее сквозь кусок льдины Липецких Вод, увидела в них и Шутовского и Хлыстова; — отправила литературу в ботанику, в звании которой, по объявлению покойного обозревателя, в течение двух последних лет не только пустила она тысячи отростков, но некоторые из них уматерели. Не признается ли за благо: из молодых отростков наготовить розог, а из возмужалых — дубинок, кажется, они пригодятся; из негодных веток этих отпрысков можно наделать венков для украшения наших покойников, а впрочем, как угодно вашим превосходительствам знаменитейшим согусям моим: эту аллегория занял я из Обозрения покойника в доказательство истинного почтения и преданности: и по той особенной причине, чтобы не удалиться от своего главного предмета, который достался мне по очереди, или, так сказать, по жеребью. Он, по наущению его превосходительства Кассандры, быв отдан напрокат его превосходительству Варвику для торжественного погребения, сиянием своим озарив надгробное слово его, долженствовал неминуемо отсвечиваться и в моем приветствии или ответствии, дабы не быть мне в ответственности за пропускание без внимания заслуг его при четверократном погребении. Ну что вы скажете, безвестные литераторассесоры, уонтентованы ли вы первую частью высокого моего вздорословия? Первый и второй №№ «Сына Отечества» свидетели, что я заслужил право на перво-

гусакство 24 февраля 1817 года в субботу, и да будут они за то читаны по субботам.

Но теперь как быть мне, бедному Пустыннику? Что скажу об отчете его превосходительства Чу? Гений Арзамаса, дух Светланы и Кассандры, сойди на титулярного диктатора гусяного стада, положи на темя его правильцо и даже самую гуску жареного гуся прошедшего или будущего собрания нашего; вспомоществуемый ими, я дерзну отвечать на отчет его превосходительства Чу, которого, может быть, вы не увидите, а может быть, уже и видели: в последнем случае ваши превосходительства должны быть в полной мере удовлетворены. Однако ж не послать ли нам еще кого-нибудь из арзамасцев прокататься — оно все-таки лучше: исторические сведения о древнем происхождении и местоположении Беседы, в опытах их превосходительств Кассандры, Светланы и Старушки, несколько противоречат друг другу; не благоугодно ли будет возложить на его прев-во Эолову Арфу препоручение, сообразив сведения сии и сделав ясный свод сомнительных и темных мест, определить с точностию: 1. Что такое Беседа? 2. Действительно ли она существовала? 3. Не проказники ли какие на шутку Арзамасу выдумали ее, или не во сне ли она всем нам грезилась? Подобные задачи с удовольствием займут любезную Эолову Арфу; а от деятельности ее мы можем ожидать большого Арзамасу просвещения и утешения или, лучше сказать, уничтожения. Сверх того, доходят возмутительные слухи, что появляются подбеседники или мухоморы Беседы... Что же делают наши соглядатаи? Не мешало бы им войти об этом в Арзамас с доносом; а Арзамасу попригусьмиться.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

24 *(февраля 1817 г.)* 1/2 12 ночи. Долго не писал я в сей книге. Причиною тому не развлечение, кот(орого) я не имею, ни скука, кот(орая) для меня не новое. Причиною две маленькие болезни и отвычка писать здесь. Теперь Арзамас заставляет ваяться за перо. Надобно написать речь. Но мне писать речи шуточные! Нечего делать...

25 февраля 1817. Пбург.

...Вчера было у нас заседание Арзамаса. Я не мог избежать общей обязанности всех членов говорить при вступлении речь, и mal gré bon gré * вчера прочел в Арзамасе прешлохую, тем более, что в «Арзамасе» много ума и речи должны быть шуточные. Члены из учтивости, однако же, смеялись, и довольно громко. Неистощимый и остроумный Блудов всегда смешит нас донельзя, Жуковский, когда был здесь, тоже. В будущее заседание, вероятно, будет принят в Арзамас Мих(аил) Орлов, который теперь здесь, но кот(орого) я еще не видел. По приезде его сюда явился к нему какой-то полицейский чиновник и отобрал у него какие-то запрещенные книги. Брат Ал(ександр) думает, что это мистификация от Алексея Орлова, но это невероятно...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

25 февраля 1817 г. Москва

...На днях у нас заседание или надседание. Староста прочел мою «Доведь», но я и забыл, отдавая ее, что он и сам будет читать свою разогретую басню и принесет неволью и по природному влечению мою на жертву своей. Так и было: он прошептал или зажевал мою, но зато уже свою высосал до конца, так что слюнки потекли. Замечание сделано не мною, но всеми слушателями. Еще Староста прочел стихотворение Шаликова «Поэт», который списан не с природы. Впрочем, оршад и чай были приготовлены со вкусом и осушены с достождолжною признательностью...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 16 МАРТА 1817 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в месяц осьмнадцатый, по обыкновенному летосчислению месяца Сухаго в шестнадцатый день, было 19-е собрание Общества Безвестных Людей. По призывному гласу пророчицы Кассандры они вслед за Журавлем, президентом и вожатым, спешили к дивному терему члена Старушки и черного коня ее. Там представилось им чудо, произведенное чародейством ли Старушки или медленным совершением тайных законов природы. Едва с высоты терема они взглянули на окрестность, как вдруг пред глазами их, к белеющим берегам реки

* худо ли, хорошо ли (фр.).

Теши, мимо устья Арши и кладбища халдеев, примчалась река новая в Арзамасе, но давно блистающая не только в берегах своих, а в летописях мира и в гимнах Светланы. Славный Рейн, старец вод вечно юный, привыкший к кликам победы, слышал ликования арзамасцев, победителей тьмы беседной; он всплескал величавыми струями, прорыл пески Катевинские, и сквозь горькие волны морей принес, как Аретуза, свои чистые воды к водам отечественной Теши. Дружно с нею сливаясь, он, несмотря на запрещение Седого Деда, приветствовал арзамасцев тихим журчаньем: ему отвечали восклицаниями радости. «Ликуй, вещали, о ты, с минуты мирозданья не зревший лица Арзамаса, ликуй и отражай в себе все арзамасское, то есть все благородное, все, что пылает любовью к добру и к изящному, к красоте природы и души человеческой. А если дерзкая ладья Славенофилов вздумает плавать на твоём лоне, ты поглотить её для потехи Арзамаса; и верь, что лучше топить халдеев, нежели воинов, лучше быть петербургским арзамасцем, нежели страсбургским французом, и омывать не бойницы Майнца, а мирные шалаши наших кожевников, которых Академия готова назвать живодерами».

Так говорили и веселились арзамасцы на Рейнских берегах даже без помощи рейнвейна; они изредка вздыхали о болезни, лишившей их Пустынника, или пеняли одному природному члену, на тот раз запоздалому: «Где ты, почетный, где ты, почтенный Гусь-Историк?» зывали арзамасцы; но Гусь заговорился с орлами Древней Руси и особенно с одной плотоядной птицей, известной под именем Ивана Васильевича. Он поздно вспомнил об Арзамасе, приехал еще позднее; и этот случай, как увидят, имел для Общества ужасные следствия.

Заседание открылось незадолго до полуночи: сначала было все хорошо, разумеется, кроме протокола; президент приветствовал члена Чу! свистом приятным, хотя журавлиным, а Чу! волшебством красноречия перенес арзамасцев к странам, орошенным Окою, и сделал их свидетелями своих подвигов. Шумная радость разливалась по собранию, когда пробил таинственный час: и вдруг Кассандре стало мерещиться, в её сердце заиграли смутные предчувствия, а стул под нею превратился в треножник. Как гадатель Феоклимен в доме Улисса, она воскликнула: «Несчастные! Где мы? Что с нами? Смотрите: звезды гибнут посреди неба, мрак Беседы

облекает наши светильники, над трапезою летают заречные Гарпии. О арзамасцы! Вы бледны, как журналист перед цензором, ваши взоры утопают в слезах без причины, и в уши к вам лезут полные творения графа Хвостова». Но адский призрак пронзил средину стола и выник из разбитой чернильницы: вот он не клещун Гавиньи, а подобие Деда всех халдеев: коварная усмешка скривила уста его, обостренный кол вместо пера в его деснице и книжки нечитаемых чтений в виде пальмы покрывают седую шерсть его. Он глядит без страха на страшного Чу! О горе! О Чу! Совершилось! Ты нам дан на мгновение. Уже волны русского моря шумят за тобою, храбрый рыцарь Русской Музы. И скоро ль, долго ль, как узнать, где вестник свидания? Сколько раз месяц Светланы на горизонте и в балладах взойдет и зайдет, родится и умалится, а ты не будешь с нами, а ты на берегах Босфора, Геллеспонта, у развалин Трои, у гроба прежнего Ахилла будешь вспоминать арзамасцев, которых сердце и обеты с тобою. Не найдешь ли случая вспомнить и беседчиков? Ты знаешь, они просвещенны и чувствительны, как черные стражи гарема, их славянское краснословие утешительно для вкуса, как правление Махмуда для бедных Мурузи. Но, вспоминая об них и об нас не забывай, наш Чу! Не забывай курить жертвы отеческим гениям нашего города. Приведут ли они тебя к знакомой родной колокольне, и с высоты ее не скажет ли жалобный голос тебе как древнему Гектору: О герой Арзамаса! Ты возвратился не к друзьям, а к могилам их.

Варвик.

Старушка.

Элова Арфа.

Резвой Кот.

Чу!!!

Кассандра.

РЕЧЬ Д. В. ДАШКОВА

Беседа и Академия, сии пагубные источники всех возможных глупостей и невзгодий, сии Пандорины, не коробки, а короба, из коих все дурное и скучное на свете изливается и где вместо надежды осталось одно последнее благо — сон: Беседа и Академия, конечно, были причиною и моей горестной разлуки с вами, любезные сотоварищи. Я был на родине: но вздыхал

там об истинной своей родине, о незабвенном Арзамасе. Я дышал свежим воздухом, не зараженным гнилью сырости от тлеющих в лавке брадатого Глазунова «Чтений Беседных» и «Известий Академических»: но там запах жареного гуся не приводил в приятное содрогание моих фибров той части тела, которою ревностный мститель Журавль наш тревожит лягушек и жаб даже на дне болот их. Всякий день бывал на охоте: но увы, вместо угрюмых глухарей и трусливых зайцев все мечтались мне седой Мешков и герой Шутовской! На берегах Невы я сладко засыпал за первую страницу «Сына Отечества»; а там и в минуты бессонницы я тщетно искал его, тщетно жаждал зазывных билетов на торжественные чтения Беседы и Библиотеки, столь равно усыпительные.

И в ужина златое время,
Забыв разлуки тяжко бремя,
Я мыслью в Арзамас летал!

Но трудно добраться до смысла в творениях Славенофилов, трудно и мечтами всегда заменить существенность. Суровая родственница почтенной Немезы, Необходимость, еще удерживала меня в дикой Мещере: мне должно было, в утешение, хотя духом увидеть торжество ваше. На сей раз чарования врагов были мне полезны. Внимайте, друзья, и дивитесь.

Близь той горы, где возвышается над Окою древний вал Олегов, в богоспасаемом Спасске, живет колдун, слишком известный многим из арзамасцев. Он творил и творит на Руси чудеса неслыханные. Раздаватель билетов при губернском спектакле превращен им в героя, а Хлыстов — в великого поэта и учителя стихотворцев; из урны, для свадебного подарка приготовленной, сделал он русалкин кубок, из Эпиталамы — ужас новобрачным. Он искал с фонарем человека и назло другим нашел его в своем покровителе, он, слабый и худоногий, измучил нашего быстрого Ахилла: он воскресил Медею и сжег ею первопрестольный город русский. Ныне творит он новое чудо — кажет вином воду. Досужий поэт сей не член Беседы: он клеветет ее. Но зная нежную склонность мою к'его Горацию, к великому Хлыстову, он обещал мне свое покровительство.

Мы пошли в его обветшалое жилище, обнесенное крепким забором. Месяц не показывался еще из лабазов Светланы; ночь была самая темная, и сердце мое наполнилось ужасом, как бы слыша злоеший кашель чтеца

беседного. Железные затворы, гроза целовальников и поверенных, спали с дверей, украшенных изображением орла — победоносного. Мы перешли несколько пространных комнат, цепляясь за ведра и отжигальницы, и наконец вступили в святилище. Стены завешаны были избранными притчами первого издания; кругом прибиты в несколько рядов дубовые полки, на которых хранились драгоценности колдуна моего. Он позволил мне рассмотреть сии редкости, могущественными заклинаниями его приобретенные. Там увидел я сорочье перо, коим написаны многие письма из Нижнего Новгорода; зуб наборщика той типографии, где печатается «Сын Отечества»; колпак покойного господина Курганова, внушивший покойное «Рассуждение о старом и новом слоге»; обломок горшка, из коего Дед Седой часто на коленях своих кормил кашею певца Шахматного; несколько рыжеватых в старину волос Мешкова, завернутых в тафтяный лоскуток от юбки девицы Б. и связанных ниткою, без которой нельзя выпутаться из лабиринтов его периодов. Там в банке лежали зевания и храпки, собранные по одному от каждого публичного чтения и замороженные в холодных шубах Шутовского; дюжина ветхих кульков с загнившими корешками словесными разбросана была по *Беседе из рыбьего зуба!* Всего более поразили взоры мои: огромная бутылка с надписью крупными буквами «Здравый смысл четырех Разрядов», из коей, по уверению вождя моего, ничего еще не выдохлось, — и подле нее малейшая скляночка с едва приметным ярлычком: «Заслуги всех ученых обществ в России». В углу покоился пепел сгоревшей с Москвою Медеи; смешанный с пеплом 6-й части прежних «Образцовых стихотворений»; памятники единственного добра, сделанного Наполеоном. Долго бы еще дивился я сим неоцененным сокровищам, если б колдун не подвел меня к тусклому очарованному зеркалу, некогда украшавшему чертог беседный; в нем члены и сотрудники видели содрогаясь возрождение Арзамаса. На древней рамке изображена была таинственная алгебраическая формула, заключающая в себе всю силу или бессилие Беседы. Внимайте — она глубоко врезалась в моей памяти: $B = 4P = 4\Pi + + 204 + 20C = 0$. Объятый священным ужасом, я едва слышал всеильные заклинания. Вдруг развеялся туман, покрывавший зеркало: в нем отразились знакомые стены Петрограда и берега Фонтанки от желтого дома безумия до желтой гостиницы полоумных. Все казалось

в волнении на сих берегах, столь опасных для здравого смысла. Из ворот гостиницы, долго слывшей столицей Беседы, исходило печальное шествие. Полуобритые сотрудники и обритые наголо члены, в венках из репейника, тащились по четверо в ряд; они, казалось, пели погребальные гимны в честь покойнику и погребенным своим творениям: двойное воспоминание заставляло их проливать слезы! Избраннейшие из них несли груды тяжелых свитков, на которых сквозь покрывавшую их пленку я с трудом прочесть мог заглавия: «Гимн Лироэпический», «Евпраксия», «Василий Темный», «Кутерьма от Кондратьев»... Три председателя, так же обритые, в крапивных венках, в черной одежде, сшитой из обносок онуч и повойников, несли свинцовый гроб усопшего: и гроб сильно давил плеча их, держась прямо только с той стороны, с коей к нему не прикасались, — явление чудное! Но что не чудно, что естественно в делах Беседы! — По сторонам шли посторонние полоумники, не принадлежащие ни к какому Разряду; и разинутые рты их показывали, что они также пели погребальные гимны, не очень стройные. Но едва все вышли из пределов обвороженной области, едва ступили на место, где чарования колдуньи Славены не действуют, — вдруг вся картина оживилась новым, лучезарным светом. Свинцовый гроб раскрылся: и вместо мнимого покойника встал из одного безобразный призрак, который злобно хохотал и дразнил несущих его и окружающих, высывая длинный язык свой. Истинный певец Фелицы, сияя бессмертием, сидел на облаке с Ломоносовым и Петровым; и тем небесным смехом, коим осклабляются Гомеровы боги, смеялся над беседчиками, столь долго державшими почитать его своим и себе подобным. Белый гусь Арзамаса летал вокруг его и, казалось, криком своим, как некогда под стенами Капитолия, устрашал новых варваров. В отдалении, на высокой горе, виден был храм бессмертия. Крылатые Гении несли туда нетленные свитки — наследство покойника отдаленнейшим потомкам, а несомые членами груды сами попадали из рук их в Фонтанку, куда на тот раз проведена была добрая часть реки Леты. Изумленные плакуны предались бегству, все вместе, председатели, члены, сотрудники, все стремглав вбежали в настоящий дом сумасшествия: и двери накрепко за ними захлопнулись. *И слух об них пропал навечно!* На входе явилась надпись:

Когда Державин пред концом
Свой дом не отказал беседчикам в наследство,
Он знал их твердые права на желтый дом
И прочил им соседство.

Волшебное зеркало опять потускнело и опять прояснилось. О радость! Я увидел себя в недрах Арзамаса, увидел вас, милые сотоварищи: Светлана была с вами, как невеста с богатым приданым; на руке ее блистало *каменье честно*, не *сронившееся с высот* в подачу подлости, но дарованное уважением достоинству. Все было весело, все радовались торжеству Светланы и «Арзамаса» и общим удачам. Радость сия была мукою для завистливых врагов дарований и вкуса. Я веселился сердцем с вами...

Вдруг роковый петух пропел, и все исчезло. Колдун мой схватил меня за руку и поспешно вывел из святилища. Навстречу к нему тянулся ряд целовальников с мешками медных денег. Он бросился к ним, а я возвратился домой, горя желанием скорее лететь к любезным сотоварищам. И желание исполнилось! Я опять с вами, друзья; готов опять сражаться под хоругвию «Арзамаса», держать крепко на запоре неугомонных беседчиков и даже заколотить осиновый кол в спину старой колдуньи Славены, чтобы она не куролесила по смерти.

Чу!

РЕЧЬ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

Любезнейшие сочлены.

Быв избран две недели пред сим президентом, и вот уже две недели, как я в своем сердце говорил вам следующую речь: Хищник престолов, Наполеон Бонапарте, оставя остров Эльбу или Ильву, овладел Лютецией ровно тому два года. В нынешнем году кулисный Бонапарт, похититель чужих комедий, творец «Расхищенных шуб», почти в то же время года и из тех же пределов возвращается в Петрополь и тяжестью своего брюха и своих новых творений хочет, кажется, подавить всех своих противников: но судьба, пекущаяся об Арзамасе, в то же время призывает из Спасского уезда спасительного Чу, дабы противопоставить его огромной туше, над Арзамасом висящей. И вот, любезные сограждане, восседает он посреди вас, сей славный Чу, сей Веллингтон арзамасский. Подобно британскому герою, оставляя он на время поприще своей славы, сделался дипломатом

и, подобно ему, скоро грянет в врагов стройности и порядка. Быв на сей вечер президентом любезной нашей республики, приветствую вас, почтенный Чу, давно молчавшим моим журавлиным криком, криком столь много раз призывавшим вас к войне и, следовательно, к победам. Давно ли оставили вы нас и сколько уже перемен?

Беседа еще дышала, еще жила своею злобою, ее уже нет; в Арзамасе все представляло воинственный вид, все члены его, усыпленные успехами, отдыхают теперь на лаврах, воскрес Арзамас, враги его рассеялись, и пустая храмина Беседы на берегах Фонтанки свидетельствует о победах наших. Дуга мира и завета воссияла над могилами Озерова и Державина *. Петрополь примирился с нами, и умы беседные уже совсем потупели.

Все наши витязи явились достойными сынами своей отчизны; Арфа наша, к сожалению, между нас безмолвная, издавала нежнейшие и трогательнейшие звуки в пользу страждущего человечества, и превосходный инструмент сей сделан превосходительным. Светлана светит новым блеском в глубокой тьме нашей литературы; Старушка, посреди нас миловидна, не престаёт быть страшилищем для Славянофилов; блестящая из груди ее звезда привела к ней на поклонение волхва Гнедича, и он воскурил пред нею вместо мирры новорожденного и убитого им Гомера: может быть, думал он отогнать от нее чертей, но от ладана его, кажется, и люди бегают, одним словом, всех арзамасцев, кажется, ласкало счастье, и они были того достойны; один только... к сожалению, Вот я Вас впал в преступление, был наказан, восстал с славою и снова признан любезнейшим членом.

После всех должен говорить я о себе и нести повинную голову пред всем Арзамасом, более году не исполнял я принятой мною обязанности, но все для меня переменилось, Журавль ваш, бдительнейшая из птиц, спит ноне четырнадцать часов в сутки, не летает уже она страхом в тыл врагам, хилые ноги едва ее несут, крылья опустились, закрылись от нее и библиотеки, и клубы, и та пещера, в которой некий известный Циклоп куёт ужасные свои гексаметры, не слышит Журавль на полете своем, как прежде, ни воя Гнедича, ни чирикания Лобанова, ни реву Соколова, ни свистания Олина, один только Арзамас извлекает его иногда из гнезда, им свитого. Но если когда-нибудь глупцы перестанут быть

* Озеров убит халдеями, а Державин умер у них в плену.

бессильны, при первой опасности Арзамасу, с новым усердием буду служить ему, и бесполезнейший из членов постарается на что-нибудь вам быть пригоден.

При начале сего повествования, речи или донесения, как назвать вам угодно, сказал я, что ноне ровно два года, что преступник Наполеон вступил в Париж, позвольте окончить, приведя вам на память другое интересное и приятнейшее для нас происшествие, сегодня ровно год, что невинный наш Староста торжественно вступил в Арзамас.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

18 (марта 1817 г.). Что сделал я или, лучше сказать, что делал я в течение последних десяти дней? Толковал с лекарем, был два раза в концерте, раз в Арзамасе...

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

1 апреля 1817. СПб.

...О Грече ты как угадал. Он ответ в Арзамасе и ответ мною. У меня нет копии с моей речи. Но я постараюсь тебе ее достать и прислать для тебя одного. Мих. Орлов вступил в Арзамас и в первом заседании будет говорить речь, т. е. отпевать одного или нескольких беседистов. — Жихарев возвратился из деревни и тебе кланяется...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 22 АПРЕЛЯ 1817 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в месяц девятыйнадесять, по обыкновенному летосчислению месяца Березозола в 22-й день было двадцатое собрание Нового Арзамаса и усыновление нового члена Рейна.

Всему свету или, что все равно, всему Арзамасу известно, как сия краска рек германских, при помощи одной из гонимых и торжествующих баллад Светланы, оставила прежнее, глубокое ложе и пролилась в долинах своего истинного Отечества. Но день вышеозначенный был определен мудрецами и пророками для принятия клятвенных слов члена Рейна, а вместе и для погребения покойника или покойников, коих он рассудит за благо

утопить в гремящих волнах своих. Как скоро пробил уреченный час, стали мало-помалу всходить на горизонт Арзамаса сперва все члены природные, за ними все, почти все наличные, члены избранные. Затмился в сей вечер один Ивиков Журавль; и нам не известно доньше, какой недуг оковал его длинные ноги: увяз ли он в халдейском болоте? Укусил ли его лягушонок? Или он запнулся за какой-нибудь гексаметр? Бедный Журавль стонал и нянчил свою ногу, а между тем созвездие Арзамаса блистало в скромной келье Кассандры. Шум вод, похожий на стук оружия, возвестил вступление Рейна; Резвый Кот президент с важностью звания и легкостью породы, вспрыгнул на пурпуровые кресла, все порядочные арзамасцы сели, Эолова Арфа повалилась, и началось 20-е собрание. Кассандра читала протокол прошедшего заседания, а Рейн доказывал, что старец вод не одного разбора с земными стариками, ибо умеет слушать и не торопится рассказывать. Он с примерным терпением дождался конца Кассандрина чтения, и тогда только, вызванный Обществом, дал волю говорить своим струям одушевленным и гармоническим. Все арзамасцы внимали. «Смотрите, журчал новый член, — смотрите на чистую влагу мою: я невиннейший из ваших братьев. Никогда лик Беседы не марал меня своим отражением; я не топил, я не хочу топить халдеев, затем что не хочу с ними знаться». Так говорил и, может быть, так думал Рейн: но зоркие глаза арзамасцев не обманулись ни словами его, ни прозрачностью лона; они видели, они шептали друг другу, что под пеною каждого вала таился покойник: и, например, вот здесь ныряет трикраты погребенный, еженедельно умирающий «Сын Отечества» («Сын Отечества», как смеем мы думать, не похожий на родителя); вот там захлебнулся бездушный Дух неизвестных журналов, за ним плывут и Пустынник с пустой головою, и Шутовский с обнаженным брюхом, и Хлыстов, избитый волнами; наконец, вот там дале всех на крае горизонта литературы барахтается в тине С. П. О Рейн! О Рейн! Каково же халдеям от этой невинности! Сему шепоту удовольствия последовала громкая речь, в которой превосходительный Кот поздравлял попеременно и Рейна и Тешу: он не только прославлял, но доказывал волшебное могущество Арзамаса, и все ему верили, слыша, как мяуканье кошки превращалось в сладостную песнь лебединую, видя, как простирались объятия бархатных лапок для принятия Рейна и всех

его древних мышей, убийц епископа Оттона. Но две черты сей кошечьей речи возбудили особое внимание. При словах: «О величественный, гордый, усастый Рейн!..» арзамасцы, взглянув на бога реки, увидели, что он сохранил одни усы свои, а струистую бороду откинул в знак развода с Беседой и ветхими предрассудками. Громкий клик одобрения остановил Кота на несколько мгновений. Когда же президент мяукнул, что в Арзамасе жители Трои обнимают спящую Арфу, то члены с ужасом воскликнули: «О бесстыдная Арфа! Ты в самом деле спишь сном Беседы!» Но пронизательный Чу! укротил гнев арзамасцев: «Нет друзья,— сказал он,— не ошибайтесь. В этом сне есть великое таинство, продолжай, Резвый Кот! Сон Беседы не устоит против слов Арзамаса». Резвый Кот продолжал и кончил. Что же, спит ли наша Арфа? После Кота Громобой поведал собранию, в каких дивных странах, с какими дивными чувствами он скитался, отлученный от Арзамаса, и что же, спит ли Арфа? После речи Громобоя читаны стихи отсутствующих членов: блестящего Асмодея, померкшего Вот я Вас опята: арзамасцы хвалили и смеялись, но спрашивали: «Спит ли наша Арфа?» Ответ был всегда одинакой. Тогда член Чу!, известный издавна по теплой вере к чудесам магнетизма, спросил в свою очередь: «Что думаете, друзья! Неужели сон Арфы есть продукт Беседы? Ах, нет. Асмодей умеет будить и беседчиков, не только гостей их. И взгляните: похож ли веселый сон нашего брата на славянское усыпление, мрачное, как взоры Мешкова, тягостное, как слог его... Напротив, вы видели: Эолову Арфу поразила последний журчащий совет члена Рейна; она с радостным восклицанием сомкнула глаза свои, и теперь ее уста расцветают улыбкой надежды, в ее щеках румянец рейнвейна. О арзамасцы! Верьте мне, сей сон не беседный, а магнетический. Арфа долго молчала, но скоро будет говорить, однако ж, не языком, а тою частью тела, которая в ней всех более деятельна. Приблизьтесь к ее огромной утробе: оттуда изыдет вещание важных судеб Арзамаса». Как не поверить члену Чу! Все согласилось, все вместе с ним подбежали к новой пещере Трофония. Между тем принесен и дымящийся гусь; от почтенного состава его отделена почтеннейшая часть, то есть гуска, и сей жезл магнетизма приставлен к эпигастру Эоловой Арфы. О чудо! Поверхность брюха взволновалась, как близ текущая Теша, дальний гул раздался в глубине ее,

и наконец, сквозь вершину, именуемую пупком, пробились слова достопамятные.

(Продолжение впрод.)

Эолова Арфа.

Старушка.

Громобой.

Рейн.

Варвик.

Резвый Кот.

Чу!!!

Пустынник.

Кассандра.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ М. Ф. ОРЛОВА

Почтенные друзья!

Определив меня членом Арзамасского Общества, вы думали, может быть, что в самом деле найдете во мне сотрудника, достойного разделить ваши занятия. Но рука, привыкшая носить тяжкий булатный меч брани, возможет ли владеть легким оружием Аполлона, и прилично ли гласу, огрубелому от произношения громкой и протяжной команды, говорить божественным языком вдохновенности или тонким наречием насмешки? Какими заслугами в словесности обратил я на меня внимание ваше? Где книги, мною изданные? Где труды мои? Где плод моих трудов? И как я, неизвестный, осмелюсь заседать в тайном судилище арзамасском, где вижу собрание столь превосходных мужей, ополченных вкусом и правдою против пигмеев Российского Парнаса?

Правда — лучше совсем не писать, нежели писать как Хв<остов> или Зах<аров>; но потому что я не достоин быть вами погребенным, достоин ли погребать других? Нет, любезные друзья! Осмелюсь при первом шаге моем прейти пределы, вами установленные, и перо мое не ополчится клеветою против сочинений, коих не читал и читать не хочу и не смею. Как мне отвечать на справедливые возражения тех писателей, кои, зная мое отвращение к их книгам, не преминут обвинить меня в невежестве? Я уже в мыслях вижу с трепетом их ужасный сонм, предстающий предо мною в образе какогонибудь нового словесного скопища... «Как ты смел, — говорит один, — судить мои сочинения, ты, который ни одного из них не дочел до половины?» — «Тебе ли, — рцет другой, — разглагольствовать языком змииным о

ангелоподобных моих женах, тебе, которого я видел спящего и слышал храпящего при самом начале учиненного мною чтения в усопшей, но искони бессмертной Беседе?» — «Видел ли ты, — скажет третий, — где-нибудь подобного мне мудреца, сидящего безмолвным за трапезою ученых и определяющего достоинства сочинений одним вертикальным или горизонтальным движением головы?»

Увы! Какой мне дать ответ? Рассеянные листы без уважения и порядка в отдаленнейшей из моих комнат ясно доказывают, на какое единственное употребление определил я все сочинения сих авторов, предпочитая слогу и красноречию их книг приятную мягкость бумаги, на коей они напечатаны и с коей предавал я их вторичному тиснению. Итак, не имея права злоречить о произведениях, мне неизвестных, я намерен, не погребая никого, обратить внимание ваше на собственную мою недостойность. Здесь являюсь пред вами как грешник в час страшного суда, являюсь во всей моей нищете, и нет ни одного напечатанного листочка, коим бы мог прикрыть словесную мою наготу. Ах! Как ужасна ваша строгость! Как строга ваша пронизательность! Принужденный неизвестным еще пером описывать неизвестные мои таланты, страшусь предстать пред вами бесценен, как Г., без сафьянного переплета, а мерзок, как Ших <матов> без рубашки.

Изнемогая пред славою, мне вами ссужденною, решился дать вам полное познание о новом члене вашего Общества. Сим одним могут согласить совесть мою с похвальным честолюбием. Внемлите и судите.

Я не член Академии и не давал подписки быть присяжным врагом истинной учености. Я признаю пользу Адрес-Календаря и почитаю его за лучшее произведение наших академиков, так как считаю Беседу худшим творением Державина.

Когда нахожусь в Петербурге, являюсь в точности на публичное мучение в Библиотеку и намерен даже подать вскоре напечатанное мнение для пользы публики о превращении сих ежегодных собраний в юбилей.

Читая басни одного члена Библиотеки, смóтрю на него как на одного живого в царствии мертвых.

Я не признаю за брата «Сына Отечества», одним заглавием почтения достойного, и жалею, что столь славное имя не может внушить лучших произведений.

Я признаюсь, что «Северная Почта» в состоянии

меня отвратить и от самого свободомыслия, ежели бы что-нибудь могло уклонить честного человека от полезных занятий.

Я торжественно объявляю, что Дух журналов наводит на меня дух уныния, и что сия северная пчела, собирая с дурных растений ядовитые соки, составляет на место меду чистейший опиум.

Я от Пустынника в пустыню рад удалиться и желаю, чтоб впредь он гулял для здоровья без замечаний, за что вся публика будет ему благодарна.

Я осмелюсь заметить сему подражателю господина Жуи, что частные статьи сего последнего удостоены были составить целую книгу и что из целой книги русского Пустынника едва ли можно выбрать одну хорошую статью.

Я прощаю великодушно Хв<остову> оба издания его басен, *ибо сам не ведает, что делает*, но никогда не прощу ни тем, кто раскупили первое издание, ни тому, кто напечатал второе.

Я предпочитаю ведьму Жуковского всем красавицам Зах<арова>.

Я опасюсь, чтоб угрюмое изображение Шекспира Шижа<това> не имело для публики дурных последствий, то есть сочинения какой-нибудь новой трагедии.

Я полагаю, что меланхолическая нежность пастушки Буниной одна может усыпить пылкость российского Ротру.

Я советую им вступить в законный брак и определяю старца Мешкова их посаженным отцом.

Я заклинаю их не производить в свет новых сочинений и ограничиться нежными упражнениями супружества с тем только уговором, чтоб публика, забывши о них, не увидела вдруг появившихся наследников их талантам.

Я уверен, что многие из наших писателей продали, как Громобой, душу свою черту не за успех, а за одно право печатать.

Я думаю, что нынешняя российская словесность по большей части есть отпечаток французской испорченной литературы.

Я исповедую, что не будет у нас Словесности до тех пор, пока цензура не примирится с здравым рассудком и не престанет вооружаться против географических лексиконов и обверточных бумаг.

Я бы мог, конечно, еще далее распространить сие

описание моих отрицательных дарований и качеств, но, говоря сам о себе, боюсь, чтоб вы, почтенные друзья, обыкшие веселиться, а не скучать сочинениями ваших сочленов, не заставили меня общим негодованием прекратить сие чтение. Я сам чувствую, что слог шуточный не приличен наклонностям моим, и ежели я решился начертить сие нескладное произведение, это было единственно для того, чтобы не противиться законам, вами учрежденным. Исполняя долг повиновения, я надеюсь, что найду в вас не судей суровых, но снисходительных друзей, которые предпочитают искреннее желание угождать блистательнейшему успеху.

Итак, обращаюсь я с радостью к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему Обществу цель, достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране Русской. Тогда-то Рейн прямо обновленный потечет в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род не легкие увеселительные лодки, но суда, наполненные обильными плодами мудрости вашей и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между ними луч отечественности и начнется для Арзамаса тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный призм предрассудков за пределы Европы.

ОТВЕТ Д. П. СЕВЕРИНА М. Ф. ОРЛОВУ

Никогда урна судьбин арзамасских или, правильнее, верх дном поставленный колпак красного цвета не произносил столь горестного определения, как в последнее заседание наше. Жалуюсь на колпак, я самого себя обвиняю. Острые лапки Резвого Кота рылись без проникательности в пределах, объятых неизвестностью, рылись, не предвидя будущего, и вместо того, чтобы направить удары благосклонного рока на всеведущую дочь Приама, на односложный отголосок Странника, приветствующего отдаленному шуму, или на Ведьму, всегда пленяющую нас звуками лиры, обвитой цветами классического воображения, — слепые лапы бросили жребий самоубийства и похоронили Кота. — Но вы, безвестные сочлены-приятели, зачем не сказали тогда *брысь*. Сегодня уши ваши не страдали бы от моего мурлыканья. А вы, гордый, величественный и, если смею сказать, усастый

Рейн, превосходительный под знаменами Марса и Аполлона, вы приняты бы были с великолепом приличным важности осанки, т. е. берегов ваших, и прозрачности состава вашего, отражающего все чудеса природы в нравственных и физических красотах ее! Мне ли, врожденному неприятелю жидкости, хвалить царя вод?.. О дивное влияние арзамасской атмосферы! Ей все возможно: она соединяет всех и все; сближает времена и народы; в ней жители древней Трои наяву обнимают спящую Эолову Арфу и с восхищением встречают красу германских рек, отныне ставшую любимой дочерью Арзамаса!

Итак, любезнейшая сестра или брат наш! Умерьте пространство вашего плавания: постарайтесь в месте сидения вашего не разливаться и не топить нас; но знайте, что есть неизмеримое число обезьян, в людское платье одетых и в прошлые времена собиравшихся в доме желтом и возле желтого дома. Тех вы должны топить без милосердия. Некоторые из них, корифеи из халдеев, давно уже соединились с Тредьяковским и в жилище теней отличаются тучностию своих умственных фибров, — но есть другие, которых купать вам представляется. Будьте для них неумолимою Летою: а между нас Кастаньские струи ваши никогда не перестанут блистать, озлащенные лучами вечно пылающего солнца арзамасского.

РЕЧЬ С. П. ЖИХАРЕВА

Приветствую тебя, возлюбленный Арзамас, столица просвещения, отечество талантов! Приветствую вас, почтенные, превосходительные гуси, собравшиеся ныне в 20-й раз под знамена вкуса на истребление грачей невежества и расколов! Давно уж не видал я милых образин ваших, давно не внимал очаровательным вашим панихидам по усопшим беседчикам, и обоняние мое не услаждалось родимым запахом жареного гуся! Судьба наконец возвращает меня к вам, и Громобой, скитавшийся по цветущим берегам пышного Дона, по сыпучим пескам Хоперских пустынь и по грязным непроходимым улицам Воронежа, — опять заседает с вами! Ни грызущие сердце заботы, ни утомительные труды, ни последующее за ними пьянственное окаянство, ни московский Английский клуб, ни полные груди белокурых московских горничных, ничто не истребляло из памяти моей возлюбленного Арзамаса: я тосковал по нем, — не

так, как тоскует преподобная Хвостова в неподобных письмах своих о горнем отечестве, — но тосковал с умилением и для славы Арзамаса — в молчании. Скорбная душа моя услаждалась одною надеждою скорого с вами свидания, с каким нетерпением дожидался я понедельников, в которые приходила почта, дожидался писем от друзей моих, но друзья мои ко мне не писали, ибо я не писал к друзьям моим. В отчаянье хватался я за «Сына Отечества», пробежал его от первой страницы до последней, и в сию минуту каплюжник Греч имел читателя. Но подивитесь путям Провидения. Часто мы находим утешение там, где ожидать его невозможно. Это случилось со мною — и вот как: в один из вышереченных понедельников я приказываю слуге: «Куська! Оседлай лошадь, ступай на почту за письмами». Мигом взлетел Куська на гнедого коня, приложился к луке, чухнул и стрелой полетел по ровной Везовенской дороге в хлебородный Данков; долго стоял я у окошка и провожал его глазами: в душе моей происходило что-то странное, какое-то предчувствие сжимало мои способности; я думал — ни об чем не думая, смотрел — ничего не видя и слушал — ничего не слыша. Такое положение кажется вам невероятным, почтенные арзамасцы, но взгляните на Сенат и Академию, и вы удостоверитесь; так, в сем положении стоял я у окошка до тех пор, пока стенные часы мои, ударив восемь, не вывели меня из задумчивости. Восемь часов в деревне не безделица; в восемь часов помещики начинают зевать, и это служит знаком дремлющим холопам накрывать на стол. Следуя сему обыкновению, я зевнул, хотя и не хотел спать, спросил ужинать, хотя и не имел аппетита, а между тем ходил по комнате, спрашивал о Куське, почесывал в голове, потирал бороду и ломал пальцы. Накрыли на стол — Куськи нет; я поужинал — нет его, разделся и лег спать — но Куськи все еще не было. «Проклятый Куська, — бормотал я, — за первую вину отдам в солдаты»; и в сих либеральных идеях уже засыпал, как вдруг — тихо отворилась дверь моей так называемой спальни; я вздрогнул, вскочил с постели и — Куська стоял передо мною с свечою и с кипюю давно лежавших на почте газет. Унылый вид его заранее возвестил мне, что писем ожидать я не должен. Нечего было делать; я отпустил Куську, поставил свечу на стол, распечатал газеты без любопытства и хотел читать от бессонницы сочинение Пезаровиуса, но что почувствовал

я, превосходительные арзамасцы, когда на первой странице «Инвалида» увидел я указ о пансионе Светланы, а там в другом номере рескрипт на имя Старушки! «Слава Арзамасу», — раздалось в моей комнате, я вздрогнул, ибо в первом порыве радости не почувствовал собственного своего восклицания. «Вина!» — закричал я после и таким ужасным голосом, что менее нежели в полминуты стояла передо мной вся домашняя челядь полунагая и с бутылками в руках. Сильно кипело горское в больших стаканах, опорожняемых мною один за другим за здоровье каждого арзамасца, но сильнее кипело от радости мое сердце! Это была первая веселая минута в продолжение 4-х месяцев разлуки моей с Арзамасом. Я благословлял «Инвалида», находил умным издателя «Северной Почты» — но что я говорю! В сию минуту я согласился бы признать некоего халдея из Библиотеки прекрасным, а переводы его достойными оригиналов!

Теперь, когда я не имею более надобности для получения от вас известия дожидаться с таким нетерпением Куськи, ибо, сидя вместе с вами в одной храмине Арзамаса, под благотворным парением невидимого гуся, вижу вас лицом к лицу, теперь счастье мое было бы совершенно, если б бодрый наш Чу не оставлял нас. Что побуждает его бежать от Арзамаса? Не смею предложить утвердительно моих заключений, но мне кажется, что мысль о путешествии вдохнули в него колдун Шишков и ведьма Шутовской для разделения сил Арзамаса. Безумцы! Они не знают, что мы имеем еще довольно героев, готовых сразиться с ними и победить их! Вижу, вижу вас, грозные защитники здравого рассудка! Асмодей, разверзающий под ногами их огненные бездны, Кассандра, оглушающая их восторгами своих пророчеств и заживо предающая всеобщему презрению; Ахилл — прямой Ахилл по силам своим и бездействию, — но лев и спящий ужасен; Старушка, погоняющая их своею клюкою, не силою того, кто сидел впереди, но силою собственного достоинства; величественный Рейн, готовый поглотить их в бурных своих волнах; Варвик, хотя не злой, но опасный для колдунов, ибо воспитан в Германии, не верит колдунам и при свидании довольно неучтиво может сбросить их в море; Резвый Кот острыми коготками в состоянии выцарапать им глаза; Журавль — продолбить затылки, ибо лбы у них медные; а наконец — Эолова Арфа прозвучит по всему городу подвиги арзамасцев и предаст позору

имена колдунов побежденных! Итак, в мире ступай, наш Чу. Бог вкуса поможет нам и без тебя управиться с злыми колдунами, и между тем как Очарованный Челнок летает по волнам Темзы и проповедует учение Арзамаса свободному Албиону, ты водрузи знамя белого гуся на древних стенах Константинограда, да слава Арзамаса прострется от моря и до моря!

Превосходительные арзамасцы, не надейтесь найти в донесении моем важных уведомлений. Я скитался в странах, проклятых от Аполлона. Знакомства мои ограничивались моими заимодавцами, приказными халдеями и собаками, что все одно и то же. С первыми я заключал условия, с другими пил, а с третьими ездил на охоту. Вот все мои упражнения. В Москве уже отдохнул я от заимодавцев, приказных и собак; там арзамасские наши консулы Асмодей и Староста Вот утешили печального Громобоя. Новых значительных лиц мало видел, кроме одного *знатного* галломана-литератора. Я познакомился с ним, но вы знаете ненависть мою к знатым, хотя уверен, что пользуюсь их дружбою, ибо имел честь играть неоднократно в бостон с Е. С. Гр. А. А. А., имел продолжительную интригу с комнатной девушкой В. П. П. и сидел в театре рядом с сенатором Хитрово. Дар дружбы Асмодея, его сочинения и несколько буриме Старосты Ивота кладу на алтарь Арзамаса. С ними взошла для меня заря прекрасного будущего, и прекрасное будущее превратилось в настоящее, потому что я с вами.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ Д. В. ДАШКОВА

Давно ли, друзья-товарищи, веселился я духом, соединяясь с вами; давно ли повторял с вами победную песнь Арзамаса на развалинах Беседы! Увы, Беседа из могилы своей опять проказит над нами. Оратор дебрей Нижегородских, как зловеший филин, смеется, предрекая падение Арзамаса, и пугает доброго Старосту Вот я Вас опять своими предзнаменованиями. Герой Шутовской оставил Рим и прелести Капуи, спеша на помощь к Деду Седому, и ввел уже в пристань беседную весь груз толстого своего брюха. Повсюду возникают из земли новые пигмеи, как будто бы от посеянных зубов дракона, в виде *пустынников, провинциалов и мотовок*, и все грозят погибелью здравому смыслу. Но колдун Беседы не всю еще возлагает надежду на лилипутских своих за-

щитников. Она умеет наносить чувствительнейшие удары противникам, умеет готовить им печальную разлуку в самый час соединения. Где братья наши? где Светлана, Ахилл, Асмодей; где добрый Староста? Где Очарованный Челнок, возвестивший морям отдаленным имя Арзамаса, и Огромные Руки, подвизавшиеся на врагов его? Parmi tant de héros je n'ose me placer*, но я сам, последний из ратников ваших, не был ли всегда игролицем ведьм беседных? Носимый долго по бездонной хляби Михайловского Общества, по Асфодельскому полю чтений торжественных, едва отдышал я в обновленном отечестве, как вдруг ужасными волхвованиями перенесен был на крутые берега Оки, к досужему бесу Хлыстова. Едва увиделся опять с вами — и опять должен оставлять вас и лить слезы в стенах Стамбула о возлюбленном Арзамасе. И сколько опасностей еще угрожает мне! Там, на берегах Псиола, ждет меня Капнист, присяжный враг Гомера, с кипюю безрассудных рассуждений о гекзаметре, там в соседстве Поповки, будут носиться надо мною тени мертвого Палицына и живого Станевича, жалобно повторяя имя Деда Седого. Спасут ли меня и волны Русского моря от ярости словесников не русских! Друзья! Я готов на все за честь Арзамаса; но если восторжествует Беседа, если я паду под ужасным бременем тяжелых творений славенских, — да будет прах мой покоиться среди отечественного града. Не оставьте его в добычу вампирам Разрядов, не дайте мне истлеть в болотистых берегах Сестры, столь верно изображенных нашею Кассандрою! Посещайте иногда простой камень, коим означите могилу мою, и вместо пышных похвал говорите: «Он был врагом Беседы и Академии: он любил нас».

Чу!

РЕЧЬ Н. И. ТУРГЕНЕВА
ПО СЛУЧАЮ ОТЪЕЗДА Д. В. ДАШКОВА

Арзамас прощается сегодня с одним из твердых подпор его, с одним из ужаснейших врагов для халдеев-беседчиков. Арзамас горюет. Что делают мощи беседные? Пр. арз., выслушайте меня.

Утомленный чтением, а еще более слушанием в некотором Ареопаге, возвращался я недавно поздно ве-

* Я не смею показаться среди стольких героев (фр.).

чером с Дворцовой площади домой. Идя по набережной, встретился я с толпою мертвецов — стариков, юношей и младенцев. Я заметил, что толпа сия желала перебраться на другую сторону Невы-реки; моста не было. Мертвецы совещались о средствах, могущих заменить мост. Старший из мертвецов, как-то принадлежавший на сем свете ко флоту, был приглашен спутниками своими придумать средства к переправе. «Нет, братия,— отвечал он,— морское дело не мое дело. Я носил ливрею Нептуна потому только, чтобы с большим приличием служить ему на берегах Фонтанки и на том берегу Невы, почитая притом Нептуна, а не Аполлона истинным богом поэзии. Сею мыслию руководствовался я во всех моих сочинениях». Один из юношей прервал речь старика и осмелился предложить известное беседчикам средство переноситься в воздухе на творениях их. «Нет, нет,— закричали старцы,— мы однажды поехали таким образом на сочинения наших; но зато арзамасцы поехали на нас самих». — «Лучше всем потонуть,— воскликнули юноши и младенцы,— нежели еще раз попасть под перо или под седло неумолимой Кассандры». После сего предложил свой совет один из мертвецов, одетый в запачканный саван, и языком скотов не Дмитриевых и не Крыловых, а собственных своих, напомнил спутникам переход Суворова чрез Чертов мост. «У Суворова были бревна и шарфы,— сказал он, у нас есть притчи, поэмы, трагедии, рассуждения, переводы, прелогания. Их у нас много; мы их печатали, но все они у нас остались. Бросим их в Неву: они не полновесные, все всплывут; и мы, перейдя по ним чрез реку, вновь удостоверимся в пользе трудов наших». Предложение было одобрено; юноши и младенцы ввергнули кипы переплетенных печатных листов в воду. Луна сияла; блеск ее позволил мне видеть некоторые листы произведений беседчиков; видеть то, чего никто не видывал, кроме присутствовавших мудрецов и Глазунова, сего великого раздавателя милостины Сумбура, царя беседчиков. Толпа переправилась. Мертвецы потащились в скопище халдейское, которое, назло рассудку и справедливости, неверные называют Академиею, и притом еще Российскою. Мертвецы вошли в погреб их присутствия; старший из них открыл заседание объявлением, что предмет их собрания есть торжество по случаю отъезда из П-бурга грозного врага их Чу. Могильные крики и лапоплескания членов

последовали за речью их президента. Но радость их уменьшилась, когда они узнали от президента о вступлении в Арзамас нового члена, страшного для хамов и для халдеев. Мертвецы уныли. Прочтение нескольких стихов из новой трагедии «Владимира Мономаха» вновь их оживило. Громкие крики провозгласили славу халдея — сочинителя, и беседчики изъявили ему особенную свою благодарность за то, что он одним прекрасным стихом изъяснил качества их, дающие им право на доверенность, снисхождение и удивление соотечественников («Хоть Росс превыспренных понятий не имеет»). Заседание кончилось пиром. Члены пропели несколько строф из известного «Певца в Беседе». Президент прохрипел несколько псалмов, написанных в старом российском слоге, и наконец объявил собранию, что «оно имеет пренести себя в другую Академию для сотворения тамо празднества по случаю получения Академиею нового себе президента, принадлежавшего искони покойнице Беседе». — Общество, разделившись на Разряды, поплелось в другую Академию. Для приема их и для торжества она была иллюминирована. Это не понравилось новому президенту. — «Свет, — сказал он по пришествии в Академию, — свет всегда был и будет противен глазам и умам нашим. Мрак, друзья, вечный мрак есть и должен быть нам уделом. Свет для Арзамаса, мрак для Беседы, и с сего времени для обеих Академий. Да будет тьма!» — С сими словами мертвецы бросили на площадки кучи листов из их сочинений и журналов, — и свет исчез. Новый президент начал заседание речью, в которой поздравив и с своей стороны покойных беседчиков с отъездом арзамасца Чу, приступил к истолкованию цели всех вообще Академий Художеств, — истолкование, которому, скажем мимоходом, весьма подивились бы в Риме и в Париже, — и упомянул между прочим, что и Academie des Inscriptons значит Академия надписей, т. е. заглавных листов с приличными украшениями. В зале собрания между другими изображениями стояли статуи Гальбы и Геркулеса Фарнезского. Гости, не зная значения сих статуй, думали в невинности своей, что первая сооружена в честь председателя «Беседы», а вторая в честь нового президента Академии Художеств. Вдруг с изумлением увидел я, что сии две статуи, наскучив, вероятно, странными рассуждениями гостей, подвинулись с мест своих, напали на собрание и выгнали вон членов его. Прези-

дент, не зная, куда деваться, укрылся под огромный стул председательский и восхищался своею проворностью всегда и везде находить себе место.

Вы едете в Константинополь, грозный для халдеев Чу.— Кроме пользы, которую вы принесете государству в политическом отношении, постарайтесь быть полезным и русской словесности. Уговорите мусульманов собрать рассеянные по Петербургу остатки Беседы и перенести их в Стамбул. Беседчики не сделали никакой пользы русской словесности; но, может быть, сделаются полезными турецкой по причине варварства, свойственного как туркам, так и нашим халдеям. К тому же председатель Беседы, издатель своих сочинений Свистов и другие прелестники муз беседных могут с пользою быть употреблены для стражи красот Сераля. Султан может от бессонницы излечиться их рассуждениями и притчами. Одним словом, нет пользы, которой бы беседчики не могли принести просвещенному турецкому правительству. Что же касается до вреда, то скажите туркам, что если они будут продолжать держаться счастливой системы мрака и не будут заводить никаких академий, то действия наших халдеев останутся невинными. Узнайте наконец, не существует ли в Стамбуле чего-нибудь подобного Беседе или так называемой Российской Академии; совершенная неизвестность турецкой литературы допускает такое предположение.

В продолжение отсутствия вашего, любезный Чу, не забывайте Арзамаса. В членах его вы всегда найдете горячих соучастников вашего горя и вашего благополучия.

Я с моей стороны жалею, что последние впечатления Арзамаса производятся для вас моею слабою речью, а не речью Кассандры, Старушки или кого-либо других из сочленов наших.

**СОННОЕ МНЕНИЕ ЧЛЕНА ЭОЛОВОЙ АРФЫ,
ПРОВОЗГЛАШЕННОЕ УСТАМИ ПУПКА ЕГО
В ИСХОДЕ 20-го АРЗАМАСА**

Друзья, всеильная гуска велела; все настоящие и будущие тайны, не во внутренней жертве, а в моей собственной, открылись моим закрытым глазам, и внутренний язык мой развязан. Внимайте: я объясню вам

причину сна неестественного. Судьба всегда верна системе вознаграждений; она разделила мою жизнь на две части и соединяет их нежными оттенками. Первой дано все прекрасное, все доброе, успокоение и сон; другая часть под влиянием Немезы получила в удел движение без роздыха, пустоту и заблуждения. Слепцы одну вторую почитают жизнью; но я знаю цену ее, и часто, часто в первой ищу спасенья от язв последней части: от записной любезности, от скучного веселья, от деловых бездельников. По счастью, переход в моей воле; хорошая книга и хорошее дело, умная мысль и высокое чувство, — вот средства для усыпления, вот перелив от зла к добру. Пусть говорят, что я все делаю спросонья: несчастные! в этом моя тайна доброты и ума. Когда Тацит и Карамзин валяются у меня из рук, когда я дремлю под стихами Виргилия и Жуковского, тогда в недремлющей душе моей являются другой Тацит, другие Карамзин и Жуковский; они открывают в ней два источника вечно живых наслаждений: мысль и чувство, дары драгоценные; вы забыты в так называемом свете, а в вас весь нравственный мир. Вами творец отличил людей от скотов и Арзамас от Беседы. Но сей Арзамас, друзья, в своей остроумной галиматье нередко представлял пустоту, достойную света; оттого я сидел в нем не смыкая глаз: ныне едва ли не первый совет благоразумия раздается в нашей храме, и смотрите: мое тело спит, душа моя бодрствует; она продолжает сказанное Рейном.

О Арзамас! Не полно ль быть ребенком? Гражданин Арзамаса! Не сердитесь: покойный член наш Франклин называл всякое открытие новорожденным младенцем; нельзя ли по системе его назвать детьми и все новые Общества? Они, как младенцы, своим рождением обязаны или случаю, или прихоти минутной, а редко любви и выбору; и у нас на Руси таких детей появлялось много, но которое оправдало надежды родителей? Беседа умерла в пеленках, Московский Афедей зевает над глаголами, Михайловское Общество играет в бабки, а из старого младенца с именем Академии вышел карла, и Седой Дед начал снова кормить его грудью. Неужели и нам грозит судьба подобная? Ах, нет! Не ужасайтесь: если верить приметам, Арзамасу готовится иное. Он и в рожденьи, и в младенчестве отличен от прочих: как Геркулес он в колыбели задушил всех змей халдейских, одно изящное вызывает

улыбку на детские уста его, первым криком обратил он в бегство и безумство, и зависть, первым словом его была клятва: «я дую и плюю на Беседу и аггелов ее». Для начала довольно сей отрицательной добродетели: но довольно ли будет впоследствии? Нет, Арзамас! Отрекись от тьмы, ты обязался служить свету. Время настало, и ты должен не быть или быть не ребенком. Ты ополчался на убийц дарования, не будь же самоубийцею. О товарищи! Сей смертный грех, как и другие, влечет за собою скорбь угрызения. Взгляните на одного из членов и друзей наших. Он схоронил свой талант в могиле добровольной праздности, и мертвец не дает ему покоя. В его душе онемевшей, но не совсем бесчувственной, иногда с мукою пробуждается остаток силы; ее тревожат и явления природы, и красоты искусства, и воспоминания прежних надежд: она тоскует о своем погибшем назначении, как нежный любовник, отдавший руку немилой, смотрит в тоске на бесценное свободное благо, от коего он отказался. Так и праздный брат наш смотрит воображением на мечтательные создания, для него уже невозможные, и он говорит им: поздно, я обвенчан с ничтожеством. Арзамасцы, арзамасцы! Не будем все такими! Но что говорю я? Мое сердце порука в противном: магнетизм не впервые производит пророков. Я вижу ваше, наше будущее; я вижу Арзамас в величественном собрании. Он определяет образ занятий, общий для всех, но разнообразный, как вкусы, труды, таланты каждого. *Единство и разнообразие*: вот девиз Арзамаса и журнала его. Единство в правилах, ибо все арзамасцы горят любовью к добру и к изящному. Разнообразие в предметах и красках; его обещает самый состав нашего Общества: здесь иногда в одной руке, иногда разделенные, блистают и меч воина, и призм поэта, и наблюдательное стекло политика и ученого, философа и критика. Все принадлежит нам, пока может принадлежать словесности. И не заблуждайтесь, друзья! Пред литератором открыто не тесное поле; его область *мысли и чувства*, а в них, мы сказали, весь нравственный мир; и работа его не есть бесплодная победа над трудностью. Нет! Нет! Кто объясняет и умножает понятия, кто действует на сердца умилением и восторгом, тот исправляет природу в человеке, тот полезен не одному народу, не одному поколению; и такую да будет судьба Арзамаса. Да будет он грозою гордого не-

вежества, благодетелем скромного незнания; да будет посредником между Европы и России, между столиц и провинций, то повествуя о новых успехах гражданственности, о творениях и открытиях искусств и ума, то представляя в верных, ясных картинах состояние нашей славной отчизны в отношениях физическом и нравственном, то очищая, определяя вкус и язык советом, рассмотрением, примером. Мужайтесь, сыны Арзамаса! Докажите злоречивому свету, что не все журналисты поденщики, что можно трудиться для пользы и чести, не для корысти, и что в руках благоразумия никогда факел света не превратится в факел зажигателя. Мы будем помнить, что наша святая обязанность не волновать умы, а возвышать их: действие Арзамаса да будет медленно, но мирно и благотворно. Друзья! Вот цветок, рожденный от плодотворной силы земли и от влияний неба; в нем и блистают все краски радуги, в нем дышат ароматы Аравии; для него уже довольно быть украшением луга и радостью прохожего, но пусть время откроет в нем целебные соки. Сей цветок есть эмблема литературы и Арзамаса. Наше скромное правило: *истина и справедливость*, в картинах и суждениях; а цель — чистое удовольствие современных и, может быть, польза потомства. Так оживится мертвый капитал арзамасских сокровищ; журнал будет их банком. Тогда и я предложу ему два лепта, чистосердечие друга и ревность разносчика: теперь я говорю вам вместе с Иовом: Трудитесь. Homo nascitur ad laborem et avis ad volatum*.

Согласен с мнением Брюха — *Старушка.*

Согласен за себя и за всех детей своих — *Громобой.*

Согласен с мнением Брюха — *Почетный гусь*

Михаил.

Варвик.

Пустынник.

Асмодей.

Рейн.

Ивиков Журавль.

Светлана.

С подлинным верно: *Золова Арфа.*

Согласен с мнением, но прибавляя к оному сомнение:

Кассандра.

* Человек рождается для труда, а птица для полета (*лат.*).

(23 апреля 1817 г. Петербург.)

...Вчера был славный Арзамас и Воейков календарь читал. Михайла Орлов принят Рейном...

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

1817 г.

Любезный Ал(ександр) Ив(анович)! Вы хвастаете своим Арзамасом! Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись Рейном, пожива славная! Но, милые друзья, надобно помнить и о том, что ближе к Арзамасу: Мещевский в Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете в Петербурге! Если вы не собрались еще о нем вспомнить от рассеянности, то это срам и ребячество! Если ж от холодности к его судьбе, то это... что это? Я не знаю, как назвать это! На что ж нам толковать о добре, о общей пользе, о хороших, возвышающих душу стихах? На что смеяться над Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имеем мы права, если способны быть столь беспечными, когда дело идет о судьбе, может быть, о жизни, а может быть (что еще важнее), о нравственном спасении человека, который нам себяверяет! Признаться, мне больно быть хлопотуном за Мещевского, бессильным его орудием! Своих способов нет, а вы не помогаете! Если бы у меня была сила в руках, я бы вам не поклонился!..

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

С.-Петербург 3 мая 1817 г.

...Нового у нас, по крайней мере для меня, ничего нет. В Арзамас принят М. Орлов. Дашков сегодня едет в Константинополь к рос(сийской) миссии. Он должен быть в скором времени сов(етником) пос(ольства)...

СТИХОТВОРНЫЙ ОТЧЕТ В. А. ЖУКОВСКОГО.

Июнь 1817 г.

Месяц Травный, нахмуясь, престол свой отдал Изоку,
Пылкий Изок появился, но пасмурен, хладен, насуплен;
Был он отцом посаженным у мрачного Грудня; Грудень,
известно,
Очень давно за зимой волочился; теперь уж они
обвенчались.

С свадьбы Изок принес два дождя, пять луж, три
 тумана.
 (Рад ли, не рад ли, а надобно было принять их
 в подарок.)
 Он разложил пред собою подарки и фырскал. Меж тем
 собирался
 Тихо на берегу Карповки (славной реки, где водятся
 карпы,
 Где по преданью Карп-богатырь кавардак по субботам
 Ел, отдыхая от славы), на берегу Карповки славной.
 В семь часов ввечеру Арзамас двадесятый. Под сводом
 Новосозданного храма, на коем начертано имя
 Вещего Штейна, породой германца, душой арзамасца,
 Сел Арзамас за стол с величавостью скромной и мудрой
 наседки;
 Сел Арзамас, и явилось в тот миг небывалое чудо;
 Нечто пузообразное, пупом венчанное, вздулось,
 Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало
 бурчанье.
 Члены смутились, Рейн дернул за кофту Старушку,
 С страшной перхотой Старушка бросилась в руки
 к Варвику,
 Журка клюнул Пустынника; тот за хвост Асмодея,
 Начал бодать Асмодей Громобоя, а этот облапил,
 Сморщась как дряхлый сморчок, Светлану. Одна лишь
 Кассандра
 Тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом,
 Ушки сжавши и рыльце подняв к милосердному небу,
 В креслах сидела. «Уймись, Арзамас! — возгласила
 Кассандра, —
 Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
 Тихе ль бурчало оно в часы пресыщенья, когда им
 Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
 Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались?
 Знай же, что ныне пузо бурчит и хлебещет недаром!
 Мне Делфийский треножник оно. Прорицаю!
 Внимайте!»
 Влезла Кассандра на пузо; села Кассандра на пузе,
 Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая
 Вождь Мойсей ко евреям, громко вещать к арзамасцам:
 «Братья-друзья арзамасцы! В пузе Эоловой Арфы
 Много добра! Не одни в нем кишки и желудок,
 Ближе пуза, я чувствую, бьется, копышется сердце!
 Это сердце, как Весты лампада, горит не сгорая.
 Бродит, я чувствую, в темном Дедале, по близости пуза,

Честный отшельник душа: она в своем заточеньи
Все отразила прельщенья бесов и душиста добротой!
(Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк.)
Слушайте ж, вот что душа из пуза инкогнито шепчет:
«Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником! Полно
Нам как портным сидеть на катке и шить на халдеев,
Сгорбась, дурацкие шапки из пестрых лоскутьев
беседных.

Время проснуться! Я вам пример! Я бурчу, забурчите ж,
Братцы, и вы, и с такой же гармонией сладкой! Время,
Время летит! Нас доселе сбирала беспечная Шутка!
Несколько ясных минут украла она у бесплодной
Жизни! Но что же? Она уж устала иль скоро устанет!
Смех без веселости только кривлянье! Старые шутки —
Старые девки: время прошло, когда по следам их
Рой обожателей мчался! Теперь позабыты, в морщинах,
Зубы считают, с собою в разладе, мертвы не живши!
Бойся ж и ты, Арзамас, чтоб не сделаться старою
девкой!

Слава — твой обожатель! Скорее браком законным
С ней сочetaйся. Иль будешь бездетен, иль, что еще
хуже,
Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, тебе самому
в посрамленьи.

О, арзамасцы! Все мы судьбу испытали. У всех нас
В сердце хранится добра и прекрасного тайна. Но
каждый,
Жизнью своей охлажденный, к сей тайне уж веру
теряет,
В каждом душа, как светильник горящий в пустыне,
Свет одинокий окрестныя мглы не осветит! Напрасно
Нам он горит: он лишь мрачность для наших очей
озаряет,
Что за отрада нам знать, что где-то в такой же пустыне
Так же тускло и тщетно братский пылает светильник.
Нам от того не светлее! Ближе, друзья! Чтоб друг
друга

Видеть в лицо — и сливши пламень души, неприступной
Хладу убийственной жизни, *Достоинство* первое благо
(Если уж счастья нельзя) сохранить посреди
измененья!

Вместе! Великое слово! *Вместе!* твердит, унывая,
Сердце жадное жизни, томяся бесплодным
стремленьем, —

Вместе! Оно воскресит нам наши молодые надежды!
Что мы розно? Один, увлекаем шумным потоком
Скучной толпы, в мелочных затерялся заботах, напрасно
Ищет себя, он чужд и себе и другим; каменеет,
К мертвому рабству привыкнув, и цепи свои презирая,
Их разорвать не стремится. Другой, потеряв

невозвратно
В миг единый все, что было душою полжизни,
Вдруг меж развалин один очутился и нового зданья
Строить не смеет; а если б и смел, то где ж ободритель,
Дерзкий создатель, Младость, сестра вдохновенья? Над
грудой развалин

Молча стоит он и с трепетом смотрит, как Гений унывши
Свой погашает светильник. Иной, самому себе незнакомец,
Полный жизни мертвец, себя и свой дар загвоздивший
В гроб, им самим сотворенный, бьется в своем заточеньи,
Силен свой гроб разломить, но силе не верит — и гибнет.
Тот, великим желаньем волнуемый, силой богатый,
Рад бы разлить по вселенной, в сияньи ль, в пожаре ль,
свой пламень,

К смелому делу сзывает дружину, но... голос в пустыне;
Отзыва нет!.. О, братья, пред нами во дни упованья
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали расстилалась.
Близким стало далекое! Что же? Пред темной завесой,
Вдруг упавший меж нами и жизнью, каждый стоит
безнадежен.

Часто трепещет завеса, есть что-то живое за нею!
Но рука и поднять уж ее не стремится — нет веры!
Будем ли ж, братья, стоять перед нею с ничтожным
покорством?

Вместе, друзья! И она разорвется! И путь нам свободен!
Вместе — наш Гений-хранитель! При нем благодатная
Бодрость!

Нам оно безопасный приют от судьбы вероломной:
Пусть налетят ее бури — оно для нас уцелеет!
С ним и *Слава*, — не рабский криков толпы повторитель,
Но свободный судья современных, потомства наставник.
С ним *награда* — не шумная почесть, гремушка
младенцев.

Но священное чувство достоинства, внятный немногим
Голос души, и с голосом избранных *лучших* согласный;
С ним жизнедательный *труд* бескорыстною целью: *для*
пользы!

С ним и великий Гений: *отечество*. Так, арзамасцы,
Там, где во имя отечества две руки во едину

Слиты, там и оно соприсутственно. Братья! Дайте же
руки!

Все минувшее, все, что в честь ему некогда жило,
С славного царского трона, из тихой обители сельской,
С поля, где жатва на пепле падших полков расцветает,
С гроба певцов, с великанских курганов, свидетелей

честь,
Все к нам голос знакомый возносит: *мы некогда жили!*
Вам мы готовили славу, вы приготовьте потомкам!
Вместе, друзья! Чтоб потомству наш голос был
слышен!»

Так говорила Кассандра, холя десницею пузо;
Вдруг наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, подошли приложиться с почтеньем
К пузу в том месте, где пуп цветет лесной сыроежкой.
Тут осанистый Рейн, разгладив чело, от волос

обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул, и явилось нечто,
Пышным вратам подобное, к светлому зданью ведущим,
Звездная надпись сияла на них: *Журнал Арзамасский.*
Мощной рукою врата растворил он; за ними кипели
В светлом хаосе призраки веков, как гиганты смотрели
Лики славных из сей оживленные тучи — над нею
С яркой звездой на главе Гением тихим носилось
В свежем гражданском венке божество: *Просвещение,*
дав руку

Грозной и мирной богине *Свободе!* И все арзамасцы,
Пламень почуя в душе, ко вратам побежали... Все
скрылось!

Рейн сказал: «Потерпите, голубчики! Я еще не
достроил!

Будет вам дом, а теперь и ворот одних с вас довольно!»
Члены, зная, что Рейн искусный строитель, утихли,
Сели опять по местам, и явился, клюкой подпираясь,
Сам Асмодей; погонял он бичом мериносов Беседы.
Важен пред стадом тащился старый баран, волочивший
Тяжкий курдюк на скрипящих колесах, Шишков
седорунный,

Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал!
Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов
Тяжкий с притчами воз; а на козлах маргышка-
В бурке, граф Димитрий Хвостов, кобенясь тряслась,
и на дышле

Скромно висел в чемодане домашний тушканчик
Вздыхалов,

Стадо загнавши, воткнул Асмодей на вилы Шишкова,
Отдал честь Арзамасу и начал китайские тени
Членам показывать. В первом явлении предстала
С кипой журналов *Политика*, рот зажимая Цензуре,
Старой кокетке, которую тощий гофмейстер Яценко
Вежливо под руку вел, нестерпимый дух издавая.
Вслед за Политикой вышла *Словесность*. Платье богини
Радужным светом сияло — и следом за ней ее дети:
С лирой, в венке из лавров и роз, Поэзия-дева
Шла впереди; вокруг нее, как крылатые звезды, летали
Светлые пчелы, мед свой с цветов и чужих, и домашних
В дар ей собравшие: об руку с нею поступью важной
Шла благородная Проза в длинной одежде: смиренно
Хвост ей несла Грамматика, старая нянька (которой,
Сев в углу на словарь, Академия делала рожи).
Свита ее была многочисленна; в ней отличался
Важный маляр Демид арзамасец. Он кистью, как древле
Тростью Цирцея, махал, и пред ним как из дыма
творились

Лица, из видов заемных в свои обращенные виды.

Все покорялось его всемогуществу: даже Беседа
Вежливой чушкой лезла, пыхтя из-под докторской

ризы,

Третья дочь словесности *Критика*, с плетью, с метелкой
Шла, опираясь на вкус и на смелую шутку; за нею
Князь Тюфякин нес на закорках театра и нещадно
Кошками секли его Пиериды, твердя: «Не дурачься».
Смесь последняя вышла, пред нею Музы тащили
Чашу большую с ботвиньей; там все переболтано было:
Письма о бедных к богатым, старое заново с новым!
Пушкина мысли и вести о курах с лицом человечим.
Быстро тени мелькали пред взорами членов одна

за другую,

Вдруг как исчезло... Члены захлопали. Вилы пред ними
Важно склонил Асмодей и, стряхнув с них Шишкова,
В угол толкнул сего мериносо: он комом свернулся,
К стенке прижался и молча глазами вертел.—

Совецанье

Начали члены. Приятно было послушать, как вместе
Все голоса слились в одну бестолковщину. Бегло
Своим язычком Кассандра работала. Рейн
Громко шумел, Асмодей воевал на Светлану; Светлана
Бегала взад и вперед с протоколом; впившись

в Старушку,

Криком кричал Громобой, упрямясь родить анекдотец.

Арфа курныкала песню. Пустынник возился
с Варвиком.
Чем же сумятица кончилась? Делом: Журнал состоялся.

Рейн.

Ивиков Журавль.

Асмодей.

Эолова Арфа.

Варвик.

Кассандра.

Кот (Резвый).

Светлана.

Почетный гусь Михаил.

Пустынник.

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

*〈Приписка к письму А. И. Тургенева
от 9 июня 1817 г.〉*

...Арзамасское общество решилось создавать журнал. Заготовь, брат, ты что-нибудь для журнала. Ты стоишь в числе вспомогательей, равно как и Старынкевич, от кот(орого) мы надеемся иметь пиесы о законодательстве, администрации и т. п. Мы пришлем вам программу журнала, когда она выйдет. Орлов очень рад журналу и обещает много помещать в него...

ПРОТОКОЛ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЗАСЕДАНИЯ. ИЮНЬ 1817 г.

Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который,
Был Арзамас как не был, ибо все члены от Арфы
Вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга
душили.

Вот почему Прото(ко)ла не вышло, а вышел с натугой
Карлик один, протоколец незнатной, достойный Беседы.
Есть же тому и другая причина: жарко Светлане?
А в жар протоколы писать не безделка. Итак, не
взыщите.

Почетный Гусь Михаил.

Рейн.

Ивиков Журавль.

Светлана.

Резвый Кот.

Кассандра.

За неумением грамоте за Эолову Арфу подписался
Рейн.

Пустынник.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ. НАЧАЛО ИЮЛЯ 1817 г.

В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку,
В том Арзамасе читали законы, читали «Вадима»;
В том Арзамасе Эоловой не было Арфы; слонялась
Арфа беспутная, мучась жестоким, увы! геморроем.
Так как сие заседанье не в счет заседаний обычных,
То и об нем протокол дурной необычно и краткий;
Есть же тому и другая причина: Светлана поела
Плотно весьма земляники в доме Кассандры грекини
С Резвым Котом, служащим в коллегии дел
иностраннных,
Есть же тому и третья причина: какая? — Не знаю!
Если ж не знаю, то и писать мне не должно, — и так
перестанем.

Кассандра.

Эолова Арфа.

Почетный гусь Михаил.

Рейн.

Барвик.

Ивиков Журавль.

Светлана.

Пустынник.

Д. В. ДАШКОВ — АРЗАМАСЦАМ

Прошу почтенных сочленов моих о Арзамасе удостоить особенного внимания следующее объяснение *М. Староверова*, имя по шерсти — давнишнего приятеля госпожи Светланы, от скуки выписанное мною в Одессе из «Прибавлений» к 99 № «Военных Ведомостей», сиречь «Инвалида». Слушайте, друзья, и учитесь писать:

«По желанию Гг. Иногородных, иметь сии книги, которые могут выписывать на мое имя чрез почту, и оные будут к ним доставлены от меня во всей исправности».

С подлинным в точности верно: Чу.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ. 14 ИЛИ 15 ИЮЛЯ 1817 г.

Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока,
Сбил его с неба и сам нарядился в парик лучезарный,
Гордо потек по эфиру, сказав арзамасцам: Сбирайтесь!
Но арзамасцы не вдруг собрались; спустя две седмицы
С той поры, как Червен воцарился, они у великого Рейна

В кучку сошлись поболтать о законах; и впрямь
поболтали;
Взяв рукописное оных законов святилище, то есть
тетрадку,
Где регистратор коллежский Нагибин их написал
узорочно,
Рейн прочел их внятно, понятно, приманчивым гласом.
Смирно слушали члены, дослушав, во всем согласились;
Дан был Светлане приказ к подписанью законы
представить.
Вот Светлана представила их! Дело с концом:
Подпишите!

Варвик.

Рейн.

Пустынник.

Почетный гусь Михаил.

Элова Арфа.

Кассандра.

Две Огромные Руки.

Светлана.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

17 <июля 1817 г.>. Утро. В течение того времени, как я не писал здесь, был я два раза в Арзамасе, собиравшемся у Рейна, и раз у него же обедал. Тут было говорено — . Сегодня пойду посмотреть «Урок кокеткам», комедию Ша<ховского>, которая подала повод к учреждению Арзамаса...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

6 августа 1817 г. С. Петербург.

Письмо твое к Жуковскому в свое время получил; стихи и письмо ему и Арзамасцам читал; отвечать он может сам. <...>

Должностные Арзамасцы должны послать тебе проект законов и прочее: мне недосуг.

Месяца Зарева был в обиталище Рейна двадесать второй Арзамас, присутствовали Их Высокопревосходительства:

Светлана.
Рейн.
Кассандра.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Варвик.
Две Огромные Руки.
Почетный гусь Михаил.

Не присутствовали по причине недуга Ивиков Журавль и без всякой причины Резвый Кот. В сем достопамятном заседании происходило, смею сказать, следующее:

1-е. Прочтен был его превосходительством мною весьма краткой и сим единственно превосходный протокол, который все члены и подписали довольно четко и правильно.

2-е. Выбран был незаконным или, лучше сказать, дозаконным образом член Статный Лебедь, служащий в свите вселюбезнейшего нашего монарха, царствующего над полвселенною от Бельта до Каспия, от Петропавловской крепости до Вислы, что в Польше, где находится Варшава, в которой будет находиться и Асмодей с 200 жалованья серебром и с чином коллежского асессора.

3-е. Подписаны законы Арзамаса так размашисто, как и все протоколы.

4-е. В исполнение одной из многих статей сих подписанных законов избраны представителями Арзамаса их высокопревосходительства:

Светлана, яко тайник или секретарь.

Ахилл.
Асмодей.
Кассандра.
Чу.
Старушка.
Варвик.

В замену отсутствующих их высокопревосходительств Пустынник, Резвый Кот, Эолова Арфа и Статный Лебедь, почему Эолова Арфа и пожалована Эоловым Арфаксадом.

5-е. Читаны три программы, две — членом Рейном, одна — членом Варвиком, по поводу коей произошел страшный арзамасской язычный бой, и совершилось вторичное по сотворении мира смешение языков.

6-е. Чтоб не забыть сказать, избран временным тайником Кассандра, после чего забыт председатель, но не забыт ужин, ибо трубный глас Эоловой Арфы громозвучно возвестил оный, и труба-возвестительница обратилась в смиренную кишку-вместительницу.

Черный Вран.

Ахилл.

Громобой.

Ивиков Журавль.

Светлана.

Резвый Кот.

Почетный гусь Михаил.

Кассандра.

Пустынник.

Эолова Арфа.

Варвик.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

14 августа <1817 г.>. Вторник. Вчера был Арзамас — последний у Рейна. Подписали законы, выбрали представителей; я, против ожидания, попал в число их. Не знаю, чего они от меня могут надеяться. Я от себя самого ничего не ожидаю очень порядочного по части словесности. Недостаток в памяти делает меня весьма неспособным к сочинениям, даже и к размышлению. Разнородность и непостоянство в занятиях делает редакцию мою еще хуже, нежели бы она могла быть. <...> Вчера в Арзамасе читали программы Р<ейн?> и я. Я не знаю, как за мою мне приняться...

РЕЧЬ Д. Н. БЛУДОВА ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС

К. Н. БАТЮШКОВА. 27 АВГУСТА 1817 г.

Любезный Ахилл, любезный товарищ, давнишний и новый!

Мелькнуло два года, как Арзамас, теснимый погаными, объявил миру о своем вечном существовании. Тогда в священных стенах его вместе с кликами воз-

рождения раздались и радостные клики избирающего народа: тогда же имя Ахилла загремело в устах арзамасцев, и один сей торжественный звук попятил ряды полков враждебных. Беседа углубилась в могилу свою, потряслись развалины Академии; чада Шишкова оплаканы им заранее, и слезы мрачного предчувствия засветились в глазах Андромахи-Ежовой!.. Но увы! Арзамас был также не без горя: есть на свете имена славные и несчастные. Ты, древний Ахилл, причина гибели Трои, был долго причиной и побед ее; хвала пенатам Арзамаса: наш Ахилл лучше прежнего, он и бездействием не может помогать покойнице Беседе, но и он, как соименный, долго скрывался вдали от стана союзников. Вотще их желание, вотще бранный голос, знакомый голос отзывал его от берегов Сены в объятия московских красавиц и стерлядей Шексны. Герой не возвращался: одна сладостная гармония была Арзамасу ответом и утешением. Наконец, поверим ли мы глазам своим: он с нами, сей победитель всех Гекторов халдейских, он с нами и в дань отечеству принес одного из безвредных чудовищ Беседы. Но не изменяется ли все временем! И многие члены не говорят ли сердцами: *Quantum mutamus ab illo!* *

Смотрите: сей Ахилл, сей муж войны и истребления, поет мирную панихиду, стоит как диакон на амвоне и молит богатые милости для своего покойника. Что же, друзья, не удивляйтесь. Этот покойник не сходен с другими... он оставлен в покое. Никто из друзей и рабов Беседы не клялся его именем, никто из арзамасцев прежде Ахилла не умел сего имени сделать источником смеха; все труды и вся жизнь усопшего была тиха как сон невинности; он сам был невинен как собственные календари его. Так, посреди двух Академий он тихо-молком издавал грамматику и не успел ей выучиться, совершил последнее ужаснейшее превращение Овидия, и Овидий простил ему, ибо свет не проведал этой проказы; он учил правописанию арзамасца Рейна, и вам известно, друзья, наш Рейн только и не знает что правописания; наконец этот достойный покойник и сам учился, вечно учился, но ученость бесплодную скрывал в нищете столь же скромной и безвестной, как его сочинения. Такой мертвец не должен тревожить сердца наших чувствами ненависти, его панихиду можно петь

* Сколь мы меняемся с ним! (лат.)

сквозь слезы сожаления. Несмотря на сии слезы, наш Ахилл, неизменяемый временем, хранит в душе своей верную дружбу к Арзамасу и верную вражду к Беседе. Но что говорю я о неизменности, я, окруженный печальными переменами! Увы! Любезный Ахилл, вступая в сию храмину, вы искали Арзамаса и находите один труп его, неодушевленный, искалеченный ударами рока. Где многие из подпор наших? Где вещей Чу? Где волшебница Старушка? Где Асмодей, блестящий одним остроумием? И где свежая веселость, украшавшая первые дни наши! Ах, Арзамас! Все погибло! Несчастный голос, призывавший к труду, призвал нас к унынию; истощилась в Светлане руда ее бесценной галиматьи, Эолова Арфа растеряла свои струны, и по устам всех членов вместо беспечной улыбки Арзамаса бродит зевота Академии. О Ахилл! Во всем подобный древнему, вы возвратились, наконец, <?> и к товарищам в бедствии; будьте, как он, и вестником их спасения; будьте возродителем Арзамаса; отошлите скорее к благостынной Арфе и Соколова и бумажный гроб его: мы ждем от вас не мертвеца, а жизни.

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 августа <1817 г. Петербург.>

Вчера был у меня многолюдный Арзамас, в коем присутствовали два новые превосходительства: Ахилл и Плещеев, которого имя в арзамасском крещении забыл. Вместо речи читал указ о тебе и выпил за твое здоровье. Громобой из самого Арзамаса пустился в путь на Киев. Я отправил письмо к тебе третьего дня, прося Каверина доставить, если возможно, прежде почты. Получил ли его?..

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

СПбург. 2 сентября 1817.

...На прошедшей неделе был у нас Арзамас; дела никакого не делали, но зато смеялись очень много. Блудов был очень умен и неистощим. Смех по сию пору был главным делом Арзамаса. Теперь захотел издавать журнал, но не знаю, удастся ли; законы написаны. Выбраны представители Арзамаса, кот<орые> в особенности должны заниматься изданием; но были даже уже читаны и две или три программы для рассуждений.

Подумай доставить нам что-нибудь от себя для журнала. Хорошо если бы и Старынкевич, преодолев беспечность свою, сообщил нам что-нибудь для журнала.

Орлов отсюда уехал в Киев. Он был одним из ревностнейших членов Арзамаса и в особенности подвигнул его на серьезное дело. — Жуковский уже назначен для обучения русской словесности вел. княгини Александры Федоровны. Это даст ему приятное занятие, полезное для него самого и для литературы, а вместе будет он иметь средства жить в Пбурге...

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

8 сент(ября) С.-Пб., 1817.

...Третьего дня был у нас еще Арзамас. Были предлагаемы программы; все исключительно литературные, и эта исключительность мне совсем не нравится; я предложил следующую: «показать заслуги Англии и Франции перед Европою». Тут будет говориться в особенности о том, что Англия заставила Европу любить свободу, Франция ее ненавидеть. Но надобно также упомянуть, что Франция своею революциею прочла, так сказать, для Европы полный курс науки управления государственным и т. д. Я сам взялся обработать сию программу. Вижу, что это весьма трудно, и не надеюсь на успех. Попробую. Орлов пред отъездом своим также предложил программу: «показать, что представительная система заключает в себе все выгоды других форм правления, существовавших в древних и новых временах, не имея их недостатков и невыгод». За сию программу также взялся сам Орлов...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

18 сентября 1817 г. С. Петербург

Стишки ваши прочтены в Арзамасе в самый день получения; а сегодня, в прощальном Арзамасе у Черного Врана, сообщу ваше последнее поносное отношение. Прощальным оно будет для Светланы, которая завтра скачет в Дерпт, а 12-го будущего листопада обнимет Асмодея с будущим его арзамасским товарищем. <...>

С истинным почтением честь имею быть и спешу в Совет, а потом на обед, а потом в Арзамас, а потом в ванну, вашим покорным слугой

А. Тургенев.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ В. А. ЖУКОВСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ
18 СЕНТЯБРЯ 1817 г.

Высокопреосвященнейшие товарищи души моей! Неисповедимая судьба, властительница вселенной, бездонная хлябь или пучина, заглатывающая в себя все, что есть, было и будет, та судьба, которая со всеми что-нибудь делает и только с одним Седым дедом не знает что делать, та судьба, которая сохранила нашего почтенного старосту во время говения на Страстной неделе невредимым, дабы, несмотря на жестокие вериги поста и грозно свистящие плети покаяния, он мог добуяннить с опасным соседом и потом смиренно получить разрешение в грехах своих от приходского священника, эта именно судьба влечет меня от вас, влечет сперва в известный город Юрьев к милым моим чухнам, соскверненным Беседе, потом в не менее известный вам город Москву, сию первопрестольную великаншу славы российской, сожженную не Антоновым огнем смертного недуга, но Наполеоновым огнем величия бессмертного. Еду от вас, и жаль мне вас, да и как не жалеть, ибо все вы очень умные и добрые люди. Было мне с вами весело; беззаботно изъяснял я на бумаге и на словах то, что чувствовало к вам мое сердце, хотя, признательно сказать, и нередко в пестровидном слоге моем ощутительна была как будто бессмыслица. Не взыщите, мои голубчики.

Отъезжая, смотрю на Арзамас с неким усладительным колыханием восторга. Уже огласился он громогласными ораторскими затеями Ахилла и Черного врана; если я, смещенная Светлана, если его высокопреосвященство Резвый кот на время удалимся от священной обители Арзамаса, то наши седалища займут со славою сии два неутомимые наездника словесности, сии два забубенные карателя Беседы. Едем к вам и Старушка из Саратова, черный конь под ней храпит и скачет, а Беседа громко сопит и плачет. Наконец, приятно для меня и то, что будущее Арзамаса покрылось новыми лучами вожденных событий: считаю за нужное уведомить вас, хотя это вам и весьма известно, что наш Почетный Гусь Николай, с трогательным доброжелательством к Арзамасу, внес весьма недавно в сумму членов его маленького, им самим сочиненного арзамасца, также Николая, который и принят с рукоплесканием. Минута, в которую узнали мы об этом новом Николае, была для нас приятная, без всякой примеси беседного; в двух словах сказа-

ли мы все, что мог бы только сказать красноречивейший оратор Массильон: «Будь Николай второй то же, что Николай первый!» Так, друзья, да увидим его в Арзамасе сидящего рядом с отцом; обоих счастливых, ничего милого не потерявших, одного спокойно наслаждающегося славою чистою, славою благословенного и благословляемого его отечеством, а другого созревшего в глазах отца для приобретения такой же славы — верного товарища арзамасцам. И надолго! надолго!

Доложу вам также, что и у Кассандры скоро будут крестины: Андрей Кассандрович уже в пеленках выставляет гузно (?), как скоро скажешь во услышание его: Беседа. Недавно он написал на одной из своих простынь притчу во вкусе Хвостова, и таких притчей выдает он в сутки по дюжине; не заключите из сего, чтобы в нем созрел другой беседный Притченник: нет! друзья. Хотя он и работает как граф Д. И. не головою, но сия не голова у него находится совсем в извращенном положении. В то время когда не голова Его сиятельства графа Д. И. высится и надменно открывает сгиб свой земле и небу, смиренная не голова Андрея Кассандровича прячется под пеленку, и притчи сами собою из нее вытекают, и никого не просят на них подписываться. Доказательство, что этот Андрей будет во всем противоположностию Беседы и ее неблаговонного представителя.

При всех этих радостях приятно мне с вами расстаться, друзья мои. Итак, позвольте сказать вам мое нежное прости. А вы, почтенный Кассандра, примите от меня сии переплетенные излияния Арзамаса, да внесутся пером вашим в них многозначащие каракульки арзамасской деятельности. Да найду я вас всех при возвращении моем благоденствующих и преуспевающих, да скажу вам, прижавши вас к груди в час свидания: «Все ли вы в добром здоровье?» и да ответствуете вы мне: «Слава, сударь, Богу!»

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

20 сент(ября 1817 г.) Четв(ерг). ...В прошедшем Арзамасе, у Черн(ого) Врана, третьего дня все много смеялись...

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ДНЕВНИК

29 *(сентября 1817 г.) Суб(бота) Утро.* Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство; но средства предпринимаемые не всем нравятся. Я также желал бы, чтоб это сделалось иным образом; но, так как мы не имеем выбора, то надобно принять то, что дают. Надобно всем благоразумным людям споспешествовать Прав(ительст)ву в сем добром деле и мыслию, и словом, и делом. Цель добрая; надобно, чтобы средства были сколь можно безвреднее. Споспешествование не для Правительства, а для самой вещи. Я, кот(орый) не люблю хвалить никого по-пустому, еще менее прав(ительст)во, всегда буду хвалить за желание уничтожить рабство, если, впрочем, это желание будет иметь исполнение...

2 *(октября 1817 г.) 1/2 2 ночи.* Сейчас приехал из Арзамаса, где провел время, по обыкновению, весело. Простился с добрым Жуковским, кот(орый) завтра едет в Москву...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

5 октября 1817 г. Петербург.

...Жуковский, отправившийся вчера в Москву, перескажет тебе о чтении послания в Арзамасе. ...

Прости, мой милый, обними Жуковского и Северина. ... Ахилл и Сверчок, проводя Светлану, сейчас возвратились, и Сверчок прыгает с пастором Ганеманом. Иду усадить его на шесток...

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

14 ноября 1817. СПб.

...Статья моя для Арзамаса совсем не в порядке. Все твои замечания справедливы. Но почему не надобно у нас об этом писать? У нас есть люди, которые знают, что есть различные формы правлений, но не знают, почему одни лучше, другие хуже. Надобно только умно, и в особенности красноречиво, говорить им. А в этом-то

случае я и не гожусь. Я написал об этой программе кое-что; но без системы, без порядка. Орлова программа также хороша. Но я думаю, что он так же неудачно может ее обработать, как я свою. Другие члены наши лучше нас пишут, но не лучше думают, т. е. думают более всего о литературе. А общества, один дух имеющие и оживотворенные одним или многими членами своими, могут много сделать доброго. Ганеман, кот⟨орый⟩ иногда говорит дело, недавно говорил, что прекрасно было бы, ес⟨ли⟩ бы какое-нибудь общество предположило себе, например, составить кодекс законов. Это бы лучше было Ком⟨иссии⟩ сост⟨авления⟩ зак⟨онов⟩...

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

5 декабря 1817. СПб.

...Мих. Орлов теперь в Киеве и занимается, между прочим, введением Ланкастерского учения в Киевском военно-сиротском отделении. Он пишет мне, что в положение о сем деле он, между прочим, включил, чтобы отличившиеся в школах воспитанники получали знак отличия, кот⟨орый⟩ бы избавлял их от телесного наказания навсегда; и что все на него за это закричали; но что Раев⟨ский⟩, по его мнению, одобрит его постановления. Я рад, что Ор⟨лов⟩ сближается с филантропизмом, кот⟨орый⟩ нельзя отделить от либеральных идей и против которого он прежде восставал. Я всегда был уверен, что он восставал против филантропии только на словах; на деле же он этого сделать не в состоянии, ибо, кроме ума, имеет предобрую и благородную душу. В его пребывание здесь я с ним коротко познакомился и нахожу его одним из лучших людей. ⟨...⟩

Армамас наш давно уже не собирается; теперь же, думаю, совсем рушится; ибо главная опора его, Блудов, едет в Лондон на место Полетики, кот⟨орый⟩ назначен посланником в Америку. Армамас представляет мне новое доказательство, что русский характер имеет большой недостаток в твердости и преданности какому-нибудь делу. У нас все хотят делать *вместе*, и оттого ничего не делают: хотят и просвещать других и служить, хотят заниматься делом и вместе службой. Впрочем, исключительность у нас трудна, ибо действовать с успехом у нас трудно...

ФРАГМЕНТЫ НЕСОХРАНИВШЕЙСЯ РЕЧИ А. С. ПУШКИНА ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС

* * *

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра...

... в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.

<1817>

В АРЗАМАССКОЕ ОБЩЕСТВО Б. ЛЮДЕЙ
ОТ ЧЛЕНА СТАРУШКИ

ДОНЕСЕНИЕ

Небезызвестно почтенному Арзамасу, что я показал главной целью моего путешествия желание поклониться трактиру, в котором наше Общество приняло свое начало, посидеть за тем ветхим столом, вокруг которого мы собирались в беспечные дни нашей молодости, и еще раз увидеть ту перегородку, которая отделяла от нас беснующего, тучного Путешественника, прокричавшего некогда нам ту славную репликацию, о которой и ныне сыны Беседы с трепетом между собою шепчут. Но увы! — Мои предчувствия, почтенные арзамасцы, сбылись! — Нет более Арзамаса в Арзамасе! Мрак академический покрыл любезную нашу родину: трактир лежит в развалинах...

...обрушенный забор,
Растреснутые своды,
Трапезы, *стульев* ряд пустых
И всюду по колени
Полынь...

С трудом нашел я остатки стола, не менее почтенного, не менее обиженного рукою времени, как и тот славный *налой*, о котором красноречиво вещал законодатель французского Парнаса. Жители древнего Арзамаса в глубоком невежестве не ведают ни о наших сражениях, ни о нашей славе и, упрямо ссылаясь на Адрес-календарь, утверждают, что *Мешков* управляет и государством и Парнасом. Наконец единственный признак разума и вкуса, единственный *Арзамасизм*, мною открытый, состоит в том, что разбитое окно в почтовой избе было заклеено обвертным листком *С* *(анкт-Петербургского)* *вестника* и что продавали сало на базаре в последнем № «Северной Почты».

Погруженный в печальную думу, пошел я на берег *Тёши* и с высокого деревянного моста глядел на ее тихие струи, как вдруг необыкновенное движение в воде обратило на себя мое внимание: в двадцати шагах от меня стоял в воде до поясицы статный старец с белою, мохом увитою бородой. Он держал в одной руке жезло, другой рукою приветствовал меня. Быстрый взор, сардоническая улыбка, величественный вид сказали мне, что это старец реки *Тёши*. Я с умилением ему поклонился, он приближался ко мне и, опираясь на жезло, прожурчал следующее:

«Гуси! Гуси! Кто вас не любит? — да долго ли вам беситься? Царство Литературы почти в ваших руках. — Когда перестанете вы топить в моих чистых струях *Карликов Беседы* и *Академии*? — Давно уже не стало их бумажных тронов, их свинцовых скипетров, их мишурных корон! — Перестаньте с ними возиться! — Какой черт вас с ними связал? — Похвально было показать свету, что они глупцы, но на сие довольно собственных их сочинений. Похвально было согнать с *Парнаса* нестерпимую толпу *Лжегениеев*; но она давно уже рассеялась под вашими ударами. — Чего же вам более? — Но должны ли вы довольствоваться сими жалкими трофеями? — От вас я ожидаю более; я ожидаю возобновления отечественной литературы; я ожидаю торжества разума и вкуса. Спасайте их, как некогда, ваши предки спасали *Капитолий*; ныне не один *Бренн* им угрожает; полчища уродливых *Бреннов* с *гасильниками* в руках стремятся погасить ту бедную искру человечества и рассудка, которую я поручил в ваше попечение. *Хамы* овладели и *Парнасом* и губернским правлением; они двигаются и на вахтпараде, и в передних министрах; они подчас являются в лубочной комедии, подчас и в комитетах человеколюбивого общества.

Числа им нет, дружины их крылаты.

Пора им эти крылья обрезать! Пора пробить их густой центр! Пора испугать их светом Разума, разогнать их скопища торжественным объявлением войны продолжительной и смелой! Тогда я с радостью буду издали внимать кликам вашей победы и с гордостью признавать вас за моих сынов, за истинных *Гусей Арзамасских!*..»

После сих слов дивный старец скрылся в глубине вод при гармоническом плескании волн, эхом повторен-

ным; с тихим чувством радости возвратился я домой и записал все слышанное.

Старушка.

Н. И. ТУРГЕНЕВ — С. И. ТУРГЕНЕВУ

СПбург. 25 янв(аря) 1818.

...Об наших журналах и говорить нечего. Предполагаемый арзамасский умер до рождения; и сам Арзамас рассыпался и более уже не собирается. Жуковский в Москве, Блудов там же и едет в Англию — через Париж...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

7 апреля 1818 г. Петербург.

...Сегодня мы собираемся для Кассандры у Старушки арзамасской. Я прошу с ними для свидания с другими Арзамасцами в Москве...

В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

17 апреля (1818 г.) Москва.

...Тургенев был в Москве. Я вчера провел с ним несколько минут у Булгакова, и он было хотел увезти письмо твое, но я письмо твои берегу и его не дал. <...>

Тургенев здесь пробудет несколько недель. Он мне сказывал, что мой племянник пишет прекрасную поэму и читал из нее отрывки в последнем Арзамасе, в котором также читали и Антологию Уварова.

М. Ф. ОРЛОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 мая 1818 г. Киев.

Великий Асмодей! Кроме тебя и Амура, никаким чертям я не поклоняюсь; да и между вами ты переживешь, вероятно, его в сердце моем. Я долго ленился к тебе писать единственно оттого, что много о тебе говорил с дьяволом Денисом и бешеным псом Толстым. Они здесь — были на контрактах. Толстой уехал в Москву, к цыганкам в гости, а Денис вслед за мною сделался начальником штаба 7-го корпуса. Он скоро из Каменца-Подольского переходит в Липовец или Умань и тогда будет от меня только в 200-х верстах. Слава и честь тем, кои в пользу моих увеселений сделали новое расположение квартир для второй армии.

Судьба, любезный Асмодей, не покровительствует нашему Арзамасу. Мы, как жиды, рассеянные по лицу света, сохраняем в молчании и терпении веру отцов наших, между тем как толпа невежд, под предводительством Мешкова и других, осаждает отсюда храм словесности. Исчезла надежда моя, и я горько оплакиваю усопшие наши собрания. Посреди невинных шуток и остроумных забав часто являлась величественная Польза, и я уверен, что ежели бы мы жили все вместе, то все мои желания скоро бы сбылись, и дитя Арзамасское переродилось бы в стройного и возмужалого человека. Сию надежду питаю еще в внутренности моего сердца, но не знаю, когда она сбудется. <...>

Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу. <...>

Княгине Вере Федоровне Асмодеевой мой нижайший поклон.

Н. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

22 мая 1818 г. Петербург.

...От Рейна нет теперь никакой вести. Он прежде писал ко мне, что он занимается введением Ланкастеровой методы в военно-сиротском отделении киевском. Некоторые либеральные идеи, которые у вас переводят законно свободными, а здесь можно покуда назвать арзамасскими, и которые он желает привить своему новому творению, нашли противников в его пятиклассных товарищах...

В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 октября 1818 г. Москва.

...Иван Иванович Дмитриев получил письмо твое и им радуется. Жаль только, что ты, будучи в связи с Николаем Михайловичем, думаешь, что тебе за него вступаться невозможно. Каченовский мне так гадок, что я с ним встретиться не могу. Очень хочется мне его пощипать, но если б ты был со мною, я бы намерение мое исполнил скорее. Советы твои мне всегда были полезны. Где наши Блудов и Дашков? Все мы, к несчастью словесности и к удовольствию жизни нашей, живем по разным сторонам. Тургенев и Жуковский думают, что я умер. Они никогда обо мне не вспоминают. Батюшков был здесь, но только на малое время. Он пожалован в надворные советники и едет в Неаполь. Северин в Ахене. Сказывают, что горесть его чрезвычайна, и я истинно боюсь, чтоб она не повредила его здоровью, которое и так довольно слабо...

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. И. ДМИТРИЕВУ

22 ноября 1818 г. Петербург.

...Я был болен; три недели вылежал и высидел дома. Теперь поправляюсь, и первый мой выход на свет Божий была поездка в Царское Село, где мы простились всем Арзамасом с нашим Ахиллом-Батюшковым, который теперь бежит от зимы не оглядываясь и, вероятно, недели через три опять в каком-нибудь уголку северной Италии увидится с весною: и завидую ему и нет!..

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 декабря 1818 г. Петербург.

...«Здесь все для души», — сказал он (Карамзин) в четверг бездушной Академии, и голос его отдался в душе Арзамасцев, которых заслонял широкопузый Шаховской с тщедушною братнею. Это было торжество не Академии, но Арзамаса, ибо почетный гусь наш, казалось, отделялся от лестных собратий своих, как век Периклов и Александров отделяются от века Лудвига Благочестивого и Батыева...

В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

23 мая (1819 г.) Москва.

...Тургенев никаких мне парижских новинок не присылает; Жуковский ничего не пишет, и я теперь арзамасец одним только именем, потому что об товарищах своих ничего не знаю. Москва для меня — Камчатка, ничто до меня не доходит, и я здесь живу как в пустыне...

М. Ф. ОРЛОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

22 августа 1819 г. Киев.

Любезный Асмодей, давно к тебе я не писал — время летнее полно для нас хлопот. Теперь, слава Богу, все кончилось или скоро кончится, а у вас скоро начнется. <...>

Посылаю к тебе речь мою в Киевском Библейском обществе. Есть части изрядные, кои писаны были мною *сop amore* *. Ты легко

* с любовью (ит.).

отгадаешь по сему, что я говорю о картине наших гасителей и противников просвещения. Хотя сия часть слишком длинна в сравнении с прочими, но я для нее сочинил всю речь и, следственно, чувствуя погрешность, не хотел переменить. Сделай одолжение, ежели найдешь какой-нибудь галлицизм или много галлицизмов, то уведомя меня. Прииму с благодарностью и на другой раз остерегусь. <...>

Кланяйся княгине Асмодеевне и поцалуй всех асмодеешек твоих.

М. Ф. ОРЛОВ И А. С. ПУШКИН — АРЗАМАСЦАМ

20-е числа сентября 1820 (?) Кишинев.

<Черновое>

В лето 5 от Липецкого потопа — мы, превосходительный Рейн и жалобный сверчок, на лужице города Кишинева именуемый *Быком*, сидели и плакали, вспоминая *тебя*, о *Арзамас*, ибо благородные гуси величественно барахтались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой. Живо представились им ваши отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающих берега Мойки и Фонтанки...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

30 марта 1821 г. Петербург.

...Один из наших Арзамасцев, Кавелин, сделался совершенным Пальясом Пальяса Магницкого: кидает свою грязью в убитого Куницына, обвиняет его в своей вине, то есть в том, что взбунтовались ученики его пансиона, и утверждает, что политическую экономию должно основать на Евангелии. Я предложу выключить его формально из Арзамаса...

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

25 сентября 1823 г. Петербург.

...Я не имел счастья жить в твоей чистой атмосфере, то есть со средствами личной независимости, но не провонял и на Фонтанке и остался чистым Арзамасцем, не изменил ни одному. А что досталось мне почти от каждого? Где *некогда мой Жуковский*? О других не

упоминаю. Что сделали со мною *Арзамасцы ветхого завета*, то есть и друзья, и товарищи брата Андрея? Со старшим, можно сказать, с первым другом его сердца, теперь состязаясь и доказываю, что он взяточник, губитель крестьян, а на меня наводит перед здешними властями тень карбонаризма за то, что снял цепи (*à la lettre*) * с несчастных невинно-угнетенных и в лицо говорил, вслух ему и сподвижникам его голую, страшную правду...

* буквально (*фр.*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАКОНЫ АРЗАМАССКОГО ОБЩЕСТВА БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА I О АРЗАМАСЕ ВООБЩЕ

§ 1

Цель Арзамаса.

Цель Арзамаса двоякая: польза отечества, состоящая в образовании общего мнения, то есть в распространении познаний изящной словесности, и вообще мнений ясных и правильных; польза самих членов, состоящая в труде постоянном.

§ 2

Состав Арзамаса.

Арзамас составлен из природных и избранных членов. Число природных не ограничено, избранных должно быть не более двадцати пяти.

§ 3

Обязанности и занятия Арзамаса вообще.

Обязанности и, следовательно, занятия Арзамаса разделяются на две отрасли. Первая в отношении к Публике, вторая — в отношении к Членам Общества.

§ 4

Обязанности в отношении к публике.

Обязанности Арзамаса в отношении к Публике суть следующие:

а) Наблюдать политическое и нравственное состояние России и прочих государств.

б) Наблюдать состояние, ход, успехи и изменения наук, искусств и словесности как отечественной, так и чужеземной.

в) Сообщать Публике плоды своих наблюдений и в особенности посредством постоянного периодического издания.

г) Поощрять возникающие таланты по усмотрению Общества и по мере средств оною.

§ 5

Обязанности в отношении к членам.

В отношении к Членам обязанность Арзамаса состоит в рассмотрении сочинений их как представляемых для Арзамасского журнала, так и сообщаемых в намерении воспользоваться советами Общества. Нет нужды говорить Арзамасцам, что при таком рассмотрении Арзамас изъясняет свое мнение с совершенной свободой, что его единственное правило есть: чистосердечие и любезная строгость дружества.

ГЛАВА II

О ЧЛЕНАХ, ВЫБОРЕ ИХ И ОБЯЗАННОСТЯХ

§ 6

Члены могут быть наличные и отсутствующие.

§ 7

Отсутствующие члены разделяются на заграничных и находящихся в России.

§ 8

О членах природных.

Члены природные назначаются всеобщим уважением Арзамаса.

§ 9

О членах избранных.

Члены избранные назначаются единогласием всех находящихся в России избранных Арзамасцев по балло-

тированию. Один черный шар уничтожает выбор и предложение. Новые члены предлагаются по крайней мере тремя Арзамасцами. Отсутствующий по запросу от Арзамаса присылает мнение в запечатанном пакете на имя одного из избранных наличных членов, который, не сообщая его другим, по его желанию кладет шар. В то же время отсутствующий уведомляет Общество, кому он поверил положить шар вместо себя.

§ 10

Общие обязанности всех членов.

Члены природные приглашаются участвовать в рассуждениях и трудах Арзамаса.

§ 11

Члены избранные обязаны:

а) Участвовать по мере возможности и требований в рассуждениях и вообще во всех делах Арзамаса.

б) Принимать и отправлять возлагаемые по назначению Арзамаса должности и поручения.

в) Трудиться вообще для пользы Арзамаса и Публики; а в особенности для Журнала, который Общество намеревается издавать.

г) Представлять Арзамасу в определенное время сочинения в стихах и прозе для Журнала. Число сих оброчных статей полагается с Арзамасцев, находящихся в России, не менее 12 статей в год, с Арзамасцев заграничных не менее 6 ст. Первые должны доставлять по 1 статье в начале каждого месяца, последние присылают свои статьи, когда находят удобный случай. Некоторые Арзамасцы могут быть освобождены от обязанности доставлять ежегодно по 12 статей в Общество из уважения к слабости их здоровья, или по многочисленным занятиям по какой-нибудь другой части. Они заранее объявляют о сих препятствиях Арзамасу по совести, и Арзамас решит без потворства, должно ли принять оные в уважение.

д) Предлагать в назначенное время программы для сочинений.

е) При вступлении в Арзамас говорить, по обычаю, речь.

ГЛАВА III
О ЗВАНИЯХ И ДОЛЖНОСТЯХ В АРЗАМАСЕ

§ 12

Должности, отправляемые в Арзамасе.

Избранные Арзамасцы могут отправлять в Арзамасе следующие особенные должности:

- a) Председателя
- b) Секретаря и его помощника
- c) Представителей Арзамаса.

§ 13

О Председателе.

Председатель назначается по жеребью из всех наличных избранных Арзамасцев, кроме Секретаря или исправляющего его должность. Имена их запечатанные бросаются в урну; из них вынимает без выбора одно кто-нибудь из природных наличных членов или Секретарь Арзамаса. Председатель назначается таким образом в конце каждого заседания и сохраняет сие звание до конца заседания следующего.

§ 14

Обязанности Председателя суть нижеследующие:

- a) Объявлять начало и конец заседания.
- b) Наблюдать в оных установленный порядок.
- c) Предлагать и постановлять вопросы.
- d) Объявлять решения Арзамаса.
- e) Раздавать по своему выбору входящие статьи на рассмотрение Представителям Арзамаса.
- f) Отвечать на речи нововступающих членов.
- g) Назначать место заседания, в случае нужды перемещать день или, с согласия Представителей, назначать чрезвычайное заседание.

§ 15

О Представителях Арзамаса.

Представители и поверенные Арзамаса составляют особенный *отряд* и заменяют собою все Общество в промежутки заседаний.

§ 16

Число их полагается не менее пяти и не более семи.

§ 17

Они избираются наличными Арзамасцами по большинству голосов на семь лет. Все члены в запечатанных пакетах присылают на имя Секретаря имена предлагаемых ими пяти, шести или семи кандидатов, голоса собираются посредством баллотирования, начиная с того кандидата, который предлагается большинством голосов членов, а в случае равенства по азбучному порядку имен.

§ 18

Обязанности Представителей суть следующие:

а) Рассматривать критически входящие статьи, вручаемые им от Председателя.

б) Сообщать об оных свое мнение в заседаниях Арзамаса изустно или письменно и не позднее как через три недели после получения статьи.

в) Избирать между собою главных Редакторов Журнала.

г) В случае нужды делать до общего заседания некоторые предварительные распоряжения и назначать вместе с председателями чрезвычайные заседания.

§ 19

Получив от Председателя статью для критического рассмотрения, каждый Представитель имеет право передать сию обязанность другому Представителю с его согласия.

§ 20

Если за отлучкою некоторых Представителей в отряде их останется менее 5 членов, то Арзамас для наполнения вышеозначенного числа избирает сколько должно Представителей временных, которые исправляют должность отсутствующих до их возвращения.

О Секретаре и его помощнике.

Секретарь и его помощник избираются наличными Арзамасцами по большинству голосов навсегда и всегда из Представителей. Порядок при выборе их наблюдается тот же, который означен в § 17 для Представителей.

При смене прочих Представителей через семь лет Секретарь и его помощник поступают без выбора в новый отряд Представителей.

Обязанности Секретаря суть следующие:

- a) Хранить все дела и бумаги Арзамаса.
- b) Принимать и распечатывать все пакеты на имя Общества.
- c) Представлять их Председателю и всем наличным членам в следующем заседании.
- d) В случае нужды представлять сии бумаги до заседания Председателю и Представителям.
- e) Когда нужно, извещать письменно членов о дне и месте, назначенном для заседания по предписанию Председателя и Представителей.
- f) Управлять канцеляриею Общества.
- g) Принимать в сию канцелярию и отсылать из оной писцов и служителей по своему усмотрению, также заключать с ними договоры.
- h) Хранить суммы, принадлежащие Арзамасу, вести счета приходам и расходам Общества.
- i) Вести переписку с отсутствующими членами и другими корреспондентами Общества. Сия последняя обязанность разделяется между им и его помощником по общему их согласию. В отсутствии помощника Секретарь заведывает сею частью один.
- k) Получать от членов входящие статьи и доставлять их Председателю.
- l) Записывать замечания членов Представителей на рассмотренные ими статьи.
- m) Возвращать членам сочинения их для поправок и снова оные от них требовать.
- n) Сочинять протокол заседаний.

о) Собрать голоса и вместе с Председателем открывать шары.

§ 24

Обязанности помощника Секретаря суть следующие:

- а) Вести переписку Общества вместе с Секретарем.
- б) Разделять труды Секретаря по мере его требований, возможности и приличия.
- в) В отсутствии Секретаря исправлять его должность и тогда называться временным Секретарем.

ГЛАВА IV
О ЗАСЕДАНИЯХ

§ 25

Состав заседаний.

Заседание составляется из Председателя, Секретаря, наличных Представителей и прочих наличных членов природных и избранных.

§ 26

Роды заседаний.

Заседания бывают обыкновенные и чрезвычайные.

§ 27

Обыкновенные заседания бывают каждую неделю по четвергам, если не случится непредвиденных препятствий.

§ 28

Чрезвычайные заседания бывают по особой повестке Секретаря.

§ 29

Открытие заседаний.

Заседание открывается по приглашению и звонку Председателя.

Время заседаний.

Заседание начинается не позднее 8 часов, кончится не ранее 11. Члены съезжаются в половине 8.

Порядок заседаний.

Все члены садятся вокруг стола в следующем порядке: Председатель у верхнего конца. Секретарь напротив за другим концом. Возле Председателя члены природные по произволу. За ними члены избранные по азбучному порядку имен их; голоса также по азбучному порядку подаются, кроме Председателя и Секретаря, коих голоса всегда последние.

Заседания начинаются чтением протокола предшедшего заседания.

Засим Секретарь объявляет о вступивших на имя Общества письмах и других вступивших бумагах. По приглашению Председателя он читает оные вслух.

Потом Секретарь извещает Общество о сочинениях, полученных от членов и посторонних, а тем из наличных членов, кои не доставили положенной статьи в начале месяца, напоминает их обязанность.

Председатель раздает полученные статьи на рассмотрение Представителей по своему выбору, как означено в § 14; он отмечает своей рукой на статье, какого числа и какому Представителю она выдана.

Председатель спрашивает, которые из членов-Представителей принесли отданные им статьи с своими

замечаниями; они отвечают один за другим по азбучному порядку. Секретарь записывает тем же порядком имена членов, кои принесли статьи, и названия рассмотренных ими сочинений.

§ 37

Председатель объявляет начало очередных статей.

§ 38

Представители читают статьи, рассмотренные ими, и сообщают Обществу свои замечания в том порядке, как имена их записаны Секретарем; начинают с тех статей, кои не могли быть прочтены в прошедшем заседании.

§ 39

По окончании своего чтения каждый Представитель объявляет решительно, должна ли, по его мнению, статья, им рассмотренная, быть помещена в Журнале Арзамаса и в каком виде. Секретарь записывает его мнение.

§ 40

Председатель спрашивает, кто из других членов намерен вступить в рассуждение о читанной статье и о мнении Представителя. Все члены, кроме автора рассматриваемой статьи, отвечают по азбучному порядку. Секретарь записывает имена желающих говорить.

§ 41

Председатель объявляет начало прений. Члены говорят по порядку, в коем записаны Секретарем. После всех говорит Представитель, рассматривавший статью. По окончании всех прений сам автор статьи приглашается Председателем объявить, согласен ли он с замечаниями других членов и желает ли сделать некоторые возражения.

§ 42

Председатель наблюдает за порядком во время прений и, когда почтет нужным, объявляет, что прения прекращаются.

§ 43

По окончании прений Председатель постановляет вопрос: напр., *согласны ли с мнением такого-то члена-Представителя?* Секретарь собирает голоса, как означено в § 31, члены шарами отвечают да или нет.

§ 44

Председатель объявляет решение Арзамаса, и Секретарь записывает его. Таковой же порядок наблюдается в рассуждениях всякого рода.

§ 45

Начинается чтение следующих очередных статей в том же порядке и продолжается до половины 11-го.

§ 46

В половине 11-го Председатель, прекращая чтение, спрашивает членов, не намерены ли они сделать Обществу какого-нибудь предложения. Члены по азбучному порядку отвечают да или нет. Секретарь записывает имена их.

§ 47

Члены, объявившие, что хотят сделать предложение, по тому же порядку сказывают об оных или их читают. Председатель объявляет, в каком заседании и в какое время будут рассуждать о сих предложениях, наблюдая порядок, установленный в § 40, 41, 42, 43 и 44.

§ 48

К роду предложений принадлежат программы для сочинений. Всякий член обязан предложить одну такую программу в месяц.

§ 49

Третье заседание каждого месяца особенно назначается для предложения сих программ.

Когда после довольных рассуждений Арзамас решит принять предложенную программу, то Председатель вызывает членов для сочинения статьи по сей программе. Члены отвечают по азбучному порядку да или нет. Одна программа может быть взята несколькими членами.

Если ни один член не объявит желаний принять программу, то она отсылается в отряд Представителей; ими после совещания предлагается именно одному какому-нибудь члену, а буде он также откажется, то отдается Секретарю для хранения при делах Арзамаса. По прошествии некоторого времени Секретарь может напомнить о сей программе Обществу, и тогда она снова предлагается в общем собрании Арзамаса, таким же порядком, как означено выше.

Засим Председатель по отношению Секретаря предлагает на рассуждение все дела и обстоятельства, для коих нужно решение Общества, наблюдая вышеустановленный порядок.

По окончании их рассуждений Председатель объявляет конец заседания.

В случае необходимой надобности Председатель может и прежде вышеозначенного времени объявить, что заседание окончено, и таким образом потушить жар излишний в рассуждениях и спорах. Обыкновенно напоминает он о порядке посредством звонка, а вставая с места, на время прекращает рассуждения. Он также встает с кресел, когда требует слова. Все Арзамасцы должны тогда в молчании уступить ему, но кроме чрезвычайных случаев Председатель всегда говорит последний.

Всякий член имеет право закричать: к порядку, но только один раз, если не поддержан большинством наличных Арзамасцев.

Когда рассуждают о сделанных членами предложениях, то Председатель прежде всего спрашивает: должно ли рассуждать о таком-то предложении такого-то члена? Если Арзамас решит, что нет, то предложение отвергается без дальнейшего рассмотрения.

Все дела решаются наличными Арзамасцами по большинству голосов, кроме следующих случаев:

- а) Избрание новых членов,
- б) Отменение некоторых пунктов сего Устава,
- с) Прибавление новых пунктов к сему Уставу без противоречия с настоящими.

В двух первых случаях необходимо единогласие всех находящихся в России наличных и отсутствующих членов. В 3-м случае нужны две трети голосов всех находящихся в России наличных и отсутствующих Арзамасцев.

В случае равенства голос Председателя решит дело.

ГЛАВА V

О БИБЛИОТЕКЕ АРЗАМАСА

Всякий Арзамасец избранный дозволяет пользоваться своими книгами, сколько будет нужно, для успеха занятий Арзамаса.

Сверх того, для исполнения обязанностей, принятых Арзамасом по § 4-му, те из достойных отличного

уважения вновь выходящих книг и журналов, кои не могут быть доставлены Обществу одним из членов, должны быть покупаемы или выписываемы на счет всего Арзамаса, но не иначе, как по предложению отряда Представителей и с согласия большинства наличных членов.

ГЛАВА VI О ИЗДАНИИ ТРУДОВ АРЗАМАСА

§ 61

Арзамас, как уже сказано в § 4 и 11, будет издавать Журнал. Издание начнется не позднее как в течение следующего 1818 года.

§ 62

Род сего Журнала в главнейших оногo отношениях уже означен § 4; число издаваемых книжек, формы и название Журнала будут определены отрядом Представителей, когда сделаются все нужные предварительные распоряжения и когда соберется достаточное число материалов.

§ 63

Исполнив обязанность, возлагаемую на них предыдущим § 62, Представители на основании § 18 избирают между собою 4 редакторов Журнала. В числе сих редакторов должен всегда быть Секретарь Арзамаса.

§ 64

После избрания редакторов Представители уже не вмешиваются ни во что, принадлежащее к составлению и изданию Журнала.

§ 65

Из редакторов Журнала 3-м поручается часть литературная, т. е. составление книжек, а одному

часть хозяйственная, т. е. все, что касается до печатания сих книжек, выдача оных, открытие подписки и проч.

§ 66

Редактор по части хозяйственной может по желанию его быть освобожден от других занятий по званию члена и Представителя.

§ 67

Редакторы по части литературной помещают в Журнале статьи, одобренные Арзамасом на основании § 39, 40, 41, 42 и 43 в том порядке, который более найдут сообразным с родом, формою Журнала и вкусом Публики просвещенной. Всякой недостаток материалов, особливо в том, что будет относиться к современной Словесности и Политике, они обязаны заменять собственными произведениями. На них возлагается ответственность за порядок, исправность и изящность издания, следственно, им поручается поддерживать честь Арзамаса.

§ 68

Если Редакторы захотят принять на свой счет все издержки касательно печатания и раздачи книжек, то прибыль от Журнала будет принадлежать им.

ГЛАВА VII

О РАСХОДАХ АРЗАМАСА

§ 69

На издержки, означенные в § 23 и 60-м, т. е. на переписку Арзамаса, покупку некоторых книг и журналов, жалованье переписчику и мелкие канцелярские расходы, все избранные Арзамасцы вносят ежегодно по 50 рублей. Сии деньги, как сказано в § 23, хранятся у Секретаря, состоя в его распоряжении и на его отчете.

СТАТЬЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

(с его пометой: «Вероятно, писано мною
по поводу предполагаемого Арзамасского журнала»).

Сила в соединении; польза в единодушии. Глупость и бесчестие имеют свои приюты укрепленные: Академия и присутственные места; ум и честь слоняются у нас по белому свету сверхкомплектными тунеядцами. Счастливый случай и дружба соединяют нас: нам должно воспользоваться союзом, предположить себе цель действия и идти к ней твердыми неутомимыми шагами. Какое средство имеем к достижению благородной мечты? Влияние на публику: как похитить это влияние? Изданием журнала. Всякая другая дорога была бы отдаленнее. Временные сочинения скорее захватывают вниманием читателей и имеют более число читателей. Сначала подстрекают они одно любопытство; сначала от праздности слушают журналиста: со временем его слушаются. Все орудия в его руках, он учит, забавляет, проповедует, смеется и смешит, укоряет и приговором своим оправдывает и казнит. Когда печать не была еще в употреблении, в дни аттические, говоруны, политики, философы, критики собирались на Афинских площадях, и народные беседы их были ежедневные словесные журналы. Горчаков сказал в какой-то сатире:

И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячу, а книги ни одной.

И взапуски тысяча голосов повторяют за ним кста-ти и некстаи эти два стиха.

Во-первых, польза журналов у нас очевидна, а во-вторых, журналов у нас большой недостаток. Во всех других просвещенных землях их гораздо более. Мы можем считать у себя двух только журналистов: Новикова и Карамзина. Первый был бичом предрассудков, бичом немного жестким и отзывающимся грубостью тогдашнего времени. Карамзин в «Московском журнале» разрушил готические башни обветшалой литературы и на ее развалинах положил начало новому европейскому зданию, ожидающему для совершеннейшего окончания искусных трудолюбивых рук. Другие журналисты предприняли издание журналов, не имея никакой твер-

дой цели, разве кроме той, чтобы наложить на читателей крест терпения. Исключая одного Лабзина, который при кресте терпения первой степени домогался нетерпеливо и равноапостольской второй.

Нам остается сочетать в журнале примеры двух наших журналистов и разделить издание на три разряда: Нравы, Словесность и Политика. В первом объявить войну непримиримую предрассудкам, порокам и нелепостям, обклавшим картину нашего общества. Нападать на зло есть уже действительная дань, приносимая добру. Во втором вести ту же войну с теми же врагами, стреляющими в нас, в здравый рассудок и вкус из окон Беседы и Академии: но вместе с тем, отучая публику от дурных примеров, приучать ее к хорошим и таким образом соединить в руке силу разрушающую и созидательную. В политике довольствоваться простодушным изложением полезнейших мер, принятых чуждыми правительствами для достижения великой цели: *силы и благоденствия народов*. Изложением распреем *политического света* о предметах важных в государственном устройстве, и таким образом сделать в Китайской стене, отделяющей нас от Европы, не пролом, открытый наглости всех мятежных стихий, но по крайней мере отверстие, через которое мог бы проникнуть луч солнца, сияющего на горизонте просвещения света, и озарить мрак зимней ночи, обложившей нашу вселенную.

Из известных журналов «Французской Меркурий» более всех может служить нам примером.

Журнал под каким именем хотите должен выходить в неделю по одному разу. Дело идет не о перепалке: надобно со всех батарей дуть изо всех снарядов. Наша публика забывчивая и сонная: проспавши целый месяц, едва услышит она нас впросонье. Польза должна быть нашею целью: заманчивая разнообразность нашею воинскою хитростью. Детей начали учить азбуке посредством картинок, и дети нашего времени пяти — шести лет бывают уже грамотными. Митрофанушка удовлетворил бы, вероятно, скорее требованию Кутейкина, когда бы не держали его на сухом псалтыре. Статью о нравах, которую хорошо назвать «Живописцем» в честь покойника, должны составлять: *картины общих нравственных повестей, переписка со всеми губерниями, вымышленная или истинная все равно, но вероятная; сатирические разговоры* и проч. В статье о Словес-

ности держаться единственно святого правила Вольтера: Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux *. Выезжать не на одном пегасе: в стихах позволять себе переводы; в прозе — никак. Иметь во всякой книжке статью Критики новейших или старых писателей. Сюда принадлежит и статья о художествах в отечестве: отчет всех новых произведений, изобретений полезных и проч. Эта статья не обидит нас бумагой. Если Провидение умилюстится над нами и услышит моление здравого смысла, то посвятим несколько страниц и театру: не налагать на себя обязанности вести дневник спектаклей, но говорить о новых пьесах и о успехах хороших актеров.

Вырученные деньги за журнал, если будет выручка, обратить на благотворение обиженных детей Аполлона; печатать на своем иждивении хорошие переводы или хорошие сочинения и таким образом вырвать из когтей жадных книгопродавцев бедные жертвы, продающие и унижающие свои дарования. Со временем завести типографию, безнадежно открытую *нищей братии*.

Тогда Арзамас скажет с душевною уверенностью:

J'ai fait un peu de bien: c'est mon meilleur ouvrage **.

ЖУРНАЛ

Политика. Распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее.

Образцы общественного мнения.

Сия статья состоит: 1-е, из рассуждений о политических предметах: собственного рукоделия, из новейших сочинений и журналов, из образцовых сочинений древних и новых; 2-е, из обозрения современных происшествий: известия; корреспонденция;

Сию статью берут на себя: 1-ю Рейн, Варвик, Резвый кот, 2-ю Кассандра как редактор. Корреспонденция — члены: Чу, Очарованный челнок, Тургенев, Адельстан. Не члены:

* Все жанры хороши, кроме скучного (*фр.*).

** Я сделал несколько добрых дел — это мое лучшее произведение (*фр.*).

Словесность. Образование вкуса в изящном. Знакомство с лучшим в иностранной литературе. Приятное занятие для приманки. Образцы общественного мнения.

Сочинения и переводы в прозе

Сочинения и переводы в стихах.

Критика. Обзорение древней словесности } ино-
Обзорение новой словесности } стран-
Обзорение современной словесности } ной.

Древняя: греческая, латинская.

Новая и современная: английская — Edinburgh Review

немецкая

италианская

французская — Moniteur,
Mercure,
Débats.

Обзорение древней и новой словесности русской.

Обзорение современной словесности.

Критика достойных внимания вновь выходящих книг.

Театр.

Смесь. Всякого рода известия. Письма. Статья для благотворений.

ИЗДАНИЕ

На полгода вперед. К 1-му ноября на 4 месяца. 12 книжек в год. Еженедельно 2 фельетона или книжку и 7 фельетонов в месяц.

Редактор: собирает у себя пиесы; классирует их, по рассмотрении в комитете из 4 членов, всегда находящихся на одном месте; пишет фельетон и обзорение современных происшествий; пишет разбор выходящих книг.

Помощник редактора ведет переписку.

Каждая книжка должна быть за месяц до публикации приготовлена; напр<имер> генварь должен быть и переписан, и процензурован к 1 декабря (кроме обзорения политического, кое пишется за несколько дней до публикации книжки).

Члены обязуются к началу каждого месяца доставить по пиесе, каждый по своей части. Итак, к 1 ноября, считая с 1 июля, каждый член должен приготовить по 4 пиесы и представить их исправно переписанные

и потом следовать правилу установленному, т. е. в начале каждого месяца пиеса.

Для издания надлежит получать избранные журналы: немецкие, французские и английские, как политические, так и литературные. Чтобы все пошло удачно, надобно, чтобы журнал был официальный — это нужно как для получения беспрепятственно журналов, так и для печатания и для безопасности от цензуры.

ПЕЧАТАНИЕ

Арзамас выбирает эконома, который бы взял на себя заго <...>

ОТРЫВКИ, НАЙДЕННЫЕ В АРЗАМАСЕ

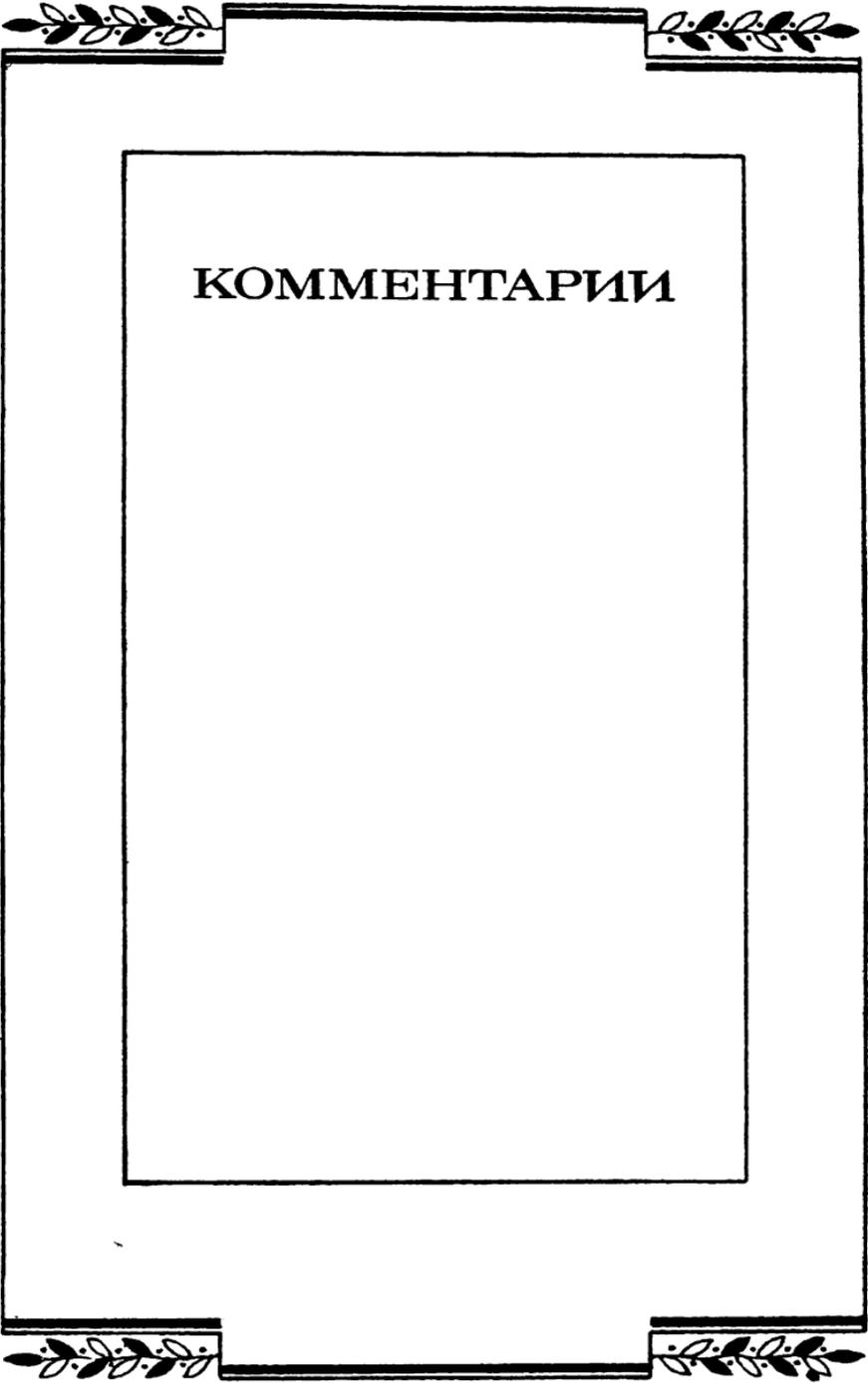
1-е. Стихи

Обещание природного члена И. И. Дмитриева

I. Отрывок из Парни (одна страница)	}	Армянин	
II. К неверной (одна страница)			
III. Моя песня (две страницы)			
IV. Военная песня (одна страница)			
V. Послание к Бурцову			} (Четыре
VI. Песня			
VII. Песня			
VIII. Решительный вечер (одна страница)			
IX. Гусар (одна страница)			
X. К Строгонову (одна страница)			
XI. Логика пьяного (одна страница)			
XII. Эпиграммы			
XIII. Кабуд путешественник (10 страниц)	}	Вот я вас
опять!	
XVI. Послание к Арзамасцам (3 страницы)			
XV. Остафьево (6 страниц)	}	Асмодей	
XVI. Первый снег (2 страницы)			
XVII. Послание к халату (3 страницы)			
XVIII. К Давыдову (2 страницы)			
XIX. Цветы и эпиграммы (4 страницы)			
Здесь будут или не будут: Светлана, Ахилл и Сверчок.			
XX. Отрывок из Луизы (4 страницы). Громобой. Нелединский.			

2. Проза

- I. Отрывок о Москве. Природного члена Н. М. Карамзина.
- II. Рассуждение об антологии (Старушка).
- III. О Боккаччио (Ахилл).
- IV. Мысли, замечания, отрывки (Кассандра).
- V. Desiderata (От Статного Лебеда).
- VI. Песнь Игоря (Светлана).
- VII. О Гебеле (Светлана ж).
- VIII. Desiderata (От Асмодея).
- IX. Покойного Арзамасца отрывки. <Эта строка писана рукою Жуковского.>

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание — систематизированный свод мемуарных и эпистолярных материалов по истории «Арзамаса» и литературных текстов, ближайшим образом связанных с деятельностью общества, — предпринимается впервые. Не являясь исчерпывающим (несомненно, многие «арзамасские» материалы, не только рукописные, но и печатные, еще будут выявлены), оно представляет творческое наследие кружка с достаточной полнотой. Ряд важнейших текстов («Видение в какой-то огаде» Блудова, статьи Дашкова, Вяземского, Уварова, воспоминания Уварова и Стурдзы, многие письма) со времени первой публикации не перепечатывался; некоторые документы (как арзамасские протоколы) потребовали новой сверки с первоисточниками и устранения неточностей первой публикации. Некоторые тексты (письма, «Украденная записная книжка» Блудова и др.) печатаются впервые.

Хронологические рамки, в которых отбирались материалы, — преимущественно 1810—1817 гг. (границы периода, естественно, условны), то есть время консолидации литературных сил, важнейших литературных полемик, организационного оформления общества и его распада. Последующее время характеризует не столько общество «Арзамас», сколько «арзамасское братство» (см. вступ. статью).

В соответствии с этой задачей — дать читателю своего рода документальную хронику литературного наследия «Арзамаса» — издание делится на две части. Первая (первый том) включает мемуарные свидетельства и хронологически расположенный монтаж из протоколов и отрывков из писем, освещающих предысторию и историю общества; здесь же приводятся и небольшие художественные тексты, не разрывающие документального рассказа и ближайшим образом с ним связанные (например, «Видение на берегах Леты» Батюшкова, эпиграммы и др.). Составители сочли целесообразным дополнить этот материал никогда не публиковавшимися извлечениями из протоколов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, характеризующими литературную позицию будущих арзамасцев и дающими контекст знаменитой речи Дашкова о Хвостове — прообраза арзамасских памфлетов. В особый подраздел — «Липецкий потоп» (формула арзамасских протоколов) выделены материалы о полемике вокруг комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), давшей непосредственный толчок к созданию общества.

Основой следующего раздела — «Арзамасские документы» явля-

ются арзамасские протоколы и речи, произнесенные членами общества, а также вынесенные в приложение «законы» «Арзамаса» и планы арзамасского журнала. Этот раздел оканчивается хронологически 1817—1818 гг., временем самоликвидации общества.

Во втором томе издания собрано литературное наследие «Арзамаса», классифицированное по жанрово-хронологическому принципу: критика, сатира (включающая стихотворные и прозаические памфлеты и ту часть корпуса эпиграмм, которая не связана с конкретными эпизодами арзамасской истории; «хвостовиану», представленную, главным образом, циклом пародий Вяземского на басни Хвостова — «кормчую книгу» арзамасцев), послания и письма. Послания арзамасцев друг к другу характеризуют не столько полемически-негативную, сколько позитивную литературную программу «Арзамаса» и являются как знаком дружеской связи, так и ценнейшим литературным документом, позволяющим судить о практической реализации арзамасских представлений о поэтическом стиле и языке; в ряде случаев (послания В. Л. Пушкина) они являются и литературно-эстетической декларацией кружка. В то же время они — и весьма заметный факт русской поэзии предпушкинского и пушкинского времени. Последний раздел — «Письма» — должен представить тип арзамасского эпистолярного стиля и кружкового языка; здесь собраны (без установки на полноту) образцы именно литературной эпистолографии, позволяющие говорить о дружеском письме как особом литературном жанре, достигшем в деятельности «Арзамаса» одной из высших точек развития. В этот раздел включены и более поздние письма, сохраняющие свой «арзамасский» колорит.

По самому типу издания, включающего лишь «арзамасские» документы, эпистолярные, мемуарные, дневниковые тексты, записи в протоколах и т. д., публикуются в той своей части, которая имеет отношение к деятельности общества, то есть нередко в виде фрагментов или извлечений, что в очевидных случаях специально не отмечается (так, отсутствуют угловые скобки перед начальными фразами и в конце). Критические статьи, поэтические тексты, небольшие мемуары, специально посвященные «Арзамасу», арзамасские протоколы печатаются целиком.

Научный аппарат издания состоит из вступительной статьи, кратких преамбул к разделам и реального и историко-литературного комментария. Имена собственные вынесены в аннотированный именной указатель. Комментируются, в основном, только те реалии, которые связаны с деятельностью общества.

Тексты подготовили и примечания составили:

В. Э. Вацуро — общая преамбула, преамбула к разделам «Мемуарные свидетельства» (вместе с О. А. Проскуриным), «Арзамасские

документы»; статья А. С. Пушкина «Мои мысли о Шаховском»; арзамасские речи и протоколы (кроме Прощальной речи Жуковского 18 сентября 1817 г. и диплома Карамзину («От Арзамасского общества... почетному и известному историографу... Карамзину»); материалы по истории арзамасского журнала (кроме статьи Вяземского).

А. А. Ильин-Томич — стихи и письма В. Л. Пушкина, его же стихи на заданные рифмы, письма М. Ф. Орлова.

Л. Н. Киселева — «Письмо к новейшему Аристофану» Д. В. Дашкова.

К. А. Кумпан — «Поэтический венок Шутовского», «Письмо с Липецких вод», «Быль в преисподней», «К портрету Бибриса», статья по поводу Арзамасского журнала, «Письмо к издателю о поэте Боброве», «Приказ Семену Гаврилову» и эпиграммы П. А. Вяземского.

В. А. Мильчина — «Видение в какой-то огаде» Д. Н. Блудова, переводы французских текстов (подстрочные, а также — «Россия и русские» Н. И. Тургенева, письма В. Л. Пушкина — П. А. Вяземскому 7 августа и 22 ноября 1811 г.).

А. Л. Осоват — письма Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, Д. А. Кавелина, дневник Н. И. Тургенева в разделе «Арзамасские документы».

О. А. Проскурин — преамбула (вместе с В. Э. Вацуро) и раздел «Мемуарные свидетельства», раздел «Накануне Арзамаса» (кроме материалов, подготовленных К. А. Кумпан, А. А. Ильиным-Томичем); подраздел «Липецкий потоп» (кроме «Письма к новейшему Аристофану» Д. В. Дашкова, произведений П. А. Вяземского и «Моих мыслей о Шаховском» А. С. Пушкина); письма К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, Д. В. Дашкова, Н. И. Тургенева, Д. Н. Блудова, С. П. Жихарева; Прощальная речь Жуковского 18 сентября 1817 г., диплом Н. М. Карамзину («От Арзамасского общества... почетному и известному историографу... Карамзину») в разделе «Арзамасские документы» и «Законы Арзамасского общества» (Приложение).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А — Арзамас и арзамасские протоколы (Л., 1933).

АБТ — Архив братьев Тургеневых, вып. 1—6. СПб. — Пгр., 1911—1921.

Анненков — Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855.

Арх. ВОЛСНХ — Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского государственного университета).

Батюшков — Б а т ю ш к о в К. Н. Сочинения в трех томах. СПб., 1885—1887.

Батюшков. 1986 — Б а т ю ш к о в К. Н. Избранные сочинения. М., 1986.

ВЕ — «Вестник Европы».

Вигель — В и г е л ь Ф. Ф. Записки, ч. 1—7. М., 1891—1893.

ВОЛСНХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (Петербург).

Вяземский. ПСС — В я з е м с к и й П. А. Полное собрание сочинений, т. 1—12. СПб., 1878—1896.

Вяземский. 1935 — В я з е м с к и й П. А. Избранные стихотворения. М.—Л., 1935.

Вяземский. 1986 — В я з е м с к и й П. А. Стихотворения. (Большая серия Библиотеки поэта). Л., 1986.

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Гиллельсон — Г и л л е л ь с о н М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Греч — Г р е ч Н. И. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930.

Десницкий — Д е с н и ц к и й В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958.

ДНТ — Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л., 1936.

Жихарев — Ж и х а р е в С. П. Записки современника. М.—Л., 1955.

ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».

ИПБ — Императорская публичная библиотека.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЛА — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, 1, М.—Л., 1938.

ЛН — «Литературное наследство».

Лотман, Успенский — Л о т м а н Ю. М., У с п е н с к и й Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры.— Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 358. Тарту, 1975.

Мелочи — Д м и т р и е в М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1—5. СПб., 1899—1913.

ОЛРС — Общество любителей Российской словесности при имп. Московском университете.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

Поэты-сатирики — Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. (Большая серия Библиотеки поэта). Л., 1959.

Поэты 1790—1810 — Поэты 1790—1810-х годов (Большая серия Библиотеки поэта). Л., 1971.

Пушкин. ПСС — П у ш к и н (А. С.) Полное собрание сочинений, т. I—XVI. М.— Л., 1937—1949.

РА — «Русский архив».

РС — «Русская старина».

СО — «Сын Отечества».

СПб. вед. — «Санкт-Петербургские ведомости».

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (Москва).

ЧББ — «Чтения в Беседе любителей русского слова».

Шаховской — Ш а х о в с к о й А. А. Комедия, стихотворения (Большая серия Библиотеки поэта). Л., 1961.

Шишков — Ш и ш к о в А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803.

МЕМУАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Воспоминания об «Арзамасе» стали появляться в печати в начале 1850-х гг. с оживлением интереса к культурному движению пушкинской и предпушкинской эпохи и с появлением генерации филологов и историков, частью заставших эту эпоху и собиравших и публиковавших материалы о ней (М. П. Погодин, П. И. Бартнев, П. В. Анненков, позднее В. П. Гаевский, М. Н. Лонгинов и др.). Именно к ним адресовались первые мемуаристы из числа прежних участников «Арзамаса» — С. С. Уваров, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов. Как это нередко случалось, наиболее активные деятели общества — Жуковский, Вяземский, Блудов — не оставили целостных воспоминаний; так, ценнейшие рассказы Блудова известны только по записям Я. К. Грота, П. И. Бартнева и др. историков. Тем не менее первые мемуаристы-арзамасцы совершенно справедливо оценили деятельность общества как значительный эпизод литературной истории, осветили несколько ключевых моментов его внутреннего быта и дали блестящие портреты участников (Вяземский). Попыткой освещения деятельности общества в целом в связи с литературной жизнью эпохи были воспоминания Уварова и А. С. Стурдзы; но оба мемуариста по разным причинам ограничились лишь общим очерком, избегая дета-

лей. Уваров, уже прошедший искус государственной службы в высшем эшелоне бюрократической иерархии, соблюдал требования дипломатии и этикета; Стурдза, знавший лично многих арзамасцев, мало знал об обществе, к которому не принадлежал и которое застал при самом конце его деятельности. Среди этих источников особое место занимают воспоминания Ф. Ф. Вигеля, исключительные по таланту, ценности сообщаемых сведений и в то же время по субъективности и недоброжелательности, придающим им по временам почти памфлетный характер; не рассчитывая на публикацию, Вигель читал их в узком кругу уже в 1830-е гг. На мемуары Вигеля наложила отпечаток и резко консервативная общественная позиция мемуариста, и общеизвестные негативные стороны его характера — желчность, завистливость, комплекс социальной ущемленности и, наконец, личные конфликты уже в поздние годы (например, с Уваровым). Из созданной им галереи портретов, пожалуй, только Дашков, Блудов, Жуковский и Пушкин в большей или меньшей степени свободны от налета гротеска. При всем том Вигель — очень осведомленный и, как правило, фактически точный мемуарист, и его записки — источник первостепенной важности. «Записка о Н. И. Тургеневе» В. А. Жуковского (1827) — одна из акций в кампании за пересмотр дела заочно осужденного друга. Подчеркивая «невинный» характер общества, Жуковский решительно отмечает возможные политические интерпретации деятельности «Арзамаса», настойчиво подчеркивает близость к обществу Карамзина и участие в нем «людей, имевших в России известность» (между прочим, в записке состав «Арзамаса» преднамеренно расширен: 25 участников можно было набрать, лишь «приписав» к кружку почетных членов — министров и сенаторов: Каподистрию, Салтыкова, И. И. Дмитриева). Сам же Тургенев в книге «Россия и русские» (1847) во многом основывался на том «образе» «Арзамаса», который был создан Жуковским (он не только располагал текстом записки, но и был первым ее публикатором). Новацией явилось лишь прямое указание на то, что занятия «Арзамаса» выходили за пределы «чистой» литературы: Тургенев уже мог быть уверен, что такого рода информация никому из бывших друзей не повредит. Этим перечнем исчерпывается круг мемуарных источников, вышедших из арзамасской среды. Среди прочих, являющихся «взглядом извне», в наибольшей мере приближены к ним «Мелочи из запаса моей памяти» М. А. Дмитриева, племянника И. И. Дмитриева, в целом далекого от арзамасского круга и в 1820-е гг. скорее ему враждебного, но знавшего лично большую часть арзамасцев и широко пользовавшегося как устными рассказами дяди, так и материалами его личного архива. Подобно Вяземскому в «Старой записной книжке», Дмитриев сохраняет преимущественно «анекдот», в соответствии с принципами романтической историографии удерживая черточки ушедшего литературного быта, — и так же, как Вяземский (некогда его антагонист), он склонен противопостав-

лять этот быт чуждой ему современности 1850—1860-х гг. Рассказы Дмитриева, как правило, точны и весьма выразительны, — но как почти все сведения, полученные из вторых рук, касаются лишь внешних форм деятельности общества, внутренняя жизнь которого ему известна мало. В еще меньшей мере она известна мемуаристам, завершающим данный раздел, — Н. И. Гречу и в особенности Ф. В. Булгарину, появившемуся на литературной арене уже после распада «Арзамаса». Воспоминания Греча интересны не столько фактическими данными, сколько самым характером освещения кружка: в них ощущается та же взаимная настороженность, которая была свойственна обеим сторонам в 1810-е гг. Вместе с тем Греч оценивает «Арзамас» уже ретроспективно, учитывая позднейшую политическую карьеру Блудова, Уварова, Дашкова и свои взаимоотношения с прежними арзамасцами в более поздние годы. Что же касается записок Булгарина, адресованных правительству после 14 декабря 1825 г., — то они имеют непосредственно политическое назначение; угол зрения и оценки в них продиктованы ситуацией последекабрьских репрессий, соображениями журнальной борьбы и личными отношениями Булгарина; в то же время по ним можно судить и об официальной репутации «Арзамаса» в конце 1820-х гг.

С. С. УВАРОВ

Сергей Семенович Уваров в арзамасский период имел репутацию «ториста» (выражение Н. И. Тургенева), противника деспотизма и адепта «законной свободы». С годами Уваров резко поправел. В 30-е гг. он уже министр народного просвещения. Однако в 1849 г., в эпоху «мрачного семилетия», даже он показался чересчур либералом и вынужден был уйти в отставку с министерского поста. В отставке им и написаны литературные воспоминания, переданные (видимо, не без оттенка фрондерства) в журнал радикального направления. Под его пером картина цветущего состояния словесности в Александровскую эпоху явно контрастировала с неприглядным состоянием культуры в последние годы царствования Николая — то есть того времени, когда сам Уваров оказался удаленным от дел. Впрочем, эта полемичность упрятана глубоко в подтекст: воспоминания Уварова вообще очень осторожны и в фактическом отношении не особенно насыщены. Безусловный интерес представляют «культурологические» суждения автора о роли дружеских кружков и салонов в истории словесности и искусства.

Осьмое января 1851 года (стр. 31). — Современник, 1851, т. XXVI, № 3, отд. VI, с. 1—6, без подписи. Параллельная публикация — Москвитянин, 1851, № 4, кн. 2, с. 449—456. Традиционное основание для атрибуции — некрологическая заметка в «Современ-

нике» (1855, № 10, отд. V, с. 186), где, однако, нет прямых указаний на авторство Уварова.

Стр. 31. *...юбилей пятидесятилетней службы отечеству...* — Блудов был зачислен юнкером в московский Архив государственной коллегии иностранных дел 5 июля 1800 г. Однако «настоящим» началом государственной службы Блудова сам он и его друзья, судя по всему, склонны были считать 8 января 1801 г. — время его производства в переводчики того же Архива.

...чье имя соединено с последними страницами бессмертного творения Карамзина. — В 1829 г. Блудов подготовил к печати (совместно с К. С. Сербиновичем) и издал последний, 12-й том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

...были разыграны сцены из старой оперы Буалдьё... — Имеется в виду комическая опера Ф.-А. Буальдьё «Моя тетушка Аврора, или Роман невзначай» (1795).

...несколько сцен из комедии «Вертер»... — Речь идет о водевиле Ж. Дюваля и Э. Рошфора «Вертер, или Заблуждения чувствительного сердца», представлявшемся на русской сцене 1820—1830-х гг.

...та сцена из «Дмитрия Донского», в которой русский воин рассказывает Ксении о поражении Мамая. — 2 явл. 5 д. трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (1807).

Стр. 32. *«Я прямо из Арзамаса, то есть с Карповки».* — Многие заседания «Арзамаса» происходили на даче Уварова на Карповке (Аптекарский остров).

...тот, кто сидел впереди... — См. «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди» Жуковского. Намек на Вяземского (Асмодея), который в июне 1849 г. отправился в заграничное путешествие. Накануне — в мае 1849 г. выехал за границу Жуковский («Светлана»). Уваров не знал, что Вяземский уже вернулся в Россию и прибыл в Петербург. Это заставляет предположить, что письмо было написано заранее.

...на рынке не найдешь теперь ни одного перушка Арзамасского... — Характерный арзамасский каламбур: с одной стороны, речь идет о выходе из употребления гусиных перьев как орудия письма, с другой — об исчезновении блестящих литературных дарований.

Стр. 34. *В благих успехах просвещения // Идешь ты с веком наравне.* — Реминисценция из стихотворения А. С. Пушкина «Чаадаеву» (1821): «И в просвещении стать с веком наравне».

Стр. 36. *...Ты друг и брат певцу Людмилы...* — Подразумевается Жуковский, автор баллады «Людмила» (1808).

Л и т е р а т у р н ы е в о с п о м и н а н и я (стр. 37). — Современник, 1851, № 6, отд. II, с. 37—42, с подписью: А. В. Авторство Уварова раскрыто в некрологическом очерке (Современник, 1855, № 10, отд. V, с. 186).

Стр. 37. ...из которых некоторые достигли впоследствии высших степеней государственной службы... — Уваров намекает прежде всего на себя, Дашкова и Блудова, получивших в 1830-е гг. министерские посты.

Говорят, что Арзамасский кружок намеревался издавать журнал... — Скрывшись под маской стороннего свидетеля, не причастного непосредственно к деятельности «Арзамаса», Уваров в форме слухов сообщает совершенно достоверные факты (см. подраздел «Материалы по истории арзамасского журнала» и примеч. к нему в наст. томе).

Стр. 38. ...книга: О старом и новом слоге... — Имеется в виду кн.: Шишков, положившая начало многолетним спорам о языке (так называемая «полемика о старом и новом слоге») и способствовавшая размежеванию «архаистов» и карамзинистов.

...даже несколько дам, занимавшихся стихотворством. — В почетные члены «Беседы» были избраны А. П. Бунина, А. А. Волкова и Е. С. Урусова.

...искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оленина. — Об историко-культурной роли салона А. Н. Оленина подробнее см.: Гиллельсон, с. 3—37; Тимофеев в Л. В. В кругу друзей и муз. Л., 1983.

Стр. 39. ...он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг... — Уваров, в частности, подразумевает следующие труды Оленина: «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамань в 1792 г.» (1806), «Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деесписателей» (СО, 1814, ч. XII) и др.

...тут была читана в первый раз эта трагедия... — Оленин принимал ближайшее участие в постановке «Эдипа в Афинах»; по его эскизам делались костюмы к спектаклю, призванные воссоздать античный колорит. Премьера «Эдипа» на сцене петербургского Большого театра состоялась 23 ноября 1804 г.

...Роль Антигоны была написана Озеровым для дебюта К. С. Семеновой. — Уваров не вполне точен. Роль Антигоны не была «дебютом» Семеновой: до представления «Эдипа в Афинах» актриса уже сыграла на большой сцене четыре роли. См. «Список ролей Е. С. Семеновой» в кн.: Медведова И. Н. Екатерина Семенова. М., 1964, с. 301. Однако расцвет ее творчества действительно связан с трагедиями Озерова.

Стр. 40. А. Н. Оленин жил у Красного моста, ...а впоследствии в Большой Морской, в своем доме, ныне принадлежащем г. Андро. — Уваров, посещавший оленинский салон в течение нескольких десятилетий, невольно переносит впечатления 20-х — начала 40-х гг. на начало XIX в. В 1800-х — 1810-х гг. (к которым относятся воспоминания Уварова) Оленины проживали на наб. Фонтанки (в нынешнем доме № 101; с 1813 г. — в доме № 97). Подробно о петербургских адресах Олениных см.: Шубин В. Ф., Файбисович В. М. К литератур-

ной жизни пушкинского Петербурга.— Русская литература, 1982, № 3, с. 155—158.

Стр. 41. *Eheu, Posthum, fugaces, fugaces...*— Неточная цитата из Горация. В оригинале: *Eheu, fugaces, Postum, Postum; labuntur anni* («Увы, быстро, Постум, Постум, ускользают годы»).— Гораций. Оды, II, 14.

А. С. СТУРДЗА

Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I ... (стр. 42).— Москвитин, 1851, № 21, кн. 1, отд. 1, с. 3—22. В 1809 г. Александр Скарлатович Стурдза начинает службу в министерстве иностранных дел, где знакомится, а затем сближается с рядом будущих арзамасцев — Блудовым, Дашковым, Севериным (с последним Стурдза породнился — в 1818 г. Северин женился на его сестре). В 1817 г. Блудов откликнулся весьма сочувственной статьей на книгу Стурдзы «*Considérations sur le doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*». Год спустя Стурдза опубликовал брошюру, написанную для Аахенского конгресса, — «*Memoire sur l'état actuel de l'Allemagne*» (1818), в которой содержались резкие нападки на немецкие университеты как на рассадники революционного духа и атеизма. Эта брошюра оттолкнула от Стурдзы наиболее радикальных арзамасцев — в частности, молодого Пушкина. В 1830 г. Стурдза отходит от дел, все более погружаясь в сферу религиозной публицистики, пропагандируя среди европейских читателей отечественное православие. В эту пору и написаны его воспоминания о литературной жизни в царствование Александра I. Мемуарист оценивает здесь литературное прошлое сквозь призму своих поздних воззрений. Он практически игнорирует противоречия между «Беседой» и «Арзамасом»: оба общества, согласно его точке зрения, равно приближали — каждое по-своему — исполнение основной задачи, стоящей перед словесностью, — слияние светской и духовной литературы. При всей тенденциозности мемуары Стурдзы содержат детали, важные для изучения истории «Арзамаса» (например, сведения о московских заседаниях в 1818 г.) и судеб отдельных его членов (Пушкина в Одессе в 1823—1824 гг.).

Стр. 42. Эпиграф — Вергилий. «Энеида», I, 203.

...громою похваля, которою Омир почтил некогда память словоохотного Нестора.— В «Илиаде» (I, 249; пер. Н. И. Гнедича).

...полюбил спутника и пестуна более строгого.— Т. е. религию.

Стр. 43. ...постигал всю истину и силу достопамятных слов Ломоносова...— С некоторыми неточностями цитируется «Российская грамматика» (1755) Ломоносова.— См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.— Л., 1952, т. 7, с. 391.

Здесь... заседали... Озеров... Жуковский... и, если не ошибаюсь, иногда Дмитриев и Карамзин. — Стурдза, стремясь представить «Беседу» обществом, соединившим в «стройную дружину» всех лучших литераторов начала XIX в., искажает исторические факты: ни Озеров, сошедший с ума в 1810 г. (до организации «Беседы»), ни Жуковский, ни Карамзин членами «Беседы» не были. Дмитриев присутствовал на первых заседаниях «Беседы» в качестве попечителя ее IV разряда. Карамзин был избран почетным членом «Беседы», но никакого участия в ее деятельности не принимал.

Стр. 44. *Я никогда не забуду всеобщего восторга, произведенного в столице представлением «Димитрия Донского», сперва в Эрмитаже, потом и на Большом театре.* — На сцене петербургского Большого театра трагедия Озерова была впервые представлена 14 января 1807 г.; придворный же спектакль (в Эрмитажном театре) состоялся позже, 17 января (см.: История русского драматического театра. М., 1977, т. 2, с. 472). О впечатлении, произведенном первыми постановками трагедии на зрителей, см. также: Жихарев, с. 323—327 (запись от 15 января 1807 г.).

...когда генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, прилетев с поля Эйлавской битвы, привез известие о страшном побоище... громогласное ура не умолкало почти ни на минуту... — Кровавое сражение при Прейсшиш-Эйлау, в котором русские не уступили превосходящим силам французов, произошло 8 февраля (27 января по юлианскому календарю) 1807 г. Как явствует из дневника С. Жихарева, известия о сражении дошли до Петербурга около 1 февраля (Жихарев, с. 347). Стурдза, судя по всему, вспоминает спектакль, состоявшийся 3 февраля 1807 г.

Стр. 46. *...отправил труд свой к секретарю Беседы Писареву...* — Непременным секретарем «Беседы» А. А. Писарев был с 28 апреля до 15 декабря 1811 г. Следовательно, первые контакты Стурдзы с «Парнасом на Фонтанке» относятся именно к этому периоду. Никаких свидетельств о юношеском сочинении Стурдзы в бумагах «Беседы» не сохранилось.

...старец Шишков начал читать вслух мои пламенные страницы... — Согласно журналу заседаний «Беседы», в общем собрании 23 марта 1812 г., «в присутствии гг. попечителей, членов, сотрудников и посетителей обоего пола до 300 человек», было сделано «известие» о присланном в «Беседу» сочинении «О греческом языке и способе оному научиться» (Десницкий, с. 127—128). Это, несомненно, и есть труд Стурдзы.

...все прочие аристархи почтили восемнадцатилетнего юношу своими ободряющими отзывами. — Мемуаристу шел тогда 21-й год.

Стр. 47. *...поборник старого слога... говорит между прочим: каково было бы перевести слово gréface не предисловием, а предмчием...* — См.: Шишков, с. 44.

...или слово *tresor* буквальным переводом *презлатом*...— См.: Шишков, с. 306—307.

Как государственный секретарь, он написал чистым языком множество манифестов...— Шишков был назначен государственным секретарем 9 апреля 1812 г., сменив на этом посту опального Сперанского. Шишковым написаны высочайшие манифесты, указы и рескрипты военной поры. (См.: Собрание высочайших манифестов, грамот, указов и пр. 1812—1816 гг. Издал А. С. Ш. СПб., 1816.) Карамзинисты относились к манифестам, составленным Шишковым, весьма иронически. Ср. свидетельство современника: «Шутники говорили, что для возбуждения в нем красноречия должно было сгореть Москве. Это сказал Блудов» (*Греч*, с. 351).

...*А. С. Шишков оставил по себе том записок*...— Имеется в виду книга: «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну». СПб., 1831. Впоследствии записки Шишкова издавались со значительными дополнениями (см.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. 1—2. Берлин — Прага, 1870).

Стр. 48. *В 1823-м г., по званию члена Главного правления училищ, я снова сблизился с Шишковым*...— С 1824 по 1828 г. Шишков был министром народного просвещения.

...*я умолчу о Карамзине, чтобы не повторить здесь моих прежних воспоминаний о великом писателе*...— Стурдза принадлежат «Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине» (Москвитянин, 1846, № 9-10, с. 145—154).

Стр. 49. *Спустя несколько лет Гнедич переехал в Одессу для поправления своего здоровья*...— Гнедич жил в Одессе в 1827—1828 гг.

...*я невольно вспомнил странное изречение знаменитого Бюффона*...— Стурдза вольно цитирует афоризм, приписывающийся Бюффону: «Гений — это только величайшая способность к терпению».

Стр. 50. ...*я не смею утверждать: принадлежал ли Сперанский к числу записных членов Беседы*...— М. М. Сперанский был избран почетным членом «Беседы» в 1811 г., однако уже в 1812 г., в связи с опалой, из числа почетных членов выбыл. Сколько-нибудь активного участия в деятельности «Беседы» он не принимал.

Его письмо: о причинах великих событий 1812-го г. обратило на юного мыслителя всеобщее внимание...— Вероятно, имеется в виду написанное Филаретом «Рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне» (СО, 1813, ч. VI; отд. изд. — СПб., 1813). Филарету в пору создания этого сочинения было 30 лет.

...*Филарет в то время, несмотря на молодость свою, уже стоял на духовной кафедре*...— С 1809 г. Филарет занимал должность ректора

Санкт-Петербургской духовной академии (в звании ординарного профессора богословских наук).

...по следам коих впоследствии пошел Иннокентий...— Явно завышенная оценка сочинений архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия объясняется исключительным влиянием, оказанным этим церковным деятелем на мемуариста. Стурдзе принадлежит перевод проповедей Иннокентия на французский язык (СПб., 1848).

Стр. 51. *В 1815-м и 1817-м годах «История» Карамзина, выходя из печати, занимала всех и каждого.*— Первые два тома «Истории государства Российского» вышли из печати в 1816 г., остальные шесть — в 1818 г.

Стр. 52. *...Батюшков полюбил меня за статью мою «Мысли о любви к отечеству»...*— Статья Стурдзы была опубликована в «Журнале императорского человеколюбивого общества», 1818, ч. IV. Она была созвучна тогдашним настроениям Батюшкова своим религиозным пафосом. Именно к 1818 г. относятся первые сочувственные упоминания о Стурдзе в переписке поэта (письмо к А. И. Тургеневу от 30 июля 1818 г.).

Стр. 53. *...мало кому из нас памятливы лирические опыты его молодости.*— Имеется в виду книга Востокова «Опыты лирические и другие мелкие стихотворения в стихах» (ч. 1—2. СПб., 1805—1806).

...последнему я давно уже посвятил несколько страниц...— Подразумевается написанный Стурдзой некролог Шихматову (Одесский вестник, 1837, № 65).

Стр. 54. *Мы зреем не веками, а десятилетиями, сказал когда-то Карамзин...*— Стурдза цитирует речь Карамзина на торжественном собрании Российской Академии 5 декабря 1818 г.

Жуковский, удостоившийся звания и должности наставника при Государе Наследнике престола...— В октябре 1817 г. Жуковский был назначен учителем русского языка при великой княгине Александре Федоровне; воспитателем наследника (будущего Александра II) Жуковский стал лишь в феврале 1826 г.

Его переводы... простонародных рассказов аллеманского поэта на швабском наречии...— Имеются в виду переводы идиллий Гебеля («Овсяный кисель», «Тленность», «Красный карбункул» и др., 1816 г.).

К Жуковскому по преимуществу можно отнести слова Боало...— Афоризм, приписываемый Буало, восходит к формуле из предисловия к его посмертному собр. соч. (Voileau-Despreaux N. Oeuvres, t. 1. P., 1747, p. 3).

Пушкина в 1825-м г. ...выслали из столицы в Бессарабскую область...— Пушкин был «переведен» по службе в Кишинев 6 мая 1820 г.

Ему довелось... быть свидетелем необыкновенного движения и прилива людей в Бессарабии, по случаю происшествий, совершав-

шихся в Молдавии и Валахии. — К 1820 г. Бессарабия превратилась в один из центров подготовки восстания греков против турецкого владычества на Балканах; сюда стекалось множество заговорщиков. После разгрома восстания (1821) в Бессарабию бежали тысячи греков.

Стр. 55. *В 1824-м и 1825 годах мне довелось часто встречаться с Пушкиным в Одессе.* — Неточность мемуариста: Пушкин проживал в Одессе с 3 июля 1823 по 31 июля 1824 г.

...чуждался меня как человека, гордившегося оковами собственной мысли. — Отношение молодого Пушкина к Стурдзе как к активному пропагандисту идей Священного союза и адепту официального мистицизма было крайне отрицательным. К 1819 г. относится его эпиграмма «На Стурдзу» («Холоп венчанного солдата...») и не дошедшая в полном виде сатира («Вкруг Стурдзы я хожу...»).

...я успел... овладеть полным вниманием и сочувствием Пушкина. — Достоверность этого свидетельства подтверждается письмом Пушкина к Вяземскому от 14 октября 1823 г. из Одессы: «Здесь Стурдза монархический; я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом» (*Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 70).

Господь сказал... — Иоанн, 8, 32.

Стр. 56. *...печальный выразительный стих...* — Вергилий. «Энеида», VI, 429 (указано М. Л. Гаспаровым).

Грибоедов сам решил участь свою и отправился в Персию. — В письме к С. Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г. Грибоедов изложил обстоятельства своего определения в персидскую миссию иначе: «Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал? — В Персию, и чтоб жил там. Как я ни отмахиваюсь, ничто не помогает...» (Грибоедов А. С. Соч. М., 1953, с. 476).

Стр. 57. *...semper ad eventum festina.* — Гораций, «Наука поэзии», 148.

Стр. 58. *Путешествию его мы обязаны превосходным сочинением «Грузия и Армения»...* — Речь идет о сочинении А. Муравьева (ч. 1—3. СПб., 1848); далее имеются в виду: «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832, ч. 1—2), «История святого града Иерусалима от времен апостольских до наших» (ч. 1—2. СПб., 1844) и др.

...в последнем произведении благотворного пера... — Речь идет о сочинении Муравьева «Письма с Востока в 1849—1850 годах» (ч. 1—2. СПб., 1851).

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ

Из «Записок» (стр. 60). — «Записки» печатались в «Русском вестнике» на протяжении 1864—1865 гг. Тогда же выпущены отдельным изд. под названием «Воспоминания» (с сокращениями и цензурными купюрами). С дополнениями по рукописи, под заглавием

«Записки» — М., 1891—1893 (ч. I—VII). В 1928 г. под ред. С. Штрайха вышло сокращенное изд. «Записок» (М., ч. 1—2). В наст. изд. печатаются по кн.: Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. ч. III, с. 149—154; ч. IV, с. 164—178; ч. V, с. 35—53, 71. В тексте восстановлены цензурные купюры (см. ниже).

Публикуемые фрагменты, вероятно, были созданы в период между 1847 и 1849 гг. Основанием для такой датировки служит упоминание Вигелем книги Н. И. Тургенева «Россия и русские», изданной в 1847 г., и аттестация Уварова как человека, дающего «направление образованию всего учащегося юношества» (такая характеристика была возможна только до отставки Уварова с поста министра народного просвещения, последовавшей 9 октября 1849 г.).

Стр. 60. ...*как Дон-Кихот, в Дмитриевой басне...*— Герой басни И. И. Дмитриева «Дон-Кихот» (1805), метившей в эпигоны сентиментализма, предлагая ревнивому мужику вместо драки вступить в поэтическое состязание, восклицает: «Не бей меня, но пои!»

Прибывший в 1805 году Александр Тургенев пристал к нему...— В 1803—1804 гг. студенты Геттингенского университета А. Тургенев вместе с А. С. Кайсаровым совершали путешествие по славянским землям.

Стр. 61. ...*Карамзин читал императору Александру несколько глав своей истории.*— В марте 1811 г.

...*где, по словам их, должны были встречаться одни милые Святополки и нежные Мстиславы.*— В среде петербургских «арханстов» бытовало скептическое отношение к историческим замыслам Карамзина. Оно отразилось, в частности, в сатирическом стихотворении С. Н. Марина «М(илонову) М(арин) здравия желает», которое, вероятно, иронически перефразирует Вигель:—

Пускай наш Ахалкин стремится в новый путь
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишет, свойства плакс дав Игорю и Кню,
И добреньких славян, и милую Россию (ЧвБ, кн. 3, 1811,
с. 121).

...*Дмитриев назначен министром юстиции...*— Это назначение состоялось в конце 1809 г.; 5 января 1810 г. Дмитриев прибыл в Петербург.

Российская Академия была тогда ветхоз укрепление...— Ср. дневниковые записи молодого С. П. Жихарева 17 и 18 марта 1807 г. (Жихарев, с. 427—429).

Стр. 62. *Следствием глубоко обдуманых мер... было, в октябре месяце 1810 г., рождение Беседы Любителей Российского Слова.*— Официальное учреждение «Беседы» состоялось в феврале 1811 г., однако выработка ее программы, уточнение названия, состава и

т. п. осуществлялись на неофициальных заседаниях в октябре — декабре 1810 и январе — начале февраля 1811 г. См. подневные записки Д. И. Хвостова (РС, 1892, № 7, с. 91—92; ЛА, с. 364—368) и письма Д. П. Северина Вяземскому в наст. томе.

Стр. 63. *Доказательством тому поставляют вскоре после ее открытия выданную им басню «Квартет»*... — Современники толковали эту басню и иначе — как сатиру на Государственный совет (см.: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского, ч. 1. СПб., 1861, с. 118; Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 292—293 и др.). Разной в толкованиях объяснялся, несомненно, тождеством структуры Государственного совета и «Беседы».

Стр. 64. *...глядя на московских вздыхателей.* — Имеются в виду московские эпитоны сентиментализма — П. Шаликов, Б. Бланк, Вл. Измайлов и др.

...можно было, по примеру Ривароля до революции, составить в одном Петербурге маленький словарь маловеликих людей. — Накануне Великой французской революции А. Ривароль выпустил сатирический памфлет — «Маленький альманах наших великих людей» («*Petit almanach des nos grand hommes*». Р., 1788); в революционные годы он издал «Малый словарь великих людей Революции» («*Petit Dictionnaire des grand hommes de la Revolution*». Р., 1790). В памяти Вигеля сконтаминировались два эти издания.

...Дмитрий Иванович Языков... сделался первым президентом Общества Любителей Наук, Словесности и Художеств. — Вигель, далекий от ВОЛСНХ, излагает его историю очень неточно. Подробнее см. примеч. к журналу заседаний ВОЛСНХ от 17 декабря 1810 г. в наст. томе. Языков был не первым, а третьим президентом общества.

...из любви к России бросил немецкое прозвание Остенек. — А. Х. Востоков был побочным сыном остзейского дворянина Х. И. Остен-Сакена и, по обычаю времени, получил фамилию Остенек (с намеком на отцовскую). Первые сочинения подписывал: Востоков (вольный перевод немецкой фамилии) или Остенек-Востоков; затем литературный псевдоним превратился в официальную фамилию.

Стр. 65. *...стихи его, о себе самом написанные...* — Вигель не совсем точно цитирует заключительные строки стихотворения «Откровение Музы»: «Язык тебе не додан смертных, // Но дан язык богов».

На сцене ничего не показывалось нового, кроме небольших патриотических пьес, приуроченных к настоящим обстоятельствам. — Действительно, в период военных действий в Петербургском театре ставились почти исключительно патриотические пьесы-однодневки: драма С. И. Висковатова «Всеобщее ополчение» (преьера — 30 августа 1812 г., представлялась 1, 5, 9 и 11 сентября, вместе с драмой ставился балет-дивертисмент «Ополчение, или Любовь к отечеству»), героическая драма А. П. Вронченко «Кириловцы при нашествии врагов» (4, 9 февраля 1813 г.), драма И. Н. Свечинского «Освобождение

Смоленска» (13, 22 июня и 3 июля 1813 г.), аллюзионная трагедия П. А. Корсакова «Маккавей» (6 октября 1813 г.) и т. п.

Стр. 66. ...в нем различить можно было и умирающие звуки лиры Державина, и... голос еще ребенка Пушкина...— Имеются в виду стихотворения Державина «На возвращение императора Александра I» (1814), «На сретение победителя Европы, Александра I» (1814), а также стихотворение Пушкина-лицеиста «На возвращение государя-императора из Парижа в 1815 году».

Стр. 67. ...в одном шуточном произведении своем.— Имеется в виду речь Блудова на 6 заседании «Арзамаса» (см. с. 317 наст. тома).

Во время продолжительного отсутствия моего из Петербурга...— По семейным обстоятельствам Вигель отсутствовал в Петербурге с 14 февраля 1812 по 31 июля 1814 г.

Государь... этим воспользовался, чтобы велеть его закрыть и расчитаться с актерами...— С начала войны французская труппа демонстративно бойкотировалась публикой. 18 ноября 1812 г. последовал рескрипт Александра I директору императорских театров: «По настоящим обстоятельствам находя французскую труппу ненужною, повелеваю всех актеров и актрис... из службы моей отпустить, удовлетворив их по настоящее число жалованьем» (Всеволодский - Герн-гросс В. Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1912, с. 174).

...черствые стихи Хвостова... в устах ее делались мягки и приятны.— Е. Семенова с триумфом исполняла роль Гермiony в трагедии Расина «Андромаха» в пер. Д. И. Хвостова (преьера — 16 сентября 1810 г.; карамзинисты склонны были подчеркивать резкий контраст между блестящей игрой актрисы и «дубовым» переводом: см. речь Д. Дашкова в ВОЛСНХ).

Стр. 68. Его Казак Стихотворец... первый выступил на сцену под настоящим именем водевиля.— «Казак-стихотворец» Шаховского (преьера в Эрмитажном театре 15 мая 1812 г.) пользовался большим успехом; эта пьеса впервые в России была названа «оперой-водевилем» и открыла путь на русскую сцену популярнейшему жанру.

Стр. 69. Эмалельный — любезный (от фр. aimable).

Весной того же года решился, наконец, Жуковский переехать в Петербург на житье.— Жуковский приехал в Петербург из Дерпта 3 (или 4) мая 1815 г.

...был принят у вдовствующей Императрицы...— Имеется в виду императрица Мария Федоровна, вдова Павла I, мать Александра I.

...я счел обязанностью в этот день видеть первое представление Расиновой Ифигении в Авлиде...— Преьера трагедии Ж. Расина «Ифигения в Авлиде» в пер. М. Е. Лобанова состоялась в петербургском Большом театре 6 мая 1815 г.; этим числом и следует датировать описанный Вигелем вечер у Тургенева.

Стр. 70. ...искала также блистательного союза.— Конец абзаца от

слов «Она старалась уловить» до «выбор был весьма недурен» опущен по цензурным соображениям во всех дореволюционных изданиях «Записок», а также в сокращенном изд. 1928 г., восходящем к печатным источникам. В следующем абзаце пропуск был сделан от слов «и уговорили» до слов «с собой и в себе». Купированный текст печатается по: *Гиллельсон*, с. 22—23, где он восстановлен по автографу (ГПБ).

Стр. 71. *...настоящего или мнимого отца своего.*— Слова «настоящего или мнимого» в печатных изданиях «Записок» опущены (см. выше).

Семнадцати лет не более попал он ко двору камер-юнкером пятого класса.— Уваров был пожалован камер-юнкером в 1804 г. До Указа 3 апреля 1809 г. придворный камер-юнкерский чин приравнялся к чину статского советника (5-й класс) в гражданской службе.

Стр. 72. *Вскоре... граф Алексей Кириллович назначен был министром народного просвещения.*— В 1810 г.

Он тотчас доставил ему... места попечителя Санктпетербургского учебного округа и президента Академии Наук.— Уваров был назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа в 1811 г. (оставался в этой должности до 1822 г.), президентом Академии наук — в 1818 г. и занимал этот пост до кончины.

Стр. 73. *...все изъявили согласие, кроме двух Оленистов.*— Имеются в виду Крылов и Гнедич, знавшие о памфлетном характере комедии Шаховского.

Стр. 76. *...в краткой речи, хорошо по-русски написанной.*— Эта речь Уварова не сохранилась.

Стр. 77. *Он принялся за труд.*— Подробнее о драматических опытах Жихарева см. примеч. к его речи при вступлении в «Арзамас».

Стр. 78. *Бог весть как прилепился он к моим знакомым... в 1814 году нашел я его уже водворенным между ними.*— Жихарев по Московскому университетскому пансиону был коротко знаком с Дашковым и — менее близко — с братьями Тургеневыми. С А. И. Тургеневым поддерживал отношения после переезда в Петербург в 1806 г. 9 декабря 1806 г. Жихарев познакомился с Вигелем и оставил в дневнике весьма доброжелательный отзыв о нем (*Жихарев*, с. 283—284). В 1812 г. Жихарев, уже как равноправный член кружка карамзинистов, избирается в *ВОЛСНХ*.

Стр. 82. *Каждому свое: в удел Голицына поступила церковь, Тюфякину достался театр.*— А. Н. Голицын в 1816 г. возглавил министерство народного просвещения и духовных дел. П. И. Тюфякин в 1812 г. занял пост вице-директора императорских театров; фактически именно он (а не престарелый директор А. Л. Нарышкин) руководил в 1810-х гг. всей театральной политикой.

Ему... государь пожаловал богатый бриллиантовый перстень... и четыре тысячи рублей ассигнациями пениона.— Это произошло

в декабре 1816 г.; подробнее см. протокол заседания «Арзамаса» 24 декабря 1816 г. и примеч. к нему.

В начале 1816 года Карамзин... приехал в сопровождении Вяземского и Василия Львовича Пушкина.— 2 февраля 1816 г.

Стр. 83. *...следующею осенью прибыл он со всем семейством своим...*— Карамзин прибыл в Петербург 21 мая 1816 г.

...отец его или дед, если не ошибаюсь, был последним архиатером...— Вигель ошибается: отец Полетики, Иван Андреевич, выдающийся медик, служил одно время старшим доктором Санкт-Петербургского генерального сухопутного госпиталя, но архиатером (главноуправляющим всеми медицинскими учреждениями; должность учреждена в 1763 г.) никогда не был.

Он воспитан был в Сухопутном Кадетском корпусе при графе Ангальте...— Полетика воспитывался в корпусе в 1782—1796 гг. Ф. Е. Ангальт, занимавший должность директора корпуса в 1786—1794 гг., пытался строить обучение на руссоистских принципах, воспитывать в кадетах прежде всего добродетельных людей и достойных граждан. Подробнее о воспитательной системе Ангальта см.: Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус (Из истории «сентиментального воспитания» в России).— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1982, вып. 604, с. 48—63).

Стр. 85. *...следующею весной назначен был он советником посольства в Лондон.*— 29 января 1816 г.

Стр. 86. *По одним преданиям и по стихам Дмитриева знаю только я Кроля.*— Кроль упомянут в сатире И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794) с авторским примечанием: «петербургский портной».

...отцу-Северину, бывшему при Павле Белорусским губернатором, выпросил он сенаторство...— П. И. Северин служил Белорусским гражданским губернатором с 1797 до конца 1800 г. Сенатором он был назначен лишь в 1822 г. (когда Дмитриев давно находился в отставке).

Два раза Северин был женат; последний раз, лет пятнадцать тому назад, на одной немке...— В 1818 г. Северин женился на одной из сестер А. С. Стурдзы — Елене Скарлатовне, которая умерла через пять месяцев после замужества. Вторично Северин женился в 1825 г. на баронессе С. Ф. Мольтке.

Стр. 87. *У него были и литературные права: благоволящий к нему Жуковский имел слабость чью-то басенку в восьми стихах напечатать под его именем в «Собрании Русских стихотворений».*— Заявление Вигеля носит тенденциозный характер. В молодости (1808—1811) Северин довольно активно печатался в *ВЕ*, помещая в нем переводы с французского, небольшие статьи, афоризмы. В том же журнале были опубликованы две басни Северина — «Мышь» (1808, № 22) и «Стрела» (1809, № 18). Жуковский из дружеских побуждений включил басню «Мышь» в подготовленное им «Собрание русских стихотворений» (1811, ч. 3, с. 141—142). Сомнения Вигеля в авторстве

Северина безосновательны: басня была сочинена Севериным «по заказу» еще в пору обучения в пансионе (Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893, т. II, с. 211).

Он был совоспитанник Вяземского...— Северин учился вместе с Вяземским в Московском иезуитском пансионе патера Чижа.

Стр. 88—89. *В протоколе... прописан был весь этот обряд, в предыдущем заседании якобы совершенный над Вяземским.*— Ср. свидетельство М. А. Дмитриева (с. 119 наст. тома) и примеч. к протоколу (с. 553).

Стр. 90. *...не увлечен был их падением...*— В 1812 г. Сперанский в результате интриг был отставлен от должности статс-секретаря и отправлен в ссылку в Нижний Новгород. М. Л. Магницкий, в молодости игравший роль «либерала», был доверенным лицом и сподвижником Сперанского; после его «падения» в 1812 г. был сослан в Вологду.

...что-то написал...— Кавелин был довольно известным литератором-дилетантом. Одну из его песен, как чрезвычайно характерную для эпохи, Толстой включил в роман «Война и мир» (т. I, ч. 1, гл. XVII).

...меньшая выдана за соседа, молодого помещика Воейкова...— Соседом Протасовых по Белевскому уезду Воейков не был: в Муратово он приехал по приглашению Жуковского (находившегося с Воейковым в коротких отношениях со времен Дружеского литературного общества) в конце 1813 г. Свадьба Воейкова и А. А. Протасовой состоялась 14 июля 1814 г.

Стр. 91. *Лучшее произведение его был перевод Делилевых «Садов».*— Над переводом описательной поэмы Ж. Делиля «Сады» Воейков работал с 1806 до конца 1815 г. Подробнее о нем см.: Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской культуре.— В кн.: Делиль Жак. Сады. Л., 1988.

...принятие звания профессора... в Дерптском университете.— Вигель явно идеализирует Воейкова: последний принял кафедру в Дерпте главным образом для поправления расстроенных финансов. Чрезвычайно едкую характеристику Воейкова-профессора см.: Греч, с. 639.

Стр. 95. *...изданное им в Париже сочинение...*— «Россия и русские».

Из стаи той высокой...— Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «На кончину графа Федора Григорьевича Орлова» (1796).

Стр. 96. *...ныне графа...*— Михаил и Алексей были побочными сыновьями графа Ф. Г. Орлова и не унаследовали графского титула. А. Ф. Орлов был возведен в графское достоинство 25 декабря 1825 г. за исключительные услуги, оказанные государю в день восстания декабристов.

Стр. 99. *В один прекрасный весенний вечер собрались мы на даче у г. Уварова...*— Речь идет о заседании «Арзамаса», состоявшемся

в июне 1817 г. Весь ход заседания изложен Вигелем тенденциозно (подробнее см. протокол и примеч. к нему).

В. А. Жуковский — Ф. Ф. Вигелю. 1829—1830 е гг. (стр. 101).— Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 14. М., 1952, с. 128—133. При письме — рисунок Жуковского, изображающий журавля.

П. А. Вяземский. Из примечаний к «Выдержкам из старых бумаг Остафьевского архива» (стр. 103).— *РА*, 1866, № 2, с. 219—220.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Петр Андреевич Вяземский не оставил воспоминаний об «Арзамасе», хотя именно в его архиве оказался сосредоточен основной корпус арзамасских документов: протоколы, письма, художественные произведения (часть этих материалов Вяземский успел обнародовать). «Арзамасу» Вяземский посвятил лишь несколько разрозненных мемуарных реплик: это либо ответы на вопросы историков, либо замечания на публикации исторических материалов, либо комментарии к собственным публикациям арзамасских бумаг. В дополнение к помещенным в основном корпусе текстам приведем здесь образчик комментариев такого рода — к письмам Д. В. Дашкова, включенным Вяземским в цикл публикаций под общим названием: «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива»: «В Беседе любителей Российского Слова, учрежденной Шишковым, были члены и второстепенные сотрудники, род служек и послушников в этом литературном монастыре. Жихарев перевел трагедию Крепильона «Атрей» и в первой молодости своей, как видно из «Записок» его, много писал для театра.

Плещеев, родственник Карамзина, и позднее приятель Жуковского, который жил у него в орловской деревне, мастер был импровизировать всякую чепуху и представлять в лицах смешных провинциалов, старых женщин и т. п. К тому же он был хороший музыкант, переложил на музыку многие романсы Жуковского, был отличный актер и превосходный чтец, особенно драматических творений. Благодаря этому искусству, был он представлен Жуковским государыне Марии Федоровне, жил летом в Павловске и по вечерам читал пред императрицею и близким ее обществом Мольера и новейшие произведения русского и французского театров.

Батюшкова, между собою, прозывали мы и попенькою, потому что в лице его, а особенно в носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейков в «Доме сумасшедших» посадил его в клетку. Особенно Жуковский был охотник и мастер на подобные прозвища. Дашков имел лицо дово-

льно правильное, но строгое: вообще, за исключением сношений своих с малым числом ему близких людей и участия его в арзамасских шалостях, он всегда был облечен в какую-то малодоступную и сановитую холодность. Ничего женственного найти в нем было невозможно. А Жуковский прозвал его Дашенькою. Гнедича назвал он Гнедко, и он или Блудов, в точности не помню, применил к нему, переводчику «Илиады», стих из «Овсяного Киселя»:

Вот и гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым» (*РА*, 1866, № 3, с. 489—491).

Из «Старой записной книжки» (стр. 104).— *Вяземский. ПСС*, т. 10, с. 245—246 (Книжка 28 (1863—1864); т. 8 с. 415—416).

Судя по всему, первый мемуарный фрагмент — ответ на вопросы историка Е. П. Ковалевского, работавшего в первой половине 60-х гг. над монографией «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866). Во «Введении» к книге Ковалевский выразил Вяземскому особую благодарность (с. 5); раздел, посвященный литературным отношениям молодого Блудова (с. 105—115), содержит ряд текстуальных совпадений с заметкой в «Старой записной книжке». В газетном обращении к читателям с просьбой помочь материалами и воспоминаниями для готовящейся книги Ковалевский, в частности, заявлял: «Нужно ли говорить, как важны были для меня сведения, доставленные князем Петром Андреевичем Вяземским, относительно литературных сношений графа Блудова с кружком Карамзина, Жуковского и др., и об обществе Арзамас, и как искренне я благодарен ему и другим, обязательно доставившим мне некоторые сведения о покойном!» (Русский инвалид, 1864, 9 апреля, № 80.) На основании газетного обращения Ковалевского запись Вяземского можно датировать концом февраля (дата смерти Блудова — 19 февраля) — началом апреля 1864 г.

По поводу бумаг В. А. Жуковского (стр. 107).— *Вяземский. ПСС*, т. 7, с. 411—412.

Статья, заключенная в форму двух писем к П. И. Бартеневу, представляет собою мемуарный отклик на публикацию в *РА* (1875, № 11) бумаг В. А. Жуковского. В наст. изд. печатается фрагмент первого письма.

М. А. ДМИТРИЕВ

Мелочи из запаса моей памяти (стр. 108).— Михаил Александрович Дмитриев, племянник И. И. Дмитриева, до середины 1810-х гг. проживал в московском доме своего дяди; регулярно бывал

там и после. Таким образом, он имел возможность черпать сведения об «Арзамасе» и из рассказов дяди, бывшего в курсе арзамасских дел, и непосредственно из уст арзамасцев (главным образом «московских»), часто навещавших патриарха карамзинизма. О живейшем интересе молодого Дмитриева к «Арзамасу» свидетельствует факт основания им в 1816 г. из числа друзей-студентов «Общества громкого смеха», во многом подражающего Арзамасскому обществу. Свои юношеские впечатления мемуарист впоследствии имел возможность пополнить фактами, извлеченными из богатого архива И. И. Дмитриева (перешедшего к племяннику по наследству) и из бесед с А. И. Тургеневым (с которым Дмитриев сблизился в конце 1830—1840-х гг.).

Москвитянин, 1853, № 23; 1854, № 1, 2, 6, 12, 16. (Отд. оттиск — М., 1854.) Печатается по: Д м и т р и е в М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-м тиснением, со значительными дополнениями по рукописи автора. М., 1869.

Стр. 108. *Потомства не страшись: его ты не увидишь!* — Из послания Хвостова «К г. Расялову».

Выкрадывать стихи — не важное искусство!.. — Из басни Хвостова «Грабитель». Эти стихи считал чрезвычайно удачными и сам автор (см.: РС, 1892, № 7, с. 79—80); ими заканчивалось «Предупомление к читателю» в «Избранных притчах...» Хвостова 1802 г.

...в своей книге: *Рассуждение о Старом и Новом слоге (1802)*. — Неточность Дмитриева: книга Шишкова вышла в 1803 г.

Стр. 109. *...вот одна его фраза...* — Шишков, с. 92 (у Шишкова: «частицу оного»).

А вот пример его худого знания русского языка... — Шишков, с. 96 (у Шишкова: «нынешние французско-русские писатели»).

Пример... напечатан был в «Москвитянине» А. С. Стурдзою. — См. с. 47. наст. тома.

Стр. 110. *...находит ли он эллинизм... это у него опять свойство и красота славянского языка.* — Ср. утверждение Шишкова: «Красоты, рождающиеся от удобства в переставливании слов, языку нашему столь же свойственны, как греческому и латинскому» (Перевод двух статей из Лагарпа, с примеч. переводчика. СПб., 1808, с. 25; на с. 25—32 — ряд примеров подобных «красот», в основном — калек с греческого языка).

На это же указывал и Дашков в своей маленькой, но драгоценной книжке... — В брошюре «О легчайшем способе возражать на критики» (1811).

См. «Цветник»... — Дмитриев отсылает читателя к рецензии Д. В. Дашкова на «Перевод двух статей из Лагарпа» (см. т. 2 наст. изд.).

Вот подлинные слова Шишкова... — Сокращенная цитата из «Перевода двух статей из Лагарпа» (СПб., 1808, с. 67—68). У Шишкова

после слов «удивительным образом заразило» следует: «Я слышал от некоторых, что они о словах рассуждают, как о напитках или яствах. Один говорит: я не люблю *ибо*; другой: я никогда не напишу: *купно*; третий: я не могу терпеть *изящно*, для того, что тут *из* крепко выговаривается, четвертый, не читав ничего...» (далее — как у Дмитриева).

Стр. 111. ...говорит он о разделении славянского и русского языка, между прочим, следующее... — Шишков, с. 93—94.

...в своих Разговорах о словесности (1811) он силился обратить внимание словесников к простонародным русским песням... — Разбору красот русской народной поэзии посвящена 1-я ч. «Разговоров о словесности». Эта опередившая свое время, по существу предромантическая, апология фольклора вызвала весьма ироническую реакцию в лагере карамзинистов (см., например, статью Д. В. Дашкова «Нечто о журналах» в т. 2 наст. изд.).

Стр. 112. ...он беспрестанно употребляет вот какую уловку. — Этот прием действительно широко использован Шишковым в «Рассуждении о старом и новом слоге», в частности в разделе «Слова и речи, выписанные из нынешних сочинений и переводов, с примечаниями на оные». Здесь, среди далеких от совершенства образчиков «нового слога» (все примеры даны без имен авторов), приведены и хрестоматийно известные фразы Карамзина: «Когда путешествие сделалось потребностью души моей» (с. 176) — из «Писем русского путешественника»; «Доколе буду жить, богини милые, клянуся вас любить...» (с. 180) — из стихотворения «Приношение Грациям» (с неточностями; у Карамзина: «...клянуся вас любить, Богини милые, доколе буду жить») и др.

Стр. 113. Первый восстал на книгу Шишкова... Петр Иванович Макаров... — Имеется в виду написанная Макаровым «Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка...» (Московский Меркурий, 1803, № 12, с. 155—198). О статье Макарова и ее роли в полемике о старом и новом слоге см.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в. М.—Л., 1959, с. 80, 109—110.

...я не могу, однако, умолчать о направлении его журнала. — Макаров вступил на литературно-издательское поприще под эпатажирующей маской «литератора-щеголя». В своем журнале он неустанно пропагандировал моды и «модное поведение», расценивая их как знак европеизма и прогресса нравов. Иные из выступлений Макарова должны были производить шокирующее впечатление на пуристически настроенную аудиторию (см., например, следующую рекомендацию «модным» читателям макаровского журнала: «Ни один мужчина уже не говорит о красоте рук или груди: кто хочет сказать молодой даме учтивость, тот хвалит сложение и формы нижних ее частей». — Московский Меркурий, 1803, № 7, с. 64). Ряд других примеров

и выразительную характеристику культурной позиции Макарова см. в работе: *Лотман, Успенский*, с. 189—191.

...довольно видеть его апофеозу Ниноны Ланкло! — Посвященное известной французской куртизанке XVII в. «Историческое известие о Нивоне Ланкло» (Московский Меркурий, 1803, № 6, с. 160—180) представляло собой подлинную апологию чувственной страсти («сладо-страстия») как формы утверждения личности, не имеющей «в защиту себя ни знатности рода, ни богатства» (с. 179).

Стр. 114. *...до благодетельного указа 1809 года, заставившего нас учиться...* — Имеется в виду принятый по инициативе М. М. Сперанского 6 августа 1809 г. указ «О правилах производства в чины по гражданской службе...», предусматривавший, в частности, определенный образовательный ценз для получения чина коллежского асессора (дающего права потомственного дворянства).

Оно названо было Арзамасским вот по какому случаю. — О происхождении названия «Арзамас» см. воспоминания Вигеля, Вяземского и «Видение в какой-то ограде» Блудова. Высказанное в литературе (В. С. Краснокутским) предположение, что в названии «зашифровано» имя Карамзина, имени которого находилось «неподалеку от города Арзамаса» (Филологические науки, 1974, № 4, с. 102), не опирается на сколько-нибудь убедительные доводы. Не исключено, что позднее название «Арзамас» ассоциировалось и с арзамасской школой живописи (ср. в письме Батюшкова от конца марта 1816 г. упоминание о «Рафаэле-Карамзине в Суздали», а также изображение в протоколе июньского заседания «Арзамаса» 1817 г. Карамзина как «важного маляра Демиды-арзамасца»).

Стр. 115. *...С. П. Ж. ... Д. Н. Б. ... Д. П. С. ...* — С. П. Жихарев, Д. Н. Блудов, Д. П. Северин, которые были живы в пору создания и публикации «Мелочей...».

Он... начал свое литературное поприще еще в старинном журнале «Собеседник», потом печатал в «Аонидах» Карамзина еще без графского титула. — В журнале «Собеседник любителей Российского слова» (1783, ч. IV—VI) были опубликованы басни Хвостова «Мыши и орехи», «Павлин», «Солнце и молния»; в 3-й кн. альманаха «Аониды» (М., 1799) за подписью «Дм. Хвостов» появилась «Ода Ломоносову», за подписью «Дм. Хв.» — ряд эпиграмм, надписей и других «безделок». По просьбе Суворова, на племяннице которого А. И. Горчаковой Хвостов был женат, он получил в 1799 г. от короля Карла-Эммануила IV звание графа королевства Сардинского; в 1802 г. ему было разрешено пользоваться этим званием и в России.

...составил себе имя тем, что в его сочинениях сама природа является иногда навыворот. — Дмитриев излагает содержание басен Хвостова преимущественно в тех редакциях, которые вошли в 1-е изд. его «Избранных притч» (СПб., 1802 (у Дмитриева ошибочно — 1801 г.); ср. также арзамасскую речь Жуковского и примеч. к ней на с. 547

наст. тома.) ...в притче «Два прохожие»... — Дмитриев ошибается: речь идет о басне «Туча, Гора и Куча». ...осел лезет на рябину... — В басне «Осел и рябина». ...голубь — разгрыз зубами узелки... — В басне «Два Голубя». ...рыбак... застрелил лисицу... — В басне «Кривая Лисица». ...вор — ружье наметил из-за гор. — В басне «Буря и Вор». Источники двух примеров («сума надувается от вздохов» и «уж — становится на колени») обнаружить не удалось.

Стр. 116. ...гр. Хв., П. И. Г. Г. и С. согласились издавать журнал... Таким образом составился, в 1803 году, «Друг просвещения»... — «Друг просвещения», журнал московских архаистов, выходил в 1804—1806 гг.; его издателями были гр. Д. И. Хвостов, П. И. Голенищев-Кутузов, Г. С. Салтыков. О литературной позиции журнала и его роли в полемике начала XIX в. см. статьи М. Г. Альтшуллера (XVIII век. Сб. 10. Л., 1975, с. 98—106) и В. Э. Вацура (XVIII век. Сб. 16. Л., 1989, с. 139—179).

...в нем поместил Евгений начало своего «Словаря светских писателей»... — В «Друге просвещения» (1805, № 1—12, 1806, № 1—12) публиковался «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» митрополита Евгения. Материалы, публиковавшиеся в «Друге просвещения», вошли впоследствии не только в «Словарь русских светских писателей...», изданный уже после смерти Евгения (М., 1838; М., 1845, ч. 1—2), но и в «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина...» (СПб., 1818; 2-изд. 1827).

Однажды в Петербурге гр. Хвостов долго мучил его чтением. — Анекдот, очевидно, сообщен мемуаристу самим Кокошкиным, с которыми Дмитриев был в коротких отношениях в 1820—1830-х гг.

Стр. 117. Летом 1822 года несколько петербургских литераторов, в том числе и Крылов, нанимали на общий счет дачу... — Достоверность этого рассказа подтверждается письмом А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву от 8 октября 1822 г. (см.: РА, 1871, № 7-8, с. 974). Скорее всего это письмо послужило непосредственным источником для мемуариста. К письмам Измайлова, очевидно, восходят и другие рассказы о Хвостове, приведенные ниже.

...является к ним гр. Хвостов с стихами «Певцу-соловью». — В. Ф. Кеневич установил, что речь идет о стихотворении Хвостова «Новоселье в Кириановке», читанном на даче в Кириановке 7 июня 1822 г. Как явствует из примечания Хвостова к стихотворению, дача нанималась членами Английского клуба. См.: Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Изд. 2-е. СПб., 1878, с. 84—85.

Гр. Хвостов... немедленно взял вперед 100 руб. из своего жалованья и отдал их Измайлову для отсылки к Маздорфу (1819). — Источник — письмо А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву от 20 марта 1819 г. (РА, 1871, № 7-8, с. 965).

1 апр. 1822 прислали к нему печатное траурное приглашение на похороны Измайлова... — Источник анекдота — письмо А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву от 6 апреля 1822 г. (РА, 1871, № 7-8, с. 970; в «Приложениях» к письмам Измайлова — «обиженное письмо» Хвостова, с. 1009—1010). Вопреки М. Дмитриеву, Измайлов сообщает, что Хвостов приезжал к нему домой прощаться с «усопшим».

...Измайлов написал на него несколько сатирических басен... — «Лебедь, Гусь, Утка и Журавль» (1811), «Стихотворец и Черт» (1811), «Смерть и Стихотворец» (1819).

Известно четверостишие Буало на поэму Шапелена, написанное его жестким слогом. — «Vers dans le style de Chapelain».

Стр. 117—118. Некоторые тогдашние литераторы... в подражание этому сочинили надпись к портрету русского стихотворца, которая была напечатана в «Вестнике Европы». — Текст этой эпиграммы в ВЕ обнаружить не удалось. Наиболее ранняя из известных публикаций — в кн.: К о ш а н с к и й Н. Ф. Общая реторика. СПб., 1829, в редакции, несколько отличной от приведенной Дмитриевым, и с указанием: «Сия надпись составлена четырьмя из лучших наших поэтов» (с. 119). Основываясь на этом указании, Д. П. Якубович предположил, что авторами эпиграммы следует считать А. С. Пушкина, Вяземского, Жуковского и Батюшкова (Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.—Л., 1941, с. 423). Однако атрибуция Дмитриева, восходящая, бесспорно, к арзамасскому кругу, представляется более достоверной. Думается, более авторитетна и воспроизведенная им редакция эпиграммы (совпадающая, между прочим, с текстом, опубликованным Вяземским. — РА, 1866, № 3).

Стр. 118. В одной из первых своих комедий, «Новый Стерн»... он метил в ней на князя Шаликова, но стороною хотел выставить направление, будто бы данное Карамзиным. — Pamфлетная комедия Шаховского «Новый Стерн» (1805) была направлена против литературного и бытового сентиментализма; в частности, в ней пародировались «Путешествие в полуденную Россию» Вл. Измайлова и ряд сочинений П. Шаликова (см. разыскания А. А. Гозенпуда в кн.: Шаховской, с. 12—16). В то же время комедия зачастую истолковывалась как сатира на карамзинизм в целом, а то и как пасквиль на Карамзина (см. «Записку об Арзамасском обществе» Ф. Булгарина в наст. томе).

Потом в комедии «Липецкие воды» метил на Жуковского... — См. подробно в примеч. к подразделу «Липецкий потоп» в наст. томе.

Три замечательнейшие из них были напечатаны в 12-й книжке «Российского Музеума» (1815)... — Имеются в виду три эпиграммы Вяземского из цикла «Поэтический венок Шутовского».

Вот как принимали в члены Арзамасского общества Василья Львовича Пушкина. — См. протокол девятого ординарного заседания «Арзамаса» (с. 331 наст. тома).

...должен был выслушать чтение целой французской трагедии ка-

кого-то француза... — Гавиньи; Дмитриев не совсем точно излагает обстоятельства чтения им своей трагедии.

Стр. 119. *Разумеется, так принимали только одного добродушного Василья Львовича, который поверил, что все подвергаются таким же испытаниям.* — Ср. аналогичное утверждение осведомленного Вигеля (с. 87—88 наст. тома).

Случилось, что Василий Львович, едуци из Москвы, написал эпиграмму на станционного смотрителя и мадригал его жене. — Дмитриев не вполне точно излагает события, связанные с так называемыми «яжелблицкими стихами» В. Л. Пушкина; в частности, эти стихотворения написаны им не по дороге из Москвы, а на обратном пути из Петербурга в Москву (подробнее см. с. 562 наст. тома).

Стр. 120. *...т. е. Вот я вас, Вергилиево quos ego!* — Вергилий, «Энеида», I, 135 (угроза, с которой бог морей Нептун обращается к разбушевавшимся ветрам).

...сатира «Вечер»... — «Аонида», кн. 3. М., 1799.

...«Мой брат двоюродный Буянов»... — «Евгений Онегин», гл. 5, XXVI.

Я упомянул уже об одних его bouts-rimés, читанных у Хераскова. — Имеется в виду следующий анекдот: «Однажды Василий Львович Пушкин, бывший тогда еще молодым автором, привез вечером к Хераскову новые свои стихи. — «Какие?» — спросил Херасков. — «Рассуждение о жизни, смерти и любви», — отвечал автор. Херасков приготовился слушать со всем вниманием и с большою важностью. Вдруг начинает Пушкин:

Чем я начну теперь! — Я вижу, что баран
Нейдет тут ни к чему, где рифма барабан!
Вы лучше дайте мне зальцвассеру стакан
Для подкрепленья сил! Вранье не алкоран — и проч.

Херасков чрезвычайно насутился и не мог понять, что это такое! — Это были bouts-rimés, стихи на заданные рифмы, которые можно найти в «Собрании русских стихотворений», изданных в 1811 году Жуковским. Важный хозяин дома и важный поэт был не совсем доволен этим сюрпризом; а Пушкин очень оробел. Дядя мой сказывал, что это было очень смешно» (*Мелочи*, с. 30—31.) Рассказанный эпизод мог произойти не позже апреля 1803 г., до отъезда В. Л. Пушкина за границу. Приведенные «Стихи на заданные рифмы» были опубликованы в «Друге просвещения» (1804, № 5), когда автор уже находился в заграничном путешествии.

Стр. 121. *Он путешествовал по Европе...* — В 1803—1804 гг.

За несколько дней до его отъезда в чужие края дядя мой... описал шутливыми стихами его путешествие... — Речь идет об изданной анонимно шутливой поэме И. И. Дмитриева «Путешествие в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия». В трех частях. М.,

1808. До последнего времени считалось, что «Путешествие...» действительно было написано накануне отъезда Пушкина, т. е. в апреле 1803 г., и что особый эффект шутки Дмитриева заключался в априорном угадывании заграничных впечатлений путешествующего стихотворца. Однако, как убедительно показал В. П. Степанов, поэма скорее всего создавалась уже по возвращении Пушкина из путешествия, в конце 1804 — начале 1805 г.; указание же на то, что она писана «за три дни до путешествия», имело мистифицирующий характер. См.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983, т. XI, с. 253—260.

Стр. 122. ...в подражание своему племяннику начал писать тоже поэму «Капитан Храбров». — Поэма «Капитан Храбров», пародийно-иронический отклик на русские байронические поэмы, а также на «Графа Нулина» и «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, была начата в 1828 г. Согласно авторскому замыслу, «Капитан Храбров» должен был состоять из 6 глав; В. Л. Пушкин успел закончить 4 главы. О связи поэмы с «Евгением Онегиным» подробнее см. примеч. Е. Н. Дрыжаковой в кн.: *Поэты 1790—1810*, с. 869.

Стр. 123. ...все, знавшие Батюшкова короче, нежели я, утверждают, что эти сладострастные и роскошные картины... были только в воображении поэта, а не в жизни. — Ср. с суждением Вяземского в письме А. И. Тургеневу из Варшавы от 26—27 декабря 1819 г.: «О характере певца судить не можно по словам, которые он поет... Неужели Батюшков на деле то, что в стихах? Сладострастие совсем не в нем...» (ОА, т. 1, с. 382).

Вероятно, издателю попалась неверно переписанная рукопись. — Купюры в первой публикации «Видения на берегах Леты» имели цензурный характер.

Стр. 124. *Поставлен с Тредьяковским к ряду.* — Этот стих, имеющийся в некоторых списках «Видения...», принадлежит Б. М. Федорову, плодовитому поэту 1810—1820-х гг. В одном из поздних (по-видимому, 1860-х гг.) писем к К. С. Сербиновичу, сообщая о своих стихах, впоследствии приписанных Пушкину, он добавляет: «Заметка моя на рукописи стихов Батюшкова «Видение на берегах Леты» («Поставлен с Тредьяковским к ряду!») новыми нашими знатоками словесности внесена в собственные стихи Батюшкова!» (ЦГИА, ф. 1661, оп. 1, № 1599, л. 186 об. — 187).

...вместо Платова... он изобразил одного из старых поэтов, о котором я упоминал уже неоднократно. — Имеется в виду Д. И. Хвостов. Соответствующие стихи в «Певце в Беседе...» принадлежат не Батюшкову, а А. Е. Измайлову.

Стр. 126. *Вот одна черта его веселой иронии.* — О «хвостовской речи» Дашкова и об обстоятельствах его исключения из ВОЛСНХ подробнее см. в наст. томе.

Теперь, в конце книжки, прилагаю ее вполне. — Во 2-е изд. *Мелочей* речь Дашкова не вошла.

Стр. 127. *Гр. Хвостов поступил, однако, с своей стороны, хорошо...*— Ср. с дневниковой записью Хвостова (с. 187 наст. тома).

...это справедливо напомнил мне один мой критик...— Н. С. Тихонов в рецензии на 1-е изд. *Мелочей* (Отечественные записки, 1855, № 1, отд. III, с. 22).

...относятся тоже к поэме кн. Шихматова...— Подразумевается «лирическая поэма» С. А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807).

Д. Н. БЛУДОВ

Рассказ об Арзамасском обществе, записанный Я. К. Гротом (стр. 128).— Печатается впервые по автографу Грота — *ИРЛИ*, 16.412, л. 10—11.

Один из основателей и активнейших участников «Арзамаса», Д. Н. Блудов не оставил печатных мемуаров об обществе, но охотно делился своими воспоминаниями в беседах с младшими современниками. Его словоохотливость и превосходная память сослужили немалую службу первым историкам литературы, обратившимся к изучению словесности начала XIX в. Запись рассказа Блудова, сделанная в 1859 г., очевидно связана с началом работы Я. К. Грота над подготовкой «Сочинений» Державина. В сохранившейся рукописи Грота за воспоминаниями об «Арзамасе» следуют еще две заметки, восходящие к рассказам Блудова; под № 2 — «О Беседе», под № 3 — «О Державине».

Блудов запомнил ряд характерных эпизодов и деталей истории «Арзамаса» (вплоть до формулировок из арзамасских протоколов), однако кое-что изложил тенденциозно. Намерения придать обществу «более серьезное направление», равно как и замысел Арзамасского журнала, представлены им как инициатива умеренной части общества, желающей противостоять «якобинским замыслам» М. Орлова. В действительности все было иначе: подобные инициативы исходили как раз из круга Орлова — Тургенева (о последнем Блудов по понятным причинам вообще умолчал). Есть в его воспоминаниях и мелкие неточности: и выступления Орлова, и прием в общество А. Пушкина относятся не к 1818, а к 1817 г.

Сведения, полученные от Блудова, сравнительно скоро были обнародованы Гротом. Ср. его в его Отчете Императорской Академии наук по Отделению языка и словесности за 1864 г.: «Особенного внимания заслуживает, что имя Блудова тесно связано с происхождением известного Арзамасского общества, ополчившегося легкой и остроумной шуткой против Беседы, собиравшейся в доме Державина. Поводом к новому литературному союзу было нападение, сделанное князем Шаховским на Жуковского в комедии «Липецкие воды». Друзья

поэта сговорились отомстить за него. Это было в 1815 году; Блудов написал шуточно-важное «Видение в некоторой оgrade», разумея под словом «ограда» Державинскую Беседу. Потом, чтобы дать этой сатире приличную рамку, он написал письмо от «Арзамасского» литератора, который будто бы слышал, как Шаховской декламировал «Видение», лежа в постели в арзамасской гостинице: имя Арзамаса было выбрано гр. Блудовым потому, что близ этого города находилось его имение, куда он незадолго перед тем ездил. Вновь образовавшееся общество стало собираться то у Д. Н. Блудова, то у С. С. Уварова; но оно, собственно говоря, существовало только года три; одним из последних выбранных в него членов был Пушкин, принятый в 1818 году» (*СПб. вест.*, 1865, 5 января, № 4).

А. Д. Блудова. Из «Воспоминаний и записок» (стр. 129).— Страницы воспоминаний Анны Дмитриевны Блудовой, посвященные «Арзамасу», не богаты новыми фактами (в «арзамасскую» пору она была ребенком), но замечательны портретными зарисовками арзамасцев (впитавшими, очевидно, и более поздние впечатления от общения с друзьями отца). В этом отношении они как бы дополняют сугубо фактографический рассказ Д. Н. Блудова.

Заря, 1871, № 3, с. 27—28.

Стр. 129. ...за измену... Каподистрии и обратное движение к... Нессельроду.— Почетный арзамасец И. А. Каподистрия в 1816 г. был назначен статс-секретарем по иностранным делам; управляющим министерством иностранных дел в том же году стал К. В. Нессельроде. Борьба между ними за определяющую роль во внешней политике России закончилась победой Нессельроде: в 1822 г. Каподистрия вынужден был выйти в отставку.

...узнала только по его запискам...— В своих «Записках» Вигель признавался, что крикливая и капризная дочь Блудова вызывала у него раздражение.

Стр. 130. А вот и <А. С.> Пушкин...— Пушкин бывал в доме Блудова в 1817 г., до отъезда хозяина в Англию (1818). С этого времени до 1826 г. (возвращение Пушкина из ссылки) они не могли встречаться.

Образ Батюшкова...— Воспоминание о Батюшкове может относиться к 1817 (приезд Батюшкова в Петербург) — началу 1818 г. (до отъезда Блудова). Однако разговоры о «безумии» поэта едва ли были возможны до начала 1820-х гг.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

Россия и Русские (стр. 131).— Николай Иванович Тургенев всячески стремился придать деятельности «Арзамаса» более «серьезное» направление. Находясь с 1824 г. за границей, он был за-

очно осужден по делу декабристов, причислен к I разряду и приговорен к смертной казни (замененной по конфирмации ссылкой в каторжную работу навечно). Отказавшись вернуться в Россию, Тургенев начал энергично бороться за отмену приговора: конституционалист и апологет «законности», он вовсе не считал себя «заговорщиком». Убедившись в тщетности своих усилий, Тургенев пишет книгу «Россия и русские», адресованную в первую очередь европейскому читателю. В ней, с одной стороны, содержалась резкая критика русских порядков, а с другой — давалось истолкование собственной деятельности как не имеющей ничего общего с «заговором». Общим задачам книги подчинен и рассказ об «Арзамасе».

La Russie et les russes, т. 1, Paris, 1847, р. 170—173. Для наст. изд. перевод отрывка выполнен В. А. Мильчиной.

Стр. 131. *...каков составитель донесения следственной комиссии...* — Д. Н. Блудов; Тургенев считал его одним из главных виновников своего осуждения.

Стр. 132. *...по долготу своему пребыванию вне России...* — С 1810 по 1816 гг. Тургенев жил преимущественно за границей.

...он выступил с серьезной речью... — Речь Орлова, хотя и исполненная серьезных мыслей, была вполне «арзамасской» по форме (см. в наст. томе).

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Записка о Н. И. Тургеневе (стр. 132). — После осуждения Н. И. Тургенева Жуковский энергично хлопотал перед властями о пересмотре приговора: он препровождал к императору оправдательные записки эмигранта, дополняя их собственными замечаниями, в которых стремился доказать невинность и чистоту помыслов друга. Публикуемая в извлечениях записка была послана царю при письме Тургенева от 29 октября 1827 г.

В отрывках — Тургенев Н. Ответы. I. На IX главу книги «Граф Блудов и его время» Ег. Ковалевского; II. На статью «Русского инвалида» о сей книге. Paris, 1867, с. 17—23; полностью — РА, 1895, № 9 (раздел об «Арзамасе» — с. 24—25).

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу. 16/28 ноября 1827 г. (стр. 133). — Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872, с. 285.

В. А. Жуковский — И. фон Мюллеру. 12 мая 1846 г. (стр. 134). — Новый сборник по славяноведению. СПб., 1905; печатается по: Гиллельсон, с. 69 (подлинник по-французски).

Из «Записок о моей жизни» (стр. 135).— В начале 1810-х гг. Николай Иванович Греч активно участвует в деятельности *ВОЛСНХ*, где и сближается с рядом будущих арзамасцев. Вплоть до 1812 г. Греч выступал как союзник «дашковской группировки» в ее борьбе с Шишковым и беседчиками: деятельно сотрудничал в «Санкт-Петербургском вестнике», поместив там ряд резких рецензий на сочинения литературных противников и даже ядовитую эпиграмму на Шишкова. После изгнания Дашкова из Общества (на заседании, решившем участь Дашкова и повлекшим за собою уход всех будущих арзамасцев, Греч председательствовал) отношения между Гречем и карамзинистами сделались значительно более прохладными. Впрочем, издеваясь над трусостью Греча и над склонностью его к компромиссам, арзамасцы охотно печатались в издаваемом им *СО*.

Греч всегда относился к арзамасцам со смешанным чувством жгучей зависти и «демократического» презрения. Представитель полу-академической-получиновной среды, вынужденный полагаться только на собственную энергию и трудолюбие для достижения жизненного благополучия, он с раздражением воспринимает «удачливость» арзамасцев, их спаянность прочными семейно-кружковыми связями, их взаимную поддержку. Уязвляла Греча и недоступность для него арзамасского «ареопага»: он, блестящий полемист и присяжный остроумец, не мог даже мечтать попасть в круг «избранных» арзамасцев. Всеми этими чувствами продиктованы едкие характеристики А. Тургенева, Блудова, Воейкова и др. в созданных на склоне лет записках. Едкостью и недоброжелательством отличается и обобщенная характеристика «Арзамаса» — интересная именно как свидетельство отношения к кружку со стороны враждебно настроенных литераторов.

Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 2. Лондон, 1862; в России — Русский вестник, 1868, № 6. Печатается по: *Греч*, с. 493—495 (раздел «Воспоминания старика»).

Стр. 135. ...вора Жихарева...— Имеется в виду неблагоприятное поведение Жихарева, которому в 20-х гг. А. Тургенев доверил управление своей недвижимостью и финансами. О результатах этого управления Греч со злорадством писал: «Замечательно, каким образом Тургеневы пострадали от закадычных друзей своих. Во-первых, засудил Николая Блудов; во-вторых, разорил их Жихарев, которому они поручили дома свои. Он заложил их имения, а деньги взял себе» (*Греч*, с. 501). Об этом же сообщал А. Я. Булгаков в письме брату К. Я. Булгакову 4 сентября 1831 г.: «(Александр) Тургенев (вернувшись в Россию) думал найти золотые горы; вместо того все его достояние заложено, из всей суммы и копившихся

лет шесть доходов Ж<ихарев> купил имение на имя жены своей. До самой последней минуты обманут был Тургенев самым наглым образом» (РА, 1902, № 1, с. 84—85).

...воришку Боголюбова... — В. Ф. Боголюбов был близок со многими арзамасцами по давней совместной службе в министерстве иностранных дел, «находился в дружеских связях с Тургеневым, Блудовым и другими светскими людьми» (Греч, с. 568); с 1830-х гг. «был известен как креатура Уварова» и считался «уваровским шпионом-переносчиком» (РС, 1881, № 8, с. 606, 612). Боголюбов «имел репутацию класть в свой карман дорогие вещи, попадавшие ему под руку в домах, которые он посещал» (Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1912, т. I, с. 116). Греч посвятил Боголюбову особый мемуарный очерк (Греч, с. 566—577).

...мужеложника Вигеля... — Вигель был известен своими гомосексуальными наклонностями.

...величайшего в мире подлеца Воейкова. — Греча и Воейкова связывали сложные литературно-бытовые отношения. В 1820— начале 1822 г. Воейков (по протекции Жуковского) был соиздателем Греча по СО. Между издателями часто возникали серьезные трения (по свидетельству Греча, Воейков стремился вытеснить его и завладеть журналом единолично). К середине 1820-х гг. Греч и Воейков превратились в смертельных врагов. Воейков посвятил Гречу один из самых резких куплетов в своем «Доме сумасшедших». Греч запечатлел своего противника в памфлетном мемуарном очерке (Греч, с. 632—664).

Собенка (собинка) — милая, дорогая сердцу собственность.

Вышла побранка, едва не кончившаяся дуэлью. — В 1814—1815 гг. близкий друг Греча П. А. Никольский издавал «Пантеон русской поэзии» — многотомную поэтическую антологию. Желая украсить издание еще не публиковавшимися произведениями лучших русских поэтов, он обратился к Жуковскому (через Кавелина) с просьбой прислать новые стихи для «Пантеона». Однако Жуковский в это время приступил к подготовке собрания своих стихотворений, в связи с чем 21 июня 1814 г. уведомлял А. Тургенева: «Кавелин писал ко мне о Никольском, который торгует мои стихи для своего издания. Извини меня перед ним и поблагодари за честь. На его желание согласиться не могу, потому что сам хочу скоро выдавать все свое вместе; тот же ответ и от Воейкова» (ПЖТ, с. 121—122). Тогда Никольский ограничился перепечаткой ряда старых стихотворений Жуковского, с чем поэт вынужден был смириться, ибо в 1810 г. сам создал прецедент, напечатав в «Собрании русских стихотворений» множество стихов Державина и вызвав гнев маститого поэта (подробнее см.: с. 513 наст. тома). Об этой щекотливой ситуации он писал А. Тургеневу 8 ноября 1814 г.: «Не хочу ничего посылать в журналы, дабы сберечь что-нибудь новое для издания; да и Никольский меня пугает. А браниться с ними нельзя: я сам им подал пример» (ПЖТ, с. 130). Тургенев, судя по воспо-

минаниям Греча, придерживался иного мнения насчет возможности «брани» с издателями. Запомнившийся Гречу скандал относится скорее всего именно к ноябрю 1814 г.

Стр. 136. *В. Л. Пушкин сказал о приверженцах Шишкова...*— В послании «К В. А. Жуковскому».

...сделался предметом негодования и насмешек его членов.— См. арзамасские речи Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова.

...сделался по Министерству просвещения товарищем Шишкова.— Блудов был назначен товарищем министра народного просвещения в 1826 г.

...бывши товарищем министра внутренних дел, он, при встрече, спросил у меня...— Этот разговор произошел, вероятно, в 1826 или в 1827 г., когда Дашков был уже товарищем министра, а Шишков еще не вышел в отставку. Острота Дашкова была вызвана вполне конкретным поводом: в 1826 г. он энергично боролся за отмену созданного под эгидой Шишкова «чугунного» цензурного устава (см.: Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.— Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978, т. VIII, с. 204—207).

Ф. В. БУЛГАРИН

В молодости Фаддей Венедиктович Булгарин был близок к декабристам, находился в приятельских отношениях с Рылевым и Бестужевым. Однако события 14 декабря 1825 г. его насмерть перепугали и способствовали резкой эволюции вправо. Чтобы доказать свою преданность монархии, Булгарин в 1826 г. представил властям несколько записок, в которых вскрывались источники вольномыслия в России и рекомендовались действенные меры для его искоренения.

Две публикуемые записки относятся к числу самых ранних донесений Булгарина; они написаны, вероятно, в мае 1826 г. Впервые они были опубликованы в *РС* (1877, № 4, с. 655—660) с неточностями и без раскрытия авторства. В полном виде, с уточнениями и обоснованием авторства Булгарина,— *Былое*, 1918, № 1, с. 20—21 (в составе публикации Б. Л. Модзалевского «Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. 1826—1830»). Вошли в кн. Б. Модзалевского «Пушкин под тайным надзором» (3-е изд.— М., 1923). Печатаются по тексту «Былого».

Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оно го (стр. 137). Стр. 137.—*...дети членов Новиковской мартинистской секты...*— Намек на А. И. и Н. И. Тургеневых. Их отец, И. П. Тургенев, был виднейшим масоном, сподвижником Н. И. Новикова.

Записка об «Арзамасе» (стр. 138). — Этой записке предшествует составленный Булгариным список членов Арзамасского общества: «1. Серг. Сем. Уваров. 2. Александр Тургенев. 3. Кн. П. А. Вяземский. 4. Блудов. 5. Дашков. 6. Воейков. 7. Жуковский. 8. Батюшков. 9. Мерзляков. 10. Мих. Серг. Кайсаров. 11. Профессор (Андрей Сергеевич) Кайсаров. 12. Ив. Матв. Муравьев-Апостол. 13. Гнедич. 14. Николай Ив. Тургенев. 15. Жихарев. 16. Вигель. 17. Василий Львович Пушкин» (РС, 1877, № 4, с. 655). Булгарин не включил в список многих «периферийных» арзамасцев (Полетику, Северина, Плещеева), зато назвал лиц, в «Арзамасе» не состоявших, но входивших в московское Дружеское литературное общество (Мерзляков, братья Кайсаровы). Таким образом, для него связь «Арзамаса» с этим обществом — и, опосредованно, с «Новиковской мартинистской сектой» — не подлежала сомнению. Гнедич попал в список, вероятно, как короткий знакомец многих арзамасцев, И. М. Муравьев-Апостол — по недоразумению.

Стр. 138. *Когда, по проискам актрис и князя Тюфякина, запрещено было писать о театре...* — Запрет на печатные критические суждения о находящихся в репертуаре пьесах и об игре актеров императорских театров (как лиц, «находящихся на службе его величества») относится к концу 1815 г. Официальная инициатива запрета исходила от цензуры министерства полиции (см.: Скабицкий А. М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892, с. 118).

...даже крохотного Жуковского князь Шаховской выставил в комедии «Липецкие воды»... Карамзин выставлен был умно и забавно в комедии «Новый Стерн». — Обратив внимание на эти факты, Булгарин надеется скомпрометировать враждебного ему Шаховского: в 1826 г. Жуковский назначается воспитателем наследника престола, а скончавшемуся в мае Карамзину по инициативе государя воздаются исключительные почести. В этой ситуации старые памфлеты Шаховского можно было представить чуть ли не оскорблением императорской фамилии.

...противу всех писателей, не желавших явно содействовать обществу. — Ср. с записками Н. И. Греча.

Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. — Аттестация Тургенева как «главного члена» «Арзамаса», конечно, призвана была скомпрометировать общество в целом. Неожиданное на первый взгляд упоминание Уварова в одном ряду с Тургеневым — акт мести за прежние притеснения. Еще в 1819 г. Уваров как попечитель Петербургского учебного округа отказал Булгарину в разрешении издавать в Петербурге журнал на польском языке (РС, 1900, № 9, с. 561); в 1824 г. он, уже как президент Академии наук, не позволил Булгарину выпускать газету «Городской

листок», которая могла бы разрушить монополию академических *СПб. вед.* (там же, с. 566—567).

Стр. 139. *Уваров сам примеривал кокошники и сарафаны мамкам Канкринина...* — Булгарин пересказывает циркулировавшие в обществе слухи — впрочем, весьма достоверные. Когда в 1822 г. Уваров был назначен директором департамента мануфактур и внутренней торговли, он, не брезгуя никакими средствами, стал добиваться расположения своего нового патрона — министра финансов Е. Ф. Канкринина. А. И. Тургенев с брезгливостью писал Вяземскому о том, что Уваров «всех кормилиц у Канкринной знает и дает детям кашку» (*ОА*, т. 3, с. 33). Ср. также свидетельство Вигеля в наст. томе.

...*Николай Тургенев нашел, что у Аракчеева прекрасное русское лицо, когда он доставил ему 1000 черв (онцев) на дорогу!* — Реплику о «прекрасном русском лице» Аракчеева Булгарин и Греч услышали в апреле 1824 г., накануне отъезда Тургенева за границу на лечение (*Греч*, с. 443—444).

Стр. 140. *Государь... велел тотчас снять запрещение... загорелась война в журналах — и общество Арзамасское рушилось само собою.* — Факты здесь изложены весьма тенденциозно: в действительности журнальные выступления против Шаховского озаменовали начало деятельности «Арзамаса», а не его распад (см. примеч. к подразделу «Липецкий потоп»). Кроме того, Александр I никогда не снимал запрещения «писать о театре», но оно было лишь слегка скорректировано: на публикации театральных рецензий каждый раз требовалось испрашивать разрешения у министерства полиции. Деформация фактов в записке Булгарина объясняется его корыстными интересами: он давно мечтал добиться позволения на свободную публикацию в «Северной пчеле» театральных рецензий. Поэтому он пытается убедить власти, что всякие ограничения в этой области суть нарушение воли покойного государя. В записке «О цензуре в России» Булгарин прямо писал о том, что запрещение «писать о театре и судить об игре актеров» способствовало возникновению тайных обществ (*РС*, 1900, № 9, с. 582—583). Теперь эту же мысль он стремится проиллюстрировать на примере «Арзамаса» (сам запрет был отменен в 1828 г.).

НАКАНУНЕ «АРЗАМАСА»

Раздел призван документировать ближайшую предысторию «Арзамаса».

1810-й год — начальная (хотя, конечно, достаточно условная) вежа этой предыстории. К этому году московский кружок, оформившийся еще на рубеже XVIII—XIX вв. (см. вступ. статью), пополнился новыми участниками; в свою очередь старые дружеские связи приобрели новый литературно-бытовой смысл.

В 1810 г. литераторы «предарзамасского» круга оказались сосредоточены главным образом вокруг двух центров — Москвы и Петербурга. В консолидации арзамасского кружка Москве в ту пору, бесспорно, принадлежала первенствующая роль: там жил сам Карамзин, и вполне естественно, что именно в Москве оформляется литературное содружество Жуковского, Батюшкова и Вяземского. К тому же году относятся и первые совместные литературно-полемические выступления москвичей — прообраз грядущих «арзамасских шалостей» (кампания против Боброва-«Бибруса»). В свою очередь тесный дружеский кружок складывается в Петербурге — из москвичей, давно натурализовавшихся в северной столице (Блудов, А. Тургенев), или прибывших в 1810 г., вместе с И. И. Дмитриевым, назначенным министром юстиции (Северин, Дашков). Благодаря прочной эпистолярной связи оба кружка — московский и петербургский — в курсе внутренней жизни друг друга.

В 1811 г. роль карамзинистского центра постепенно переходит к Петербургу (в середине года московская литературная жизнь затихает; Москву покидают Батюшков и Жуковский, отправившиеся в свои поместья). Год ознаменован консолидацией сил для борьбы с только что организованной «Беседой любителей русского слова». Главный «герой 1811-го года» — Дашков. Он первым из будущих арзамасцев подвергает открытой и принципиальной критике сочинения Шишкова, предпринимает дерзкий эксперимент по превращению *ВОЛСНХ* в антишишковскую и прокарамзинистскую организацию.

Первая половина 1812 г. — своего рода высшая точка предарзамасской истории, расцвет и личных, и литературных отношений. Усилия Дашкова увенчались изданием журнала «Санкт-Петербургский вестник» — тогда наиболее последовательного антишишковского журнала; в рядах Вольного общества — ядро будущего «Арзамаса», сам Дашков — один из президентов. Знаменитая издательская речь Дашкова, посвященная графу Хвостову, знаменовала и конец альянса между карамзинизмом и Вольным обществом, и рождение ключевых принципов арзамасской сатиры. Впрочем, в ту пору организационные рамки общества уже не устраивали будущих арзамасцев: их отношения складывались на иных началах, далеко выходящих за пределы чисто литературных связей. Сама дружба переживалась эстетически (что и отразилось в цикле посланий 1812 г. Батюшкова — цикле, задавшем «модель» арзамасского послания в целом).

Конец 1812—1813 г. — время, когда члены предарзамасских кружков оказываются разбросаны по свету. Одни (Северин, Блудов) за границей, при дипломатических миссиях, другие (Жуковский, Вяземский, Батюшков) участвуют в военных действиях, странствуют по России и вне ее. Личное общение их заменяют письма. Этот период отмечен двумя важными событиями: выходом «Певца во стане русских воинов» Жуковского — произведения, ознаменовавшего оконча-

тельную победу и официальное признание новой, карамзинистской поэзии, и «Певца в Беседе славено-россов» Батюшкова — сочинения, которое, парадоксальным образом закрепляя славу Жуковского, в «сгущенном» виде содержало в себе едва ли не все мотивы и приемы арзамасской смеховой стихии.

К 1814 г., когда будущие арзамасцы начинают постепенно съезжаться в Россию (либо возвращаться из провинции к культурным центрам), идея кружка, союза, осененного знаменами «простоты и здравого вкуса», превращается в лейтмотив эпистолярных размышлений. Единодушно определяется духовный и литературный лидер кружка — Жуковский. С таким багажом карамзинисты подошли к 1815 году — году постановки «Липецких вод» и основания «Арзамаса».

К. Н. Батюшков. Видение на берегах Леты (стр. 143). — Русская беседа, т. 1. СПб., 1841, с. 1—10. Печатается по: Батюшков, 1986, с. 182—190. «Видение» было восторженно встречено в кругу московских карамзинистов (подробнее см.: Проскури и О. Победитель всех Гекторов халдейских. — Вопросы литературы, 1987, № 6, с. 69—76). *Певец прелестных мечты...* — И. Ф. Богданович. «Телемахида» — поэма В. К. Тредиаковского, которую принято было расценивать как образец косноязычия и дурного вкуса. *...что сотворил обиды ... Венере девственной...* — И. С. Барков имел репутацию поэта-порнографа. *Егда придут...* — Пародируется стиль Тредиаковского. *Верзляков* — А. Ф. Мерзляков; Батюшков иронизирует над его переводами из античных поэтов и пародирует стихотворение «Тень Кукова на острове Овги-ги». *Писать... всё прозой, без еров...* — Подразумевается Д. И. Языков, принципиально не употреблявший твердых знаков («еров»). *...лица новы... Из белокаменной Москвы...* — Имеются в виду московские литераторы-сентименталисты «шаликовского» круга. *Поэт присяжный, князь враглей...* — Речь идет о П. И. Шаликове. *Вот мой баран, моя Аглая...* — Насмешка над журналом Шаликова «Аглая» (1808—1812). *Я Русский и поэт.* — Подразумевается С. Н. Глинка; Батюшков постоянно выпучивал его аффектированный патриотизм. Глинка иронически назван *Жан-Жаком* — как страстный поклонник и пропагандист Руссо, *Расином* — как плодовитый драматург, *Юнгом* — как переводчик «Ночей» этого поэта, *Локком* — как автор педагогических сочинений. *Вина тому — разврат умов...* — Глинка неустанно обличал в «Русском вестнике» падение современных нравов. *...Сафы русские...* — А. П. Бунина, Е. И. Титова, М. Е. Извекова. *Густав* — драма Е. Титовой «Густав Ваза, или Торжествующая невинность». *...Сафо наших дней...* — Батюшков иронически использует комплиментарную формулу, обычно адресованную дамам-сочинительницам. Ср.: «...друг

гений твой щастливый // Остановил меня, о Сафо наших дней!» (П. И. Шаликов (?). К А. П. Б — ой. — Аглая, 1808, ч. 1, № 1, с. 64). ...виноносный гений. — С. С. Бобров; ср. титул его книги: «Рассвет полночи...» (примеч. к с. 157). ...бледна тень... — А. С. Шишков. *Сочлены юные мои...* — Члены Российской Академии. *Они Пожарского поют...* — Намек на поэму С. А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия». *Кургановым писать учен...* — «Письмовник» Н. Г. Курганова рассматривался в начале XIX в. как образчик «низовой» литературы, предназначенной для невзыскательного читателя. *Аз есмь зело славнофил...* — Пародия на стиль Шишкова. ...*усмешкой блудной...* — Пародийная цитата из «галантного» романа Тредиаковского «Езда в остров любви». «*Деидамия*» — трагедия Тредиаковского. «*Почта*» — журнал молодого Крылова «Почта духов» (1789), построенный в форме переписки гномов и силфов с волшебником Маликульмульком.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 9 февраля 1810 г. (стр. 150). — *Батюшков*, т. III, с. 76—77. При публикации писем Батюшкова учтены текстологические уточнения А. Л. Зорина (см.: Батюшков К. Н. Соч., т. 2. М., 1989), которые, как правило, не оговариваются. Данное письмо — свидетельство сближения Батюшкова (прибывшего в Москву в конце 1809 г.) с карамзинистами. ...*на образец «Лютрена»*... — «*Le Lutrin*» («Налой») — ироикомическая поэма Н. Буало. Предложение Жуковского было вызвано успехом «Видения на берегах Леты».

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу. 16 февраля 1810 г. (стр. 150). — *АБТ*, т. 2, с. 412. Письмо адресовано в Геттинген, где в ту пору обучался Н. Тургенев. *Французские стихи его часто не уступают Делилевым, иногда превосходят...* — В молодости Уваров написал множество стихотворений на французском языке. А. И. Тургенев был их страстным поклонником и пропагандистом. См. его письмо к К. Я. Булгакову от 27 июля 1810 г.: «Что говорит о его ⟨Уварова⟩ стихах Дмитрий Ник. ⟨Блудов⟩? — Скажи ему, чтобы он хоть твоей рукой написал мне свое мнение о Уварова стихах... Скажи Блудову, что здесь теперь Александр Воейков и также восхищается Уварова стихами» (Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 107). Н. Тургенев, охваченный юношеским патриотизмом, в письме от 12/24 марта 1810 г. на восторги брата реагировал весьма сдержанно: «Как это не хорошо, что у нас люди с великими дарованиями, как Уваров, о котором вы пишете, пишут иногда сочинения свои на французском! В таком случае стихи и проч. теряют свою цену. Эта мода ⟨...⟩ непростительна в таком, кот⟨орый⟩ равняется с Делилем» (*АБТ*, т. 1, с. 394).

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. Конец марта 1810 г. (стр. 151). — Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии. М., 1985, с. 220. Данное письмо относится к началу сближения Батюшкова с Вяземским (корреспонденты еще на «Вы»). — *Стихи мои...* — Видимо, речь идет о стихотворении «Мечта». «Людмила» — баллада Жуковского.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 1 апреля 1810 г. (стр. 151). — *Батюшков*, т. III, с. 85—86. ...*гнев тилых наездников славенского Пегаса*. — Подразумевается реакция петербургских «архаистов» на «Видение на берегах Леты» (Батюшков перефразирует характеристику Тредиаковского из своей поэмы). О гневе «славенофилов», вызванном «Видением», Гнедич извещал Батюшкова в феврале 1810 г. (И. А. Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975, с. 172). ...*напечатала у Шнора Петриаду...* — В типографии Шнора была отпечатана поэма Ширинского-Шихматова «Петр Великий» (СПб., 1810). ...*родную сестру Сладковского...* — Одноименная поэма Р. Сладковского вышла в 1803 г. ...*лирическую поэму...* — Поэма Шихматова имела подзаголовок «лирическое песнопение». О неприятии карамзинистами жанровых экспериментов Шихматова см. примеч. к статье Дашкова «Нечто о журналах».

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. Апрель — май 1810 г. (стр. 152). — *Батюшков*, 1986, с. 219. Приблизительно датировалось 1816 г. Основанием для новой датировки служит очевидная связь с выступлениями Батюшкова и Вяземского против С. Боброва (см. ниже) и отражение в письме впечатлений от чтения поэмы Шихматова «Петр Великий».

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 7 июня 1810 г. (стр. 153). — *Батюшков*, 1986, с. 346—347. *Кат. Андр. и Ник. Мих.* — Карамзины. ...*длинную литанию на смерть Боброва...* — В ВЕ (1810, № 11) был опубликован некролог С. С. Боброву (за подписью С. С.). ...*которая появится рядом*. — Эпиграммы Вяземского см. ниже. Причины, вызвавшие настоящую эпиграмматическую кампанию против умершего поэта, донныне не вполне ясны. Некоторый свет на них могут пролить следующие обстоятельства. В 1805 г. Бобров откликнулся на кончину П. И. Макарова (о нем см. в *Мелочах* М. А. Дмитриева) рукописным памфлетом «Происшествие в царстве теней, или Судбина российского языка» (текст памфлета см.: *Лотман, Успенский*, с. 255—280). Памфлет содержал резкие нападки на Макарова, Карамзина (который обвинялся в пропаганде безнравственности) и писателей-карамзинистов, причем начиналась сатира Боброва «с откровенной — совершенно невозможной с точки зрения христианской

нравственности — радости по поводу смерти ближнего» (*Логман, Успенский*, с. 189). «Происшествие в царстве теней» было посвящено М. Н. Муравьеву — наставнику Батюшкова, весьма почитаемому в кругу карамзинистов. Видимо, приступив в 1810 г. к разбору бумаг Муравьева в связи с подготовкой его собр. соч., Батюшков и Жуковский и обнаружили бобровскую сатиру (она, между прочим, упоминается и в некрологе, о котором говорит Батюшков в своем письме). Полемические выступления в *ВЕ* оказывались своеобразным актом литературной мести: Батюшков и Вяземский (а косвенным образом — и Жуковский) демонстративно воспользовались приемом самого Боброва, с глумлением проводив его в иной мир.

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу. 9 июня 1810 г. (стр. 153). — *АБТ*, т. 2, с. 418. ...*послание Василия Львовича*. — «К В. А. Жуковскому». Н. И. Тургенев отвечал брату из Геттингена 10/22 июля 1810 г.: «Стихи Пушкина понравились мне потому только, что писаны по-русски. Жаль, что адресованы к В. Ан. Жук(овскому). Не нужно говорить о том, о чем ничего не знаешь; и нехорошо без нужды нападать на Шишкова. Неумно будет, если Шишков будет отвечать Пушкину» (*АБТ*, т. 1, с. 401).

П. А. Вяземский. Письмо к издателю о поэте Боброве (стр. 153) — *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1057. Письмо явилось откликом на смерть поэта С. С. Боброва.

Рассвет полночи... гениев России... — Название собрания «священно-нравственных», «торжественных» и «эротических» «пьес» Боброва (ч. 1—4. СПб., 1804). *Игры важной Полигимнии... жертвами чувствований*. — Название т. 3 указанного выше издания Боброва. ...*в сей судорожный час блуждаешь метеором по сферам Урании или Полярною звездою дрожишь сквозь неку слезну влагу!* — Фраза построена на образах и парафразах из стихотворения Боброва «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославию» («Рассвет полночи...», ч. 1, с. 33—34). *О если бы мой стон унылый...* — 30-я строфа стихотворения Боброва «Вечернее созерцание гробницы Екатерины II» («Рассвет полночи...», ч. 2, с. 27). *Слуга на рундуке, качаясь, храпит...* — Из стихотворения «Та же мысль наизнанку» — перевод из английского поэта Джона Драйдена (1631—1700) («Рассвет полночи...», ч. 3, с. 177). Процитированные строки пародируют стихотворение «Описание ночи» Драйдена, перевод которого опубликован там же. *К болтливой и открытой Аспазии, но не во всем...* — Стихотворение Боброва, которое ниже целиком приводится (см.: «Рассвет полночи...», ч. 3, с. 176). *К другу на его новый год...* — Стихотворение Боброва; ниже приведен его полный текст, с вариантом в ст. 13 (ср.: там же, с. 42). *Против Сазара...* — Стихотворение Боброва; ниже цитируются строфы 1, 3, 5—7 из него (ср.: там же, с. 162—163).

К. Н. Батюшков. «Как трудно Бибрису со славою ужиться!» (стр. 157).— *ВЕ*, 1810, с. 127 (подп.: К. В.). Впервые было напечатано в «Цветнике» (1809, № 9, с. 372); перепечатка в *ВЕ* вместе с эпиграммами Вяземского (см. ниже) включала произведение в новый полемический контекст. *Бибрус* (Бибрис) — каламбурно-пародийное прозвище Боброва (от лат. *bibere* — пить и нем. *Viber* — бобр), намекающее на его пристрастие к спиртному.

П. А. Вяземский. Быль в преисподней (стр. 157).— *ВЕ*, 1810, № 11, с. 210. Стихотворение является вольным переложением шестистишья Вольтера «*Qui frappe-là? — dit Lucifer...*» и откликом на смерть поэта Боброва.

...*певец ночей...*— Боброву принадлежит множество поэтических произведений с описанием ночи, в том числе и перевод «Ночных размышлений» Юнга. ...*шахматно-пегий гений...*— Парафраз двух стихов из поэмы Боброва «Херсонида» («Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфириносных, браноносных и мирных гениев России...»; СПб., 1804, т. 4, гл. 5), в которых описываются «аспиды» (змеи): «И выставляют пестру спину // И шахматное пего чрево».

К портрету Бибриса (стр. 157).— *ВЕ*, 1810, № 11, с. 210.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 3 июля 1810 г. (стр. 157).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 5. ...*за эпиграммы на Боброва...*— Подразумевается апологетическая статья М. И. Невзорова «Живописные и философские отрывки из сочинений г. Боброва» (Друг юношества, 1810, июнь), в которой содержались резкие нападки на эпиграммы Вяземского (см. выше) и на издателей *ВЕ*, поместивших эти кощунственные тексты в своем журнале.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 29 августа 1810 г. (стр. 157).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 23. *К фернейскому филозофу...*— Жуковский, поселившийся летом 1810 г. в с. Муратове, шутливо уподоблен Вольтеру, жившему последние двадцать лет в своем имении Ферней в Швейцарии. ...*его Послание...*— «К В. А. Жуковскому».

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. 12 сентября 1810 г. (стр. 158).— *ПЖТ*, с. 62—63. ...*стихов его я не поместил...*— Речь идет о послании «К В. А. Жуковскому». ...*не хотел Каченовский...*— М. Т. Каченовский был соредактором Жуковского по *ВЕ* с середины 1809 до конца 1810 г.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 19 сентября 1810 г. (стр. 158).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 24—

25 об. ...*один из противников его поэзии сделался его начальником...*— Видимо, И. И. Дмитриев, в 1810 г. ставший министром юстиции: служивший в Сенате Хвостов оказывался у него в подчинении. ...*давали в первый раз перевод его «Андромахи»*.— Премьера трагедии Расина «Андромаха» в переводе Д. И. Хвостова состоялась в Петербурге 16 сентября 1810 г. ...*молодой человек Дикв...*— Д. В. Дашков.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 6 ноября 1810 г. (стр. 158).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 63 об.— 64. Год написания устанавливается по содержанию. ...*эпиграмму на Глинку...*— Эта эпиграмма Вяземского неизвестна. ...*у Тургенева...*— Речь идет об А. И. Тургеневе. ...*к (князь) Борыс Владимирович...*— Б. В. Голицын (здесь и в последующих письмах Северин будет обозначать его «домашним» прозвищем — князь Борыс, князь Барыс). ...*вопреки своей французской складки...*— Получив французское воспитание, Б. Голицын около 10 лет (с 1782 до конца 1791 г.) прожил за границей, преимущественно в Париже. На французском языке, которым он владел лучше, чем русским, написаны все его сочинения и письма. ...*собирается быть членом новозаводящегося здесь Общества критического...*— Речь идет о замысле «Беседы». Голицын был одним из основателей и ревностных адептов «Беседы».

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 13 декабря 1810 г. (стр. 159).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 30—31. Печатается полностью. *Блудов приехал...*— Блудов находился в Москве в октябре — декабре 1810 г. ...*вы уже возвратились из Твери.*— В ноябре 1810 г. Вяземский вместе с Карамзиным посетил Тверь по приглашению проживавшей там великой княгини Екатерины Павловны. *Жуковский прекрасно отделал нашего Висковатова...*— Имеется в виду рецензия Жуковского на трагедию Кребийона «Радамист и Зенобия» в переводе С. И. Висковатова (ВЕ, 1810, № 22, с. 102—120). *Не знаю, что он нашел выразительного в стихе...*— Жуковский квалифицировал этот стих как «самый лучший» во всем переводе, утверждая, что он «удивительно счастлив и выразителен» (там же, с. 120). В 1810 г. сам Вяземский дал резкую оценку сочинения Висковатова в письме к Батюшкову (Вяземский. ПСС, т. 1, с. 3—9). «*Опыты в Прозе*» Батюшкова...— Речь идет об этюде Батюшкова «Опыты в прозе» (ВЕ, 1810, № 21, с. 27—37), авторство которого было установлено лишь недавно (см. Русская литература, 1986, № 1, с. 152; публ. В. А. Кошелева). Отзыв Северина — важное свидетельство того резонанса, который имела статья Батюшкова в кругу карамзинистов. *Пушкиной шутки о его Тартюфе...*— Имеется в виду А. М. Пушкин. Его перевод комедии Мольера «Тартюф» под названием «Ханжеев, или Лицемер» был представлен в Москве 15 июля и 12 октября

1810 г. Видимо, с последней постановкой и связана каким-то образом упомянутая Севериным шутка.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 17 декабря 1810 г. (стр. 160).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 48 об. *ВОЛСНХ* было основано в 1801 г. петербургскими литераторами, связанными с просветительскими традициями XVIII в.,— И. М. Борном, В. В. Попова-вым и др. При всей эклектичности своей литературной и общественной позиции в первой половине 1800-х гг. Общество жило довольно активной внутренней жизнью: регулярно проводило заседания, выпускало собственные периодические издания (см.: Орлов Вл. История *ВОЛСНХ*.— Поэты-радищевцы. Л., 1935). Однако к 1808 г. в результате внутренних разногласий Общество пришло к упадку: судя по протоколам, за весь 1808 г. состоялось лишь 8 заседаний, в 1809 г. заседаний вообще не было. Общество возобновило свою деятельность лишь 7 мая 1810 г. (*Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 15); в течение года оно пополнилось молодыми литераторами — П. А. Никольским, Н. И. Гречем, М. В. Милоновым. Все они были критически настроены по отношению к петербургским «арханстам», в той или иной мере симпатизировали карамзинизму. К молодежи примкнули и некоторые давние члены Общества — например, А. Е. Измайлов. В этой ситуации вступление в *ВОЛСНХ* Дашкова приобрело принципиальный и важный смысл: он, уже ставший на стезю борьбы с Шишковым и его адептами, явно рассчитывал использовать *ВОЛСНХ* в качестве платформы для объединения всех антишишковских сил. Об этом свидетельствуют и его энергичная деятельность по вовлечению в Общество друзей-карамзинистов, и стремление как можно скорее наладить — под эгидой Общества — издание нового журнала, и, наконец, вхождение в руководство *ВОЛСНХ*. Во многом благодаря усилиям Дашкова в 1811 — начале 1812 г. *ВОЛСНХ* оказывается единственным прибежищем литературных сил, оппозиционных «Беседе».

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 21 декабря 1810 г. (стр. 160).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 33—33 об. ... в «Цветнике» критику...— Имеется в виду апологетическая рецензия А. Ф. Воейкова на «Сочинения» И. И. Дмитриева (№ 10). ...сгромоздил Гамлета...— Трагедия в 5 д. С. Висковатова «Гамлет (подражание Шекспиру)», впервые представленная в Петербурге 28 ноября 1810 г., являлась подражанием не столько Шекспиру, сколько его французской переработке Ж. Дюсиса, выполненной в традициях позднего классицизма. На отдельное издание трагедии иронической рецензией откликнулся Дашков (*ВЕ*, 1811, № 24). ...занимаются все Атенеем...— Речь идет о подготовительных собраниях будущей «Беседы». ...после многих каламбуров...— Ср. относящуюся к декабрю 1810 г. запись Д. И. Хвостова: «Горчаков <Д. П.> говорит, что Атеней

хорошо, но не надобно выговаривать Афиней. Ибо скажут Ахиней» (ЛА, с. 367).

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. Начало января 1811 г. (стр. 160). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 48 об. — 49. Датируется по содержанию: в этом письме (в части, не вошедшей в публикацию) Северин как свежую новость упоминает пожар петербургского Большого театра (в ночь на 1 января 1811 г.).

Из журнала заседаний ВОЛСНХ. 14 января — 25 февраля 1811 г. (стр. 160). — Арх. ВОЛСНХ, № 204, л. 56—56 об., 61, 62—62 об., 69. ...из Лукановой «Фарсамы»... — Этот перевод неизвестен. ...предложение гг. Измайлова и Дашкова... — По этому предложению ВОЛСНХ вынесло определение: «выбор комитета отложить до того времени, когда общество приступит действительно к изданию трудов своих» (л. 62 об.) «Комитет» был выбран на заседании 3 июня 1811 г. в следующем составе: президенты (которые должны были сменять друг друга через три месяца) — А. А. Писарев, А. Измайлов, Т. Борноволоков, Д. Дашков; казначей — А. Востоков, секретарь — Н. Греч (л. 86).

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 28 февраля 1811 г. (стр. 161). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 40—40 об. ...Жуковского Хрестоматию... — Подразумевается подготовленное Жуковским «Собрание русских стихотворений...». ...в выборе Жук(овский) слишком был снисходителем. — В оценке принципов отбора сочинений для «Собрания...» карамзинисты разошлись: так, Вяземский считал, что издание следовало составить из образцовых произведений (см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 23), а Батюшков, напротив, был вполне удовлетворен изданием как верной панорамой современной словесности. *Сегодня открывается первое публичное заседание Беседы...* — Северин не вполне точен: 28 февраля 1811 г. состоялось первое общее собрание членов официально учрежденной «Беседы», на котором были утверждены «сочинения, назначенны для чтения пред посетителями» (Десницкий, с. 110); первое открытое заседание состоялось лишь 14 марта. Судя по всему, на заседание 28 февраля Северин так и не «попался». Однако в качестве своего рода «лазутчика» на это заседание проник Дашков, что вызвало переполох среди беседчиков и нашло отражение в протоколе: «Так как в сем собрании 28 февраля в списке 4-го разряда найдено вновь подписанное имя г. Дашкова в сотрудниках Беседы и как никто из членов не был о сем извещен и неизвестно даже, кем он из оных был представлен, почему да благоволит предлагавший его г. член Беседы объявить свое имя и сделать представление узаконенным порядком в силу 50-й статьи устава, дабы избрание г. Дашкова было согласно с постановле-

ниями Беседы.— Положено, когда г. Дашков будет от разряда представлен как следует, то его баллотировать и не прежде считать его сотрудником, как по общему собранию» (*Десницкий*, с. 111).

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 4 марта 1811 г. (стр. 162).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 70.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 13 марта 1811 г. (стр. 162).— *Батюшков*, т. III, с. 113. Сатира, о которой упоминает Батюшков, не обнаружена.

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому. 20 марта 1811 г. (стр. 162).— *АБТ*, т. 2, с. 53, с ошибкой в годе. Датировка уточняется по содержанию. *...своею речью...*— Тургенев пишет о «Речи при открытии Беседы» А. С. Шишкова, произнесенной на открытом заседании 14 марта 1811 г.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 24 марта 1811 г. (стр. 163).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 41—42 об. *...бледный муж Шишков...*— Видимо, реминисценция из «Видения на берегах Леты» Батюшкова («бледна тень»). *...три басни Крылова...*— «Огородник и Философ», «Гуси», «Осел и Соловей». *...14 апреля назначено быть второму заседанию.*— Второе публичное заседание «Беседы» состоялось 22 апреля. *...презрительное и преглупое письмо к Тургеневу...*— Имеется в виду следующий инцидент. В первых двух частях «Собрания русских стихотворений» Жуковский напечатал 29 стихотворений Державина — по предварительному одобрению последнего, полученному через А. И. Тургенева, представлявшего интересы Жуковского в Петербурге. После выхода книжек, 18 марта 1811 г., Державин направил А. И. Тургеневу гневное письмо, в котором выразил свое возмущение тем, что его стихи напечатаны «не в умеренном количестве», что они напечатаны «без комментариев» и помещены между произведениями таких сочинителей, между которыми он, Державин, «наряду никогда и быть не желал» (намек на Гнедича, с которым Державин находился тогда в ссоре). При этом Державин утверждал, что собрания его сочинений «никто после издания г. Жуковского не купит», и угрожал обратиться к правительству с просьбой конфисковать отпечатанные части «Собрания русских стихотворений» в пользу казенных учебных заведений (*Державин Г. Р. Соч.*, 2-е изд., т. VI. СПб., 1876, с. 242—243). *Блудов для Тургенева написал ответ преколкий...*— Имеется в виду язвительное письмо А. И. Тургенева Державину от 11 апреля 1811 г. (там же, с. 244—247). Роль Блудова в составлении этого письма уже отмечалась исследователями (*Державин Г. Р. Соч.*, т. VIII. СПб., 1880, с. 941), и письмо Северина — еще одно авторитетное ее подтверждение. Из

слов Северина также явствует, что письмо Тургенева — Блудова, помеченное 11 апреля, на деле было написано значительно ранее: судя по всему, Тургенев не отсылал его адресату, ожидая указаний Жуковского из Москвы. Жуковский в полемику вступать не стал и прекратил публикацию сочинений Державина в своем издании.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. Первая половина апреля 1811 г. (стр. 164). — *Батюшков*, т. III, с. 117—118. ...*объявление о Беседе*... — Объявление об открытии «Беседы» (Северная почта, 1811, № 19). *В. Л. Пушкин сочинил сатиру*... — «Опасный сосед».

Н. И. Гнедич. Символ веры в Беседе при вступлении сотрудников (стр. 164). — А., с. 23—24 (в составе вступ. статьи М. С. Боровковой-Майковой). «Символ веры в Беседе» был подготовлен к печати П. Н. Тихановым, автором работы «Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам» (СПб., 1884), но не был пропущен цензурой. Наиболее вероятное время создания — весна 1811 г., когда произошел резкий конфликт Гнедича с «Беседой». При организации «Беседы» в декабре 1810 г. Державин предложил Гнедичу вступить в общество членом-сотрудником. Гнедич, рассчитывавший на статус действительного члена, с негодованием отказался. Между Державиным и Гнедичем произошел обмен эпистолярными колкостями, после чего Державин устроил Гнедичу скандал в доме кн. Б. Голицына. Подробнее об этом см. в биографии Державина Я. К. Грота (*Державин* Г. Р. Соч., т. VIII, с. 908—909). Узавленное самолюбие должно было стимулировать создание сатиры Гнедича. «Символ веры в Беседе» представляет собой пародическую перелицовку «Символа веры» — краткого изложения основ христианского вероучения. Проекция на сакральный «второй план» придает сатире Гнедича особую остроту: Шишков оказывается в ней «заместителем» Бога-Отца, Шихматов — Иисуса Христа, Каченовский — Понтия Пилата и т. п. По своей структуре «Символ веры в Беседе» примыкает к предарзамасской сатире, рисуя «Беседу» как «мир извращенный», в котором перевернута система истинных ценностей и осуществлена замена их ценностями ложными (ср. «Видение в какой-то ограде» Блудова). Высказывавшееся мнение о том, что текст Гнедича относится к «внутреннему обиходу «Беседы» и не содержит в себе полемического заряда (Живо в В. М. Кошун-ственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX в. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 546. 1981, с. 86), представляется недостаточно обоснованным.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 8 апреля 1811 г. (стр. 165). — *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 78. Повесть Дашкова до нас не дошла.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 27 апреля 1811 г. (стр. 165). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 46—47 об. Год написания устанавливается по содержанию. ...на сих днях был во 2-м заседании Беседы. — 22 апреля 1811 г. ...сочин(ителя) «Пеночки»... — Стихотворение Ф. Львова «Пеночка» пользовалось в 1800-х гг. определенной известностью как хороший образец легкой поэзии (об авторском чтении этого произведения на литературном вечере у Державина 9 февраля 1807 г. и о реакции аудитории см.: Жигарев, с. 359—360). *Басни на Беседу*... — О каких произведениях идет речь — не ясно. *1-я картина Путешествия Шаликова*... — «Отъезд Вздыхалова»; Вяземский не счел необходимым воспользоваться замечанием Северина.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. Конец апреля 1811 г. (стр. 166). — *Батюшков*, т. III, с. 121—122. *Державин написал письмо Тургеневу*... — См. примеч. к письму Северина Вяземскому от 24 марта 1811 г. *Лучшая сатира на Шишкова*... — Во 2-й части «Собрания русских стихотворений» помещены стихотворения Шишкова «Умиряющее дитя», «Фиалка и терновник», «Сладость благотворительности» и «Похвала зиме». ...стихи князя Вяземского на Шаликова... — «Отъезд Вздыхалова». *Голицын написал книгу о русской словесности*... — Подразумевается брошюра Б. Голицына «Reflexion sur les traducteurs et particulièrement sur ceux des «Maximes» de la Rochefoucauld» (СПб., 1811), в которой затрагиваются и проблемы русской словесности. В книге действительно есть выпады против Карамзина (по имени не названного). *Другой Голицын*... — Имеется в виду книга А. П. Голицына («Собрание отрывков, взятых из нравственных и политических писателей. Перевел с французского Г... М., 1811), пропитанная чрезвычайно консервативным духом.

А. И. Тургенев — Н. И. и С. И. Тургеневым. 2 и 3 мая 1811 г. (стр. 167). — *АБТ*, т. 2, с. 436. ...пишу я к Жуковскому... — Письмо сохранилось в архиве Жуковского (ЦГАЛИ). Соответствующее предложение было сделано Уваровым еще раньше, в начале 1811 г. Жуковский отказался, сославшись на «неготовность» (см. его письма Уварову от 4 мая 1811 г. и Тургеневу от второй половины мая 1811 г. — *ПЖТ*, с. 94—96). *Книги его*... — «Собрание русских стихотворений». *По сему случаю имел я прекорную переписку с Держ(авиным)*... — См. выше.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 6 мая 1811 г. (стр. 168). — *Батюшков*, т. III, с. 122—123. *Правда ли, что Хвостов написал*... — Соответствующую информацию Батюшков, несомненно, почерпнул из письма Северина к Вяземскому от 27 апреля 1811 г. *Я читал в «Цветнике» рецензию*... — Рецензия на стихотворение

Шихматова «Послание к любезному моему брату князю Михаилу Александровичу. 1810 год, месяц Серпень» (№ 12, с. 468—476; подп.: «А. А.»). 11 и 12 №№ «Цветника» за 1810 г. вышли из печати лишь весной 1811 г. ...*Кто писал рецензию на Шишкова?* — Речь идет о рецензии Дашкова на «Перевод двух статей из Лагарпа» (см. т. 2 наст. изд.).

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 11 мая 1811 г. (стр. 168). — *Батюшков*, т. III, с. 125. ...*рецензию Жуковского под именем Воейкова на Грузинцова?* — В № 7 *ВЕ* за 1811 г. была опубликована рецензия Жуковского на трагедию А. Н. Грузинцева «Электра и Орест»; в № 9 появилось «Возражение на критику трагедии «Электра и Орест» (за подписью «М. С.»; по некоторым сведениям, «Возражение» принадлежало самому Грузинцеву) и в том же номере — ответ на это возражение за подписью А. Ф. Воейкова. Письмо Батюшкова авторитетно свидетельствует об авторстве самого Жуковского.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 29 мая 1811 г. (стр. 169). — *Батюшков*, т. III, с. 127—128. *Катерина Федоровна* — Е. Ф. Муравьева. *Слово, говоренное в Беседе...* — «Речь при открытии Беседы» (*ЧвБ*, 1811, кн. 1). «*Крепость*» — стихотворение Шишкова «Сон. Осада крепости» (*ЧвБ*, 1811, кн. 1). ...*достойное «Острова любви»*... — См. примеч. на с. 506. ...*и у нас будет беседа...* — Речь идет об *ОЛРС*, устав которого был высочайше одобрен 1 июня 1811 г. ...*Пушкина сатиру...* — «Опасный сосед». *Алексей Николаевич* — Оленин.

А. И. Тургенев — Н. И. и С. И. Тургеневым. 15 июня 1811 г. (стр. 170). — *АБТ*, т. 2, с. 440. ...*из довольно дурной сатиры Вас. Льв. Пушкина...* — «Опасный сосед».

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. Июль 1811 г. (стр. 171). — *Батюшков*, т. III, с. 132.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 29 июля 1811 г. (стр. 171). — *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 90.

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 7 августа 1811 г. (стр. 171). — Фрагмент в статье Т. Г. Цявловской «Неясные места биографии Пушкина» — Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, с. 35. Печатается по *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 1—2 об., подлинник по-французски (перевод В. А. Мильчиной). ... *в последнем томе Академических трудов...* — Имеется в виду: Шишков А. Рассуждение о красноречии Священного писа-

ния.— Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. 5. СПб., 1811, с. 171—281; на с. 275—276, в подстрочном примечании, находится выпад в адрес В. Л. Пушкина. ...критику на перевод Шишкова...— Написанный М. Т. Каченовским разбор книги Шишкова «Разговоры о словесности» (СПб., 1811) — *ВЕ*, 1811, № 12, с. 285—305; № 13, с. 34—57. Термин «перевод» — описка В. Л. Пушкина («Разговоры о словесности» — оригинальное произведение). *Г-н Муравьев написал критику...*— Сделанный И. М. Муравьевым-Апостолом разбор книги «Эклоги Публия Виргилия Марона, переведенный А. Мерзляковым...» (М., 1807) в печати неизвестен. ... *Послание к Озерову...*— Неизвестно. ... *мою сатиру...*— Возможно здесь говорится о поэме «Опасный сосед» (ср. примеч. к ней в т. 2 наст. изд.). *Шаховской сочиняет поэму ироикомико-дидактическую...*— «Расхищенные шубы. Ироикомическая поэма» (окончена 1815), «Песнь первая» которой, по прочтении И. М. Муравьевым-Апостолом в 11 заседании «Беседы», где присутствовал А. С. Хвостов (*Десницкий*, с. 120—121), была напечатана в *ЧВБ* (1811, кн. 3, с. 58—64). *Отрывок из поэмы Надежда из Сен-Виктора.*— Милонов М. Нина.— *ВЕ*, 1811, ч. 52, № 16, с. 253—259 (посвящено Д. П. С...у — т. е. Д. П. Северяну; помечено: 1811. Июля 29. С.-Петербург). *Грамматин выпустил мелкие сочинения свои...*— «Досуги Николая Грамматина», часть 1. СПб., 1811, открывавшиеся стихотворением «К Богу», о котором В. Л. Пушкин говорит далее.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 18 августа 1811 г. (стр. 172).— Фрагмент — Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М. — Л., 1962, с. 36 (ошибочно атрибутировано А. И. Тургеневу). Печатается по: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 50 об. — 51.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 9 сентября 1811 г.— 21 октября 1811 г. (стр. 173).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 97, 99, 104.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. Октябрь 1811 г. (стр. 173).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 10 об. Датируется по содержанию: в письме содержится упоминание «подражания Горацию» Милонова «в последнем «Вестнике»: бесспорно, речь идет о стихотворении М. Милонова «Похвала сельской жизни», опубликованном в 19 № *ВЕ* за 1811 (вышел из печати в начале октября). ...я очень часто выдаюсь с Плещеевыми...— В 1811 г. Жуковский сблизился с Плещеевыми, жившими в Черни, близ Муратова. Образчики совместного комического творчества Жуковского и Плещеева см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915—1916, т. 1—2. ...знаменитый Тальма его учи-

те.ль... — В. Л. Пушкин в бытность свою в Париже брал уроки дикции у знаменитого французского актера Тальма.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 4 ноября 1811 г. (стр. 174).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 105.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 6 ноября 1811 г. (стр. 174).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 23.

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 22 ноября 1811 г. (с. 174).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1. № 2611, л. 5—5 об., подлинник по-французски (перевод В. А. Мильчиной). ...*диатрибы Шишкова...*, ...*одобрения Карамзина и Нелединского...*— Подразумеваются отзвы о книге «*Два послания Василья Пушкина*» (СПб., 1811).

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 27 ноября — 5 декабря 1811 г. (стр. 175).— *Батюшков*, т. III, с. 161. ...*басни, сказки...*— Во второй половине 1811 г. А. Е. Измайлов написал (и частично прочел на заседаниях *ВОЛСНХ*) серию острополюемических басен и «сказок», направленных против литературных «архаистов»: «Шут в парике», «Стихотворец и Черт», «Филин и Чиж», «Раскольник Аввакум», «Лебедь, Гусь и Утка», «Кукушка», «Калмык-оратор». ...*видения...*— «Разговор в царстве мертвых (Минос, Львов и Гераков)».

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 8 декабря 1811 г. (стр. 175).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 112.

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 20 декабря 1811 г. (стр. 175).— Фрагменты: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 20; Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983, с. 64—65; печатается по: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 86—87 об. *Общество наше...*— *ВОЛСНХ*. «*Свиток Муз*» — альманах *ВОЛСНХ* (ч. 1—2. СПб., 1802—1803), издававшего также журнал «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1804, вышел один номер). «*Цветник*» — ежемесячный петербургский журнал, издававшийся А. Е. Измайловым в 1809 г. совместно с А. П. Бенитцким, а в 1810 г. — с П. А. Никольским. *Мы будем издавать журнал...*— Ежемесячный «Санкт-Петербургский вестник», издаваемый *ВОЛСНХ* (1812, вышло 10 номеров). *Матвей Михайлович* — Сонцов. *Иван Иванович* — Дмитриев.

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 29 декабря 1811 г. (стр. 176).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 67—68.

Подлинник по-французски. ...*первые три месяца нового года председательствует Дашков*...— Дашков был «возведен в звание очередного президента» 4 ноября 1811 г. (Арх. ВОЛСНХ, № 204, л. 105) и, в соответствии с регламентом, состоял в этой должности до начала февраля 1812 г.

К. Н. Батюшков— Н. И. Гнедичу. 29 декабря 1811 г. (стр. 176).— *Батюшков, т. III, с. 172. И, в королевича Бову // Влюбясь, Вольтера проклинает*...— Осмеиваются хвалы Шишкова русскому фольклору в «Разговорах о словесности» (1811) и его нападки на Вольтера в «Рассуждении о красноречии Священного писания» (1811).

В. Л. Пушкин— П. А. Вяземскому. 11 января 1812 г. (стр. 177).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 215 (публикация Н. И. Михайловой). Автограф: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 7—7 об. ...*тиснение остановил*.— Возражение Шишкова Каченовскому в итоге все же увидело свет в виде брошюры «Прибавление к разговорам о словесности, или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу» (СПб., 1812). ...*сбирается и меня с Дашковым бомбардировать*...— Шишков так и не напечатал ответа на брошюры В. Л. Пушкина и Д. В. Дашкова. *О Глинке*...— С. Н. Глинка, издатель «Русского вестника». *Макаров и Анастасевич проповедают в пустыне*.— Имеется в виду невысокий читательский успех московского «Журнала драматического» (изд. М. Н. Макаров) и петербургского журнала «Улей» (изд. В. Г. Анастасевич).

Из журнала заседаний ВОЛСНХ. 18 января— 8 февраля 1812 г. (стр. 177).— Арх. ВОЛСНХ, № 204, л. 123, 124, 130.

В. Л. Пушкин— П. А. Вяземскому. 8 февраля 1812 г. (стр. 177).— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 216 (публикация Н. И. Михайловой). Автограф: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 9—9 об. *Карabanов нам доказал*...— Имеется в виду стихотворение («анекдот в стихах») П. И. Карabanова «Великодушные вельможи русского» (ЧвБ, 1811, кн. 4), по оценке Д. И. Хвостова, «подлое и вялое» (ЛА, с. 378). *О Захарове говорить нечего*.— Отзыв о речи И. С. Захарова «Похвала женам» (ЧвБ, 1811, кн. 4; отд. изд.— СПб., 1811), с которым также был солидарен Хвостов: «На посмеяние здравого рассудка и вкуса было чтение в Беседе г. Захарова» (ЛА, с. 378). ... *к пенатам*...— Первоначальное заглавие стихотворения «Мои пенаты», опубликованного лишь в 1814 г. ...*гагары*... *Лебедь*...— Персонажи басни И. И. Дмит-

риева «Лебедь и гагары», написанной в связи с критическими нападками на Карамзина (опубл. в 1805 г.).

Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 10 февраля 1812 г. (стр. 178). — *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2727, л. 37—37 об. Год устанавливается по содержанию. Я познакомился с Батюшковым... — Батюшков приехал в Петербург в январе 1812 г. ...нашего журнала... — «Санкт-Петербургский вестник». ...малороссийского Вестника Европы... — Издатель *ВЕ* М. Т. Каченовский был украинцем. ...нежной Крымской Аглаи... — Насмешка над издателем журнала «Аглая» П. И. Шаликовым, который в своем приторно-чувствительном «Путешествии в Малороссию» описывал, между прочим, и крымские впечатления.

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 27 февраля 1812 г. (стр. 179). — *Батюшков*, т. III, с. 216—218. ...чтения Шаховского... — В 7 публичном заседании «Беседы» 23 февраля 1812 г. состоялось чтение 2-й песни поэмы Шаховского «Расхищенные шубы» с резкими выпадами против В. Л. Пушкина. Нападки на Карамзина и Блудова содержались только в рукописном тексте поэмы и в настоящее время неизвестны. ...Давыдов женится... — Слухи о женитьбе Д. Давыдова оказались ложными. ...написал к тебе послание. — «Сопоклонник Аполлона». *Гашпар* — герой «Расхищенных шуб» Шаховского; усилиями карамзинистов это имя превратилось в полемическое прозвище самого Шаховского.

А. Е. Измайлов. Князь Ш. и актриса Е. (стр. 180). — Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1984, № 1, с. 87—88. *Ежова* — гражданская жена Шаховского. *Макар* — камердинер Шаховского.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 29 февраля 1812 г. (стр. 182). — *Арх. ВОЛСНХ*, л. 138. ...эпиграмму... — Вероятно, была прочитана эпиграмма Блудова, приведенная в письме Батюшкова Вяземскому от 27 февраля.

К. Н. Батюшков — Д. Н. Блудову. Начало марта 1812 г. (стр. 182). — *Батюшков*. 1986, с. 361. Датируется по связи с предшествующими письмами. «*Mélotanie...*» — Очевидно, описка: скорее всего имеется в виду сатирическая комедия А. Пирона «Метромания» (подробно пересказанная в «Курсе древней и новой литературы» Лагарпа). Батюшков, вероятно, под впечатлением от «Расхищенных шуб» намеревался написать сатиру на беседчиков; Пирон нужен был ему как образец и источник вдохновения.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 7 марта 1812 г.—14 марта 1812 г. (стр. 182). — *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 140, 142.

Д. В. Дашков. Речь, читанная в *ВОЛСНХ*. 14 марта 1812 г. (стр. 183).— Чтения в Обществе истории и древностей Российских, кн. 4. М., 1861, с. 183—186; *РС*, 1884, № 7 (другая редакция; то же — Тихонравов Н. С. Соч., т. 3, ч. 2. М., 1898, с. 139—142). Печатается по: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1193-а, л. 1—2 об. Речь Дашкова сохранилась в нескольких редакциях (автографы и списки), отразивших разные стадии работы над текстом. Первоначально гротескная стихия в речи была усилена. Готовя речь к произнесению, Дашков последовательно смягчал гротескные гиперболы. Например, в первоначальной характеристике Хвостова содержался такой патетический пассаж: «Всей Европе, что говорю я? всей вселенной известны его заслуги». Впоследствии «Европа» была исправлена на «Россию», а «вселенная» на «ученую Европу». В текст речи, представленный Обществу, в свою очередь были внесены новые поправки. «В этом списке речи Дашкова наиболее резкие и оскорбительные для графа места зачеркнуты кем-то, так что нет никакой возможности прочесть их, менее сильные слегка подчеркнуты и заменены смягченными выражениями» (Тихонравов, с. 143). В протокол заседания был внесен этот, значительно смягченный вариант (*Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 148—151). В нем, в частности, отсутствует памфлетная характеристика басен Хвостова, исчезло упоминание о «смехе и жалости», которые вызывают драматические сочинения графа, и т. п. Рукопись *ЦГАЛИ* представляет собой беловой автограф с незначительными исправлениями. Он несколько отличается от других редакций (в том числе попавших в печать): в характеристику эстетических красот графа наряду с именем Аристотеля попало имя Логгина (вписано позже, над строкой). Фраза о сценической судьбе пьес Хвостова первоначально записана так, как и в других известных рукописях: «Справедливый успех оных на сцене никогда не зависел от игры превосходной актрисы»; затем Дашков внес в эту формулировку исправления (видимо, сочтя ее не слишком ясной). Некоторые стилистические отличия имеются и в других местах текста (наиболее существенные — в разборе «Андромахи»). Речь Дашкова, построенная в форме издевательского похвального слова и создававшая пародийно-комическую маску литературного «архаиста», предвосхищала основные структурные принципы арзамасских выступлений.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 18 марта 1812 г. (стр. 186).— Тихонравов Н. С. Соч., т. 3, ч. 2. М., 1898, с. 144—145.

Д. И. Хвостов. Из «Записок о словесности» (стр. 187).— *ЛА*, с. 385.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 18 марта 1812 г. (стр. 187). — *ОА*, т. 1, с. 2.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 21 марта 1812 г. — 4 апреля 1812 г. (стр. 188). — *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 156, 156 об. — 157, 159, 163.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 4 апреля 1812 г. (стр. 188). — *ОА*, т. 1, с. 3.

П. А. Вяземский — К. Н. Батюшкову. Начало апреля 1812 г. (стр. 189). — *ИРЛИ*, ф. 19, № 28, л. 10. Датируется по содержанию.

К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. 12 апреля 1812 г. (стр. 189). — *Батюшков*, т. III, с. 177—179. *Вяземский женился...* — Вяземский женился осенью 1811 г. на В. Ф. Гагариной. *...что ты делаешь с сочинениями Михаила Никитича?* — Жуковский готовил издание сочинений М. Н. Муравьева.

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 2 мая 1812 г. (стр. 190). — *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 175—175 об.

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 5 мая 1812 г. (стр. 191). — *Батюшков*, т. III, с. 182—183. *...читал московскую Беседу...* — Труды *ОЛРС* при Московском университете (1812, ч. 1). *...был в питерской...* — Речь идет о 8 публичном заседании «Беседы» 4 мая 1812 г. *...рассуждение о Феофане Прокоповиче...* — «Опыт о российских писателях» Шишкова, посвященный Прокоповичу. *...выписку из поэмы Шихматова «Песни на гробах»...* — Фрагменты из поэмы Шихматова «Ночь на гробах» (подражание поэме Э. Юнга «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии»).

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 9 мая 1812 г. (стр. 192). — *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 178 об.

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 10 мая 1812 г. (стр. 192). — *Батюшков*, т. III, с. 183—186. *Блудов женился...* — 28 апреля 1812 г. на А. А. Щербатовой. *Ржевский... успел... напечатать стихи...* — Стихотворение «Новобрачным Д... Н... и А... А... Б...». *...своим Катюллом...* — Катюлл был знаменит как автор эпиталам (свадебных песен). *...«Весны» графа Хвостова...* — Стихотворение Хвостова «Весна 1812 года» было прочитано в заседании «Беседы» 4 мая 1812 г. (опубл.: *ЧвБ*, 1812, кн. 9). *Под именем Крылова вышли стихи к Шишкову...* — «Стихи А. С. Шишкову» были отпечатаны в 1812 г. отдельным листком за подписью: «Иван Крылов».

Крылов написал специальное опровержение, которого ему, впрочем, не удалось опубликовать. Молва упорно приписывала эти стихи Хвостову (см.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. с. 456—457), однако сам Хвостов решительно отрекался от авторства и приписывал послание Х. О. Кайсарову (*ЛА*, с. 384—385). *Шаховской написал водевиль...*— «Казак-стихотворец». ...с другим Пушкиным.— Речь идет об А. М. Пушкине. ...к молодому Муравьеву...— Подразумевается Никита Муравьев. ...Измайлов из утробы своей...— Измайлов в мае 1812 г. исполнял должность очередного президента *ВОЛСНХ*. ...о новой сатире Милонова...— «К моему рас судку»; В. Л. Пушкин выведен там под именем Вадоркина. ...эпиграф...— Из IV песни «Искусства поэзии» Н. Буало. ...в своем новом послании...— «Наши стихотворцы» (Аглая, 1812, № 4). *Апоиг, апоиг...*— Цитата из басни Лафонтена «Влюбленный лев».

Из журнала заседаний *ВОЛСНХ*. 16 мая 1812 г. (стр. 194).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 181 об.

В. Л. Пушкин — Д. Н. Блудову. 23 мая 1812 г. (стр. 194).— *РА*, 1899, № 7, с. 459—460, подлинник по-французски. ...Вы преодолели все препятствия...— Блудов женился на княжне Анне Андреевне Щербатовой, победив одиннадцатилетнее сопротивление ее родных. ...по приезде в Москву...— В. Л. Пушкин покинул Петербург 22 или 23 февраля 1812 г.— см. письмо Батюшкова к Вяземскому 27 февраля 1812 г. ...небольшой сборник повестушек и рассуждений...— Пучкова Е. Н. Первые опыты в прозе Катерины Пучковой. М., 1812. ...в лицее Мерзлякова.— На публичных лекциях А. Ф. Мерзлякова по эстетике («Теория изящных наук»), читанных в московском доме кн. Б. В. Голицына на Старой Басманной весной 1812 г. ...сандуновиана, сопоставимая с отборным площадным сквернословием.— О склонности Н. Н. Сандунова к подобным стихотворным упражнениям см.: *Жихарев*, с. 75. *Вельяшев сочиняет басенки по четыре страницы...*— Вельяшев-Волицев Д. И. Светящийся червяк и Филин.— Труды *ОЛРС*, 1812, ч. 1, кн. 2, с. 26—28, «Комета» — там же, ч. II, кн. 4, с. 40—42. ...господин Шатров пародирует Псалмопевца...— Шатров Н. М. Преложение псалма LI.— Там же, 1812, ч. II, кн. 4, с. 88—91. ...французский комментарий к сочинениям Карамзина.— Эта работа Б. В. Голицына не была опубликована. ...собирается выдать два тома пиитических творений в продолжение тех, что напечатаны Жуковским.— Это намерение Воейков смог осуществить (совместно с Жуковским и А. И. Тургеневым) лишь в 1815—1817 гг. в Петербурге: «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе», ч. 1—6, об этом издании см. справку В. И. Сайтова.— *ОА*, т. 1, с. 388. *Жуковский начал поэму...*— Вероятно, имеется в виду неосуществленный замысел

поэмы «Владимир». ... балладу в роде «Людмилы»...— «Светлана». ...один — по-русски...— «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения» Жуковского. ...другой — по-французски...— Ответное послание Плещеева в печати неизвестно (сводку сведений об этой стихотворной переписке см. в коммент. В. П. Петушкова в кн.: Жуковский В. А. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1959, с. 428—429). ...Милонов написал на мой счет целую сатиру...— «К моему рас судку». ...немилосердного Клементия...— Непереводимая игра слов: Клементий — кроткий, добрый. ...был с ним ласков и любезен...— По свидетельству Вяземского, «ошеломленный неожиданным нападением и чувствительно уязвленный» В. Л. Пушкин «долго не мог опомниться, сетовал на человеческую неблагодарность и жалобно говорил: «Да что же я ему сделал худого? Не позже как на той неделе Милонов вечером пил у меня чай. Никак не мог я подозревать в нем такого коварства» (*Вяземский. ПСС*, т. 8, с. 345—346). Эти сетования Василия Львовича стали фактом арзамасского кружкового фольклора (ср. письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому второй половины сентября 1825 г.— *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 231). Михаил Александрович — Салтыков.

К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. Июнь 1812 г. (стр. 196).— *Tu joins.*— Цитата из «Послания к аббату Куртену» Шолье. ...своего Драйдена...— Перевод кантаты Драйдена «Пиршество Александра». ...балладу...— «Светлана». ...твое послание...— «Батюшкову». ...письмо к Ивану Матвеевичу...— Предполагалось, что И. М. Муравьев-Апостол напишет воспоминания о М. Н. Муравьеве для издания его сочинений, готовившегося Жуковским. *Он готовится в министры финансов...*— Н. И. Тургенев в ту пору усиленно штудировал литературу по политэкономии.

Из журнала заседаний ВОЛСНХ. 20 июня 1812 г. (стр. 199).— *Арх. ВОЛСНХ*, № 204, л. 190.

Д. В. Дашков — К. Н. Батюшкову. 12 июля 1812 г. (стр. 199).— *ИРЛИ*, ф. 19, № 30, л. 1 об.—2 об.

К. Н. Батюшков — Д. В. Дашкову. 9 августа 1812 г. (стр. 200).— *Батюшков*, т. III, с. 198—200. ...*весь Парнас, весь сумасшедших дом...*— Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту». ...*о Батые, о Тамерлане...*— Речь идет о Д. И. Хвостове; далее Батюшков перефразирует формулы из «хвостовской» речи Дашкова в *ВОЛСНХ*. ...*ода...*— «Ода на мир с Оттоманской Портою» (1812). ...*такого дня и года...*— Цитата из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк». ...*о нашем обществе...*— *ВОЛСНХ*. *За синим океаном...*— Цитата из «Послания к И. И. Дмитриеву» Карамзина.

Шпага победит тогу...— Цитата из комедии Корнеля «Лжец» (д. 1, явл. 1). *...улыбки переводчика...*— Ироническая характеристика Н. И. Гнедича.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 29 октября 1812 г. (стр. 202).— *ОА*, т. 1, с. 8.

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. Январь 1813 г. (стр. 202).— *Батюшков. 1986*, с. 365—366. В Нижний Новгород осенью 1812 г. прибыло множество беженцев из Москвы, в том числе Карамзин, В. Л. Пушкин и др.

К. Н. Батюшков. Певец, или Певцы в Беседе Славно-Россов. (стр. 203).— Современник, 1856, № 5, смесь, с. 10—18. *Батюшков. 1986*, с. 477. Стихотворение является пародическим «перепевом» гимна Жуковского «Певец во стане русских воинов». *Балладо-эпико-лиро-комико-эпизодический гимн.*— Подзаголовок пародирует название «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из Отечества» Державина. *С Роленем за плечами...*— Подразумевается перевод многотомных «Древней истории» и «Римской истории» Ш. Роллена, выполненный Тредиаковским. *Сумбур* — Державин. *Славенофил* — кличка Шишкова. «*Барды*» — драматическая поэма С. Жихарева. *Меня в Пиндары крочит!* — Шишков считал Ширинского-Шихматова самым выдающимся и многообещающим из современных поэтов. *Холодных шуб родитель...*— Подразумеваются «Расхищенные шубы». *И выпьем в честь Весталки!* — Имеется в виду А. П. Бунина. *Холуй Анастасевич...*— Намек, с одной стороны, на пристрастие Анастасевича к полонизмам (он, в частности, называл в своих сочинениях слуг холуями), с другой — на его зависимость от Д. И. Хвостова, субсидировавшего журнал Анастасевича «Улей». *Кто пишет так, как говорит...*— Формула, отражающая стилистическую программу карамзинизма.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Первая половина апреля 1813 г. (стр. 209).— *ОА*, т. 1, с. 15. Как установил В. В. Руммель, письмо относится к июлю.

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 10 июня 1813 г. (стр. 209).— *Батюшков. 1986*, с. 227—228. *Переводом Драйдена я не очень доволен...*— «Торжество Александра, или Сила Гармонии» (*ВЕ*, 1813, № 7—8).

К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. 30 июня 1813 г. (стр. 210).— *Батюшков*, т. III.

Д. В. Дашков — Д. Н. Блудову. 15/27 октября 1813 г. (стр. 211).— Отчет *ИПБ* за 1887 г. СПб., 1890, с. 220—227.

...Батюшков просил у вас назад своей тетради...— У Блудова хранился рукописный сборник стихотворений Батюшкова. ...в последней книжке Беседы.— ЧвБ, 1813, кн. 13. ...прислал мне целое послание...— См. 2 т. наст. изд., с. 247. ...бывшего нашего Общества...— Подразумевается ВОЛСНХ; издававшийся им «Санкт-Петербургский вестник» остановился на 10 № за 1812 г. (вышел в 1813 г.). ...новую героическую поэму...— «Петриада. Поэма эпическая. Сочинение А. Грузинцова». СПб., 1812. «Сражение при Лоре»...— «эпическая поэма из Оссияна» В. Олина (СПб., 1813). ...новый президент...— А. С. Шишков, назначенный президентом Российской Академии в 1813 г. ...за отсутствием орла, отлетевшего опочить на башнях киевских...— Подразумевается Державин, совершивший летом 1813 г. путешествие на Украину и в июле — августе живший в Киеве. ...о котором писал к вам Иван Иванович.— Об «орле», который «направил полет свой к Киевским святым пещерам», И. И. Дмитриев писал Блудову 16 июля 1813 г. (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 418). ...певца Фелицы и Озирида...— Здесь и далее Дашков иронически противопоставляет творчество «классического» и позднего Державина. ...под названием Сокола...— Речь идет о Д. И. Хвостове, также упоминавшемся в письме Дмитриева к Блудову.

П. А. Вяземский. Письмо к М. Т. Каченовскому, редактору «Вестника Европы». Приказ Семену Гаврилову (стр. 215, 216).— РА, 1866, № 3, с. 476—478. Смотри, чтоб гласная, спеша, не спотыкалась...— Цитата из «Науки стихотворства» Буало в переводе Д. И. Хвостова (СПб., 1809, с. 9). ...сенатор Захаров... вдруг написал оду...— Намек на огромное стихотворение Захарова «Песнь победителю Наполеона Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому» (СПб., 1813).

Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 19 декабря 1813 г. (стр. 217).— РА, 1866, № 3, с. 491—494. Нарядный картуз...— Подразумевается эпиграмма Вяземского «Картузов-куратор...». ...но мы не должны начинать с Муравьева.— Речь идет о «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола (печатались в СО в 1813—1814 гг.), содержавших ряд нападок на французскую словесность и просветительскую философию. ...краснослов...— Выражение «красная словесность» употребил В. К. Тредиаковский в предисловии к «Телемахиде»; Дашков, таким образом, уподобляет Шишкова Тредиаковскому. Кстати, о нашем Горацци...— Речь идет о Державине. ...его замечания на возвращенной мне книжке.— Дашков преподнес Державину экземпляр своей полемической брошюры «О легчайшем способе возражать на критики», который Державин вернул автору с неодобрительными пометами. Он, в частности, выразил убеждение в том, что «такие бранные пересуды друг друга» не ведут «к исправлению языка» (ЦГАЛИ, ф. 180, оп. 1, № 9).

А. Ф. Воейков — П. А. Вяземскому. 18 января 1814 г. (стр. 220).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1602, л. 1. Воейков прибыл в Муратово по приглашению Жуковского в конце декабря 1813 г.

В. А. Жуковский — А. Ф. Воейкову. 20 февраля 1814 г. (стр. 220).— *РС*, 1901, № 9, с. 26—27. Воейков покинул Муратово 31 января 1814 г. ...*в Суринамском уголке...*— Суринам — «домашнее» обозначение идиллической жизни в Белёве и Черни (от названия имени Плещеевых — Суриянино).

Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 24 апреля 1814 г. (стр. 221).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1820, л. 3—4. *Это путешествие... славнее нежели Астольфо в луну...*— Астольфо, герой «Неистового Роланда» Ариосто, совершил путешествие на луну, где обнаружил потерянный людьми разум, содержащийся в многочисленных флаконах. ...*многого приятеля вашего...*— Речь идет о «Святках» («Спасителя рождением...») самого Вяземского. *Карамзин роди П. Сумарокова, Сумароков же роди Жуковского...*— Пародический парафраз Евангелия от Матф. (I, 2—16); имеется в виду *ВЕ*, издававшийся Карамзиным в 1802—1803 гг., П. П. Сумароковым в 1804, М. Т. Каченовским в 1805—1807, Жуковским в 1808—1809, Жуковским совместно с Каченовским в 1809—1810, Каченовским в 1811—1813, В. В. Измайловым в 1814 г. В 1815 г. журнал вновь перешел к Каченовскому. ...*от нашего Милорда...*— Речь идет о Северине, находившемся в Англии. *О другом нашем странствующем голубке...*— Подразумевается Батюшков, принимавший участие в заграничном походе русской армии.

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 17 мая 1814 г. (стр. 223).— *Батюшков*, т. III, с. 272—274.

Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 25 июня 1814 г. (стр. 225).— *РА*, 1866, № 3, с. 495—498. *Пылью панцири покрыты...*— Из баллады Жуковского «Людмила».

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. Сентябрь 1814 г. (стр. 227).— *ПЖТ*, с. 125. *Его Скандинавский замок прелестен.*— Подразумевается элегия Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814). ...*пособий для «Владимира».*— «Владимир» — сказочная поэма на материале древней русской истории, над которой работал Жуковский (поэма так и не была написана).

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 10 ноября 1814 г. (стр. 228).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 49. Под текстом — изображение факела с тремя языками пламени.

К. Н. Б а т ю ш к о в.— В. А. Ж у к о в с к о м у. 29 декабря 1814 г. (стр. 228).— *Гиллельсон*, с. 54. ...*твое послание*...— «Императору Александру». Подробный разбор этого послания содержится в письме Батюшкова Тургеневу от 20—21 декабря 1814 г. (см. т. 2 наст. изд.).

«ЛИПЕЦКИЙ ПОТОП»

В настоящий подраздел вошли материалы, связанные с полемикой вокруг комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (премьера этой комедии, вызвавшая «бурю на Парнасе», послужила ближайшим поводом для образования «Арзамаса»). Исключение сделано для сатиры Д. Н. Блудова «Видение в какой-то огаде»: по композиционно-тематическим соображениям составители сочли целесообразным открыть ею раздел «Арзамасские документы».

А. А. Шаховской. Урок кокеткам, или Липецкие воды (стр. 229).— Премьера комедии состоялась в петербургском Большом театре 23 сентября 1815 г. (отд. изд.— СПб., 1815).

Печатается по: *Шаховской*, с. 238—240.

В наст. изд. воспроизводятся сцены, в которых выведен Фиалкин — персонаж, истолкованный карамзинистами как «пасквиль» на Жуковского. Выпады против карамзинистов (в том числе против Жуковского) в комедии Шаховского во многом были вызваны эстетическими разногласиями: комедиограф, в частности, решительно не принимал как входивший в моду жанр баллады (не согласующийся с его представлениями о «правильной» литературе), так и «чувствительную» трактовку античной темы у Жуковского и почитаемого карамзинистами Озерова. Образ Фиалкина задумывался не столько как карикатура на Жуковского, сколько как обобщающая сатирическая маска поэта-сентименталиста — носителя враждебных Шаховскому литературных тенденций. Явственный памфлетный оттенок этого персонажа объясняется тем, что именно Жуковский в послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» недвусмысленно обвинил Шаховского в «вероломстве» и в кознях против В. А. Озерова, приведших его к безумию. В комедии рассыпано множество колких намеков и в адрес других карамзинистов — Уварова, В. Л. Пушкина, Вигеля. Подробнее о полемическом содержании «Урока кокеткам» см. статьи А. А. Гозенпуда (в кн.: *Шаховской*, с. 33—40) и А. С. Немзера (в кн.: *Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг свершив. М., 1987, с. 168—178*).

Стр. 230. *Омир, или Омер.*— *Еще не решено...*— Выпал против Уварова, который в «Письме Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре» (см. т. 2 наст. изд.) отстаивал написание «Омер» как более правильное.

Стр. 231. *Пел бессмертный славу Трою...*— Основным источником пародийной баллады Фиалкина послужила баллада Жуковского «Ахилл» (опубл. в 1815 г.): Шаховской использовал ее мотивы, стилистический строй, стихотворный размер, но при этом перевел содержание баллады в традиционный сентиментально-романсовый регистр.

Стр. 237. *Тем мертвецом, что в гроб невесту...*— Намек на балладу Жуковского «Людмила» — своего рода эталон жанра.

Стр. 238. *И полночь, и петух, и звон костей в гробах...*— Пародийный перечень мотивов также отсылает главным образом к «Людмиле».

А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову. 24 сентября 1815 г. (стр. 239).— Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 147. Автор эпиграммы-экспромта — по всей вероятности, Жуковский. А. Я. Булгаков, пересказывая в письме к брату Константину содержание письма Тургенева, атрибутировал эту эпиграмму Жуковскому без каких-либо оговорок (РА, 1900, № 8, с. 473—474). Острота о «сухих водах» была использована Вяземским в эпиграмме «С какою легкостью свободной...» (см. «Поэтический венок Шутовского»).

Д. В. Дашков. Венчание Шутовского (стр. 240).— Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1104, л. 19 об.— 20 об.

Сразу же после премьеры «Урока кокеткам» состоялось чествование Шаховского, во время которого на драматурга был возложен лавровый венок женою петербургского гражданского губернатора В. М. Бакуниной. Точная временная приуроченность этого события в сатирическом «гимне» Дашкова («вчера») позволяет предположить, что «Венчание Шутовского» было написано на следующий день после премьеры и связанных с нею торжеств — 24 сентября 1815 г. Гимн Дашкова получил широкое распространение в списках; текст «Венчания Шутовского» включил в свой лицейский дневник молодой Пушкин. По некоторым сведениям, «Венчание Шутовского» пелось на заседаниях «Арзамаса».

Стр. 240. *Творца Затеи...*— Имеется в виду комедия Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808).

Он злой Карамзина гонитель...— Подразумеваются косвенные и прямые выпады против Карамзина в комедии «Новый Стерн» и в рукописной редакции ироикомической поэмы «Расхищенные

шубы» (см. письмо К. Н. Батюшкова к П. А. Вяземскому от 27 февраля 1812 г.).

Хлыстов — Д. И. Хвостов.

И враг талантов записной. — Обобщающая характеристика Шаховского подразумевает его выступления против Карамзина, Жуковского, В. Л. Пушкина, Блудова, Уварова и др., а также его репутацию «гонителя» Озерова (см. примеч. к статье Дашкова «Письмо к новейшему Аристофану»).

...свои он шубы... — Поэма «Расхищенные шубы».

Старик седой! — А. С. Шишков.

...поэтов бледный строй. — Реминисценция из «Видения на берегах Леты» Батюшкова («Безгласны, бледны...», «Из этих лиц уныло-бледных», «Кивнула бледна тень главой»).

Стр. 241. *...директор...* — С 1802 г. Шаховской состоял на службе в дирекции императорских театров.

...воин... — В молодости Шаховской служил в Преображенском полку; в 1812 г. возглавлял дружину, сформированную из ратников тверского ополчения. Эта дружина в боевых действиях практически не участвовала.

Еврей мой сочинил Деббору... — Трагедия «Дебора, или Торжество веры» (поставлена 24 января 1810 г.) была написана Шаховским совместно с его младшим сослуживцем Л. И. Неваховичем. Обвинения Шаховского в плагиате необоснованны. В предисловии к изданию «Деборы» Шаховской сам указал на участие Неваховича в создании трагедии и подробно разъяснил, в чем именно заключалась его помощь (Невахович написал в прозе несколько явлений 1 и 2 действий, переделанные затем Шаховским в стихи, и «речь Деборы в судилище»; им же осуществлена общая консультация, связанная с древнееврейскими реалиями. См.: Шаховской А. Дебора, или Торжество веры. СПб., лета MDCCCXI, с. VI—VIII).

Макар и Ежова — слуга и любовница Шаховского, постоянно выводимые в посвященных драматургу сатирических произведениях (см.: А. Е. Измайлов «Князь Ш. и актриса Е.»).

Письмо к новейшему Аристофану (стр. 242). — CO, 1815, № 42, с. 140—148.

Стр. 242. *...являются опять на сцене...* — Шаховской был членом репертуарного комитета и дирекции императорских театров, что и могло дать повод к утверждению о злоупотреблении служебным положением для постановки и удержания в репертуаре своих пьес.

...дерзость в лице друзей их! — Дашков утверждает, что Шаховской критикует карамзинистов (в частности, Жуковского) из мести за нападки в его собственный адрес.

...в переводе его трагедий... — Шаховской перевел трагедию Воль-

тера «Китайский сирота» (1809) и участвовал вместе с Гнедичем, Лобановым, Жихаревым и Полозовым в переводе трагедии «Альзира» (1809).

Стр. 243. ...сказал Попе...— Цитата из четвертого письма поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (см.: Поэты XVIII века, т. I. Л., 1972, с. 91).

...училище нравственности...— т. е. театр.

Стр. 244. ...творца Поликсены и Димитрия.— Автором трагедий «Поликсена» и «Димитрий Донской» был В. А. Озеров.

Ах! вы ли виною, что... погубили его.— Намек на причастность Шаховского к жизненной трагедии В. А. Озерова, ранее прозвучавший в стихотворениях В. Л. Пушкина «К князю Вяземскому» (1814) и В. А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814). Признаки душевной болезни у Озерова (ум. в 1816 г.) начали проявляться с 1809 г. и в ретроспективном сознании друзей связывались с историей постановки его трагедии «Поликсена» на сцене Петербургского театра. Постановщиком ее, как и прежних трагедий Озерова, был Шаховской. И хотя самому Шаховскому «Поликсена» не нравилась, препятствий к ее появлению на сцене он не чинил. Успех «Поликсены» был несопоставим с триумфом предыдущих пьес Озерова, что вынудило Шаховского отказать драматургу в выплате обещанного гонорара. К тому же спектакли знаменитой французской актрисы Жорж отвлекли зрителей от русского театра.

Омира или Омера...— Ср. реплику Фиалкина в комедии Шаховского (д. 2, явл. 6).

...читая «Облака» его...— Комедию «Облака» (пост. 423 г. до н. э.) сам Аристофан считал одним из лучших своих произведений. Она направлена против софистической мудрости Сократа, выведенного в комедии в качестве отрицательного героя.

Стр. 245. ...свою несравненную Селимену...— Именем героини комедии Мольера «Мизантроп» Дашков называет персонажа «Липецких вод» Лелеву (см. примеч. на с. 539).

...слишком известные стихи...— Дашков отсылает к следующим стихам «Липецких вод»: «Стучат, бренчат, кричат, все счастье видят в том, // Чтоб пристяжная их свивалася кольцом» (д. 5, явл. 5). Вторая строка — цитата из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811): «Мы сели в обшивни, покрытые ковром, // И пристяжная выиг свернула с кольцом». В «Опасном соседе» содержался прямой выпад против Шаховского (см. вступ. статью к наст. изд.), поэтому В. Л. Пушкин назван Дашковым «известным недоброжелателем» Шаховского.

Macte animo ... astral! — Цитата из «Энеиды» Вергилия (IX, 64). Обращение Аполлона к сыну Энея Асканию: «Хвала тебе, благородный отрок, так идут к звездам».

А. Е. Измайлов. «Что на Ж(уковско)го наш Ш(утовской) забесился?..» (стр. 246).— Русская эпиграмма XVIII—XIX вв. Л., 1958, с. 79.

...Асмодей в балладах у него...— Асмодей — черт, персонаж баллад Жуковского «Громобой» и «Вадим» («Двенадцать спящих дев»). Шаховской уподоблен Асмодею и по внешнему безобразию и по внутренним признакам — как носитель зла и коварства.

П. А. Вяземский. Поэтический венок Ш(утовского), поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги (с. 246) — *Вяземский. ПСС*, т. 3, с. 249 (1—4); Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 240 (5, 8); Российский музей, 1815, № 12, с. 234—235 (6, 7, 9). Эпиграммы 1—5, 8 печатаются по: *Вяземский. 1986*, с. 88. «Поэтический венок» был восторженно встречен арзамасцами, о чем сообщал Дашков в письме к Вяземскому от 26 ноября 1815 г. (см. с. 315 наст. тома). Однако сохранившиеся на автографах и авторизованных копиях эпиграмм пометы Жуковского свидетельствуют о том, что оценка их была не однозначна. Так, против текста эпиграммы № 1 Жуковский написал: «Славно»; против ранней редакции эпиграммы № 2 — «Дурен стиль»; против окончательной редакции этой же эпиграммы: «Не хорошо»; к эпиграмме № 4 Жуковский сделал помету: «Напрасно! „Полубарские затеи“ — затеи остряка»; к эпиграмме № 7 — «Прекрасно!»; к эпиграмме № 8 — «Начало à la Baptiste. Конец слабее» (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 864 (л. 1 об., л. 2), 860 (л. 30 об.), 859 (л. 8)).

2. *Трагедией ты зрителя смешишь.* — Речь идет о сценической неудаче единственной трагедии Шаховского «Дебора».

3. ...*соседов ссорил...* — Намек на комедию Шаховского «Ссора, или Два соседа» (1813).

4. «*Коварный*» (1804), «*Новый Стерн*» — комедии Шаховского, осмеивающие поэтов-сентименталистов.

5. *Убийца сироты!* — Речь идет о сценической переделке Шаховским пьесы Вольтера «Китайская сирота»; ее постановка на петербургской сцене (1809) не имела успеха.

8. *Торжественно сошел со сцены твой «Коварный».* — Постановка в Петербурге (16 декабря 1804 г.) этой комедии была освистана.

Письмо с Липецких вод (стр. 248). — «Российский музей», 1815, № 12, с. 257—265.

Стр. 248. *В сентябре месяце...* — См. примеч. к с. 229.

*Графиня Л **** — графиня Лелева, персонаж указанной комедии.

Селимена — см. примеч. к с. 245.

*Князь Х *** Полковник П *** Княжна О *** Барон В *** пове- с У **** — князь Холмский, полковник Пронский, княжна Оленька,

барон Вольмар и отставной гусарский поручик Угаров — персонажи комедии «Липецкие воды».

Стр. 249. *Растрепанный, в пузу, в картузе с козырьком!* — Цитата из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».

Ф *** — поэт Фиалкин.

...лицо, схожее с новым Стерном. — См. примеч. к с. 246.

Граф О *** — граф Ольгин, персонаж «Липецких вод».

Горнишная девушка — Саша, персонаж из той же комедии.

Стр. 250. *...занявши праздных зрителей ночными увеселениями...* — Намек на эпизод из последнего акта комедии.

Их иссушила грусть и ветер их разнес. — Стих из трагедии Озерова «Эдип в Афинах» (д. 4, явл. 3), отсылающий к предыдущему: «Ты зри главу мою, лишенную волос»: Шаховской был плешив.

...всего распучила... — Шаховской был толст; то же выражение использовано в пуанте эпиграммы «Угодно ль, господа, меж русскими певцами...».

Стр. 251. *...напоминает песнопевца налож.* — Речь идет о Буало, создателе ироикомической поэмы «Налой» (1674); автора «Расхищенных шуб» арзамасцы обвиняли в подражании этой поэме.

...похож на читающего дьячка. — Ср. характеристику чтения Шаховским «Расхищенных шуб» на заседании «Беседы», данную Батюшковым в письме к Вяземскому 27 февраля 1812 г.

...скоро узнали по его полубарским затеям... — Намек на комедию Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр».

...всех рассуждений... — Намек на трактаты Шишкова.

...и благоразумную твердость... и мудрое гладнокровие... — Так иносказательно именуются И. И. Дмитриев и Карамзин.

Гагары! в прозе и в стихах!.. — Из басни И. И. Дмитриева «Лебедь и гагары» (1805).

Стр. 252. *...политический порядок утвердился на развалинах самовластного неустройства...* — Речь идет о реставрации монархии Бурбонов во Франции.

М. Н. Загоскин. Комедия против комедии, или Урок волокитам (стр. 252). — Премьера «Комедии против комедии...» состоялась в Петербурге 3 ноября 1815 г. (Опубликована — СПб., 1816.)

Печатается по: Загоскин М. Н. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1987, с. 23—30.

Пьеса Загоскина была написана в поддержку Шаховского и изобиловала выпадами в адрес карамзинистов. В наст. изд. включена сцена, имеющая непосредственное отношение к полемике вокруг «Урока кокеткам», в частности — к спорам о памфлетном содержании образа Фиалкина. В репликах фигурирующего здесь графа Фоль-

гина отразились некоторые суждения и особенности речевого поведения Вигеля (подробнее см. в «Записках» Вигеля).

Стр. 253. ...покажу тебе эпиграмму, в которой то же самое напечатано. — Скорее всего имеется в виду анонимная эпиграмма (СО, 1815, № 40, с. 65), возможно, вышедшая из арзамасского круга:

Наш комик Шутовской хоть любит уязвить,
Но осторожности своей не изменяет:
Умеет он всегда сначала усыпить,
Да после сонного уж смело и ругает.

Стр. 254. Стихов я не сочиняю, но какую-нибудь сатиру в прозе. — Вероятно, выпад не только в адрес Вигеля, но и Блудова, автора «Видения в какой-то ограде».

Стр. 255. ...не имея превосходных дарований своего образца... — Речь идет о Жуковском.

В первом стихе есть что-то о природе, а во втором о сухих водах. — Намек на эпиграмматической экспромт Жуковского (см. выше: в письме А. И. Тургенева А. Булгакову от 24 сентября 1815 г.).

Ф. Ф. Вигель (?). Мнение постороннего (стр. 256). — СО, 1815, № 44, с. 35—36, подпись: М. Авторство Ф. Ф. Вигеля представляется наиболее вероятным. Так, 18 ноября 1815 г. Блудов в своей арзамасской речи упоминает о «ненависти» Вигеля к «невинным драматургам»-похитителям — к тому времени только что вышла книжка СО с «Мнением постороннего», которое и могло дать прямой повод для блудовского заявления (ср. также речь Жуковского 11 ноября 1815 г., когда статья была подготовлена и находилась в печати). По содержанию «Мнение...» вполне соответствует характеру возражений Вигеля Загоскину (см. его «Записки»). Дополнительным аргументом в пользу авторства Вигеля служит письмо Жуковского к Вяземскому от декабря 1815 г. (с. 316 наст. тома), объясняющее слова речи Жуковского: «вверженного в кастрюлю примирения».

Однако статья атрибутирована Д. В. Дашкову в библиографических заметках С. Д. Полторацкого; см.: Основат А. Л., Охотин Н. Г. Комментарий к «Материалам для биографии А. С. Пушкина». М., 1985, с. 78.

«Мнение постороннего» — отклик на постановку «Комедии против комедии» М. Н. Загоскина, которую арзамасцы расценили как капитуляцию партии Шаховского в литературной войне. Заявление о прекращении журнальной «переписки» с Шаховским подразумевало главным образом Д. В. Дашкова, выступившего на страницах СО с «Письмом к новейшему Аристофану» («Письмо» Вяземского еще не было опубликовано). В то же время заметка явно отражала позицию всего арзамасского кружка. Видимо, она непосредственно связана с принятым на заседании «Арзамаса» 11 ноября 1815 г. решением

«заключить перемирие, а смотря по обстоятельствам, и мир с водяными скоморохами Липецкого закоулка».

Двусмысленная аттестация Загоскина как «представителя» Шаховского вкупе с издевательскими уверениями Вигеля в том, что арзамасцы почитают имя Загоскина псевдонимом Шаховского (см. его «Записки»), вызвали гневную отповедь драматурга в предисловии к отдельному изданию «Комедии против комедии»: *«Правда глаза колет. Я должен был ожидать, что враги «Липецких вод» сделаются и моими; твердо решившись молчать и не отвечать ни на какие критики, я не сказал бы ни слова о мнении какого-то постороннего, напечатанном в 46-м номере «Сына Отечества», если б не было в нем ничего, кроме ругательств; но сочинитель сей жалкой статьи называет меня представителем и, как кажется, хочет дать почувствовать, что я есть не что иное, как орудие, употребленное другим; что через меня делает кто-то другой какое-то торжественное отречение: одним словом, г. посторонний хочет сделать и меня посторонним во всем, что касается до моей комедии.*

Для избежания всех пустых толков я не скрывал своего имени и теперь снова повторяю, что *вся комедия, не исключая* первого явления во втором действии, написана *одним* мною; но что успех ее приписываю я менее себе, чем прекрасной игре актеров; что, сочиняя мою комедию, я имел в виду одну истину, не помышляя ни о каких *трактатах и капитуляциях*, и что прошу всех господ *посторонних и не посторонних*, печатая подобные клеветы, не забывать подписывать своего имени. Впрочем, сочинитель сей статьи поступил еще довольно милостиво, называя меня представителем другого автора, он не отрицает, по крайней мере, моего существования; а есть такие догадливые люди, которые уверяют, что не только я, но даже и моя фамилия вымышлена. Советую сим недоверчивым господам заглянуть в дворянскую родословную книгу, и если они умеют читать по-русски, то найдут в ней неоспоримое доказательство, что на этот раз были они чересчур уже догадливы» (Загоскин М. Н. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1987, с. 8).

Стр. 257. *...счастливым дар обезображивать чужие шутки.* — Подразумеваются издевательские пересказы эпиграмм карамзинистов на Шаховского, содержащиеся в комедии Загоскина (см. выше).

...могут сказать, с творцом Димитрия... — Включенная в полемический контекст цитата из Озерова («Димитрий Донской», д. 1, явл. 3), «жертвы» Шаховского, да еще с демонстративным использованием формулы из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Димитрия творец»), должна была нанести автору «Липецких вод» заключительный удар в журнальной войне.

А. С. Пушкин. Мои мысли о Шаховском (стр. 257). — Анненков, с. 23; полностью — РА, 1899, № 2, с. 340–350. Печата

ется по: *Пушкин. ПСС*, т. XII, с. 302. Датируется декабрем (после 17) 1815 г. Статья представляет собою дневниковую запись лицеиста Пушкина; следует в дневнике за записью от 17 декабря.

Стр. 257. ...*холодный пасквиль на Карамзина*. — Традиционная, но не вполне точная версия (см. примеч. на с. 493).

...*водевиль Ломоносов*... — Опера-водевиль в 3-х д. «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» поставлена впервые в Петербурге 31 декабря 1814 г.

Стр. 258. ...«*Казак-стихотворец*» — см. примеч. на с. 483 наст. тома.

«*Встреча незваных*» — «Крестьяне, или Встреча незваных. Опера-водевиль в 2-х д.». СПб., 1815. Поставлена в Петербурге 23 ноября 1814 г., многократно повторялась в 1814—1817 гг.

Он написал поэму «*Шубы*»... — Цитата из кантаты Д. В. Дашкова «Венчание Шутовского» (вписанной А. С. Пушкиным в дневник 28 ноября 1815 г.).

«*Кокетка*» — «Урок кокеткам, или Липецкие воды».

АРЗАМАССКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Центральную часть раздела составляют арзамасские речи и протоколы, дополняемые (как и в предшествующих разделах) свидетельствами писем и дневников. О литературном значении протоколов и речей см. вступ. статью. Как исторический и документальный материал они содержат уникальные сведения об индивидуальных литературных позициях арзамасцев (далеко не всегда идентичных) и о литературных взаимоотношениях общества в целом. Так, прямым своим противником арзамасцы считают не только «Беседу», но и Общество любителей российской словесности при Московском университете, в которое организационно входят некоторые участники кружка (Вяземский, Батюшков, В. Л. Пушкин — см. речь Дашкова 6 мая 1816 г.), — отсюда и иронические пассажи о Мерзлякове как одном из руководителей «московской «Беседы». Несколько сложнее складываются отношения «Арзамаса» с петербургским Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств (см. раздел «Накануне Арзамаса»), где была сильная антишишковская группа (А. Е. Измаилов, М. В. Милонов, Н. И. Греч). И уже вовсе неоднозначную репутацию получают в «Арзамасе» Греч и близкий к «михайловскому обществу» Гнедич; «арзамасская» критика Греча в речах Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова немедленно корректируется ими же самими (см. тексты речей и примеч., ср. также воспоминания Греча), а иронические упоминания Гнедича у Вигеля и Блудова получают противовес в обращенных к нему статьях Уварова о гекзаметре, демонстрирующих общность интереса участников «оленинского кружка» к античности, и

в общеизвестных фактах дружбы Гнедича с Батюшковым и Жуковским.

Речи и протоколы позволяют уловить и разность литературно-эстетических позиций в среде самих арзамасцев. Так, Дашков осторожно защищает Бунину против Уварова (заседание 25 ноября 1815 г.), Жуковский (в отличие, например, от Блудова) избегает задевать Державина и Крылова. Блудов, Дашков, Вяземский, в меньшей мере Уваров — присяжные полемисты «Арзамаса»; позиция Жуковского более умеренна; он скорее юморист, чем сатирик. Тем не менее эти люди — основное ядро «Арзамаса» — формируют общий стиль кружковых взаимоотношений и поведения, который потом воспроизводится (или имитируется) в речах Жихарева, Вигеля, Северина, Н. Тургенева, М. Орлова и др. Несколько речей утрачено; несомненно, однако, что ряд избранных членов почти не принимал участия в деятельности общества и речей не произносил; из числа «безгласных» только А. И. Тургенев является безусловным «арзамасцем» (даже в большей мере, чем, например, С. С. Уваров). Но и среди более активных членов, например, Вигель, Жихарев или Кавелин лишь с большими оговорками могут быть сочтены единомышленниками «Арзамаса» (см. примеч. к речи Жихарева и воспоминания Вигеля).

Те же оговорки, но по нескольким иным причинам, следует сделать в отношении Н. Тургенева и М. Орлова — политиков, для которых литература была занятием вторичным и которые стремились придать обществу непосредственный общественно-политический оттенок (см. вступ. статью). Дополнением к их речам служат арзамасские «законы» и в особенности программы арзамасского журнала (см. ниже).

Тексты арзамасских речей и протоколов, частью известные еще по публикациям XIX в. (см. примеч.), впервые напечатаны полностью в А, с примеч. М. С. Боровковой-Майковой (кроме речи Жуковского 18 сентября 1817 г.). Печатаются по: А с проверкой по автографам (ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 115); уточнения текстов специально не оговариваются. В ЦГАЛИ (ф. 195, оп. 1, № 1194) сохранились переплетенные копии 13 протоколов, свыше 20 речей и др., выполненные почерком начала XIX в. и снабженные пометами Вяземского. Копии в основном соответствуют оригиналам ИРЛИ, однако в некоторых случаях воспроизводят ранние чтения, без учета имеющейся в оригиналах правки. Сличение рукописей, произведенное О. А. Проскуриным, позволило в некоторых местах уточнить текст. В примечаниях отмечены наиболее существенные смысловые разночтения (частично вызванные позднейшей редактурой Вяземского).

Д. Н. Блудов. Видение в какой-то ограде (стр. 261).— ОА, т. 1, с. 409—416. Одно из основных сатирических выступлений «Арзамаса», ставшее началом деятельности общества (см. вступ. статью и воспоминания Вигеля в наст. томе).

Написано после постановки «Липецких вод» (23 сентября) и до первого заседания «Арзамаса» (14 октября 1815 г.).

«Видение» — одна из отправных точек «арзамасского» летоисчисления, однако хронологический расчет, по-видимому, содержит ошибки. Время действия — «лето второе от Лейпцигской битвы» (4—7 (16—19) октября 1813 г.), т. е. 1815 г., «месяц третий, день пятый на десять» (15 марта или, если дата битвы является исходной точкой отсчета, 19 (31) декабря, последнее вернее, т. к. изображена зима). Однако арзамасские протоколы считают октябрь «месяцем первым» «от Видения»; «предложение» Уварова о формуле торжественного обещания арзамасцев, датируемое 16—21 октября, помечено «днем седьмым» «от Видения». Возможно, имеется в виду время создания, а не действия, которое в этом случае определяется как 9—13 октября.

Образцом для Блудова был памфлет французского литератора и философа Андре Морелле «Предисловие к комедии „Философы“, или Видение Шарля Палиссо» (1760). Блудов сохранил жанр источника — пародийное «видение», якобы посетившее осмеиваемого комедиографа (в первом случае — противника энциклопедистов Шарля Палиссо де Монтенуа), во втором — А. А. Шаховского. У Морелле жалобы Шарля Палиссо чередуются с откровениями явившегося ему «божества», именуемого «Политическое благочестие»; главный акцент поставлен на религиозном ханжестве Палиссо и его собратьев. У Блудова структура текста усложнена в соответствии с конкретным полемическим заданием: трагестируются «видения», содержащиеся, в частности, в библейских книгах пророков (Даниила, Ездры и др.); к Библии восходят ряд образов и фразеологических сочетаний («мерзость запустения» — и др.), а также общая композиционная схема: таинственный голос, видение чудесного мужа, описание страха, охватившего героя, ободрение его («не бойся» и т. д.). Пародируется и «библейский стиль» «Беседы». Возможно, материалом для трагестирования послужила и баллада Жуковского «Громобой» (ср. в ней описание явления угодника, повторенное в «Видении» по принципу «извращенного мира», см. ниже).

Стр. 261. Эпиграф — Буало, Поэтическое искусство, III, 48.

Стр. 262. *Словесница* — «Беседа».

...листья древа проклятого — осины.

...рассердил я слепца Эдипа, и раздражил безумца Леара... —

Речь идет об интриге Шаховского против В. А. Озерова (автора «Эдипа в Афинах») и начавшихся разногласиях его с Н. И. Гнедичем («Леар» — перевод Гнедича «Короля Лиры» Шекспира в переложении Ж.-Ф. Дюсиса, пост. 1807, изд. 1808). О роли Шаховского в судьбе Озерова см. примеч. к «Письму к новейшему Аристофану» Дашкова. Трения с Гнедичем начались после того, как Е. И. Семенова, ученица

Шаховского, выбрала Гнедича в качестве своего театрального руководителя (*Жихарев*, с. 599—601, 615—618, 772—775).

...и люблю я красавицу, и урод мне любовница...— В театральных кругах держался слух, что Шаховской, живший как с гражданской женой с актрисой Е. М. Ежовой, «тщетно (<...> вздыхал у ног» М. И. Вальберховой (*Вигель*, ч. V, с. 33); А. Н. Оленин писал Озерову, что Шаховской «решился совсем убить Семенову» (в «Поликсене», трагедии Озерова); «чтобы возвеличить милую сердцу его г-жу Вальберхову» (*Гиллельсон*, с. 32—33).

Стр. 263. *Мешков* — А. С. Шишков.

Барабанов — П. М. Карабанов.

...*двух Хлыстовых!* — А. С. и Д. И. Хвостовых.

...и напишу сатиру на моих благодетелей...— Сатира 1 («Мольер! Твой дар ни с чьим на свете не равненный...»), где Шаховской, по преданию, высмеял «оригиналов современного общества» из салона директора императорских театров, мецената А. Л. Нарышкина (1760—1826) (см.: *Жихарев*, с. 450; *Шаховской*, с. 763).

И явился мне старец в лучах из замерзлых сосулек...— Ср. в «Громобое» Жуковского: «Явился старец дев очам; // И лик красы небесной, // И кротость благостных очей // Рождали упование; // Одеая ризою лучей, // Окрест главы сиянье...» — и т. д.

Стр. 264. ...и *сушит нас, и пучит...*— Ср. эпиграмму Блудова: «Угодно ль, господа, меж русскими певцами...»

...*умертвил ты гений...*— В. А. Озерова.

...*Селимену в знакомку Буянова.*— Речь идет об образе графини Лелевой в «Липецких водах». Блудов намекает, что героиню «высокой комедии» (Селимену в «Мизантропе» Мольера) Шаховской низвел до обитательницы публичного дома («знакомки Буянова» в «Опасном соседе» В. Л. Пушкина). См. «Письмо с Липецких вод» Вяземского.

...*кроткого юношу...*— Жуковского.

Протокол организационного заседания 14 октября 1815 г. (стр. 265).— Автограф Жуковского.

Стр. 265. *Один из членов...*— С. С. Уваров. Эта речь не сохранилась. См. указание на ее содержание в речи Уварова при приеме Д. А. Кавелина (11 ноября 1816 г.).

Между халдеями Беседы и Академии...— «Халдеи» — постоянное сатирическое обозначение членов «Беседы» в протоколах и памфлетах, имеющее полисемантический характер. «Земля халдеев» со столицей в Вавилоне — согласно Библии, страна пороков и языческого идолопоклонства, проклятая богом; халдеи — постоянные враги Иудеи (ср. толкование слова «Халдея» как «страна смещения и разврата» (Л е в а н д а И. Мнение о сочинении под названием «Сходство между санскритским и российским языком.— Соч. и переводы, изда-

ваемые Российской Академиею, ч. VI. СПб., 1813, с. 163). Халдеи — также жрецы, маги, объединенные в герметичную секту, претендующие на обладание тайным знанием и не допускающие непосвященных; под покровом тайны в ней процветают обман и шарлатанство (ср., например, в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, т. 6. Лозанна — Берн, 1781, с. 799—804; ср. в протоколах пародийные описания священнодействующих «колдунов» и «волхвов» «Беседы»). Самая «Беседа» в полемических целях ассоциировалась с сектой, в том числе раскольничьей, с герметическим языком и обрядностью. В литературном обиходе «халдеями» иногда называли масонов (ср. в «Изображении Фелицы» Державина упоминание «халдеев, новых чудотворцев»). В «Расхищенных шубах» Шаховского (песнь III; ЧБ, 1815, чт. 19, с. 74) Гашпар на маскараде предстает «одеждою волхва халдейского покрытый»; «древняя халдейская повесть» «Арфаксад» П. Захарьина упоминается в «Опасном соседе» В. Л. Пушкина (см. также отсылку к ней в протоколе 22 заседания). Определение «халдеи» вмещает в себя все эти ассоциации.

Стр. 266. *...если забуду тебя...*— Пародийная парафраза Псалтыри (136, 5).

...в виду той перегородки...— См. «Видение в какой-то ограде» Блудова.

...преобразование... ветхий арзамасцев... в новых, очистившихся чрез потоп Липецкий.— Пародирование масонских формул, в свою очередь опирающихся на библейские тексты («совлекаться ветхого Адама для облечения в нового». — См.: Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916, с. 356).

...четыре отсутствующих ветхий арзамасца...— Вяземский, В. Л. Пушкин (см. письма А. И. Тургенева и Жуковского к Вяземскому), Батюшков (см. обращенную к нему речь Блудова, в наст. томе), Д. В. Давыдов (см. воспоминания Вигеля) (ср. А, с. 272—273).

Стр. 267. *...стих одного покойного арзамасца...*— Ж.-Б.-Л. Грессе из комедии «Злой» (Le Méchant, д. II, сц. I).

Предложение. Формула торжественного обещания (стр. 268, 269).— Автограф Д. В. Дашкова.

Стр. 269. *...дневники Американских Путешественников.*— Речь идет о путевых очерках П. П. Свинына, печатавшихся в 1814 г. в *СО* и вошедших затем в его «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» (СПб., 1815).

Злато и серебро мое да истощится на издание творений моих...— Намек на Д. И. Хвостова, издававшего свои сочинения на собственный счет.

Предложение (стр. 270).— Автограф С. С. Уварова.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 19 октября 1815 г. (стр. 270). — *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 73. Год устанавливается по содержанию.

Н. М. Карамзин — А. И. Тургеневу. 20 октября 1815 г. (стр. 270). — *РС*, 1899, № 2, с. 469. Вяземский (*князь Петр*) благодарил за присылку «Видения в какой-то ограде» в письме от 4 ноября 1815 г. (с. 289—290 наст. тома).

Донесение (стр. 271). — Автограф В. А. Жуковского.

Стр. 273. ...по возобновлении Арзамаса день 9-й. — По-видимому, ошибка в подсчете (следует: 7-й), повторенная и в «донесении» от 29 октября (17-й день вместо 15-го).

Протокол заседания 22 октября 1815 г. (Первое ординарное) (стр. 271). — Автограф В. А. Жуковского.

Стр. 272. ...проект печати... — См. воспроизведение ее (оттиск на дипломе, поднесенном Н. М. Карамзину): Старина и новизна, кн. 12. СПб., 1907.

Стр. 273. ...нового члена... — Ф. Ф. Вигеля. На л. 12 тетради сохранилась сокращенная редакция этого пункта.

...с грузным толстопузием деревенского старосты... — Намек на А. А. Шаховского.

Стр. 274. ...старик везде и нигде... — Персонаж повести Х.-Г. Шписса под этим названием (ч. 1—3. М., 1806).

...под именем Ивикова Журавля или по крайней мере Двух огромных рук. — Вигель получил только первое прозвище; второе было переадресовано А. Ф. Воейкову. По воспоминаниям Вяземского, образ этот (из баллады «Адельстан») иногда применяли к А. И. Тургеневу: «Недаром говорили в Арзамасе, что он не только Золова Арфа (прозвание, данное ему, с позволения сказать, по обычному бурчанию в животе его), но что он и Две огромные руки, как сказано в одной из баллад Жуковского. В самом деле, это не две, а сотни бриарейских рук захватывали направо и налево, вверху и внизу, все мало-мальски замечательные рукописи, исторические, политические, административные, литературные и т. д.» (*Вяземский. ПСС*, т. 8. СПб., 1883, с. 283). Шуточную интерпретацию прозвища «Ивиков Журавль» см. в письме Жуковского Вигелю 1829—1830 г. в наст. томе. В балладе Шиллера «Ивиковы журавли» (перевод Жуковского) символизируют неотвратимое возмездие за преступление.

Conservateur impartial («Беспристрастный хранитель») — каламбурное обыгрывание названия газеты на французском языке, издававшейся при Коллегии иностранных дел.

Донесение (стр. 276). — Автограф Жуковского. В подсчете дня от возобновления «Арзамаса», по-видимому, ошибка (см. выше).

Протокол заседания 29 октября 1815 г. (Второе
ординарное) (стр. 276).— Автограф Жуковского.

Речь члена Чу (стр. 278).— Автограф Дашкова. Заглавие
рукой Жуковского.

Стр. 279. ...иногда удостоивают принять венки...— Намек на увенчание А. А. Шаховского (см. кантату Дашкова «Венчание Шутовского»):

...в первую стражу ночи...— В первую четверть ночи от захода солнца (счет ночного времени у древних римлян).

...вижу ... землю, усеянную свежими маками... мед и пшено упоминается.— Мак — символ сна; мед и пшено употреблялись при поминовении мертвых.

...цветущими сдинами...— Шишков подробно разбирает выражение «ум его сдинами цветяше» как пример остроумного «извятия или игры слов» (Ш и ш к о в А. С. Разговоры о словесности. СПб., 1811, с. 54—55; ср. Прибавление к разговорам о словесности... СПб., 1812, с. 34—35. Ср. также у Шихматова (Песнь на победы российского воинства, одержанные под предводительством графа Каменского 2-го над силами турецкими, 1810-го года декабря 2-го дня.— Соч. и переводы, издаваемые Российской Академиею, т. V. СПб, 1811, с. 283): «главы, цветущи сдинами».

...певца шуб холодных...— А. А. Шаховского.

Стр. 280. Я....., милый певец Беседы! — Адресатом речи Дашкова считался Шаховской (А, 38). Это противоречит содержанию: Шаховской упоминается в речи наряду с адресатом. Наиболее вероятно, что речь посвящена М. В. Милонову, на которого намекает и повторяющееся определение «милый певец». Милонов (см. о нем в разделе «Накануне Арзамаса») учился вместе с Дашковым (и Н. Ф. Грамматиным) в Московском университетском Благородном пансионе и сохранял с ним дружеские отношения; позднее личные связи установились у него с Батюшковым, Вяземским, Жуковским (отсюда упоминание о «ближних и друзьях», которые знали его и не гнушались им). В конце 1811 г. Милонов ввел в свою сатиру «К Луказию» резкий выпад против «Злослова» — Дашкова (Санкт-Петербургский вестник, 1812, № 1; *Поэты-сатирики*, с. 485; *ЛА*, т. I, с. 378). В следующей сатире — «К моему рассудку» (1812) наряду с Дашковым был осмеян В. Л. Пушкин («Вздоркин»); там же Милонов писал о разрыве с прежними друзьями, который грозит смелому сатирику («В обиженном лице портрет увидя свой <...>, // К толпе твоих врагов тотчас передадутся // И дружества с тобой под клятвой отрекутся»). Возможно, что тема «безвестного поэта» в речи Дашкова — ответ на строки второй сатиры Милонова, задевающие его лично: «Безвестны имена *Фирс, Мевий* и *Злослов* // Известность обретут ценой моих стихов» (*Поэты-сатирики*, с. 487, 491). Несмотря на выпады против беседчиков и на-

смешки над «Беседой», в изобилии рассыпанные в сатирах Милонова (ср. в речи Дашкова упоминание о сне, который превозмогает адресат. и выпущенные в печатном тексте, но, конечно, известные в узком кругу строки из сатиры «К Луказию»: «В ученых обществах ты будешь заседать, // Куда стекаются не слушать, а зевать»), в начале 1812 г. начинается его сближение с «Беседой»: 26 января читается его стихотворение «К Меценату» (опубл.: ЧвБ, 1812, кн. 6); 13 января 1813 г. он присутствует на заседании «Беседы» в доме Державина (письмо Грамматину от 14 января; см.: Марин С. Н., Милонов в М. В. Стихотворения. Драматические произведения. Сцены и отрывки. Письма. Воронеж, 1983, с. 288). Есть все основания считать, что Милонов был принят в «Беседу» в 1812 г. и посещал ее до своего отъезда в Москву в 1813 г., хотя имя его не значится в списках членов и сотрудников 1811 и 1813 гг. (ЧвБ, 1811, кн. 1; 1813, кн. 13), и что именно это обстоятельство обыгрывается Дашковым в мотиве «неизвестнейшего из неизвестных». Друг, оставшийся верным Милонову и «покоящийся с ним в едином Разряде Беседы», — вероятно, Н. Ф. Грамматин, принятый в члены-сотрудники III разряда 9 мая 1811 г. (Десницкий, с. 119); по воспоминаниям М. А. Дмитриева, Дашков постоянно преследовал насмешками Милонова и особенно Грамматина.

Стр. 281. ...оратор Беседы, житель лугов пустынных! — И. С. Захаров (здесь и далее перефразируются строки из «Певца... в Беседе славено-россов» Батюшкова).

...осмое чудо света безглагольный!.. — С. А. Ширинский-Шихматов.

...тучнейший — по-видимому, П. М. Карабанов.

...бессловесный... Сеид Беседы — П. И. Соколов.

...седой славенофил — А. С. Шишков.

Да будет тебе легка земля... — Парафраза «Эпитафии Эсигену» Мелеагра, вошедшей в Палатинскую антологию (кн. VII, 461).

Спите, сыны тления... — Цитата из «Мыслей на кладбище» Жуковского (1800).

Ответ Кассандры на речь члена Чу (стр. 281). — Автограф Д. Н. Блудова. Заголовок написан Жуковским. Черновой автограф — ИРЛИ, 21, 853.

Стр. 282. ...одного из светил нашей юности. — Возможно, речь идет об А. А. Прокоповиче-Антонском, многолетнем руководителе Благородного пансиона.

...три Петриады. — «Петр Великий» Р. Сладковского (1803), «Петр Великий» С. А. Ширинского-Шихматова (1810), «Петриада» А. Н. Грузинцева (1812). См. примеч. к эпиграмме Батюшкова «Совет эпическому стихотворцу» в т. 2 наст. изд.

Вольтер сказал...— См. «Философский словарь» Вольтера (статья «Добродетель» (Vertu).

Сердце мудрых в дому плача...— Екклезиаств, 7, 5.

...подобный Молиеру...— За нападки на духовенство Молиер был отлучен от церкви; похоронен на кладбище по личному приказанию Людовика XIV, вопреки запрещению архиепископа.

Суворов мне родня...— Вяземский сохранил замечание Блудова об этом стихе: «Полная биография в нескольких словах (...) тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен» (*Вяземский. ПСС*, т. 8, с. 125).

Стр. 283. *Là! Ces deux grands débris se consolent entre eux!* — Стих из «Садов» Ж. Делиля (песнь IV, стих 427).

...хвала Шутовскому полетела со струн ее...— См. кантату Дашкова «Венчание Шутовского».

...в отважном письме...— См. «Письмо к новейшему Аристофану» Дашкова.

Как часто редкой перл...— Стихи из «Сельского кладбища» Жуковского.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. Конец октября — начало ноября 1815 г. (стр. 284).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 63 об. Датируется по содержанию. *Пушкина* — Василия Львовича. *...в своем письме.*— В письме Вяземскому от 19 октября 1815 г. (с. 270 наст. тома).

Надгробное слово именованному сотруднику Беседы Р. С. С. П. Ж-ву (стр. 284).— Автограф Жихарева.

Стр. 284. *Ныне, отложивше ветхого человека...*— Парафраза формулы из Послания апостола Павла к ефесянам (4, 22—24); неоднократно цитируется Жихаревым и в записках (*Жихарев*, с. 47. 255).

«*Барды*» — поэма Жихарева (см. «Певец... в Беседе славенороссов» Батюшкова). По воспоминаниям Жихарева, он «написал ее в намерении посвятить Державину и доказать ему, что поэмы в роде Боброва сочинять не трудно. Это была великолепная ахиня, но тогда имела некоторый успех, как большею частью все громкое, мрачное и напыщенное» (*Жихарев*, с. 399).

«*Атрей*» — трагедия П. Кребийона «Атрей и Фiest», поставленная в переводе Жихарева в Петербурге (1811—1812).

Стр. 284—285. *Двадцать шесть раз он являлся на поприще театра.*— По воспоминаниям самого Жихарева, он вместе с товарищами занимался переводом и сочинением «разных дюжинных опер и пошлых арий» (*Жихарев*, с. 309, 461); некоторые из них шли на сцене анонимно или под псевдонимом (как опера «Любовные шутки», поставленная в 1805 г. под именем М. И. Попова). Подсчет Жихарева поэтому

сейчас не может быть точно документирован, хотя, несомненно, заслуживает доверия.

Стр. 285. ...*столько же раз одерживал победы над Лукницкими, Шеллерами и Кобяковыми.* — Здесь и далее называются имена плодовитых театральных переводчиков, которые считались поставщиками на сцену «массовой продукции». О своем общении с П. Н. Кобяковым, переводившим прозой и не владевшим техникой стихосложения, Жихарев подробно рассказывает в «Дневнике чиновника» (*Жихарев*, по указ.); там же (с. 66, 476) см. характеристику Н. С. Краснопольского, переводчика «Феи Дуная» К. Ф. Генслера (под названием «Русалка», пост. 1803 г.): «сказали бы нашей компании, и она бы рублей за сто перевела все три части».

«Розовый черт» — «Черт розового цвета», комедия в одном действии с танцами (вольный перевод оперы-водевиля Л. Шамприона), поставлена в Петербурге в переводе Жихарева в 1811 г. (см.: История русского драматического театра, т. 2: М., 1977, с. 537).

...достигая уже вершины честей... — Жихарев был принят членом-сотрудником во II разряд по предложению Державина 11 апреля 1812 г. (*Десницкий*, с. 128).

...и гроб твой безмолвный непроницаемый предо мною! — Цитата из «Вадима Новгородского» Жуковского. Последующая речь Жихарева, знавшего наизусть обширные фрагменты поэтических и прозаических текстов, в том числе и из Библии и Евангелия (см. *Жихарев*, с. 166) включает контаминированные цитаты из посланий апостолов (1 послание Петра, 2, 5 — «яко овцы заблудшия»), Деяний апостолов (9, 15 — «сосуд избран ми»), Псалтыри (26, 3 — «аще ополчится на мя полк»), Книги премудрости Соломона (3, 6 — «яко злато в горнице искуси их»).

...отразит гулу и клевету Шаховского... — В поздних «Воспоминаниях старого театрала» (опубл. 1854) Жихарев давал Шаховскому совершенно иную характеристику, указывая на его незлобность и доброту; в частности, он решительно отрицал факт преследования Шаховским Озерова (*Жихарев*, с. 597—600).

Ответ Светланы на речь Громобоя (стр. 285). — Автограф Жуковского.

Стр. 286. *Курций* Марк (IV в. до н. э.) — римский юноша, согласно преданию, для спасения отечества бросившийся в пропасть; традиционный пример патриотической самоотверженности.

Он был прекрасен, как белый гусь... — Речь идет о связях Жихарева с кругом карамзинистов в Москве.

Стр. 287. *Один...* — А. А. Шаховской.

Другой — П. Ю. Львов, автор «Храма славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых». СПб., 1803.

...некая германская Луиза... — Речь идет об идиллии И.-Г. Фосса

«Луиза»; перевод ее Жихаревым в печати неизвестен. Он упоминается, однако, в планах арзамасского журнала (см. в наст. томе).

На вступление С. П. Жихарева в Арзамас (стр. 288).— *ЖМНП*, 1913, № 3, с. 24.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 4 ноября 1815 г. (стр. 289).— *ОА*, т. 1, с. 32. См. письмо Карамзина Тургеневу от 20 октября 1815 г. (наст. том, с. 270). *Упал сей град...*— Парафраза строк из «Оды на разрушение Вавилона» А. Ф. Мерзлякова (*ВЕ*, 1805, № 11): «Сей град, // Гроза и трепет для вселенной, <...> // Упал!..» *Подписка...*— На первое издание «Стихотворений» Жуковского (СПб., 1816). «Видение в какой-то ограде» было напечатано только в 1899 г.

Протокол заседания 11 ноября 1815 г. (Третье ординарное) (стр. 290).— Автограф Жуковского.

Стр. 291. ...*Димитрия, но не Донского, а Кубрского...*— Д. И. Хвостова; река Кубра, на которой была расположена его усадьба, постоянно упоминается в его стихах.

...*в краткой речи...*— Речь Дашкова не сохранилась.

...*о моем друге месяце...*— Упоминания о месяце и описания лунного пейзажа обычны в балладах Жуковского (ср. их обзор в его «Подробном отчете о луне», 1820).

...*соглядатай.*— См. воспоминания Вигеля в наст. томе.

...*одного воинствующего лягушонка...*— Речь идет о М. Н. Загоскине (*А*, с. 266); см. воспоминания Вигеля, отрывки из «Комедии против комедии...» Загоскина и «Мнение постороннего» в наст. томе.

...*сверженный в кастрюлю примирения...*— См. письмо Жуковского к Вяземскому от декабря 1815 г. (с. 316 наст. тома).

Где гусь? — Он там! — Где там? — Не знаю!— Шуточная парафраза строки Державина из оды «На смерть князя Мещерского».

Речь Светланы (стр. 292).— Автограф Жуковского.

Стр. 292. ...*миновав желтый дом сумасшествия...*— См. в т. 2 наст. изд. эпиграмму Вяземского «Когда беседчикам Державин пред концом...».

Один лежит в виде огромного великана...— А. А. Шаховской.

Стр. 293. *Другой* — П. Ю. Львов.

Третий — И. С. Захаров.

Четвертый — возможно, А. С. Шишков.

Пятый — С. А. Ширинский-Шихматов.

Разрушается ли трон Наполеонов...— См. оду Хвостова «На вторичное вступление сынов России в Париж, после победы при местечке, Прекрасный Союз называемом» (СПб., 1815; одновременно, под названием «На вторичное вступление союзных армий в Париж» — *СО*, 1815, № 24).

Река Кубра катится по песку...— Реке Кубре Хвостов посвятил несколько стихотворений, начиная с «Оды реке Кубре» (1803).

...скончавшийся недавно в торжественном гимне...— Возможно, речь идет об оде Российской академии, 6 строфа которой была процитирована в немецком переводе в рецензии: «Allgemeine Literatur-Zeitung» (1810, № 335, 5 декабря); перевод ее: Улей, 1811, № 1, с. 32—35.

Стр. 294. *Водрузив перед самым гробом развесистую рябину...*— Вся последующая «похвала» Хвостову составлена из цитат и парафраз из его басен, вошедших в «Избранные притчи гр. Д. И. Хвостова» (СПб., 1802; в последующих изд. Хвостов исправил многие места, вызывавшие насмешки критики). Цитируются басни «Осел и рябина», «Летучая мышь», «Орлица, веприца и кошка», «Сука и Щенята», «Заячьи уши», «Совет мышей», «Эмпедокл и Туфли», «Мыши и орехи», «Лягушка и Бык», «Разборчивая невеста», «Туча, Гора и Куча», «Кривая лисица», «Табашник и Борей», «Лещ и Лещата», «Хвастливая лягушка», «Две сумы», «Подагра и Паук», «Болван и богомольцы», «Собака без ушей», «Два голубя», «Два плешивые», «Солнце и Молния».

«Что делаем, скоты? Кого погребаем?»— Шуточная парафраза из «Слова на погребение... Петра Великого...» Феофана Прокоповича (1725).

Стр. 295. *...Александра Семеновича...*— А. С. Шишкова или А. С. Хвостова. На полях рукописи помета: «Шихм(атов). Львов, Шаховск(ой). Шишк(ов). Захаров. А. С. Хво(стов). Хвост(ов)».

К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 11 ноября 1815 г. (стр. 296).— Прометей, вып. 2. 1967, с. 146—149.

Протокол заседания 18 ноября 1815 г. (Четвертое ординарное) (стр. 297).— Автограф Жуковского.

Стр. 298. *...принялся долбить его...*— Речь Вигеля не сохранилась. См. его воспоминания (с. 77 наст. тома).

Стр. 299. *...Убийцею, или Лешим, или Плешивым месяцем.*— Отсылка к балладам Катенина «Убийца» (см. примеч. к протоколу от 11 ноября) и «Леший». (Последнее стихотворение вышло из печати позднее) (СО, 1815, № 47, 20 ноября); возможно, оно было известно Жуковскому в рукописи.

...над двумя приятными произрастениями...— Ни повесть о собаке Баркуф, ни переводы «Парамифий» И.-Г. Гердера, сделанные Дашковым, не сохранились. О последних упоминал Вяземский в статье «Об альманахах 1827 года» (Вяземский. ПСС, т. 2, с. 13).

Речь К а с с а н д р ы (стр. 300).— В тетради арзамасских протоколов отсутствует. Печатается по черновому автографу ИРЛИ (21, 852).

Стр. 300. ...ваша живая почтенная ненависть ко всем позитителям...— Имеются в виду Наполеон и Шаховской или Загоскин.

Стр. 301. ...страны ведьм, разбойников и злых духов...— Парофраза строк из «Причудницы» (1794) И. И. Дмитриева.

...петух Людмилы...— См. балладу Жуковского «Людмила», строфа 10 («Конь мой, конь, кричит петух»).

Стр. 302. ...не бывал ни в Иркутске, ни в Красноярске, ни в Маймачине.— Речь Блудова (товарища Вигеля по службе еще по Московскому архиву, заново сблизившегося с ним в Петербурге в 1814 г.; в 1811 и 1815 гг. Вигель жил на его летней даче) свидетельствует о знании деталей биографии Вигеля, вплоть до интимных. О своем путешествии в Сибирь в 1805—1806 гг. Вигель рассказал в «Записках», упомянув посещение Иркутска, Красноярска и Маймачина, китайского торгового селения в четырех верстах от Кяхты; он оставил и рассказ о своей юношеской любви к дочери красноярского мещанина Верочке Тимофеевой. Его любовь и сватовство к дочери белорусского помещика Теофиле Петровне Крогер, воспитаннице княгини Голицыной, жившей в Пензе, относится к 1813 г. (*Вигель*, ч. IV, с. 152—153; ч. II, с. 171, 178—179, 190—192; ч. V, с. 108—111).

...зато вы другого не упустили.— Судя по этому замечанию, основное содержание речи Вигеля касалось А. С. Хвостова.

...прежде всех по Асмодею...— См. «Спасителя рождением...» Вяземского.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 18 ноября 1815 г. (стр. 303).— *ОА*, т. 1, с. 34—35. *Мы зрели полное собранье... Беседы всей...*— Цитата из «гимна» Дашкова «Венчание Шутовского». *Я молчу и гляжу...*— Ср. восьмую строфу баллады «Светлана». *Угаров-Буянов* — соединение имен героев «Липецих вод» и поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». ...*мои эпиграммы...*— См. с. 246—248 наст. тома.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 23 ноября 1815 г. (стр. 304).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909-а, л. 13. Год написания устанавливается по содержанию. *Пипинька* — К. Н. Батюшков.

Протокол заседания 25 ноября 1815 г. (Пятое ординарное) (стр. 304).— Автограф Жуковского.

Стр. 306. ...проплыв он по земле и воде все климаты Европы и Америки...— П. И. Полетика служил в Мадриде и Лондоне; в 1810—1812 гг.— советник русской миссии в Северо-Американских Соединенных Штатах. Приехал в Петербург между 14 и 24 ноября (*СПб. вед.* 1815, № 95, 26 ноября, 1-е приб., с. 1001).

Речь члена Старушки (стр. 307).— Автограф С. С. Уварова, заголовок рукой В. А. Жуковского.

Стр. 307. Эпиграф — Петрарка, сонет 338.

...нежная и скромная Певица. — Речь посвящена А. П. Буниной, почетному члену «Беседы» с 1811 г. Бунина пользовалась постоянным покровительством Шишкова. Первым ее литературным наставником был П. И. Соколов (впоследствии непрменный секретарь Российской Академии). Под ироническим прозвищем «Сафы» Бунина (в числе других поэтесс) фигурирует в «Видении на берегах Леты»; ср. также эпиграмму Батюшкова «Мадригал новой Сафе».

В зимний холод... — Это и другие выделенные слова и формулы взяты из «Николашиной похвалы зимним утехам» Шишкова («Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с оного переведенная г.*** <Шишковым>. Ч. 2. СПб., 1785). Как детское чтение, переделка Шишкова пользовалась большой популярностью.

Стр. 308. *...плодиться.* — Выражение, употребленное Буниной в предисловии к поэме «Фазтон», прочитанной в «Беседе» (Неопытная муза А. Буниной, ч. 2. СПб., 1812). Здесь — цитата из «Певца... в Беседе славено-россов» Батюшкова.

...в пламенной картине Мильтона. — См. «Потерянный рай».

Стр. 309. *Батилл Ш(ишков)а.* — Речь идет о С. А. Ширинском-Шихматове, после выхода поэм «Петр Великий» и «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (см. эпиграммы Батюшкова и А. С. Пушкина) ставшем одним из наиболее ценимых в «Беседе» поэтов; как и Бунина, пользовался особым расположением Шишкова. В 1809 г. — член Академии Российской; в 1811 г. — член I-го разряда «Беседы» (председатель — А. С. Шишков). Батилл — прекрасный юноша, адресат од Анакреона.

Сарматская Прелестница — возможно, Ю. О. Лобаржевская, полька по происхождению, ставшая впоследствии второй женой Шишкова.

...двух Хлыстовых — А. С. и Д. И. Хвостова.

Стр. 310. *И все, что жизнь сулит...* — стих из «Славянки» Жуковского.

...о мнимом отплытии нашей Певицы в Англию... — 29 июля 1815 г. Бунина отправилась морем в Англию для лечения рака груди. Отъезд был отмечен статьями в журналах (см., например, статью П. И. Шаликова в «Российском музее», 1815, № 9) и посвященными стихами (СО, 1815, № 23). Речь Уварова трагедизирует легенду о Сафо, бросившейся в море от несчастной любви к Фаону.

«Неопытная Муза» — название собрания стихотворений Буниной (ч. 1—2, СПб., 1809—1812); «Падение Фазтона» — поэма, прочитанная в «Беседе» 11 ноября 1811 г. и напечатанная в «Чтениях» (1811, кн. 4).

«Пекинское ристалище (Иносказание)» — басня Буниной (ВЕ, 1810, с. 49).

«Письма из Москвы в Нижний Новгород» — критические и публицистические статьи И. М. Муравьева-Апостола (1813—1815).

Ответ члена Чу Старушке (стр. 310).— Автограф Дашкова, заглавие рукой Жуковского.

Стр. 310. ...*к Коломне ли принадлежит он...*— Дом Державина на Фонтанке, где происходили заседания «Беседы», принадлежал к Коломенской части.

Стр. 311. ...*сшит по моде 1765-го года...*— Вольное Экономическое общество основано в 1765 г.

...*покойного Нартова.*— А. А. Нартов (в 1815 г. еще здравствовавший) с 1801 г. был президентом Общества.

...*отличительным знаком вещей круглых...*— См. «О легчайшем способе отвечать на критики» Дашкова.

...*на слог и на руку нечистого.*— Цитата из послания Воейкова «К Дашкову» (см. в т. 2 наст. изд.).

...*слышали мы в благословенный день обновления Арзамаса.*— Имеется в виду речь Уварова (не сохранившаяся) на организационном собрании 14 октября 1815 г.

Стр. 312. ...*превратясь в драгунского коня...*— Парафраза строки из «Причудницы» И. И. Дмитриева.

Стр. 313. ...*пародируя слова Калонна...*— Ответ его Марии Антуанетте: «Мадам, если это возможно, это уже сделано, если невозможно,— будет сделано».

Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 26 ноября 1815 г. (стр. 313).— РА, 1866, № 3, с. 498—502, с дополнением по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1820, л. 7—8. ...*прекрасные эпиграммы...*— «Поэтический венок Шутовского». ...*золотое копьё Аргаилово...*— Аргаил, герой «Неистового Роланда» Ариосто, обладал чудесным золотым копьем, поражающим любого врага. *Тупая сабля моя...*— Подразумеваются «Венчание Шутовского» и «Письмо к новейшему Аристофану».

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. Декабрь 1815 г. (стр. 316).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909-а, л. 14 об. Датируется по содержанию: письмо написано после заседания «Арзамаса» 25 ноября 1815 г., на котором были приняты Полетика и Северин. Дата вступления в общество Воейкова неизвестна: судя по протоколам, обряд «крещения» над ним так и не был совершен. ...*эпиграммы...*— Вероятно, «Поэтический венок Шутовского». ...*письмо...*— Видимо, «Письмо с Липецких вод». ...*формат издания...*— Речь идет о готовящемся издании сочинений Жуковского.

Протокол заседания 16 декабря 1815 г. (Шестое ординарное) (стр. 316).— Автограф В. А. Жуковского.

(Стр. 316. *Гимн* — «Певец в Кремле» Жуковского.

Речь члена Кассандры (стр. 317).— Отчет ИПБ за 1888 год. СПб., 1891, прилож., с. 202—208 по копии ГПБ. Печатается по автографу Д. Н. Блудова.

Стр. 318. *И Арзамаса еще не было, а я служил Арзамасу...*— Блудов имеет в виду свою последовательно прокарсамзинистскую позицию в полемиках 1800-х гг. (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 440, 446), в кружке Оленина, где он находился в окружении будущих членов «Беседы» (Гиллельсон, с. 27, 45—47), и в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств (см. в наст. томе).

...серый волк певца Баяна...— Отсылка к «Слову о полку Игореве» и к фрагменту о Хвостове в «Певце... в Беседе славено-россов» Батюшкова и Измайлова («Везде ты волком рыщешь» и т. д.).

...Di, quibus imperium est animarum...— Вергилий, «Энеида», кн. 6, 264—267.

...оратор Захаров скончался публично...— И. С. Захаров скончался вскоре после заседания, 30 января 1816 г.; это совпадение было определено А. С. Пушкиным как «пророчество Кассандры» (см. Пушкин А. С. «Венец желаниям! И так, я вижу вас»).

Покойник ему заповедал перенести его кости...— Речь идет о конфликте, разыгравшемся в «Беседе» 15 января 1812 г., когда И. С. Захаров, бывший председателем IV разряда, отказался от этой должности и подал во II разряд (председатель Державин) заявление о своем желании остаться почетным членом. Несмотря на поддержку Державина, Захаров был избран только действительным членом; председателем IV разряда стал И. М. Муравьев-Апостол (*Десницкий*, с. 124—125).

Чувствительный Львов — Ф. П. Львов. Политковский упомянут здесь, вероятно, потому, что он читал в заседании «Похвалу женам» Захарова.

...один предатель Беседы...— Может быть, М. В. Милонов (см. примеч. к речи Дашкова на 1-м ординарном заседании); в сатире «К Луказию» в числе других беседистов он задел и Захарова («Мидас») с его «Похвалой женам». См. в наст. томе воспоминания Вигеля о совместном с Блудовым посещении одного из последних заседаний «Беседы» и «шуточном произведении» Блудова, отразившем эти впечатления; возможно, имеется в виду именно эта речь, при произнесении которой Вигель присутствовал.

Река — Фонтанка.

Стр. 319. *...певца безглазого...*— С. А. Шихматова.

...пигмея Львова...— П. Ю. Львова, отличавшегося маленьким ростом.

...бессловесный Кукин...— «Кукин. Словесник бессловесный, // Писатель без письма, // Герой, врагам безвестный, // И умник без ума» (примеч. П. А. Вяземского в копии ГПБ). Вяземский цитирует свои стихи из «Святок» («Спасителя рождением...»).

...*Каннист на безрассудных рассуждениях*... — См. примеч. к статьям Уварова в т. 2 наст. изд.

...*Лобанов на превращенном Расине*... — В первоначальном варианте: «на превращенной Ифигении». М. Е. Лобанов переводил «Федру» и «Ифигению в Авлиде» (отд. изд.— СПб., 1815).

...*Крылов на собственной Свинье*... — Басня Крылова «Свинья» (опубл. 1811) оценивалась в печати (М. Т. Каченовским, по-видимому, принявшим ее на свой счет) как «отвратительная» по своей «низости» (ВЕ, 1812, № 4); близкую оценку давал ей Блудов в «Украденной записной книжке» (см. т. 2 наст. изд.).

...*на гексаметре без просодии*. — Имеются в виду отрывки из гекзаметрического перевода «Илиады», которые Гнедич печатал в 1813 и 1815 гг.; некоторые из них были предварительно прочитаны в «Беседе». См. анализ их: Егуннов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.-Л., 1964, с. 204 и след.

...*садился на Званскую жизнь, но подлетел к нему Лебедь*... — Противопоставляются стихотворения «К Евгению. Жизнь Званская» (1807) и «Лебедь» (1804).

Стр. 320. «*Высылка французов*» — анонимно изданная комедия Захарова (СПб., 1807).

«*Приданое*»... «*недорожденная Трагедия*...» — Неизданные сочинения Захарова; последняя, судя по упоминанию повара князя Глеба — (убийца Глеба), имела своим сюжетом рассказ о Борисе и Глебе в «Повести временных лет». См.: Степанов В. П. Захаров И. С. — Словарь русских писателей XVIII в. Вып. I. А—И. Л., 1988, с. 331. Далее — монтаж цитат из «Похвалы женам» Захарова.

Стр. 321. ...*вспомнил Горация и бежал в Нижний Новгород*. — И. М. Муравьев-Апостол, автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород», был знатоком и исследователем Горация, печатавшим свои рассуждения и переводы в «ЧВБ» (1811, кн. 2, № 2; 1812, кн. 6). Здесь намек на знаменитую оду Горация к Помпею (II, 7), где поэт признается в своей трусости на поле брани.

Ответ члена Чу Кассандре (стр. 321). — Автограф Д. В. Дашкова. Заголовок рукой Жуковского.

Стр. 321. ...*многоученный Панглос*... — Персонаж «Кандида» Вольтера.

...*на возражения Каченовского и на возражения против возражений седого Мешкова*. — Речь идет о критике Каченовского на «Разговоры о словесности» Шишкова (ВЕ, 1811, № 12, 13) и антикритике Шишкова «Прибавление к разговорам о словесности, или возражения против возражений, сделанных на сию книгу».

Стр. 322. ...*округлоплойской золотой медали Львовых и Мешковых*... — Парафраза строки из «Разговора в царстве мертвых» А. Е. Измайлова (1811). Золотая медаль присуждалась Академией Российской

за лучшее конкурсное сочинение; П. Ю. Львов получил ее в 1806 г. за «Похвальное слово царю Алексею Михайловичу» (читалось 7 декабря 1806 г.). См. *Батюшков*, т. I, с. 379. Формула «округлопловая» пародирует двусоставные эпитеты, которые считались принадлежностью «дикого» стиля Львова.

...лавровому венку Шутовского.— См. кантату Дашкова «Венчание Шутовского».

...издателей «Амфиона»...— Журнал «Амфион» издавался А. Ф. Мерзляковым, Ф. Ф. Ивановым и С. В. Смирновым.

...безвестного их «Вестника».— «Санкт-Петербургского вестника», издававшегося с января по октябрь 1812 г. (два последних номера не вышли). Дашков имел непосредственное отношение к этому изданию до своего конфликта с Обществом (см. раздел «Накануне Арзамаса»).

Фисавр — сокровище (от греч. thesauros).

Протокол заседания 24 декабря 1815 г. (Седьмое ординарное) (стр. 323).— Автограф Жуковского.

Стр. 323. ...погребальную приветственную панигиду...— Речь Северина не сохранилась. По предположению М. С. Боровковой-Майковой, она была посвящена В. Г. Анастасевичу (см. Речь Кассандры при Липецких водах).

Ресторация «Лондон» находилась на Невском проспекте, против Адмиралтейства.

...зловитрому Васье-коту...— В басне Крылова «Кот и Повар».

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 22 января 1816 г. (стр. 324).— *ОА*, т. 1, с. 37.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Вторая половина января 1816 г. (стр. 324).— *ОА*, т. 1, с. 38. Письмо с каламбурным нагромождением фамилий, намекающих на молчание Тургенева и частью совпадающих с фамилиями реальных лиц (П. С. Молчанова и др.). Тургенев являлся бессменным секретарем Библейского общества, правителем дел Женского патриотического общества и директором Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий; по долгу службы принимал участие в делах Комитета для устройства евреев.

Протокол заседания 24 февраля 1816 г. (Восьмое ординарное) (стр. 325).— Автограф В. А. Жуковского.

Стр. 325. *Его подвергнули испытаниям*...— По утверждению присутствовавшего на заседании Вигеля (см. его «Записки» в наст. томе) и М. А. Дмитриева ритуал, описанный Жуковским, в отношении Вяземского соблюден не был; описание было подготовкой к мистификации, устроенной В. Л. Пушкину. Сомнения в свидетельстве Вигеля (см.: А, с. 271) не представляются основательными.

Стр. 326 *...тому, что сидел впереди...* — Дьяволу (см. балладу Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»).

Речь члена Асмодея (стр. 326). — Автограф Вяземского. Заглавие рукой Жуковского.

Стр. 326. *Parmi tant de héros je n'ose me montrer.* — Не вполне точная цитата из «Британика» Расина (акт I, сц. 2).

Стр. 327. *О радость! О восторг! И я, и я пишу!* — Строка из стихотворения В. Л. Пушкина «К любимцам муз. Подражание Горацию» (Патриот, 1804, № 4).

...au banquet de la mort infortuné convive... — Парафраза стиха Н. Жильбера из его «Оды, выбранной из многих псалмов» (1780), ставшего популярной элегической формулой.

...непременный секретарь... — П. И. Соколов.

...автора... ничего не стоящих комедий. — А. А. Шаховского.

Кто сей председатель рыжий муж... — П. И. Голенищев-Кутузов. Далее упоминаются его переводы: «Творения Гезиода» (М., 1807), «Творения Пиндара» (ч. 1—2. М., 1804), «Стихотворения Грея» (М., 1803), переводы из Тибула, вошедшие в книгу его «Стихотворений» (М., 1810).

...клубится у него во рту... — Ср. аналогичное изображение в «Доме сумасшедших» Воейкова.

Стр. 328. *...каргуз, приосененный каплуном...* — Каплун — сатирический образ, восходящий к басне И. И. Дмитриева «Орел и Каплун» (в первой ред. — Московский зритель, 1806, № 3), где он обозначает «рифмача», состязавшегося с «поэтом». Это противопоставление получило затем распространение в полемиках 1800—1810-х гг. См. Вацуро В. И. И. Дмитриев в литературных полемиках 1800-х гг. — XVIII век, сб. 15. Л., 1989.

...на безвестном сельском кладбище. — Намек на «Сельское кладбище» Т. Грея, переведенное Голенищевым-Кутузовым (ср. эпизод с чтением этого перевода и перевода Жуковского в доме Державина. — Жихарев, с. 438—439).

Московская Беседа — ОЛРС.

...был на Московской заставе остановлен в арлекинском платье... — Ср. рассказ в «Старой записной книжке» Вяземского: «Известный П. И. Кутузов не всегда был сенатор и куратор. Было время, когда, в молодости, был он кирасирский майор или подполковник в полку, квартирующем в Москве. У кого-то за городом был домашний спектакль. Кутузов участвовал в нем в роли арлекина. После представления спешит он в город, и как до него было только версты две или три, он, не переодевшись, а закутавшись в шинель, сел в карету и поскакал в Москву. Второпях забыл он одно, что перед городом есть застава и при ней неминуемая гауптвахта. Кажется, это было в царствование

императора Павла. Он подъезжает; надобно выходить и записаться. Дело сделано, шинель благополучно прикрыла все грехи; но вот, каким-то неосторожным движением проезжающего, шинель распахнулась, и караульный видит в кирасире пестрого арлекина. Можно представить себе, что за *soup de théâtre* (театральный эффект)! Как бы то ни было, кирасир-арлекин провел ночь на гауптвахте, а утром с личным под караулом препровожден был к начальству. Помню, как этот рассказ, слышанный мною в детстве, забавлял меня» (*Вяземский. ПСС*, т. 8, с. 459—460). Анекдот этот, если он и достоверен, относится, вероятно, не к московскому, а к петербургскому периоду службы Голенищева-Кутузова, в 1786 г. получившего чин подполковника и переведенного из флота в Павловский драгунский полк.

Всех элементов вода превосходней! — Стих из 1 Олимпийской песни Пиндара в переводе Державина («Олимпийская 1-я песнь Пиндара, 1805»). В копии ЦГАЛИ поправлено рукой Вяземского: «Всех выше жидкостей вода» (перевод П. И. Голенищева-Кутузова). Ср. шуточное обыгрывание этих переводов в разговоре Жихарева с А. С. Яковлевым и священником отцом Григорием (Вознесенским): «Что ж вам за охота пить воду?» — спросил хозяин. — «А разве вы не читали Пиндара?» — «Читал две оды его в переводе Державина, и помню». — «Следовательно, должны знать, что «всех элементов вода превосходней»; а если хотите, так П. И. Кутузов перевел еще выразительнее: «всех лучше жидкостей вода!» Собеседники засмеялись. «Этак переводить немудрено», — заметил отец Григорий. — «Напротив, гораздо труднее, чем вы полагаете, — сказал Яковлев, — надобно иметь особое дарование, чтоб поэтические стихи обращать в медицинские афоризмы» (*Жихарев*, с. 382. Запись от 20 февраля 1807 г.). См. также послание Жуковского «К Воейкову».

Стр. 329. *Сограждане, песнь эта — былъ.* — Парафраза концовки баллады И. И. Дмитриева «Старинная любовь» (1805): «Красавицы! песнь эта — былъ».

Ответ Старушки Асмодею (стр. 329). — Автограф С. С. Уварова. Заголовок рукой Жуковского.

Стр. 330. *...часто он принимался за котел...* — Ироническое обыгрывание сцен колдовства в «Балладе, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне...»

...Творца затей... — См. кантату Дашкова «Венчание Шутовского».

Обетам вечность — чести честь... — Цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной. 22 февраля, 28 февраля, 2 марта 1816 г. (стр. 331). — Неизданные соч. и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862, ч. 1, с. 153, 160, 165. В начале

1816 г. Карамзин отправился в столицу хлопотать об издании первых восьми томов «Истории государства Российского», отрывки из которой читал арзамасцам в доме Е. Ф. Муравьевой (*доброй хозяйки, Катерины Федоровны*) на Фонтанке, где он остановился.

Протокол заседания в первой половине марта 1816 г. (Девятое ordinарное) (стр. 331).— Автограф В. А. Жуковского.

Стр. 332. ...*клещун господин Гавимьи...*— Француз, живший в доме Уварова. Ср. воспоминания М. А. Дмитриева (в наст. томе), где рассказано, что В. Л. Пушкин слушал не «Расхищенные шубы», а «чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор»; сопоставление с протоколом корректирует эти сведения (А, с. 275). «Клещун» — комический неологизм, по-видимому, самого Жуковского (от «клестить» — вшиваться).

«*Впредь утро похваляю...*» — Цитата из басни И. И. Дмитриева «Чиж и Зяблица».

Риноцерос — носорог.

...*сиять в веках...*— Формула из басни И. И. Дмитриева «Лебедь и Гагары», относящаяся к «истинному таланту» («Удел его — сиять в веках»).

Реч и.— Впервые напечатаны Вяземским в РА, 1876, № 1; перепечатаны: *Вяземский. ПСС*, т. 8, с. 416—426. Печатаются по А, с проверкой по автографам.

Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами (стр. 333).— Автограф Жуковского.

Стр. 333. ...*близок был сундук.*— См. «Опасный сосед» В. Л. Пушкина.

...*не одни переулки, но господина Фонтана и господина Делиля...*— Намек на памфлетный выпад против В. Л. Пушкина в «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии Священного писания» А. С. Шишкова (см. вступ. статью) и на стих из послания Пушкина «К Д. В. Дашкову»: «Не улицы одни, не площади и дома, // Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там знакомы».

...*обратил дородного Крылова в легкокрылую малиновку...*— Имеется в виду басня В. Л. Пушкина «Завистники Соловья» (Труды ОЛРС, 1816, ч. 6), где Крылов в «Беседе» иносказательно изображен в виде малиновки в «шайке сычей» (А, с. 275).

Энцелад — титан, восставший против Зевса, который придавил его горой Этной.

...*утесистый стих...*— См. «Опасный сосед», примеч.

Стр. 334. ...*проказую сотрудничества...*— В ОЛРС.

...*терпение, любезный!*— Стих из послания В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову».

...низложи сего Пифона...— Травестируется миф об Аполлоне, поразившем стрелой чудовище Пифона (ср. в следующем протоколе упоминание о выстреле).

Речь Резвого Кота члену Вот, стрелявшему в чудовище (стр. 334).— Автограф Д. П. Северина, заголовок рукой Жуковского.

Стр. 334. *Ты пришел, увидел, победил...*— Афористическая формула Юлия Цезаря, сообщавшего своему римскому другу о победе над понтийским царем Фарнаком (П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания. Юлий Цезарь).

...предка твоего Данта...— О пародийном использовании в сцене посвящения «Божественной комедии» Данте см.: А л е к с е е в М. П. Первое знакомство с Данте в России.— От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 51—54.

Стр. 335. *Беата* — Беатриче.

...пение Соловья и Малиновки...— Отсылка к басне В. Л. Пушкина «Завистники Соловья» (см. выше) или, что более вероятно, «Соловей и Малиновка» (см.: А л е к с е е в М. П. Указ. соч., с. 53). «которую он особенно любил читать» (*Вяземский. ПСС*, т. 8, с. 418).

Речь члена Чу при целовании совы... (стр. 335).— Автограф Д. В. Дашкова, заголовок рукой Жуковского. Дата, по-видимому, обозначает время написания речи, составленной заблаговременно.

Стр. 336. *...глаза не зря смотрели...*— Стих из «Громобоя» Жуковского.

...подобно луку Ионафана...— См.: Книга царств, I, 22.

«Нам нужны не слова, нам нужно просвещение...»— Стих из послания В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому», пародированный Шаховским в «Расхищенных шубах».

Сидит сова на печи...— Цитата из стихотворения А. С. Шишкова для детского чтения (см.: Ш и ш к о в А. С. Собр. соч. и переводов, ч. III. СПб., 1824, с. 100).

Стр. 337. *...в них гуси едва ли лучше и опрятнее свиной собственны!*— Намек на басни Крылова «Гуси» и «Свинья».

Речь Кассандры при Липецких водах (стр. 337).— Автограф Д. Н. Блудова, заголовок рукой Жуковского.

Стр. 337. *Свет в черепке погас...*— Цитата из «Опасного соседа», к которому отсылает также начало речи и фраза «Ты добрый человек, мне твой приятен вид».

Стр. 338. *И об убийствах говорят...*— Строка из послания Жуковского «К Воейкову» (1814).

- ...привидение...— Вяземский («Асмодей»).
- Неопытная Муза — А. П. Бунина.
- ...красная девушка...— Жуковский («Светлана»).
- ...гора ли это, или куча...— Отсылка к басне Хвостова «Два прохожие».
- Чу! там кто-то есть...— Дашков («Чу»).
- ...челнок еще пустой...— П. И. Полетика («Очарованный челнок»).
- Кот — Д. П. Северин. См. примеч. к протоколу от 24 декабря 1815 г.

Речь Асмодея по заключении всех испытаний (стр. 339).— Автограф Вяземского, заголовок рукой Жуковского.

Стр. 339. ...Послания к Светлане...— К В. А. Жуковскому.

...угрюмого певца...— С. А. Ширинского-Шихматова (см. «Опасный сосед», примеч.) К нему же относится далее формула «филин-великан», «прокричавший на гробах целую ночь» (ср. его «Ночь на гробах. Подражание Юнгу» (СПб., 1812); положительный отзыв — ЧвБ, 1813, кн. 8).

Стр. 340. ...одного арзамасца...— Батюшкова; см. его эпиграмму «Какое хочешь, имя дай...».

...первые будут последними, а последние первыми.— Мф, 19, 30.

...ястреба, скалящего зубы...— Ироническая отсылка к басне Хвостова «Два Голубя»; цитаты, как и формула «добрый человек», — парафраза строк из «Опасного соседа».

Собственная речь члена Вот (стр. 340).— Автограф В. Л. Пушкина, заголовок рукой Жуковского.

Стр. 340. ...который почитает Омера и Вергилия скотами...— По-видимому, Шихматов. Можно думать, что В. Л. Пушкин перефразирует здесь эпиграмму Буало «На чтение в Академии стихов против Гомера и Вергилия» (1687) против Ш. Перро, утверждавшего преимущества новых поэтов перед древними (см. Спор о древних и новых. М., 1985, с. 314).

Стр. 341. ...кортик не препятствовал держать в руке пера...— «Говорится про моряка князя Шихматова» (Вяземский. ПСС, т. 8, с. 424). С. А. Ширинский-Шихматов окончил Морской кадетский корпус и с 1804 г. был в нем воспитателем. Цитаты и парафразы — из стихотворения Шихматова «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского».

...трогуары должны называться пешниками...— См. статью Шишкова «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение русского словаря», где утверждалось, что к общему «славенскому» языку принадлежат слова «печенина» (жаркое) и «пешник»

(чешск.), которым Шишков предлагал заменить слово «тротуар» (Известия Росс. Академии, кн. I. СПб., 1815, с. 12, 24).

...творцу лирического песнопения. — «Петр Великий» Шихматова имеет жанровое обозначение «Лирическое песнопение в осьми песнях». «Отказ» Шихматова от Аполлона и муз — каламбурное обыгрывание реальной литературной позиции Шихматова, считавшего античную мифологию «бесовщиной», плодом «постыдного заблуждения ума человеческого»; на вечере у Шишкова 2 февраля 1807 г. он заявил, в частности, что «поэту-христианину» неприлично заимствовать образы даже из древней истории, «когда у нас есть история библейская, неоспоримо верная и сообразная с здравым рассудком» (*Жизарев*, с. 352). Ср. стихотворение Шихматова «Приглашение друзей на вечернюю беседу. 1809 года, декабря 8 дня» (СПб., 1810, с. 5).

Не он ли воспел... — Имеются в виду строки о галломане в стихотворении Шихматова «Усердный зов» (СПб., 1815), посвященном Шишкову: «Узрев лицо твое сурово, // Он дрожь почувствует и страх; // И галлов дерзостное слово // Умрет на трепетных устах» (с. 12).

Стр. 342. «Письма Скимника» и т. д. — Перечисляются сочинения и переводы членов «Беседы»: «Письма скимника» Ф. П. Львова, «Рассуждение о старом и новом слоге...» Шишкова, «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» Державина (*ЧвБ*, 1811, кн. 2; 1812, кн. 6; 1815, кн. 14), «Тассовы бдения» Шишкова (перевод сочинения Дж. Компаньони, считавшегося произведением самого Т. Тассо) (СПб., 1808), «Андромаха» (1794) и «Ифигения» Расина в переводе Хвостова, «Гамлет, трагедия в пяти действиях, в стихах. Подражание Шекспиру» (СПб., 1811) С. И. Висковатова, «Китайская сирота» Вольтера в переводе Шаховского (ставилась на сцене, но издана не была). См. эпиграммы Вяземского «Как „Андромахи“ перевод...», «К переводчику „Китайской сироты“».

...палач Дебрео... — Хвостов был переводчиком «Поэтического искусства» («Наука стихотворства, в четырех песнях стихами. Соч. г. Буало-Дебрео...». Изд. 2-е. СПб., 1813). Перевод этот вызвал эпиграмму Крылова.

...любить писать стихи и отдавать в печать... — Стих из послания Хвостова «И. И. Дмитриеву» (*ЧвБ*, 1812, кн. 6), взятый им в качестве эпиграфа к собранию своих посланий; постоянный предмет иронической цитации.

Секретарь Беседы... — П. И. Соколов.

...именуя его варягороссом и кумом Славянофила. — См. «Опасный сосед».

...в которых столь мало глаголов... — Известная особенность поэтики Шихматова, не употреблявшего глагольных рифм.

O vanitas vanitatum, omnia vanitas! — Экклезиаст, 1, 2.

Стр. 343. ...у козла нет свиной туши, а у голубей зубов... — Намек на басни Хвостова «Лисица и Козел» и «Два голубя».

Пусть сычи вечно останутся сычами! — См. басню В. Л. Пушкина «Сычи».

Протокол заседания 15 марта 1816 г. (Десятое ординарное) (стр. 343). — Автограф Жуковского. В дате ошибка: указан апрель («Березозол») вместе марта (А, с. 273).

Стр. 344. ...*в заключение одного перевода своего*... — Первоначально в рукописи: «перевода своего „Дидоны“». Речь идет о сцене смерти Дидоны («Дидона (Энеиды Виргилиевой книга IV)» Мерзлякова: «...последний вздох... ни зора, ни привета...» (Мерзляков А. Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев, ч. 1. М., 1825, с. 218).

Стр. 345. ...*мосьюкою, которая лаяла на слона*... — Из басни Крылова «Слон и Мосьяк».

...*не музу, а Варюшку*... — Здесь и далее — парафразы из «Опасного соседа».

...*своей малиновке*... — См. басню В. Л. Пушкина «Соловей и Малиновка».

Речь Кассандры в ответ на нечитанную речь Эоловой Арфы (стр. 347). — Автограф Д. Н. Блудова, заголовок рукой Жуковского.

Стр. 347. ...*ведет нас к лучшему концу*... — Цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

Но гусь появился, и Арфа молчит! — Парафраза стихов из «Эоловой Арфы» Жуковского («И арфу лобзает... но арфа молчит»).

Стр. 348. *О убийца! О Наташа! О леший! О месяц плешивый!*... — См. примеч. к протоколу от 18 ноября 1815 г. «Наташа» — баллада П. А. Катенина (СО, 1815, № 13).

Nei giorni tuoi felice // Ricordati di me! — Цитируемые стихи — важный эпизод в истории дружеских связей А. И. Тургенева и Жуковского, не имеющий отношения к «Арзамасу» и лишь интерпретированный Блудовым в «арзамасском духе». Двустиише, возможно, сочинено самим Тургеневым как вариация известных строк Данте: «Нет большего мучения, чем вспоминать о счастливых временах в несчастье». — «Ад», V, 121—123 (указано Р. М. Гороховой). Оно было послано Жуковскому «вместо письма» в тот момент, когда оживилась надежда на брак Жуковского с М. А. Протасовой. 26 марта 1814 г. Жуковский откликнулся посланием «К Тургеневу. В ответ на стихи, присланные им вместо письма», где итальянское двустиише было вынесено в эпиграф и варьировано в начальной части послания. И двустиише и послание получили затем большую популярность в дружеском кружке (см. примеч. Ц. Вольпе в кн.: Жуковский В. А. Стихотворения, т. II. Л., 1940, с. 504—505).

...*древний, неуклюжий замок Беседы*... — Варьируются мотивы, образы и цитаты баллады «Громобой» («На них угрюмый вран си-

дит, // Могилы сторож дикий» и т. д.). «Черный Львов» — П. Ю. Львов. «Русский вестник» — журнал С. Н. Глинки, консервативно-патриотического характера.

Речь, читанная при вручении диплома господину Историографу в конце марта 1816 г. (стр. 349). — Автограф Жуковского, который был, несомненно, и автором речи. Протокол этого заседания неизвестен; оно соответствовало одиннадцатому по счету ординарному заседанию Арзамаса (см.: А, с. 40—41) и состоялось между 19 и 23 марта 1816 г. 17 марта Карамзин получил упоминаемую в дипломе анненскую ленту (СО, 1816, № 12, с. 238—239), 23 марта выехал из Петербурга (Карамзин Н. М. Неизданные соч. и письма, т. I. СПб., 1862, с. 181—182).

На случай нынешнего Арзамаса (стр. 350). — Стихи В. Л. Пушкина на рифмы, заданные Вяземским. Связано с вручением Карамзину приветственной грамоты от «Арзамаса». *Комедия* — «Липецкие воды». *Сословие* — «Арзамас». *Комик* — А. А. Шаховской.

Стихи В. Л. Пушкина на рифмы, заданные В. А. Жуковским (стр. 350). В верхнем столбце рифм после «Мец» было зачеркнутое впоследствии продолжение: «натух, мух». *Гашпар* — А. А. Шаховской (по имени героя его поэмы «Расхищенные шубы»). Строки «Не редко для глупцов мой стих бывал резец // И Гашпар все убит, хоть он уехал в Мец», — автоотсылка к знаменитой строке «Послания к арзамасцам»: «Я злого Гашпара убил одним стихом». ...*уехал в Мец*... — Возможно, имеется в виду заграничное путешествие Шаховского (при А. Л. Нарышкине, совместно с А. А. Токаревым и К. К. Шмидтом). В этом случае следует предположить, что рифмы Жуковского получены не из рук в руки, а комментируемое стихотворение не передано, но прислано в Арзамас (Шаховской выехал за границу не ранее июня 1816 г. См.: *СПб. вед.*, 1816, № 43, 30 мая, с. 430), когда В. Л. Пушкина уже давно не было в Петербурге. «Хоть я лицом не черен — бел...» — Стихотворение написано не ранее второй половины августа 1816 г. (оно подписано «Вот я Вас опять», а это имя было официально присвоено В. Л. Пушкину в 14-м заседании «Арзамаса» 10 августа). Это косвенно подтверждает высказанное выше предположение о датировке предыдущего, имеющего схожие палеографические признаки, стихотворения.

Стихи В. Л. Пушкина на заданные рифмы (стр. 351). — Лит. учеба, 1987, № 6, с. 113. Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 83. Все стихотворение записано рукою В. Л. Пушкина, поэтому невозможно определить, кто из арза-

масцев задал ему рифмы. По-видимому, написано не ранее 6 мая 1816 г.: именно в этот день в московском доме Карамзина В. Л. Пушкину был прочитан протокол чрезвычайного собрания петербургских арзамасцев, инкриминировавших своему старосте, среди прочего, и непочтительные отзывы о стихах Жуковского. Возможно, что данное буриме, наряду с «Посланием к арзамасцам», входило в число оправдательных акций Василия Львовича. ...*Пусть критики твердят, что вкус его бесовской...*— Имеется в виду сильно интересовавшая В. Л. Пушкина (см. его приписку к письму Батюшкова к Гнедичу 17 августа 1816 г.— Б а т ю ш к о в К. Н. Соч., т. 2. М., 1989, с. 398—399) напряженная журнальная полемика 1816 г. о жанре баллады (Катенин, Гнедич, Грибоедов), ведшаяся в основном на материале произведений Жуковского. В. Л. Пушкину довелось частично реализовать шутливую гиперболу из «Комедия против комедии...» Загоскина, поддержавшего высказанное в «Липецких водах» Шаховского мнение о балладах Жуковского. «Один из моих знакомых,— говорит герой Загоскина,— недавно читал при дамах свое сочинение. Лишь только он начал, то у всех, кто мог его понимать, волосы стали дыбом, в половине чтения сделалось многим дурно, а под конец одна дама упала в обморок и лежит теперь при смерти в горячке. Вот истинно пиитические стихи!» Ср. рассказ в письме Н. М. Муравьева к матери 18 апреля 1818 г.: «Вчера я провел вечер у Праск. Ник. Ланской. Вечер начался пением, потом Васил. Львов. Пушкин начал читать балладу Жуковского «Светлану», читая следующий стих «Ах! милый друг ее — мертвец», он так закричал при слове «ах!», что все вскочили с места и не прежде успокоились, как по выслушании всего стиха» (ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, № 43).

От Арзамасского Общества Безвестных Людей почетному и известному историографу всея России господину кавалеру Анны и Славы Карамзину... (стр. 352).— Впервые (по другому списку, подписанному большинством арзамасцев, с некоторыми разночтениями).— Старина и новизна, кн. 12. М., 1907. Печатается по автографу Жуковского в тетради арзамасских протоколов.

Асмодей — имя вписано только в копии ЦГАЛИ.

Н. М. Карамзин — А. И. Тургеневу 30 марта 1816 г. (стр. 352).— РС, 1899, № 2, с. 471.

В. Л. Пушкин. Из дорожных стихов.— Написаны в конце марта 1816 г., во время возвращения П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина и В. Л. Пушкина из Петербурга в Москву, куда они приехали 27 марта утром. Изготовление этих буриме явно поощрялось Вяземским: его рукой заданы рифмы двух стихотворений, два других снабжены его ироническими, но одобрительными замеча-

ниями. Тема относящейся к этому же циклу дорожных стихов эпиграммы Василия Львовича «Сходство с Шихматовым и хромым почталоном» (письмо к А. С. Пушкину 17 апреля 1816 г.) также задана Вяземским. И именно Вяземский убедил незадачливого автора буриме послать их в «Арзамас» (см. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу 29 марта 1816 г.; письмо Блудова к Вяземскому 17 апреля 1816 г. и фразу протокола заседания 20 апреля 1816 г. о том, что при стихах Старосты находилось «свидетельство члена Асмодея»). До нас дошли далеко не все дорожные произведения В. Л. Пушкина, вызвавшие гнев арзамасцев: неизвестно местонахождение упоминаемого в протоколе 20 апреля «Послания к Устинье» и цитируемых там же яжелбицких (то есть написанных на станции Яжелбицы) эпиграмм. Помещаемые здесь стихи сохранились в архиве Вяземского; они выявлены по пометам владельца архива, содержанию, палеографическим признакам и расположены по порядку следования почтовых станций, на которых писались. Сверх того, сохранилось примечание Вяземского к неизвестно какому стихотворению: «Разговор в Помераньи начат был в 11 часов и 20-ть минут, а кончен в 11 час. и 24¹/₂. Староста сверх того убил здесь напущенную на него Бесею юную блоху:

Et rose elle a vecu ce que vivent les roses
L'espace d'un matin».

(ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5082, л. 78; «И роза нежная жила не дольше роз — // Всего одну зарю», перевод М. Квятковской; источник цитаты — «Утешение господину Дюперье» Ф. де Малерба). Печатаются по: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, 196—196 об., № 5082, лл. 77, 77 об., 78 об., 79.

Разговор в Ижоре (стр. 353).— *Ижора* — почтовая станция в 30 верстах от Петербурга. *Моздок* — город на реке Терек.

«Почтенные друзья, вас молит староста...» (стр. 353).— *Поэты-сатирики*, с. 662 (без примеч. Вяземского). Разбор этого произведения в «Арзамасе» см. в протоколе заседания 20 апреля 1816 г. *Тосна* — почтовая станция в 53 верстах от Петербурга.

«На нем будь хоть клобук, хоть кивер, хоть кокошник...» (стр. 354).— *Карбулак* — этноним, заимствованный из послания В. А. Жуковского «К Воейкову» 1814 г. (указано А. С. Немзером). *Речистый (бес)* — в автографе описки: речистый лес. «*Владимир*» (1785), «*Россиада*» (1779) — эпические поэмы М. М. Хераскова. Ср. протокол 20 апреля 1816 г. *Шутовской* — А. А. Шаховской. *Болховской* — возможно, знакомый В. Л. Пушкина Дмитрий Николаевич Болховской (Бологовской). Смысл упоминания не вполне ясен. *Подберезье* — станция в 158 верстах от Петербурга. *...был с Суворовым в Англии...* — Суворов не совершал английского похода.

«В дороге тягостны ухабы...» (стр. 354). — *Поэты-сатирики*, с. 290. В автографе рифмы — рукою Вяземского на листке с надписью «Бронницы». Бронницы — станция в 215 верстах от Петербурга. ...*Летает на стихах разбойник Соколов...* — Поэтическая деятельность П. И. Соколова точнее охарактеризована в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова. ...*басом воспевал...* — Намек на запойную болезнь С. С. Боброва.

«Невинное дитя Шихматов...» (стр. 354). — Рифмы заданы рукою Вяземского на обороте листка с рифмами для предыдущего стихотворения. Это позволяет предположить, что стихотворение создано на станции перед Бронницами или вскоре после них. *Невинное дитя...* — ср. выпад в «Собственной речи члена Вот» (с. 341). *Угаров* — действующее лицо «Липецких вод» Шаховского.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 29 марта 1816 г. (стр. 355). — *ОА*, т. 1, с. 42.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 3 апреля 1816 г. (стр. 355). — *ОА*, т. 1, с. 41. *Маленький Гримм* — прозвище А. И. Тургенева, данное И. И. Дмитриевым. *Экспромт* — эпиграмма князя А. Н. Салтыкова на министра внутренних дел О. П. Козодавлева (см.: Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 60).

Н. М. Карамзин — А. И. Тургеневу. 13 апреля 1816 г. (стр. 356). — *РС*, 1899, № 2, с. 473. *Мы, два симбиряка, платим и даем взаймы друг другу...* — Приготовляя к печати адресованные ему письма Карамзина (публикация увидела свет уже по смерти их обоих), Тургенев писал: «Я горжусь тем, что отец мой едва ли не первый открыл Карамзина в Симбирске и увлек его с собою в Москву, в тогдашний круг друзей...» (Москвитянин, 1855, № 1, с. 82).

В. Л. Пушкин — А. С. Пушкину. 17 апреля 1816 г. (стр. 356). — Складчина. СПб., 1874, с. 366—367; печатается по: *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 4. ...*что ты обо мне вспомнил*. — От письма, на которое отвечает Василий Львович, сохранилась лишь стихотворная часть — см. стихотворение А. С. Пушкина, печатаемое под названием «Из письма к В. Л. Пушкину» («Христос воскрес, питомец Феба!..»). ...*точно сделало с праздником*. — В 1816 г. Пасха приходилась на 9 апреля. ...*непокойные стихотворцы...* — Каламбур, развивающий игру слов стихотворения А. С. Пушкина и перекликающийся с четверостишием В. Л. Пушкина из его письма в «Арзамас» 29 апреля 1816 г. *Николай Михайлович* — Карамзин. ...*брат мне по Аполлону*. — На это заявление А. С. Пушкин отвечал стихами в письме к дяде 28 (?) декабря 1816 г. *Яжелбицы* — станция в 294 верстах от Петербурга. Ее название, благодаря написанным здесь эпиграммам В. Л. Пушкина (приведенная в письме должна завершать известный

ныне комплекс его дорожных стихов), стало в арзамасском кругу нарицательным для определения виршей с невыдержанным размером и сдвинутыми ударениями: «О муж невиский! Червь никитский // С трудом тебе в гостинец // Стихи пустил на конец // Так сказать по-желбицки!» (П. А. Вяземский — Д. Н. Блудову 22 января 1817 г.). ...*Вяземский мне эту задал эпиграмму.* — В архиве Вяземского сохранился обрывок листа с записанным рукою В. Л. Пушкина заголовком («Яжелбицкие эпиграммы») и первой строкой с иным рифменным окончанием («Как жалок почталъов хромой...» ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 195).

Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 17 апреля 1816 г. (стр. 357). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1467, л. 1—2 об. ...*неприятные приложения.* — «Дорожные стихи» В. Л. Пушкина. ...*Батюшковым, еще не нареченным в Арзамасе.* — Над Батюшковым еще не был совершен обряд «крещения». ...*настоящий член Чу...* — Весною 1816 г. Дашков проездом в свое рязанское имение останавливался в Москве.

Протокол заседания 20 апреля 1816 г. (Чрезвычайное) (стр. 358). — Отчет ИПБ за 1887 год (по черновому автографу ГПБ). СПб., 1890, прилож., с. 68—76. Печатается по автографу Д. Н. Блудова в тетради протоколов. В дате описки: апрель назван «травнем», т. е. маем.

Стр. 358. ...*чувствами графа Хвостова, превращенными в приж.* — Примечание в речи: «Смотри в „Лирических творениях“ графа Хвостова достопамятный стих: „И чувства превратились в прах“». Отсылка ошибочна: в „Лирических творениях“ (СПб., 1810) этого стиха нет; источник цитаты не разыскан.

Стр. 359. *Ах! Почто мой взор предвидит...* — Неточная цитата из баллады Жуковского «Кассандра».

Стр. 363. *Членам Чу, Асмодею и Ахиллу от развалин Арзамаса...* — Автограф Ф. Ф. Вигеля; подписано Вигелем, Жихаревым, Блудовым, Уваровым, А. И. Тургеневым.

С. П. Жихарев — П. А. Вяземскому. 24 апреля 1816 г. (стр. 363). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1907, л. 3 — 3 об. Год написания устанавливается по содержанию. *Если Дашков в Москве...* — Дашков в это время действительно находился в Москве, о чем свидетельствует его речь, произнесенная перед «московским Арзамасом» 6 мая.

В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 26 апреля 1816 г. (стр. 364). — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 86.

Письмо В. Л. Пушкина в Арзамас. 23 апреля 1816 г. (стр. 364). — *Предаете проклятию арзамасского старосту...* — Возможно, о надвигающихся репрессиях известил В. Л. Пушкина Вяземский, получивший письмо Жихарева от 24 апреля 1816 г.

Предложение члена Чу Московскому Арзамасу (стр. 365).— Автограф Дашкова. Заглавие — в копии ЦГАЛИ.

Стр. 365. «Я люблю Платона, но еще более люблю правду»...— Афоризм, первоначально приписывавшийся Платону и относящийся к Сократу («Сократ мне друг, но истина еще больший»), восходит к «Жизни Аристотеля» александрийского писателя Аммония Саккаса (III в.).

...не думающих нисколько об очищении себя...— Вяземский и Батюшков, подобно В. Л. Пушкину, состояли членами Общества любителей российской словесности при Московском университете, учрежденного в 1811 г. (в бытность П. И. Голенищева-Кутузова попечителем университета).

Стр. 366. *Res est sacra miser.*— Афоризм Сенеки (Эпиграммы, 4).

Стр. 367. ...да будет разрушен Карфаген! — Слова римского полководца Катона, которыми он заканчивал каждую свою речь в сенате (П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания. Жизнь Катона Старшего).

В. Л. Пушкин. Послание к арзамасцам (стр. 367).— Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822, с. 24—26 с рядом исправлений; под заглавием «К***». Печатается по автографу из архива Вяземского: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5551, л. 9—10. Написано между 6 мая и 17 июля 1816 г. (ср. письмо С. П. Жихарева к П. А. Вяземскому 22 июля 1816 г.), рассмотрено и одобрено в 14-м заседании «Арзамаса» 10 августа. Вошло в золотой цитатный фонд арзамасцев (см., например, ОА, т. 1, с. 56; письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу 20 октября 1818 г.; РА, 1866, № 11—12, стб. 1710; Б а т ю ш к о в К. Н. Соч., т. 2. М., 1989, с. 429), готовилось к помещению в арзамасском журнале (см. «Отрывки, найденные в Арзамасе»). Источник эпиграфа — Ц и ц е р о н. О дружбе (XXIV. 90). Приверженность В. Л. Пушкина к латинским эпиграфам служила постоянным объектом издевательств со стороны его друзей (см., например, письмо Дашкова к Вяземскому 4 апреля 1823 г.— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1820, л. 19 об.). *Просодиш в них нет...*— См. протокол заседания «Арзамаса» 20 апреля 1816 г. *Осмелился глупцам я правду говорить...*— Намек на «Послание к В. А. Жуковскому» В. Л. Пушкина. *Я злого Гашпара убил одним стихом...*— Эта подготовленная речью Жуковского при принятии Василия Пушкина в «Арзамас» (с. 333) строка, имеющая в виду стих 51-й «Опасного соседа» («Прямой талант везде защитников найдет!»), была чрезвычайно популярна (см. например, письмо Вяземского к А. И. Тургеневу 21 мая 1823 г.). *Имя друга в брате...*— С. Л. Пушкине (ср. стихотворение «К брату и другу». — Пушкин В. Л. Соч. СПб., 1893, с. 52).

С. П. Жихарев — П. А. Вяземскому. 22 июля 1816 г. (стр. 368).— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1907, л. 7. *Пушкина послание... — «К арзамасцам»*. *Кассандрин протокол...*— Протокол заседания 20 апреля 1816 г., написанный Блудовым.

Протокол заседания 10 августа 1816 г. (Четырнадцатое ординарное) (стр. 368).— Отчет *ИПБ* за 1887 год. СПб., 1890, прилож., с. 77—82 (по черновому автографу *ГПБ*). Печатается по автографу Д. Н. Блудова в тетради протоколов.

Стр. 369. *...некоторой Библиотеки*.— Публичной библиотеки, где служили Гнедич и др. (см. ниже, речь Н. И. Тургенева).

Исмен — маг, помогающий мусульманам, в «Освобожденном Иерусалиме» Т. Тассо.

Лбов — П. Ю. Львов.

Филип-Студевич — Е. И. Станевич.

...девица Пучкова...— В черновой редакции *ГПБ* — «Волкова».

...вихорь-атаман Беседы...— Д. И. Хвостов см. «Певец...» Батюшкова, а также воспоминания М. А. Дмитриева в наст. томе.

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. 31 октября 1816 г. (стр. 371).— *ПЖТ*, с. 165—166. *...и передало его историю в верные руки*.— См. письмо Кавелина Жуковскому от 15 ноября 1816 г. (с. 378). *Николай* — Н. И. Тургенев.

Протокол заседания 11 ноября 1816 г. (Пятнадцатое ординарное) (стр. 372).— Автограф Д. Н. Блудова. Черновой автограф — *ИРЛИ*, 21, 847.

Стр. 372. «*Дунциада*» — сатирическая поэма Ш. Палиссо против дурных стихотворцев.

...рукой Светланы клятвопреступницы.— Намек на устранение Жуковского (находившегося в Дерпте) от дел «Арамааса».

Стр. 373. *...прочтено некоторое произведение отсутствующего члена Светланы...*— «Певец в Кремле», о котором упоминалось в протоколе 16 декабря (шестого, а не седьмого) заседания. Жуковский откладывал работу над окончательной редакцией, считая стихотворение слабым и боясь, что оно будет воспринято как написанное «для каких-нибудь личных видов»; уступая настояниям друзей, требовавших представления «Певца» Александру I, он, однако, закончил новую редакцию к 6 ноября (см. его письма к А. И. Тургеневу от 21, 31 октября и 6 ноября 1816 г. из Дерпта, — *ПЖТ*, с. 165—168). Читалась, по-видимому, эта окончательная редакция, полученная из Дерпта.

...тайные переговоры между мелкими ерлыками и лапкою... Резвого Кота.— Шуточное перифрастическое описание баллотирования.

Похвальное слово несравненному писателю
нашему Ч. Б. Л. Р. С.— Д. С. С.— С. С. Ф. ...11 ноября 1816 г.
(стр. 374).— Писарская копия.

Стр. 374. Ч.Б.Л.Р.С.— Д.С.С.— С.С.Ф.— член «Беседы любителей
русского слова» действительный статский советник Семен Семенович
Филатов.

...*Арфа засыпает... над историей Карамзина...*— Намек на реаль-
ный случай, рассказанный Вяземским: «Однажды Карамзин читал
молодым приятелям своим некоторые главы из «Истории государства
Российского», тогда еще не изданной. Посреди чтения и глубокого
внимания слушателей вдруг раздался трескучий храп Тургенева.
Все как будто с испуга вздрогнули. Один Карамзин спокойно и хлад-
нокровно продолжал чтение. Он знал Тургенева: дух бодр, но плоть
немошна. Впрочем, склонность его к засыпанию в продолжение дня
была естественна. Он вставал рано и ложился поздно. Целый день был
он в беспрестанном движении, умственном и материальном» (*Вязем-
ский. ПСС*, т. 8, с. 273).

...«*Известия о воинственности в России*»...— Статья С. С. Фила-
това «О начале в России воинства и о знаменитых подвигах до
XVIII века» (вышла из печати (ЧвБ, 1816, т. 15) уже после речи
Кавелина).

Стр. 375. ...*сего неудобо-разумо-дуодейтельного сочинения.*—
Пародийный эпитет, употребленный впервые в «Живописце»
Н. И. Новикова (1772, ч. II, л. 8), как «новое и высокое изобретение
осьмогонадесять столетия». (См.: *Лотман, Успенский*, с. 201).

«*В самой отдаленной древности...*» — Исходя из свидетельств
о военных успехах древних славян, Филатов заключал, что они имели
организованное войско.

...*имела Россия фельдмаршалов, фельдцейхмейстеров, генерал-
адъютантов...*— Шаржированный, но довольно точный пересказ
рассуждения Филатова: «дворовый воевода равнялся генералисси-
мусу <...>. Большого полку главный воевода фельдмаршалу
<...>. ...Стрелецкие головы, полуголовы и сотники <...> впо-
следствии времени переименованы: первые полковниками, вторые
подполковниками, а последние капитанами» (ЧвБ, 1816, кн. 15,
с. 10).

...«*О несправедливом суждении иноплеменных писателей...*»—
Статья С. С. Филатова, напечатанная в «Чтениях...» в 1811 г. (кн. 2).

Речь С. С. Уварова при приеме в Арзамас
Д. А. Кавелина (стр. 376).— Автограф Уварова.

Стр. 376. ...*в тот незабвенный вечер...*— 14 октября 1814 г. (см.
протокол).

*Один член идет задумавшись в шишаке Александра Невско-
го...*— Возможно, П. Ю. Львов.

...тучный его сотрудник...— Может быть, П. М. Карбанов, как и Львов, член IV разряда.

...кабашные грехи жида Перца...— Т. е. известного откупщика А. И. Перетца, с которым у Державина были финансовые отношения; незадолго до смерти Державин «успел выхлопотать» свое имущество, бывшее в залоге у Перетца (Державин Г. Р. Соч., т. VI. СПб., 1876, с. 376).

Стр. 377. ...с Российской Академиею.— Далее зачеркнуто: «с тех пор, как младшая ее сестрица Беседа торжественно скончалась».

...смешавшего Беседу с Г. Советом...— См. воспоминания Вигеля (с. 63); «шутки» — «Спасителя рождением...» Вяземского и, возможно, басня Крылова «Квартет», о которой упоминает Вигель.

...бумажный его гроб...— см. «Певец... в Беседе славено-россов» Батюшкова.

Ah, doit on hériter de ceux qu'on assassine! — Цитата из «Радамиста и Зенобии» П. Кребийона (акт II, сд. 2).

Н. И. Тургенев. Дневник. 12 ноября 1816 г. (стр. 377).— АБТ, т. 5, с. 7. ...«держайте убо, держайте людие Божию»...— Парафраза Евангелия от Матфея (9,2).

Д. А. Кавелин — В. А. Жуковскому. 15 ноября 1816 г. (стр. 378).— Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 108. ...о «Певце»...— Речь идет о «Певце в Кремле» Жуковского (СПб., 1816). ...новое произведение филлина Гнедича.— Возможно, перевод трагедии Вольтера «Танкред». ...и у нас в типографии...— Подразумевается типография Медицинского департамента, находившаяся в ведении Кавелина.

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 30 ноября 1816 г. (стр. 378).— ДНТ, с. 203—204.

Протокол заседания 24 декабря 1816 г. (Шестнадцатое ordinarilyное) (стр. 379).— Автограф В. А. Жуковского.

Стр. 379. ...и не вступил еще как повелитель...— Парафраза из баллады «Варвик».

Салтыков — М. А. Салтыков.

Стр. 380. Очаровательный овсяный кисель...— О работе над идиллией «Овсяный кисель» и балладой «Вадим» (первоначальное название «Искушение»), составившей затем вторую часть «Двенадцати спящих дев», Жуковский писал А. И. Тургеневу 21 октября из Дерпта: «Я пишу усердно „Искушение“, написано более половины. Пьеса будет так же велика, как и 12 спящих дев (т. е. «Громобой») и кажется хорошо. Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пьесу под титулом «Овсяный кисель»; не думай, чтоб этот кисель был для Арзамаса; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для

арзамасцев, хоть и не разведен на бессмыслице. Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта, ибо он писал на швабском диалекте и для поселян. Но я ничего лучше не знаю! Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» (*ПЖТ*, с. 164). Из Гебеля Жуковский перевел и упоминаемую далее «гекзаметрическую сказочку», т. е. «Красный карбункул».

Светлана стала чужна чужною... — Парафраза строки из стихотворной вставки в письме Батюшкова Вяземскому (июнь 1816 г.).

Речь В. А. Жуковского при возвращении к обязанностям секретаря Арзамаса (стр. 381). — Автограф Жуковского.

Стр. 381. *Я жил на берегах Эмбаха, в стенах города Юрьева...* — Жуковский уехал в Дерпт (Юрьев, ныне г. Тарту) в начале апреля, вернулся в середине декабря 1816 г.

Стр. 382. *...земля лишилась своего небесного гостя!* — Державин скончался 8 (20) июля 1816 г. В апреле 1816 г. Жуковский был у него с визитом (единственная их личная встреча); 29 июня 1816 г. он письмом благодарил Державина за присылку его сочинений (Державин Г. Р. Соч., т. VIII. СПб., 1876, с. 376—377, 383). Феномен Державина осмыслен Жуковским в духе его философско-эстетических концепций 1810-х гг. (см., например, близкие идеи и фразеологию в элегии «На кончину ее величества королевы Виртембергской», 1819).

...под личиною двенадцатилетнего отрока... — Намек не вполне ясен. Упоминаемая книга — «Подарок моему родителю в день его ангела, или труды двенадцатилетнего отрока, купеческого сына Никиты Голтикова» (М., 1804) — зарегистрирована в «Опыте российской библиографии» В. С. Соликова (ч. IV, СПб., 1816).

Гашпар... врет во Флоренции... — См. примеч. к протоколу 19 заседания.

Стр. 383. *Лейпс* — Чудское озеро.

...разбудив двенадцать дев, может быть, усыпил почтенных любителей чтения... — Ср. в начальных строках «Вадима» (посвящение Блудову): «Дев я разбудил, Не усыпить бы друга».

Стр. 384. *Кухайте, светлы мои...* — Цитата из «Овсяного киселя».

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 2 января 1817 г. (стр. 384). — *ОА*, т. 1, с. 66—67.

Протокол заседания 6 января 1817 г. (Семнадцатое ординарное) (стр. 384). — Автограф Д. Н. Блудова.

Стр. 385. *...благодатная речь во образе Рескрипта.* — См. письмо Тургенева Вяземскому от 2 января 1817 г. В протоколе примечание рукой А. И. Тургенева: «Высоч(айший) рескрипт, писанный Эоло-

вой Арфою о пожаловании Жуковскому-Светлане 4 т. р. пенсии; читал его в Арзамасе, где еще неизвестно было об оном».

...через несколько часов узнали... — Жуковский уезжал в Дерпт на свадьбу М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера, назначенную на 9 января. В Дерпте он пробыл до начала мая 1817 г. (Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976, с. 117).

...каждая почта привозит нам дурные вести... — Протокол, по-видимому, составлялся не ранее марта — апреля, т. к. Блудову, несомненно, уже были известны письма Жуковского к А. И. Тургеневу с упреками арзамасцам за невнимание, нерегулярность писем и т. д. «Немецкие парики» — дерптские знакомые Жуковского, о которых упоминается в тех же письмах: Эверс, Паррот, Асмус и др.; там же Жуковский говорит и о перерыве в своем поэтическом творчестве.

...любовалась искусным фиглярством отсутствующего члена Ахилла... — Батюшков прислал для «Арзамаса» «Вечер у Кантемира». О связи этого произведения с литературной программой «Арзамаса» см. Фридман Н. В. Проза Батюшкова. М., 1965, с. 126—128.

Н. И. Тургенев. Дневник. 11 января 1817 г. (стр. 386). — *АБТ*, т. 5, с. 16—17. Арзамасскую речь Н. И. Тургенева см. на с. 388—391 наст. тома.

Протокол заседания 24 февраля 1817 г. (Восемнадцатое ординарное) (стр. 386). — Автограф Д. Н. Блудова.

Стр. 386. *...беглеца и нелюбителя Казани.* — М. А. Салтыков с 1812 г. был попечителем Казанского учебного округа, но большую часть времени жил в Москве и Петербурге.

Стр. 387. *...остроумный Кот Лафонтенов.* — См. басню Лафонтена «Кот и старая Крыса» (III, 18).

...об Омени и Проходи академических словесников... — Рассуждение о слове «омены» (ср. Притчи Соломоновы, 7, 25), которое «значит здесь пути, стези, дорожки»: см. ⟨Ш и ш к о в А. С.⟩ Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные. СПб., 1804, с. 133—134.

...трепнулся на стул свой... — Ироническое обыгрывание выражения из басни Крылова «Лягушки, просящие царя»; в прижизненных изданиях басни стих 10 читался: «И плотно так он трепнулся на царство».

...неофит нашего века силится отыскать Наполеона в Иудейских пророках... — Возможно, намек на «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» Державина (*ЧвБ*, 1813, кн. 10 и отд. изд.); в примечаниях к гимну Державин ссылался на «исчисления дерптского профессора Гецеля», согласно которым в апокалиптическом числе 666 «содержится имя *Наполеона*», и приводил соответст-

вующие буквенные и цифровые расчеты; он пытался подтвердить свои мистико-эсхатологические интерпретации также ссылками на Апокалипсис, книги пророков Даниила, Иезекииля и т. д. См. Державин Г. Р. Соч., т. III, СПб., 1870, с. 100—123.

Стр. 388. ...жертвы Помпеи — Г... и Геркуланума — К... — Н. И. Гнедич и А. И. Красовский (см. ниже).

Речь Н. И. Тургенева при вступлении в Арзамас (стр. 389). — Автограф Н. И. Тургенева. Ранняя редакция — в Дневнике Н. И. Тургенева (запись от 11 января 1817 г.); см. АБТ, т. III, с. 17—20. О чтении в Библиотеке, ставшем непосредственным содержанием речи, Тургенев сделал запись в Дневнике под 4 января: «2-го января был я в Библиотеке. Читали отчет, кот. есть печальное доказательство состояния охоты к чтению в Пб. и также состояния Библиотеки. Потом Гнедич читал рождение Гомера. Это хорошо уже по предмету. Потом обозрение литературы 1816 года. Тут я вышел из терпения, видя, что у нас даже и с науками свободными — если что-либо может быть свободно — неразлучно хамство, не говоря уже о невежестве, которое являет Греч в сем обозрении. Слушать это мне было и больно и досадно. Потом Крылов читал свои басни» (с. 15—16). Более развернутый отзыв — в письме к С. И. Тургеневу от того же 4 января: «Вчера было здесь празднество в Библиотеке. Читан был 1. Отчет. Тут сказано, что 800 особ в течение года приходили в библ., чтобы только посмотреть ее; 400 же, чтобы читать книги, и сказано, какие книги особенно были читаны. Это хорошо потому только, что мы можем судить о status quo распространяющегося просвещения!!! Потом 2. Гнедич читал поэму: рождение Гомера. Потом читано 3. Сочинение Греча: обозрение книг, вышедших в 16 году. Все прочее слушал я спокойно, хотя и с сожалением. Но это обозрение раздосадовало меня. Соч(инитель) говорит между прочим, что в других странах (!) просвещение не может распространяться, ибо там нет терпимости (какой вздор!), а что у нас она есть; что узаконения о цензуре у нас основывают какую-то благоразумную свободу и почитаются шедевром во всей Европе!!! Вот что должно здесь спокойно слушать! 4. Читал также Крылов три новых басни, кот. есть лучший плод библиотеки. Тем и фарса сия кончилась» (ДНТ, с. 208). Под 11 января 1817 г. в Дневнике Н. И. Тургенева отмечен спор с Гречем «за Арзамас» (см. с. 386); речь пишется под непосредственным впечатлением этого разговора. В дальнейшем отзыве Тургенева об «обозрении» Греча становятся мягче; в письме С. И. Тургеневу от 10 мая он рекомендует ему Греча, отправляющегося за границу, и просит «с ним познакомиться и полюбить его, несмотря на его мнения о цензуре и о блаженстве России: впрочем, мнения официального» (ДНТ, с. 221).

Стр. 389. На берегах Майна, в известном городе Франкфурте... —

Н. И. Тургенев был членом ликвидационной комиссии Центрального административного департамента, с местопребыванием во Франкфурте, где он пробыл до конца июля 1816 г.

Стр. 389—390. *...предавал нас «Второе января» попеременно то сну, то досаде.*— Имеется в виду годовое торжественное собрание имп. Публичной библиотеки 2 января 1817 г., где секретарь А. И. Красовский читал выписку из составленного им отчета об управлении библиотекой, «г. помощник библиотекаря г. Гнедич» — поэму «Рождение Гомера». «г. гвардии штабс-капитан Пл. Ст. Яковлев» по просьбе заболевшего Н. И. Греча — его «Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов» и «г. библиотекарь Крылов» — новые басни «Кукушка и Горлинка», «Сочинитель и Разбойник» и «Похороны» (СО, 1817, № 35, «Смесь», с. 39).

Стр. 390. *...в течение 1816 года было прочтено или потребовано для прочтения 400 книг и т. д.*— Иронически излагается содержание отчета Красовского (СО, 1817, № 3).

...слушатели были поражены какими-то дикими и беспрестанно возносящимися звуками.— О манере Гнедича читать с «диким напряжением голоса» писали многие современники (ср. Жигарев, с. 422; Аксаков С. Т. Собр. соч., т. 2. М., 1956. с. 362).

...англичане, французы, немцы, италийцы не имеют ни хороших поэтов, ни хороших историков...— Согласно «Обозрению» Греча, словесность Запада «находится в вечной посредственности», причина которой — отсутствие «веротерпения» и подозрительность и недоверчивость правительства к талантам. Греч противопоставлял Западу Россию, где якобы существует «терпимость всех вероисповеданий» и писатели поощряются правительством при условии соблюдения ими принципа «благоразумной свободы» (СО, 1817, № 1, с. 10).

Стр. 391. *...первое слово, невольно вылившееся из-под пера его, было — цензура.*— Греч рассматривал Устав о цензуре (1804), «призванный всею просвещенною Европою» как стимул развития отечественной словесности.

...не в том ли смысле господин «С. От.» говорит о нашей свободе книгопечатания, как Фигаро об испанской? — См. акт I, явл. 2 «Севильского цирюльника» Бомарше, где Фигаро говорит Альмавиве, что в Мадриде он убедился, что «республика литераторов — это республика волков, всегда готовых перегрызть друг другу горло», и что «критики, москиты, завистники, борзописцы, книготорговцы, цензоры» все это раздирает литераторов на части и «вытягивает из них последние соки» (Бомарше. Избр. произв. М., 1954, с. 289. Пер. Н. М. Любимова).

...сочинениями Орлова, Хвостова, Лобанова, Горюшкина...— «Памятник событий в церкви и отечестве, соч. Я. Орлова, в 5 частях» (СПб., 1816); «Руководство к познанию российского законодательства, соч. Захария Горюшкина, в 4 частях» (М., 1811—1816). Из сочинений

Лобанова Греч упоминал «Песнь на взятие Парижа», «Элегию при гробе князя Смоленского» и перевод «Ифигении» Расина; он писал также о Д. И. Хвостове, «который издал сочинения и переводы почти по всем частям стихотворства».

...оставляя в покое тех из наших лириков, трагиков, историков, которых все знают...— В дневнике уточнение: «историков или, справедливее сказать, того историка...». Тургенев имеет в виду Державина, Озерова и Карамзина; двум первым (скончавшимся в 1816 г.) была посвящена значительная часть «Обозрения» Греча.

Так продолжалась панихида Библиотеки...— В дневнике — вариант концовки: «Заседание Библиотеки кончилось чтением басен, но на этот раз не Библиотека их читала; басни читал Крылов, и слушатели отдохнули и оживились. Я постараюсь сравниться с читающим Крыловым моим молчанием. Отдохните и вы, превосходительные Арзамасцы» (с. 19—20).

Речь Д. А. Кавелина 24 февраля 1817 г. (стр. 392).— Автограф Кавелина.

Стр. 392. *...во-первых, вступлением в Беседу...*— Греч был членом-сотрудником III разряда (*ЧвБ*, 1813, кн. 13, с. V).

...общего с нею погребения...— См. Речь Кассандры в ответ на нечитанную речь Золовой Арфы.

...добровольной вкладью себя в покойное Михайловское Общество.— Греч был его членом с 1810 г.

...увидела в них и Шутовского и Хлыстова...— Греч упоминал в «Обозрении» «Липецкие воды» как сочинение, которое «должно быть отличено» «в роде комическом» (*СО*, 1817, № 2, с. 61). О Хвостове см. выше.

...отправила литературу в ботанику...— Обзор Греча начинался уподоблением словесности полю, на котором «рождаются тысячи растений и трав»; в их числе «есть и первые отпрыски прелестных цветов» и «высоких деревьев», переживающих века (там же, № 1, с. 4).

Н. И. Тургенев. Дневник. 24 февраля 1817 г. (стр. 393).— *АБТ*, т. 5, стр. 31. См.: с. 389—391 наст. тома.

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 25 февраля 1817 г. (стр. 394).— *ДНТ*, с. 213.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 25 февраля 1817 г. (стр. 394).— *ОА*, т. 1, с. 70. Арзамасец Вяземский описывает здесь заседание *ОЛРС*, происходившее 24 февраля; В. Л. Пушкин прочитал басню Вяземского «Доведь», свою басню «Волк и лисица» и стихотворение Шаликова «Поэт».

Протокол заседания 16 марта 1817 г. (Девятнадцатое) (стр. 394). Автограф Д. Н. Блудова.

Стр. 395. *Арша* (правильно: Акша) — река в Арзамасском уезде. ...*прорыл пески Катевинские*... — Скрытая цитата из «Слова о полку Игореве» («ты пробил горы каменные сквозь землю половецкую»).

Арегуза — река в Греции, протекающая через море и, по преданию, соединяющаяся на острове Ортигии с рекой Алфеем; боги этих рек, согласно мифу — возлюбленные. Обычный символ чистоты и верности в испытаниях (ср. это уподобление в письме Батюшкова к Вяземскому от 13 сентября 1817 г. в отношении А. И. Тургенева. — *Батюшков*, т. III, с. 468 и т. 2 наст. изд.).

...*страсбургским французом*... — В Страсбурге (Эльзас) жило смешанное (французское и немецкое) население.

...*одному природному члену*... — Н. М. Карамзину; ниже упоминается его работа над VIII томом «Истории», содержащим описание начала царствования Грозного.

Феоклимен — предсказатель, уведомивший Пенелопу о возвращении Одиссея («Одиссея», песнь 17).

Стр. 396. *И скоро ль, долго ль, как узнать*... — Парафраза строки из «Громобоя» Жуковского.

...*не скажет ли жалобный голос тебе, как древнему Гектору*... — Возможно, имеются в виду стихи 774 и след. в песне 13 «Илиады».

Речь Д. В. Дашкова (стр. 396). — Автограф Дашкова.

Стр. 396. *Я был на родине*... — Имение Дашкова находилось в Спасском уезде Рязанской губ.

Стр. 397. *Мещора* — область в Рязанской губ., где находится и Спасск.

...*живет колдун*... — Адресат речи Дашкова расшифровывается М. С. Боровковой-Майковой как Гнедич (см. А, с. 286). Однако это предположение плохо согласуется с текстом и фактами биографии Гнедича, в 1816—1817 гг. жившего в Петербурге. Как установил О. А. Проскуряин (Вопросы литературы, 1987, № 6), Дашков имеет в виду другое лицо — Григория Павловича Ржевского (1763—1830), поэта-дилетанта, автора сборника «Новые басни и разные стихотворения» (СПб., 1827), в 1817 г. — предводителя дворянства в Спасске (Месяцеслов ... или Общий штат Российской империи на ... 1818, ч. II. СПб., <1818>, с. 165).

...*из Эпиталамы — ужас новобрачным*. — См. примеч. к письму Батюшкова Вяземскому 10 мая 1812 г.

...*нашел его в своем покровителе*... — Отсылка к «Оде его превосходительству, господину министру полиции Балашову» Ржевского (М., 1812), где есть строки: «Искал по сердцу человека. Прославить песнию моей; <...> Нашел ТЕБЯ, — прими мой стих» (с. 8).

...он, слабый и худощавый, измучил нашего быстроногого Ахилла... — Ср. также ниже, в Прощальной речи Дашкова, упоминание о «досужем бесе Хлыстова», где речь идет о том же лице. Оба намека отсылают к посланию Батюшкова «К Жуковскому» («Прости, Балладник мой...», см. т. 2 наст. изд.); в последних стихах его описываются мучения слушателя стихов Хвостова и Ржевского. Дашков (как явствует из его приписки к письму Батюшкова Жуковскому от июня 1812 г.) был в курсе этих чтений.

Стр. 398. ...девицы Б... — А. П. Буниной.

...по Беседе из рыбьего зуба! — К этому стиху примечание: «См. Академич. Известия, кн. 1, стр. <пропуск>». В «Известиях Российской Академии» (кн. 1. СПб., 1815, с. 57) помещен опыт толкового словаря, где определено одно из значений слова «беседа»: «Беседа — также означает оно диван или канапе. «В чердаке была беседа, дорог рыбий зуб» (т. е. диван, сделанный из дорогой кости — рыбьих зубов)».

$B = 4P = 4П + 20Ч + 20С = 0$ — Беседа = 4-м разрядам = 4-м председателям + 20 членам + 20 сотрудникам = 0 (А, с. 286).

Стр. 399. «Гимн Лиро-эпический», трагедия «Евпраксия» и «Василий Темный», комедия «Кутерьма от Кондратьев» — сочинения Державина.

...тем небесным смежом, коим ослабляются Гомеровы боги... — См. «Илиада», 1, 599 (отсюда выражение «гомерический смех»).

Стр. 400. «Когда Державин пред концом...» — Эпиграмма Вяземского.

...камень честно, не сронившееся с высот... — Речь идет о бриллиантовом перстне, полученном Жуковским от императора одновременно с указом о пенсии (см. письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 2 января 1817 г.). Дашков трагедизирует стихотворение С. А. Шириного-Шихматова «Возвращение в отечество любезного брата моего Павла Александровича из пятилетнего морского похода»... (отд. изд., СПб., 1810). См.: *Поэты 1790—1810*, с. 843 (коммент. М. Г. Альтшуллера).

Речь Ф. Ф. Вигеля (стр. 400). — Автограф Вигеля.

Стр. 400. Хищник престолов... — См. речь Кассандры (Блудова), обращенную к Вигелю в 4-м заседании. Наполеон вступил в Париж («Лютетию») 8 (20) марта 1815 г. А. А. Шаховской совершал заграничное путешествие и печатал в *СО* свои путевые корреспонденции (Письмо русского из Флоренции, — 1816, № 46; Письма из Италии. Рим, 7/19 ноября 1816; Неаполь, 2/14 декабря 1816, — там же, 1817, № 6, 7). По этому поводу Батюшков писал Вяземскому 4 марта: «Рим и Шаховской! Он в Капитолии, он в Колизее, он у Везувия, он в Баии, он, он, он, везде он. <...> Зачем не повстречался он с Козловским?»

Этого не доставало! Две классические карикатуры в классической земле».

Стр. 401. *...превосходный инструмент сей сделан превосходительным.* — А. И. Тургенев получил чин действительного статского советника 22 июня 1816 г. (ОА, т. 1, с. 49, 428).

...блестящая на груди ее звезда привела к ней на поклонение волхва Гнедича... — Уваров 12 декабря 1816 г. получил орден св. Владимира 2-й степени.

...некий известный Циклоп... — У Гнедича не было одного глаза.

Н. И. Тургенев. Дневник. 18 марта 1817 г. (стр. 402). — АБТ, т. 5, с. 30.

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 1 апреля 1817 г. (стр. 402). — ДНТ, с. 218.

Протокол заседания 22 апреля 1817 г. (Двадцатое) (стр. 402). — Автограф Блудова.

Стр. 403. *...еженедельно умирающий...* — СО выходил недельными книжками.

...Дух неизвестных журналов... — «Дух журналов», издававшийся Г. М. Яценко (1815—1820) и представлявший аристократическую оппозицию (ДНТ, с. 404—405, коммент. А. Н. Шебунина).

Пустынный — «Русский Пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов» П. А. Корсакова (1817).

С. П. — «Северная почта», газета, издававшаяся в 1809—1819 гг. под руководством товарища министра внутренних дел О. П. Козодавлева. В 1816 г. газета стала приобретать окраску официального либерализма, что вызывало ироническое к ней отношение (ДНТ, с. 398).

Стр. 404. *...и всех его древних мышей...* — Этот сюжет впоследствии был обработан Жуковским в балладе «Суд божий над епископом» (1831). Блудов имеет в виду балладу Р. Саути «God's Judgement on a Bishop», послужившую источником и Жуковскому.

...Громобой поведал собранию, в каких дивных странах... он скитался... — Жихарев ездил в свою деревню в Рязанской губ., затем был в Москве, вернулся в марте 1817 г. (ОА, т. 1, с. 70; ДНТ, с. 215).

...читаны стихи отсутствующих членов... — Стихи Вяземского: — по-видимому, басня «Доведь» (см. с. 394). Стихи Пушкина, посланные Вяземским Тургеневу 1 марта (см. ОА, т. 1, с. 70—71) — может быть, басня «Молодая вдова» или «Смоковница» (напечатанные затем вместе с басней Вяземского в Трудах ОЛРС, 1817, ч. 9).

Пещера Трофония — находилась в Лебедии (Беотия) при храме Зевса (Трофоний — одно из его имен), при ней был оракул.

Эпигастр — желудок.

Вступительная речь М. Ф. Орлова (стр. 405).— Автограф Орлова. Перепечатано с уточнениями в кн.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. Изд. подготовлено С. Я. Боровым и М. И. Гиллельсоном. М., 1963.

Стр. 406. ...о ангелоподобных моих женах...— Намек на «Похвалу женам» Захарова.

...определяющего достоинства сочинений одним вертикальным или горизонтальным движением головы.— Возможно, имеется в виду П. И. Соколов.

Г.— Фамилия вымарана; вероятное чтение — «Гнедич».

Я признаю пользу Адрес-Календаря...— Адрес-календарь издавался Академией Наук.

...одного члена Библиотеки...— И. А. Крылова.

...столь славное имя не может внушить лучших произведений.— На полях позднейшая помета Орлова: «Я сему не совсем верю. Это слишком сильно. Да примет Гр(еч) изъяснение моего раскаяния».

Стр. 407. ...в пустыню рад удалиться...— Намек на известную песню «Я в пустыню удаляюсь...» (1791), приписывавшуюся М. В. Зубовой.

...подражателю господина Жуи.— Э. Жуи был создателем цикла нравоописательных очерков под названием «Пустынник» («Антенский пустынный», 1815—1816; «Гвианский пустынный», 1816—1817 и др.).

...из целой книги русского Пустынника едва ли можно выбрать одну хорошую статью.— Против абзаца помета Орлова: «Изо всех журналов сей последний лучше писан. Я от критики сей отказываюсь».

...российского Ротру.— По-видимому, А. А. Шаховской.

Ответ Д. П. Северина М. Ф. Орлову (стр. 408).— Автограф Северина.

Стр. 408. Дочь Приама — Кассандра.

...односложный отголосок Странника...— Чу!!!

Ведьма — Старушка.

Речь С. П. Жихарева (стр. 409).— Автограф Жихарева.

Стр. 410. ...как тоскует преподобная Хвостова...— Имеется в виду книга «Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям ее, мужу и жене» (СПб., 1815) А. П. Хвостовой.

Данков — город в Рязанской губ.

Стр. 411. ...некоего халдея из Библиотеки...— Может быть, Н. И. Гнедича.

Стр. 412. ...знатного галломана-литератора.— Намек неясен.

Е. С. Гр. А. А. А.— Видимо, его сиятельство граф А. А. Аракчеев.

В. П. П.— По предположению М. С. Боровковой-Майковой, фрейлина графиня В. П. Протасова.

Прощальная речь Д. В. Дашкова (стр. 412).— Автограф Дашкова. Речь произнесена в связи с отъездом Дашкова, причисленного к российской миссии при Константинополе чиновником сверх штата. 3 мая 1817 г. Н. И. Тургенев сообщал брату: «Дашков сегодня едет в Константинополь (...) Он должен быть в скором времени сов(етником) пос(ольства)» (ДНТ, с. 220). Выезд в Константинополь совершался через Одессу (отсюда упоминания об имениях Капниста и Палицына на Украине).

Стр. 412. *Оратор дебрей Нижегородских...*— И. М. Муравьев-Апостол.

...пустынников, провинциалов и мотовок...— Имеются в виду «Русский пустынный» и, возможно, вновь возникшие провинциальные и модные журналы (например, «Модный вестник»).

Стр. 413. *Где братья наши?..*— Жуковский («Светлана») и А. Ф. Воейков («Две огромные руки») находились в Дерпте, Батюшков («Ахилл») — в своем имении Хантоново, Вяземский («Асмодей») и В. Л. Пушкин («староста») — в Москве (Вяземский приехал в Петербург неделей позже, см. ниже), П. И. Полетика («Очарованный Челнок») — в Лондоне (ОА, т. 1, с. 62) и позднее в Северо-Американских Соединенных Штатах.

...по Асфодельскому полю...— Асфоделями древние украшали могилы.

...к досужему бесу Хлыстова.— См. выше примеч. к Речи Дашкова на 19 заседании.

...на берегах Псиола, ждет меня Капнист...— Имение В. В. Капниста Обуховка находилось в Полтавской губ. на берегу реки Псел. «Безрассудные рассуждения о гекзаметре» — его письмо к С. С. Уварову, где он оспаривал возможность русского гексаметра (ЧББ, 1815, № 17; ср. Капнист В. В. Собр. соч. в 2-х тт., т. 2. М.—Л., 1960, с. 186—224, 565—567).

...враг Гомера...— В «Письме В. В. Капниста к С. С. Уварову о эксаметрах» выражалось сомнение в «благозвучности Омировых эксаметров»; мнение это, согласно Капнисту, было плодом безотчетного почитания Гомера и нуждается в пересмотре (ЧББ, 1815, кн. 17, с. 27—30). Возражая Капнисту, Уваров доказывал, что «стихосложение Омера есть совершеннейший плод эпической поэзии» (там же, с. 49).

...в соседстве Поповки...— Речь идет о кружке, собиравшемся в имении А. А. Палицына Поповка Сумского уезда Харьковской губ.; в него, в частности, входил и Е. И. Станевич. Кружок этот сам Палицын называл «Поповской академией». Палицын был известен как сторонник Шишкова, что было прямо заявлено в его стихотворном трак-

тате «Послание к Привету, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени» (Харьков, 1807). См. *Поэты 1790—1810*, с. 745—780, 873—883.

Речь Н. И. Тургенева по случаю отъезда Д. В. Дашкова (стр. 413).— Автограф Н. И. Тургенева. Более ранний текст (с незначительными отличиями) см.: *АБТ*, т. III, с. 31—35 (запись датирована: 24 апреля. 1/2 12 ночи).

Стр. 414. *Старший из мертвецов...*— Адмирал А. С. Шишков. Вопреки памфлетному намеку Тургенева, Шишков практически служил во флоте, совершил два морских путешествия и участвовал в Шведской войне 1790 г.

...одетый в запачканный саван...— Д. И. Хвостов.

...называют Академией, и притом еще Российскойю.— Далее в дневнике конспект продолжения, не полностью реализованный в окончательном тексте: «Предложение Мешкова распространить <далее — рисунок «гасильника», в рукописях Тургенева обозначающий политическую реакцию, «хамов»> и на Акад<емию> Худ<ожеств>. Ход в Акад. Худ. Сообщение об отъезде Чу. Гальба и Геркулес Фарнезский прогоняют их. Президент Акад. Худ., не зная, куда деваться, спрятался под хвост к коню Гальбы, восхищаясь своею проворностию всегда и везде находить себе место.

Увезите — привезите — себя».

На полях против первых фраз — «Предложение гасить» <далее — рисунок «гасильника»>; против последних фраз: «В Неаполе есть хамы, но есть искусство; а здесь вы просто хамы и разве только художества за собою не знаете» (*АБТ*, т. III, с. 33).

Стр. 415. *...нового члена...*— М. Ф. Орлова.

...трагедии «Владимира Мономаха»...— С. И. Висковатова; поставлена в Петербурге 11 апреля 1817 г.

...получения Академиею нового себе президента...— А. Н. Оленин, назначенного в апреле 1817 г. президентом Академии художеств. Оленин был членом первого разряда «Беседы» (председатель — А. С. Шишков). Пародийное описание «торжества» предвосхищает подлинные события; торжественное заседание Академии художеств с речью нового президента состоялось только 15 мая 1817 г. Имитация ее у Тургенева намекает на графические работы самого Оленина, делавшего рисунки и виньетки к сочинениям И. И. Хемницера, Державина, позднее А. С. Пушкина, театральные эскизы, аллегорические композиции и т. д. В дневнике этот смысл «речи» подчеркнут яснее: «новый президент <...> между прочим говорил, что главное занятие художников должно состоять в искусном делании виньетов, корбочек» (с. 34). «Академия надписей и словесности», упоминаемая далее, — одно из авторитетнейших учено-литературных обществ во Франции XVIII в.; толкование ее названия пародийно.

...статуи Гальбы и Геркулеса Фарнезского. — Речь идет о гипсовых слепках с античных скульптур в собрании Академии художеств. Ассоциация гротескна: Шишков сравнивается с римским императором Гальбой, образом воина и государственного мужа; А. Н. Оленин, отличавшийся маленьким, даже карликовым ростом, — с Геркулесом Фарнезским — «образцом силы душевной и телесной» (Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 82).

Сонное мнение члена Эоловой Арфы... (стр. 416). — Автограф Д. Н. Блудова, подписанный и другими арзамасцами. Отрывок (от слов «Я вижу ваше, наше будущее» до конца, с пропусками) опубликован М. Н. Лонгиновым (Энциклопедич. словарь, т. V. СПб., 1862, с. 314). Речь Блудова от имени Тургенева. Мистифицирующий характер этой речи ввел в заблуждение М. К. Азадовского, который неосновательно упрекнул М. С. Боровкову-Майкову в том, что она «приписала Блудову речь Александра Тургенева» (ЛН, т. 59, с. 633—634). С другой стороны, М. К. Азадовский убедительно отвел сомнения Боровковой-Майковой в достоверности свидетельств Вигеля об этой речи (см. с. 99—100 наст. тома). Вигель не присутствовал при ее произнесении, но знал ее текст, подписанный им не 22 апреля, а позднее (видимо, — в 22-м заседании, на даче С. С. Уварова); кроме его подписи, под текстом значится имя Вяземского, приехавшего в Петербург только около 1 мая (см. письма Карамзина Вяземскому 30 апреля и И. И. Дмитриеву 6 мая. — Старья и новизна, кн. 1. СПб., 1897, с. 28; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 214), и, с другой стороны, отсутствует подпись уехавшего 3 мая Дашкова (см. выше). Не исключена возможность, что эта большая речь была составлена задним числом (см. необычное указание, что ее произнесли «в исходе» заседания): тогда Вигель мог ее слышать. Неточности в изложении Вигеля объясняются субъективной интерпретацией (см. примеч. к мемуарам Вигеля). *Немеца* — Немезида, богиня мщениия (греч. миф.); первоначально — богиня, распределяющая счастье и несчастье по нравственным заслугам каждого.

Стр. 417. *Покойный член наш Франклин называл всякое открытие новорожденным младенцем...* — Афоризм Франклина, сказанный в связи с полетом воздушного шара братьев Монгольфье, стал известен в России уже в 1783 г.; как писали «Московские ведомости», Франклин сравнил новое изобретение с новорожденным младенцем, «о котором в начале бытия его ничего другого достоверно сказать не можно, кроме сего, что он требует попечения и порядочного воспитания». Зачисление Франклина в арзамасцы — знак признания его деятельности; Франклина высоко ценили в кружке Тургеневых, к которому примыкал и Блудов. См. Н и к о л ю к и н А. Н. Литературные связи России и США. М., 1981, с. 85, 93—100.

Стр. 418. ...«я дую и плюю на Беседу и аггелов ее». — Формула отрешивания от злого духа; «аггелы» — адепты, посланники.

...на одного из членов и друзей наших. — Намек на А. И. Тургенева.

Стр. 419. ...никогда факел света не превратится в факел зажига-теля. — См. об этой фразе выше, в воспоминаниях Вигеля, где смысл ее искажен (ЛН, т. 59, с. 633—634).

А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому. 23 апреля 1817 г. (стр. 420). — Гиллельсон, с. 67.

...Воейков календарь читал. — «Парнасский адрес-календарь» (см. т. 2 наст изд.).

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. 1817 г. (стр. 420). — Жуковский В. А. Соч., т. 6. СПб., 1878, с. 405.

Мещевский в Сибири... — Жуковский неустанно хлопотал о находящемся в ссылке поэте Мещевском и побуждал к этому других арзамасцев; см. в его донесении: «Научившись издавна читать и писать, прочитал я между прочим и письмо, полученное мною из известного вашим превосходительством города Оренбурга, находящегося на границе степей Киргискайсацких, как то и на карте означено; в этом письме нашел я, так сказать, изложение некоторого печального положения <...> А между тем в Оренбурге на Урале под солдатскою сумою не так-то любо, как в Петрограде на Неве... (А, с. 238—239).

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 3 мая 1817 г. (стр. 420). — ДНТ, с. 220.

Стихотворный отчет В. А. Жуковского. Июнь 1817 г. (Двадцать первое заседание) (стр. 420). — Впервые РА, 1863, стлб. 830. Печатается по авторизованной копии в тетради протоколов. Автограф ГПБ. Дата (не позднее 8 июня 1817 г.) устанавливается по письму Н. Тургенева С. Тургеневу от 9 июня 1817 г.

Стр. 420. Травный, травень — май; Изок — июль, Грудень — ноябрь (или декабрь).

Стр. 421. Кавардак — окрошка, смесь.

Арзамас двадесятый. — Ошибочно, вместо «двадцать первый».

Новосозданного храма... — Речь идет о так называемом «павильоне Штейна» на даче Уварова на Карповке. Генрих-Фридрих Карл фон Штейн, прусский государственный деятель, сторонник реформ (в том числе освобождения крестьян с земельным наделом), был лично знаком Уварову и братьям Тургеневым.

Стр. 424. Вдыхалов — П. И. Шаликов.

Стр. 425. Дух — «Дух журналов».

...Демид арзамасец. — По-видимому, Н. М. Карамзин (ср. аналогичные формулы в «арзамасском дипломе» Карамзину).

Князь Петр Иванович Тюфякин управлял императорскими театрами.

Письма о бедных к богатым...— Филантропические объявления о сборе средств, помещаемые обычно в разделе «Смесь».

Пушкина мысли...— См. Пушкин В. Л. Мысли и афоризмы (т. 2 наст. изд.).

...вести о курах с лицом человечьим.— Книга «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека, с присовокуплением некоторых наблюдений и ее изображения, изданные профессором Фишером» (М., 1815).

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 9 июня 1817 г. (стр. 426).— ДНТ, с. 220.

Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г. (стр. 426).— Автограф Жуковского. Датируется концом (после 25) июня — началом июля 1817 г., на основании указаний в дневнике Н. Тургенева о двух заседаниях у Орлова, бывших между 25 июня — 17 июля.

Протокол заседания. Начало июля 1817 г. («не в счет заседаний обычных») (стр. 427).— Автограф Жуковского. Датируется июлем (около 14) 1817 г.

Стр. 427. *...читали «Вадима»...*— Стихотворную повесть «Вадим», составившую 2-ю часть «Двенадцати спящих дев».

Д. В. Дашков — арзамасцам (стр. 427).— Автограф Дашкова.

Протокол заседания 14 или 15 июля 1817 г. (стр. 427).— Автограф Жуковского. Соповещение, описанное в протоколе, датировалось обычно «около 14 июля», по указанию в тексте («спустя две седмицы» после «воцарения Червена», т. е. начала июля). Однако в этом стихе идет речь о втором собрании «у Рейна», где «болтали о законах» и которое было описано в стихах «В доме важного Рейна...». О новом собрании, намеченном, но еще не состоявшемся, где написанные и пересмотренные законы должны быть утверждены, писал А. И. Тургенев Вяземскому 17 июля (ОА, т. 1, с. 76); стихи Жуковского — протокол именно этого собрания.

Протокол был подписан членами, присутствовавшими на 22-м заседании (см.), в том числе А. Ф. Воейковым, появившимся в Петербурге не ранее середины июля (см. ОА, т. 1, с. 75); отсутствуют подписи больного Вигеля и пропустившего это заседание Северина.

Н. И. Тургенев. Дневник. 17 июля 1817 г. (стр. 428). — АБТ, т. 5, с. 40.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 6 августа 1817 г. (стр. 428). — ОА, т. 1, с. 79—80. ... *должны послать тебе проект законов...* — См. Протокол заседания от 13 августа 1817 г. (с. 429), Приложение и примеч. к нему.

Протокол заседания 13 августа 1817 г. (Двадцать второе) (стр. 429). — Автограф Жуковского.

Стр. 429. ...*член Статный Лебедь...* — По-видимому, Н. М. Муравьев, имевший также прозвище «Адельстан» (более известное). Как прозвище Муравьева, «Статный Лебедь» значится и в списке арзамасских прозвищ в альбоме А. П. Зонтаг (*ИРЛИ*, 9625, л. 6).

...*в которой будет находиться и Асмодей...* — Вяземский готовился к отъезду на службу в Варшаву.

...*избраны представителями Арзамаса...* — См. «Законы...», гл. III, § 16, 17. К протоколу приложен «Список избранным арзамасцам» (см. А, с. 234—237), в левой части которого — перечень всех арзамасцев и число поданных шаров; крестиками отмечены набравшие наибольшее число голосов (6 или 7). Из числа «отсутствующих», в том числе живущих в Москве, в качестве «представителей» были избраны только наиболее активные члены (Вяземский, Батюшков, Дашков); Полетика был за границей, Д. Давыдов («Армянин») постоянно менял местопребывание. В правой части — список избранных, в порядке убывания поданных голосов; Батюшков («Ахилл»), набравший равное число голосов с Орловым («Рейн»), предпочтен в соответствии с § 17 «по азбучному порядку имен». В правой части списка поставлены цифры, смысл которых не вполне ясен, возможно, это голоса, полученные от членов, не принимавших участие в первой баллотировке — пятеро из них подписали протокол на следующем заседании, трое (Вяземский, В. Л. Пушкин, Д. Давыдов) — находились в это время в Москве; в этом списке упомянут также А. С. Пушкин («Сверчок»); однако он не значится среди присутствующих.

...*Эловым Арфаксадом.* — «Арфаксад» (ч. 1—6. М., 1793—1796) — «древняя халдейская повесть» П. М. Захарьина, воспитательный и философский роман с чертами массовой литературы.

Стр. 430. *Читаны три программы...* — Вопрос об этих программах не вполне ясен (см. А за до в с к и й М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов. — ЛН, т. 59, с. 632—633). Есть основания считать, что «программа» Н. И. Тургенева, вызвавшая полемику, — сопоставление политического строя Англии и Франции, впоследствии развитая самим Тургеневым в специальной статье, предназначавшейся в арзамасский журнал (см. Б е ш е н к о в с к и й Е. Б., Б и л и н к и с М. Я., П у г а ч е в В. В. Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева

«Сопоставление Англии и Франции». — Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник, вып. 2. Изд. Саратовского ун-та, 1971, с. 108—110, 136).

Н. И. Тургенев. Дневник. 14 августа 1817 г. (стр. 430). — *АБТ*, т. 5, с. 43. *Подписали законы...* — См. раздел «Приложение» и примеч. к нему.

Речь Д. Н. Блудова при вступлении в Арзамас К. Н. Батюшкова. 27 августа 1817 г. (стр. 430). Печатается по черновому автографу Блудова (*ИРЛИ*). Батюшков приехал в Петербург 24 августа 1817 г. Заседание было 27 августа у А. И. Тургенева (см. письмо Батюшкова и А. Тургенева Вяземскому 28 августа (*Батюшков*, т. III, с. 465—466)). Протокол заседания неизвестен. По содержанию ответной речи Блудова Батюшков произносил речь «в честь» П. И. Соколова; на заседании читался также указ о назначении Вяземского в Варшаву.

Стр. 431. *Ежова* — см. примеч. на с. 530 наст. тома.

...долго скрывался вдали от стана союзников... — С середины 1813 г. Батюшков был в действующей армии, с которой вошел в Париж; в июле 1814 г. вернулся в Петербург, где пробыл до февраля 1815 г., весь 1815 г. провел в деревне и в поездках; вернулся в Москву в самом конце 1815 или первых числах января 1816 г.

Quantum mutamus ab illo. — Парафраза латинского изречения «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*» («Времена меняются, и мы меняемся с ними»), слова, по преданию, сказанные франкским императором Лотарем I (IX в.) и переложенное в стихи Р. Оуэном (XVII в.) (Эпиграммы, I, 58).

...невинен, как собственные календари его. — Издание календарей находилось в ведении Академии Наук.

...посреди двух Академий... — Российской Академии и Академии Наук. По поручению первой Соколов составил «Российскую грамматику» (СПб., 1802).

Стр. 432. *Где волшебница Старушка?* — Уваров 25 августа выехал в свите Александра I в поездку по России (*ОА*, т. 2, с. 80, 452).

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 28 августа 1817 г. (стр. 432). — *Батюшков*, т. III, с. 466. *...которого имя в арзамаском крещении забыл.* — Черный Вран. *Громобой* ... *пустился в путь на Киев.* — Вероятно, описка: имеется в виду не Жихарев (Громобой), а Михаил Орлов (Рейн).

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 2 сентября. 8 сентября 1817 г. (стр. 432, 433). — *ДНТ*, с. 232, 233.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 18 сентября 1817 г. (стр. 433).— *ОА*, т. 1, с. 87. ... *стишки ваши ... в самый день получения...*— Имеется в виду стихотворение «Устав столовой», прочтенное на заседании «Арзамаса» 6 сентября 1817 г. ...*ваше последнее поносное отношение.*— Имеется в виду письмо Вяземского Тургеневу от 10 сентября 1817 г. (см.: *ОА*, т. 1, с. 76).

Прощальная речь В. А. Жуковского на заседании 18 сентября 1817 г. (стр. 434).— Речь, отсутствующая в тетрадах арзамасских протоколов, обнаружена среди писем Жуковского Вяземскому (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 44—45); представляет собой неперебеленную рукопись. Речь произнесена на прощальном заседании «Арзамаса», специально устроенном по случаю отъезда Жуковского в Дерпт. О составе участников этого заседания дает представление записка Жуковского Н. И. и А. И. Тургеневым, относящаяся, бесспорно, к тому же числу, что и само заседание,— 18 сентября 1817 г.: «Варвик и Арфа, Арзамас у Врана. Адрес Врана: В Галерной, № 207, дом купца Риттера. Час сбора исход девятого. Быть непременно, ибо Арзамас прощальный, и Светлане больно будет, если в этом прощальном Арзамасе хотя одной милой рожи существовать не будет. Уведомить, будете ли. Еще же можете оба приехать к Блудову: он знает, где живет Плещеев; от него поедут и Салтыков, и Кот, и Ахилл, и Журавль. Для этого надобно его уведомить, ждать ли вас или нет» (*ПЖТ*, с. 179—180).

Стр. 434. ...*ораторскими затеями Ахилла и Черного врана...*— Речи Батюшкова и Плещеева не сохранились.

Едет к вам и Старушка...— Уваров отсутствовал в Петербурге с 25 августа (см. примеч. на с. 585) до начала октября 1817 г.

...*наш Почетный Гусь Николай...*— Карамзин; далее речь идет о его новорожденном сыне Николае.

Н. И. Тургенев. Дневник. 20 сентября, 29 сентября, 2 октября 1817 г. (стр. 435, 436).— *АБТ*, т. 5, с. 89—94.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 5 октября 1817 г. (стр. 436).— *ОА*, т. 1, с. 89. ...*о чтении послания в Арзамасе.*— Имеется в виду стихотворение Вяземского «Прощание с халатом», которым Тургенев «восхитил» арзамасцев на заседании 5 октября 1817 г. (Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 161).

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 14 ноября, 5 декабря 1817 г. (стр. 436, 437).— *ДНТ*, с. 238—239, 243—244.

Фрагменты несохранившейся речи А. С. Пушкина при вступлении в Арзамас (стр. 437).— Впер-

вые — Барте́нев П. И. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 3-я (1817—1820).— Московские ведомости, 1855, № 142, 26 ноября. Фрагменты записаны, по-видимому, со слов Д. Н. Блудова, как и другие приводимые Барте́невым сведения об «Арзамасе»: «Протоколы заседаний ведены были (и нередко в стихах) секретарем общества Светланой, и если уцелели эти драгоценные образцы остроумия и веселости, то там, конечно, упомянуто о речи, которую произнес Пушкин превосходными александрийскими стихами. В памяти слушателей доселе свежо сохраняется начало ее

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых Муз, о дивный Арзамас!
.....
Где славил наш Тиртей... и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра.

Для объяснения последнего стиха нужно сказать, что общество, по примеру Французской Академии, постановило произносить похвальные слова умершим членам; но так как в Арзамасе не было покойников, и все члены его были бессмертны, то положили брать умерших напрокат из Беседы любителей российского слова и Российской Академии. Легко представить, к каким неистощимым шуткам давало это повод. Особенно памятно было похвальное слово, произнесенное арзамасцем Кассандрою беседнику Захарову, весьма посредственному писателю того времени; и как нарочно случилось, что несколько дней спустя бедный Захаров в самом деле скончался.

В другом месте своей речи, рисуя портрет арзамасца, Пушкин говорит про него, что он

..... в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и розгами в руке.

Этими немногими словами очерчены характер и направление арзамасского общества».

По сообщению П. В. Анненкова, Пушкину «дозволено было сказать первую речь свою стихами» (Анненков, с. 51; комментарий, с. 76—77).

Существует копия тех же стихов, что и у Барте́нева, сделанная М. Н. Лонгиновым; в ней восполнен пропуск в ст. 3 — также, вероятно, по устным источникам (Пушкин. ПСС, т. II, с. 1180). Лонгинов специально собирал материалы об «Арзамасе» (см. Лонгинов в М. Н. Соч. М., 1915, т. I). Печатается по тексту Барте́нева с дополнением Лонгинова.

Обстоятельства и время формального вступления Пушкина в «Арзамас» (и произнесения речи) неизвестны. По сведениям Барте́нева, «собрание (...)», в котором молодой поэт произнес александрийские стихи свои, было последнее, по крайней мере, в Петербурге», накануне разъезда арзамасцев. Барте́нев относил его к концу сен-

тября — началу октября 1817 г. (ср. в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского (М., 1951, с. 136) дату «сентябрь — октябрь»). Однако в «Списке избранным арзамасцам» (13 августа 1817 г.) Пушкин уже значится под арзамасским именем «Сверчок» (единственное упоминание о нем в протоколах). С начала июля по конец августа Пушкин был в Михайловском; по-видимому, избрание состоялось в июне (после окончания Пушкиным Лицея), когда заседания и протоколы потеряли регулярный характер; так, заседания 21—23 документированы только гекзаметрами Жуковского, очень суммарно отражающими события. Видимо, к июню 1817 г. относятся и отрывки речи; датировка их осенью или августом 1817 г. (см. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти тт., т. I. М., 1974, с. 709) менее вероятна.

Стр. 438. *Где славил наш Тиртей кисель и Александра.*— См. примеч. к протоколам 16 декабря 1815 г. и 24 декабря 1816 г. «Наш Тиртей» — Жуковский; «кисель» — «Овсяный кисель». Стих «славил... Александра» со времени Бартенева толкуется как намек на послание «Императору Александру» (1815), что неверно: речь идет о «Певце в Кремле», прочитанном в том же 6-м заседании, что и речь Блудова о Захарове.

Д о н е с е н и е (стр. 438).— *РС*, 1899, № 5, с. 339. Публикация А. Кирпичникова. Автограф Уварова. Написано не ранее осени 1817 г., когда Уваров совершал путешествие по России (ср. обыгрывание темы путешествия в Донесении). Донесение имеет формальные признаки письма, но неясно, было ли оно прислано в «Арзамас» или прочитано Уваровым непосредственно на заседании общества. Выступление Уварова — попытка компромисса между умеренными членами и «радикалами»: Уваров активно использует понятия из политического лексикона Н. Тургенева («хамы», «гасильники») и прокламирует необходимость распространения деятельности за пределы чисто литературной тематики.

Стр. 439. *...не стало их бумажных трюнов...*— Реминисценция из сатиры Батюшкова «Певец в Беседе... славено-россов».

Числа им нет, дружины их крылаты.— Не вполне точная цитата из стихотворения Жуковского «Вождю победителей» (1812).

Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 25 января 1818 г. (стр. 440).— *ДНТ*, с. 249. *Жуковский в Москве...*— В конце 1817—начале 1818 г. Жуковский произнес следующую речь в заседании «Арзамаса».

Братья-друзья, арзамасцы! Вы протокола послушать,
Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколировать?
Все позабыл я, что было в прошедшем у нас заседание!
Все! да и нечего помнить! С тех пор, как за ум мы взялись,
Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться —

Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы!
 Даром что эта Беседа давно околела — зараза.
 Все еще в книжках Беседы осталась — и нет карантинив!
 Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись «Опасным соседом»,
 Голой рукой прикоснулся к «Чтенью» в Беседе иль вытер.
 Должной не взяв осторожности, свой анфедрон рассуждением
 Деда седого о слоге седом — я не знаю! а знаю
 Только, что мы ошалели! что лень, как короста,
 Нас облепила! дело не любим! безделью ж отдались!
 Мы написали законы; Зегельхен их переплет! и слупил с нас
 Восемь рублей и сорок копеек — и всё тут! Законы
 Спят в своем переплете, как мощи в окованной раке!
 Мы от них ожидаем чудес — но чудес не дождемся.
 Между тем, Рейн усастьный, нас взбаламутив, дал тягу
 В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу!
 Рейн давно замолчал, да и мы не очень воркуем!
 Я, Светлана, в графах таблиц, как будто в тенетах.
 Скорчась сижу; Асмодей, распроставшись с халатом свободы,
 Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
 Польскую азбуку; Резвый Кот всех умнее; мурлычет
 Нежно *люблю* и просится в церковь к налою; Кассандра,
 Сочным бивстексом пленяся, коляску ставит на сани,
 Скачет от русских метелей к британским туманам и гонит
 Челн Очарованный к квакерам за море; Чу в Цареграде
 Стал не Чу, а чума и молчит; Ахилл, по привычке,
 Рыщет и места нигде не согреет; Сверчок, закопавшись
 В щелку проказы, оттуда кричит к нам в стихах: я ленюся.
 Арфа, всегда неизменная Арфа, молча жиреет!
 Только один Вот-я-вас усердствует славе; к бессмертью
 Скачет он на рысях; припряг в свою таратайку
 Брата Кабуда к Пегасу, и сей осел вот-я-васов
 Скачет, свернувшись кольцом, как будто в «Опасном соседе»!
 Вслед за Кабудом, друзья! Перестанем лениться! быть худу!
 Быть бычку на веревочке! быть Арзамасу Беседой!
 Вы же, почетный наш баснописец, вы, нам доселе
 Бывший прямым образцом и учителем русского слога.
 Вы, впервой заседающий с нами под знаменем Гуся.
 О, помолитесь за нас, погруженных бесстыдно в пакость Беседы!
 Да спадет с нас беседная пакость, как с гуся вода! Да воскреснем.

Впервые (не полностью): Б у ч к о в И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публичную библиотеку в 1884 г. — Отчет *ИПБ* за 1884 г. СПб., 1887; полностью: Ж у к о в с к и й В. А. Полн. собр. соч. под ред. А. С. Архангельского, т. II. СПб., 1902. Автограф — *ГПБ*. Написана в Москве, в конце 1817 г. или начале января 1818 г. для московского собрания арзамасцев; в это время в Москве находятся сам Жуковский, Северин, Блудов, Вяземский, Д. Давыдов (см. ниже, примеч. к материалам по истории арзамасского журнала). Жуковский выехал в Москву из Петербурга 4 октября; его провожали Батюшков и А. Пушкин (*ОА*, т. 1, с. 89).

...в графах таблиц... — Жуковский был назначен преподавателем русского языка к в. к. Александре Федоровне и составлял учебные грамматические таблицы.

...распростившись с халатом свободы... — Имеется в виду «Прощание с халатом» Вяземского, читанное в «Арзамасе» накануне отъезда Жуковского.

...Резвый Кот всех умнее... — Северин женился на Е. С. Стурдзе в конце января 1818 г.; таким образом, стихи не могли быть написаны позднее этого времени.

...сочным бивестком пленясь... — Блудов приехал в Москву в середине декабря 1817 г. Он был назначен в Лондон советником посольства на место П. И. Полетики; последний получил назначение чрезвычайным и полномочным министром в Северо-Американских Соединенных Штатах (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 225—226).

Кабуд — «восточная сказка» В. Л. Пушкина «Кабуд-путешественник» (опубликована позднее, в Трудах *ОЛРС*, 1818, ч. 10).

...наш баснописец — И. И. Дмитриев. Упоминание о нем приурочивает протокол к Москве (в 1817—1818 гг. Дмитриев в Петербурге не был).

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 7 апреля 1818 г. (стр. 440). — *ОА*, т. 1, с. 99.

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 17 апреля 1818 г. (стр. 440). — Вопросы литературы, 1979, № 6, с. 151 (отрывок). Автограф: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2611, с. 32, 33. ...прекрасную поэму... «Руслан и Людмила». Ср. в письме В. Л. Пушкина к Вяземскому 16 мая 1818 г.: «Племянник мой совершенной урод. Он теперь пишет новую поэму, от которой Тургенев в восхищении» (Вопросы литературы, 1979, № 6, с. 151). ...в последнем Арзамасе... — По-видимому, 7 апреля 1818 г. (см. написанное в этот день письмо А. И. Тургенева к Вяземскому). ...*Антологию Уварова*... — См. т. 2 наст. изд.

М. Ф. Орлов — П. А. Вяземскому. 4 мая 1818 г. (стр. 440). — *ЛН*, т. 59. М., 1954, с. 565 (публикация Л. Я. Вильде). Автограф: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2480, л. 1—2 об. *Денис — Д. В. Давыдов. Контракты* — ежегодный съезд в Киев для заключения коммерческих сделок. *Мешков — А. С. Шишков. Я читал Карамзина*... — Далее следует известная критическая характеристика «Истории государства Российского»; см. подробнее — в указанной публикации Л. Я. Вильде; Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 57—60. *Княгиня Вера Аслюдева* — В. Ф. Вяземская.

Н. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 22 мая 1818 г. (стр. 441). — *ОА*, т. 1, с. 102—103.

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 14 октября 1818 г. (стр. 441).

Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 223. Автограф: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 55—55 об. ...*письмо твое...*— См. письмо Вяземского к И. И. Дмитриеву из Варшавы написанное, вероятно, в сентябре 1818 г.— РА, 1866, № 11—12, стлб. 1691—1693 (далее В. Л. Пушкин еще раз диалогизирует с этим текстом). ...*в связи с Николаем Михайловичем...*— Н. М. Карамзин был женат на единокровной сестре Вяземского. ...*думаешь, что тебе за него вступаться невозможно.*— В указанном письме Вяземского: «Мне неприлично сражаться за Карамзина, и к тому же надлежащее оружие не по моей силе. Каченовского эпиграммами не доедешь. Его надобно бить летописями» (стлб. 1693). *Очень хочется мне его пощипать...*— Ср. в письме Вяземского: «Вижу отсюда, как горячится Василий Львович, но его опасно выпускать на драку. Каченовский имеет над ним какую-то тайную силу, против коей не может он обороняться» (стлб. 1693). *Где наши Блудов и Дашков?*— У Вяземского: «Жаль, что нет ни Дашкова, ни Блудова!» (стлб. 1693). ...*горесть его чрезвычайна...*— 20 июня 1818 г. Д. П. Северин овдовел.

В. А. Жуковский — И. И. Дмитриеву. 22 ноября 1818 г. (стр. 442).— Жуковский В. А. Соч., т. 6. СПб., 1878, с. 429.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 11 декабря 1818 г. (стр. 442).— ОА, т. 1, с. 167. «*Здесь все для души*»,— *сказал он <Карамзин> в четверг бездушной Академии...*— Имеется в виду Речь Карамзина в торжественном собрании Российской Академии 5 декабря 1818 г. (опубликована — СО, 1819, ч. 51, № 1, с. 3—22).

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 23 мая 1819 г. (стр. 442).— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2611, л. 85 об.

М. Ф. Орлов — П. А. Вяземскому. 22 августа 1819 г. (стр. 442).— ЛН, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 21 (публикация Л. Я. Вильде). Автограф: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 72—73. ...*все кончилось... а у вас скоро начнется...*— По мнению предыдущих комментаторов текста этого письма (Л. Я. Вильде, С. Я. Боровой и М. И. Гиллельсон), «Орлов имеет в виду летние военные маневры 4-го пехотного корпуса, начальником штаба которого он был в это время, а также польские политические дела, в которых участвовал Вяземский, служивший в те годы в Варшаве» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 337, ср.: ЛН, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 21). ...*речь ...в Киевском Библейском обществе...*— Произнесена 11 августа 1819 г., текст см. в кн.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа..., с. 45—52. ...*Уведомь меня...*— Содержание отзыва

Вяземского может быть частично реконструировано по его письму к А. И. Тургеневу 29 августа 1819 г. *Асмодеюшки* — дети П. А. и В. Ф. Вяземских.

М. Ф. Орлов и А. С. Пушкин — арзамасцам. 20-е числа сентября 1820 г. (?) (стр. 443). — *РА*, 1881, № 1, с. 220. Печатается по: *Пушкин. ПСС*, т. XIII, с. 20. Письмо — черновое. Написано рукою А. С. Пушкина от имени М. Ф. Орлова и своего. Степень участия Орлова в создании текста неизвестна. ...от *Липецкого потока*... — Ср. традиционные формулы арзамасского летоисчисления в протоколах; счет времени — от 23 сентября 1815 г. (премьера пьесы А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды»). *Бык* — небольшая и мелкая речка, протекающая через Кишинев. ...*сидели и плакали*... — Парафраза 136-го Псалма: «При реках Вавилона — там сидели мы и плакали». ...*берега ...Фонтанки*... — На Фонтанке жили братья Тургеневы.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому 30 марта 1821 г. (стр. 443). — *ОА*, т. 2, с. 185. *Кавелин*, с 1819 г. состоявший директором Санкт-Петербургского университета, принимал участие в его разгроме, произведенном по инициативе М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича; одной из жертв этого разгрома стал профессор А. П. Куницын, чья книга «Право естественное» (СПб., 1821) была конфискована, а сам он едва не угодил под суд. О бунте воспитанников столичного университетского пансиона см.: *ОА*, т. 2, с. 146—147. — *Пальяс* — паяц.

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 25 сентября 1823 г. (стр. 443). — *ОА*, т. 2, с. 351. ...*Арзамасцы ветхого завета*... — Жуковский и Воейков, которые вместе с Андреем и Александром Тургеневыми входили в Дружеское литературное общество (1801). *Старший* (...) друг Андрея Тургенева — М. Л. Магницкий, бывший в 1821 г. попечителем Казанского университета и прославившийся яростными гонениями на просвещение и вольномыслие.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Законы Арзамасского Общества Безвестных Людей (стр. 445). — Печатается по: *А*, с. 246—256 (где опубликовано по копии *ГПБ*), с уточнениями по: *РС*, 1899, № 6 и *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 1194.

Законы (устав) «Арзамаса» обсуждались на июльских заседаниях общества в 1817 г. и приняты на заседании 13 августа. По распространенному мнению, восходящему к Д. Д. Благому (см.: *А*, с. 18),

основным автором законов считается М. Ф. Орлов. Однако сохранившиеся документы позволяют с неопровержимостью установить авторство Д. Н. Блудова. Так, в ЦГАДА (ф. 1274, оп. 1, № 715) сохранился писанный рукою Блудова черновик Устава; в основных положениях он совпадает с окончательным вариантом текста. Особое значение имеет рукопись, восходящая, очевидно, к блудовскому черновику: судя по всему, именно ее обсуждали арзамасцы на июльских собраниях. Рукопись представляет собою писарскую копию с пометами и дополнениями. Она имеет заглавие «Проект устава для Арзамасского общества безвестных людей» и снабжена пометой П. И. Бартечева: «Из Парижского архива Тургеневых. Все поправки и дополнения с боков рукою Д. Н. Блудова» (ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 49, л. 1). Изучение этого документа позволяет выявить основные отличия ранней редакции устава (законов) от окончательной. Так, первоначально за § 1 («Цель Арзамаса») следовал § 2 («Необходимость порядка»), мотивировавший целесообразность принятия законов. Этот параграф был затем зачеркнут, что повлекло за собою перемену в нумерации всех других пунктов. Сначала устав заканчивался § 58 главы четвертой. Под этим параграфом почерком Блудова вписано название «Глава V. О Журнале Арзамаса», затем зачеркнутое. Три последние главы законов написаны с нового листа рукою Блудова, причем глава VI («О издании трудов Арзамаса») первоначально также именовалась «О Журнале Арзамаса». Остальные поправки и дополнения имеют редакционный характер. Вопреки утверждению Бартечева, они принадлежат не одному Блудову. Так, в § 1, где целью общества провозглашалась «польза отечества», рукою Жуковского сделано важное дополнение: «состоящая в образовании общего мнения» (Жуковский вообще принимал довольно активное участие в подготовке законов «Арзамаса». — См.: Отчет ИРБ за 1884 г. СПб., 1887. Приложение, с. 159). Другие исправления сделаны рукою Блудова — вероятно, на основании замечаний арзамасцев. В частности, при обсуждении определено минимальное число представителей арзамасцев (§ 16), сделан целый ряд уточнений процедурного порядка (§ 17, 40, 41, 51 и др.).

С исправленной и уточненной рукописи, вероятно, было сделано несколько копий. Из них наибольший интерес представляет рукопись, подписанная арзамасцами, которая сохранилась в бумагах С. С. Уварова и была опубликована А. Кирпичниковым в 1899 г. В настоящее время она находится в Государственном историческом музее и для исследования недоступна. По описанию Кирпичникова, рукопись состоит «из переплетенной листовой тетради, на обложке которой наклеен прямоугольник красного сафьяна, с вытисненными словами: *Законы арзамасского общ.*; всех листов в этой тетради десять, но два из них остались чистыми... Законы написаны красивой и старательной писарской рукою; заголовки и первые буквы параграфов писаны красными чернилами и уставом, не особенно искусным, но тщатель-

ным» (РС, 1899, № 6, с. 338). Законы подписаны в следующем порядке: Рейн. Светлана. Две огромные руки. Варвик. Пустынник. Эолова Арфа. Кассандра. Почетный Гусь Михаил (М. А. Салтыков). Ивиков Журавль. Громобой. Ахилл. Резвый Кот. Черный Вран. Старушка (там же, с. 350). Название «Проект Устава...» в копиях ГПБ и ЦГАЛИ (практически идентичных принятому тексту) объясняется тем, что соответствующие копии были изготовлены до подписания документа арзамасцами (это подтверждается, между прочим, письмом А. И. Тургенева к Вяземскому от 6 августа 1817 г.).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРЗАМАССКОГО ЖУРНАЛА

Статья П. А. Вяземского... по поводу... Арзамасского журнала (стр. 459).— А, с. 239—242. Печатается по автографу в архиве Тургеневых (ИРЛИ). И наконец я зрю в стране моей родной...— Из сатиры Д. П. Горчакова «Послание к князю С. Н. Долгорукому» (опубл. «Памятник отечественных муз». СПб., 1827, под загл.: «Невероятные»); Вяземский, наверное, знаком был с текстом в списках. «Московский журнал» — издавался Н. М. Карамзиным в 1791—1792 гг. «Французский Меркурий» (Mercure de France) — один из старейших французских журналов (1672—1792). «Живописец» (1772—1773) — журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. *Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux.* — Неточная цитата из предисловия Вольтера к изданию трагикомедии «Блудный сын». *J'ai fait un peu de bien: c'est mon meilleur ouvrage.* — Цитата из стихотворения Вольтера «К Горацию» (1772).

Журнал. Издание. Печатание. Отрывки, найденные в Арзамасе (стр. 461—464).— Приводимые ниже программы сохранились в бумагах Жуковского в ГПБ. По-видимому, наиболее ранняя из них была описана И. А. Бычковым как программа журнала, который «предполагалось издавать от Арзамаса в 1818 году» (на обороте — «небольшая заметка о журнале, из которой видно, что его думали издавать с исхода 1818 года (как кажется, с ноября)». Датировка неверна; уточнение ее (« в 1817 г. (с ноября)» см. в кн.: Аронсон М. и Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929, с. 105. «В журнале должны были быть три отдела: политика, словесность и смесь. Издателями предназначались: Кассандра (Д. Н. Блудов) и Старушка (С. С. Уваров); помощниками их: Ивиков Журавль (Ф. Ф. Вигель) и Пустынник (Д. А. Кавелин). (Жуковскому, вероятно, предоставлялся общий надзор, так как против имени издателей и их помощников написано: Светлана). Постоянными работниками должны быть: 1) Кассандра (французская литература современная, критика; русская литература современная; от-

рывки в прозе; смесь); 2) Старушка (греческая и латинская литература; немецкая и английская современная литература; отрывки в прозе; смесь); 3) Ивиков Журавль (французская литература; отрывки в прозе о Сибири; смесь); 4) Пустынник (отрывки в прозе; смесь); 5) Асмодей (русская литература современная; живописец; стихотворения; театр); 6) Кот (история современная; испанская литература и английская; отрывки в прозе (об Испании и Англии; Шотландия); 7) Рейн (политика вообще; отрывки в прозе)» (Отчет *ИПБ* за 1884 год. СПб., 1887, прилож., с. 160). Особенность этой программы — отсутствие имени Н. Тургенева («Варвика») среди редакторов политического отдела (после чтения им и Орловым программ на заседании 13 августа 1817 г. их имена появляются вместе) и детализированная разработка отдела, отдаваемого Вяземскому («современная русская литература», «живописец», «театр»), что могло быть сделано только при участии самого Вяземского. После получения известий о назначении его в Варшаву (август 1817 г.) он, конечно, не мог бы взять на себя систематических обзоров текущей литературной и театральной жизни. Вероятнее всего, это программа, относящаяся к июню 1817 г., когда обсуждение журнала шло особенно интенсивно.

Публикуемая в корпусе книги программа «Журнал» (впервые — Отчет *ИПБ* за 1887 год. СПб., 1890, прилож., с. 106, автограф Жуковского в *ГПБ*) составлена не ранее середины августа, т. к. в ней упоминается «Адельстан» (Н. М. Муравьев), избранный 13 августа и носивший тогда имя «Статный Лебедь». Здесь в политическом отделе появляется уже имя Н. И. Тургенева («Варвик»). В этой программе четко обозначена структура журнала, выработанная на 21 заседании. В соответствии с принятыми «законами», в число участников включены и отсутствующие члены (Дашков, Полетика), — однако редактором значится не комитет из четырех человек, а Блудов — «Кассандра».

Следующая по времени программа опубликована И. А. Бычковым. Приводим ее: «Обозрение духовного красноречия от врем(ен) апост(ольских) до наших — Кассандра; Предложено, не взято никем — Стурдза; об Альфиери — Ахилл; О книге Лакретеля: «Histoire des guerres de religion» — Ив(яков) Журавль; Об Опытах в прозе и стихах Ахилла — Резвый кот; Сравнение заслуг Франции и Англии — Варвик, Орлов; О переводах — (оставлено пустое место); О влиянии реформации на Россию — Э(олова) Ар(фа); О неприличии ссылки Радищева в Сибирь и о более приличнейшем его отправлении на каторжную работу (имя автора опущено); О Данте — Ахилл; Р(езвый) К(от) — Воспоминания об Англии и Испании; Св(етлана) — Игорева песнь» (Отчет *ИПБ* за 1884 год. СПб., 1887, прилож., с. 159—160). Эта программа относится, по-видимому, к первой половине октября 1817 г.: в ней анонсируется рецензия Северина на вышедшие в октябре 1817 г. «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова.

16 октября вышла в свет рецензия Уварова, после которой статья Северина теряла актуальность как арзамасское выступление. В этой программе журнал приобретал отчетливый политическо-философский характер: помимо статьи Н. Тургенева о политическом строе Англии и Франции (см. речь Н. Тургенева 6 сентября 1817 г. и примеч.) в нем предполагалось печатать еще несколько статей по истории религиозных движений (Вигеля, А. Тургенева и др.) и статью с правовым анализом процесса Радищева (возможно, Блудова: см.: Б а т ю ш к о в К. Н. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1989, с. 481). Радищевым интересовались Батюшков, С. С. Уваров (см.: Се м е н н и к о в В. П. Радищев. М. — Пг., 1923, с. 299—300) и П. А. Вяземский (см.: Л о т м а н Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве. — Пушкин и его время, I. Л., 1962). Одним из основных вкладчиков в литературную часть журнала предполагался Батюшков, приехавший в Петербург 24 августа; несомненно, с его слов в программу были вписаны задуманные им и не осуществленные сюжеты — статьи о Данте и Алифьери. «Игоревая песнь», упомянутая в программе, — перевод Жуковского «Слова о полку Игореве», над которым он работал в январе — феврале 1817 г. (Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л., 1989, с. 126—132). Эта программа — очевидно, заключительный этап замыслов издания журнала в Петербурге.

Последняя из публикуемых программ «Отрывки, найденные в Арзамасе» (впервые — Отчет *ИПБ* за 1884 год. СПб., 1887, прилож., с. 158—159, с неточностями; уточнения и датировка по итинерарию участников — см.: Д а в ы д о в Д. Стихотворения. Л., 1984, с. 185) была составлена арзамасцами, собравшимися в Москве в середине декабря 1817 — начале января 1818 г. Автограф Блудова (последняя строка — рукой Жуковского), с собственноручными подписями Жихарева («Громобой»), Д. Давыдова («Армянин»), В. Л. Пушкина («Вот я вас оияты!»), Жуковского («Светлана»), Н. М. Муравьева («Статный Лебедь»), Вяземского («Асмодей») и Блудова («Кассандра»). Оригинал — *ГПБ*, ф. 286, оп. 1, № 80, л. 1. Большинство названных текстов было позднее опубликовано, некоторые — под измененными названиями. Так, «Отрывок из Парни» Д. Давыдова — «Сижу на берегу потока»; «К неверной» — «Элегия VII» («Нет, полно пробегать с улыбкой любви...») или «Неужто думаете вы...» (в сб. «Стихотворения Дениса Давыдова». М., 1832) под названием «Неверной»), «Военная песня» — «Песня» («Я люблю кровавый бой...»), «Послание к Бурцову» — «Бурцову. Призывание на пунш» или «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...»), две «Песни» не поддаются идентификации (может быть, одна из них — «Песня старого гусара»), «Решительный вечер» — «Решительный вечер гусара», «К Строгонову» — «Графу П. А. Строгонову». Какие эпиграммы имеются в виду — неясно. Из стихотворений Вяземского неизвестно полностью «Остафьево» (или «Деревня»); из этого большого замысла

1817 г. датируется лишь фрагмент, посвященный Карамзину (см. примеч. К. А. Кумпан в изд.: *Вяземский. Стихотворения*. Л., 1986, с. 485). «К Давыдову» — «Д. В. Давыдову» (1816 года), ранняя редакция (там же, с. 422, 457); «Цветы и эпиграммы» — «Цветы»: «эпиграммы» идентификации не поддаются. «Отрывки из Луизы» — см. примеч. к «Ответу Светланы на речь Громобоя». Отрывок о Москве» Карамзина — «Записка о московских достопамятностях» (1817) (*Украинский вестник*, 1818, № 5-6). Рассуждение об Антологии — см. т. 2 наст. изд. О Боккаччо — статья из цикла этюдов об итальянской литературе, которую Батюшков предполагал писать для тома своих прозаических сочинений (см. письмо его Н. П. Гнедичу в марте 1817 г.; в том же письме — шуточная угроза отдать все Жуковскому; несомненно, речь идет об арзамасском журнале — см.: *Батюшков*, т. III, с. 423—424, 427, 739). «Мысли, замечания, отрывки» Блудова — см. т. 2 наст. изд. Статья Жуковского «О Гебеле» не была написана. «Покойного Арзамасца отрывки» — по-видимому, неизданные сочинения М. Н. Муравьева из готовившегося нового издания (см. письмо Жуковского Дашкову 1818 г.).

Сборник «Арзамас» был подготовлен в 1989 году и все названия архивов и хранилищ соответствуют тому времени.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Вацуро</i> . В преддверии пушкинской эпохи	5
Список членов «Арзамаса»	28

МЕМУАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

<i>С. С. Уваров</i> . Осьмое января 1851 года	31
Литературные воспоминания (Редактору «Современника»)	37
<i>А. С. Стурдза</i> . Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания	42
<i>Ф. Ф. Вигель</i> . Из «Записок»	60
<i>В. А. Жуковский</i> — <i>Ф. Ф. Вигелю</i> . 1829—1830-е гг.	101
<i>П. А. Вяземский</i> . Из примечаний к «Выдержкам из старых бумаг Остафьевского архива»	103
<i>П. А. Вяземский</i> . Из «Старой записной книжки»	104
По поводу бумаг <i>В. А. Жуковского</i>	107
<i>М. А. Дмитриев</i> . Мелочи из запаса моей памяти (Отрывки)	108
<i>Д. Н. Блудов</i> . Рассказ об Арзамасском обществе, записанный <i>Я. К. Гротом</i>	128
<i>А. Д. Блудова</i> . Из «Воспоминаний и записок»	129
<i>Н. И. Тургенев</i> . Россия и Русские	131
<i>В. А. Жуковский</i> . Записка о <i>Н. И. Тургеневе</i>	132
<i>А. И. Тургенев</i> — <i>Н. И. Тургеневу</i> . 16/28 ноября 1827 г.	133
<i>В. А. Жуковский</i> — <i>И. фон Мюллеру</i> . 12 мая 1846 г.	134
<i>Н. И. Греч</i> . Из «Записок о моей жизни»	135
<i>Ф. В. Булгарин</i> . Нечто о Царскосельском Лицее и о духе одного	137
Записка об Арзамасе	138

НАКАНУНЕ «АРЗАМАСА»

<i>К. Н. Батюшков</i> . Видение на берегах Леты	143
<i>К. Н. Батюшков</i> — <i>Н. И. Гнедичу</i> . 9 февраля 1810 г.	150

<i>А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу. 16 февраля 1810 г.</i>	150
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. Конец марта 1810 г.</i>	151
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 1 апреля 1810 г.</i>	151
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. Апрель — май 1810 г.</i>	152
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 7 июня 1810 г.</i>	153
<i>А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу. 9 июня 1810 г.</i>	153
<i>П. А. Вяземский. Письмо к издателю о поэте Боброве.</i>	153
<i>К. Н. Батюшков. «Как трудно Бибрису со славою ужиться!..»</i>	157
<i>П. А. Вяземский. Быль в преисподней.</i>	157
<i>К портрету Бибриса.</i>	157
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 3 июля 1810 г.</i>	157
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 29 августа 1810 г.</i>	157
<i>В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. 12 сентября 1810 г.</i>	158
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 19 сентября 1810 г.</i>	158
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 6 ноября 1810 г.</i>	158
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 13 декабря 1810 г.</i>	159
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 17 декабря 1810 г.</i>	160
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 21 декабря 1810 г.</i>	160
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. Начало января 1811 г.</i>	160
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 14 января 1811 г.</i>	160
<i>21 января 1811 г.</i>	161
<i>28 января 1811 г.</i>	161
<i>25 февраля 1811 г.</i>	161
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 28 февраля 1811 г.</i>	161
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 4 марта 1811 г.</i>	162
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 13 марта 1811 г.</i>	162
<i>А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому. 20 марта 1811 г.</i>	162
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 24 марта 1811 г.</i>	163
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. Первая половина апреля 1811 г.</i>	164
<i>Н. И. Гнедич. Символ веры в Беседе при вступлении сотрудников.</i>	164
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 8 апреля 1811 г.</i>	165
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 27 апреля 1811 г.</i>	165
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. Конец апреля 1811 г.</i>	166
<i>А. И. Тургенев — Н. И. и С. И. Тургеневым. 2 и 3 мая 1811 г.</i>	167
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 6 мая 1811 г.</i>	168
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 11 мая 1811 г.</i>	168
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 29 мая 1811 г.</i>	169
<i>А. И. Тургенев — Н. И. и С. И. Тургеневым. 15 июня 1811 г.</i>	170
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. Июль 1811 г.</i>	171

<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 29 июля 1811 г.</i>	171
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 7 августа 1811 г.</i>	171
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 18 августа 1811 г.</i>	172
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 9 сентября 1811 г.</i>	173
<i>23 сентября 1811 г.</i>	173
<i>21 октября 1811 г.</i>	173
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. Октябрь 1811 г.</i>	173
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 4 ноября 1811 г.</i>	174
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 6 ноября 1811 г.</i>	174
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 22 ноября 1811 г.</i>	174
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 27 ноября — 5 декабря 1811 г.</i>	175
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 8 декабря 1811 г.</i>	175
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 20 декабря 1811 г.</i>	175
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 29 декабря 1811 г.</i>	176
<i>К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. 29 декабря 1811 г.</i>	176
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 11 января 1812 г.</i>	177
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 18 января 1812 г.</i>	177
<i>25 января 1812 г.</i>	177
<i>8 февраля 1812 г.</i>	177
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 8 февраля 1812 г.</i>	177
<i>Д. П. Северин — П. А. Вяземскому. 10 февраля 1812 г.</i>	178
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 27 февраля 1812 г.</i>	179
<i>А. Е. Измайлов. Князь Ш. и актриса Е.</i>	180
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 29 февраля 1812 г.</i>	182
<i>К. Н. Батюшков — Д. Н. Блудову. Начало марта 1812 г.</i>	182
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 7 марта 1812 г.</i>	182
<i>14 марта 1812 г.</i>	183
<i>Д. В. Дашков. Речь, читанная в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 14 марта 1812 г.</i>	183
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 18 марта 1812 г.</i>	186
<i>Д. И. Хвостов. Из «Записок о словесности».</i>	187
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 18 марта 1812 г.</i>	187
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 21 марта 1812 г.</i>	188
<i>28 марта 1812 г.</i>	188
<i>4 апреля 1812 г.</i>	188
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 4 апреля 1812 г.</i>	188

<i>П. А. Вяземский — К. Н. Батюшкову. Начало апреля 1812 г.</i>	189
<i>К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. 12 апреля 1812 г.</i>	189
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 2 мая 1812 г.</i>	190
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 5 мая 1812 г.</i>	191
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 9 мая 1812 г.</i>	192
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 10 мая 1812 г.</i>	192
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 16 мая 1812 г.</i>	194
<i>В. Л. Пушкин — Д. Н. Блудову. 23 мая 1812 г.</i>	194
<i>К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. Июнь 1812 г.</i>	196
<i>Из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 20 июня 1812 г.</i>	199
<i>Д. В. Дашков — К. Н. Батюшкову. 12 июля 1812 г.</i>	199
<i>К. Н. Батюшков — Д. В. Дашкову. 9 августа 1812 г.</i>	200
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 29 октября 1812 г.</i>	202
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. Январь 1813 г.</i>	202
<i>К. Н. Батюшков. Певец, или Певцы в Беседе Славено-Россов</i>	203
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Первая половина апреля 1813 г.</i>	209
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 10 июня 1813 г.</i>	209
<i>К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. 30 июня 1813 г.</i>	210
<i>Д. В. Дашков — Д. Н. Блудову. 15/27 октября 1813 г.</i>	211
<i>П. А. Вяземский. Письмо к М. Т. Каченовскому, редактору «Вестника Европы»</i>	215
<i>Приказ Семену Гаврилову</i>	216
<i>Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 19 декабря 1813 г.</i>	217
<i>А. Ф. Воейков — П. А. Вяземскому. 18 января 1814 г.</i>	220
<i>В. А. Жуковский — А. Ф. Воейкову. 20 февраля 1814 г.</i>	220
<i>Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 24 апреля 1814 г.</i>	221
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому. 17 мая 1814 г.</i>	223
<i>Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 25 июня 1814 г.</i>	225
<i>В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. Сентябрь 1814 г.</i>	227
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 10 ноября 1814 г.</i>	228
<i>К. Н. Батюшков — В. А. Жуковскому. 29 декабря 1814 г.</i>	228

«ЛИПЕЦКИЙ ПОТОП»

<i>А. А. Шаховской. Урок кокеткам, или Липецкие воды (Отрывки)</i>	229
<i>А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову. 24 сентября 1815 г.</i>	239
<i>Д. В. Дашков. Венчание Шутовского</i>	240
<i>Письмо к новейшему Аристофану</i>	242
<i>А. Е. Измайлов. «Что на Ж(уковско)го наш Шутовской взбе-</i>	

сился?..»	246
<i>П. А. Вяземский</i> . Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги	246
Письмо с Липецких вод	248
<i>М. Н. Загоскин</i> . Комедия против комедии, или Урок волокитам 〈Отрывок〉	252
<i>Ф. Ф. Вигель (?)</i> . Мнение постороннего	256
<i>А. С. Пушкин</i> . Мои мысли о Шаховском	257

АРЗАМАССКИЕ ДОКУМЕНТЫ

<i>Д. Н. Блудов</i> . Видение в какой-то ограде	261
Протокол организационного заседания 14 октября 1815 г.	265
Достопочтенному Арзамасскому Обществу Безвестных Людей от члена оного Общества Чу!!! Предложение	268
Формула торжественного обещания	269
Достопочтенному Арзамасскому Обществу Безвестных Людей от члена оного Общества Старушки Предложение	270
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому</i> . 19 октября 1815 г.	270
<i>Н. М. Карамзин — А. И. Тургеневу</i> . 20 октября 1815 г.	270
Достопочтенному Ново-Арзамасскому Обществу Безвестных Людей от секретаря оного Общества Светланы Донесение	271
Протокол заседания 22 октября 1815 г.	271
Достопочтенному Ново-Арзамасскому Обществу Безвестных Людей от секретаря оного Общества Светланы Донесение	276
Протокол заседания 29 октября 1815 г.	276
Речь члена Чу	278
Ответ Кассандры на речь члена Чу	281
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому</i> . Конец октября — нача- ло ноября 1815 г.	284
Надгробное слово именитому сотруднику Беседы Р. С. С. П. Ж-ву	284
Ответ Светланы на речь Громобоя	285
На вступление С. П. Жихарева в Арзамас	288
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу</i> . 4 ноября 1815 г.	289
Протокол заседания 11 ноября 1815 г.	290
Речь Светланы	292
<i>К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому</i> . 11 ноября 1815 г.	296
Протокол заседания 18 ноября 1815 г.	297
Речь Кассандры	300
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу</i> . 18 ноября 1815 г.	303
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому</i> . 23 ноября 1815 г.	304
Протокол заседания 25 ноября 1815 г.	304
Речь члена Старушки	307
Ответ члена Чу Старушке	310

<i>Д. В. Дашков — П. А. Вяземскому. 26 ноября 1815 г.</i>	313
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. Декабрь 1815 г.</i>	316
Протокол заседания 16 декабря 1815 г.	316
Речь члена Кассандры	317
Ответ члена Чу Кассандре	321
Протокол заседания 24 декабря 1815 г.	323
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 22 января 1816 г.</i>	324
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Вторая половина января 1816 г.</i>	324
Протокол заседания 24 февраля 1816 г.	325
Речь члена Асмодея	326
Ответ Старушки Асмодею	329
<i>Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной. 22 февраля 1816 г.</i>	331
<i>Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной. 28 февраля 1816 г.</i>	331
<i>Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной. 2 марта 1816 г.</i>	331
Протокол заседания в первой половине марта 1816 г.	331
Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами	333
Речь Резвого Кота члену Вот, стрелявшему в чудище	334
Речь члена Чу при целовании совы при вступлении в Арзамас члена И Вот	335
Речь Кассандры при Липецких водах	337
Речь Асмодея по заключении всех испытаний	339
Собственная речь члена Вот	340
Протокол заседания 15 марта 1816 г.	343
Речь Кассандры в ответ на нечитанную речь Эоловой Арфы	347
Речь, читанная при вручении диплома господину Историографу в конце марта 1816 г.	349
На случай нынешнего Арзамаса	350
Стихи В. Л. Пушкина на рифмы, заданные В. А. Жуковским	350
Стихи В. Л. Пушкина на заданные рифмы	351
От Арзамасского Общества Безвестных Людей почетному и известному историографу всея России господину кавалеру Анны и Славы Карамзину...	352
<i>Н. М. Карамзин — А. И. Тургеневу. 30 марта 1816 г.</i>	352
<i>В. Л. Пушкин. Из дорожных стихов</i>	
Разговор в Ижоре	353
«Почтенные друзья, вас молит староста...»	353
«На нем хоть будь клобук, хоть кивер, хоть кокошник...»	354
«В дороге тягостны ухабы...»	354
«Невинное дитя Шихматов...»	354
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 29 марта 1816 г.</i>	355
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 3 апреля 1816 г.</i>	355
<i>Н. М. Карамзин — А. И. Тургеневу. 13 апреля 1816 г.</i>	356
<i>В. Л. Пушкин — А. С. Пушкину. 17 апреля 1816 г.</i>	356

<i>Д. Н. Блудов — П. А. Вяземскому. 17 апреля 1816 г.</i>	357
Протокол заседания 20 апреля 1816 г.	358
<i>С. П. Жихарев — П. А. Вяземскому. 24 апреля 1816 г.</i>	363
<i>В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому. 26 апреля 1816 г.</i>	364
Письмо В. Л. Пушкина в Арзамас. 23 апреля 1816 г.	364
Предложение члена Чу Московскому Арзамасу 6 мая 1816 г.	365
<i>В. Л. Пушкин. Послание к арзамасцам</i>	367
<i>С. П. Жихарев — П. А. Вяземскому. 22 июля 1816 г.</i>	368
Протокол заседания 10 августа 1816 г.	368
<i>В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. 31 октября 1816 г.</i>	371
Протокол заседания 11 ноября 1816 г.	372
Похвальное слово несравненному писателю нашему Ч. Б. Л. Р. С. — Д. С. С. — С. С. Ф., читанное в Арзамасском Обществе 11 ноября 1816 Пустынником	374
Речь С. С. Уварова при приеме в Арзамас Д. А. Кавелина	376
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 12 ноября 1816 г.</i>	377
<i>Д. А. Кавелин — В. А. Жуковскому. 15 ноября 1816 г.</i>	378
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 30 ноября 1816 г.</i>	378
Протокол заседания 24 декабря 1816 г.	379
Речь В. А. Жуковского при возвращении к обязанностям секретаря Арзамаса	381
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 2 января 1817 г.</i>	384
Протокол заседания 6 января 1817 г.	384
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 11 января 1817 г.</i>	386
Протокол заседания 24 февраля 1817 г.	386
Речь Н. И. Тургенева при вступлении в Арзамас	389
Речь Д. А. Кавелина 24 февраля 1817 г.	392
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 24 февраля 1817 г.</i>	393
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 25 февраля 1817 г.</i>	394
<i>П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 25 февраля 1817 г.</i>	394
Протокол заседания 16 марта 1817 г.	394
Речь Д. В. Дашкова	396
Речь Ф. Ф. Вигеля	400
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 18 марта 1817 г.</i>	402
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 1 апреля 1817 г.</i>	402
Протокол заседания 22 апреля 1817 г.	402
Вступительная речь М. Ф. Орлова	405
Ответ Д. П. Северина М. Ф. Орлову	408
Речь С. П. Жихарева	409
Прощальная речь Д. В. Дашкова	412
Речь Н. И. Тургенева по случаю отъезда Д. В. Дашкова	413
Сонное мнение члена Эоловой Арфы, провозглашенное устами пупка его в исходе 20-го Арзамаса	416
<i>А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому. 23 апреля 1817 г.</i>	420
<i>В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. 1817 г.</i>	420

<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 3 мая 1817 г.</i>	420
Стихотворный отчет В. А. Жуковского. Июнь 1817 г.	420
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 9 июня 1817 г.</i>	426
Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г.	426
Протокол заседания. Начало июля 1817 г.	427
<i>Д. В. Дашков — Арзамасцам</i>	427
Протокол заседания. 14 или 15 июля 1817 г.	427
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 17 июля 1817 г.</i>	428
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 6 августа 1817 г.</i>	428
Протокол заседания. 13 августа 1817 г.	429
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 14 августа 1817 г.</i>	430
Речь Д. Н. Блудова при вступлении в Арзамас К. Н. Батюшкова. 27 августа 1817 г.	430
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 28 августа 1817 г.</i>	432
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 2 сентября 1817 г.</i>	432
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 8 сентября 1817 г.</i>	433
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 18 сентября 1817 г.</i>	433
Прощальная речь В. А. Жуковского на заседании 18 сентября 1817 г.	434
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 20 сентября 1817 г.</i>	435
<i>Н. И. Тургенев. Дневник. 29 сентября 1817 г.</i>	436
2 октября 1817 г.	436
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 5 октября 1817 г.</i>	436
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 14 ноября 1817 г.</i>	436
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 5 декабря 1817 г.</i>	437
Фрагменты несохранившейся речи А. С. Пушкина при вступле- нии в Арзамас	437
В Арзамасское общество б. людей от Члена Старушки Донесе- ние	438
<i>Н. И. Тургенев — С. И. Тургеневу. 25 января 1818 г.</i>	440
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 7 апреля 1818 г.</i>	440
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 17 апреля 1818 г.</i>	440
<i>М. Ф. Орлов — П. А. Вяземскому. 4 мая 1818 г.</i>	440
<i>Н. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 22 мая 1818 г.</i>	441
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 14 октября 1818 г.</i>	441
<i>В. А. Жуковский — И. И. Дмитриеву. 22 ноября 1818 г.</i>	442
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 11 декабря 1818 г.</i>	442
<i>В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому. 23 мая 1819 г.</i>	442
<i>М. Ф. Орлов — П. А. Вяземскому. 22 августа 1819 г.</i>	442
<i>М. Ф. Орлов и А. С. Пушкин — Арзамасцам. 20-е числа сентября 1820 г.</i>	443
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 30 марта 1821 г.</i>	443
<i>А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому. 25 сентября 1823 г.</i>	443

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Законы Арзамасского Общества Безвестных Людей 445

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРЗАМАССКОГО ЖУРНАЛА

Статья П. А. Вяземского... по поводу предполагаемого Арзамас-
ского журнала 459

Журнал 461

Издание 462

Печатание 463

Отрывки, найденные в Арзамасе 463

К о м м е н т а р и и 467

А 80 **«Арзамас»:** Сборник. В 2-х кн. Кн. 1. Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы./ Вступ. статья В. Вацуро; Сост., подгот. текста и коммент. В. Вацуро, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой и др.—М.: Худож. лит., 1994.— 606 с.

ISBN 5-280-00487-1 (Кн. 1)

ISBN 5-280-00488-X

Сборник содержит материалы, связанные с историей литературного кружка «Арзамас», объединявшего писателей пушкинского круга. Протоколы «Арзамаса» в окружении мемуаров участников, их писем, произведений, собранных в первой книге, воссоздают неповторимую атмосферу той среды, которая была для молодого Пушкина своеобразным университетом, во многом определившим его путь в литературе.

А $\frac{4702010106-061}{028(01)-94}$ 1-1993

ББК 84(2Рос=Рус)1

«АРЗАМАС»

Сборник в двух книгах

Книга первая

Редактор
Г. Колосова

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
В. Нефедова

Корректор
М. Чупрова

ИБ № 5307

Издательская лицензия ЛР № 010153 от 27 декабря 1991 г.
Подписано в печать 25.01.94. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага тип.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л.
31,92. Усл. кр.-отт. 31,92. Уч.-изд. л. 34,3. Тираж 10 000 экз.
Изд. № П-3639. Заказ 677. «С»-225. Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП,
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Диапозитивы изготовлены на ГПП «Печатный Двор» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., 15

Кировская областная типография.
610000, г. Киров, Динамовский пр., 4.